

СЛАВЯНСКИЙ
АЛЬМАНАХ

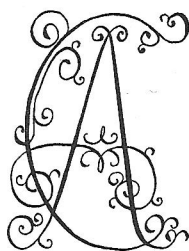

2008

Министерство культуры Российской Федерации
Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский АЛЬМАНАХ

2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2009

УДК 94(367)

ББК 63.3(4)

С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук

К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН

М. А. Робинсон, доктор исторических наук (отв. редактор)

В. А. Хорев, профессор, доктор филологических наук

А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

Ученый секретарь:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2008. — М.: Издательство «Индрик», 2009. — 408 с.

ISSN 2073-5731

Тринадцатый выпуск альманаха предлагает вниманию читателей материалы научной конференции, прошедшей в 2008 г. в Твери, а также Круглых столов и симпозиумов, проводившихся в Твери и Москве. Содержание разделов альманаха составляют статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от эпохи Средневековья до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

© Институт славяноведения РАН, 2009

© Коллектив авторов, 2009

© Издательство «Индрик», 2009

ISSN 2073-5731

От редколлегии

День славянской письменности и культуры ежегодно отмечается в России 24 мая разнообразными мероприятиями. К этому национальному празднику приурочено проведение ежегодной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие» и соответствующих ей Круглых столов.

В 1996–2008 гг. такие конференции проводились в Костроме, Орле, Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Ханты-Мансийске, Коломне. Их материалы составили основное содержание двенадцати выпусков «Славянского альманаха», выходящего в свет раз в год к очередной конференции в мае. Нынешний, тринадцатый выпуск альманаха предлагает вниманию читателей материалы научной конференции, прошедшей в 2008 г. в Твери, а также Круглых столов и симпозиумов, проводившихся в Твери и Москве, на которых обсуждались актуальные проблемы истории, литературы, культуры и языка славянских народов. В альманахе помещены также статьи, близкие по проблематике к проводившимся научным мероприятиям.

Альманах имеет сложившуюся структуру и состоит из следующих разделов: «Пленарное заседание», «История», «История культуры», «Языкознание», «Публикации», «Рецензии», «Хроника». Мы надеемся, что ежегодное издание «Славянского альманаха» будет способствовать не только дальнейшему изучению, но и распространению знаний о славянском мире.

Н. Н. Запольская
(Москва)

Графико-орфографические представления Крижанича

Славянская лингвистическая рефлексия XVII в. была мотивирована концепциями духовного универсализма, имевшими разное смысловое наполнение и разную лингвистическую реализацию в славянском мире.

В культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa*, сохранившем «чистоту» веры и устойчивое бытование церковнославянского языка как «общего» литургического и книжного языка православного славянства, наблюдалось движение от концепции православного изоляционизма к концепции православного (греко-славянского) универсализма. В Московской Руси понимание необходимости поддержания *правильности* «сло/авенского», т. е. *церковнославянского языка*, обусловило распространение грамматических сочинений, прежде всего исправление и издание в 1648 г. грамматики Мелетия Смотрицкого («Грамматіки Славѣнскѣи прѣвѣльное Сѣнтѣтагма» 1619 г.), а также проведение книжной sprawy, демонстрировавшей концептуально мотивированное движение от воспроизведения «своей» славянской языковой традиции до буквального следования греческим языковым образцам (см. подробно: Запольская 2003, 45–96; 2003а).

В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* реализовалась концепция христианского универсализма, поскольку в системе мыслимого Римом конфессионального подчинения «греческого» мира «латинскому» важнейшим этапом являлось возвращение славян к единству по вере. Проведение «глобальной Унии», фрагментом которой являлась Брестская уния, требовало единообразия славянских церковных книг, которые должны были быть написаны не только на *правильном*, но и на *понятном* церковнославянском языке. По поручению Конгрегации пропаганды святой веры в 40-х гг. XVII в. в Риме хорватским монахом Рафаелем Леваковичем была предпринята книжная справа хорватских глаголических богослужебных книгопоюго-западнорусскимцерковнославянскимтекстам, ориентированным на бытование в условиях унии (см.: Будилович 1892, 158–159; Толстой 1998, 371). Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал иезуитский миссионер, также хорват по национальности, Юрий Крижанич, который, осуществляя свою миссионерскую деятельность в Московской Руси, написал лингвистические трактаты — «Обѣяснѣнїе въвѣдно о писмѣ Славѣнском» 1660–1661 гг. (далее — Об.), и «Грамматічно изказанїе об

рѣском језику» 1666 г. (далее — ГИ). Согласно сложившейся традиции изучения филологических сочинений Крижанича, хорватский книжник пытался осуществить реформу славянского письма, объединив элементы кириллицы и латиницы, а также предложил план создания «общего» славянского языка на основе русского, хорватского и церковнославянского языков (см. подробно: Экман 1963). Подчеркивая несостоятельность идеи создания «общего» славянского языка, исследователи характеризовали Крижанича не только как «вдохновенного проповедника славянского объединения XVII века», но и как «даровитого неудачника и мученика своих благородных увлечений» (Ягич 1910, 33). Одной из веских причин такой характеристики служит недостаточное внимание исследователей к лингвистической и экстралингвистической мотивации замысла Крижанича и, как следствие, различение языка, являвшегося предметом его лингвистической рефлексии, и языка, на котором он писал многие свои сочинения, а также несоотнесенность его графико-орфографических и грамматических опытов. В этой связи представляется необходимым, основываясь на знании культурно-языковых доминант XVII в., реконструировать лингвистическую рефлексию Крижанича, выявляя ее концептуальную направленность и сопоставляя задачи «реформирования» письма и задачи «реформирования» языка.

Отправной точкой для реконструкции концептуально направленной рефлексии Крижанича является его собственное обоснование своей будущей миссионерской деятельности в Московской Руси, которую он осмыслял как принципиально просветительскую: «Я считаю москвитян не за еретиков или схизматиков (так как их схизма происходит не из настоящего корня схизмы, не из гордыни, а из невежества), я считаю их за христиан, введенных в заблуждение по простоте душевной... и потому я полагаю, что отправиться для собеседования с ними не значит еще идти проповедовать веру (какое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещевать их добродетели, к наукам и искусствам, по введении каких было бы уже более легким делом указать им заблуждение и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения» (Белокуров 1903, 116). Поскольку в деле просвещения «не следовало пренебрегать низшими из свободных наук», Крижанич, ссылаясь на авторитет Блаженного Иеронима, предполагал начать именно с «грамматики», желая «полезно дело сотворит» «ко исправлѣнїѣ језика»: «Граматично радїице бїт потрїбно... како влѣжени Јероним велїт: Несподобитсе возгордѣат мѣлих вещьѣ, без коьних велики обстојат немогѣт» (ГИ, V).

Возможность осуществления просветительской программы была определена, по свидетельству самого Крижанича, его достаточной языковой компетенцией, позволявшей ему служить «по части языков латинского, итальянского, испанского, хорватского, немецкого и греческого» (Белокуров 1903, 121).

Характер и объем языковой компетенции Крижанича определяли характер и объем его метаязыковой компетенции. Овладение в процессе формального обучения языками как «грамматикой», т. е. системой алгоритмических правил, позволяло Крижаничу структурировать любой языковой материал, а непосредственная включенность в языковую ситуацию Западной Европы мотивировала не только знание лингвистических концепций (*Questione della lingua*), но и возможность распространения концептуализирующей лингвистической мысли на языковую ситуацию Московской Руси. В силу этого свое «*граматично радѣнїе*» Крижанич рассматривал в рамках общеевропейского филологического процесса XVI–XVII вв., ссылаясь на авторитет Ж. Скалигера (**Julii Caesaris Scaligeri «De causis linguae Latinae libri Tredicim»*), А. Мекерхуса (**Adolphii Mekerchi Brugensis «De veteri et recta pronuntiatooone linguae Graecae commentarius»*) и Г. Кнапского (**Сnapius «Thesaurus polonolatinograecus»*): «*преже нас овличїшиа, Скалигер, Мекерхус, и ѣни Крїтици Јан Граматически разсѣдници... Ј Кнапскнь Григѣрзь...*» (Об., 72).

Желание и готовность Крижанича служить делу просвещения нашло в Московской Руси государственную поддержку, поскольку вторая половина XVII в. являлась временем последовательной и систематической языковой нормализации: намерение Крижанича составить «*крдѣток список о праведном писаньи... Граматикѣ да Лексикон*» (Об., 2) совпало с «государевым повелением» «*Алфавит истинны<й> славянскаго јазика составить и граматикѣ изправитѣ*» (Белокуров 1902, 177). Таким образом, в культурно-языковом пространстве Московской Руси Крижанич мог мыслить свои лингвистические труды только как «*исправление грамматики*» *церковнославянского языка*, т. е. он «исправлял» грамматику Смотрицкого подобно тому, как эту же грамматику до него «исправляли» и готовили к печати московские справщики Иван Наседка и Михаил Рогов (см. подробно: Schuttrumpf 1978; Запольская 1998; 2003, 183–212).

Понимание позиции Крижанича в культурно-языковом контексте Московской Руси второй половины XVII в. позволяет утверждать, что предметом его лингвистических размышлений являлся *церковнославянский язык*, понимаемый им как «общий» литургический и книжный славянский язык, — «*језик наш сѣь, коьим мѣ книги пишем и бѣжїе слѣжбї отпавльајем*» (ГИ, I). При этом книжный язык, т. е. язык-объект, структурно и функционально отличался от языка повседневного общения, выступавшего в роли метаязыка, на что Крижанич специально указал в предисловии к грамматике. Хорватский книжник пытался писать «общим» языком, т. е. употреблять по мере возможности общие славянские грамматические формы, чтобы достичь большего понимания своих идей в славянском мире: «*просѣдїа јесем... говорит (вѣдѣто овцим нїкоьим језиком) дави от всїхъ вїао разѣмьленѣ. Страншцини во овди никаковиже*

ни́ст ни въ ричѣх ни въ составляе́нїю веси́дн. А претвѣрни и заверша́нїа ричем тако́ва избра́х, ко́ја сѣтъ общенїїа, и́лнѣи вно́жим на́шим отми́нам обѣ́чна» (ГИ, 0). Однако он не настаивал на подобном «общем» употреблении, а наоборот, рекомендовал носителям разных славянских языков использовать для устного и письменного повседневного общения язык по своему выбору: «А вса́кнѣ па́к да говорѣ́тъ и пи́шетъ, ка́ко ли́плѣ вѣ́тъ сѣ́дитъ» (ГИ, 0).

Характер лингвистической рефлексии Крижанича над церковнославянским языком был задан гуманистической филологической традицией, согласно которой функциональная ценность языка определялась его позицией в функционально-генетической иерархии языков, а формальное «достоинство» связывалось с его филологической обработанностью.

В соответствии с филологической традицией Крижанич обратился в первую очередь к функционально-генетическим параметрам славянских языков, поскольку именно функционально-генетический порядок определял для любого языка «свое» место в бытии и истории. В качестве источника славянских языков Крижанич рассматривал русский язык, генетическое главенство которого не требовало, по мнению Крижанича, доказательств, поскольку являлось фактом классического исторического знания, продолженного новой исторической наукой: «...наи́ста́рїе, и остѣ́лнѣи всѣ́м зачѣ́лно јестъ љѣ́дство и јѣ́ме Рѣ́ско: и сѣ́ једѣ́но давнѣ́ишнѣи Грѣ́скѣи и Рѣ́мскѣи пи́сатѣ́льем јестъ вѣ́ло по́знано и чтѣ́тсе въ стѣ́рихъ кнѣ́игахъ на́пи́сано» (ГИ, I). Генетическая значимость русского языка поддерживалась его функциональной значимостью, поскольку автохтонная авторитетная государственная власть в Московской Руси определяла ситуацию, при которой все государственные дела оформлялись на «своем» языке: «дома́шнѣи језѣ́ком вѣ́ва́ѣтъ отпѣ́вѣ́ана» (ГИ, IV). «Самовла́дство» в Московской Руси обеспечило государственную защиту «своего» языка и создало условия для того, чтобы окончательно «стереть плесень древней дикости» и «научиться наукам», на что указывали, по свидетельству Крижанича, все западные политики и историки XVI–XVII вв., являвшиеся приверженцами «римской веры, а не лютерово́й ереси» (*Herberstein S. «Rerum Moscoviticarum Commentarii» 1549; Pernisteri «Relatio de Magno Moscoviae Principe». 1579; Possevino A. «Moscovia», 1586; Giovio P. «Libellus de Legatione Basilii magni... ad Clementem» VII, 1525): «Герберштейн, Пернштейн, Поссевино и Джовио были людьми римской веры» (Крижанич 1997, 137, 184–185).

Осмысление функционально-генетических параметров славянских языков позволило Крижаничу построить иерархическую схему, указывающую на бесспорное генетическое и функциональное главенство русского языка:

Русский язык:

«Рѣско плѣме и ѿме јест остѧлним всѧм вершѧна и коренѧка... Ј сице не Рѣска отмиѧа Словѧнскије отминѧ плѧд: него Словѧнска, и Чѣска, и Лѣска отмиѧа, јесѧт Рѣскаго језѧка отрѧдки»,

«славно Рѣско господѧрство ... а гдѧ јест кральѣствовено дѧло, и народно законостѧвје, во својем језѧкѣ ѡстројено: тамо језѧк обивѧјет бит обивѧннѧ, и ѧт дне творѧтсе стројнѧнѧ»,

Хорватский язык и сербский язык:

«Сѣрвѧли и Хервѧти сѧт изгѡбили своѡ дѣдинскѡ бесѧдѡ ... али пак то не везди во ѡјездѡ Дѡвоца и Озѧа и Рѧвѧника остроѧгов... сохранило се јест Хервѧтско и Сѣрвско больѧрство, ј кѡлико јест још доселѧ остѧло стѧрого зачѧлногѧ и чистогѧ изрикѧнѧ...».

Чешский язык:

«ѡ Чѣхов језѧк немѧло закальѧн».

Польский язык:

«ѡ Лѣхов половиѧа рѧчѣв јест ѧт ѧних разнѧтих језѧков примѧшена».

Болгарский язык:

«ѡ Болгѧр ѧѧст чесо искѧт: тако во тамо језѧк јест изгѡбльѧн, да мѡ јѣдва слѧд остѧјет» (ГИ, II–III).

Исторически мотивированное генетическое и функциональное превосходство русского языка поддерживалось, по мнению Крижанича, собственно лингвистическими характеристиками, указывающими на близость именно русского языка к «общему» славянскому книжному языку: «сѣв кнѧѧннѧ језѧк вѧногѧ подѡбнѧннѧ јест днѧшнѧев Рѣскоѡ ѡбщѧннѡв, неже којѣнѧвѡд Словѧнскоѡ отминѧе» (ГИ, II).

Динамика взглядов Крижанича на «общий» славянский книжный язык проявилась в отказе от использованного им в трактате названия «словѧнскиѧ» язык, наряду с названием «словѧнскоѧ» письмо, в пользу названия «рѣскиѧ» язык, которое он обосновал в предисловии к грамматике, исходя из идеи идентификации славянских локальных языков как вариантов одного языка: «сѣв језѧк коѡним кнѧѧѧи пѧшем... Рѣскиѧ Кнѧѧннѧ... Рѣско плѣме и ѿме јест остѧлним всѧм вершѧна и коренѧка... Ј потомѡ, когда хѡщем ѡвщѧм ѧменѧм ѡвѧт... всѧх језѧчѧннѧх отминѧ: неспѡдѡбѧтсе бѧх звѧт ѧвѧчѧннѧм Словѧнскиѧм, него пѧче предѧвнѧм Рѣскиѧм ѧменѧм» (ГИ, II).

Следуя гуманистическим филологическим принципам, Крижанич утверждал, что формально-семантическое «достоинство» любого языка могло быть приобретено только посредством проведения последовательной филологической «обработки»: «Нѧјѣден јязѧк не вѧѧаше ѧзѧкѧи вѧѧка, и тѡтѧже на своѡм почѧткѣ совершѧн. Ј ѧѧколиже не ѡстѧнет јязѧк сѣв слѧчен, стрѡјен, и кѡ рѧзѡмѧномѡ коѡмѡ пѧсанѧѧу и говѡренѧѧу пригѡден, доколигѡд не истѧжѧѧтсе» (Об, 1). В отличие от классических языков «общий» славянский книжный язык, как и славянское письмо, по мнению Крижанича, не являлись пред-

метом постоянного лингвистического внимания и получили филологическую «обработку» только в грамматике Смотрицкого: «*письмо наше*», как и язык, «*от своего постанка никогдаже (развѣ от едѣннаго Смотрицкого) нѣтъ бѣло на разсуженїе възятѣ*» (Об., 1). Соглашаясь признать лингвистическое усердие Смотрицкого, Крижанич отрицал концептуальные основы его грамматики, определявшей *правильность* церковнославянского языка и письма по подобию греческого языка и письма: «*Мелѣтъ Смотрицкскы дьларадн своѣго трѣдольѣвѣа, и дьла печѣлности, коѣѣ jest носил про общенѣ ползѣ, пѣшѣц Граматикѣ, достѣен jest пѣмети и вногїе хвалї: и бѣл ви доспїл вѣщи народѣ посѣбниѣ, дави се нѣвил соблазнїл по обзорѣ на Грѣцскїе превѣди: и дави нѣвил захотїл нашѣго језїка на Грѣцскїе и на Латїнскїе ѣзѣри претварѣат. Всѣкнѣ во језїк јмѣјет своја властїта прѣвила, разнїта от јнїх: и неможѣтсе по јного језїка ѣзѣрѣх нїлнн прѣвилѣх изправлѣат*» (ГИ, IV–V). По мнению Крижанича, несовершенство славянского книжного языка и письма было обусловлено, во-первых, влиянием греческого языка и письма, а во-вторых, происходившими во времени и в пространстве изменениями самого славянского языка и письма: «*Рѣскнѣ Кнїжннѣ, нлн Прѣводнчскнѣ језїк... jest мѣшанїна изъ Грѣцеского да Рѣского дрѣвнѣего*» (Об., IV), «*пїсмо наше, на прїлїкѣ Грѣцеского бїтн измїшльено, и нѣ во всѣм прїгоѣе къ нашѣе вѣсѣдѣ ѣтворенѣ*» (Об., 2), «*А после тоѣ Бѣлорѣцци прїтисковѣнн Библїнн, Лексїкѣна, Граматїки и ннх пїсем много прѣмѣнѣнїе ѣчнншя и новїнн размѣнїтн внмїслншя...*» (Об., 3). Соответственно, свою задачу Крижанич видел в том, чтобы способствовать «*изправлѣнїѣ, изтежѣнїѣ, и совершѣнїѣ језїка*»: «*Овї ѣво вснїѣ прїчїнн јѣ вногѣкрѣт размншльѣѣщн и просѣдѣѣѣщн, јѣжѣ давнїѣ от двѣдѣсетн лїт, начѣл јесем дѣмѣт и трѣдїтсе въ језїка изправлѣнїѣ*» (ГИ, IV–V).

Содержанием процесса, определенного Крижаничем как «*граматїчно радїнїе*», должен был стать отбор языковых элементов, направленный на достижение славянским книжным языком и славянским письмом *правильности* и *понятности*, оправданных с точки зрения происхождения («*Всѣкнѣ во језїк јмѣјет своја властїта прѣвила, разнїта от јннх и неможѣтсе по јного језїка ѣзѣрѣх нїлнн прѣвилѣх изправлѣат*» ГИ, V) и употребления (элементы «*повѣдннѣм обнѣчѣем ѣкрѣплѣени*», «*по нїѣжѣ и сѣ разѣѣмом чннїят разлѣченїе*» Об., 35, 51). В соответствии с данными установками элиминации подвергались языковые элементы, рассматриваемые Крижаничем как заимствования (прежде всего грецизмы — «*обѣзѣанство по обзорѣ на Грѣцскнѣ језїк*»), как неупотребительные элементы («*нїт въ рѣботѣ нн во ѣжїванн*»), и как употребительные, но порождающие формальную избыточность («*по извїткѣ*») или формальную недостаточность («*неизразѣмнн*»).

Филологическая работа над «общим» славянским книжным языком и письмом требовала межъязыкового сопоставительного контекста: данные

«русского» книжного языка и русского разговорного языка представлялись в сопоставлении с данными других славянских языков, прежде всего хорватского и польского, которые, по мнению Крижанича как носителя хорватского языка, являли полные пути развития, поскольку хорватский язык сохранял «*стáроје зачáлноје и чистóје изрикáнје*», а в польском, наоборот, «*половина ричѣъ јестъ от ѿнихъ разнигѣихъ језикув примѣшена*» (ГИ, III).

Необходимое «*граматично радѣнје*» мыслилось Крижаничем как постепенный процесс нормализации и кодификации языкового материала: анализ — «*објаснѣнје*» («*потрѣбно бѣаше о всáкоем прѣврáтѣ ѿзвóдно докáзати: отъ когó, кáко и зáшто бѣ ѿчиньен сѣ прѣврáтѣ*»), критика — «*облáченје*», кодификация — «*кратка правила*» (Об., I–II, VI).

Включение лингвистической рефлексии Крижанича в культурно-языковой контекст Московской Руси началось с критики славянской графико-орфографической системы, кодифицированной в грамматике Смотрицкого: размышления хорватского книжника о славянском письме сначала получили выражение в орфографическом трактате, а затем в соответствующем разделе грамматики (см.: Еекман 1967, 18–29; Schuttrumpf 1978). Обращение Крижанича в первую очередь к графико-орфографической системе было обусловлено тем, что именно графика и орфография всегда являются средством выражения национальной (этнической), конфессиональной и политической идентификации. Принципиальные различия идеологических установок Смотрицкого и Крижанича проявились именно в отношении к славянскому письму, поскольку Смотрицкий, поддерживая ориентацию славянского письма на греческие модели, проводил идею только православного единства, а Крижанич, выступая за возможность равного соотношения славянского письма не только с греческим, но и с латинским письмом, проводил идею христианского единства.

Осуществляя критический разбор славянской графико-орфографической системы, Крижанич следовал универсальной схеме, которая предполагает рассмотрение базисных соответствий букв (графем) и звуков (фонем) и рассмотрение дополнительных ограничений, позволяющих преодолеть избыточность (полиграфемность) и/или недостаточность (полифоничность) базисных соответствий. Полиграфемность, т. е. возможность обозначения одной и той же фонемы или дифференциального признака фонемы разными графемами, может либо сниматься посредством выбора одной графемы, либо ограничиваться посредством введения принципа формальной или семантической дистрибуции. Полифоничность, т. е. возможность обозначения одной графемой разных фонем, также может либо сниматься посредством придания графеме только одного фонетического содержания, либо ограничиваться посредством введения принципа формальной дистрибуции. Разные варианты ограничения полиграфемности и полифоничности являют собой разные орфографические правила.

Рассматривая базисные соответствия славянского письма, Крижанич обратил особое внимание на буквы **ѣ, ѡ, щ**, фонетическое содержание которых по-разному воспринималось носителями разных славянских языков:

«ѣ Харвѣтом смѡгает И: Сѣрвом Ие; Рѣсом Ие, льѣво С: а Лѣхом размаѣто Ја, Ѧ, С, Ие...

Ѧ, Рѣсом смѡгает Ја: Задѣнѣцем С: Лѣхом ИСН...

Зѣтоже, гдѣколи се нахѡдит таково размаѣто и незгѡдно изговѣранје: тѡмо се слѣшно пишет Ѧ, да ѣ» (Об., 32–33),

«Рѣси Щ зовѣт ШЧѦ... Ѧ чтѣт Шч... Лѣхи вѣздѣ једнѡко съ Рѣсми изговѣрајѣт...рѣзвѣ гдѣ Нѣмци прѣмѡнѣшия ѣзгѡвор въ Ц... Сѣрви Щ зовѣт ШТАѦ а изговѣрајѣт вѣдѣто Тѣ... Хорвѣти Щ зовѣт ЧѦѦ... Ѧ чтѣт Чѣ.. Мѡгли вѣсмо обѣјтѣсе вез Щ: мѡгѣщи јего глѡс совершено виразѣти чертѣнами Чѣ, јѡн Шч. Ѧли једнѡкоже оврѣтенѡ и ѣстѡвѣљена јест чертѣна Щ: једно зѣто, да се тончѣна Т въ нѣѣ прѣмѣњѡет: дрѣго зѣто, да се згѡдно пишет Щ, въ таковоѣх складѣѣх, гдѣ крѣто незгѡдно и рѣзлично бѣвает изрѣчѣње; кѡкот, Нощ, изглѡшајѣт сѣце, Нѡшч, Нѡц, Нѡтъ, Нѡчь» (Об., 82–84).

Особое внимание Крижанич обратил на букву **ы**, которую он считал лигатурой, передающей сочетание звуков [ji]. С позиции носителя хорватского языка Крижанич отрицал существование особого гласного звука, для которого поляки использовали в латинице букву *y*, а русские в кириллице букву **ы**: «**Ы** Ови двѣ чертѣни ы, по своем пѣрвом ѣстѡвѣљенјѣ, творѣт ѣѣа склад. Ѧ Бѣлорѣси почѣтајѣт, ы, за чѣстѣ простѣ гласнѣцѣ... Того шѣстого глѡса въ јѡзѣцѣ нашѣм отнѣѣд нѣт, и вѣти немѡжет. Ѧвовѣм Харвѣти, Сѣрви, Болгѡрје, и Чѣхи, о немѣ невѣдѣт, ни въ бесѣдѣ, ни пѣсмѣ. Ѧ ѣ Лѣхов, хѡщѣти въ пѣсмѣ нахѡдитсе рѣчѣнаја рѣзност, да јндѣ пишѣт Ј, јндѣ У једнѡкоже вѣд въ бесѣдѣ, кто опѡсно послѣшает, никѡкоже необлѣчит јнее рѣзности, развѣ што, Ј, пишѣтсе тѡмо, гдѣ јест трѣѡа прѣдѣдѣщѣјѣ негласнѣцѣ одѣвѣѡнт, У пишѣтсе, гдѣ нѣт одѣвѣљѣнја... Тѡже се дѣет и ѣ Рѣсов вѣд на Вѣлѡков, вѣд на Мѡлов, и Бѣлов Рѣси и межѣ И да Ы, нѣт јнее рѣзности опрѡ ошѣљѣнја и отѡчѣнја је негласнѣцѣ» (Об., 12, 50–51).

Стремясь к совершенству славянского письма, степень которого определялась для Крижанича степенью однозначного соответствия между звуками и буквами, он выступал за снятие полиграфемности, прежде всего полиграфемности, мотивированной влиянием греческого письма.

Предложенные Крижаничем изменения в составе славянского письма в первую очередь проявились в исключении кодифицированных Смотрицким греческих букв **ξ, ψ, ϕ, ι**, употребление которых приводило к написанию гречизмов в соответствии с греческим правописанием:

Смотрицкий «Грамматѣи Славѣнскихъ правиланое Сѣнтагма»	Крижанич «Обяснѣнїе вѣводно о писмѣ Славѣнскомъ»
<p>«ѣ, џ, ѡ, Ѡ Грѣческихъ согласныхъ, Грѣческихъ дѣла, и нѣконѣ Еврейскихъ и Латинскихъ реченїи взаимована сѣт...»</p> <p>«и, Грѣческимъ точїю реченїемъ ѣсть прикладано...» (л. 11 об.)</p>	<p>«Мѣсто ѡ пиши Т, ѡ-ѡдворос, Теѡдор. Мѣсто ѣ, пиши КѢ, Алѣксїос, Алексѣй. Мѣсто џ, пиши ПѢ, џалмос, Псалом. Мѣсто и пиши И, Кѣрїалос, Кирилъ» (97)</p>

Следствием исключения буквы *v* явилось исключение и диграфа *ou* (=oi): «Всакоју во мѣроју, бездѣлно вѣтг чинїтсе, за једнѣ простѣ гласницѣ у льѣво за једен прѡдст глас писат двѣ чертїнѣ, oi» (Об., 8).

Точечное совпадение взглядов Смотрицкого и Крижанича выразилось лишь в исключении буквы *S*: «Славѣнскомъ ѣзыкѣ ѣзлишное» (ГС, л. 12) = «Мѣсто S, стави З Sѣло, Зѣло» (Об., 97).

Руководствуясь идеей самодостаточности славянского письма не только в отношении графики, но и в отношении орфографии, Крижанич выступал и против орфографических правил, возникших под греческим влиянием. Прежде всего, Крижанич возражал против кодифицированного Смотрицким принципа семантической дистрибуции дублетных букв, посредством которой снималась грамматическая омонимия. Особое внимание Смотрицкий уделял омонимии по числу, поскольку в грамматико-риторической традиции классических языков непременным признаком правильности языка считалось «правильное обозначение множественного и единственного числа» (Аверинцев 1996, 385). Основным орфографическим средством снятия числовой омонимии являлись дублетные буквы *o*, *e*, *ŭ/w*, *ѡ*, *ou* и *ь*, *и*, *а/ъ*, *ы*, *ѧ* (после непарных *t* и *t'*), которые наделялись смысловозначительными функциями. Использование орфографического способа для разрешения числовой омонимии было мотивировано ориентацией на греческую модель, в рамках которой буквы *o/w* маркировали формы единственного и множественного числа (см. подробно: Успенский 2002, 326–328). Экстраполирование данного принципа дифференциации грамматических омонимов на славянский материал привело к расширению состава противопоставленных букв и к расширению возможностей их употребления, поскольку славянские книжники реализовали дистрибуцию не только во флексиях, но и в основах, особенно при невозможности дистрибуции во флексиях. Смотрицкий предлагал различать формы единственного и множественного числа имен посредством дублетных букв: *o//w* (И. ед. // Р. мн. суш. м. р.; Т. ед. // Д. мн. суш. м. и. ср. р.) *e//ѡ* (И. ед. // Р. мн. суш. м. р.; Т. ед. // Д. мн. суш. м. и. ср. р.), *и//ѣ* после непарных *t* и *t'* (Р. ед. // И.-В. мн. прилагательных

ж.р.), **н//ы** после непарных **t** и **t'** (Т. ед. // Д. мн. ч. причастий м. и. ср. р.), **ъ//ь** после непарных **t** и **t'** (И. ед. // Р. мн. прилагательных м. р.).

Крижанич отвергал кодифицированный Смотрицким орфографический способ снятия омонимии, поскольку, во-первых, он был ориентирован на греческое письмо, а во-вторых, приводил к нарушению графического облика слова, так как в середине и в конце слова допускались прописные буквы:

Смотрицкий Грамматѣки Славенскѣи правианое Ѣвнѣтагма	Крижанич Обяснѣнѣе вѣводно о писмѣ Славѣнском
<p>«Ѣ, и Ѣ, различествуютъ: ѡво^м ѡ в подобны^х падеже^х множественны^х, ѡно^м же Единстве^нны^х слѡжащ^х: ѡ^кв, той клеверетъ, тѣхъ клеверѣтъ: той творе^н, тѣхъ творѣн^н: тѣ^н творце^н, ты^н творѣн^н: тѣ^н мравѣн^н, ты^н мравѣн^н... Тожде хранимо естъ различіе междѡ о, и ѡ: ѡно^м Единстве^нны^х, ѡво^м множестве^нны^х слѡжащ^х: ѡ^кв, тѣ^н члѣком, ты^н члѣкомъ: тѣ^нмъ воино^н, ты^н воини^н: и про^н» (л. 9 об.–10)</p>	<p>«...уставиша правило, да въ единичнихъ падежѣхъ пишется Ѣ да о, а во множиннихъ Ѣ да ѡ... Предъ единичн^н чловѣкомъ. Ко тримъ чловѣкомъ. Обаче и то вѣше излишна печалъ. Лвовѣмъ ч Грѣковъ очиниства јестъ потрѣба и причина... различно во јестъ провлечѣнѣе гласа, оно кратко, ово долго. Ч насъ пактѣе разности нѣтъ, въ таковихъ мѣстѣхъ. А къ тому јеще питаемъ: чѣмъ Невелѣятъ во множиннихъ падежѣхъ поттомъ же писатъ великого Ѣ, да великого И? Јавно, чају, поста: како и правило то јестъ бездѣлно и писмо постаѣтъ неслѣчно; аще настанемъ, межѡ Дровницами писатъ Грѣвници: то јестъ, Грѣвнѣ чертнини межѡ Дрѣвними въ срѣдинѣ рѣчѣе» (12)</p>

Отказ от семантического принципа дистрибуции дублетных букв мотивировал исключение букв **Ѣ**, **ѡ** и, как следствие, исключение лигатуры **Ѣ**: «хѣдо... пишется **Ѣ**» (Об., 31), «Мѣсто ѡ пиши о, Нѣквн, Нѣкон» (Об., 97), «...нијединоју мѣроју неведѣтсе писат ѡ и најпаче сего словца, ѡт...» (Об., 9).

Полифоничность, в отличие от полиграфемности, воспринималась Крижаничем как некоторое достоинство славянского письма, поскольку именно полифоничность задавала дистанцию между славянским языком и письмом и греческим языком и письмом. По мнению Крижанича, полифоничность была присуща букве **ї**, которая выполняла в славянском письме две функции, выступая как выражение гласного звука [i] и согласного звука [j]: «Гласница, **ї**... чъ нѣихъ (Грѣковъ) не преходитъ въ негласницу; а чъ насъ преходитъ» (Об., 5–6). Сопоставительные контексты, в которых рассматривалась полифоничность буквы **ї**, не совпадали в трактате и в грамматике: в трактате Крижанич отмечал, что двойное фонетическое содержание буквы **ї** являет не только пример различия между славянским и греческим письмом, но и пример сходства славянского и латинского пись-

ма, тогда как в грамматике сопоставление с латинским письмом было опущено, что свидетельствовало о динамике адаптации Крижанича в культурно-языковых условиях Московской Руси:

Обяснѣнїе вѣводно о писмѣ Гловѣнском	Грамаѣчно изказанїе об рѣском језикѣ
«въ <i>нашем</i> , какоти и въ <i>Латинском писмѣ</i> , јест черѣтна двоесѣлна <i>Ј</i> , јногда во јест гласница: <i>какот</i> , <i>Јстина</i> , јногда негласница: <i>какот</i> , <i>Јајце</i> » (13)	<i>Јота</i> ъ <i>Греков</i> всегда јест гласница: а ъ <i>нас</i> она нѣгда гласница: <i>какот</i> , <i>Јме</i> , <i>Јскра</i> , <i>Јстина</i> , а нѣгде негласница: <i>кѣт</i> , <i>Јама</i> , <i>Јагода</i> » (213)

Стремясь развести функции буквы *ї*, Крижанич предлагал и разные варианты ее названий: в трактате он называл «согласную» букву *Ја*, а в грамматике «согласная» буква получала название *Јод*, а «гласная» буква стала называться *Јхота*:

Обяснѣнїе вѣводно о писмѣ Гловѣнском	Грамаѣчно изказанїе об рѣском језикѣ
« <i>Мнѣ</i> , ради разлѣченїа (когда јест негласница) <i>хощем</i> ју називат <i>Ја</i> » (13)	«Когда јест негласница, зовѣм јѣ <i>Јод</i> а когда јест гласница, зовѣм јѣ <i>Јхота</i> : дѣ ради лѣгльего разлѣнїа» (213)

Особо следует отметить, что буква *ї* употреблялась Крижаничем в двух начертаниях «*ї*» и «*ј*», причем вариант *ј* был более приемлем в условиях скорописи: «Гласница *ї*...» (Об, 5) = «черѣтна двоесѣлна *Ј*» (Об., 13). Предпочтение, отданное Крижаничем варианту *ј*, обусловило традиционное мнение, согласно которому Крижанич «внес *Ј* в русское правописание, был своего рода предшественником Вука Караджича» (Ягич, 1910, 33), «первым интегратором славянского письма» (Мечковская 1998, 22). Однако Крижанич не мог сознательно вводить *Ј* как латинскую букву, поскольку, во-первых, концептуальное введение в кириллицу элементов латиницы было невозможно в культурно-языковых условиях Московской Руси, во-вторых, Крижанич указал на традицию латинского письма, в которой *одна* буква передавала и гласный звук [i], и согласный звук [j], а не предлагал использовать букву *ї* для [i], а букву *ј* для [j] по модели гуманистического письма, в-третьих, Крижанич утверждал, что, несмотря на совершенство латинского письма, славяне не могут заимствовать латинские буквы или тип почерка, поскольку славянское письмо в своей основе греческое: «*Мнѣ* поколи *Греческо писмо Прїяхом*, *Латинского* во створѣх и *лицѣх* *виражат* *неможем*» (Об., 95). В целях более точного описания и верной интерпретации графико-орфографических предложений Крижанича можно предложить

обозначать букву *ї* как набор графических вариантов — *ї (= j)* (* при печатном воспроизведении текстов Крижанича по традиции можно использовать букву *j*).

Буква *ї (= j)*, выражая гласный звук [i], вступала в конкурентные отношения с буквой *и*, что вызывало необходимость либо устранить одну из букв, либо дифференцировать их употребление: «**Ови двѣ чертїни, j, да и, въ нашемъ язїицѣ, сѣтъ во всѣмъ једнакосїлнн и мѳгли бисмо једнѣ кїјїлнбѣд заврѣчь, и дрѣгнє самѣе јжїват... Дливѣд, поколи ободѣвъ повсѣднїмъ обнїчајемъ сѣтъ јкрѣплени мѳжемъ ѣнхъ јчинївши межѣ нїими разлїчїе безъ смѣтнїи, и пѳлезно јжїват**» (Об., 17). Стремясь сохранить полифоничность буквы *ї (= j)* и учитывая употребительность обеих букв, Крижанич сформулировал правило, по которому буква *ї (= j)* употреблялась в начале слова перед согласными, а буква *и* — в середине и в конце слова после согласных. Дополнительное правило касалось лишь союза *и*, а также предлога/приставки *из*, которые в «строчном» варианте оформлялись посредством буквы *и*, а в «прописном» варианте — посредством буквы *J*. Предложенное Крижаничем правило должно было заменить «грекоориентированное» правило, представленное в грамматике Смотрицкого, по которому буква *ї* употреблялась перед гласными, а буква *и* во всех остальных позициях (см. подробно: Успенский 2002, 310):

Смотрицкий Грамматїки Блаженсїи правилное Бѣнѣтагма	Крижанич Објаснѣнїе вїводно о пїсмѣ Словѣнском
« ї : ни начинаѣти реченїа ни ко ^м чи-ти: (ра ^з въ реченїи странны ^х , їакъ, Іппархъ) но всаки ^м того ^м де реченїа гласна по не ^м начинающи ^м слогѣ ^м припрѣгати ^с : їакъ, блгїи... Согласнѣ же по не ^м слогѣ начинающѣ в / и, претворати ^с : їакъ, блгїи...» (л.10).	« На почѣткѣ, за гласнїцѣ, всѣгда пишн j бѣдъ въ грѣбїцахъ какот, Јвер, Јгра, Јзба... бѣдъ въ дробнїцахъ какот, јвер, јгра, јзба... Въ среднїкѣ, межѣ двѣми негласнїцами, можетсе пїсат j али слнчїѣше јест и, какот, Правїло, Правїло. А на концѣ всѣма непригоже јест j и трѣба пїсат и какот, Јзишчїи, Јзвїти, Јзнїти » (19).

Буква *ї (=j)*, выражая согласный звук [j], формировала лигатуры, необходимость которых была мотивирована, по мнению Крижанича, стремлением Блаженного Кири́ла Солу́нского развести функции буквы *ї*, чтобы облегчить восприятие и произношение носителям не только славянского, но и греческого языка: «**Въ Грѣческомъ пакъ язїицѣ отнѣд нїт негласнїци, J. Зѣто блѣжениѣ Кири́л, јли ктѳ јн после нѣго, Грекомъ на јгожејне да ви чѣш они мѳгли нашъ јязикъ правѣе чїтат и разѣмѣт, когда се чертїна J прѣмѣнѣет въ негласнїцѣ измїслил јест пѣтъ свѣзанихъ складѳв конхъ сила јест сицева, ја**

«Ю Ж Ы» (Об., 14). Установка Крижанича на самодостаточность славянского языка и письма проявилась в предложении заменить «йотированные» лигатуры сочетанием отдельных букв:

«Грѣком, ко правѣмѹ чтѣнїю нашеѣ рѣчи, потрѣбни можевїт сѹт ти свѣзи; али намъ Гловѣнцемъ отнѣѹдъ нїсѹтъ полѣзни: него пачѣ смѹтнїи, забавнїи, и всяко непригожи. Авовѣмъ въ нашемъ язицѣ, чертїна **Ј**, гдѣ-коли предъ собоїю, јли за собоїю, јмаетъ кѹїю гласнїцѹ, всегда јестъ негласнїца: и нашнїци тако јѹ изговарајѹт...

ѿ стоїтъ за **ја**: јама, јама
к стоїтъ за **је**: кѣзеро, јѣзеро
ы стоїтъ за **ји**: ыствина, јїствина
ю стоїтъ за **јо**: юкати, јокати
ж стоїтъ за **јѹ**: жтро, јѹтро» (Об., 14)

Обращаясь к характеристике лигатур, Крижанич рассматривал и представленную в грамматике Смотрицкого зону полиграфемности, в которую входили эти лигатуры: **к-ѣ**, **ѿ-ѿ**, **ю-ж**.

В паре **к-ѣ** Смотрицкий характеризовал букву **к** как неупотребительную, а букву **ѣ** как употребительную, Крижанич же считал недопустимым употребление буквы **ѣ**, поскольку в позициях середины и конца слова она нарушала графический облик слова:

Смотрицкий Грамматїки Славѣнскїа правнїное Сѹнтагма	Крижанич Објаснѣнїе вїводно о писмѣ Словѣнском
« ѿ нѣшнїми писци ѿставїса, мѣсто ѣгѹ навѣшїающѣ/ ѣ : сїре', ѣстѣ...» (л.11)	« ѿ нахѣдїтсе въ стѣрихъ кнїгахъ; а на обѣщїе рабѣоти јестъ вїглажено: тїмъ што и непотрѣбно, и въ писаньї мѹдно да неслично вїтї се јавляѣетъ. Хѹдо пакъ мѣсто к пишѣтсе ѣ ; право Јѣ . Непїшї адда кѣлен, нїтї ѣ лен, него Јѣ лен» (31).

В паре **ѿ-ѿ** Смотрицкий признавал обе буквы употребительными и кодифицировал правило их дистрибуции, по которому **ѿ** употреблялась в начале слова, а **ѿ** в середине и в конце слова. Крижанич, рассматривая фонетическое содержание буквы **ѿ** в сопоставительном славянском контексте, вообще не считал ее дублетом **ѿ**:

Смотрицкий Грамматїки Славѣнскїа правнїное Сѹнтагма	Крижанич Објаснѣнїе вїводно о писмѣ Словѣнском
« ѿ , и ѿ , различествѹють ѡномѣ со предн речѣнїї, ѡвомѣ во средѣ и въ коцїи полагаемѣ ѿкѹ, ѿвалїшесѣ...» (л. 11 об.).	« ѿ отъ мнѣзїхъ јемльѣтсе за Јѿ , льѹво Јѿ ... Али межѹ, ѿ , да Јѿ , јестъ рѣзнѣст... во всакомъ мѣстѣ, гдѣ слѹшно и достѣжно пишѣтсе...; тамо Задѹнаїци изговарајѹтъ прѣсто ѣ : а не Јѿ » (30–31).

Пара **ю–ж**, по мнению Смотрицкого, представляла особую сложность, поскольку **ю** изменила свое фонетическое содержание: в силу отсутствия в славянском языке сочетания [jo], она стала выражать сочетание [ju] и начала конкурировать с буквой **ж**, которая с течением времени вышла из употребления. Крижанич, признавая, что буква **ж** вышла из употребления, категорически не соглашался с мнением Смотрицкого об отсутствии в славянских языках сочетания [jo] и предлагал, соответственно, для [jo] использовать сочетание букв $\dot{\text{r}}(=\text{f}) \text{ o}$, а для [ju] сочетание букв $\dot{\text{r}}(=\text{f}) \text{ y}$.

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнскиа правнаноѣ Сунтагма	Крижанич Обяснѣнје вѣводно о писмѣ Славѣнском
<p>«ю, дрѣвле љзглашашесѣ љко же то латинское/ в речѣнїѣ, љоръ љоры... и ѣ си^м подобныѣ ннѣ же ѣдинакоѣ со ж љма^т љзглашенїе. Не вбрѣтаюцимъ во сѣ Славѣнскагѣ дїалекта слогѣ^м на љо, ѣ мѣсто самагѣ ю Латинскагѣ оупотребллема бываю^т: љѣкѣ, стѣю, љли стѣж. Врѣме^н љбаче нашиѣ писцами ж, љтнню^а љстависѣ, мѣсто егѣ ю, дово^нѣ наве^ашающѣ. В Рѣскиѣ же речѣнїѣ љ Латскагѣ и Латинскагѣ љзыка привѣши^х и ѣ, и ю во своѣ^м љма свойствѣ хранима быти и ннѣ: љѣкѣ, пахѣлѣ, љбѣсѣ, маљрѣтас...» (л. 11–11 об.).</p>	<p>«Ж стоѣт за Ю; али из рабѣоти и обичаѣ вѣ опуѣщено... и сицеѣ чертїна, Ж, прѣтрѣдна вѣрло и непригѣжа кѣ писанїу.</p> <p>Али једнакоже несѣушен из тогѣ наста обичаѣ, што мѣсто Ж, љубѣо Ю, всї пишѣт Ю. А то зѣто (како правит Смотрицкиѣ) што вѣ Славѣнскоѣ рѣчи нит склада Ю: и затїм сѣудит он, без непригѣдѣа писѣтсе Ю, мѣсто Ю. Али та причїна неовѣстѣт: абовѣм склад Ю вбрѣтаетсе вѣ Рѣском љщем завлѣченїѣ; какот, Мою... Ю вѣ Лѣшком... Ю вѣ Задѣнаїскїх... Ю вѣ писмѣ свѣягом... Юснѣ... Зѣтоже трѣба јест складу, Ю, ставит љегоѣ властитнѣ глас: и вѣ мѣсто Ж, неписат Ю, него Ю...» (29–30)</p>

«Освобожденная» из лигатур буква $\dot{\text{r}}(=\text{f})$, выражая согласный звук [j], вступала в конкурентные отношения с буквами **й** и **ь**, что требовало либо выбора одной буквы, либо дистрибуции букв. Крижанич решительно выступал против употребления буквы **й**, поскольку диагностическим признаком ее основы, т. е. буквы **и**, было функционирование только в роли буквы, обозначающей гласный звук: «Чертїна, **и**, всѣгда јест гласнїца; и нїкогда же непрѣходїт вѣ негласнїцу... Бѣлорѣсци недѣстѣжно сїу чертїну во мнѣзїх мѣстѣх почїтајѣт за негласнїцу: и надписїјѣт над љѣїу љвѣлок; сице, **Мљи**, **Рѣи**, мѣстѣ, **Мљь**, **Рѣь**» (Об., 17).

Сохраняя две равноупотребительные буквы $\dot{\text{r}}(=\text{f})$ и **ь** для выражения звука [j], Крижанич сформулировал правило, по которому буква $\dot{\text{r}}(=\text{f})$ употреблялась в начале слова перед гласными и в середине слова после

гласных и перед гласными, а буква **ь** использовалась в конце слова после гласных: «**На** почѣткѣ, **пред** гласніцами; **какот**, **Јарост**, **Језеро**... **Межү** двѣми гласніцами; **какот**, **Моја**, **дајѹт**. После негласниці **пред** гласниціѹ; **какот**, **Лаџа**, **Плаѣтје**... После гласниці, **пред** негласниціѹ; **какот**, **Дајте**, **Скорѣјше**... Лише на концѣ, после гласниці... сличнѣјше **јест** **пѣсат** **ь**; **какот**, **Краь**, **Рѣчьь**, **Змѣь**, **Стѣь**, **Чѹь**» (Об., 19–20).

Следствием предложенных Крижаничем инноваций явилось и различие взглядов Смотрицкого и Крижанича в выборе средств выражения оппозиции твердых и мягких согласных. Крижанич отказывался от представленного в грамматике Смотрицкого противопоставления букв **ъ** // **ь**, полагая, что использование двух графических элементов, во-первых, избыточно, а во-вторых, снимает различия в функциональном статусе **ъ** и **ь**:

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнских правнаноє Сѹнтагма	Крижанич Објаснѣње вѣводно о писмѣ Славѣнском
«ъ, ѣ ь: в" само" тоѣю ко"ци речѣна оупотревлѣема бываютьъ: ь... в" ѡдѣбеленіе согласнагв речѣніе ко"чащагв: ь/ же во ѡто"ченіе» (л. 10 об.)	«знакъ на концѣхъ рѣчѣмъ јест совсѣмъ непотрѣбен...» (67); «ь негласница» (13), «ъ полугласница» (67).

Крижанич не считал **ъ** буквой и функционально приравнивал его к апострофу, который допускался в предлогах для указания на книжное произношение, противопоставленное живому произношению (см. подробно: Успенский 2002, 147), и в сочетаниях типа **търт** для указания на возможность носителям разных славянских языков произносить либо гласные, либо слоговой сонорный: «**Прѣвнѣ** пак **ѹжѣтѣ**к **полѹгласниці** **Ъ** **јест** **сицев**: **да се пѣшет** **тамо**, **гдѣ** **ви јма**ла **стојат** **каја** **гласница**, **и она бѹдет** **опѹщена**; **какот**, **Въ** **кѹпѣ**... **мѣстѣ** **во** **кѹпѣ**... **Јещѣ** **и дрѹго** **јест** **ѹжѣванје** **чертѣни** **Ъ**. **Трѣба** **во** **знѣти**, **же** **въ** **нашем** **јязицѣ** **гдѣ**кѣли **јскер** **чертѣни** **Р**, **послѣдѹет** **каја** **негласница**: **тамо** **бивает** **рѣзлично** **изречѣње**; **какот**, **Грло**, **Горло**, **Гарло**, **Герло**: **и въ** **такѣвих** **мѣстѣх** **пригѣже** **се** **пѣшет** **Ъ**; **какот**, **Гърло**...» (Об., 68).

Особенность буквы **ь**, по мнению Крижанича, заключалась в том, что она могла выражать звук [j] и обозначать мягкость предшествующего согласного, тем самым она вступала в конкурентные отношения с буквой **ї** (≡j). Поскольку основная функциональная нагрузка при передаче звука [j] лежала на букве **ї** (≡j), средством обозначения мягкости на письме стала буква **ь**, которая могла образовывать с предшествующей согласной лигатуру: «**Ъ**, **после** **негласниц** **неизговѣраетсе** **вѣрѣзно**: **него** **се** **слѣвает** **съ** **предѣдѹщејѹ** **негласниціѹ** **въ** **једнѹ** **чертѣнѹ**; **и** **всѣгда** **причѣтаетсе** **съ** **нејѹ**

къ једномуу склѣду: и из тонкѣе творѣт шѣмну... » (Об., 20). Соответственно, нельзя согласиться с распространенным мнением, согласно которому Крижанич не только «впервые кодифицировал *j* в кириллице», но и именно «у Крижанича, как потом у Караджича и Гая, *j* помимо звука [j], передает мягкость предшествующего согласного: *хотја, разорјат*» (Мечковская 1998, 9).

Стремясь к совершенству и самодостаточности славянского письма, Крижанич предложил орфографические правила, которые образовывали строгую систему, демонстрирующую функциональное равновесие элементов славянского письма:

[i]	<i>ĩ (=j)</i> в начале слова <i>перед согласными</i>	<i>и</i> в середине и в конце слова <i>после согласных</i>	
[j]	<i>ĩ (=j)</i> в начале слова <i>перед гласными;</i> в середине слова <i>после гласных и перед</i> <i>гласными</i>		ь в конце слова <i>после гласных</i>
[ʹ]			ь <i>после согласных</i>

Желая облегчить процесс обучения чтению, Крижанич предложил заменить сложные названия славянских букв односложными, т. е. ввел принцип называния букв по греческой и латинской модели: «*Мѣ поколи Грѣческо писмо Прѣяхом, Латинского во створѣх и лицьх виражат неможем: али во јменѣх чертѣнних, мѡжем и ньѣго Рѣмского и въ кѣпѣ Грѣческого наслѣдовати лѣче, неже доселѣ. То јест да чертѣнам издѣнем јмена пристѡјнеша: рекши једносклѣдна и Прѡстѣа: ради полегчѣнја ѹченииком. Лѣгше во јест считат склѣди прѡстѣими, неже долгими и множесклѣдними јменми. Зѣто веде Грѣческого и Латинского јменовѣнја, скратѣвши рѣчи, и лишние склѣди отсѣкши, сице мѡжем читат азбѣкѣ... веде Грѣческого ... бѣ... веде Латинского... ве...* » (Об., 96).

Поскольку графико-орфографическая система включает помимо букв знаки препинания и знаки ударения, Крижанич коснулся в своем критическом разборе и вопросов славянской пунктуации, и вопросов славянского ударения.

Различие взглядов Смотрицкого и Крижанича в области пунктуации проявилось в составе, функциях и названиях знаков препинания.

Крижанич считал функционально тождественными знаки «/» и «,» и предлагал исключить знак «/» в силу его неупотребительности в греческом и в латинском письме:

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнскиа правилное Сѣнтагма	Крижанич Обяснѣнје вѣводно о писмѣ Словѣнском
<p>«Черта полагаѣтсе по начатомъ глаиѣи в малѣ востогнеомъ Ѡдохомъ дваче не преплатомъ. По чертѣ полагаѣтсе заплатѣѣ Ѡдохомъ в малѣ глѣмое востогѣющѣѣ и препинающѣѣ» (л. 18)</p>	<p>«Смотрицкиѣ за разниѣу подаѣет два знака: черту / и запятую ;: али то без потреби сеѣ бо знак /, јѣи черта, ни Греком ни Латинном ниѣт вѣ работѣ ни во ѹживаньи» (99).</p>

Разные авторитетные модели были использованы Смотрицким и Крижаничем для выбора знака вопроса: Смотрицкий в соответствии с греческой моделью использовал знак «;», а Крижанич в соответствии с латинской моделью предложил знак «?»:

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнскиа правилное Сѣнтагма	Крижанич Обяснѣнје вѣводно о писмѣ Словѣнском
<p>«Вопроснаѣ ;» (л. 18)</p>	<p>«Знак Питатѣи ?» (100) «Половница ; слово Латинном знак ... Половинниѣ... ѹживаем јѣго во мнозиѣ мѣстѣх, а најпаче гдѣ се вѣсѣда нѣкако на двѣ половинѣ, јѣи на двѣ разумѣ раздѣляет... А знак сеѣ половинниѣ ; Греци пишѣт за знак Питанѣѣ» (100).</p>

Крижанич подверг также критике представленный у Смотрицкого термин «двоточѣе», поскольку не находил для него славянской словообразовательной модели:

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнскиа правилное Сѣнтагма	Крижанич Обяснѣнје вѣводно о писмѣ Словѣнском
<p>Двоточѣе : (ГС, л.18)</p>	<p>«Двѣ точки реци, јѣи двѣ Пѣки; а неназѣвал Двоточѣе: ниѣт бо то рѣч Словѣнска. Двоѣм никто неговорит, Двоочѣе, Дворѣчѣе, Двоножѣе, Двоумѣже него Двѣ очи, Двѣ рѣци, Двѣ нѣзи, Два мѣжа» (99).</p>

Загравивая в конце своего критического очерка вопрос славянского ударения, Крижанич отметил, что польское ударение «испорчено» немецким влиянием, русское отчасти «испортилось» польским влиянием,

отчасти греческим влиянием, сербский язык слишком растягивает длинные гласные, и только хорватский язык сохранил правильное ударение, да и то не везде (о хорватском ударении см. подробно и ср.: Шахматов 1895, Hamn 1974): «Лѣшко завлѣченје јест скаженѣ из Нѣмѣчскогѣ», «Рѹско завлѣченје јндѣ јест смѹщено изъ Лѣшкогѣ... јндѣ изъ Грѣческогѣ», «Сѣрвско завлѣченје ... непристѣжно дѣлго склѣди разтѣжетъ», «Въ сѣмомъ јединѣномъ Харвѣтскомъ ѳзговѣрѣ, слѣшатсе јещѣ влѣди правнлннн, и ѳзконноѣ Гловѣнскоѣ бесѣдѣ властити. Ј то нѣ вѣздѣ, него лишѣ межу Колпоју и Болноју рѣкѣми, въ Бахѣцскомѣ ѳјѣздѣ: въ нѣкоихъ горѣватихъ мѣстѣхъ» (Об., 105–106).

Однако Крижанич не настаивал на введении в общее употребление хорватского ударения и рекомендовал носителям разных славянских языков придерживаться своего ударения: «...всѣкомѹ на вѣльѣ остѣет, по своѣмъ домовѣнномъ обнѣчѣѣ завлѣчит, и влѣки надписоват» (Об., 107).

Таким образом, предложенные Крижаничем «исправления» славянской графико-орфографической системы сводились к следующему:

1. сокращение состава славянского письма за счет исключения греческих и неупотребительных славянских букв (*ѡ, ѱ, ѣ, ѵ, ѣѵ, ѡ, ѡѡ, ѡ, ѡѡ, ѡ, ѡѡ, ѡ, ѡѡ, ѡ*),
2. отказ от орфографических правил, возникших под греческим влиянием (*ѡ // ѡ, ѣ // ѣ; ѡ // ѡ*),
3. введение новых орфографических правил, отражавших особенность славянского письма ([i] — j (=j) // и; [j] — j (=j) // ѡ; [ʔ] Ъ),
4. введение принципа называния букв по греческой и латинской модели,
5. изменение состава и характера знаков препинания с учетом латинской модели (исключение знака «/», введение знака «?» как знака вопроса),
6. рекомендация носителям разных славянских языков использовать знаки ударения, отражающие особенность их славянских языков.

Графико-орфографические опыты Крижанича, представленные в орфографическом трактате, явились концептуальным и практическим прологом грамматических опытов, реализованных в грамматике. *Правильность и понятность* «русского» книжного языка достигалась посредством устранения грамматической синонимии и омонимии, а также выбором грамматической семантики, общей для русского и хорватского языков. Идея формально-семантической самодостаточности «русского» книжного языка мотивировала снятие формально-семантической грецизации (см. подробно: Запольская 1998; 2003, 97–148, 184–203). Таким образом, Крижанич не пытался осуществить *реформу* славянского письма, объединив элементы кириллицы и латиницы, и не *создавал «общего» славянского языка*, а лишь «*исправлял*» славянское письмо и церковнославянский язык, понимаемый им как «общий» славянский книжный язык.

Принято считать, что лингвистические сочинения Крижанича не вызвали интереса у московских книжников и что «открытие» Крижанича состоялось только после публикации его сочинений в XIX в., в контексте панславизма. Однако, несмотря на различия во взглядах на церковнославянский язык, характерные для «греко-славянского» и «латино-славянского» пространств, московские книжники интересовались лингвистическими опытами Крижанича, о чем свидетельствует наличие его лингвистических трудов в авторитетных книжных собраниях. Так, грамматика Крижанича была в библиотеке Никифора Симеонова, участвовавшего в никоновской и иоакимовской книжных спорах (Бессонов 1870, 150), а орфографический трактат находился в библиотеке тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского, участвовавшего в петровской книжной споре.

Создавая свои лингвистические труды для «*расмотрѣнїа ѡудѣѣ разумнїх*», Крижанич реально способствовал языковой встрече двух культур — *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, следовательно, Крижанич вряд ли может быть назван «неудачником и мучеником своих благородных увлечений», а его лингвистические сочинения «недоразумением», поскольку «такого рода недоразумения суть едва ли не обязательное условие при встрече различных культур; если бы не было взгляда извне, которому все видится несколько иначе, чем взгляду изнутри, не было бы и встречи» (Аверинцев 1996, 52).

ИСТОЧНИКИ

- Крижанич 1859/1976 — *Граматїчно изказанїе оу рѣском језїкѣ* / Изд. О. М. Бодянский. М., 1859 (Abdruck der Erstausgabe besorgt von G. Freidhof. Frankfurt am Main, 1976).
- Крижанич — *Објаснѣнїе вївѣдно о писмѣ Словѣнском*.
Смотрицкий 1619/1979 — *Граматїки Славѣнскїа правнїаное Сїнтагма*. **Свѣю**. 1619 (Переиздано: Киев, 1979).

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1996 — *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Белокуров 1902, 1903 — *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1902, 1903.
- Бессонов 1870 — *Бессонов П. А.* Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение. 1870. № 1.
- Будилович 1892 — *Будилович А.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1892. Т. 2.
- Запольская 1998 — *Запольская Н. Н.* Модели «общеславянского» литературного языка XVII–XIX вв. // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 267–295.

- Запольская 2003 — *Запольская Н. Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М., 2003.
- Запольская 2003а — *Запольская Н. Н.* Книжная справа в культурно-языковых пространствах *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 267–295.
- Мечковская 1998 — *Мечковская Н. Б.* Типология графико-орфографических реформ в истории славянской письменности: фонетико-фонологические и социосемiotические аспекты. Минск, 1998.
- Толстой 1998 — *Толстой Н. И.* Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. Т. II.
- Успенский 2002 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
- Шахматов 1895 — *Шахматов А. А.* Юрий Крижанич о сербско-хорватском ударе. РФВ. Варшава, 1895. Т. XXXIII, XXXIV.
- Экман 1963 — *Экман Т.* Грамматический и лексический состав языка Ю. Крижанича. *Dutch Contributions to the V International Congress of Slavicists*. Sofia, 1963. С. 43–77.
- Ягич 2003 (1910) — *Ягич И. В.* История славянской филологии. (Репринт. изд.: Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. СПб., 1910). М., 2003.
- Eekman 1967 — *Eekman T.* Juraj Krizanic et ses idees sur l'orthographe des alphabets latin et cyrillique // *Slovo*. Zagreb, 1967. Br. 17. S. 60–94.
- Hamm 1974 — *Hamm J.* Prosodijski sistem Krizaniceva govora // *Život i djelo Jurja Križanica*. Zagreb, 1974. S. 212–238.
- Schutrumpf 1978 — *Schutrumpf M.* Das Grammaticno izkazanje ob ruskom jeziku von Juraj Krizanic. Aufbau und Vergleich mit Smotyckyjs ksl. Grammatik. Frankfurt am Main, 1978.

Г. П. Мельников
(Москва)

История славянских культур: актуальные проблемы

Празднование Дня славянской письменности и культуры — событие большого значения. Оно обязывает к подведению определенных итогов и подчеркивает актуальность самой темы праздника, что также способствует обозначению тех проблем, которые наиболее остро стоят перед обществом и перед наукой. К ним относится, помимо прочего, история славянских культур.

Изменения, произошедшие во всем славянском мире на рубеже 1980–1990-х гг., т. е. падение социалистических (коммунистических) режимов вместе с коммунистической идеологией и соответствующими ей формами культуры, распад социалистического лагеря, а затем и политических государств, в корне изменили общественные представления о культуре, о ее сущности и формах существования в новых, посткоммунистических условиях. История культуры стала тем пространством, где начали сталкиваться в противоборстве различные концепции, что в итоге привело к утверждению плюралистических научных подходов к культуре давнего и недавнего прошлого. Острота переоценок, смена ориентиров и методик изучения культуры, как и всего исторического наследия, достигшая своего апогея в 1990-е гг., к нашим дням уже исчерпала свою актуальность. Настает время сбалансированного, предельно объективного, учитывающего все факторы развития научного подхода к изучению истории в целом, в том числе и к истории славянских культур. В этой связи возникает ряд проблем, являющихся чрезвычайно актуальными, ибо не только их решение, но и сама постановка, формулирование позволяют определить те задачи, перед которыми сейчас стоит наука, изучающая историю культуры. Попытаемся обозначить эти проблемы, не претендуя на полноту их перечня и тем более на их решение.

В новых славянских государствах, возникших как результат распада федеративных социалистических государств, стоит *задача формирования новой культурной идеи*, что обусловлено общественно-политическим заказом. Новая интерпретация национальной культурной истории становится важной составной частью формирующейся в этих странах национально-государственной идеи. Это вызывает политическое давление на науку, оставляя ей прежнюю, как и при социализме, роль идеологической служанки государства. Однако также необходимо учитывать объективный процесс обособления культуры новых государств от культуры тех мегагосударств, в которые ранее входили эти страны и народы (СССР, Югосла-

вия, Чехословакия). В процессе поисков своей идентичности, самобытности, стремление к дистанцированию от единой культуры большого государства предшествующего периода переносится и на всю историю культуры. Поэтому *подвергаются пересмотру, ревизии старые концепции и создаются новые, отвечающие периоду становления новой национально-государственной идеологии*. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение и оценка культуры прошлого, в которой стремятся найти и находят те элементы и феномены, которые позволяют противопоставить ее культуре тех народов, с которыми еще менее 20 лет назад жили в одном государстве и строили единую культуру, «социалистическую по содержанию и национальную по форме», как это было сформулировано в программах многих компартий. История культуры становится полем битвы между старыми, «имперскими» подходами и новыми, национальными, если пользоваться немецким значением термина, то националистическими. Что это такое: национализм в нашем понимании или же запоздавший (прерванный) в силу многих причин процесс национального возрождения тех славянских народов, которые не прошли его в XIX — начале XX в. Напомню лишь, что в XIX в. именно проблемы культуры определяли весь ход национально-эмансипационного процесса, его идеологию.

В связи с созданием национальных историй культур новых государств остро, даже провокативно, встала *проблема разделения общего культурного наследия*. В первую очередь это коснулось того феномена, в честь которого проводится День славянской письменности и культуры, — это деятельность свв. Кирилла и Мефодия. Ведущей стала тенденция, которую следует, по аналогии с экономикой, назвать «приватизацией»: каждая из современных стран, на территории которых проходила деятельность солунских братьев, считает ее не только важнейшим фактором формирования своей культуры, что исторически справедливо, но и стремится подчеркнуть их, солунских братьев, исключительную принадлежность к истокам именно своей национальной культуры. Такой подход к кирилло-мефодиевской проблеме уходит корнями в XIX век, однако сейчас его актуализация приобретает формы конфронтации с культурным наследием соседей. То же самое можно сказать о культуре Киевской Руси, «приватизируемой» как украинской, так и русской наукой. Аналогично обстоит дело с культурами Великой Моравии — спор между Словакией и Чехией, и Первого Болгарского царства (эпоха Симеона) — спор между Болгарией и Македонией.

В противовес «приватизаторскому» подходу необходимо вновь доказывать *тезис об общности* таких феноменов культуры: они принадлежат и тем, и другим современным культурам как их истоки, общая база развития, разошедшегося впоследствии по разным линиям. Также необходимо учитывать изменение границ, постоянно происходившее в историческом ландшафте. Здесь мы подходим к следующей проблеме, которую можно назвать

историко-географической: *в каких границах рассматривать развитие национальных культур?* Здесь существуют два подхода. Первый — в границах современных государств. Он имеет два негативных момента: в национально-культурное пространство включаются регионы, исторически в нем не находившиеся (например, Крым и Новороссия исторически никак не относятся к украинской культуре) и, наоборот, исключаются регионы, где тогда шло развитие культуры данного народа (например, культура Подляшья исключается из истории белорусской культуры, польская культура Галиции, лишь незначительно представленная в современных польских исследованиях). Второй подход — рассматривать пространство культуры современных народов в исторически изменявшихся границах. Но тогда уже следует говорить не о данной национальной славянской культуре, а о культуре данного государства в конкретный исторический период. Например, к культуре Чешского королевства тогда следует относить и Силезию с Вроцлавом (Вратиславом), а культуру значительной части польских земель рассматривать в курсах истории культуры Российской империи XIX в. или изучать украинскую и белорусскую культуры как часть культуры Речи Посполитой. Ясно, что оба подхода в их схематизированном варианте не могут адекватно отразить сложности исторических реалий. Лишь совмещение обоих подходов даст необходимый эффект, учитывающий сложности и модификации историко-культурного процесса.

Аналогичного подхода, совмещающего историю национальной культуры с историей культуры того государственно-исторического пространства, где она развевывалась, требует *проблема полиэтничности* культуры конкретного славянского государства (например, немцы в Чехии, греки в Болгарии). Ранее история культуры каждого славянского государства как научная дисциплина рассматривала лишь национальную и протонациональную культуру на основе идеологемы «национального духа» и самобытности, выработанной еще романтизмом в первой половине XIX в. Такая идеологема была необходима в условиях Национального возрождения, но она игнорировала то, что современная культурология называет единым полем (пространством) культуры. Такое поле существовало и во всей Речи Посполитой несмотря на конфессиональные различия, и в Российской империи, и в монархии Габсбургов, и в Османской державе. Сейчас наиболее активно изучается история культуры Габсбургской монархии как единого целого, показывающая, насколько интегрированными в единое имперское пространство были и чешская, и венгерская, и словацкая, и словенская, и хорватская культуры, а также насколько значим был вклад славян в культуру этого государства со столицей в Вене. Так, чешские композиторы во многом определили переход европейской музыки от барокко к классицизму и закрепили этот стиль в Вене; одновременно с этим музыка Моцарта получила наибольшее признание в Праге. В Габсбургской и Османской монар-

ниях до XIX в. национальность не была определяющим фактором культуры. Главным был господствовавший стиль. В Османской империи, а также, в определенных отношениях, в Речи Посполитой определяющей служила конфессионально-культурная самоидентификация. *Проблеме религии как фактора сохранения славянского этноса и его культуры*, в особенности православной, большое внимание уделяют современные балканские ученые.

Отказ от государственного атеизма в последнее время сделал актуальной *проблему возвращения религиозных смыслов в культуру прошлого*, о чем свидетельствуют новейшие исследования во всех странах по культуре Средневековья, Барокко и русской классической литературе. Старый чисто эстетический подход, иногда успешно сочетавшийся с художественно-историческим, оставлял вне поля исследования христианскую составляющую старой культуры, что резко искажало содержание и смысл культуры огромного исторического периода. Восстановления христианских смыслов культуры требует прежде всего объективный научный анализ, ибо без этих смыслов утрачивается адекватное понимание данного феномена культуры и его функционирования в культурно-социальном пространстве. К этому призывает одна из новейших методологий исследования, называемая «*понимающей историографией*».

Наряду с новым открытием религиозных ценностей культуры интенсивно идет *процесс открытия и утверждения ценностей модернизма и авангардизма в славянских культурах*. Это ставит перед наукой *проблему адекватной оценки историко-культурного процесса первой четверти XX в. и вклада славянских культур в мировую современную культуру*, так как оказывается, что славянский авангард во многих отношениях, как хронологически, так и качественно, опережал западноевропейский. Если русский Серебряный век и авангард уже почти фундаментально изучены, то в отношении исследования аналогичных явлений в других славянских культурах еще есть перспективы, хотя многое уже сделано, причем на очень высоком научном уровне. Однако все еще не создана монография о великом патриоте всего славянства чешском художнике Альфонсе Мухе, хотя его творчество приобрело сейчас огромную популярность (и в Чехии, и в России, и в США) после десятилетий забвения.

В связи с этим встает более общая *проблема забытого, пропущенного и ранее запрещенного*. Исследования этих пластов культуры интенсивно развиваются, что обязывает вносить коррективы в устоявшиеся представления и общие схемы.

Этому же способствует и *изучение культуры эмиграции в XX в.*, ее институтов и феноменов, ее связей с родной культурой и культурной средой тех стран, в которых эмигранты жили и творили. Особо надо выделить *вопрос о функционировании культуры русской эмиграции после 1917 г. в*

славянских странах. Такая работа уже интенсивно идет в Праге и Москве, открываются новые страницы деятельности русских эмигрантов в Польше, Болгарии, Сербии.

Особую важность приобрела *проблема истории и оценки культуры эпохи социализма.* Еще недавно здесь боролись нигилистические оценки с консервативно-охранительскими. Сейчас наметилась тенденция, по крайней мере в русской науке, выйти на объективные позиции, различающие советскую по содержанию культуру от культуры советского периода, в котором существовали и значительные культурные ценности, имеющие мировое значение (Ахматова, Пастернак, Шолохов, кино 1960-х гг., Прокофьев, Шостакович и мн. др.), и течения, противостоявшие официозу, в т. ч. «второй авангард» в искусстве. Иногда ценности андеграундных явлений абсолютизируются по отношению к «нормальным» произведениям (пример — новая экспозиция искусства XX в. в Государственной Третьяковской галерее, что искажает историческую картину развития культуры, реконструкция которой в ее подлинном историческом содержании, без качественных и вкусовых оценок, является приоритетом мировой культурологии).

Забытой проблемой оказались сейчас *культурные связи между славянскими народами.* Современная дезинтеграция славянского мира, недавно еще раз подтвержденная казусом Косова, не способствует актуализации этой темы, хотя интерес к ней в обществе очень большой, что демонстрирует успех выставки «Варшава–Москва. 1900–2000» и конференции в Праге о чешско-российских связях (2007 г.).

Наоборот, чрезвычайно востребована *имагологическая проблематика:* образ другого народа в культурном восприятии своего народа, стереотипы и клише и их функционирование в контексте отношений к соседям и их культуре. Здесь заметных успехов достигли польские и русские ученые, особенно коллектив сотрудников Института славяноведения РАН во главе с В. А. Хоревым, которые создали ряд трудов о взаимном восприятии поляков и русских.

В методологическом плане перед мировым славяноведением продолжает стоять *задача комплексности и интердисциплинарности* культурно-исторических исследований, в которых не только обобщался бы опыт и результаты литературоведческих, искусствоведческих, музыковедческих и т. д. исследований, но и на основе такого обобщения выявлялись бы парадигматические и специфические черты развития культуры как целостного организма. Значительных успехов в этом направлении достиг структурализм, однако его дискурс недостаточен без корреляции с историко-культурными и культурно-антропологическими методиками, ибо лишь в единстве, образуемом по принципу дополнения, эти конфликтующие друг с другом методики смогут выработать подход, стремящийся к адекватности научного познания реальной целостности культурного бытия.

На этом пути неизбежно возникновение новых концепций. Собственно говоря, мы сейчас уже пережили период переоценки ценностей, обусловленный тектоническими изменениями в обществе. В начале XXI в. намечилась стабилизация, отход от политизированности и злободневности. Со всей значимостью встала *проблема необходимости учета всех вновь открытых и подвергшихся переоценке феноменов и смыслов культуры прошлого* — давнего и недавнего, своего и чужого. Для ее решения необходимо *преодолеть боязнь «больших нарративов»*, т. е. фундаментальных коллективных трудов, возникшую как из-за дискредитации таких трудов, написанных в советское время, благодаря их идеологической направленности, так и по причине торжества плюрализма мнений, доходящего до крайностей, когда художественная фантазия авторов выдается ими за новую концепцию, за так называемую альтернативную науку.

Новейшие научные проекты отечественных ученых, как и их зарубежных коллег, внушают оптимизм. Вновь проектируются, создаются, издаются коллективные обобщающие труды исследовательского характера, дающие обществу новые, научно объективные представления, учитывающие современные методики и новый объем информации. В ряду таких изданий в России необходимо назвать «Историю культур славянских народов» в 3-х т. (Государственная Академия славянской культуры при активном участии ученых Института славяноведения РАН), начавшую выходить многотомную «Историю русского искусства» (Институт искусствознания), проектируемую «Всемирную историю» (Институт всеобщей истории РАН). К ним следует добавить энциклопедические издания, такие как успешно издающиеся Православная энциклопедия и энциклопедия «Культура Возрождения», в которых значительное место отведено славянским культурам.

Наиболее общую двуединую проблему, которая должна быть в центре славистических исследований, можно сформулировать следующим образом. Это аутентичное понимание культуры, без переноса на прошлое свойственного нам, людям начала XXI в., мировидения и принципов его выражения в культуре, и одновременно идентификация современных культур со своими историческими корнями и культурами-предшественницами, актуализация исследования культурных традиций.

В. Матула
(Братислава)

Славянский характер словацкой политики в революции 1848–1849 гг.

В системе идейных ценностей и идейно-политических взглядов ведущих представителей словацкого национально-освободительного движения во главе с Л. Штуром, Й. М. Гурбаном и М. М. Годжей значительное место всегда занимала идея общности, солидарности и конкретной взаимной помощи всех славянских народов, составляющих, по их мнению, естественное и органическое наднациональное единое целое.

Начало революции 1848–1849 гг. в Габсбургской монархии обусловило возникновение новой политической ситуации, которая оказалась наиболее благоприятной для перехода на высшую ступень славянской взаимности — к общей скоординированной славянской политике. Лидеры словацкого национально-освободительного движения и активные участники словацких революционных выступлений использовали эти возможности максимально продуктивно. В конце марта — начале апреля 1848 г., когда в Вену начали прибывать представители разных славянских народов, произошло их взаимное ознакомление: завязались контакты, состоялись встречи, проводились переговоры и совещания. Уже на первой такой встрече 31 марта 1848 г. славянские деятели выражали дружеские чувства и стремление помогать друг другу в достижении общей цели под лозунгом «свободу всем славянам»¹.

Памятным событием стало многочисленное (до двух тысяч) торжественное собрание венских славян в зале «У Шперла» вечером 2 апреля 1848 г. при участии именитых славянских гостей. Среди них был и Л. Штур, который, по свидетельству современников, как красноречивый оратор снял наибольший успех. Поприветствовав сербов, хорватов и поляков на их языках, он горячо говорил по-словацки о свергнутом режиме Меттерниха, который искусственно разжигал и поддерживал раздоры между народами, и при воодушевленном согласии присутствующих раз и навсегда провозгласил им решительный конец. По словам Штура, славяне созрели в политическом отношении, осознали свои права и готовы их защищать. Поэтому они должны договориться: чтобы чехи выступали в пользу словаков и хорватов; хорваты за чехов и словаков; словаки за чехов и хорватов. Тогда их никто не одолеет, а их врагов охватит страх и ужас. Врагами сла-

вянской народности он открыто назвал немцев, венгров и царскую Россию (явно с оглядкой на поляков).

Й. М. Гурбан выступил главным оратором на другом большом собрании, состоявшемся 9 апреля снова «У Шперла». Он также темпераментно говорил уже исключительно о чрезвычайно неблагоприятном положении словаков, которым отказывают в признании их священного права на развитие их родного языка и народности и, тем самым, на вкушение плодов общей свободы как главного завоевания революции. Словаки, по его словам, будут стремиться завоевать ее с помощью оружия и верят, что остальные славяне в этой борьбе им окажут поддержку. На эти слова присутствующие откликнулись заверением, что они все к этому давно готовы².

Но в Вене не остановились только на торжественных речах и манифестациях славянской солидарности. Уже пополудни 4 апреля собрался Славянский комитет из наиболее активных представителей хорватов, чехов и поляков, на котором делегатом от словаков выступил Л. Штур³. На следующем совещании хорватов, словаков (при участии Л. Гая и Л. Штура) и поляков вопрос о дальнейшей возможности развития дел обсуждался уже гораздо трезвее. Согласно Д. Рапанту, реалистичные доводы поляков заметно повлияли на Л. Штура, который осознал, что ни словаки, ни иллиры не имеют достаточно собственных сил для завоевания независимости, и призвал хорватов не возбуждать до времени против себя ни немцев, ни венгров⁴. Но тем не менее всеславянское воодушевление и боевой настрой в венских славянских кругах и среди словаков на родине продолжали нарастать. Это проявилось и на следующей «славянской беседе» «У Шперла» 12 апреля и отразилось, например, в революционном и всеславянском поэтическом настроении и песенном творчестве того времени. В числе многих примеров вспомним хотя бы не столь известную словацкую песню с примечательным первым куплетом:

Мы, верные словаки, приветствуем братьев
Чехов, мораван, сербов и хорватов;
Словенцам и полякам руку подаем.
Русским поможем достичь свободы.
Славянские народы, вместе объединимся,
После чего нам никто на свете не страшен⁵.

Как видим, надежды на скорое освобождение австрийских и венгерских славян и их уравнивание в правах с другими народами получают здесь более широкое обоснование, выраженное в стремлении и решимости помочь крупнейшему славянскому народу освободиться из-под ярма царизма, чтобы он мог стать равноправным членом свободной славянской семьи.

С точки зрения развития славянской политики у лидеров словацкого революционного движения в борьбе за национальную свободу ключевое значение имело обновление связей, восстановление доверия и сотру-

ничества с чехами. За это, прежде всего, боролся Л. Штур в Вене, а потом в Праге, куда прибыл по приглашению Й. Фрича 20 апреля 1848 г. и где тотчас же развил в этом направлении кипучую деятельность, особенно в среде молодых чешских радикалов. Ее первым результатом стало демонстративное сожжение печально известной книги «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравян и словаков» (1846) *, после пламенной речи Штура на встрече, организованной студенческим кружком «Славия» 21 апреля 1848 г. Памятно и его зажигательное выступление на собрании в честь основания демократического кружка «Славянская липа» 30 апреля и несомненное участие в формировании его целей и программы ⁶. «Славянская липа» вскоре сыграла важную роль в оказании морально-политической и финансовой поддержки вооруженной борьбы словаков.

Путь к чешским либералам открыл Штуру один из его острейших противников в борьбе за кодификацию словацкого литературного языка и новую концепцию славянской взаимности К. Гавличек, с которым он лично познакомился, помирился и завязал дружеские отношения. В его «Национальной газете» 2 мая он опубликовал в качестве передовицы важную программно-аналитическую статью «Взгляд на развитие западных и южных славян». После заслуживающего внимания анализа текущей жизни и национальных стремлений славянских народов Австрийской монархии накануне революции, включая подробное освещение словацких национально-освободительных акций и обоснование необходимости кодификации собственного литературного языка, он обрисовал в ней свое представление о реализации идеи славянской взаимности, которая в настоящий момент «должна воплотиться в действительность». В то время как европейские народы объединяются и определяются в границах своих народностей, только словаки не смогли оградить свою национальную жизнь от вмешательства иностранцев: «Храбрый народ сам способен себя защитить, защита, принятая от других для него — позор и, кроме того, гнет». Штур, исходя из своей концепции славянства, здесь под народом (нацией) понимал наднациональное сообщество самобытных славянских народов, которое нужно укреплять, сделать дееспособным и своевременно защищать от сомнительной «охраны» немцев и венгров. Поэтому он предложил организовать общую встречу славян, в первую очередь австрийских (а потом и остальных), где бы можно было поговорить о взаимном сплочении и обеспечении общей безопасности. Все славяне на своих сеймах всегда должны уделять внимание и другим братьям-соплеменникам и не позволять ущемлять их национальные права или наносить иные оскорбления. Они

---

* Этот сборник выпустили в свет противники кодификации словацкого литературного языка, осуществленной Л. Штуром в 1843 г. (Прим. переводчика.)

должны основывать общества, способствующие взаимному сближению, издавать газеты и журналы для общей пользы, посылать своих представителей к другим братским народам, предпринимать взаимные поездки с учебной целью, устраивать встречи и, таким образом, лучше узнавать друг друга. Славянские газеты и журналы со статьями, написанными в духе братства, могли бы иметь своих постоянных корреспондентов, которые информировали бы о всяком важном событии. Чехи, которые благодаря основанию «Славянской липы» и «Славии» положили в этом направлении успешное начало, должны встать во главе всего движения⁷.

Еще до этого, 29 и 30 апреля в «Национальной газете» Гавличека была опубликована примечательная передовица под названием «Панславизм», которая, хотя и была подписана именем лидера пражских студентов В. Д. Лямбля, но полагаем, что ее важнейшие положения сформулировал Л. Штур. Основой статьи, в которой нашло свое отражение активное свободомыслящее русофильство тех дней, вместе с решительным отмежеванием от царского деспотизма и мифических планов создания какой-то универсальной русско-славянской монархии (в чем австрийских славян единодушно, но в целом безосновательно, обвиняла немецкая и венгерская публицистика) стали следующие идеи Штура, изложенные в этой передовице: то, что идею славянской взаимности представители молодого поколения словацкой интеллигенции должны были как какую-то ересь до поры скрывать, не означает, что она являлась только пугалом в период национального гнета и что сегодня уже не востребована, так как не может быть никакого космополитизма без народолюбия, на том стоит панславизм, т. е. всеславянская идея для пробужденных славянских народов является гарантией их свободы⁸.

В последний день апреля по инициативе Штура состоялось совещание ведущих чешских патриотических деятелей, на котором обсуждался проект созыва в Праге Славянского съезда. Идея проведения какого-то всеславянского сейма явственно зарождалась уже на собраниях в Вене. Л. Штур пришел на эту встречу уже с подготовленным текстом воззвания, адресованным всем славянам, представители которых призывались приехать в Прагу 31 мая, чтобы согласовать свои позиции и выработать предложения о том, как защитить свои священные права и договориться, что в интересах своих народов надо делать в этот ответственный момент. Окончательный текст воззвания «Братья, славяне!» был опубликован 1 мая 1848 г. за подписями 20 высоких представителей чешской земской шляхты, известных чешских и других славянских писателей и политиков, среди которых, разумеется, был и Л. Штур. По сравнению с первоначальным проектом Штура под давлением Ф. Палацкого в окончательном тексте отвергалось требование Франкфуртского парламента о включении всех австрийских земель за исключением Венгрии в новую германскую империю, что не только нару-

шило бы единство Австрии, но и связи и суверенность славянских племен, сохранение народности которых было бы тем самым поставлено под угрозу. Иными словами, речь шла о сохранении Австрии в духе разработанной ранее концепции австрославизма. Другое изменение касалось ограничения приглашаемых официальных делегаций только австрийскими славянами, по сравнению с первоначальным проектом приглашения делегатов от всех славянских земель. С этим изменением не согласились Л. Штур и поляки, подписавшие воззвание. Поскольку они не хотели отступать от своего требования, была принята компромиссная формулировка, что, если на съезд захотят приехать славяне, живущие за пределами Австрийской монархии, то они будут сердечно приняты там в качестве гостей. Чешский текст воззвания, который опубликовала «Национальная газета» 5 мая 1848 г., и его сербо-хорватскую версию написал Л. Штур⁹.

Чрезвычайно важным событием на словацкой политической сцене наряду с воззванием о созыве съезда и его открытием стала также встреча ведущих словацких политиков у М. М. Годжи в Липтовском Микулаше и провозглашение там «Требований словацкого народа» 10 мая 1848 г. Этот важнейший официальный программный документ словацкого национально-освободительного движения в революции 1848–1849 гг., адресованный венгерскому сейму, хотя и возник по сравнению с программами остальных славянских народов монархии намного позднее, и не носил подобного им формального характера, однако, был в основном схож с ними по содержанию касательно оценки венгерской программы, мартовских и других законов венгерского сейма, но расширял их как в области провозглашения национальных свобод, так и в области постановки социального и особенно крестьянского вопросов. Также по инициативе Л. Штура, когда он прибыл из Праги в Липтовский Микулаш через Краков, где лично ознакомился с последствиями поражения восстания польских патриотов, в «Требованиях» были включены положения об обеспечении прав поляков в Галиции. Сознание славянской солидарности проявилось уже в канун дебатов по отдельным пунктам «Требований», и не только в манифестациях, распевании популярных славянских песен, особенно известной боевой хорватской песни «Давория», но и в самих дебатах, где Б. Абаффи, например, утверждал, что словаки, даже в случае удовлетворения их требований, не будут отныне воевать на стороне венгров против своих братьев хорватов, тем самым вступив в полемику с Й. М. Гурбаном, патетически заявившем о взаимном примирении и общем пролитии крови за общую родину¹⁰.

Славянский съезд в Праге 2–12 июня 1848 г. стал значительной исторической вехой в развитии освободительной борьбы славянских народов и формировании их политических программ. Съезд зримо показал, что угнетенные и неравноправные в то время славянские народы Габсбургской монархии, невзирая на степень их социально-политического развития, отно-

ся к результатам революции в духе ее лозунга «Свобода, равноправие, братство» и полны решимости реализовывать свои представления о государственно-правовом урегулировании и обеспечении своего дальнейшего свободного развития. Их политические представители, несмотря на различия во взглядах, понимали это как исключительно судьбоносную миссию. Ибо едва попытавшись сформулировать свои требования, отвечающие новому пониманию революционных свобод, они должны были противостоять властным амбициям сторонников Великой Германии, включивших в нее земли Чешской Короны, словенцев и поляков западной части бывшего Польского королевства и амбициям венгров, стремившихся превратить многонациональную Венгрию в большое мононациональное венгерское государство, лишив права на существование своей народности хорватов, сербов, словаков и русинов. В этой ситуации, понятно, на первый план выступал не только вопрос о славянской солидарности как таковой, но и различные концепции создания более крупных славянских государственных образований, включая идеальное представление о великом славянском государстве как третьем члене европейского сообщества народов наряду с романским и германским. Для ведущих словацких политиков, которые на съезде выступали очень активно, этот первый всеславянский форум предоставил возможность укрепить контакты и наладить сотрудничество, завязать новые знакомства, установить дружеские отношения с остальными славянскими делегатами, причем не только в атмосфере, сильно возбужденной манифестациями славянской общности и солидарности, но и при трезвых политических дискурсах, полемических дискуссиях о том, как это осуществить в реальной политике отдельных славянских народов и всего славянского содружества.

В выступлениях ведущих политических представителей словаков Л. Штура, Й. М. Гурбана и М. М. Годжи, несмотря на некоторые расхождения во взглядах и точках зрения, доминировали, представляется, их возражения против австрославистской концепции чешских либералов во главе с Ф. Палацким и против предложений о решении только языковых вопросов и гарантий обеспечения славянам прав их народностей, в противовес которым они выдвигали требования конституирования свободных и равноправных славянских «сообществ» суверенных народов.

Покуда речь шла о взаимных отношениях и связях, словацкая политическая элита и, прежде всего, Л. Штур склонялись к идее создания славянской конфедерации или унии, основывающейся на свободе и братстве всех людей, на сплочении славян, что представлялось естественным в их отношениях, и создании общего политического органа — съезда, который должен был регулярно созываться у всех славянских народов. В этом с ними солидаризировались группа славянских радикалов на съезде во главе с М. А. Бакуниным, К. Либельгом, Е. Любомирским, Д. Кушланом и др.,

основавшая общество «Братство славянское» или «Братство славянской взаимности», которое на основе проекта новой программы съезда, предложенного К. Либельтом, содействовало ее продуктивному обсуждению и достижению некоторых конкретных результатов. В вопросе о положении словаков в Венгрии словацкие политики пока оставались на платформе «Требований словацкого народа», дополнив их положением о создании постоянного Национального комитета как исполнительного органа, предназначенного для поддержания связей с другими славянскими народами. Таким образом были затем сформулированы и общие требования словаков и русинов в Венгрии, основным автором которых являлся Й. М. Гурбан. Однако стремление словаков оставаться, хотя бы временно, на легальной венгерской почве и не вступать в открытую борьбу с венграми вызвало резкую критику и возражения со стороны представителей венгерских сербов и хорватов. Штуру и Гурбану пришлось потрудиться, чтобы разъяснить свои мотивы и тактику. И они аргументировали это тем, что, как только сербы и хорваты начнут действовать, то словаки к ним решительно присоединятся. О необходимости подготовки к вооруженной борьбе с неуступчивыми венграми на Славянском съезде рассуждали в целом реалистично. Й. М. Гурбан подчеркивал, что наряду с максимальным использованием политической поддержки существующих славянских сеймов необходима организация отрядов добровольцев и ведение конкретных переговоров с будущими потенциальными командирами словацких добровольцев Ф. Захом, Б. Блоудеком и Б. Яначеком, договор об участии чешских добровольцев и финансовой поддержке вооруженной борьбы словаков за национальную свободу. В Праге Л. Штур обговорил главные вопросы будущей вооруженной борьбы также и с М. А. Бакуниным и получил обещание его личного участия. Результатом переговоров Л. Штура с Е. Любомирским, К. Либельтом и другими поляками, по-видимому, в присутствии Ф. Заха, известного своим сотрудничеством с А. Чарторьским и его влиятельным парижским польским эмигрантским центром, стало формирование особого польского легиона под командованием капитана Бенковского, который впоследствии отличился большой храбростью в сентябрьском восстании словаков в Подбрадланском крае¹¹.

Славянский съезд, как известно, прекратил свою деятельность досрочно после преждевременно спровоцированного пражского восстания, подавленного генералом Виндишгрецем. После этого началось выдворение участников съезда из Праги. Л. Штур, Й. М. Гурбан, Б. Носак и Б. Абаффи отправились в Загреб, где уже начались приготовления к вооруженному восстанию против венгров. Их активная деятельность на славянском Юге составляет следующую главу славянской политики словаков в революции 1848–1849 гг.

После краха надежд и планов, о которых говорилось на Славянском съезде, наступил период конкретного укрепления союзнических отноше-

ний словаков с хорватами во главе с баном Елаичем, от которого все ожидали проведения решительной и самостоятельной славянской политики под руководством Д. Кушлана, а словацкая политическая элита — скорого военного выступления. Штур сотрудничает с Кушланом в недавно основанной им газете «Славянский Юг», которая в своей программе исходила из требований Славянского съезда и боролась за их осуществление.

В первых номерах этой газеты Штур публикует в качестве программной передовицы обширную аналитическую статью «Взгляд на европейские события 1848 г.». После очень интересного, поистине филигранного разбора революционных событий во Франции, Италии и Германии он оценивает ситуацию в славянском мире, включая Россию. Вспоминая дебаты Славянского съезда, он подчеркивает его большое морально-политическое значение, обусловленное объединением национально-политической борьбы угнетенных славянских народов, которые, так же как и остальные европейские народы, стремятся стать равноправными членами свободного, взаимно братски расположенного сообщества народов. Это, по его мнению, главный итог съезда, который не заглушили даже пушки Виндишгреца. Высоко оценивая инициативу сербов, которые первыми восстали против венгерских угнетателей, в чем предвосхитили нерешительных и неединодушных хорватов, от которых ожидали скорейшего присоединения к восставшим, он выразил надежду на то, что освобождение венгерских сербов и хорватов от владычества венгров поможет сплотить между собою и славян, стонущих под турецким ярмом¹².

Симпатии и сочувствие борющимся сербам доминировали у всех чешских и словацких патриотов, которые прибыли в Загреб из восставшей Праги. Доказательством этому служит важная миссия Й. М. Гурбана, который в своем пламенном и с воодушевлением принятом выступлении в хорватском сейме 2 июля 1848 г. обрисовал отчаянное положение словаков и призвал хорватов на помощь. После выздоровления он отправился далее в Карловац и оттуда в Белград. Он детально изучил тамошнюю ситуацию, завязал необходимые контакты, провел переговоры о взаимном сотрудничестве и действиях в вооруженной борьбе, получил конкретные обещания помощи и предоставления необходимых финансовых средств для вооруженного восстания словаков от патриарха Раячица, богатых сербских купцов, а в Белграде даже от сербского сенатора и временного министра просвещения (школ) Л. Б. Арсеневица.

Хотя Гурбан был осведомлен о нерешительном, даже индифферентном отношении сремских словаков к вооруженной борьбе православных сербов, он все же посетил вместе со своими соратниками Б. Абаффи и С. Белани многие их центры. Он издал особое воззвание к ним, проникнутое духом славянской взаимности и солидарности, в котором призывал их преодолеть конфессиональные различия и предрассудки и присоединиться

к сербам, с которыми собирались выступить хорваты и верхневенгерские словаки на борьбу против венгерских угнетателей¹³.

Л. Штур в то же время вел переговоры с Л. Гаем и особенно с баном Елачицем о сотрудничестве с другими военными формированиями в борьбе против венгров. Он приложил большие усилия в поиске финансовых средств для словацкой военной экспедиции, в чем преуспел. В частности, от находящегося в эмиграции сербского князя Михаила Обреновича, с которым перед тем ему удалось близко пообщаться (читая ему лекции по политическим наукам и дипломатии), Штур получил почти 50 000 злотых серебром (10 000 золотых дукатов) на приобретение 900 боевых пушек, (которые потом, по несчастью, утратил) и гарантии выполнения условий вербовки при наборе добровольцев в Вене. Князь Михаил потом тайно снабжал словацкий экспедиционный поход вплоть до Миявы. С точки зрения подготовки словацкого вооруженного восстания важное значение имела военно-дипломатическая миссия Ф. Заха в Загребе и особенно в Белграде, где в этом направлении активно работал и Я. Шафарик¹⁴.

Чрезвычайно важную роль сыграло и содействие словацкой национально-освободительной борьбы со стороны чехов. Наряду с моральной и политической поддержкой ими была оказана и конкретная материальная помощь, которую предоставил демократический кружок «Славянская липа», и особенно личное участие не только упомянутых выше военных командиров, но и большого числа добровольцев из Чехии и Моравии. Они вместе со словаками, хорватами и поляками, сосредоточившись в Вене, создали элитное ядро добровольческих формирований.

Перед походом в Словакию к ним присоединились еще около 150 добровольцев из Праги и Брно. Они отличались не только боевым задором, но и обладали необходимыми военными навыками и, таким образом, могли тотчас же принять на себя командные функции. Без всякого преувеличения, мы можем констатировать, что без участия чешских военных командиров и большого числа чешских добровольцев первое самостоятельное словацкое вооруженное восстание было бы немислимо. Но не менее важным следует признать их участие и в последующих боевых действиях, в т. н. зимней и летней кампаниях 1849 г.

Говоря о славянском характере словацкой политики в революции 1848–1849 гг. при ее активной и столь существенной поддержке с чешской, хорватской, сербской и первоначально даже с польской стороны, мы не можем не сказать о той важной роли и вкладе, который внесла в нее тогдашняя славянская печать. «Национальная газета» Гавличека и с 1 января 1849 г. «Газета Славянской липы»¹⁵, «Еженедельник» Огерала и другие чешские газеты, хорватский «Славянский Юг», многие сербские и польские газеты регулярно информировали о национально-освободительных акциях и борьбе словаков, печатая репортажи Л. Штура, Й. М. Гурбана, Б. Носака и др., а также

собственных корреспондентов и журналистов (В. Д. Лямбля, М. Микшичека и многих других). В значительной степени они способствовали складыванию благоприятного общественного мнения в отношении словаков и нейтрализации злостных нападок и обвинений, особенно в «страшно опасном и реакционном» панславизме, в приверженности которому дружно упрекала их немецкая и венгерская пресса, невзирая на свою политическую направленность.

Словацкая прославянская политика в названной революции, претерпев сложные перипетии, приобретала опыт в собственном славянском лагере в связи с тогдашними оценками действий венского двора, с одной стороны, и венгерской революции — с другой. Революционер Бакунин в ответе на письмо Штура, настойчиво призывавшего его в середине сентября 1848 г. оставить немцев и перейти на сторону словаков, ответил резкими обвинениями словацких лидеров в предательстве интересов революции, переходе на службу реакции и вреде всему славянству¹⁶. Польские добровольцы Бенковского после поражения сентябрьской экспедиции, по свидетельству Й. М. Гурбана, прямо указывали, что, если бы словаки самостоятельно боролись за права и свободу своего народа, они охотно пролили бы свою кровь за братский словацкий народ, но к австрийскому правительству, всегда непримиримому в отношении свободы народов, доверия не питают и потому пошли искать союзников в венграх¹⁷. Размолвки в рядах чешской и словацкой политической элиты вызывал вопрос об отношении к венской октябрьской революции и ее подавлению армией Виндишгреца при участии бана Елачича. До этого он дружно прославлялся как славянский герой, теперь же его действия стали предметом острой критики. Вопросом об отношении к Елачичу занимался и комитет «Славянской липы», который, однако, с удовлетворением принял его объяснения, что эта акция предпринималась в интересах славянских народов монархии и с точки зрения стратегии их борьбы против венгров была неизбежной, как и его убеждение, что он не является врагом свободы. Л. Штур и Й. М. Гурбан, которые вместе с другими членами Словацкого национального совета и чешскими депутатами перебрались из революционной Вены в Прагу, также помогли, благодаря своей популярности, значительно ослабить симпатии чешской радикально настроенной молодежи к венгерской революции и негативное восприятие Елачича¹⁸. Позитивное отношение к бану Елачичу и его противоречивой позиции и политике Штур и Гурбан сохранили и в дальнейшем.

Свою политическую позицию словацкие лидеры постоянно должны были отстаивать, подвергаясь острейшей критике, особенно со стороны поляков. Красноречивым свидетельством этого является письмо Штура к неизвестному польскому другу (предполагаем, что им мог быть К. Либельт или какой-нибудь другой участник Славянского съезда), написанное прямо перед отправлением из Праги в новый военный поход, т. н. зимнюю экс-

педицию против венгров 24 ноября 1848 г. Его опубликовала прогрессивная (левая) познанская «Польская газета» и вслед за ней краковское «Время». Штур в нем доказывает, что словаки не могут сейчас поступать по-другому, как бы этого, может быть, им хотелось, из-за своего бедственного положения, но они хранят верность «чистой славянской идее», которая в них живет и согревает их души, без которой им смерть. Напротив, он упрекает поляков в том, что они изменяют этой идее, вступая в союз с кем попало, в конечном итоге с главными врагами своих славянских братьев — немцами и венграми, и ищут спасения в каждом первом встречном. Что касается Елачича, то он заверял своего друга в том, что, близко познакомившись с ним, узнав его, внимательно наблюдая за всем, что он делал (хотя был момент, когда он в нем сомневался), он теперь убежден, что это человек благородный и славянин телом и душой, в чем сам вскоре убедится¹⁹.

На постоянное нежелание идти на уступки и шовинизм, проявляемые со стороны венгерского революционного правительства, не желавшего удовлетворять справедливые требования словаков, их политические представители упорно отвечали последовательным отстаиванием глубокого убеждения в неизбежности освобождения своего народа любой ценой из-под власти венгров. Для достижения этой цели они выработали целую стратегию и тактику национально-освободительной борьбы в революции. Этот путь они последовательно отстаивали даже тогда, когда из лагеря их славянских союзников, даже порой из собственных рядов, зачастую раздавались голоса, призывавшие к разрыву с политикой австрийского двора и правительства, все больше направленной на ликвидацию завоеваний революции и восстановление власти над всей монархией. Даже когда весной 1849 г. чешские радикальные демократы под влиянием бакунинского «Воззвания к славянам» и его последующей революционной агитации, в которой он призывал к критическому отношению к лояльной проавстрийской политике и антинемецким и антивенгерским настроениям, прославляли Кошута и демонстративно сжигали портреты бана Елачича, Л. Штур в письме к Й. Фричу осудил подобные действия, в которых, по его мнению, проглядывается неслыханное легкомыслие и политическая незрелость. Его глубоко задело то, что в Праге его и Гурбана объявили сервиллистами, а хорвата А. Т. Брлича, который призывал к примирению с венграми, он назвал лстивым иезуитом. Защищая словацкую политическую позицию, он извещал своего преданного чешского друга, ссылаясь на хорошие и надежные источники, что в скором времени на всей территории Словакии во всех учреждениях, высших и низших школах будет введен в употребление словацкий язык и что Словакия по воле народа получит полную самостоятельность²⁰.

Тем горше звучит у Штура критическая и самокритическая оценка славянской и словацкой политики в революции 1848–1849 гг., которую он

сформулировал в своем политическом трактате «Славянство и мир будущего», написанном весной 1851 г.²¹, как зачин для продолжительной дискуссии о новой концепции национально-освободительной борьбы славянских народов после поражения революции и о их несбывшихся планах и надеждах. Там, как известно, Л. Штур твердо осудил вместе с вероломной политикой венского двора и всю политику чешского и хорватского австрославизма, к которой в силу обстоятельств примкнули и словаки. «Чем все это кончилось и кто пожал плоды этого, — пишет Штур, — известно каждому. Обмануты надежды, разбиты австрийские сердца, и виновника этой политики, Палацкого, австрийцы объявили радикалом и врагом того правительства, которому он всего больше помогал в нужде»²². А бан Елачич, по мнению Штура, благороднейший человек, посягнувший на планы австрославистов, «съежился в австрийского чиновника, не имеющего даже власти удержать простого жандарма, когда тот вторгнулся в порядок общественной жизни»²³.

В этой неутешительной ситуации, в душной атмосфере баховского абсолютизма, Штур в мечтах об освобожденном и объединенном славянстве в качестве равноценного и равноправного члена европейской семьи народов обратил свои взоры (как в то время сделали и многие другие славянские политики) к единственно независимой великой славянской державе — России. Правда, к России, которая должна быть реформирована в духе прогрессивных требований времени. Разнообразными политическими средствами он стремился содействовать освобождению славян как неизбежной предпосылке их будущего объединения под ее эгидой. Он поступал так исходя из убеждения, выраженного уже в начале августа 1848 г. в упомянутой передовице газеты «Славянский Юг», что «дух славянский в России еще больше распространяется вместе с прогрессом свободы и там непременно проявится, и эта земля свершит великие дела для славянства и важные и судьбоносные для всего мира»²⁴.

Перевод со словацкого М. Ю. Досталь

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848–1849. Bratislava, 1937. T. 1. S. 323.*
- ² *Žáček V. Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbirka dokumentů. Praha, 1958. S. 16 и след.*
- ³ Известие об этом содержит: *Slovenské národné noviny. 7.IV.1848. № 276. S. 1104.*
- ⁴ *Rapant D. Slovenské povstanie... S. 326.*
- ⁵ Текст всей песни приведен в издании: *Sborník Matice Slovenské. III. S. 148.* Д. Рапант предполагает, что ее автором мог быть С. Халупка. См.: *Rapant D. Slovenské povstanie... S. 331.*

- 6 Сравни: *Sojková Z.* Slovanský sjezd a konec jara 1848 v politické publicistice L'udovíta Štúra // *Historický časopis.* 1996. R. 44. № 3. S. 401.
- 7 Его словацкий перевод содержится в книге: *Štúr L'.* *Slovania, bratia!* Bratislava, 1956. S. 262–273.
- 8 Сравни: *Sojková Z.* Slovanský sjezd... S. 402–404.
- 9 *Žaček V.* Slovanský sjezd v Praze... S. 48–50. Словацкий перевод приведен в книге: *Štúr L'.* *Slovania, bratia!* S. 253–254.
- 10 *Rapant D.* Slovenské povstanie... S. 295, 297, 360–361.
- 11 Выступления словацких делегатов приведены по протоколам съезда: *Žaček V.* Slovanský sjezd v Praze...; подробно их анализирует также Д. Рапант. См: *Rapant D.* Slovenské povstanie... II. 1. S. 3–24; о польском легионе см.: *Hurban J. M.* L'udovít Štúr. — *Rozpominky.* Bratislava, 1959. S. 635, 666–667.
- 12 *Štúr L'.* *Slovania, bratia!* S. 278–279.
- 13 *Rapant D.* Slovenské povstanie... II. 1. S. 43–45; II. 2. S. 82–85.
- 14 *Ibid.* II. 1. S. 45–47.
- 15 Об этом подробнее см: *Novotný J.* Slovanská lipa 1848–1849. I–II // *Acta Musea Pragensia* 75–76. Praha, 1975–1976.
- 16 *Listy L'udovíta Štúra.* Bratislava, 1960. III. S. 116–117.
- 17 *Hurban J. M.* L'udovít Štúr... S. 666–667.
- 18 *Novotný J.* Slovanská lipa... I. S. 51–53.
- 19 *Listy L'udovíta Štúra.* II. S. 286–287.
- 20 *Ibid.* S. 201–202.
- 21 О датировке возникновения трактата Л. Штура подробнее см: *Matula V.* Štúrov spis Slovanstvo a svet budúcnosti. Nové výsledky bádania o jeho vzniku, osudoch a hodnotení // L'udovít Štúr v súradniciach minulosti a súčasnosti. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie v dňoch 10.–11. januára 1996 / Zostavil I. Sedlák. Matica slovenská. 1997. S. 130–145.
- 22 Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людовита Штура. Второе издание. СПб., 1909. С. 138.
- 23 Там же.
- 24 *Štúr L'.* *Slovania, bratia!* S. 201–202.

Протоиерей *Николай Ким*
(Будапешт)

История русской духовной миссии в Венгрии. Судьба храма в Иреме и преемственность священства

В небольшом городке Ирем¹, пригороде венгерской столицы, находится один незаслуженно забытый, но в свое время имевший большое значение русский храм. Это храм святой мученицы Александры, воздвигнутый в самом начале XIX в. с целью вечного молитвенного поминовения безвременно усопшей особы российской императорской фамилии — великой княгини Александры Павловны Романовой.

Великая княгиня Александра, дочь императора Павла I, была выдана замуж за представителя австрийского императорского дома, эрцгерцога Иосифа Габсбурга, правителя Венгрии. Прожив в счастливом браке всего полтора года, она скоропостижно скончалась после родов в 1801 г. Ее краткое пребывание в Венгрии навсегда оставило глубокий след в памяти венгров, которые называли ее своей королевой. Расцвет венгерской культуры и искусства, рост национального самосознания, тесные связи с Россией — все эти заслуги великой княгини являются ее духовным наследием, сохраняемым уже более двух веков².

После ее кончины, по праву представительницы императорской фамилии, ей было положено вечное молитвенное поминовение, для чего над местом ее погребения был возведен православный храм и обеспечено постоянное совершение богослужений русским духовенством. Небольшой по размерам, но относящийся к привилегированному рангу придворных церквей, этот храм долгое время был главным представительством Российской Православной Церкви в Центральной Европе, именуемым «Офенская духовная миссия»³.

О краткой и во многом трагичной жизни великой княгини Александры Павловны в последнее время выпущено несколько популярных книг⁴, снят научно-биографический фильм⁵, ей была посвящена часть международной выставки, организованной Венгерским национальным музеем⁶ и прошедшей в 2005 г. в Государственном Историческом музее в Москве. Но о храме, построенном с целью ее вечного поминовения, о его двухвековой истории известно очень мало широкой публике. Часто можно встретить кочующее из статьи в статью в популярных изданиях ошибочное мнение, что этот храм не пощадило время и войны и до наших дней он, возможно, не сохранился⁷. Однако дело обстоит совершенно иначе. Храм пережил годы запустения и в наши дни обрел былой блеск и величие, в нем вновь возродилась полноценная духовная жизнь русского прихода.

Более того, практически нигде не отмечен такой малоизвестный факт, что именно храм в Иреме может считаться старейшим русским храмом в Европе ⁸ (имеются в виду неправославные страны и именно храмы, а не домовые церкви).

История Офенской миссии несколько отличается от истории типичного российского храма. Это связано в первую очередь с ее изначально высоким статусом придворной церкви в иерархии русских храмов. Авторитет и личные качества священников, служивших в миссии, соответствовали ее особому положению. Трое из настоятелей миссии были впоследствии духовниками императоров, среди них были также профессора духовных академий, писатель и литературный критик, известный богослов, почитаемый в народе подвижник благочестия.

Итак, наш храм имеет двухсотлетнюю историю, и на всей ее протяженности мы можем подробно и достоверно проследить преемственность священства, указывая не только имена и годы служения, но и другие интересные свидетельства, сохранившиеся в архивных документах, публикациях, надгробных надписях и прочих источниках. Нам удалось собрать и систематизировать сведения о большинстве настоятелей иремского храма, за исключением одного краткого отрезка времени начала 30-х гг. прошлого столетия.

История строительства храма. Само существование храма, его расположение и внешний облик являются результатом долгой и трудной дипломатической борьбы, которую практически в одиночку вел духовник великой княгини протоиерей Андрей Самборский. Это уже впоследствии русские царевны, выданные замуж за царственных особ европейских дворов, по своей кончине удостоивались вечного поминовения и возведения для этой цели отдельных православных храмов. Но исторический прецедент такого положения дел создан именно в Венгрии, благодаря огромным усилиям протоиерея Самборского, преодолевшего противодействие этому плану Венского императорского двора.

Дело в том, что католическая династия Габсбургов, имевшая среди своих подданных большое число православных народов, была крайне заинтересована в переходе из православия в католичество русской великой княгини. К этому было приложено немало усилий при ее жизни, которые не увенчались успехом, благодаря ее твердости в вере и постоянной поддержке ее духовника. Вообще, вопрос сохранения православия великими княгинями был принципиальным для российского императорского дома, и при заключении брачных договоров это условие было обязательным ⁹. Вопрос вероисповедания представителя династии был не личным, а политическим. Поэтому неудивительно, что даже и по ее кончине попытки Вены представить дело так, что усопшая перед смертью все же приняла

католичество, продолжились с еще большей силой. Единственным ясным и простым способом развеять эту ложь в глазах православного населения Австро-Венгерской империи и всей Европы было возведение православного храма над ее гробницей. Чего и стал добиваться опытный дипломат и священник Андрей Самборский. Впоследствии он описал события, следовавшие по кончине великой княгини, и свою дипломатическую борьбу за увековечивание памяти усопшей в своих мемуарах¹⁰. Из этих воспоминаний очевидно, что если сам факт существования храма можно считать результатом дипломатической победы отца Андрея, то его расположение, малые размеры и внешний вид говорят о том, что эта победа была все же неполной и австрийскому двору удалось в этих вопросах отыгратья¹¹.

Но тем не менее, хотя окончательный проект оказался совершенно иным, чем предлагался российской стороной, нельзя сказать, что он был совершенно неудачен и лишен художественной ценности. Наоборот, с эстетической точки зрения, творение придворного австрийского архитектора С. Хеппе¹² вот уже более двух веков вызывает подлинное восхищение всех ценителей архитектуры. Удивительно, как автору проекта удалось в малых формах передать две главные идеи сооружения — скорбь и величие. Кроме того, архитектурные мотивы как храма, так и сопутствующих элементов малых форм (мостик, ограда, окружающий сад, впоследствии ставший русским кладбищем) очень созвучны облику родины великой княгини — Санкт-Петербургу.

Существует некоторое разночтение относительно времени основания храма. На фронтоне здания выбита дата — 1802 год. Однако все документальные свидетельства указывают, что богослужения начались в 1803 г. Ясность снова вносят воспоминания первого настоятеля протоиерея А. Самборского, где он пишет о том, какое продолжительное время ему пришлось ожидать, чтобы добиться личного присутствия эрцгерцога Иосифа при торжественном освящении храма. То есть ситуация складывалась следующим образом: храм был заложен 19 июня 1801 г. в небольшой деревушке со швабским населением, принадлежащей палатину Иосифу, в 10 верстах от Будапешта, вскоре после кончины великой княгини¹³. Его строительство завершено уже 6 марта 1802 г. ровно к годовщине ее смерти¹⁴, а освящение состоялось лишь в 1803 г. в день памяти святого благоверного князя Александра Невского по церковному календарю (30 августа /12 сентября). Освящение храма совершил протоиерей Андрей Самборский в присутствии эрцгерцога Иосифа Габсбурга¹⁵. Кроме самого храма, по распоряжению эрцгерцога были построены дом для священника в самой деревне Ирем и дом для певчих на северо-западе вблизи от церкви¹⁶.

Тем самым храм в Иреме стал первым из ряда мемориальных храмов¹⁷, воздвигнутых в разных странах с целью молитвенного поминания русских великих княжон, состоявших в династических браках с предста-

вителями правящих домов Европы. Эта традиция началась с великой княгини Александры Павловны и продолжилась в дальнейшем.

Кроме возведения мемориальных храмов задолго до XIX в. существовала традиция устройства походных русских церквей вне пределов России при посольствах, торговых домах¹⁸, армейских частях и при дворах русской аристократии. Но отдельно стоящих зданий русских храмов как архитектурного явления прежде в Европе не было¹⁹. Поэтому мы с полным основанием можем утверждать, что Иремский храм является старейшим из сохранившихся на настоящий момент русских церковных зданий в Европе (разумеется, имея в виду территории, никогда не входившие в состав Российской империи).

Само здание храма построено «из камня местной породы и представляет собой удлиненный куб, увенчанный крестом, находящимся как бы поверх надгробного памятника»²⁰. Не совсем обычна внутренняя планировка храма. Несмотря на свои малые размеры, он имеет два придела. В главном приделе находится алтарь и престол в честь святой мученицы царицы Александры²¹, небесной покровительницы великой княгини. Другой придел храма назван в честь святого праведного Иосифа Обручника, небесного покровителя эрцгерцога Иосифа Габсбурга. Необычность этого придела заключается в том, что в нем расположен жертвенник, а не второй алтарь с престолом, как это устроено в большинстве многопридельных храмов. Тем самым наш храм двухпридельный, но однопрестольный.

Храм представляет собой памятник архитектуры, что подтверждено решением государственной комиссии по охране культурного наследия Венгрии. В связи с этим в 1960 г. на стене здания установлена официальная табличка. Прежде, в 1958 г., были опубликованы результаты архитектурно-исторических исследований памятника²².

С течением времени вокруг храма образовалось небольшое русское кладбище, где похоронены священники, диаконы, певчие и члены их семей, служившие в Иреме с 1803 по 1926 г. К сожалению, во времена забвения в середине XX столетия часть кладбища оказалась под постройками и огородами местных жителей.

Главным украшением храма в Иреме является чудом сохранившийся до наших дней иконостас, подарок императора Александра III к столетию со дня рождения великой княгини Александры в 1883 г.²³ Он выполнен под руководством академика В. В. Васильева²⁴ и размещен в храме во время настоятельства протоиерея Феофила Кардасевича. Единое целое с иконостасом составляет запрестольный образ Святой Троицы (новозаветный), являющийся художественной доминантой алтарной части.

И, конечно же, главная особенность храма, связанная с его первоначальным предназначением, — это наличие крипты под храмом. Крипта имеет простую округлую форму со сводом. В центре крипты медная гроб-

ница, покрытая бархатом, у гробницы деревянное распятие. На обратной стороне распятия можно прочесть краткую историю сооружения храма в память о великой княгине с перечислением поименно знатных особ, принимавших участие в этом благочестивом деле.

Освященный в 1803 г. храм святой мученицы царицы Александры относился к числу придворных церквей. Это само собой разумеющееся положение, ибо даже церковная утварь и иконы нововозведенного храма были из домового церкви великой княгини, которую доставил в Буду, установил и проводил в ней богослужения протоиерей Андрей Самборский.

Статус придворных храмов и положение священников, в них служивших, были довольно высокими в иерархии Русской Православной Церкви и российского общества. В 1798 г. привилегированное положение придворных священников законодательно оформил указ Павла I, по которому они, в отличие от епархиальных священников, получили наименование пресвитеров, «данное в знак уважения к высокому месту их служения при Высочайшем дворе»²⁵. При Александре I было образовано отдельное ведомство придворного духовенства во главе с протопресвитером Московского Благовещенского и Придворного соборов. Глава ведомства избирался государем и являлся его личным духовником или духовником членов императорской семьи. Дворцовые и придворные церкви, таким образом, вышли из местного епархиального подчинения.

Все русские православные церкви за рубежом (за исключением Америки и Японии, где существовали самостоятельные епархии) находились в ведении митрополита Петербургского. Известно, что храм в Иреме относился к разряду придворных церквей при надгробиях вместе с храмами в Висбадене, Гааге и Флоренции, штат которых составлял 12 служителей с общим содержанием около 35 тысяч рублей²⁶. Служению священника за рубежом всегда придавалось особое значение. Даже его поведение, внешний вид и манеры несколько отличались от привычного для того времени образа русского батюшки²⁷.

Кроме высокого положения в иерархии русских храмов, церковь св. Александры была особо выделяема и в Австро-Венгерской империи. Так, вплоть до кончины эрцгерцога Иосифа 13 января 1847 г. храму полагалась круглосуточная почетная стража²⁸.

Официальное название храма в церковных документах и епархиальных списках — Иремская придворная надгробная церковь святой Александры, с теми или иными вариациями. Хотя иногда встречается наименование — Офенская духовная миссия. Это же название есть на некоторых из сохранившихся книг когда-то богатой библиотеки храма.

В связи с этой, миссионерской, стороной жизни храма надо вспомнить о его знаменитой библиотеке. Ее начало положено книгами, привезенными из России для домового церкви великой княгини еще при ее жизни. Впо-

следствии книги пополнялись священниками, причтом и просто благодетелями на протяжении более столетия. Известно, что до Второй мировой войны в библиотеке было несколько сот томов духовной, художественной и научно-познавательной литературы. Во время войны значительная часть книг пропала. До наших дней дошло несколько десятков томов, причем некоторые отпечатаны еще во время царствования императрицы Елизаветы Петровны. Библиотеке Офенской духовной миссии посвятил работу венгерский исследователь Л. Гарди²⁹. Однако эта работа может считаться только началом для более серьезного изучения библиотеки Офенской духовной миссии.

Священство храма. Из разных источников, не только из архивных записей и статей в периодике за два столетия, но и по имеющимся материальным памятникам, как-то: надписи на надгробиях, на кресте в крипте, подсвечнике, иконах и т. д., нам удалось собрать данные практически обо всех настоятелях храма за его историю. Возможны неточности только в период с 1929 по 1939 г., когда сама ситуация с православными церквями Венгрии была крайне запутана. С учетом этой оговорки, список настоятелей выглядит следующим образом:

1. Протоиерей Андрей Самборский, служил с 1801 по 1804, †1815.
Похоронен в СПб.
2. Протоиерей Николай Музовский, служил с 1804 по 1810, †1848.
Похоронен в СПб.
3. Иеромонах Герман, служил с 1810 по 1817.
4. Иеромонах Геннадий, служил с 1817 по 1823, †1846.
Похоронен в Оптиной пустыни.
5. Протоиерей Федор Раевский, служил с 1823 по 1831.
Похоронен в Орловской губ.
6. Иеромонах Амфилохий, служил с 1832 по 1846, †1846.
Похоронен в Иреме.
7. Иерей Василий Судакевич, служил с 1848 по 1849, †1849.
Похоронен в Иреме.
8. Протоиерей Василий Войтковский, служил с 1850 по 1870, †1904.
Похоронен в Одессе.
9. Протоиерей Константин Кустодиев, служил с 1870 по 1875, †1875.
Похоронен в Иреме.
10. Иерей Михаил Мансветов, служил с 1875 по 1877, †1877.
Похоронен в Иреме.
11. Протоиерей Феофил Кардасевич, служил с 1877 по 1914.
12. Протоиерей Стефан Колумбов, служил с 1914 по 1926, †1926.
Похоронен в Иреме.

13. Иеромонах Савва (еп. Люблинский), служил в 1928, †1951.
Похоронен в Лондоне.
14. Священник Янош Руско, служил в 1930-х гг., †1943.
Похоронен в Будапеште.
15. Архимандрит Сергей Мусин-Пушкин, служил с 1939 по 1943, †1960.
Похоронен в Париже.
16. Протоиерей Янош Варью, служил в 1940-х гг., †2003.
Похоронен в Австрии.
17. Протоиерей Михаил Толмачев, служил с 1950 по 1973, †2004.
Похоронен в Мельбурне.
18. Протоиерей Иоаким Бабинец, служил с 1975 по 1988.
19. Протоиерей Иоанн Кадар, служил с 1988 по 2001.
20. Протоиерей Николай Ким, служит с 2001.

Первый настоятель — протоиерей Андрей Самборский³⁰, духовник великой княгини Александры Павловны, законоучитель внуков императрицы Екатерины Великой, известный церковный и общественный деятель. Неудивительно, что о нем сохранилось множество исторических сведений и воспоминаний. В архивах сохранилась его обширная переписка с придворными политиками и церковными иерархами³¹.

Более того, в конце XIX в. исследованию жизни и значения Самборского была посвящена диссертация священника Н. Стеллецкого «Протоиерей Андрей Самборский — законоучитель императора Александра I»³².

Вот сведения о начале его карьеры: «Обвенчавшись с англичанкой в Амстердаме, Самборский был рукоположен во иерея 8 сентября 1769 г. в Санкт-Петербурге. Одним из основных требований к кандидату было знание греческого, так как значительную часть прихожан составляли греки. Отец Андрей окончил Белгородскую семинарию и до отъезда в Лондон обучался в Киевской духовной академии»³³.

«Протоиерей Самборский долго жил в Лондоне, являлся поклонником экономических взглядов А. Смита, был свободен и независим в своих суждениях; несмотря на свой церковный сан, появлялся в обществе в партикулярном платье и бритобородым, что вызывало негодование у верхов российского духовенства. Однако Екатерина не обращала на это внимания, ценя в духовном наставнике великих князей ум и широту взглядов»³⁴. О том, насколько отец Андрей выделялся из ряда священников своей оригинальностью и либерализмом, говорит одно интересное свидетельство того времени: «митрополит Новгородский отказывался проводить церковные службы с его участием: он услышал, что народ думает, будто из-за безбородого попа Самборского случился неурожай, и обвинил его в новой ереси»³⁵.

Однако, благодаря своему хорошему образованию, замечательным личным качествам, Андрей Самборский очень быстро продвигался по лестнице

церковного и придворного служения, получив в зените своей карьеры все возможные для российского священника того времени чины и награды³⁶. Он был назначен законоучителем внуков великой императрицы, настоятелем Софийского собора в Царском Селе (освящен 20 мая 1788 г.)³⁷. Там же, в Царском Селе, он имел большой дом, подаренный ему императрицей, и 252 десятины земли, отведенных для первой в России «Практической школы земледелия», устроителем и директором которой он был³⁸.

Влияние Самборского на российское общество обусловлено не только собственными делами и проповедями, но и тем, что он находил и способствовал росту других талантливых людей. Так, например, он помог выдвижению М. М. Сперанского³⁹. Он был близким другом своего зятя, выдающегося просветителя-демократа, философа и писателя, организатора Лицея, основателя лицейской системы воспитания В. Ф. Малиновского. Дочь Самборского Софья Андреевна была супругой директора Царскосельского лицея. Благодаря этому молодой А. С. Пушкин сохранил теплую память о семье Самборских, чему свидетельство в коллективном стихотворении «Надо помянуть, непременно помянуть надо» (1833)⁴⁰.

Дочь Софьи Андреевны, Анна Васильевна Розен (Малиновская), была женой декабриста А. Е. Розена и в 1829 г. последовала за мужем в Сибирь. Вообще говоря, есть удивительные пересечения биографии его и членов его семьи с движением декабристов. Так, например, известно, что один из лидеров этого движения, Сергей Муравьев-Апостол, родился в доме Самборского в Петербурге⁴¹. Этот дом дал название переулку Самборского, где он находился, позже переименованному в Кричевский переулок. До наших дней дом не сохранился. В 1871 г. особняк перешел во владение графов Шереметевых и был полностью перестроен⁴².

Протоиерей Андрей скончался 5 октября 1815 г. в Михайловском замке в Санкт-Петербурге, где жил последние годы по благоволению императора Александра I, похоронен на Большеохтинском кладбище (в XIX в. оно называлось Георгиевское)⁴³.

По ходатайству Самборского, на его место в Иреме был назначен священник русской миссии в Турине Николай Музовский. В архиве МИД РФ сохранилось письмо Санкт-Петербургского митрополита Амвросия с просьбой об этом назначении⁴⁴.

Преемник Самборского в Иреме, молодой священник Н. Музовский (урожд. Лупп Васильевич Музовский, род. 23 августа 1772), в дальнейшем во многом повторил путь своего предшественника и даже в чем-то превзошел его. Он также впоследствии стал духовником императорской семьи и занимал одно из высших мест в русской церковной иерархии. Отец Николай служил в Иреме с 1804 по 1810 г. О нем оставил краткое воспоминание В. Броневский⁴⁵: «Отец Николай Музовский, проповедник, раньше служил при различных посольствах. Этим объясняется, что он носит черный фрак

и внешне ничем не напоминает русского священника... Отец Николай заслужил здесь великое уважение. Крестьяне протестантского исповедания приходят к нему из дальних деревень, он читает им Евангелие на немецком языке; по праздникам же посещают его добрые сербы из соседних деревень»⁴⁶.

Здесь же, в Иреме, отца Николая постигло большое горе — скончалась его супруга, и ее могила была первой на русском кладбище возле храма⁴⁷.

По окончании своего послушания в Венгрии Н. Музовский стал «законоучителем православного вероисповедания» в Царскосельском лицее (с 1811 по 1816 г.) как раз в то время, когда там учился А. С. Пушкин. Вполне возможно, что на эту должность отец Николай попал не без содействия протоиерея Самборского. Ведь, как уже отмечено выше, директор Царскосельского лицея В. Ф. Малиновский был зятем о. Андрея.

Известно, что протоиерей Музовский сопровождал принцессу Шарлоту (будущую императрицу Александру Федоровну) в ее путешествии из Берлина в Петербург в 1817 г. При этом он давал принцессе первые уроки русского языка и научал ее основам православного вероучения⁴⁸.

Интересно, что в феврале 1825 г. он совершил обручение четы Розен, о которых упоминалось выше.

В дальнейшем, уже в сане протопресвитера, Н. Музовский стоял во главе военного духовенства на должности обер-священника армии и флота (1827–1848 гг.), на этом поприще он известен тем, что установил правила ведения церковного хозяйства в армии. Также он был преподавателем Санкт-Петербургской духовной семинарии и с 1814 г. членом Российского Библейского общества, в которое в то время входили такие выдающиеся ученые и богословы как Киевский митрополит Серапион, Петербургский митрополит Амвросий, ректор Петербургской академии архимандрит Филарет. Влияние и значение протопресвитера Музовского в среде высшего духовенства Российской империи было настолько велико, что в ряде случаев он мог даже противостоять решениям могущественного обер-прокурора Святейшего Синода генерал-адъютанта Протасова.

Из летописи собора святой Екатерины в Царском Селе известно, что в 1840 г. 24 ноября — в День святой великомученицы Екатерины — духовником императорской семьи, придворным протопресвитером Н. Музовским с сонмом духовенства в присутствии Государя Императора Николая I и Цесаревича Александра Николаевича освящен главный престол собора⁴⁹.

Важнейшие письма и документы отец Николай подписывал так: «Святейшего Правительствующего Синода Член, Их Императорских Величеств Духовник Главного Штаба Гвардейского и Гренадерского Корпусов, Обер-Священник, Протопресвитер и Орденов: Св. Александра Невского с алмазными украшениями, Св. Владимира 2-го класса большого креста, Св. Анны 1-й степени с Императорскою короною и Прусского Красного Орла 3-й степ. Кавалер, Николай Музовский»⁵⁰.

После Музовского в Иреме служил иеромонах Герман (с 1810 по 1817 г.); он оставил по себе добрую память своей строгой иноческой жизнью, всегдашней готовностью подать помощь нуждающимся; он возвратился в Россию по старости; где и когда умер, неизвестно⁵¹.

При нем в 1814 г. во время проведения Венского конгресса совместно посетили храм: российский император Александр I, король Пруссии Фридрих Вильгельм и император Австрийский Иосиф⁵². В следующем году гробницу сестры посетила великая княгиня Екатерина Павловна в сопровождении австрийского эрцгерцога Иоганна⁵³.

В 1817 г. назначен был иеромонах Геннадий, прослуживший здесь до 1823 г.; его имя значится на двух надгробных памятниках, поставленных им над умершими в 1823 г. псаломщиками; по болезни он возвратился в Россию⁵⁴. О нем есть сведения в патерике Оптиной пустыни. Патерик содержит много важных данных о жизни отца Геннадия⁵⁵. Из Патерика мы узнаем, что будущий старец до своего служения в Венгрии был священником на кораблях Балтийского флота. Примечательно, что во время прохождения послушания за границей иеромонах Геннадий в качестве духовника сопровождал императору Александру I в его дипломатических поездках по странам Европы. В одном венгерском источнике⁵⁶ тоже есть упоминание об эпизоде, когда о. Геннадий сопровождал императора Александра на Лайбахский конгресс (1821). Несмотря на столь высокое положение при дворе и расположение императора, подвижник вернулся к простому монашескому житию. В 1831 г. во время эпидемии холеры в Петербурге он служил для больных в лазаретах. В 1834 г. прибыл в монастырь Оптина пустынь, где оставался вплоть до своей кончины в 1846 г. Характер старца Геннадия Оптинский Патерик передает следующими словами: «он был гостеприимен, ласков, разговорчив и до конца своей жизни любил тесный путь».

Старцу Геннадию «наследовал протоиерей Федор Раевский, служивший в Измайловском полку», человек уже немолодой, он оставался здесь до 1831 г., когда «по возникшим недоразумениям» вынужден был вернуться в Россию, где и скончался. «Его имя выгравировано на трисвечнике, им изготовленном, для нашей церкви»⁵⁷.

За Раевским «с 1832 по 1846 год, настоятельствовав иеромонах Амфилохий. Биографических данных о нем здесь нет. По рассказам, он владел достаточными личными средствами и был очень гостеприимен. На память о себе он подарил для церкви Иремской прекрасное иерейское облачение из золотой парчи и такую же одежду и пелены на престол и жертвенник и на два аналоя. Скончался 15-го марта 1846 года и погребен на кладбище близ церкви»⁵⁸.

Об отце Амфилохии есть мимолетное упоминание в записках И. И. Срезневского, посетившего Ирему в мае 1842 г.: «Он очень приятный человек,

служит здесь уже 11 лет и начинает забывать русский язык. Его произношение чистое, но он ищет подходящие выражения»⁵⁹. При нем в 1838 г. был проведен первый ремонт храма, о чем есть надпись на кресте в крипте.

После смерти иеромонаха Амфилохия «Иремский храм, по неизвестной причине, оставлен некоторое время без настоятеля; и только в 1848 году был назначен сюда кандидат академии Василий Судакевич, из диаконов парижской церкви, но прожил здесь с небольшим полгода, скончался в январе 1849 года от чахотки и погребен здесь же подле своего предшественника»⁶⁰. Об отце Василии есть запись в книге выпускников Санкт-Петербургской Духовной академии за 1845 г. о том, что он окончил курс академии со степенью кандидата.

В 1850 г. место настоятеля получил магистр богословия Василий Миронович Войтковский. После шестилетнего пребывания здесь он был переведен настоятелем посольской церкви в Копенгагене, но оставался там недолго и снова был возвращен к Иремскому храму и здесь прослужил до 1870 г.⁶¹

В книге выпускников Санкт-Петербургской Духовной академии записано, что В. М. Войтковский, поступивший из Подольской семинарии, закончил курс академии в 1849 г. со степенью магистра. Также его имя находится в списке клириков Санкт-Петербургской епархии за 1867 г., к которой относился придворный храм в Иреме⁶².

Во время служения отца Василия 11 сентября 1852 г. Иремский храм посетил наследник русского престола великий князь Александр Николаевич, когда приезжал в Венгрию на маневры, происходящие около Будапешта, а в 1866 г. — великий князь Константин Николаевич⁶³.

В архиве МИД РФ имеется переписка о. Василия с официальными органами в Вене по поводу обновления Иремского храма⁶⁴. Это письмо было ценным источником информации об оригинальном состоянии храма и его внутреннего убранства при проведении реставрационных работ уже в наши дни.

Известно, что протоиерей Василий был и одним из основателей русского храма в Карловых Варах в Чехии⁶⁵. После служения в Венгрии Войтковский вернулся в Россию. Он стал профессором церковной истории и богословия в Императорском Новороссийском университете и настоятелем университетского храма. Скончался В. Войтковский в 1904 г., оставив после себя богатое научное наследие⁶⁶. В Иреме похоронен его сын И. В. Войтковский, умерший в младенчестве 31 августа 1867 г.

После протоиерея Войтковского «на его место, в том же 1870 г., был переведен настоятель Мадридской посольской церкви, священник Константин Лукич Кустодиев»⁶⁷.

Отец К. Кустодиев — личность во многих отношениях замечательная, литературный критик, историк, богослов, путешественник, журналист.

К сожалению, яркая и творчески плодотворная жизнь о. Константина очень рано оборвалась. Вот что пишет о нем биографический справочник: «Кустодиев Константин Лукич — протоиерей иремской церкви близ Пешта в Венгрии, сын сельского дьякона, род. около 1837 г. в с. Цареве Саратовской губернии, ум. в 1875 г. Образование получил в саратовской духовной семинарии и в московской Духовной Академии. В начале октября 1862 г. определен был псаломщиком в Мадрид; в 1864 г. рукоположен к мадридской же церкви в священника, а в 1870 г. произведен в сан протоиерея и перемещен к иремской церкви в Венгрии, устроенной над могилой великой княгини Александры Павловны. Еще студентом Академии в 1861–1862 гг. он печатался в „Русской Речи“, „Русском Вестнике“ и „Московских Ведомостях“. Поступив на службу в Мадрид, он посещал университет, изучил испанский язык и занимался в посольском архиве. Плодом его занятий был ряд статей в „Христианском Чтении“, „Православном Обозрении“ и „Русском Архиве“. В Мадриде он был избран в члены ученого общества „Атеней“ и читал там некоторое время (в ноябре 1862 г.) лекции по русскому языку. В Иреме о. Кустодиев занялся историей угорской Руси и напечатал статьи по этой теме. В феврале 1874 г. он был избран профессором Петербургского университета на кафедру богословия, но, не вступив еще в эту должность, о. Кустодиев заболел тифом в 1875 г. во время поездки по Италии в Милане; погребен в Иреме, близ Пешта»⁶⁸.

Памяти К. Кустодиева посвящен труд священника Т-ского⁶⁹. Свидетельства о деятельности Кустодиева можно обнаружить во многих странах Европы. Память о нем как о талантливом миссионере-исследователе до сих пор хранят православные верующие Мадрида; во время настоятельства в Иреме он также окормлял приход в Карловых Варах, который был в то время приписан к Офенской миссии⁷⁰; в летописи русского храма в Дрездене обнаруживаем, что он участвовал в освящении и этого храма⁷¹.

После смерти о. Константина «его место занял священник Михаил Мансветов, определенный сюда из Санкт-Петербурга, — человек престарелый и болезненный. Он почил в Господе в 1877 году»⁷². Похоронен в Иреме.

После отца Михаила с 1877 г. настоятелем Иремской церкви был Феофил Кардасевич, до того времени 8 лет прослуживший в сане диакона придворной церкви в Штутгарте. Кардасевич закончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата в 1869 г.

Отец Феофил очень много потрудился для Иремского храма, он служил 37 лет (1877–1914), дольше всех его предшественников. В самом начале своего служения он провел восстановительные работы в обветшавшем здании, о чем говорит надпись на кресте в крипте. В 1883 г. он обеспечил размещение в храме подарка императора Александра III к 100-летию со дня рождения великой княгини Александры — нового иконостаса, о котором уже упоминалось выше⁷³. Кроме того, он опубликовал в ду-

ховно-просветительских журналах несколько статей, посвященных истории миссии и жизни великой княгини Александры. За время настоятельства Кардасевича Офенскую миссию посещали многие высокопоставленные персоны: болгарский князь Фердинанд Первый, эрцгерцог Владислав, сын эрцгерцога Иосифа, православные и католические архиереи⁷⁴.

Известно, что кроме своего настоятельства в Иреме отец Феофил был занят тем, что окормлял русскую колонию в Мерано⁷⁵. А после того как в Мерано был построен полноценный русский храм и туда был назначен для постоянного служения другой священник, протоиерей Феофил продолжил духовно поддерживать русских людей, оказавшихся в Италии, занявшись попечительством об общине церкви в честь Христа Спасителя, Великомученицы Екатерины и преподобного Серафима Саровского в Сан-Ремо⁷⁶.

Кардасевич служил в Иреме вплоть до начала Первой мировой войны. Этому есть подтверждение в списках духовенства Санкт-Петербургской епархии, к которой относились все заграничные приходы, за 1914 г. Многочисленные награды, которые имел этот заслуженный протоиерей, говорят о том, что он пользовался большим уважением не только в российской церкви. Среди его наград есть немецкие, сербские, болгарские и черногорские ордена⁷⁷.

Что случилось с причтом храма и настоятелем после начала войны, когда они покинули Венгрию и вернулись в Россию, неизвестно. Нет также данных, когда умер и где похоронен отец Феофил.

После отъезда Кардасевича в храме остался служить протоиерей Стефан Колумбов. О нем сохранилось мало сведений, но те, что мы имеем, довольно любопытны. Так, его отец, диакон Яков Колумбов, служил при Иремском храме с 1830 г., как явствует из надписи на его надгробии. Вместе с диаконом Колумбовым рядом похоронены его жена и дочери. То есть его сын Стефан был, скорее всего, уроженцем Ирема. Он оставался при храме вплоть до своей кончины в 1926 г. Таким образом, церковная династия Колумбовых верой и правдой служила при храме почти столетие.

Из венгерских источников узнаем, что о. Стефан входил в известный в то время «кружок» будапештских языковедов, поддерживал тесные приятельские отношения с венгерскими знаменитостями — Й. Сини, Б. Мункачи, О. Ашботом. Жил отец Стефан в Будапеште, по адресу Fő utca 18⁷⁸.

С отцом Стефаном Колумбовым прерывается история храма и Офенской духовной миссии как официального представительства Русской православной церкви в Венгрии. После его кончины местные жители долгое время поддерживали храм в надлежащем порядке, а православные священники из Будапешта (не только русские, но и сербы, венгры) совершали богослужения по особо памятным датам.

Время с 1926 по 1946 г. — самый неясный период для исследования не только хронологии служений в Иремском храме, но и вообще всей ситуа-

ции с православием в Венгрии. Изменения государственных границ, вхождение новых областей и народностей в состав Венгерского государства, неясность канонического положения этнических приходов и сложная ситуация в Русской церкви в России и за ее пределами — все это привело к полному хаосу в состоянии православных церковных юрисдикций на территории Венгрии. К счастью, последнее время появились несколько серьезных исследований этого периода, опираясь на которые, как и на ряд документальных свидетельств, обнаруженных нами в местных церковных архивах, можно примерно восстановить историю русского храма в Иреме в эти непростые годы.

После смерти русского настоятеля Колумбова в 1926 г. тогдашний владеец эрцгерцог Иосиф Август оставил храм на попечение греко-восточной церкви (обычное название для православной церкви в Венгрии в те годы). С тех пор не было ни постоянных священников, ни причта в Иреме. Литургию в храме служили разные православные священники, несколько раз в году.

Есть данные, что какое-то время в храме был настоятелем иеромонах Савва (Советов), будущий епископ Люблинский. Однако свидетельства по этому поводу несколько противоречивы. Так, М. В. Шкаровский считает периодом его настоятельства в Иреме начало 20-х гг.⁷⁹, в то время как из его биографии очевидно, что это могло быть только в 1928 г.⁸⁰ Тем не менее сам факт служения иеромонаха Саввы в Иреме вряд ли может вызывать сомнения. Другое дело, что это служение, скорее всего, было весьма непродолжительным.

Из целого ряда церковных документов и воспоминаний современников совершенно точно известно, что русский священник о. Сергей Мусин-Пушкин⁸¹ служил в Венгрии в конце 30-х — начале 40-х гг. прошлого века. Из обнаруженных письменных источников о его пребывании в Будапеште свидетельствуют воспоминания Н. М. Осоргина⁸² и ряд документов из церковных архивов будапештских храмов. Причем сведения о времени пребывания Мусина-Пушкина в Венгрии в этих источниках разнятся.

Так, Осоргин указывает период его служения в Венгрии с 1936 по 1940 г. С другой стороны, в архиве русского будапештского прихода (на ул. Лендваи 26) имеется метрическая книга, выданная в 1939 г. управлением русских церквей в Европе (т. н. евлогиянская ветвь русской церкви за рубежом) иеромонаху Сергию. В этой книге записи начинаются с 1939 г., а не с 1936. Кроме того, последняя запись, оставленная рукой о. Сергия, датируется маем 1944 г. Другие архивные документы (официальная переписка Мусина-Пушкина с венгерским православным администратором) относятся к периоду с 1942 по 1943 г. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что отец Сергей Мусин-Пушкин служил в Венгрии, по край-

ней мере, с 1939 по 1944 г. Был ли он здесь до 1939 г., из имеющихся материалов неясно.

Дальнейшая судьба Мусина-Пушкина хорошо известна. Он имеет непосредственное отношение к плеяде блестящих русских богословов знаменитого Свято-Сергиевского института в Париже. В 1945 г. о. Сергий переехал в Париж. Там стал настоятелем храма Сергиевского подворья (1948–1960). Возведен в сан архимандрита. Скончался 8 мая 1960 г. в г. Шелль близ Парижа. Похоронен на кладбище Сент-Женьев-де-Буа.

В церковных архивах венгерской православной администрации есть документы, из которых явствует, что в 30–40-х гг. прошлого века некто Янош Руско совершал службы в Иремском храме. Прежде он был офицером полиции. Став священником, возглавил приход святителя Иоанна Златоуста, который находился в 7-м районе Будапешта на площади Алмаши⁸³. Под храм было приспособлено помещение бывшего склада. Приход, очевидно, был венгерско-русским и потому имел попечение о покинутом русском храме в пригороде Будапешта.

Известно также, что в 1938 г. эрцгерцог Габсбург на свои деньги сделал ремонт Иремского храма. Об этой работе сохранилась запись под куполом, оставленная мастером, проводившим реставрацию. 3 июля этого года было совершено освящение храма после ремонта.

Янош Руско скоропостижно скончался в 1943 г.

После Руско приход Иоанна Златоуста возглавил отец Янош Варью. Нами обнаружены документы, датируемые 1945 г., где Я. Варью подписывается как «будапештский и иремский плебанос» (благочинный).

Варью был из числа почти полутора сотен православных священников Закарпатья, в 30-х гг. вдруг оказавшихся подданными Венгерского государства. Неясность их канонической принадлежности, долгое отсутствие всеми признаваемого правящего архиерея привели к тому, что среди них оказались некоторые люди с сомнительной репутацией, возможно, бывшие под запретом за прежние проступки, но в условиях административной неразберихи добившиеся высокого положения. Очевидно, к их числу относился и Янош Варью, приобретший в смутные послевоенные годы большое влияние. В 50-х гг. он был отстранен от служения, в 1956 г. уехал в Вену⁸⁴.

Кроме личности Варью, следует несколько слов сказать и о состоянии храма в то время. Храм во многом разделил участь городка Ирем. Местные коренные жители Ирема, швабы, были выселены, на их место перевезли жителей восточных областей Венгрии и Румынии. Они, в отличие от прежних жителей, не имели в памяти поколений и своих семейных традиций глубокого почтения к старинному русскому храму. Кроме того, просоветский режим, установившийся в Венгрии, проводил антирелигиозную политику и тем более не способствовал сохранению доброй памяти о пред-

ставителях «царизма». Вследствие такого положения дел, в Венгрии вообще и в городке Ирем в частности за годы социализма храм пришел в полное запустение. Богатое убранство и церковная утварь были разграблены, многие иконы, имеющие огромную историческую ценность, бесследно пропали, русское кладбище оказалось на грани разорения. Чудом сохранился лишь великолепный иконостас, подарок императора Александра III. Богослужения совершались раз в год на престольный праздник (6 мая — день св. Александры).

Однако в русской церкви хорошо помнили о святыне, находящейся в Венгрии. Так, следует отметить, что в долгих и сложных переговорах о присоединении венгерских приходов к Московскому Патриархату, проводившихся в конце 1940-х гг., одним из первых пунктов стояло возвращение Русской Православной Церкви Иремского храма⁸⁵.

В 1950 г. Я. Варью передал Михаилу Толмачеву⁸⁶ русский приход в Будапеште. К тому времени русский и венгерский приходы входили в состав т. н. Венгерской православной администрации, находящейся в юрисдикции Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Русский будапештский приход назван в честь преп. Сергия Радонежского. После Второй мировой войны этот приход остался единственным русским православным приходом в Будапеште. К нему и был приписан храм в Иреме. Отец Михаил служил в Венгрии до 1973 г., после чего с семьей переехал в Австралию.

После отъезда о. Михаила настоятелем русского прихода в Будапеште был назначен протоиерей Иоаким Бабинец. Он служил с 1975 по 1989 г. В Иремском храме совершал богослужения на престольный праздник.

Во время его настоятельства было совершено несколько ограблений храма, одно из которых вызвало большой общественный резонанс. 26 апреля 1981 г. грабители взломали гробницу великой княгини в надежде найти богатые царские украшения⁸⁷. Такое святотатственное нарушение покоя усопшей вызвало обоснованное возмущение и тревогу за будущую сохранность ее земных останков. По этой причине о. Иоаким собственноручно забрал останки из гробницы и перевез их в усыпальницу Габсбургов, которая находится в подземелье их бывшего королевского дворца, ныне Национальной галереи⁸⁸.

После о. Иоакима настоятелем русского прихода в Будапеште назначен выпускник Ленинградской духовной семинарии священник Иоанн Кадар. Он служит в храме преп. Сергия Радонежского на ул. Лендваи в Будапеште с 1989 по сей день. До 2001 г. на нем лежала ответственность и за состояние Иремского храма. При нем началось постепенное улучшение состояния храма и прилегающей к нему территории. Внутри храма впервые за многие десятилетия был проведен косметический ремонт. Богослужения по-прежнему проводились раз в год на престольный праздник при стечении русских прихожан из Будапешта.

С 2001 г. и по настоящий момент настоятелем храма в Иреме является протоиерей Николай Ким. Биографическая справка: «Родился в 1960 году, в Ленинграде. Выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии, кандидат богословия. Рукоположен в сан священника в 1992 в Санкт-Петербурге. С 2000 года штатный священник русского прихода в Будапеште. Инициировал начало работ по восстановлению храма в Иреме и возобновлению регулярных богослужений. 7 сентября 2001 года получил указ архиепископа Венского и Будапештского Павла с благословением на труды по возрождению Иремского храма. 6 сентября 2003 года на торжествах по случаю 200-летия храма указом епископа Венского и Австрийского Илариона назначен настоятелем иремского храма»⁸⁹.

Итак, совершив краткий обзор событий и личностей, связанных с Иремским храмом, теперь можем бросить общий взгляд на его историю. Здесь уместно вспомнить термин «микроистория», часто встречающийся последнее время в научных публикациях. Причем применительно к русской духовной миссии в Венгрии этот термин действительно наполнен его изначальным смыслом — как отражение в частной истории общеисторических тенденций.

Для более ясного представления истории Офенской духовной миссии приведем ее условную периодизацию:

1-й период. С 1803 по 1848 г. Время наивысшего значения храма. Совпадает со временем правления Иосифа Габсбурга в Венгрии, любящего супруга Александры Павловны. Оканчивается смертью эрцгерцога и событиями венгерской революции 1848 г.

2-й период. С 1850 по 1926 г. Время служения замечательных священников, пользующихся серьезной поддержкой императорской России. Благодаря преданности и чувству долга последнего из них, о. Стефана Колумбова, этот период окончился не с падением Российской империи, а лишь со смертью оного.

3-й период. С 1926 по 1950 г. Начало забвения. Время между двумя войнами и сразу после Второй мировой войны, когда ситуация с православными приходами и клириками в Венгрии характеризовалась крайней неустроенностью.

4-й период. С 1950 по 2001 г. Запустение храма. Совпадает с периодом социалистической Венгрии. Логичный итог — многочисленные ограбления и перенесение из храма его главной святыни — земных останков великой княгини.

5-й период. С 2001 г. по настоящее время. Возрождение храма, осмысление его исторического значения и возвращение внешнего благолепия. Полноценное возобновление богослужебной жизни.

Отметим, что для всех периодов характерны несколько общих черт: миссионерская направленность служения священников, их серьезный на-

учный и богословский уровень, высокий авторитет не только среди прихожан, но и далеко за пределами Ирема и Будапешта. Не прерывающееся на протяжении двух столетий, молитвенное свидетельство оказывало благотворное влияние на самые отдаленные уголки как империи Габсбургов, так и современной Венгрии. Например, отмечается значительное влияние русских священников Офенской миссии на интеллигенцию Закарпатья⁹⁰. Они вели дипломатическую работу, проводили научные исследования, занимались публицистикой, окормляли многочисленные русские общины по всей Австро-Венгрии и в близлежащих странах, основывали приходы, строили храмы, занимались духовным просвещением местного населения.

В заключение кратко обрисую состояние храма в настоящий период. В 2001 г. по инициативе священника Свято-Сергиевского прихода в Будапеште протоиерея Николая и нескольких прихожан началось возрождение этого единственного старинного русского храма в Венгрии. Без внешней поддержки, лишь усилиями настоятеля и малочисленной группы верующих, было обеспечено возобновление регулярных богослужений, восстановление храма и прилегающего русского кладбища. За короткое время это место приобрело былую известность, церковь посетили представители династических фамилий Габсбургов и Романовых, высокие государственные чиновники России и Венгрии, православные и католические церковные иерархи.

Так, в 2003 г. были проведены торжества по случаю 200-летия основания храма. При большом стечении гостей, среди которых были представители российского посольства и католического кардинала, совершено освящение мемориальной стены на северной стороне кладбища с иконами Богородицы, святых — царя Николая и короля Иштвана, выполненными известной венгерской художницей по керамике Марией Петраш⁹¹.

6 сентября 2004 г. с согласия семьи Габсбургов, принявших во внимание возобновление полноценной богослужebной жизни и проведенную в короткий срок реставрацию здания и прилегающего кладбища, земные останки великой княгини Александры Павловны возвращены из фамильной крипты Габсбургов в крипту нашего храма. Торжества по поводу этого события, знаменующего собой полное возрождение бывшей святыни, возглавил Преосвященнейший Иларион, епископ Венский и Австрийский, управляющий Венгерской епархией⁹². Панихида и речи почетных гостей происходили при многотысячном стечении народа, участии представителей венгерского и российского государств, личном присутствии примаса католической церкви Венгрии кардинала Петера Эрде, а также членов семей Габсбургов и Романовых⁹³. Многие венгерские СМИ как до, так и после этого события давали информацию об истории жизни русской царицы Александры Павловны и о храме, воздвигнутом в ее честь⁹⁴.

В октябре того же года возрожденную святыню посетил постоянный член Святейшего Синода Русской Православной Церкви, председатель

Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл и вручил настоятелю церковный орден преп. Сергия Радонежского III степени, присвоенный ему, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, за труды по восстановлению Иремского храма.

После возвращения останков великой княгини реставрационные работы в храме не прекратились. В 2005 г. группой реставраторов — К. Эберт и Я. Папп-Шереметьев — была проведена реставрация росписи внутреннего купола. Эта работа дала ряд интересных новых исторических данных, которые были представлены на XXXI международной конференции реставраторов в Венгерском национальном музее в 2006 г.⁹⁵

О современном состоянии храма посетители уже упоминавшейся международной выставки «Венгерское королевство между двумя империями» прошедшей в 2005 г. в Москве, могли судить по фильму, снятому творческой группой Венгерского национального музея и демонстрировавшемуся в рамках выставки⁹⁶.

В настоящее время храм и кладбище полностью восстановлены, богослужения совершаются каждую неделю, недостающая богатая церковная утварь восполнена. Это святое для русской памяти место пользуется уважением и неизменным интересом гостей Венгрии и местных жителей. Для российской дипломатии и венгерских властей оно вновь стало зримым символом глубоких исторических корней российско-венгерских отношений⁹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Венгерское название *Ügöm* в русских документах начала и середины XIX в. пишется Иром, позже — Ирем.
- ² *Боднар Э.* Венгерско-русские связи в XIX веке: палатин Иосиф и Александра Павловна // Двенадцать столетий венгерско-русских отношений. (Доклады, прозвучавшие на юбилейной конференции Центра русистики Будапештского университета им. Этвеша Лоранда 26 мая 2005 г.) Будапешт, 2005. С. 51–58.
- ³ Офен — старинное название Буды времен Австро-венгерской империи.
- ⁴ *Данилова А.* Пять принцесс. Дочери императора Павла I. Биографические хроники. М., 2001; *Воловик О. Е.* Александра. Жизнь, семья, судьба, память. СПб., 2004.
- ⁵ “Alexandra Pavlova, a magyarok királynéja”. Rendező: Szakály I. Budapest, 2007. Версия фильма на русском языке — «Александра Павловна, королева венгров». Н/п. фильм. Реж. И. Сакаи. Будапешт, 2007.
- ⁶ Венгерское королевство между двумя империями. Русско-венгерские государственные и культурные связи в XIX веке. Государственный исторический музей, 16 февраля 2005 года — 31 мая 2005 года. Издание к выставке. Будапешт, 2005.
- ⁷ См. например: *Данилова А.* Пять принцесс... М., 2001. С. 138.
- ⁸ *Кардасевич Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма в Иреме // Прибавления к церковным ведомостям. 1903. № 43. С. 1671.

- ⁹ См. например: *Jena D. Maria Pawlowna. Grossherzogin an Weimars Musenhof.* Graz; Wien; Köln, 1999. S. 53.
- ¹⁰ *Андрей Самборский*, протоиерей. О пребывании великой княгини Александры Павловны в Венгрии. (1799–1801 гг.) // Памятники новой русской истории: В 3 т. СПб., 1872. Т. 2. Отд. 2. С. 47–68.
- ¹¹ Там же. С. 63–64.
- ¹² *Üröm. Budai járás // Magyarország Műemléki Topográfiaja.* V kötet. Pest Megye Műemlékei. II. / Szerk.: Dercsényi G. Budapest, 1958. 242.
- ¹³ *Karadasevich Ф.* Великая княгиня Александра Павловна (К столетию со дня ее кончины) // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1901, № 9. С. 328.
- ¹⁴ Православный храм в Ироме, в Венгрии // *Нива.* 1889. № 11. С. 291.
- ¹⁵ *Андрей Самборский*, протоиерей. О пребывании великой княгини... С. 65.
- ¹⁶ *Ortenburg H. Üröm és az ürömi sírkápolna.* Pest, 1860. 14.
- ¹⁷ См.: Русские храмы и обители в Европе / Под ред. В. В. Антонова. СПб., 2005. С. 6.
- ¹⁸ Так, еще в 1745 г. в Токае была устроена домовая Успенская церковь при комиссии по закупке вин для русского двора. См.: *Sasvári L. Keleti keresztények Magyarországon.* Kairosz Kiadó. Győr, 2005. 31.
- ¹⁹ См.: Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2005; *Тальберг Н.* Православное храмоздание Императорской России в Европе // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь». 1958.
- ²⁰ *Тальберг Н.* Православное храмоздание... С. 137–163.
- ²¹ Согласно ее житию, царица Александра была византийской императрицей в начале IV в. нашей эры и пострадала за Христа одновременно с великомучеником Георгием Победоносцем.
- ²² *Üröm. Budai járás...* 238–245.
- ²³ Краткое описание иконостаса см.: *Nagy M. Ortodox ikonosztázionok Magyarországon.* Debrecen, 1994. 176–177.
- ²⁴ Иконостас в русском храме, в селе Ироме, в Венгрии // *Всемирная Иллюстрация.* 1883. № 660. С. 87.
- ²⁵ «По рангу российских чинов протопресвитеры приравнялись к архиепископам. Значит они были чем-то вроде кардиналов. Ведомство протопресвитера придворного духовенства не было многочисленным. К нему принадлежало духовенство собора Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, московских Благовещенского и Архангельского соборов и разных придворных церквей — всего не много более 40 священников, столько же диаконов» (*Шавельский Г.*, протопресвитер. *Русская Церковь перед революцией.* М., 2005. С. 409).
- ²⁶ «Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений Министерства иностранных дел». СПб., 1869. Цит. по: *Чернявская Л. С.* Документы архива Министерства иностранных дел по истории русских православных миссий за границей // *Отечественные архивы.* 2001. № 4. С. 29–34.
- ²⁷ Так, например, предписывалось «босоножно не ходить, но в сапогах, какие там употребляются, или в башмаках с чулками черными». Запрещалось «продавать на улице свечи церковные, или выставлять столики на улице для сбора денег». По городу надлежало «чистою коляскою ездить, а не пешком ходить». См.: *Сарни М.* Русская Церковь в Лондоне // *Православный мир.* 2006. № 19 (344).

- 28 *Kardasevich Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма... С. 1677.
- 29 *Tardy L.* A 'budai orosz könyvtár' és az ürgömi mauzóleum orosz leírói // *Az Országos Széchényi Könyvtár Évkönyve*. 1965–1966. Budapest, 1967. 429–445.
- 30 В публикациях начала XIX в. его фамилия часто встречается в написании — Самбурский.
- 31 Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Характеристика фонда: Ф. 620; 208 ед. хр.; 1764–1816. Переписка А. А. Самборского: с А. Н. Голицыным, А. Б. Куракиным, Н. С. Мордвиновым, П. А. Паленом, Д. П. Троцинским. Письма А. А. Самборского: имп. Александру I, А. Д. Балашову, А. Р. Воронцову, А. М. Голицыну, И. И. Дмитриеву, П. А. Зубову, В. П. Кочубею, И. П. Кутайсову, имп. Марии Федоровне, имп. Павлу I, А. К. Разумовскому, Ф. В. Ростопчину, Н. И. Салтыкову, М. М. Сперанскому, А. А. Чарторыйскому. Письма А. А. Самборскому: Г. И. Базилевича, А. А. Безбородко, С. И. Гагарина, Е. Р. Дашковой, Н. А. Демидова, С. С. Джунковского, М. И. Кутузова, М. Е. Ливанова, А. Ф. Малиновского, И. М. Муравьева-Апостола, Г. А. Потемкина, А. Я. Протасова, Н. П. Румянцева, З. Г. Чернышева, С. И. Шешковского; письма архиереев, архимандритов, священников на рус., англ., греч., лат. яз.
- 32 *Стеллецкий Н.*, свящ. Протоиерей Андрей Самборский — законоучитель императора Александра I // *Труды Киевской духовной академии*. 1896. № 10–12.
- 33 *Сарни М.* Русская Церковь в Лондоне...
- 34 *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998. С. 287.
- 35 Записки Михаила Грановского, 1786–1790 // *Русская старина*. 1876. № 5. С. 13. Цит. по: *Исабель де Мадариага*. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 906.
- 36 Награжден Екатериной II бриллиантовым крестом на голубой ленте; в 1799 г. получил орден св. Анны I класса; по возвращении из Венгрии награжден алмазными знаками ордена св. Анны.
- 37 *Вильчковский С. Н.* Царское село. СПб., 1911. С. 231. Репринт. 1992.
- 38 *Смирнов В. Н., Рабин Э. Э.* Прогулки по старому городу. СПб., 2006. С. 205.
- 39 См.: *Томсинов В. А.* Светило русской бюрократии (М. М. Сперанский). Изд. 2-е, доп. М., 1997. С. 16, 59.
- 40 *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 2.
- 41 Петербург декабристов. Справочник. СПб., 2000.
- 42 *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1996.
- 43 *Приамурский Г. Г., Валдин В. В.* Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 402–416.
- 44 Этот документ обнародован на выставке «Православная святыня на венгерской земле. К перезахоронению великой княгини Александры Павловны Романовой в храм-усыпальницу в Иреме». Выставка проходила в Российском культурном центре в Будапеште при посольстве Российской Федерации в Венгрии со 2 по 17 сентября 2004 г.
- 45 Броневский Владимир Богданович (1784–1835). Военный писатель. Входил в круг знакомых А. С. Пушкина.
- 46 Цит. по: *Стеллецкий Н.*, свящ. Протоиерей Андрей Самборский...
- 47 *Ortenburg H.* Ürgöm és az ürgömi sírkápolna. 15.
- 48 *Шильдер Н. К.* Император Николай Павлович с 1814 по 1822 годы // *Русская старина*. 1901. № 6.

- 49 Царскосельский Екатерининский собор. 1840–1890 гг. СПб., 1890 (репринт) // Екатерининский собор. Альманах. СПб., 2007. Вып. 1. С. 54.
- 50 РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 711. Л. 11.
- 51 *Кардасевич Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма... С. 1674.
- 52 Об этом посещении статья в венгерской газете: *Magyar Kurír*. 18.XI.1814, цит. по: *Tardy L.* A 'budai orosz könyvtár' és az ürömi mauzóleum orosz leírói... 438.
- 53 *Йена Д.* Екатерина Павловна: великая княжна, королева Вюртемберга. М., 2006. С. 255. См. также: *Magyar Kurír*. 16.VI.1815.
- 54 *Кардасевич Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма... С. 1674.
- 55 Подвижники благочестия Оптиной пустыни // Оптинский Патерик. Саратов, 2006. Гл. 3.
- 56 *Tardy L.* A 'budai orosz könyvtár' és az ürömi mauzóleum orosz leírói... 439.
- 57 *Кардасевич Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма... С. 1674.
- 58 Там же.
- 59 Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С.293.
- 60 *Кардасевич Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма... С. 1675.
- 61 Там же.
- 62 Справочный указатель соборов и церквей Санкт-Петербургской епархии и состоящих при них священнослужителей и приходов. СПб., 1867.
- 63 *Кардасевич Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма... С. 1678.
- 64 Документ обнародован на выставке в РКЦ в Будапеште (см. выше примеч. 44).
- 65 *Черкасов-Георгиевский В. Г.* Русский храм на чужбине. М., 2003.
- 66 Избранные труды В. Войтковского: «О православной церкви в австрийских владениях»; «Об униатской церкви в Австрии»; «О церковном положении глаголитов», «О религиозном движении в Галиции»; «Обрядовой вопрос в Галиции»; «Об упадке богослужения в протестантской церкви»; «Платон Атанаскевич, заслуженный сербский епископ в Австрии»; «Начатки христианства между мадьярами».
- 67 *Кардасевич Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма... С. 1675.
- 68 Труды К. Кустодиева: «Обзор духовной журналистики в 1860 г.»; «Сведения о капуцинах и иезуитах Астрахани в прошлом и начале нынешнего столетия»; «Христианство в Испании под владычеством мусульман»; «Жизнь сельского духовенства в Англии»; «О церкви и государстве в Америке»; «Последнее дело угорских русинов в Вене в 1849 г.»; «Конгресс католиков в Венгрии и угорские русские»; «Церковь угорских русских и сербов в их взаимоотношении»; «Церковно-административные реформы сербской церкви в Венгрии» и «История пряшской епархии в Венгрии» (*Половцов А. А.* Русский биографический словарь. 1896–1918).
- 69 *Т-ский*, священник. Отец Константин Лукич Кустодиев и его жизнь в Испании // Странник. 1884. № 1, 2.
- 70 Там же.
- 71 *Антонов В. В., Кобак А. В.* Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2005. С. 85.
- 72 *Кардасевич Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма... С. 1675.
- 73 *Кардасевич Ф.* Письма из Венгрии // Церковный Вестник. 1883. № 37. С. 8.
- 74 *Кардасевич Ф.*, протоиерей. Столетие православного русского храма... С. 1678–1680.

- 75 См.: *Талалай М. Г.* Русская колония в Мерано. Больцано, 1997; Устав православной во имя Св. Николая Чудотворца церкви в Меране. Будапешт, 1885.
- 76 См.: *Талалай М. Г.* Русская церковь в Сан-Ремо. Сан-Ремо, 1994.
- 77 Св. Владимира 3 ст., св. Анны 2 ст., Фридриха Виртембергского 1 кл., Черногорского Даниила I–го 3 ст., Сербского св. Саввы 3 ст. и Болгарского св. Александра 4 ст. офицерский крест.
- 78 *Targy L.* Régi hírünk a világbán. Budapest, 1979. 213.
- 79 *Шкаровский М. В.* Русская церковная эмиграция на территории Венгрии в 1939–1945 гг. // www.bogoslov.ru
- 80 См.: *Spuler B.* Die orthodoxe Kirche in Polen // Osteuropa-Handbuch. Polen (Köln, 1959) 61, 115, 116.; *Свитыч А. К.* Православная церковь в Польше и ее автокефалия. Buenos Aires, 1959. С. 130, 181, 186, 194, 195; *Понов А.* Гонение на православие и русских в Польше в XX веке. Belgrad, 1937. С. 42.
- 81 См.: Сайт «Русское Православие» — www.ortho-rus.org
- 82 Свято-Сергиевское подворье в Париже. К 75-летию со дня основания. Сборник воспоминаний. СПб., 1999. С. 241.
- 83 *Sasvári L.* Keleti keresztények Magyarországon. Kairosz Kiadó. Győr, 2005. 36.
- 84 О деятельности Я. Варью на посту администратора венгерских православных приходов и о событиях церковной жизни в Венгрии сразу по окончании Второй мировой войны см.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. М., 2008.
- 85 Там же. С. 337.
- 86 «Михаил Дмитриевич Толмачев родился 3 сентября 1920 года на острове Лемносе (Греция) в семье русских эмигрантов дворянского происхождения. Вскоре после его рождения семья переехала в Белград, где Михаил окончил русскую гимназию. В 1939 году окончил строительный институт в городе Нови Сад. 5 июля 1941 года главой Русской Зарубежной Церкви митрополитом Анастасием рукоположен в сан диакона, а 22 декабря 1943 года епископом Бачским Иринеем (Сербская Православная Церковь) — в сан священника с назначением настоятелем прихода в селе Српска Милетич. В 1950 году был вместе с семьей депортирован в Венгрию, где вступил в юрисдикцию Московского Патриархата и был назначен настоятелем русского православного храма во имя преподобного Сергия Радонежского в Будапеште. В 1973 году был направлен в Австралию для окормления русских православных верующих, пожелавших вернуться в лоно Матери-Церкви». Биографическая справка взята из некролога отцу Михаилу на официальном сайте Московской Патриархии — www.mospat.ru
- 87 *Juhász É.* Alexandra Pavlovna sírkápolnájá // Üröm (Ürömi örökségünk). Etyek, 2000. 43–46.
- 88 *Máté T. G.* Hercegek, grófok és egyebek. Ismét Ürömon nyugszik Alekszandra Pavlovna Romanova nagyhercegnő // Magyar Hírlap. 13.IX.2004. (214.szám). 20.
- 89 Энциклопедия корейцев России. М., 2003. С. 946–947.
- 90 *Пронин В.*, архим. История Православной церкви на Закарпатье. Мукачево, 2005. С. 380.
- 91 *Bondor G.* Ikonszentelés az orosz kápolnánál // Ürömi Tükör. 23.V.2003.
- 92 Речь епископа Илариона см.: *Bánó A.* Pál cár leányából nem lehetett királyné // Magyar titkok nyomában. Budapest, 2005. 48.

- ⁹³ *Szendrei L.* Cári temetés Ürömön // Népszabadság. 13.IX.2004. (214/2.szám). 20; Újratemetés Ürömön // Magyar Nemzet. 13.IX.2004. (241.szám). 17.
- ⁹⁴ *Bánó A.* Alexandra Pavlovna újratemetése // Reform. 10.IX.2004. (21.szám). 10–11; *Szendrei L.* Cári temetés Ürömben // Népszabadság. 10.VIII. 2004. (186/2.szám). 11.
- ⁹⁵ *Seremetyeff-Papp J., Jébert K.* Az örömi sírkápolna boltozati falképeinek restaurálása // XXXI. Országos Restaurátor Konferencia. Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest, 2006, január 26.
- ⁹⁶ *РадиомиК.* Венгерскоекоролевствомеждудвумяимпериями. Русско-венгерские государственные и культурные связи в XIX веке. Выставка в московском Государственном Историческом Музее 16 февраля — 31 мая 2005 года // Двенадцать столетий венгерско-русских отношений (Доклады, прозвучавшие на юбилейной конференции Центра русистики Будапештского университета им. Этвеша Лоранда 26 мая 2005 г.). Будапешт, 2005. С.64.
- ⁹⁷ Подробную информацию об истории и современном положении Офенской духовной миссии можно найти по адресу в Интернете — <http://ofen.orthodoxy.ru>

Л. М. Аржакова
(С.-Петербург)

Н. Я. Данилевский и его современники о месте поляков в славянском мире

Исторические судьбы Польши, место поляков в славянском мире — это, как известно, те проблемы, которые будоражили пореформенное русское общественное мнение и породили обширную литературу. При характеристике отечественных студий, появившихся в 1860–1870-х гг. и касающихся данной проблематики, историографы, как правило, концентрируют свое внимание на исследованиях такого класса, как монографии Соловьева или Костомарова. Книги непрофессионалов-историков — например, Н. Я. Данилевского — редко попадают в поле зрения.

Однако такой выбор источников явно недостаточен. В контексте заданной темы — «Представления российского общества о месте поляков в славянском мире», — думается, именно трактат Данилевского «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому» (1869) может претендовать на то, чтобы занять одно из первых мест. Объяснение тому самое простое: этот трактат, увидевший свет без малого 140 лет тому назад и в последние 10–15 лет неоднократно переиздававшийся, являет собой уникальное, почти полное собрание стереотипов по поводу Польши, имевших хождение в тогдашнем русском обществе. Но важно при этом и другое. Стереотипы такого рода Данилевский привел в по-своему логичную систему, и они достаточно органично вошли в созданную ученым теорию движения и развития культурно-исторических типов.

В данном кратком сообщении акцент сделан на характере, качестве той информации о поляках и их месте в славянском мире, какой оперировал автор «России и Европы», и, что не менее существенно, на том, как он эту информацию трактовал.

Если оставить в стороне историософскую часть сочинения Данилевского, книга его, по сути, как известно, представляла собой не что иное, как антипольский (а также антиевропейский) памфлет. Поляков автор откровенно не жаловал, считая, что они действуют в унисон с Западом, — во вред России. Правда, все свои обвинения по адресу Польши — «классической страны русобоязни и русоненавидения», как он выражался, автор адресовал исключительно шляхте. Данилевский был убежден, что «польское шляхетство есть исконный, коренной и злейший враг русского народа»¹, — в то же время полагая, что польский «народ на нашей стороне» (467).

Публицист не удовлетворился ставшим уже традиционным обвинением поляков во враждебности России, а противопоставил их всему славянству, безоговорочно объявляя поляков изменниками славянскому миру. Польская шляхта, не устал повторять публицист, «изменила народным славянским началам, даже некогда хотела принудить и русский народ к той же измене» (264).

Темпераментно и нелицеприятно высказываясь по поводу поляков, Данилевский, естественно, не прошел мимо самого болезненного пункта в истории российско-польских взаимоотношений — мимо разделов Речи Посполитой. Пожалуй, не приходится сомневаться, что интерпретация автором этого события была созвучна настроениям многих из его современников.

Публицисту не давала покоя мысль, что «раздел Польши считается во мнении Европы величайшим преступлением против народного права, совершенным в новейшие времена, и вся тяжесть его взваливается на Россию». Тогда как, по его убеждению, с русской стороны это было «исполнением священного долга перед ее собственными сынами», делом совершенно законным и справедливым. Вопреки господствовавшему на Западе мнению, он настаивал на том, что Россия только возвращала свои некогда утраченные владения, а повод к военным действиям против поляков давало «утеснение православного населения, взывавшего о помощи к родной России» (31).

Нельзя не отметить, что Данилевский довольно свободно владел материалом, хотя и не говорил ничего, что не было бы сказано до него (собственно, подобной задачи, насколько можно судить, он перед собой и не ставил). Некоторое отличие по сравнению с собратьями по цеху проявилось разве в том, что в «России и Европе» была изменена привычная датировка и счет разделов Польши. Начало этому процессу, на его взгляд, было положено при Алексее Михайловиче, в XVII в. Первым разделом Речи Посполитой, как понимал это автор, стало приобретение Москвой земель по левую сторону Днепра вместе с Киевом и Смоленском. Данилевскому оставалось лишь сожалеть, что тогда был упущен случай вернуть России Минск, Полоцк, Вильно и другие, остававшиеся в руках поляков города. Тогда «край был бы закреплен за православием и русской народностью прежде, чем успели бы явиться на пагубу русскому делу Чарторыйские с их многочисленными последователями и сторонниками» (32).

Увлеченный своей идеей, стремившийся снять бесосновательные, как он полагал, обвинения с России, писатель не заметил, что им произведена по-своему характерная подмена понятий. Записав в разряд «разделов» приобретения, которые были закреплены Андрусовским перемирием, Данилевский тем самым свел всю проблему к возврату Москвой западнорусских земель. В итоге он фактически освобождал себя от необходимости вдаваться в суть щекотливого вопроса о сговоре трех монархов, разорвавших Речь Посполитую на куски, — сговоре, в основе которого лежали гео-

политические соображения, а решающее слово принадлежало российской императрице.

К Екатерине II Данилевский имел лишь одну претензию — за то, что императрица уступила австрийцам «часть России — Галич». Хотя, в конечном счете, и эту уступку, и согласие на захват Берлином и Веной этнических польских земель он признавал вынужденным и оправданным шагом. «Все, что было несправедливо в разделе Польши — так сказать, убийство польской национальности — лежит на совести Пруссии и Австрии, а вовсе не России» (33), — спешил сообщить автор.

Примерно в том же русле шли и другие, настойчивые — и не раз повторяемые — утверждения автора о том, что «Россия не честолюбивая, не завоевательная держава». Чтобы как-то привести тезис в соответствие с общеизвестными фактами, Данилевскому пришлось прибегнуть к семантическим ухищрениям. По его словам, «завоевание есть политическое убийство или, по крайней мере, политическое изувечение». При таком понимании слова оно, т. е. завоевание, на взгляд автора, к Российской империи неприменимо. Специально же по поводу приобретения в 1815 г. Царства Польского им будет объяснено, что Царство Польское не может называться завоеванием, поскольку присоединено «в возмездие за заслуги, оказанные Россией Европе» (39).

Отвергнув представление о Царстве как завоевании, Данилевский идет дальше, внушая читателям, сколь бережно Россия обращается с доставшимся ей владением. Первое пятнадцатилетие существования Царства Польского автором названо «счастливейшим временем польской истории <...> и в материальном, и в нравственном отношениях» (44) и т. д.

В контексте понимания Данилевским места поляков в славянском мире представляют интерес его рассуждения о враждебности Европы по отношению к славянству. При этом, говоря о славянстве, автор прежде всего подразумевал саму Россию. Он пояснял, что в этой вражде «даже нет ничего сознательного», больше того, об измене речи быть не может, поскольку предадут только близкого, связанного узами родства или интереса человека (а также народ, государство). «Причина явления лежит глубже, — считал Данилевский, — она лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов» (58).

Поскольку Русь и славянство в целом не принадлежат к Европе — это, по его словам, «поприщу германо-романской цивилизации», — поскольку Европа глубоко нам враждебна, автор считал необходимым установить обязательную для всего славянского мира строгую иерархию нравственных ценностей. «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгарина (желал бы прибавить и поляка), — после Бога и Его святой Церкви — идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага». Автор втолковывал читателям: «ни одно из них [этих благ] для него [для

славянина] недостижимо без <...> осуществления <...> духовно-, народно- и политически-самобытного Славянства <...>, все эти блага будут необходимыми последствиями <...> независимости и самобытности» (128). Сделанная здесь (похоже, не без сожаления) оговорка насчет поляка не была случайной, ведь поляк для Данилевского был славянином, но славянином, предавшим славянский мир (321).

С болью констатируя, что напор мира германского на славянский мир, латинства — на православие ознаменовался более или менее полным успехом, Данилевский подчеркивал, что из всех западных славян только одна Польша сравнительно долго, до конца XVIII в., не уступала политическому натиску Европы (или, как понимал это А. Ф. Гильфердинг, осталась материально независимой от немецкого владычества ²). Однако Данилевскому как защитнику славянства едва ли не самым тяжким прегрешением Польши виделось то, что, сохранив свою государственную самостоятельность, она подчинилась Западу духовно. Именно Польша «одна из всех славянских стран приняла без борьбы западные религиозные начала и усвоила их себе, — а потому и была в течение большей части своей истории не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи» (314). Мысль о «глубоко искажающем влиянии латинства на польский народный характер» красной нитью проходит через всю книгу (481 и др.). По мысли Данилевского, которого крайне возмущали «клеветы поляков и Европы» (407), поляки оказались на одном берегу с Западом и в XIX в., действуя с ним в унисон — во вред России.

Рассуждая в духе славянофильской традиции, он заявлял, что славянский и романо-германский национальные характеры глубоко различны. Среди одной из отличительных черт европейского характера (столь неодобрительно им воспринимаемого) Данилевский отметил «насильственность» (которая проявила себя, в частности, в религиозных войнах, колониальной горячке и т. д.).

Славяне, был уверен Данилевский, совсем другие. «Самый характер русских и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом» (480), «терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена» (184), констатировал он. Хотя, как говорится, в семье не без уroda: «действительное и грустное исключение» составили одни лишь поляки — «насильственность и нетерпимость отметили характер их истории». Впрочем, и здесь упрек адресовался только шляхте, которая усвоила европейскую насильственность, исказив тем самым весь свой славянский облик.

Когда Данилевский утверждал, что, восприняв — «вместе с католицизмом и разными немецкими порядками» — аристократическое начало, «высшие сословия Польши» в конце концов погубили Польшу (193), он,

по существу, вторил С. М. Соловьеву³, поясняя, что под гибельным для страны «аристократическим началом» понимаются прежде всего «безурядицы Польши» (452).

Безусловно, зная труды своих современников-историков, в 1860-е гг. активно писавших на польскую тему (ссылки на С. М. Соловьева встречаются не раз), автор «России и Европы», судя по всему, не испытывал особой нужды напрямую обращаться к исторической полонистике. Он был далек от того, чтобы кропотливо взвешивать доводы «за» и «против» выдвигаемых там концепций. Вместе с тем он не считал нужным публично примыкать пусть и к далекой от единомыслия, но в своем отношении к полякам придерживающейся в целом сходных позиций компании славянофилов. Ни словом он не обмолвился о таких видных знатоках славянского вопроса, как А. Ф. Гильфердинг и др.

Хотел того Данилевский или не хотел, но его книга наглядно воспроизводила и на свой лад пополняла давно утвердившийся в общественном сознании набор общих мест по поводу поляков и российско-польских отношений. Избрав, таким образом, путь тиражирования стереотипов, Данилевский отказался от прямого цитирования. По-своему он был прав: все-таки установление авторства стереотипов — дело чаще всего рискованное. Подобного рода стереотипы встречались и в других трудах XIX в. (достаточно вспомнить восхваляемое Соловьевым миролюбие Екатерины II в «Истории падения Польши»). Разница, однако, в том, что у Соловьева эти стереотипы в какой-то мере заслонялись анализом рассматриваемых процессов (либо подробным описанием хода событий). У Данилевского же стереотипы нередко выступали в оголенном, утрированном виде.

Характеризуя позицию Н. Я. Данилевского в вопросе о месте поляков в славянском мире, нельзя не учитывать того, как воспринимало этот болезненный вопрос русское общество 1860-х гг. Полного единодушия, разумеется, не было. Но бесспорно, что антипольские настроения были сильны как до Январского восстания, так и, еще более, после него. Иначе как объяснить, что пожары 1862 г. в столице и в ряде губернских городов общественное мнение с такой уверенностью отнесло на счет «польской интриги» (заодно обвинив в поджогах еще и нигилистов).

Слепая вера в извечно-коварную польскую интригу была распространена даже в так называемых просвещенных кругах. Одним из свидетельств тому может служить историческое сочинение «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская», опубликованное почти одновременно с трактатом Данилевского. Впервые оно было напечатано летом 1867 г. в издаваемом М. Н. Катковым журнале «Русский вестник», а спустя год вышло отдельным изданием (СПб., 1868).

Автор, Павел Иванович Мельников (1818–1883), писавший под псевдонимом «Андрей Печерский», был довольно известным литератором

(наиболее известна его дилогия «В лесах» и «На горах»). Примечательно, что в книге 1868 г. Мельников не просто собрал все доступные ему сведения о княжне Таракановой, самозванке екатерининских времен, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Ни много ни мало — писатель поставил перед собой задачу выяснить, кто стоял за этой и иными авантюрами, целью которых, по его глубокому убеждению, было развалить Российскую империю. В итоге писатель пришел к твердому выводу, что все эти интриги — дело рук поляков.

Конечно, полонистом П. И. Мельникова никак не назовешь, но его представления о польской истории и о роли поляков в европейской политике по-своему показательны. В его книге слышатся знакомые мотивы. Автор «Княжны Таракановой» ничуть не сомневается, что именно «магнаты и шляхта, составлявшие единственную причину всех злоключений Польского государства», после разделов Речи Посполитой продолжали настраивать Западную Европу против России. Он напоминал читателям: «польская эмиграция свила в Париже теплое для себя гнездо, существующее, как известно, и в настоящую пору»⁴. На счет польских интриг автором были записаны и внутривосточные смуты.

Небезынтересен сам ход рассуждений Мельникова-Печерского о пугачевском бунте, который, по словам автора «Княжны Таракановой», «явление доселе еще не разъясненное вполне и со всех сторон». Однако констатация неясности картины не помешала ему здесь же утверждать: «Пугачевский бунт был не просто мужицкий бунт, и руководителями его были не донской казак Зимовейской станицы с его пьяными и кровожадными сообщниками». По словам Мельникова, «мы не знаем, насколько в этом деле принимали участие поляки, но не можем и отрицать, чтоб они были совершенно непричастны этому делу. В шайках Пугачева было несколько людей, подвизавшихся до того в Барской конфедерации»⁵.

Сквозившая, казалось бы, здесь неуверенность была легко преодолена автором буквально через несколько строк. Мельников твердо объявлял и пугачевщину, и появление самозванки делом рук одних и тех же «враждебников России и Екатерины» — «кто бы они ни были». И, несмотря на отсутствие каких бы то ни было доказательств — ведь сам автор признает, что «дело о пугачевском бунте, которого не показали Пушкину, до сих пор запечатано и никто еще из исследователей русской истории вполне им не пользовался», — у него не было никаких сомнений, что «это дело — бесспорно польское дело»⁶. На этом основании, да еще с учетом того, что княжне Таракановой покровительствовал польско-литовский магнат Кароль Радзивилл, писатель приходил к логичному, на его взгляд, выводу, что и Пугачев — тоже креатура «польской партии, враждебной королю Понятовскому, а тем более еще императрице Екатерине»⁷.

Читателям внушалось, что «поляки — большие мастера готовить самозванцев; при этом они умеют так искусно хоронить концы, что ни со-

временники, ни потомство не в состоянии сказать решительное слово об их происхождении»⁸. Потому, когда он говорил о Таракановой, которая, кроме всего прочего, «упоминала о документах, доказывавших будто бы права ее на корону», он без особого сомнения заявлял: «Документы эти были составлены, по всей вероятности, поляками»⁹. В то же время рассуждения Мельникова по поводу участия поляков в деле самозванки лишней раз обнаруживали отнюдь не простые взаимоотношения между сторонниками так называемой русской партии (и примкнувшими к ней) в Польше и российской императрицей. Это, в частности, нашло проявление в ходе следственного дела самозванки (или, как ее называл Н. И. Панин, «побродяжки»), когда по всему было «видно, что князя Радзивилла и других поляков старались беречь, а всю тяжесть вины сложить на голову одной «всклепавшей на себя имя»». В показаниях поляков было «заметно старание выгородить не только себя, но и все польское дело, дать всему такой вид, чтобы не было обнаружено участие конфедератов, особенно же князя Радзивилла и иезуитов в замыслах созданной польскою интригою претендентки на русскую корону»¹⁰.

Автор был уверен в том, что «дело действительно и заведено, и продолжаемо было польскою рукой»¹¹, но, пытаясь объяснить — себе самому и читателям — бездействие властей, допускал, что «императрица, хотя и поручившая князю Голицыну обратить особенное внимание, не принадлежит ли пленница к польской интриге, приказала ограничиться допросами одной самозванки, когда убедилась, что если отыскивать польскую руку, выпустившую на политическую сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны, то придется привлечь к делу и Радзивиллов, и Огинского, и Сангушко, и других польских магнатов, смирившихся пред нею и поладивших с королем Станиславом Августом»¹². Желая того или не желая, Мельников продемонстрировал осуществлявшуюся Петербургом в отношении поляков, так сказать, политику двойных стандартов, ведь, по его словам, «привлечь их [Радзивиллов и пр.] к делу и даже к самой строгой ответственности для Екатерины было чрезвычайно легко, ибо она властвовала в Польше почти так же неограниченно, как и в России»¹³. Будучи далек от того, чтобы комментировать политику екатерининского двора и тем более действия самой императрицы, Мельников, по всему видно, твердо оставался при своем мнении.

В понимании Мельникова поляки представляли как некая губительная сила — наподобие охотно избличаемых романистами иезуитов или масонов. С тем разве отличием, что поляки вредили избирательно — не западным странам, а исключительно России. Заметим, что все это вполне серьезно излагал известный писатель, а в недавнем прошлом — высокопоставленный чиновник (за пару лет до появления «Княжны Таракановой» Мельников вышел на пенсию в чине действительного статского советника,

что по табели о рангах соответствовало в армии генерал-майору). Если он мог, дорожа, очевидно, своей репутацией, выступать, нимало не смущаясь, с такими, мягко говоря, сомнительными рассуждениями, то, надо полагать, был отнюдь не одинок в своей полонофобии и его книга отражала довольно распространенные умонастроения.

С другой стороны, можно думать, не оставался в одиночестве и М. Е. Салтыков-Щедрин, который примерно в те же годы печатал свою «Историю одного города». В этой книге, помимо прочего, были спародированы и рассуждения о «польской интриге», каковую обитателям города Глупова «несравненно труднее было обнаружить <...> тем более что она действовала невидимыми подземными путями»¹⁴. Но, похоже, у Щедрина, отказывавшегося видеть пресловутую «польскую интригу» на каждом шагу, сторонников все-таки было меньше, нежели у Мельникова: антипольские настроения в обществе и в литературе брали-таки верх.

В том же году, что и книга П. И. Мельникова, в свет выходят первые два тома четырехтомного (1868–1874 гг.) собрания сочинений А. Ф. Гильфердинга, второй из которых представлял собой сборник статей по «современным вопросам славянским». Отдельный раздел этой книги, получивший название «Польский вопрос», состоял из трех статей, написанных Гильфердингом в 1863 г., в самый разгар польского восстания. Помимо этого трехчленного цикла, Гильфердинг писал о поляках, об их месте в славянском мире и в других своих статьях: «Славянские народности и польская партия в Австрии» (1861), «Взгляд западных славян на Россию» (1862), «Письмо к г. Ригеру в Прагу о русско-польских делах» (1863) и др.¹⁵

Во всех этих статьях А. Ф. Гильфердинг последовательно отстаивал славянофильские представления о поляках, будто бы неизменно противостоящих всему остальному славянскому миру: «Из всех славянских племен польское наименее способно сопротивляться наплыву германскому: ни у кого из славян нет такой ненависти к немцам, как у поляка, и несмотря на то, никто из славян не превращается так легко в немца, как поляк»¹⁶. Не занимавшийся специально историей Польши, Гильфердинг, тем не менее, охотно пишет как о далеких временах («в Польше жила, чувствовала, действовала одна только аристократия, *шляхта*. В одной шляхте сосредоточивались чувства патриотизма и народности», «братство было лишь пустым словом в устах гордой касты, которая угнетала народ, резалась между собою», «история показывает нам, как природное братство между людьми и проистекающее из него общинное устройство, эти первоначальные основы славянского быта, со временем сделались в Польше исключительным достоянием одного сословия, которое, вследствие разных обстоятельств и влияний, стало полновластным хозяином в государстве»¹⁷), так и о недавних событиях — в том числе о событиях 1848 г.

Рассуждая о проблемах, проявившихся между поляками и другими славянами в ходе Весны народов, Гильфердинг приходит к выводу, что причина непонимания друг друга заключается в том, что «поляки хотели быть распорядителями и вождями всех других западных славян, в надежде увлечь их к революции, на которой они думали основать политическую независимость своего отечества и его первенство в славянском мире»¹⁸. Создается впечатление, что автор, сам того не замечая, обнажает здесь причину неприятия русскими поляков, которые будто бы оспаривают первенство России в славянском мире. Лейтмотивом в этих статьях Гильфердинга выступает мысль о том, что «поляки до сих пор были всегда более или менее недоверчивы к России, прочие славяне, напротив, полны сочувствия и уважения к ней»¹⁹. Отсюда и его убеждение, что «поляк не скоро решится протянуть руку своим братьям славянам и соединить с ними свою деятельность, даже в науке и литературе. Он нелегко откажется, даже в области отвлеченной мысли, от своего недоверия к русскому имени и от своего презрения к Восточной Церкви», поскольку «исключительный дух одной касты, хранящей в себе народный патриотизм, мешает поляку сблизиться со своими братьями славянами, живущими в совершенно другой общественной сфере»²⁰. Несмотря на неоднократное упоминание Гильфердингом «братьев славян», фактически у него здесь фигурируют лишь поляки и русские. По словам Гильфердинга, «Польша совершила историческую измену славянскому духу»²¹ и «поляки стоят одинокими в славянском мире»²².

Когда речь заходит о том, что отечественная пореформенная литература — и трактат Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» в том числе — тиражировала немало предрассудков относительно Польши и поляков, не следует все-таки свысока взирать на наших предшественников почти полутора-вековой давности. И в наши дни не раз приходится убеждаться, что стереотипы — особенно если тому благоприятствует политическая конъюнктура — весьма долговечны и, больше того, способны обогащаться новыми гранями. Об этом уже писалось неоднократно²³. В данном контексте можно отметить хотя бы статью В. А. Хорева, которая так и называется: «О живучести стереотипов»²⁴.

И все же после того всплеска эмоций, какие вызвало в российском обществе восстание 1863 г., и к тому же подогреваемых «польским следом» в трагедии первого марта 1881 г. (смертельно ранивший Александра II народоволец Гриневицкий, как известно, был поляком), антипольские настроения постепенно смягчались. В конце XIX — начале XX в., по мере распространения либеральных идей и развития революционного движения, интересующие нас стереотипы не то чтобы исчезли вовсе, но не так бросались в глаза, как раньше. С началом Первой мировой войны выпады против Польши стали тем более не ко времени. Вопреки Данилевскому,

российская пропаганда постаралась записать поляков в единую славянскую семью, противостоящую германской угрозе.

После революции, уже в условиях диктатуры пролетариата ненависть к польской шляхте вновь усилилась, обретая теперь уже не этноконфессиональный, а классовый характер. В годы советско-польской войны 1920–1921 гг. и в последовавший затем период осложнений между Советским Союзом и Второй Речью Посполитой в широкий оборот входит малосодержательная, но броская и, главное, удобная в пропаганде и агитации формула: «панская Польша». Пик такой пропагандистской активности придется на осень-зиму 1939 г.

Нельзя при этом не отметить, что в годы строгой советской цензуры стереотипы в нашей печати отражали не столько позицию общества в польском вопросе, сколько официальные установки. Но и с ликвидацией цензурных ограничений стало очевидным, что общественное мнение современной России по-прежнему не свободно от использования ряда клише, восходящих, по меньшей мере, еще к Данилевскому.

В качестве примера можно сослаться на декларацию одного из авторов журнала «Наш современник»: «Отечество наше не раз вело справедливые оборонительные войны и неоднократно приходило на помощь соседям, подвергшимся вражескому нападению, но при этом никогда не мстило побежденным и не пыталось решать свои проблемы за чужой счет»²⁵. Подобная тирада, разумеется, делает честь патриотическим чувствам автора, но едва ли вполне согласуется с историческими реалиями. Во всяком случае, политические комбинации Екатерины II — согласие на разделы Речи Посполитой ради обеспечения желательной для Петербурга позиции Берлина и Вены в отношении Турции и Франции — не что иное, как классический случай решения своих проблем за счет соседа.

Что говорить, разделы Польши по-прежнему остаются довольно щекотливым сюжетом. Даже наши солидные исследователи иной раз предпочитают трактовку, близкую к той, что предлагал Данилевский. Один из применяемых приемов — акцентирование внимания на том, *кто* был инициатором дележа, т. е. на Пруссии, хотя, казалось бы, здесь важнее другое: *кому* принадлежало решающее слово, позволившее Берлину и Вене завладеть польскими землями. Точно такой же натяжкой выглядит не менее популярный тезис, согласно которому на раздел Польши Екатерина II пошла вынужденно, исключительно по необходимости.

Под углом зрения нашей темы стоит взглянуть на те пояснения, какими сопровождается текст сочинения Н. Я. Данилевского при переизданиях. Приведем всего лишь один пример. Первое после почти столетнего перерыва издание «России и Европы» 1991 года сочло нужным разъяснить читателям, какую правовую норму олицетворяло польское «не позволяем», упомянутое на одной из первых страниц сочинения. Комментатор сообща-

ет, что норма, требующая полного единогласия при принятии постановлений сеймом, действовала «во времена Речи Посполитой»²⁶. Когда спустя двенадцать лет трактат был переиздан, новые комментаторы другими словами, но повторили ту же самую информацию²⁷.

Излишне, наверное, говорить, что в обоих случаях объяснение, мягко говоря, грешит неточностью. Принцип *liberum veto* был впервые реализован только в 1652 г., в ту пору, когда шляхетская демократия уже переродилась в магнатскую олигархию, с 1764 г. норма практически перестала действовать, а Конституцией 1791 г. была отменена. Иными словами, на протяжении более половины того срока, который был отпущен Речи Посполитой историей, принцип «не позволяем» не функционировал. Данилевский, скорее всего, об этом просто не знал; хотя не исключено что, всей душой ненавидя те принципы, которые составляли основу шляхетской республики, он просто не пожелал нарушать традиционное отождествление Речи Посполитой с вечной безурядицей, воплощением которой привыкли считать *liberum veto*. Очевидно, одно из этих двух объяснений действует и в случае с современными нам комментаторами.

По-своему любопытным аналогом трактату Данилевского — если, понятно, иметь в виду не историософскую абстракцию высокого порядка, а занимающее в трактате столь много места темпераментное обличение Европы и поляков — ныне является труд С. Куняева «Польский полонез». Книга, в основу которой лег ранее опубликованный цикл статей, вышла не так давно, в 2006 г., и представляет собой, без преувеличения, свод старых и новых стереотипов. Так, опираясь на В. Кожина, С. Куняев утверждает, что участие России в разделах Польши — не более как либеральный миф²⁸.

Как видно, традиции Данилевского отнюдь не угасли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М., 2003. С. 290. Далее ссылки на книгу даются в тексте.
- ² Гильфердинг А. Ф. За что борются русские с поляками // Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. СПб., 1868. Т. 2. С. 295.
- ³ Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1995. Кн. XVI. С. 411.
- ⁴ Мельников П. И. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская. СПб., 1868. С. 32.
- ⁵ Там же. С. 34.
- ⁶ Там же. С. 34, 35.
- ⁷ Там же. С. 37.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 88.
- ¹⁰ Там же. С. 213.

-
- 11 Там же. С. 250.
- 12 Там же. С. 250–251.
- 13 Там же. С. 251.
- 14 *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. М., 1969. Т. 8. С. 297.
- 15 Подробнее см.: *Лантева Л. П.* Русский славист А. Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос // *Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.* М., 2003; и др.
- 16 *Гильфердинг А. Ф.* Развитие народности у западных славян // *Гильфердинг А. Ф.* Собр. соч. СПб., 1868. Т. 2. С. 56.
- 17 Там же. С. 59, 65, 67.
- 18 Там же. С. 68.
- 19 Там же. С. 59.
- 20 Там же. С. 63, 62.
- 21 *Гильфердинг А. Ф.* За что борются русские с поляками. С. 299.
- 22 Там же. С. 68.
- 23 Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000; Россия — Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; и др.
- 24 *Хорев В. А.* О живучести стереотипов // *Россия — Польша: Образы и стереотипы...* С. 17–26.
- 25 *Пушкарев А. С.* «Вы грозны на словах — попробуйте на деле» // *Наш современник.* 2001. № 6. С. 252.
- 26 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа... М., 1991. С. 534.
- 27 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа... М., 2003. С. 579.
- 28 *Куняев С.* Польский полонез. М., 2006. С. 56.

Крунослав Геруц (1859–1929) — «посредник» между тремя славянскими культурами

Имя хорвата Крунослава Геруца известно лишь узкому кругу специалистов, исследующих русско-хорватские культурные связи и политические отношения в конце XIX — начале XX в. Но его жизнь и деятельность заслуживают гораздо большего внимания. Это был убежденный славянофил, оставивший свой след в трех славянских культурах — хорватской, болгарской и русской. В каждой из них он нашел что-то для себя и в каждой оставил что-то свое. К. Геруц — удивительно цельный человек, до конца дней сохранивший верность идеалам, живший в незыблемом представлении о силе печатного слова, полезности культурного сближения, общения и сотрудничества.

Первый биографический очерк о Геруце появился в конце 1885 г. в хорватской газете «Sloboda». Его автор, вероятно хорошо знавший своего героя со времен учебы в Загребском университете, подписался как Анте Г-ич. В очерке рассказывалось о тесных связях Геруца с болгарскими студентами, о хорватско-болгарской взаимности, передавалась царившая в городе политическая атмосфера¹. Затем имя Геруца еще несколько раз появлялось в хорватской печати конца XIX в. в связи с публикацией его очерков из России². В 1909 г. известный хорватский политик и публицист С. Радич, встречавшийся с Геруцем в Петербурге, дополнил его портрет новыми деталями³. Больше в хорватской печати до Первой мировой войны имя Геруца не упоминалось. В начальный же период существования государства сербов, хорватов и словенцев (СХС) некоторые авторы представляли Геруца в крайне негативном свете — как противника югославянского проекта⁴.

Имя Геруца вновь всплывает на его родине сразу после Второй мировой войны — в сборнике «Хорватские свидетельства о России» нашли свое место четыре очерка (письма) Геруца, отправленные из Петербурга в 1887–1894 гг. и опубликованные в тогдашней хорватской печати⁵. А два десятилетия спустя историк литературы А. Фларек в одной из статей упомянул Геруца, поставив ему в заслуги распространение в Хорватии в конце XIX в. «Народных рассказов» Л. Толстого⁶.

Единственным хорватским автором, который пытался воссоздать целостный портрет Геруца, был И. Очак. Главное внимание он обратил на вклад Геруца в развитие русско-хорватских отношений. И все-таки три страницы своего исследования посвятил пребыванию Геруца в Болгарии⁷. Примерно по такой же схеме писали о Геруце и другие хорватские авторы, так или иначе обращавшиеся к его жизни и деятельности⁸.

В этот контекст вписывается и русская (советская) славистика и балканистика. Единственная публикация, посвященная Геруцу и его деятельности, принадлежит Л. Ровняковой. В ее статье, базирующейся на документах из российских архивов, освещается деятельность Геруца главным образом как видного распространителя книг в Петербурге в 1887–1893 гг. Попутно приводятся уже известные и новые подробности его биографии⁹. Иными словами, имя Геруца связывалось только с распространением сборника рассказов Л. Толстого среди хорватов. И лишь недавно появилась статья Е. Ф. Фирсова¹⁰, который исследование проблем жизни и деятельности Геруца поставил на более солидную основу, сосредоточившись на периоде кануна и хода Первой мировой войны.

Парадоксально, но факт — наименьшую популярность Геруц получил в Болгарии, в стране, сражаясь за которую в Сербско-болгарской войне 1885 г. рисковал жизнью. В 1935 г. Н. Карджиев, близко знавший Геруца как студента Загребского университета, а потом и как участника Сербско-болгарской войны, опубликовал краткую, но насыщенную конкретными биографическими данными статью в газете «Сливница» — органе одноименной добровольческой организации. До сих пор этот материал не был использован ни в болгарской, ни в какой-либо другой историографии.

Крунослав Геруц родился 6/18 августа 1859 г. в г. Крижевцы (Славония). О его родителях известно мало. Отца звали Георием (Юраем), мать — Елизаветой (по отцу Русани). Их сын при крещении, как записано в церковных регистрах, получил имя Степан (Stjepan). Крунослав — буквальный перевод этого имени с греческого, что означает «коронованный», «увенчанный». Скромный социальный статус семьи (отец был сапожником) не мешал родителям дать мальчику хорошее образование. Начальное обучение Крунослав проходил в родном городе, продолжал его в Вараждинской гимназии.

Вараждинцы в национальном отношении делились на хорватов и немцев. Первые преобладали количественно, вторые, однако, определяли облик города, будучи более сплоченными этнически и более активными политически; немцы имели перевес в общинном управлении, их язык доминировал в культурном обиходе. Взаимоотношения между двумя группами в 1870-е гг. напоминали болгаро-греческие отношения в Болгарии предшествующего десятилетия. В борьбе с «немчурой» хорваты организовывались вокруг клубов-читален, в литературных кружках, театральных и певческих обществах, стремясь вытеснить немцев из управления городом и вернуть себе, как они считали, по праву принадлежащее им преобладание в нем. Борьбу возглавляла местная хорватская интеллигенция.

Вараждинская гимназия не оставалась в стороне от национального возрождения. Как раз в год поступления в нее Геруца учителя создали в

ней любительскую театральную труппу. В гимназии проводились собрания различных культурно-просветительских обществ, читались лекции по научной, культурной и общественной проблематике.

Последний гимназический год Геруца совпал с двумя важными событиями, которые, по всей видимости, оказали решающее воздействие на политическое и общественное созревание юноши. Первое событие — Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Война могущественного славянского государства влила свежую струю в хорватское национальное возрождение. Газеты внимательно отслеживали развитие боевых действий, хорваты от души радовались победам русского оружия, в то время как симпатии венгров и австрийцев адресовались туркам. В ряде городов Хорватии происходили бурные демонстрации со скандированием антиавстрийских и антивенгерских лозунгов.

Проблемы войны и будущего мира стали постоянными темами разговоров в ресторанах, корчмах и кофейнях Вараждина. 4/16 августа 1877 г. в городе состоялось многолюдное собрание. Принятая на нем резолюция отражала представления хорватов о послевоенном устройстве на Балканах: турок вытеснить из Европы; наследство Османской империи разделить между южными славянами; Боснию и Герцеговину присоединить к Хорватии. В день падения Плевны весь Вараждин украсился хорватскими знаменами, горожане вышли на спонтанную демонстрацию¹¹.

Другим событием, имевшим судьбоносное значение как для Хорватии вообще, так и для Геруца в частности, были парламентские выборы 5/17 августа 1878 г. На них брала старт новая политическая сила — Партия права. Политическая идеология и программа Партии права («правашей») основывались на историческом праве хорватов иметь свое независимое государство, при этом они отрицали национальную идентичность словенцев, которых называли «горными хорватами» (хорватами-горцами). Не признавали они и сербского населения в пределах хорватской национально-исторической территории.

Свой политический выбор в пользу Партии права Крунослав сделал, по всей вероятности, еще в старших классах гимназии. Об этом есть косвенные свидетельства в воспоминаниях его соученика Л. Цара: «политикой мы не очень увлекались, хотя наши симпатии адресовались оппозиционерам». Опираясь на эти данные, И. Очак писал: «Можно предположить, что еще в гимназические годы К. Геруц познакомился и впитал популярные в молодежной среде идеи правашей Кватерника и Старчевича». В этих политических убеждениях он утвердился, став в 1878 г. студентом Загребского королевского университета им. Франца Иосифа¹².

Учась в Вараждинской гимназии, Геруц думал посвятить себя педагогической деятельности, чтобы таким образом приносить пользу отечеству. Но вскоре после выпускных экзаменов учительская профессия стала ка-

заться Геруцу стесняющей его представления о патриотизме и самоотверженном служении. «Мне хотелось быть полезным не десяткам и сотням, а тысячам и миллионам», — писал он годы спустя¹³.

Руководствуясь столь сильным порывом служить нации, он поступает на юридический факультет Загребского университета. Одного семестра хватило ему, чтобы уяснить — полученные здесь знания не дадут ему возможности воплотить в жизнь собственные общественные идеалы. И во втором семестре 1878/1879 г. он уже в числе студентов философского факультета. Затем переходит на физико-математический факультет, который оканчивает в 1882 г. Таким образом, Геруц получает полноценное высшее образование, отучившись все положенные 8 семестров.

В годы студенчества Геруц начал работать, чтобы обеспечить себе пропитание. Его первый биограф писал, что после лекций и практических занятий Геруц по 8–12 часов трудился в адвокатской конторе. Выполняя обязанности писаря, он в то же время набирался полезных знаний о действии механизма административного и общественного устройства Австро-Венгрии. В Загребе он активно участвует в общественно-политической жизни и постепенно становится одним из активистов молодых «правашей». Его имя значится рядом с П. Жетичем, известным поклонником творчества Н. Г. Чернышевского, среди подписавших в октябре 1881 г. протест общества «Хорватская лира». Протест был адресован ректору Загребского университета¹⁴.

На студенческие каникулы Геруц возвращался на родину или путешествовал по Хорватии. Земун, Осиек, Славонска Пожега, Госпич, Задар и другие города были ему так же хорошо знакомы, как Крижевцы, Вараждин и Загреб. Юноша путешествовал пешком, что помогало ему не только знакомиться с жизнью простых людей, но и окрепнуть физически¹⁵.

Любовь к путешествиям и физическая выносливость сослужат впоследствии Геруцу хорошую службу, особенно в «болгарский период» его жизни. В сущности первый опосредованный контакт Геруца с Болгарией произошел еще в его студенческие годы. В то время Загреб воспринимался болгарами как центр, где можно было получить образование более высокого, европейского уровня. В первые же годы после Освобождения в Загребское королевское педагогическое училище поступили 20 стипендиатов из Восточной Румелии, а на различные факультеты университета и в Реальную и Классическую гимназии — около 30 человек из Княжества Болгария¹⁶.

Поначалу политические симпатии болгарских студентов были на стороне Независимой народной партии, в пользу чего действовал авторитет их благодетеля и кумира епископа И. Штроссмайера. А партия права воспринималась ими с некоторой подозрительностью, прежде всего из-за ее русофобских и антиславянских проявлений. Крайний национализм правашей, игнорирование ими национальной идентичности сербов и словенцев

вызывали у болгар ассоциации с идеологией сербских политиков из разряда М. Мильевича, которые бесцеремонно предъявляли претензии на часть болгарских земель¹⁷.

Однако в конце 70-х — начале 80-х гг. отношение болгар к Партии права стало меняться, когда та подвергла ревизии свои взгляды в отношении России и славянства. И. Миларов — будущий болгарский театральный деятель и писатель — был первым из болгар, кто осмелился пойти на сближение с «правашами». В 1879 г. он приехал из России, где постигал учения русских революционных демократов, народников, нигилистов. Молодежная часть правашей, в то время проявлявшая огромный интерес к подобным идеям, видела в Миларове едва ли не мессию. Миларов публиковал в органе правашей газете «Sloboda» и в студенческом альманахе этой партии статьи о Белинском, Чернышевском, Добролюбове и Писареве, став, таким образом, первым популяризатором их взглядов в Хорватии¹⁸.

И. Миларов тяготел к той же среде, к которой принадлежал и Геруц. Они имели общих друзей, таких как П. Жетич, А. Гарамбашич, М. Ловренчевич и другие. В числе загребских болгарских друзей Геруца выделяются Л. Милетич и Б. Цонев, с ними нашего героя связывали общие литературные и филологические интересы. Первый биограф Геруца утверждал, что он оказывал болгарам разного рода содействие: одних снабжал книгами, другим помогал найти дешевое жилье, третьим — получить материальную помощь. Контактируя с болгарской средой, Геруц постигал основы болгарского языка. Тогда Крунослав едва ли мог предполагать, что это в будущем сослужит ему большую службу¹⁹.

Окончив университет, Геруц стал работать помощником делопроизводителя в одном из загребских книжных магазинов. Книги стали его самым сильным увлечением. «Я выбрал своим поприщем книготорговлю, что необходимо для нас, славян, прежде всего, для нашего развития и освобождения от немецкой опеки», — подчеркивал Геруц в одном автобиографическом документе. Работая в магазине, он сумел познакомиться с некоторыми выдающимися для своего времени русскими славянофилами. Поддерживал регулярную переписку с профессором Казанского университета Н. И. Смирновым, автором трудов по истории средневекового государства и культуры южных славян. В 1883 г. Геруц познакомился с доцентами Петербургского университета И. П. Созоновичем и Е. А. Вольтером, в то время находившимися в Загребе²⁰. Крунослав изучал русский язык и русскую литературу, слушал лекции словенского профессора Загребского университета Ф. Целестина²¹.

И. Очак утверждает, что в 1882–1885 гг. Геруц работал помощником делопроизводителя в загребском книжном магазине Хартмана. По мнению же Н. Карджиева, он был делопроизводителем в университетской книжной лавке. Так или иначе, но последним местом работы Геруца перед его вы-

нужденной эмиграцией в Болгарию было делопроизводство в книжном магазине «Альбрехт и Фидлер», о чем свидетельствует сообщение в газете «Hrvatska», относящееся в 1886 г.²²

Конкретный повод для бегства Геруца в Болгарию трактуется авторами по-разному. Н. Карджиев утверждает, что Геруц распространял в студенческой среде некую листовку против венгерских властей. В упомянутом же номере газеты «Hrvatska» сообщалось, что весной 1885 г. Геруц распространял среди хорватских добровольцев (ополченцев) запрещенные парламентские речи Д. Старчевича, за что был подведен под судебную ответственность. Государственное обвинение проявило снисхождение к нему — суд заочно приговорил его к штрафу в 10 форинтов. Но проступок был антигосударственным со всеми вытекающими последствиями, что заставило Геруца двинуться на Восток.

В Софии он поселился в доме своего друга с университетских времен Л. Милетича, позже получившего международную известность филолога и слависта. Вначале Геруц воспринимал пребывание в Болгарии как кратковременную остановку на пути в Россию, о которой давно мечтал. Поэтому основной его задачей было заручиться авторитетными рекомендациями, которые можно было бы предъявить в славянофильских кругах Москвы и Петербурга. С такой просьбой Геруц обратился сперва к В. Ягичу, но тот, руководствуясь, вероятно, политическими соображениями, не был склонен ходатайствовать за объявленного в розыск австро-венгерскими властями активиста «правашей». При содействии Л. Милетича Геруц обратился к Ф. Рачки, первому председателю Югославянской академии наук и искусств в Загребе и большому другу болгар.

В ожидании рекомендаций Геруц практиковался в языке, изучал страну. Вероятно, тогда ему пришла в голову идея сотрудничать с «правашским» органом «Sloboda» — посылать материалы о Болгарии. Как утверждал Геруц в письме к Ф. Рачки, он состоял в прекрасных отношениях с П. Каравеловым, С. Стамболовым, Д. Цанковым, П. Р. Славейковым, т. е. с наиболее видными политическими деятелями Болгарии.

Геруц не подписывал свои корреспонденции, равно как и официоз «правашей» не разглашал его фамилию. Причина вполне понятна: автор находился в розыске за политическое преступление, совершенное на территории Австро-Венгрии. Первый материал Геруца из Болгарии был опубликован 5/17 июня 1885 г., в последующие три месяца он прислал еще 16 статей. В них, помимо внутренних проблем, автор писал о положении болгарского населения в Македонии и о первых попытках организации этнической борьбы. К числу его успехов в качестве журналиста следует отнести пространное интервью с П. Каравеловым, взятое у того дома²³.

Именно в момент, когда Геруц вознамерился продолжить путешествие на Восток, следуя политической мифологии «правашей» — к славянской

земле обетованной, в Болгарии произошли события, задержавшие его там на целый год.

Уже вечером 6/18 сентября 1885 г. после участия в большом митинге в Софии по случаю Соединения Княжества Болгария и Восточной Румелии Геруц пешком отправился в Пловдив — румелийскую столицу. 8/20 сентября он послал оттуда в газету «Sloboda» первую телеграмму, а в последующие дни писал пространные «Письма из Болгарии» с интересными подробностями воссоединения болгарских областей, характеристикой настроения людей и т. п., зарекомендовав себя не только политическим наблюдателем, но и отличным беллетристом.

2/14 ноября 1885 г. началась Сербско-болгарская война. Она застала Геруца в Пловдиве, и уже на следующий день он отправился с первыми отрядами южноболгарской милиции к сербской границе, решив, что будет более полезен «болгарскому делу» не с пером, а с винтовкой в руках. По прибытии в Софию Геруц вступил в партизанский отряд майора К. Паницы, одного из героев Соединения, с которым познакомился в Пловдиве. Паница без колебаний принял хорватского корреспондента и даже доверил ему должность личного секретаря и ординарца. Геруц прошел с отрядом весь боевой путь от Софии до Пирота. В итоговом докладе Паницы его имя трижды упоминается среди наиболее активных участников боев с аттестацией «герои»; в решающей фазе боев ему доверяли командование различными подразделениями. 14/28 ноября 1885 г. отряд Паницы первым вошел в Пирот. Позднее он был переброшен в северо-западную Болгарию для охраны границы от возможного вторжения сербов. Геруц неотлучно находился при своем командире и на длительное время приостановил корреспондентскую работу. Лишь в декабре 1885 г. в газете «Sloboda» вновь появились его сообщения с подробным описанием боевых действий, в которых ему пришлось участвовать лично²⁴.

Публикации Геруца в хорватской газете («Sloboda» в начале 1886 г. переименована в «Hrvatska») и особенно его участие в войне в отряде К. Паницы обеспечили ему заслуженную славу в Болгарии. Он удостоился креста «За храбрость», его имя часто упоминалось в газетах, росло и число друзей. Но самое большое признание пришло к Геруцу совсем неожиданно — он стал героем литературного произведения. Прославил его Н. Живков — педагог и публицист, писавший пьесы для театра, но, главное, автор болгарского национального гимна «Шуми, Марица». В 1885 — начале 1886 г. Живков опубликовал четыре драмы о Соединении и Сербско-болгарской войне. Одна из них была посвящена деятельности хорватских газет «Svoboda» и «Pozor» как знак благодарности за защиту ими национальной борьбы болгар. Это было выражением признательности и лично К. Геруцу, который «с оружием и пером защищал наш народ»²⁵.

Драма Н. Живкова построена на сопоставлении двух национальных систем ценностей, двух моралей. Их символами на протяжении двух действий выступали зловещая сербская корчма и скромный болгарский дом. В одной из сцен, происходящей в болгарском доме, Геруц предстает себе-седником русского корреспондента Данаилова, они обсуждают международные отклики на Соединение, зачитывая пространные цитаты из русских и хорватских газет. Реплики Геруца и Данаилова имели аутентичный характер — их источником была газета «Търновска конституция», в которой публиковались переводы статей из хорватской и русской печати. Столь неожиданный переход от драматургии к документалистике не был случайным: Живков считал в данном случае важным не столько художественный аспект, сколько политическую актуальность, в чем проявилась патриотическая ангажированность автора.

Острым был вопрос об отрицательном отношении русской журналистики к Соединению и последовавшей за ним Сербско-болгарской войне. И не случайно в драме, помимо Геруца, действует еще один персонаж, взятый из реальной жизни. Это — не Данаилов, плод авторской фантазии, а «Русский странник», корреспондент, представлявший консервативную русскую печать. В первом действии, происходящем в сербской корчме на окраине Пирота, этот герой предстает ненавидящим болгар. «Русский странник» персонифицирует порок, продажность и предвзятость, Геруц — воплощение добропорядочности, объективности и справедливости.

В реальной жизни их пути пересекались, служба доказательством, сколь различны могут быть ценности профессиональной и личной морали. «Русский странник» имел прототип — под таким псевдонимом этот человек публиковался в «Новом времени», «Московских ведомостях» и «Киевлянин». Некоторым он был известен как полковник Кочетов — сотрудник 3-го отделения русской тайной полиции. Позже под именем Евгения Львова он выпустил две книги о Соединении, Сербско-болгарской войне и детронации болгарского князя Александра I. Помимо манипулирования фактами в духе официальной политики России, в одной из этих книг автор пытался представить Геруца в сомнительном свете, наделив его карикатурными чертами мелкого хитреца. Чтобы усилить неприязнь к Геруцу, Е. Львов утверждал, что Геруц — обращенный в православие еврей²⁶.

После демобилизации из отряда К. Паницы Геруц возобновил публикацию материалов в газете «Svoboda»/«Hrvatska». В первой половине 1886 г. в ней появилось 19 заметок о внутривнутриполитической жизни Болгарии, заключении мирного договора с Сербией, об урегулировании спорных вопросов с Турцией, об отношениях с Россией и т. п. Последняя из таких корреспонденций датируется 6/18 июня.

26 октября / 8 ноября 1886 г. К. Геруц был экстрадирован из Болгарии. Причина? — Русофильство! Объективный корреспондент, доброволец вой-

ны с Сербией, представитель «братского хорватского народа», которому совсем недавно болгары обещали вечную дружбу и признательность, в один миг превратился во врага. И лишь потому, что не мог и не хотел ненавидеть Россию. Конкретным поводом стали несколько публикаций Геруца в «Одесском вестнике», в котором русско-болгарские политические отношения освещались вразрез с официальной точкой зрения нового болгарского правительства²⁷.

Истинная же причина крылась в несовместимости хорватского и болгарского национализма. Будучи идентичными в основополагающих моментах, в то время они обозначали противоположные полюса при определении внешнеполитических ориентиров. Партия права А. Старчевича находилась под гипнозом Востока. Народно-либеральная партия С. Стамболова, наоборот, была повернута к Западу. Хорватское (католическое) русофильство противостояло болгарской (православной) русофобии — на Балканах и такие варианты были возможны.

В свое время объяснение такому повороту болгар попытался с политической и психологической точек зрения дать З. Стоянов. В открытом письме И. С. Аксакову он писал: «В Македонии, куда не ступала нога ни Эрнрота, ни Ремлингена, ни Сорокина, русский царь — это Господь, а Россия — земля обетованная. Во Фракии русский царь — лишь Святой Петр. А в Княжестве Болгария, где люди близко познакомились с вашими „порядками“, русский царь — это просто царь и человек»²⁸.

З. Стоянов, который в то время воспринимался как флагман болгарских русофобов, не питал ненависти к России. Накануне Соединения он ратовал за то, чтобы Областная библиотека в Пловдиве пополняла свои фонды прежде всего русской литературой, «наиболее доступной для нашей публики»²⁹. Опираясь на народный инстинкт или исходя из опыта уже вкушенной свободы, бывший провинциальный пастушок-чабан поднялся до таких высот понимания действительности, что сумел разграничить политику России и ее культуру.

Для Геруца же такое разграничение оказалось недоступным, даже когда он вплотную столкнулся с русской действительностью. Его представления о России оставались в рамках идеологии «правашей» конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. И никакие превратности судьбы не были в состоянии их изменить.

Но в 1886 г. и Россия не ответила на те чувства Геруца, которые он питал к ней. Обвинения «Русского странника» в адрес хорватского корреспондента и добровольца оказали влияние на отношение к нему русской общественности. Не без последствий была также клеветническая кампания, развернутая этим автором в отношении Болгарии. Когда морозным ноябрьским днем Геруц впервые ступил на одесскую землю, он сразу ощутил холодность российских властей по отношению к нему. Впрочем,

они едва ли выделяли его среди многочисленных болгарских эмигрантов, наводнивших город. Геруц не сторонился болгар, деля с ними все трудности эмигрантской жизни. Вместе с ними он через Киев добрался до Москвы, а затем осел в Петербурге. Длительное время за ним по пятам следовала клевета «Русского странника», что он крещеный еврей. Более того, к этому присоединился слух, вероятно исходивший из того же источника, что он еще и австрийский шпион³⁰. Геруца спасали лишь его воля да любовь к книгам.

В начале года он представил в «Славянское благотворительное общество» в Петербурге «Проект организации торговли русскими книгами среди южных и западных славян». Используя накопленные библиографические познания и свой практический опыт, он предлагал ряд усовершенствованных для того времени приемов налаживания книжной торговли, в первую очередь имея в виду облегчение для проникновения русской литературы на Балканы и в Центральную Европу и придание ей конкурентоспособности с немецкой и французской литературой³¹.

Славянофильские круги Петербурга по достоинству оценили предложенный проект и оказали ему определенную поддержку. Благодаря их ходатайству Геруц поступил на работу в книжный магазин А. А. Суворина, который в 1876 г. был еще и корреспондентом «Нового времени» на Балканах. Уже в середине года Геруц открыл собственную торговлю книгами — в нанятом им на Невском проспекте помещении появился «Русско-славянский книжный склад», позже переименованный в «Русско-славянский книжный магазин».

Это заведение просуществовало до 1893 г. и было закрыто из-за долгов. Несмотря на кратковременность существования, магазин Геруца сыграл заметную роль в межславянском книгообмене. Основную часть работы Геруц выполнял сам. Привлекал подписчиков на иностранную литературу, доставлял русскую литературу за границу и иностранную в Россию. На стартовом этапе наиболее интенсивные связи он установил именно с Болгарией. Торговый оборот с болгарскими книжными магазинами, библиотеками и частными лицами превышал 10 000 рублей, что значительно превосходило объем торговли с другими славянскими странами³².

В рамках этой деятельности установились контакты Геруца с известными болгарскими писателями, политиками, общественными деятелями, военными, которым, как и ему, пришлось вести эмигрантскую жизнь в России или которые просто проявляли интерес к неисчерпаемому богатству русской литературы. Среди них были И. Вазов, С. Бобчев, И. Миларов, Д. Цанков и др. Геруц не только снабжал их книгами, но и способствовал переводу и изданию их книг в России. К примеру, Геруц лично подключился к публикации нескольких стихотворений И. Вазова в «Баяне» — антологии славянских писателей и поэтов, а также к изданию брошюры С. Бобчева, посвященной македонскому вопросу³³.

Спустя четверть века после первого посещения Болгарии Геруц вновь оказался в этой стране. Теперь его целью была организация выставки русской книги в Софии, совмещенная с попыткой создания общего книжного рынка. Это событие имело огромное значение для культуры славянского мира, но эффект от него, к сожалению, вскоре оказался сведенным на нет из-за начавшихся двух Балканских войн, а затем и Первой мировой. Обе инициативы предпринимались в рамках Второго подготовительного славянского съезда в Софии летом 1910 г. Они должны были стать частью практического воплощения неославистской идеи.

Организатором выставки выступило Главное управление по печати МИД России по просьбе оргкомитета Славянского съезда. В сущности это была экспозиция печатных произведений всей России. Развернутая весной 1910 г. в Петербурге, она переместилась затем в Болгарию. Ответственным за ее болгарский вариант был назначен известный русский публицист и славянофил А. А. Башмаков. Ему помогали три помощника, в том числе К. Геруц — в то время управляющий петербургским центральным государственным книжным магазином. Выставка открылась 25 июня / 8 июля и стала одним из самых ярких проявлений Славянского съезда.

Это первое в своем роде мероприятие в Болгарии и на Балканах впечатлило современников невиданным до тех пор книжным изобилием. Для жителей Софии и гостей болгарской столицы выставка явилась не только крупным культурным событием, но еще и послужила наглядным доказательством возможностей литературы и ее распространения в деле взаимного постижения славянских народов, их сближения. Не случайно этот вопрос был включен в повестку дня Славянского съезда, в заключительной резолюции которого предусматривалось создание Союза славянских торговцев и издателей книг³⁴.

Выставка продолжала работать и после закрытия съезда. В сущности именно тогда началась настоящая работа по организации на новых основах распространения русской и более широко — славянской книжной продукции на Балканах. В начале июля по инициативе организаторов экспозиции была проведена трехдневная конференция издателей, распространителей, журналистов, публицистов и др. Болгарии, России, Австро-Венгрии (Хорватии) и Сербии. В числе выступавших на ней был и Геруц. Тема его доклада не была обозначена, но предположительно она была близка его интересам и опыту. В последний день конференции была принята резолюция, в которой отмечалась необходимость облегчить доступ русской литературы на болгарский и балканский книжный рынок³⁵.

На закрытии выставки 12/25 июля проф. Л. Милетич подчеркнул ее значение для культурного сближения народов и поблагодарил организаторов во главе с А. А. Башмаковым. Кому, однако, в наибольшей степени выставка обязана успехом, следует из письма Л. Милетича хорватскому кол-

леге В. Ягичу: «Русские непрактичны, и, если бы среди них не было одного хорвата, который долгое время занимался в Петербурге книжной торговлей и был одним из помощников в устройстве выставки, организация ее была бы еще более сложной»³⁶.

За 18 дней выставку, вход на которую был свободным, посетили свыше 30 тысяч человек. 14/27 ноября 1910 г. в Софии открылся первый магазин русской книги. Основой для него стали экспонаты отшумевшей выставки.

Начавшиеся войны поставили в повестку дня новые вопросы, славянские страны в ходе их начали осваивать разные маршруты. Пути К. Геруца и Болгарии стали все более расходиться, разделив их в конце концов по фронтам двух враждующих миров. Он, однако, забыл их не так быстро, как они его. В последующие десятилетия Геруц неоднократно прямо и косвенно действовал в болгарских интересах. Например, когда после поражения Болгарии в 1913 г. официальная Россия заняла антиболгарскую позицию, Геруц попытался встретиться с болгарским журналистом В. Велчевым, специально направленным болгарским правительством в Петербург. Узнав о его прибытии из газет, Геруц 13/26 августа 1913 г. пишет тому письмо с предложением о встрече и сообщает, что выход для Болгарии видит «в отчаянном, решительном и безрассудном славянофильстве»³⁷.

В последний раз Геруц косвенно «послужил» Болгарии в годы Первой мировой войны. В то время он был одним из руководителей учрежденного эмигрантами — хорватами и словенцами — общества почитателей Ю. Крижанича, которое выступало против сербских проектов включения хорватских и словенских земель в состав югославянского государства под эгидой Белграда. Будучи приверженцем идеологии правашей, политическим идеалом которых являлось объединение всех хорватских земель в независимое национальное государство под покровительством России, Геруц не мог принять доктрину Югославии как общего государства сербов, хорватов и словенцев. Конфликт не замедлил проявиться, приняв наиболее острую форму в связи с формированием в России так называемого «Сербского добровольческого корпуса» из состава военнопленных австро-венгерской армии. Хотя он и назывался сербским и именно сербам покровительствовали русское и сербское командование, в корпусе преобладали хорваты и словенцы. Напряженность нарастала и из-за того, что хорваты не хотели сражаться против болгар в Добрудже, а стремились попасть в Италию и оттуда бороться с австрийцами за освобождение своей родины. Именно в таком духе разворачивал пропаганду Геруц, его идеи падали на благодатную почву, усиливая дезертирство, неподчинение командирам. 23 октября 1916 г. в лагере на Куликовом поле, около железнодорожной станции Одесса вспыхнул открытый бунт — три роты демонстративно бросили оружие и отказались служить в сербском корпусе во имя сербских интересов. Бунт был жестоко подавлен. 13 хорватских солдат и офицеров

расстреляны, десятки ранены, многие подверглись избиению и пыткам³⁸. Годы спустя М. Крлежа назовет это событие «одесской бойней»³⁹.

Отсюда жизненный путь Геруца вступает в свой последний и трагический этап. Он наиболее слабо документирован. О его личной жизни неизвестно почти ничего. В июне 1918 г. один хорват из уже расформированного Добровольческого корпуса встретил Геруца в Тифлисе, где тот занимал должность директора Кавказского библиографического института и Государственной библиотеки, а также был секретарем некоего земледельческого общества⁴⁰. Даже после страшного общественно-политического катаклизма, который смел старый мир, Геруц остался верен избранному поприщу — книгам и культурному посредничеству.

Водоворот мировой войны и большевистской революции безжалостно захватил его семью. Опубликованное И. Очаком письмо Геруца от 14 декабря 1920 г. к брату Луке, жившему в Крижевцах, раскрывает волнующую историю его личной жизни: «Дорогой брат, Лука! Недавно получил письмо от нашей сестры Славицы. Она пишет, что наш брат Людевит умер, но я ничего не знаю о тебе и твоих детях. Твоего сына Джуро я видел в 1915 г. в Петрограде, когда он как сербской офицер отправлялся на Корфу и далее в Македонию. Возвратился ли он с войны или погиб где-то в России, как мой сын Юрий? Может быть, погиб и мой младший сын Борис, уже полтора года я не имею никаких сведений о нем. Моя младшая дочь Зинаида умерла в ноябре 1919 г. здесь, в Грузии, в г. Гори, где весной произошло сильное землетрясение. Так что у нас осталась только старшая дочь Мария. Жена моя Любовь Тимофеевна, разумеется, страдает и физически переносит все очень тяжело, но терпеливо. Я живу в Тбилиси с весны 1917 г. В настоящее время являюсь секретарем одного чешского торгового общества. Несмотря на это, очень хочется на старости лет вернуться на родину, и я постараюсь сделать это. Жену и дочь, конечно, тянет к своим, на Север, к Ладожскому озеру. Будет так, как Бог даст...»⁴¹.

На этом кончаются сведения о Геруце, известные в Хорватии. Но его болгарский биограф Н. Карджиев продолжает трагическую историю своего героя. В заметках, относящихся к 1935 г., он пишет: «После революции Геруц, будучи меньшевиком, вынужден был переселиться в Грузинскую меньшевистскую республику в город Тифлис, где в 1917–1921 гг. отдался экономической и культурной деятельности. Он издал ряд сочинений и основал несколько обществ на кооперативных началах — садоводческих, пчеловодческих, лекарственных растений и т. п., а также музей образцов товаров при Грузинской торгово-промышленной палате. После присоединения Грузии к большевистской советской республике Кр. Ю. Геруц был подвергнут преследованиям со стороны большевиков и в 1925 г. сослан на три года на Урал. Но и тут хорват не пришелся большевикам ко двору и был выслан в еще более далекий край необъятной России — аж в Транскаспийский край к западной границе с Персией в г. Турт-куль (бывший

Александровск) Амударьинской области. Оттуда его близкие в Югославии и Болгарии — две родные сестры замужем за болгарами — уже не получали никаких сведений»⁴².

Приблизительно так закончился жизненный путь Геруца: более точных сведений нет. Поэтому и год его смерти — 1929 — называется лишь условно. Ему потребовалось 70 лет, чтобы преодолеть пространство в 7 тысяч километров, отделяющих его родину от того места, где он встретил свой смертный час. В его биографии время и пространство как будто сливаются, чтобы поведать странную историю одного хорвата, прошедшего «сквозь» три славянские культуры, впитавшего их в себя и оставившего свой след в них. Это было своего рода подвижничество, хотя в большинстве случаев и против его воли. Восток для Геруца был по сути тем же, что и для героя Г. Гессе из «Путешествия на Восток»: «Нашей целью был не просто Восток, или, скорее, наш Восток не был некоей страной, неким географическим понятием — он был родиной и молодостью души, был всюду и нигде, являл собой единение всех времен»⁴³. Такой мнилась и пресловутая «Союзная Славония», за которую Геруц произнес тост в последний день Славянского съезда 1910 г. Он говорил не о некоей политической империи славянства под верховенством России, а об Аркадии духа или Отечестве культуры. Не берусь утверждать, что это — мираж или прозрение. Во всяком случае, терзания человека духа, страдание уединения и стремление к общности и служению — все это, ставшее для Г. Гессе благодатной темой накануне Первой мировой войны и после нее, еще в конце XIX — начале XX века уже было пережито К. Геруцем. Потому, может быть, к нему применимы слова Г. Вазова, младшего брата патриарха болгарской литературы И. Вазова. В 1888 г. в одном из своих писем он назвал Геруца «никому не известным Колумбом, который решил познакомить друг с другом два славянских мира»⁴⁴. Поиск и служение славянской культурной общности — это поприще, которое Геруц превратил в свой путь, истину и жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Sloboda. 24.12.1885. № 23.
- ² Smotra. 1887. № 1. S. 361 и др.; Hrvatska. 5.03.1890. № 5; 9.11.1894. № 254. 22.12.1894. № 290.
- ³ Radić S. Hrvatski konzul u Petrogradu (Slavenske pisma XII) // Novosti. 1.4.1909. № 91. S. 12–13.
- ⁴ Paulova M. Jigoslovenski odbor (Povijest jugoslovenske emigracije za svjetskog rata od 1914–1918). Zagreb, 1925; Potočnik F. Iz emigracije. T. VI. U Rusiji. Zagreb, 1926.
- ⁵ Hrvatska svjedočanstva o Rusiji / Prir. Dr. J. Badalić. Zagreb, 1945. S. 373–395. Один из очерков Геруца из России опубликован в: Hrvatski putopisci XIX i XX stoljeća / Ured. Sl. Ježić. Zagreb, 1955. S. 205–209.

- 6 *Flaker F.* Tolstojjeve «Pučke pripovijesti» u Hrvatskoj // Knjizevne poredbe. Zagreb, 1968. S. 318–330.
- 7 *Očak I.* Krunoslav Heruc, pobornik Hrvatsko-Ruskih veza potkraj XIX i na početku XX st. // Historijski zbornik. 1984. № 37 (1). S. 139–163. Эта же статья опубликована под названием: Hrvatski konzul u Rusiji — K. Heruc // Hrvatsko-ruske vese druga polovica XIX. i početak XX st. Zagreb, 1993. S. 101–126. И. Очак является также автором статьи о Геруце в Хорватском биографическом словаре (Hrvatski biografski leksikon. Zagreb 2002. Т. 5. S. 564–565).
- 8 Hrvatska/Rusija. Kilturno-povijesne vese. Zagreb, 1999. S. 29–32, 198–202, 100–135, 285–313; *Lukšić I. L. N.* Tolstoj u prijevodu fra Grge Martića // *Gross M.* Izvorno pravaštvo. Ideologija, agitacija, pokret. Zagreb, 2000; *Matković S.* Čista stranka prava. 1895–1903. Zagreb, 2001.
- 9 *Ровнякова Л.* Русско-славянский книжный магазин в Петербурге (1887–1893) // Зарубежные славяне и русская литература. Л., 1978. С. 82–105.
- 10 *Фирсов Е. В.* Югославяне К. Геруц и Л. Тума — создатели и меценаты славянских культурных обществ в прежней России // Югославянская история в новое и новейшее время: Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В. Г. Карасева (1922–1991). М., 2002. С. 177–185.
- 11 *Horvat R.* Povijest grada Varaždina. Varaždin, 1936. S. 390–391.
- 12 *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 103–104.
- 13 *Sloboda.* 24.12.1885. № 293.
- 14 *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 103–104.
- 15 *Sloboda.* 24.12.1885. № 293.
- 16 НБКМ-БИА. Ф. 112. Д. 84. Л. 1–2; *Жечев Н.* Болгарская ученическо-студенческая колония в Загребе в 70-х гг. XIX в. // *Etudes historiques.* 1978. Т. 8.
- 17 НБКМ-БИА. Ф. 112. Д. 117. Л. 29–32; *Божилова Р.* Хърватското национално-освободително движение през погледа на българите. 1878–1914. София, 1988. С. 60–61.
- 18 *Божилова Р.* Илия Миларов и политическият живот в Хърватско // Исторически преглед. 1991. № 6. С. 68–82.
- 19 *Sloboda.* 24.XII.1885. № 293.
- 20 *Ровнякова Л.* Русско-славянский книжный магазин... С. 86.
- 21 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX в. М., 1975. С. 455.
- 22 *Hratska.* 19.V.1886. № 39.
- 23 *Sloboda.* 5.VIII.1885. № 177.
- 24 *Елдъров С.* Хърватски доброволци в Сръбско-българската война // Военно-исторически сборник. 2005. № 3.
- 25 *Живков Н.* Прощавам го! За робите по Сръбско-българската война. Силистра, 1886.
- 26 *Львов Е.* Болгария в период террора и анархии. М., 1888. Т. I. Между двумя переворотами. С. 339–340.
- 27 *Ровнякова Л.* Русско-славянский книжный магазин... С. 88.
- 28 *Стоянов З.* Съчинения. София, 1983. Т. 3. Публицистика. С. 152.
- 29 Там же. С. 496–498.
- 30 *Arhiv Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti.* XII A 217/5.
- 31 *Ровнякова Л.* Русско-славянский книжный магазин... С. 91–92.

- 32 Там же. С. 89–95.
- 33 *Вълчев В.* Из преписката на Иван Вазов // Известия на Института за българска литература. София, 1960. Т. 9. С. 320–321.
- 34 Ден. 27.VI.1910. № 2238; Свобода. 1910. № 4–5. С. 132–139.
- 35 Пряпорец. 8.VII.1910. № 177; Ден. 9.VII.1910. № 2250; Дневник. 9.VII. 1910. № 2844.
- 36 Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1914 / Съст., перевод и др. Р. Божилова. София, 1996. С. 288–289.
- 37 ЦДА. Ф. 249 К. Оп.1. Д. 100. Л. 1.
- 38 *Paulova M.* Jigoslvenski odbor... S. 254–255; *Potočnjak F.* Iz emigracije. S. 8–11, 19–21, 173; *Очак И.* Югославянские интернационалисты в борьбе за победу советской власти в России. 1917–1921 гг. М., 1966. С. 11–26.
- 39 *Krleža M.* Panorama pogleda, pojava i pojmov. Sarajevo, 1975. S. 97.
- 40 *Očak I.* Krunoslav Heruc... S. 125.
- 41 Ibid. S. 125–126.
- 42 *Карджиев Н.* Крунислав Юрьевич Херуц (Биографични бележки) // Сливница. 25.II.1935. № 226–227. С. 3–4.
- 43 *Хесе Х.* Пътуване към Изтока. София, 1990. С. 20.
- 44 *Вълчев В.* Из преписката... С. 382–383.

Л. П. Лантева
(Москва)

Жизненный путь и творческая деятельность историка-слависта А. Н. Ясинского

Антон Никитич Ясинский (1864–1933) принадлежит к числу крупнейших историков-славистов конца XIX — первой трети XX в. Его труды выделяются из сочинений по истории славян своей проблематикой, методом исследования и концепцией исторического процесса.

В последней четверти XIX и начале XX в. в русской исторической литературе наблюдается большой интерес к социально-экономическим проблемам. Значительных успехов в их разработке достигли специалисты по всеобщей истории, создав исследования, повлиявшие на дальнейшее развитие исторической науки в Европе. Весьма плодотворно в этом направлении работали ученые, освещавшие историю России. Однако в области славяноведения работы, которые можно назвать позитивистскими, представляют собой явление редкое, если не сказать уникальное. Труды А. Н. Ясинского как раз и относятся к такого рода сочинениям, которые находились в общем русле прогрессивного направления в русской историографии указанного периода. Именно по этой причине они получили, на наш взгляд, широкий отклик как в России, так и за рубежом, особенно в чешской историографии. В отличие от большинства историков-славистов А. Н. Ясинский не был забыт в отечественной историографии, хотя в годы жизни при советской власти подвергался дискриминации и гонениям, как и другие революционные ученые, но суровых репрессий сумел избежать.

Как известно, советская марксистская историография придерживалась тезиса о первенстве базиса перед надстройкой в историческом процессе. Из этого положения вытекало объяснение роли классовой борьбы как движущей силы прогрессивного развития общества. Поэтому интерес к проблемам социально-экономического плана имел актуальное научное значение. Творчество А. Н. Ясинского оказалось востребованным. И хотя его выводы вызывали критические замечания советских историков, упреки в непонимании определенных явлений ввиду «классовой ограниченности буржуазного историка», фактическая база исследования А. Н. Ясинского, его характеристики источников и многие заключения были использованы советскими исследователями чешской феодальной истории и даже послужили основой для общей концепции.

Документальная база лучше сохранилась о жизни и творчестве ученого в дореволюционный период. В дальнейшем архивные материалы или отсутствуют, или дошли до нас фрагментарно. Наибольшее количество ар-

хивных документов имеется в Историческом архиве Эстонии. В этой стране А. Н. Ясинский с 1896 по 1911 г. работал профессором Юрьевского императорского университета (ныне Тартуского). В этом архиве материалы об А. Н. Ясинском хранятся в ряде фондов, о чем содержится информация в статье Л. Дубьевой «Антон Никитич Ясинский как профессор всеобщей истории в Юрьевском университете (Дерпт — Тарту) 1896–1811»¹. Значительный материал об ученом имеется и в Российском государственном историческом архиве (в Санкт-Петербурге), главным образом в фондах Департамента народного просвещения. Документы о студенческих и магистерских годах Ясинского хранятся в Киевском городском архиве, в фонде университета Святого Владимира. О работе А. Н. Ясинского на посту директора педагогического института имени Г. П. Шелапутина в Москве документы находятся в Центральном государственном архиве г. Москвы. Там же имеются сведения о педагогической деятельности ученого после 1912 г. в Московском университете. Из архивов зарубежных стран материалами о Ясинском располагает архив Чешской академии наук и ряд личных архивных фондов, хранящихся в разных городах Чешской Республики. В последних в основном находится корреспонденция. Среди неопубликованных материалов имеется несколько автобиографий Ясинского. Эти тексты, с поправками на время, опубликованы в словарях и энциклопедиях, имеются также послужные списки, отзывы на труды Ясинского и его рецензии на сочинения разных лиц, прошения, докладные записки, переписка между учреждениями и т. д.

Поэтому дореволюционный период творчества ученого, когда, между прочим, он создал свои сочинения, ставшие весомым вкладом в изучение истории средневековой Чехии, имеет достаточную источниковую базу.

Что касается литературы о Ясинском, то в дореволюционный период она была представлена в основном двумя жанрами — статьями в справочных изданиях² и обширными разборами его основных трудов³. Авторами этих рецензий были как русские, так и чешские ученые⁴. Кроме того, исследователи близких к работам Ясинского сюжетов часто ссылались на труды ученого, цитировали их и полемизировали с ним.

Основная литература о слависте появилась уже в советское время, главным образом после Великой Отечественной войны. Она также разнообразна по жанру. Кроме характеристики в общих и историографических очерках⁵ работы А. Н. Ясинского рассматривались в специальных статьях⁶, использовались в монографиях, посвященных истории Чехии предгуситского периода⁷. Сведения об А. Н. Ясинском присутствуют в общих работах по истории славян⁸ и в большом числе справочных изданий⁹.

Интерес к творчеству ученого продолжается и до настоящего времени, о чем в частности свидетельствуют работы совсем недавнего времени, например, упомянутая статья Л. В. Дубьевой¹⁰ и статья Ю. Ф. Иванова¹¹.

В настоящей работе указаны не все сочинения советского времени об А. Н. Ясинском. Да в этом и нет необходимости. Обращает, однако, на себя внимание характер сведений. Если в дореволюционной литературе велась научная полемика, обсуждалась концепция его основных произведений по чешской феодальной истории, велся поиск оптимального пути решения проблемы, то в советское время авторы, как правило, ограничивались общими характеристиками. Приведем примеры. Так, характерную оценку значения Ясинского как ученого, сыгравшего видную роль в становлении советского славяноведения, дает О. Л. Вайнштейн в книге «История советской медиэвистики» (Л., 1968). Автор пишет: «А. Н. Ясинский... известен как крупнейший русский историк средневековой Чехии... Тщательностью своего исследовательского метода, широким использованием статистических данных, извлеченных из архивных материалов, осторожностью выводов он напоминает А. Н. Савина¹². Главное внимание он, подобно Савину, уделял экономике, аграрным отношениям, развитию крестьянства, а также так называемому «немецкому праву» в Чехии, подвергая критике националистические фальсификации немецких буржуазных ученых. Труды Ясинского явились солидной основой для позднейших советских трудов по истории средневековой Чехии»¹³. Эта характеристика требует некоторой корректировки со стороны фактической, однако О. Л. Вайнштейн прав в том, что позднейшие (т. е. после А. Н. Ясинского) советские историки основывали свои работы на трудах А. Н. Ясинского. Так, они стали фундаментом двух работ Б. Т. Рубцова (1922–1994) — «Эволюция феодальной ренты в Чехии» (М., 1958) и «Исследования по аграрной истории Чехии XIV — начала XV веков» (М., 1963). Впрочем, вторая книга почти полностью в соответствующих местах повторяет первую.

Используя материал А. Н. Ясинского, Б. Т. Рубцов однако находит много «пороков» в его работах и критикует его точку зрения с марксистской позиции. Признавая, что этот «буржуазный ученый славист» внес крупный вклад в изучение аграрной истории Чехии¹⁴, Б. Т. Рубцов полагает, что А. Н. Ясинский «не сумел проникнуть в суть законов исторического развития» и «естественно, подняться до понимания характера смены отдельных социально-экономических формаций»¹⁵ и поэтому не смог объяснить причин смены земского строя в Чехии сословно-привилегированным. По мнению Б. Т. Рубцова, А. Н. Ясинский «не понимал прогрессивности исторического развития средневековой Чехии»¹⁶ и «классовой природы феодального государства»¹⁷, «смешивал базис и надстройку»¹⁸, «не видел исторической неизбежности замены феодальным строем предшествующих социально-экономических формаций»¹⁹. И еще очень многого, с точки зрения Б. Т. Рубцова, А. Н. Ясинский не увидел, не понял и не мог понять, так как не был вооружен теорией марксизма-ленинизма. Необходимо, однако, констатировать, что Б. Т. Рубцов был почти единственным совет-

ским автором, освещавшим столь сложные вопросы чешской средневековой истории, как аграрную историю, и произведения А. Н. Ясинского были ему в этом путеводной звездой.

Вообще следует заметить, что «разоблачительных» характеристик и таких, которые «клеямили» бы буржуазного историка Ясинского как элемент неприемлемый для советской науки, в отечественной литературе XX в. не встречается. По-видимому, средневековая проблематика его трудов не считалась политически актуальной, а лично он не выступал конкурентом новым советским научным кадрам и выражал желание сотрудничать после революции 1917 г. с новой властью.

В постперестроечный период развития отечественной историографии появилась более объективная и, на наш взгляд, более правильная оценка концепции А. Н. Ясинского, заложенной в его работах по истории средневековой Чехии. В этом плане необходимо указать на статью М. А. Робинсона «Основные идейно-научные направления в отечественном славяноведении конца XIX — начала XX вв.»²⁰, где А. Н. Ясинский отнесен автором к позитивистскому направлению в русском славяноведении указанного периода.

В советской историографии также неоднократно освещалась биография А. Н. Ясинского, с разной степенью подробности, но в основном без большого разнообразия фактов и оценок. Авторы статей использовали один из вариантов жизнеописания ученого, которое было создано им самим и опубликовано в справочных изданиях. Наиболее поздняя (и полная) биография ученого была опубликована в 1916 г.²¹

Исходя из того фактора, что творчество ученого определяется не только природным дарованием, но и в значительной мере условиями существования и обстановкой, в которой он жил, представляется целесообразным более подробно осветить жизненный путь и творчество А. Н. Ясинского на основании доступных архивных материалов и его собственных трудов. В настоящей статье в самом широком объеме также использованы мнения, суждения и впечатления об ученом, сложившиеся у его современников о его личности и творчестве.

Антон Никитич Ясинский родился 17 октября 1864 г. в семье купца, в местечке Межирич Черкасского уезда Киевской губернии²². Среднее образование получил в Первой Киевской гимназии, которую окончил в 1884 г. и в том же году поступил на историко-филологический факультет университета Св. Владимира в Киеве. Уже на студенческой скамье проявилась любовь А. Н. Ясинского к историческому знанию. Он прекрасно учился. В факультетской справке о нем указано, что во время пребывания на историко-филологическом факультете (1885–1888 гг.) Ясинский Антон «постоянно участвовал в состязательных испытаниях, на основании которых со второго полугодия пользовался освобождением от платы, а с V полугодия учительской стипендией. Состязательные испытания состояли в проверке сведений

студентов по общеобразовательным предметам, в особенности по древним языкам. На этих испытаниях Ясинский Антон получил следующие баллы. В декабре 1885 г.: греческий язык — 5, латинский язык — 5, история средних веков — 5. В мае 1886 г.: греческий язык — 5, латинский — 4, история Греции — 5, новая история — 5. В декабре 1886 г.: греческий язык — 5, латинский — 4, история Рима — 5, русская история — 5. В мае 1887 г.: греческий язык — 5, латинский язык — 5, греческие древности — 5, русская история — 5. В декабре 1887 г.: греческий язык — 5, латинский язык — 5, греческая литература — 5, латинская литература — 5, история словесности — 5, история искусств — 5. В мае 1888 г.: греческий язык — 5, латинский язык — 4, история церкви — 5». Сверх того принимались в соображение отчеты преподавателей классической филологии о практических и домашних занятиях студентов, входивших в руководимые ими группы. Руководители или ограничивались общим заявлением, что Ясинский занимается удовлетворительно, или же считали нужным отметить его особое прилежание и в особенности представляемые им рефераты. Так, в отчете проф. Ю. А. Кулаковского за осеннее полугодие 1886 г. сказано, что Ясинский представил «прекрасный реферат по вопросу о 4-й декаде Тита Ливия». В его же отчете за весеннее полугодие 1887 г. заявлено, что Ясинский занимался образцово, и, наконец, в отчете приват-доцента Поспишила за осеннее полугодие 1887 г. опять Ясинский выдвинут как студент, представивший хороший реферат. «Помимо обязательного участия в практических и домашних работах по древним языкам, — говорится далее в справке, — Ясинский добровольно работал под руководством профессоров всеобщей, русской и славянской истории и представил им следующие рефераты: 1) Характеристика общественного и политического состояния русского народа в X в. на основании договоров русских князей с греками; 2) Перевод сочинения реймского архиепископа Гинкмора «*De Ordine polatii*» с приложением очерка о жизни и сочинениях автора; 3) Арабские писатели XI–X века как источники русской истории; 4) Донесения голландских посланников о России (1616–1618); 5) Характеристика византийского историка Прокопа по сочинению Дона; 6) История Великой Хартии в XIII веке»²³.

Скучное на первый взгляд перечисление оценок и рефератов имеет важное значение для характеристики молодого А. Н. Ясинского, который кроме природной одаренности обладал необычайным трудолюбием, глубоко интересовался историей и получил блестящую подготовку по классическим языкам. О последнем свидетельствует его студенческое сочинение под названием «Переход Ганнибала через Альпы»²⁴, где автор предпринял сравнительное изучение текстов Ливия и Полибия о переходе Ганнибала через Альпийский хребет. Изложив фактический материал, Ясинский сличает тексты обоих историков, приводя их на латинском и греческом языках. В результате он находит сходство в построении отдельных выраже-

ний, а также отмечает разноречивость в их сведениях. Сходство в передаче фактов и буквальное воспроизведение одних и тех же оборотов Ясинский объясняет тем, что и Ливий, и Полибий пользовались одним и тем же источником, не дошедшим до нового времени. Автор отвергает возможность заимствования Ливием у Полибия ввиду различия мнений по отдельным событиям и приходит к выводу, что «Ливий в изложении изучаемого эпизода не был ни компилятором, ни переводчиком Полибия». Сам автор в одних случаях больше доверяет Полибию, в других считает, что ближе к истине был Ливий. Выводы Ясинского не отличались оригинальностью, они были известны в литературе, но аргументация в пользу той или иной точки зрения, полученная в результате сравнения греческого и латинского текстов, свидетельствует не только о знании классических языков, но и о наличии у студента достаточно развитого исторического мышления.

Историческими науками Ясинский занимался под руководством профессора-медиевиста Ф. Я. Фортинского, которого он называл своим «дорогим учителем» и впоследствии написал о нем особую статью²⁵. Ф. Я. Фортинский был большим знатоком средневековых источников. Ему принадлежит в частности исследование хроники Титмара Мерзебургского, не утратившее научного значения и до настоящего времени. Ясинский прошел у Фортинского отличную источниковедческую школу. В университете Св. Владимира преподавали историю также известные русские ученые Т. Д. Флоринский, В. С. Иконников и В. Б. Антонович, лекции которых по разным отделам истории слушал Ясинский. Одаренный и трудолюбивый студент с успехом воспользовался преподаваемой профессорами наукой. В 1888 г. он написал для конкурсного соискания наград работу на тему «Сочинения князя Курбского как исторический материал», которая была удостоена золотой медали и опубликована в Киевских университетских известиях²⁶.

Работа Ясинского состояла из введения и двух частей. Во введении автор характеризует источниковую базу. Она представлена преимущественно летописями. Ясинский анализирует их текст и путем сравнения устанавливает достоверные или с его точки зрения сомнительные данные. Представлено также подробное дипломатическое описание использованных летописей. В первой части работы Ясинский дает обзор жизни Курбского и характеристику его церковно-политических воззрений. Вторая часть посвящена историко-практическому разбору произведения Курбского «История князя Великого Московского».

Закончив в 1888 г. историко-филологический факультет со степенью кандидата, А. Н. Ясинский был рекомендован проф. Ф. Я. Фортинским для оставления при факультете с целью подготовки к профессорскому званию, т. е., по терминологии того времени, «профессорским стипендиатом». В «представлении» в историко-филологический факультет Ф. Я. Фортинский писал, что Ясинский Антон, поступив на факультет в 1885 г., «очень скоро

обратил на себя внимание профессоров истории своею талантливостью, любознательностью и замечательным трудолюбием... «Он подвергался всей строгости... классической системы образования, усердно изучая древние языки в аудитории и дома... Составляя все требуемые переводы, рефераты и корефераты, Ясинский в то же время всегда умел заняться своим любимым предметом историей». «Не проходило ни одного полугодия без того, чтобы он не принимал участия в практических занятиях по истории общей, русской или славянской и не представил профессору-руководителю более или менее обширного реферата. Уже более ранние его рефераты, — продолжал профессор, — оказались настолько удачны, что факультет, принимая их во внимание, предоставил Ясинскому учительскую стипендию еще на пятый семестр, а из более поздних его работ одна была напечатана по определению факультета в университетских известиях («История Великой Хартии в XIII веке»²⁷), другая — награждена золотой медалью».

Далее Ф. Я. Фортинский пишет в своем «представлении», что, работая над материалами, относящимися к различным отраслям истории, «Ясинский не только имел возможность хорошо усвоить приемы исторического исследования и изложения, но и употреблять все усилия, чтобы улучшить свою подготовку к самостоятельному продолжению научных занятий». «За время пребывания своего в университете он, с одной стороны, успел настолько освоиться с языком средневековых писателей и актов, что без труда справлялся с переводом, например, произведений Прокопия, Ринкмара, с Magna Charta, а с другой — к знанию древних языков, французского и немецкого присоединил еще изучение языков английского и итальянского, а также и некоторых славянских наречий». Заканчивая свое «представление», проф. Ф. Я. Фортинский отмечает, что «прекрасная подготовка г. Ясинского, его несомненная талантливость, замечательное трудолюбие, а главное — самое искреннее желание продолжать свои научные занятия дают право ходатайствовать об оставлении Ясинского при университете для подготовки к профессорскому званию по предмету общей истории, преимущественно средней, и предоставлении ему соответствующей стипендии»²⁸.

Упомянутая в документе работа А. Н. Ясинского «История Великой Хартии в XIII веке» объемом в 61 страницу имеет две части. В первой из них излагаются события, связанные с получением Хартии и представлен ее перевод на русский язык. Подстрочные примечания к переводу свидетельствуют об отличном знании автором как обстоятельств при издании документа, так и литературы по этому вопросу. Во второй части прослежено изменение этой Хартии вплоть до подтверждения ее в 1297 г. при короле Эдуарде. Студенческая работа Ясинского в своем роде явление замечательное, и хотя в ней нет необходимых обобщений и выводов, она свидетельствует о научной перспективности ученика проф. Ф. Я. Фортинского и оправдывает данную ему характеристику.

В первое полугодие после причисления Ясинского к профессорским стипендиатам он отчасти продолжал работу по русской истории. В это время он написал и опубликовал две небольших статьи: «Московский государственный архив в XVI веке»²⁹ и «Донесение о Московии Марка Фоскарини»³⁰.

Статья о Московском архиве в XVI в. представляет собой первое исследование описи царского архива 1570-х гг. и используется специалистами до настоящего времени³¹. Что же касается донесения Марка Фоскарини о Московии, то статья о нем представляет собой образец критического отношения автора к источнику — метода столь характерного для Ясинского на протяжении всего его творчества. «Донесение» приписывалось венецианскому послу М. Фоскарини, бывшему, как предполагалось, в России в 1557 г. Это сочинение под названием «Discorso della Moscovia di Marco Foscarino, almeno attribute a lui» считалось источником по русской истории. Сопоставив тексты, Ясинский пришел к убеждению, что это сочинение представляет собой довольно бесцеремонную переделку произведения Павла Иовия «De legatione Bastilii». Епископ Иовий — историк XVI века — написал его по рассказам русского толмача Дмитрия Герасимова, которого посылал к папе Василий Иванович. Сличив два текста, Ясинский находит в них идентичность и в заключении пишет, что приписываемое М. Фоскарини произведение является явной переделкой работы Павла Иовия и не может считаться источником по русской истории.

Закончив печатание работ по русской истории, А. Н. Ясинский стал собирать материал для магистерской диссертации, которую предполагал посвятить критическому изучению Хроники Козьмы Пражского. Он штудировал источники и литературу по чешской истории от основания государства до 1125 г., на котором останавливается изложение Козьмы. В отчете, посвященном своим занятиям этим сюжетом за период от 17 сентября 1889 г. до 17 марта 1890 г., Ясинский указывает на конкретные издания документов немецких, чешских, польских и венгерских источников, проработанных им за указанное время. Автор отчета подробно характеризует изученные им нарративные источники — польские хроники Галла, мистра Викентия (Кадлубка) и небольшие польские летописи — *roczniki polskie* и др. Венгерские хроники, по мнению Ясинского, заслуживают весьма мало внимания, «так как составители их вследствие патриотизма не стеснялись извращать события», к тому же по времени составления относятся к концу XIII в., что выходит за хронологические рамки исследования автора. Чтение источников Ясинский дополнял изучением соответствующей литературы. В отчете подробно приводится богатый перечень монографий и статей, относящихся к изучаемой автором теме. Закljučая свой отчет, А. Н. Ясинский пишет: «Не входя в разбор этой довольно разнообразной литературы, считаю необходимым заметить, что вопросы об образовании

чешского государства, отношения его к немецкой империи, о характере и размерах власти чешского короля и его отношении к сеймам в X–XII вв. остаются, по моему убеждению, недостаточно выясненными, на что я надеюсь обратить внимание в своей диссертации или в специальной статье»³².

Оценивая отчет Ясинского, Ф. Я. Фортинский писал, что «от его внимания не ускользнуло не только ни одно капитальное сочинение, но и более мелкие диссертации и журнальные статьи. Вскользь брошенные в его отчете заметки о характере изучаемых им древних текстов и произведений современных историков свидетельствуют об его умении разбираться в разнородном материале и овладеть им»³³.

Собирая материал для диссертации, А. Н. Ясинский одновременно готовился к сдаче экзаменов на степень магистра всеобщей истории, что и было успешно осуществлено в мае 1892 г.³⁴ Однако тема магистерской диссертации была несколько изменена и расширена. Как указывал Ф. Я. Фортинский в отзыве на отчет А. Н. Ясинского о занятиях за 1890–1891 гг., стипендиат «в истекшем академическом году особенно внимательно изучал сочинения, относящиеся к истории происхождения и развития средневековых учреждений во Франции, Германии и Англии». «Труды Вейца, Фюстель де Куланжа, Лютера, Стеббиа до такой степени увлекли его, — пишет Фортинский, — что под влиянием их он задумал придать своей диссертации более широкую постановку. Первоначально он имел в виду ограничиться изучением Хроники Козьмы Пражского как исторического источника; в настоящее же время к этому изучению Хроники он присоединил внимательный пересмотр актов с целью убедиться, насколько справедлив взгляд современных чешских историков, что феодализм проникает в Чехию не ранее XIII века. Умение г. Ясинского характеризовать в немногих словах сильные и слабые стороны прочитанных им книг и подмечать причины пристрастного отношения чешских историков к вопросу о феодализме в Чехии заставляет надеяться получить от него хорошую магистерскую диссертацию»³⁵. Представляется, однако, что указанная Ф. Я. Фортинским причина изменения темы диссертации не является единственной. Дело в том, что в 1890 г. в Журнале Министерства народного просвещения было напечатано весьма основательное исследование приват-доцента Санкт-Петербургского университета В. Э. Регеля о Хронике Козьмы Пражского³⁶. Писать диссертацию на тему уже разработанную на базе аналогичных источников научной этикой XIX века не допускалось. Впрочем, переход А. Н. Ясинского к другой теме, вероятно, был нетрудным, так как его широкая начитанность в источниках и литературе соответствующей эпохи вполне позволяла расширить проблему исследования. В качестве магистерской диссертации А. Н. Ясинский представил работу «Падение земского строя в чешском государстве (X–XIII вв.)»³⁷. Защита состоялась 28 мая 1895 г., и совет университета Св. Владимира единогласно присвоил Ясинскому сте-

пень магистра всеобщей истории³⁸. Работа нового магистра была написана на тему в русском славяноведении не разработанную, представлена на соискание им премии проф. А. Л. Котляревского³⁹ и получила награду от ОРЯС РАН⁴⁰. В русской и чешской литературе книга Ясинского вызвала неоднозначную оценку и стала предметом активной научной полемики, о чем подробно будет сказано ниже.

С 1889 по 1896 г. А. Н. Ясинский преподавал историю в различных учебных заведениях г. Киева — в частной женской гимназии Ващенко-Захарченка, Киевском Владимирском кадетском корпусе, Киевской Первой гимназии и Институте благородных девиц. С июня 1895 г. ученый стал читать лекции по средневековой истории в университете Св. Владимира в качестве приват-доцента⁴¹. В осеннем семестре 1896 г. он должен был читать обязательный курс лекций по истории западных славян, но к чтению этого курса не приступил. Следует отметить, что в 1896 г. А. Н. Ясинским была предпринята попытка получить место на кафедре всеобщей истории в Новороссийском университете, но ввиду отрицательного отзыва о его ученых трудах, составленного профессором указанного университета Р. Ю. Виппером, назначение Ясинского не состоялось⁴², и 1 октября 1896 г. А. Н. Ясинский был назначен экстраординарным профессором Императорского Юрьевского университета по кафедре всеобщей истории⁴³ и 11 ноября 1896 г. прочитал свою вступительную лекцию в Юрьевском университете⁴⁴. Начался новый этап в жизни и творчестве ученого, наиболее плодотворный в научном и педагогическом отношении, продолжавшийся до 1911 г.⁴⁵

В Юрьевский университет А. Н. Ясинский был назначен вместо профессора Гаусмана, преподававшего всеобщую историю на немецком языке. Именно в этот период в Юрьевском университете, недавно преобразованном из немецкого Дерптского в русский, происходила постепенная замена профессоров, которые не были готовы читать лекции на русском языке, кадрами с русским языком преподавания. В лице А. Н. Ясинского университет приобрел образованного, эрудированного профессора и хорошего педагога. По сведениям Ф. Я. Фортинского, Ясинский отлично владел древними языками, «недушно» говорил на трех новых языках, владел северо-западными (т. е. польским и чешским) славянскими наречиями и читал на нескольких других языках. О его исследовательском таланте говорилось выше. На юрьевский период жизни Ясинского приходится расцвет его научной и педагогической деятельности.

Обстановка в Юрьевском университете была сложной. Преобразование его в университет с русским языком преподавания вызвало оппозицию среди прежней немецкой профессуры, которая поддерживалась оставленными кадрами. Многие прежние профессора, а также студенты покинули университет и уехали главным образом в Германию. Освободившиеся студенческие места заполнялись выходцами из центральных губерний, глав-

ным образом семинаристами, которые ввиду специфики этих средних учебных заведений не всегда отвечали уровню светских университетов и поступали в Юрьевский университет из-за определенных льгот при приеме и во время обучения. Кадров преподавателей не хватало. Местное интеллектуальное общество отличалось немецким духом, чопорностью и гипертрофированным национальным самосознанием. Внутренние политические и общественные вопросы мало интересовали это общество. Многие русские профессора рассматривали свое пребывание в Юрьевском университете как временный этап и покидали его при первом удобном случае, несмотря на высокое материальное обеспечение и повышенное денежное содержание.

В отличие от других российских университетов, в Юрьевском не было большого интереса к изучению славян. Кафедра славянской филологии, существовавшая в ИЮУ под разными названиями в течение всего XIX века, главным образом занималась обучением государственному, русскому языку студентов, состоявших в основном из остзейских немцев. С преобразованием Дерптского, немецкого университета, в русский, Юрьевский, здесь стали преподавать славянские языки, славянские литературы, а с 1906 г. и историю южных и западных славян. Однако лиц, интересующихся славянскими сюжетами, было мало, и несмотря на то, что в Юрьевском университете в разное время работали такие крупные слависты как А. А. Котляревский, Б. В. Петухов, А. Н. Ясинский, из его состава вышел лишь один профессиональный славист-историк — М. В. Бречкевич.

Вместе с тем условия для научной работы в Юрьеве были весьма благоприятными. Студентов было крайне мало, профессора не отвлекались на политическую борьбу, русских политических партий не было, а немецкие группировки русскими не поддерживались, как и немцы не поддерживали русских. В то же время Юрьевский университет имел более тесные научные контакты с университетами Европы, ученые могли чаще выезжать в научные командировки, быстрее знакомились с научной литературой западных стран и легче могли ее приобретать.

Переселившись в Юрьев, экстраординарный профессор всеобщей истории А. Н. Ясинский сосредоточился на педагогической работе и на научном исследовании вопросов истории средневековой Чехии. Изучение содержания «Ученых записок Имп. Юрьевского университета» за 1897–1911 гг., где публиковались сведения о читавшихся лекциях и практических занятиях, проводившихся профессорами со студентами, показывает, какое большое число предметов преподавал А. Н. Ясинский своим воспитанникам. Так, в 1897 г. он читал историю Англии в средние века, историю Капетингов и вел практические занятия. В 1889 г. читал историю Англии и Франции в конце средних веков, историю Германии. Во втором семестре читал историю Византии и арабов до эпохи крестовых походов; историю

крестовых походов. В 1899 г. читался общий курс по истории средних веков; история средневекового аграрного строя в Германии. В этом году профессор преподает дипломатику. В 1900 г. Ясинский читает общий курс истории средних веков, истории церкви, ведет практические занятия по средневековой истории, а также преподает латинскую дипломатику и палеографию. Заметим, что два последних предмета в российских университетах не преподавались за неимением кадров специалистов. И лишь несколькими годами позднее преподавание этих предметов было введено на Высших женских курсах в Санкт-Петербургском университете, когда в этой области начала свою деятельность О. А. Добиаш-Рождественская, получившая подготовку во Франции.

В 1901 г. А. Н. Ясинский читал общий курс по средневековой истории, историю Франции в средние века, историю церкви. В 1902 г. все предметы повторились. В 1903 г. профессор читал общий курс истории средних веков, историю Византии, историю крестовых походов. В 1904 г. к этим курсам добавился общий курс по русской истории и спецкурс по русской истории ввиду того, что кафедра русской истории была вакантной и читать лекции было некому⁴⁶. Заметим, что в области русской истории Ясинский был столь квалифицированным, что ему предлагали занять кафедру по этому предмету⁴⁷, но он отказался, так как и на кафедру всеобщей истории, которую он занимал, не было кандидатуры⁴⁸.

В дальнейшем А. Н. Ясинский читал те же самые курсы по истории средних веков и проводил практические занятия, а в 1907 г. читал историю средних веков до эпохи Карла Великого, историю Англии в XII–XIV вв., историю Франкской монархии, историю Германии во второй половине средних веков. В 1908 г. Ясинским читалась история Византии и Каролингской монархии, история Германии, история Италии и Каролингской монархии, история Византии и крестовых походов, история церкви в I–IV вв. В 1909 г. — история Италии в связи с историей Византии и папства, другие курсы, продолжавшиеся или повторявшиеся. Интересно, что дипломатика преподавалась в течение двух лет на старших курсах. Наконец, в 1911 г., в последний год своего профессорства в Юрьеве, кроме общего курса по средневековой истории Ясинский прочитал историю Франции, историю Византии, Италии и Востока в эпоху раннего средневековья⁴⁹.

Из приведенного перечня курсов лекций и практических занятий видно, сколь широко профессором преподносился материал по истории средневековой Европы. Многие курсы лекций издавались студентами литографированным способом, а также типографским, но на правах рукописи. Подобного рода издания дошли и до настоящего времени, хотя и не по всем преподававшимся предметам. В качестве примера можно коротко остановиться на содержании одного из них по общему курсу истории средних веков 1907 г. издания⁵⁰. Введение в изложение материала содержит

рассуждение об истории как науке, что характеризует кредо профессора. История как наука, говорит автор, «есть знание строго систематическое. Система ее заключается в раскрытии фактов и явлений жизни человеческой», в изложении ее постепенного развития. «В то же время, история есть знание методологическое, потому что выбирает факты не случайно, не механически, а пользуясь различными приемами, — говорит лектор и продолжает: — Все приемы, как-то синтез, анализ и др. при исторических работах имеют самое широкое применение. История как и всякая другая наука имеет свою критику». Далее автор останавливается на вопросах о том, что является содержанием науки «история». «История изучает такие явления, которые оказали огромное влияние на создание, развитие, существование высших благ человеческой жизни... История познает объекты в их происхождении и развитии». Далее лектор отмечает, что для историка имеет интерес жизнь и деятельность безымянной массы людей, ибо эти явления дают возможность установить взгляд на культурное состояние известной группы людей в известное время. Заслуживают внимания, по мнению профессора, и действия массы людей в коллективной форме, т. е. войны, революции, образование разных обществ и корпораций и т. п. Изложив таким образом содержание истории, автор приводит определение ее: «История есть наука, которая в причинной связи исследует и излагает факты развития человечества как социального организма, поскольку это развитие проявилось в различных отдельных группах людей». Таким образом, по нашему мнению, Ясинский выражает позитивистский в его основе взгляд на сущность исторической науки. Далее автор лекций признает необходимость влияния исторической науки на современную жизнь. Но для этого, по его мнению, она сама «должна быть свободна от увлечения современными вопросами и веяниями, которые помешали бы ей смотреть правильно и беспристрастно на вещи». А. Н. Ясинский выражает несогласие с теми историками, которые утверждают, что история — наука о человеке и его политической деятельности (Фримман) или что предмет изучения истории — события, которые относятся к государственно-общественным делам (Лоренц). Автор считает, что изучение одних государственных форм и политической деятельности будет не полно без изучения коллективных форм, ибо последние появились задолго до государственных форм жизни, а кроме того целый ряд явлений не имеет ничего общего с политикой, как-то: религия, искусство, наука и т. п. А. Н. Ясинский считает определения упомянутых им авторов чрезвычайно односторонними⁵¹.

Изложив свой взгляд на историческую науку во введении, автор далее освещает тему «Монархия Карла Великого». Здесь обращает на себя внимание характеристика источников. Автор говорит о капитуляциях, каролингских грамотах (актах), урбариях (памятниках) королевских и церковных владений⁵². Далее указывается основная литература, немецкая и

французская⁵³. Затем дается описание королевской власти, источников доходов, организации королевского двора, государственных народных собраний и т. п. «На организацию важнейших отраслей государственного управления имел влияние институт или порядок, который тогда сложился и известен под именем феодализма», — констатирует А. Н. Ясинский и определяет сущность этого явления. «Феодализм — это сложное общественно-государственное явление, — говорит он, — и представляет собой соединение в одну систему трех институтов разнообразного содержания, которые известны как бенефициальные отношения, вассальные отношения и иммунитет. Соединение их и образовало феодальный строй»⁵⁴. Формирование феодализма, по мнению профессора, происходило в период правления Карла Великого. Однако явление это имело двоякие последствия. С одной стороны, временно было укреплено государство, получив законченную организацию, а с другой, организованная система не давала возможности образоваться государствам на этнографической основе, и Франкская империя распалась после смерти Карла Великого⁵⁵. Такой ход исторического процесса автор считал закономерным и высказывался против мнений историков, обвинявших Каролингов — преемников Карла Великого — в государственной бездарности, которые этим якобы способствовали распаду империи⁵⁶. Таким образом, А. Н. Ясинский признавал объективные закономерности развития общества, основой которого считал экономические и социальные причины, впрочем не абсолютизируя их.

Изложив далее историю Франции в средние века, А. Н. Ясинский говорит об истории Германии в средние века⁵⁷. Особое внимание уделяется внешней политике саксонской династии на востоке, а именно войнам со славянами, их порабощению, их восстаниям, сопротивлению славян христианизации и немецкой колонизации территорий. Причину колонизации, по мнению Ясинского, следует видеть в экономическом факторе. Христианизации он отводит второе место. Говоря о трудностях внедрения христианства среди балтийских славян, автор подчеркивает, что помимо упорства самих славян, что было естественно в их положении, так как они несли тяжкое бремя после завоевания, делу распространения христианства немало противодействовали саксы из чисто экономических соображений, так как с язычников духовенство не могло требовать десятину и, следовательно, все подати и дани шли в пользу светских владельцев территорий⁵⁸.

История Германии в лекциях доведена до середины IX в. Нельзя не отметить факт, что основные теоретические положения средневековой европейской истории, высказанные Ясинским 100 лет назад, не устарели и до настоящего времени. В них нельзя не увидеть известное сходство с марксизмом. Но Ясинский не был марксистом. Просто недогматический марксизм (а не тот, который господствовал у нас в XX в.) как явление общественной мысли сформировался в университетской среде своего времени,

характерной существованием множества философских и общественных течений, оказывающих влияние друг на друга и стимулировавших зарождение новых идей. Такое сходство, например, можно заметить между позитивизмом и марксизмом XIX в. Ни одна теория общественной жизни не возникает на пустом месте.

Наряду с чтением лекций А. Н. Ясинский, как упоминалось выше, проводил практические занятия, которые состояли в истолковании средневековых источников и чтении студентами их докладов, составленных на предложенную профессором тему. Так, студент Бречкевич написал два доклада: «Развитие и упадок автономных государств (коммун) во Франции» и «Иммуниетные грамоты Меровингской и Каролингской эпохи»⁵⁹. Работая под руководством Ясинского, Бречкевич подал сочинение на тему «Опыт изучения истории славянского государства в Восточной Померании», которое было награждено золотой медалью. А. Н. Ясинский поддерживал научные стремления студентов, предлагая их работы к разным поощрениям. Так, в отзыве на работу студента Сергея Макухина «Нравы феодального общества по сочинению аббата Сугерия о жизни Людовика Толстого» профессор отметил в качестве основной черты изучение автором такого важного источника, как «*Vita Ludovici Grossi*» аббата Сугерия и некоторых других источников. Отметив, что студент изучил доступную ему литературу по истории Франции и проявил понимание главных явлений исторической жизни средневековой Франции, профессор Ясинский ходатайствует о присуждении С. Макухину степени кандидата истории⁶⁰.

В 1904 г. А. Н. Ясинский рекомендует для получения степени кандидата сочинение Александра Оатуна «Взаимные отношения Киевской и Волынской областей до смерти Даниила Романовича»⁶¹. И в этом отзыве рецензент отмечает в качестве главного достоинства работы хорошее изучение литературы вопроса и знакомство с летописью по Ипатьевскому списку. А. Н. Ясинский писал отзывы на программу по истории средних веков, представленную кандидатом истории Петром Яковенком на предмет испытания на степень магистра всеобщей истории⁶², на сочинения А. Т. Расторгуева, которого он рекомендовал для оставления стипендиатом при университете для приготовления к профессорскому званию⁶³.

Прямым учеником А. Н. Ясинского, посвятившим свою научную работу истории славян, явился М. В. Бречкевич. Сын приходского священника, Бречкевич родился в 1870 г., окончил Волынскую духовную семинарию и поступил в Юрьевский университет. В течение трех лет постоянно и усердно участвовал в практических занятиях по истории средних веков, проводимых проф. Ясинским, и усвоил методику работы с источником. Окончив в 1901 г. Юрьевский университет, Бречкевич, по рекомендации А. Н. Ясинского, был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию и стал заниматься историей славян. Для проф. Ясинского как

научного руководителя стипендиата характерно требование от последнего в первую очередь досконального и исчерпывающего изучения источниковой базы. В инструкции для занятий Бречкевича, написанной 15 декабря 1901 г., профессор рекомендует ему изучение 19 сборников источников по средневековой истории. «Я считаю необходимым, — говорит Ясинский, — включить в инструкцию перечень наиболее важных средневековых источников, желая этим дать молодому ученому путеводную нить в его ознакомлении с огромным количеством изданного исторического материала. Это необходимо было сделать тем более, что в литературе не существует подобных кратких переписей, вполне приуроченных к потребностям начинающего историка, а те, которые имеются, значительно устарели или имеют в виду занимающихся историей той или иной страны. Говоря об ознакомлении с этими вышеперечисленными сборниками, я далек был от мысли советовать молодому ученому перечитать их, так как на это не хватило бы нескольких человеческих жизней». «В данном случае имеется в виду только общее ознакомление с характером, видом, системой расположения издаваемого материала и критическими приемами издателей». «Внимательный пересмотр всех этих изданий, — продолжает Ясинский, — введет молодого ученого в круг средневековых источников... Предисловия издателей к отдельным памятникам в некоторых из вышеназванных сборников (особенно *Acta Sanctorum*, *Scriptores Rerum Gall. et Franc* и *Monumenta Germ. Hist.*) заслуживают особого внимания в качестве образцов применения острого критического метода к изданию источников. Таким образом, внимательный пересмотр этих изданий послужит сам по себе прекрасной школой молодого историка». Далее Ясинский пишет, что для достижения больших успехов при ознакомлении с указанными сборниками необходимо изучить труды, в которых дана уже оценка средневековых источников и систематическое их обозрение. Затем перечисляются 9 названий на разных языках. Научный руководитель рекомендует Бречкевичу познакомиться также с каталогами и указателями источников и называет пять таких пособий. Затем Ясинский говорит, что историк должен изучить источники, пользуясь правилами исторической критики. Исследователь должен убедиться в подлинности памятника, пользуясь внешними и внутренними его признаками. Затем он должен понять истинный смысл свидетельств изучаемого источника, пользуясь для истолкования терминов и непонятных слов помощью существующих словарей, и тогда уже приступить к решению вопроса, насколько то или иное свидетельство заслуживает доверия. Затем Ясинский говорит, что историк для плодотворного применения исторической критики должен быть знаком с основами вспомогательных исторических дисциплин — палеографии, дипломатики, исторической географии и этнографии и т. д. Профессор также рекомендует тщательным образом изучить литературу, познакомиться с трудами своих предшественников, что помо-

жет исследователю избегнуть ошибок, давно опровергнутых суждений. Чтобы установить круг тех трудов, которыми необходимо воспользоваться, исследователь должен прибегать к помощи общих библиографических изданий и пересматривать отчеты о новых книгах в специальных исторических журналах. В инструкции указываются и эти журналы.

Что касается самостоятельной разработки избранной Бречкевичем темы — об исторических отношениях германцев и славян, то А. Н. Ясинский считает необходимым ему подробно разработать два вопроса, а именно: происхождение феодализма «на основании трудов Инама-Штернегга, Мольтцена, Шрёдера, Зоммерфельда, Вейтальда и др.»⁶⁴. Прочитанный документ интересен во многих отношениях. Он показывает методику научного исследования в области истории, которой ученый пользовался сам и рекомендовал ее своим ученикам. Кроме того, «инструкция» является ярким свидетельством исключительной эрудиции профессора в своей области. Ему была досконально известна источниковая база средневековой истории в том объеме, как она была представлена в мировой науке, он знал всю прошлую и современную литературу и способы работы каждого историка. Наконец, рекомендации А. Н. Ясинского молодым ученым в высшей степени полезны и современным исследователям истории средних веков. Что касается М. В. Бречкевича, то он защитил магистерскую диссертацию на тему «Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья» (1911), которой внес существенный вклад в разработку истории поморских славян⁶⁵. Впоследствии М. В. Бречкевич был профессором всеобщей истории в Казани и в Киеве.

Имеются сведения о том, что из семинаров А. Н. Ясинского вышло еще несколько крупных историков, среди них византинист П. А. Яковенко, впоследствии профессор в Юрьевском университете, Г. А. Замятин (Воронеж и Пермь), М. Ю. Сюзюмов (Екатеринбург), Олаф Зильд (Тарту), Хендрик Сепп (Тарту), приват-доцент Силдник (Тарту)⁶⁶.

Одновременно с активной педагогической деятельностью А. Н. Ясинский усердно исследовал проблемы социально-экономической истории Чехии в средние века, для чего в частности дважды был командирован с ученой целью за границу: в 1897 и 1901 гг.⁶⁷ В 1901 г. А. Н. Ясинский защитил в Киевском университете диссертацию на тему «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века»⁶⁸, 19 сентября 1901 г. был утвержден в ученой степени доктора всеобщей истории, а в конце года назначен ординарным профессором по кафедре всеобщей истории ИЮУ⁶⁹. Работа была представлена на соискание премии им. Ломоносова, которую присуждала ИАН, и награждена этой премией 4 января 1902 г.⁷⁰

В научной деятельности Ясинского определенное значение имело Учено-литературное общество при ИЮУ. Оно издавало свой научный ор-

ган «Сборник Учено-литературного общества при ИЮУ» и объединяло в основном русских профессоров и преподавателей ИЮУ, а также учителей русских гимназий Рижского учебного округа. Заметим, что Общество хотя и возглавлялось ректором А. С. Будиловичем, было одним из центров сопротивления проведению в жизнь мероприятий по переходу на русскоязычное образование в бывшем немецком Дерптском университете. А. Н. Ясинский являлся действительным членом Общества с 27 апреля 1897 г. и до 1903 г. принимал активное участие в его работе. На его заседаниях он читал сообщения, которые потом в виде статей печатал в «Сборнике». Ученый присутствовал на всех заседаниях и принимал участие в обсуждении сообщений своих коллег и иностранной литературы. Так, в заседании 26 мая 1902 г. А. Н. Ясинский реферировал книгу немецкого историка Тецнера «Die Slaven in Deutschland», изданную в 1902 г. Изложив содержание книги, докладчик решительно выступил против тенденциозности ее автора, односторонне, по мнению Ясинского, освещавшего значение немецкой колонизации в землях западных славян. Тенденциозность Тецнера усматривалась в следующих его высказываниях: «С 1894 г. прусское правительство снова энергично взялось за проведение отечественной политики, направленной к тому, чтобы путем немецкой колонизации, преимущественно в Познани и Восточной Пруссии, укрепить немецкое крестьянство, культивировать почву, принять меры к защите германства, а также при помощи благотворительных мер и земского благоустройства отнять у польской агитации повод к борьбе. Остается же ожидать, что и эта часть славян скоро почувствует себя радостно и привольно под немецким скипетром подобно тому, как чувствуют себя литовцы и латыши, пруссы и мазуры, полабы и славинцы, и все другие, которые хотя почти забыли материнский язык, зато совершенно наследовали другие блага Германской империи»⁷¹. Германизаторские вожеления немецкого историка по отношению к народам Прибалтики и полякам были для Ясинского очевидны, ибо он сам хорошо был осведомлен о последствиях немецкой колонизации восточных окраин и не мог не увидеть политической подоплеки в подобного рода сочинениях.

С 1898 г. Ясинский входит в состав ревизионной комиссии Общества, а на 1901/1902 г. избирается его председателем. Но с 1903 г. ученый не принимает активного участия в работе этой организации и, хотя числится ее действительным членом, сообщений уже не делает.

Наряду с активной педагогической и научной деятельностью в Юрьевском университете А. Н. Ясинский принимает участие в научной жизни России вообще. Он почти регулярно выступает с докладами и сообщениями на общероссийских археологических съездах. Так, на XI археологическом съезде в Киеве в 1899 г. он прочитал реферат на тему «Средневековый аграрный строй Чехии», где рассмотрел две проблемы: о систе-

ме расположения полевых участков и о поземельных единицах. Представив характеристику системы полевых участков и плана поселений на основании исследований проф. А. Майтцена и отметив при этом, что рассуждения этого ученого имеют националистическую окраску, докладчик привел актовый материал, свидетельствующий о существовании в чешских селах расчисток, состоящих из полос. Главная же часть доклада была посвящена выяснению характера чешских земельных мер. В результате своих исследований А. Н. Ясинский высказал мысль, что те ученые, которые, увлекаясь внешним сходством, пытаются явление исторического развития Чехии объяснить воздействием немецкого влияния, а в средневековых чешских институтах видят лишь копию немецких, стоят на ложной дороге. На этом съезде А. Н. Ясинский выступил по докладу А. М. Черепнина «О киевских денежных гривнах» и уточнил значение чешской денежной единицы — копы, указав на правильное понимание ее в латинских актах⁷².

Еще одно выступление ученого было посвящено вопросу о происхождении средневековых урбариев. Указав на огромную важность этих источников для изучения истории народного хозяйства, А. Н. Ясинский полемизирует с немецкими и чешскими учеными по вопросу о происхождении и природе урбариев. Разбирая аргументацию Иосифа Шусты, который считал, что исходный пункт урбарийных памятников нужно искать в римских кадастровых списках, А. Н. Ясинский сравнил средневековые урбарии с римскими податными списками и пришел к выводу о существовании различий в природе и характере этих памятников. С точки зрения русского ученого, урбарии возникли под влиянием условий средневековой социальной жизни, вполне независимо от какого-либо влияния римской кадастровой практики⁷³.

Юрьевский профессор также участвовал в работе XII археологического съезда, происходившего в Харькове в августе 1902 г.⁷⁴, и XIV съезда в Чернигове, имевшего место в 1908 г.⁷⁵.

В 1903 г. в Петербурге был организован съезд славянских филологов и историков⁷⁶. Его задачей было содействовать развитию славяноведения. Мероприятие имело международный характер. В съезде принимали участие ученые не только России и славянских стран, но и слависты из Германии, Франции, известные специалисты в области историко-филологических исследований. Организатором съезда было Отделение русского языка и словесности РАН. Одним из вопросов, обсуждавшихся на съезде, был проект издания славянской энциклопедии, в котором важное место отводилось истории славян. Проект исторической части подвергся активному обсуждению, в котором большое участие принимал А. Н. Ясинский. Так, по вопросу о научной группировке разделов Ясинский предложил распределить материал «по предметам» (вспомогательные науки, политическая

история славянских народов — внешние и внутренние отношения, история права, история церкви, история материального быта и экономических отношений, история просвещения)⁷⁷. Но существовало и другое предложение, высказанное П. Н. Милюковым, — разделение материала по принципу «народности». Большинство голосов был принят принцип группировки материала «по предметам», и А. Н. Ясинскому поручили представить проспект для дальнейшего обсуждения, что им и было выполнено. Но проспект Ясинского⁷⁸ вызвал новые споры. В результате окончательный вариант исторического отдела славянской энциклопедии на съезде выработан не был. Особая комиссия по разработке программы исторической части, созданная под председательством академика В. И. Ламанского, обратилась ко всем русским историкам-славистам с просьбой сообщить замечания на выработанную ею программу «исторической подсекции». Среди откликнувшихся на эту просьбу был А. Н. Ясинский⁷⁹. В своих замечаниях он выступал против группировки материала в энциклопедии по принципу «национальности», считал, что «подобная постановка равноценна отрицанию общей славянской истории... Если позволительно еще думать, что славянство есть единый организм и представляет собой такой же отдельный мир, как германо-романский, то должна быть и общая славянская история, всеобщая история Востока Европы»⁸⁰. Далее Ясинский предлагает вниманию комиссии свой проект построения славянской истории. Его сущность сводится к следующему.

«I. Эпоха образования славянских государств (IX–XIV вв.) 1) Велико-моравская держава. 2) Чехия; 3) Польша; 4) Хорватия; 5) Сербия; 6) Болгария; 7) Русь; 8) Государства прибалтийских славян.

II. Эпоха упадка государственности и самобытности славян.

а) под влиянием германо-романской культуры:

1. очерк германской колонизации в странах, заселенных славянами;
2. история Чехии, Моравии и Силезии (XIII–XVIII вв.);
3. история Польши (XIV–XVIII вв.);
4. история Литовско-русского государства;
5. германизация сербо-лужицких и балтийских славян;
6. история словинцев.

Приложение: история Тевтонского ордена.

б) под влиянием борьбы с мадьярами:

1. очерк истории мадьяр;
2. история хорватов;
3. история словаков;
4. история угрорусов.

с) под влиянием борьбы с татарами:

1. очерк истории татар;
2. история Руси XIII–XV вв.

d) под влиянием борьбы с османскими турками:

1. очерк истории турок;
2. история болгар;
3. история сербов;
4. история Черногории.

III. Возрождение славянской государственности и самобытности:

1. история России XVI–XIX вв.;
2. история славянского возрождения в австрийских землях;
3. освобождение балканских славян;
4. борьба поляков с германизацией в Пруссии»⁸¹.

Этот проект А. Н. Ясинского, надо полагать, должен был быть аргументом того тезиса, что славянство есть «единый организм» и такой же актуальный мир, как германо-романский. В этом мнении нельзя не видеть отголоска старой теории славянофилов, деливших Европу на миры. Однако существовали мнения, противоположные суждениям Ясинского. Так, варшавский профессор Ф. Ф. Зигель, сделавший свои замечания по проекту исторического отдела славянской энциклопедии, кладет в основу исторического развития славянских народов исторические условия их существования в рамках тех или иных государств и поэтому предлагает группировать исторический материал «по принципу государственному, как более определенному сравнительно с расовым». Далее Зигель констатирует, что расовый элемент «играет незначительную роль во всевозможных сферах эволюции», а все зависит «от той ситуации, на которой стоит умственное развитие данного общества, от той материальной и духовной среды, в которой общество действует. Следовательно, научное сравнение не может ограничиться пределами одного славянства»⁸².

Рассуждение Зигеля выдает в нем ученого-слависта западнического толка, и хотя в его точку зрения можно внести некоторые коррективы, постановка исторических условий над расовым происхождением представляется более перспективной. Суждения А. Н. Ясинского и Ф. Ф. Зигеля свидетельствуют о различных направлениях во взглядах на историю славян в целом в русском славяноведении. На съезде славистов в 1903 г. точка зрения Ясинского не возобладала, однако процитированные и другие документы этого форума свидетельствуют о ведущей роли юрьевского профессора в исторической науке в России конца XIX — начала XX в. Окончательный вариант проспекта исторического отдела славянской энциклопедии, видимо, так и не был выработан. Во всяком случае, в архивах подобного документа не обнаружено.

Юрьевский период деятельности А. Н. Ясинского был наиболее плодотворным. Именно здесь он создал исследования, поставившие его в ряд крупнейших богемистов России и сыскавшие признание за границей, главным образом в Чехии. В 1911 г. А. Н. Ясинский был назначен директором

Педагогического института им. П. Г. Шелапутина в Москве⁸³ и покинул Юрьев. На новом посту он стал заниматься организацией этого учебного заведения и внес большой вклад в дело подготовки учителей средней школы, одновременно он вел преподавательскую работу в этом институте в качестве профессора, читал лекции и вел практические занятия по педагогике и преподавал теорию и историю образования⁸⁴. Одновременно А. Н. Ясинский являлся приват-доцентом по кафедре всеобщей истории в Московском университете⁸⁵, где читал лекции и вел практические занятия по истории средних веков, а с конца 1918 г. до сентября 1919 г. состоял профессором того же университета. 15 марта 1919 г. Педагогический институт им. П. Г. Шелапутина был ликвидирован, а Наркомпрос РСФСР известил ректора Московского университета о том, что Отдел высших учебных заведений исключил курс профессора Ясинского из плана преподавания на 1919–1920 гг., и названный профессор подлежал исключению из состава филологического факультета Московского университета с 14 октября 1919 г.⁸⁶. С этого времени начались мытарства ученого в поисках работы и приложения своих знаний, т. е. он оказался в ситуации типичной для всех ученых и профессоров, в услугах которых как представителей «буржуазной науки» новая, большевистская власть не нуждалась. А. Н. Ясинский в 1920–22 гг. преподавал историю Византии и историю славян в Московском археологическом институте, а с осени 1922 г. он становится профессором по кафедре истории средних веков Белорусского государственного университета⁸⁷. В это же время А. Н. Ясинский жил в Москве, но в Минск приезжал на определенные сроки, так как там у него не было квартиры. В Белорусском университете профессор в разное время читал историю средних веков, историю западных славян, историю хозяйственного быта в средние века, вел семинары по хозяйственному быту древних германцев, по «Салической правде», по вопросам, касающимся парижских средневековых цехов⁸⁸. Работая в Белорусском университете, А. Н. Ясинский наезжал читать лекции в Воронежский и Смоленский университеты. Однако современный уровень знаний документов об этом периоде деятельности ученого не позволяет определить картину в деталях. По мнению А. Е. Москаленко, автора статьи «К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского», работа ученого в Воронежском университете подтверждается показаниями сдававших у него экзамены по истории средневековой культуры в 1925 г.⁸⁹. Что же касается деятельности ученого в Смоленском университете, то кроме общих упоминаний об этом факте, ее подтверждает письмо А. Н. Ясинского своему бывшему коллеге по Юрьевскому университету профессору Е. В. Петухову. 4 февраля 1925 г., сообщая о ситуации в университете, он писал: «Смоленский университет существует, но, по-видимому, плохо, ибо лучшие силы ушли или „их ушли“, а остались оборванцы, старающиеся поддержать жизнь учреждения одной ортодоксальностью»⁹⁰. Жизненные

условия ученого, как, впрочем, и остальных представителей «буржуазной науки», были чрезвычайно тяжелыми. Средств к существованию не было, ущемлялись жилищные условия, продовольственное положение было критическим. Угроза голодной смерти представлялась реальностью. В этих условиях Академия наук создала организацию для помощи ученым (КУБУ). Последние были разделены на 5 категорий и получали пособие. Но за неимением средств первые три «категории» были в 1924 г. упразднены, и поддержка оказывалась лишь 4 и 5 категории. Всего в пятой категории в Москве было около 20 человек. Затем были слиты 4 и 5 категории, и около 300 ученых-историков стали получать мизерные пособия⁹¹. В этих условиях А. Н. Ясинский 4 февраля 1925 г. писал Е. В. Петухову: «Оставшись без всякого заработка, я возбудил дело о переводе меня из третьей в 4-ю категорию, имея в виду не только несправедливость, допущенную по отношению ко мне, но и учитывая, что по 4 и 5 категориям будут давать академич[еское] обеспечение, которое для первых трех прекратилось с сентября»⁹². Однако предоставлению желанной категории воспротивился сам М. Н. Покровский⁹³. «Он заявил, — пишет Ясинский, — что если я подам прошение об отставке, то он не будет возражать против моего перевода в 4-ую категорию. Не имея [нрзб.] никакого социального положения, я подаю прошение о пенсии и одновременно возбудил дело о зачислении меня в Институт». Работа в научно-исследовательском институте входила также в условия Покровского. «Что же касается пенсии, — информирует Ясинский Петухова, — то, когда дело дошло до экспертной комиссии, то там оно [лежит] уже три месяца. Вот как идут дела старых ученых, когда на них гnevаются боги Олимпа и планеты. <...> Когда так складывались мои дела, то и жилищное товарищество [стало] теснить меня, требуя отдать комнату <...> И тут дело было мое правое, и Московская КУБУ обещает поддержать на суде, но пришлось отказаться от борьбы»⁹⁴. Относительно финансовой помощи от КУБУ А. Н. Ясинский писал: «Выдача акад[емического] обесп[ечения] продолжится для 4-ой и 5-ой категорий, но одному Зевсу известно, как долго это будет продолжаться. Я же лично думаю, что не более одного года <...> Получаю 60 р[ублей] в месяц»⁹⁵. В двадцатые годы профессор Ясинский возвратился к исследовательской работе по чешской тематике. В Педагогическую энциклопедию, издававшуюся в Москве, он написал статьи «Древнейший чешский урбарий» и «Тестификация в чешских грамотах»⁹⁶. В 1924 г. он издал «Очерки и исследования по хозяйственной истории средневековой Чехии»⁹⁷. В 1926 г. опубликовал статьи «Франциск Скарина в Чехии»⁹⁸ и «Поземельная опись Градищенского монастыря»⁹⁹, в 1929 г. — работу «Эмфитевзис и перемер полей в средневековой Чехии»¹⁰⁰. Все эти статьи уходят корнями в его исследования конца XIX — начала XX в.

Научные труды А. Н. Ясинского высоко оценивались ученой общественностью, и в 1929 г. он был выдвинут членом-корреспондентом РАН.

В представлении («Записке») на избрание, подписанном академиками Д. М. Петрушевским и В. П. Бузескулом, указывается, что А. Н. Ясинский прошел прекрасную школу в Киевском университете под руководством Ф. Я. Фортинского. Упомянув его первые работы, авторы «Записки» останавливаются на характеристике его исследований по истории средневековой Чехии. Оценивается его магистерская диссертация «Падение земского строя в Чешском государстве...» и подчеркивается новая, по сравнению с тогда существовавшей, концепция А. Н. Ясинского. Сущность этой точки зрения, по мнению авторов «Записки», заключается в том, что Ясинский считает: «развитие общественного и государственного строя в Чешском государстве в течение земского периода вполне самобытно, что переход от земского строя к сословно-привилегированному обуславливался не влиянием немецкого права (как это утверждалось в предшествующей литературе. — Л. Л.), а нуждами и потребностями, самостоятельно возникшими и созревшими в недрах этого славянского государства». Еще более ценным трудом авторы «Записки» считают работу А. Н. Ясинского «Очерки и исследования социальной и экономической истории Чехии в средние века». Здесь, как подчеркивается в документе, А. Н. Ясинским привлечены новые источники, которые дают основание прийти к выводу, что социальное развитие Чехии шло теми же путями и совершалось в такой же обстановке, как и в других странах средневековой Европы. Сходство в общем не исключает различия в частностях. Социальный и аграрный строй чешского народа в средние века находился на том же уровне, как и в соседней Германии. Далее авторы подчеркивают убедительность аргументации Ясинского в пользу этой точки зрения и отмечают, что работа Ясинского опровергает заблуждения немецких и некоторых славянских ученых по поводу бесправия славянских крестьян до немецкой колонизации. Оба исследования, по мнению О. М. Петрушевского и В. П. Бузескула, заняли видное место в соответствующей литературе. Затем авторы «Записки» упоминают другие работы А. Н. Ясинского, в том числе «Историю Чехии», написанную им для энциклопедического словаря Брокгауз–Ефрон, и пр. Касаясь позднейших работ А. Н. Ясинского по аграрной истории средневековой Чехии, «частью напечатанные, частью ставшие известными по докладам, читанным им в Научно-исследовательском Институте Истории», авторы «Записки» констатируют, что эти сочинения также отличаются большими научными достижениями. В заключении говорится, что, «неутомимо продолжая научную работу, Ясинский совершенствуется в ней... Вся [его] научная деятельность дает основание Ясинскому быть избранным в члены-корреспонденты Академии Наук»¹⁰¹. В Академию А. Н. Ясинский избран не был. При голосовании он не получил нужное количество избирательных голосов¹⁰².

Последние годы жизни А. Н. Ясинского были очень тяжелыми. В 1928 г. ученый ушел на пенсию, долго болел и скончался 12 (или 13) ноября 1933 г.¹⁰³.

Ни один печатный орган не откликнулся на это печальное известие. Во всяком случае, автору этой статьи не удалось отыскать ни одного некролога. И лишь в 1935 г. чешский историк К. Крофта посвятил памяти замечательного русского исследователя истории средневековой Чехии целую брошюру¹⁰⁴, в которой оценил достоинства и имеющиеся с его точки зрения промахи концепции чешской истории А. Н. Ясинского. Подробно об этом будет сказано ниже.

В отечественной литературе, особенно второй половины XX в., ставился вопрос о политических взглядах А. Н. Ясинского. Одна часть авторов причисляла его к либеральной русской профессуре, к которой в конце XIX в. и до революции 1917 г. принадлежали большинство лиц этого круга. Другие авторы считают А. Н. Ясинского политическим консерватором. Для уточнения этого вопроса, на наш взгляд, необходимо выяснить само понятие «либерал» в русском общественном сознании того времени. Понятие это было весьма широким: к либералам относили как верноподданных и законопослушных деятелей, высказывавших подчас какие-либо критические суждения по поводу существующих порядков, но активно в политике не участвовавших. Либералами были и те представители науки, которые выступали в публицистике за изменение общественной жизни, создавали политические партии и активно протестовали против официальной линии и отдельных мероприятий власть предержащих. Однако революции из них никто не хотел и не приветствовал. Консерваторы не желали никаких новшеств, редко учитывали произошедшие в обществе в течение их деятельности изменения и жили идеалами прошедшего времени. Следует также иметь в виду условность терминов «либерал» и «консерватор» ввиду их изменения в процессе исторического развития. Кроме того, по нашему мнению, либеральные или консервативные политические взгляды ученого-историка не всегда являются определяющими прогрессивность профессионального труда ученого и то, в какой мере он обогащает науку. И люди консервативных убеждений вносят неоспоримый вклад в развитие нашей дисциплины. Разумеется, современная историку политическая ситуация самым непосредственным образом влияет на создание исторического произведения. Но консерватизм взглядов ученого, кроме прочих обстоятельств, может объясняться увлеченностью профессиональной работой и в связи с этим невниманием к окружающему миру и недостаточной информированностью об изменениях в нем. На наш взгляд, Ясинский отличался именно этой увлеченностью. Он не выступал как публицист, не состоял ни в каких партиях. Кроме того, обстановка в Юрьевском университете не располагала к фрондированию по отношению к властям, так как русские профессора в бывшем немецком университете имели много специфических проблем. Для А. Н. Ясинского наука была призванием, и он со студенческих лет определился как ее преданный служитель. В 1999 г. была опубликована статья

Ю. Ф. Иванова «О политических взглядах А. Н. Ясинского»¹⁰⁵. В ней автор собрал весь «компромат», чтобы доказать, что А. Н. Ясинский не был «либералом». Так, автор статьи повествует, что Ясинский уже в студенческие годы сторонился общественных вопросов, не участвовал в протестных акциях студентов, и ссылается на его автобиографию, в которой говорится, что в студенчестве будущий ученый «занимался исключительно историческими науками». Этот факт трактуется как доказательство стремления студента стоять в стороне от всего, «что могло испортить его репутацию в глазах начальства» (с. 154). Подобное заключение Ю. Ф. Иванова напоминает те уже минувшие времена, когда мерилom оценки достоинств человека считалась степень его участия в партийно-комсомольской работе. Тот факт, что А. Н. Ясинский выбрал себе в научные руководители «реакционного» проф. Ф. Я. Фортинского, а не либерально-оппозиционного И. В. Лучицкого, также ставится Ивановым в вину Ясинскому. Подобный аргумент представляется смешным: студент, как правило, выбирает проблему будущей работы, а уж потом получает научного руководителя, что от него зависит не всегда. Весьма наивным доказательством того, что Ясинский не относился к числу «либералов», представляется рассказ Ю. Ф. Иванова о том, что ученики Лучицкого, образовав кружок, «дурачились, собирались, устраивали пикники, спорили по многим злободневным вопросам», называли Ясинского «Каином». Среди этих студентов был и Д. М. Петрушевский. «Дурачащиеся» студенты, устраивающие пикники, могли называть своих однокашников как угодно, особенно если те не участвовали в их увеселениях и забавах, а занимались «исключительно историческими науками».

Что касается Д. М. Петрушевского, то ранее было указано, какое высокое мнение имел этот академик о трудах А. Н. Ясинского в зрелые годы обоих ученых.

В качестве доказательства «консервативности» А. Н. Ясинского Ю. Ф. Иванов приводит отрицательный отзыв Р. Ю. Виппера о магистерской диссертации молодого киевского ученого. Рецензия была резкой и в значительной степени отрицательной. По многим ее положениям рецензент имел противоположные суждения. Но Ю. Ф. Иванов объявляет позицию «прогрессивного» профессора нежеланием «иметь подле себя» такого претендента на место приват-доцента в Новороссийском университете, где Р. Ю. Виппер был ведущим специалистом. По существу рецензия была несправедливая и пристрастная, но она не обязательно была продиктована политико-идеологическими убеждениями Виппера, причины могли быть различными, не исключая и чисто житейских. Что же касается политических предпочтений проф. Р. Ю. Виппера, то, как известно, они менялись много раз, пережили все невзгоды, выпавшие на долю «буржуазной науки» в России, пока, наконец, не обрели удобную позицию в Советском Союзе¹⁰⁶.

Ю. Ф. Иванов также относит к доказательствам консервативности Ясинского тот факт, что положительную рецензию на его магистерскую диссертацию написал К. Я. Грот, который примыкал к реакционной части профессуры Варшавского университета¹⁰⁷. Здесь следует внести некоторые уточнения. В Варшавском императорском университете не существовало реакционной или прогрессивной профессуры. Противостояние происходило там между русскими и поляками. Отдельные русские ученые, которых можно назвать прогрессивными по политическим взглядам, как правило, в этом университете долго не задерживались, ввиду враждебной националистической атмосферы польского общества. Профессура Варшавского университета, конечно, проводила в жизнь линию русского правительства. Однако сама эта политика России не всегда была «реакционной». Не случайно славистические дисциплины в Варшавском университете были представлены и в кадровом отношении, и в материальном обеспечении значительно лучше, чем в большинстве провинциальных университетов Российской империи. И не случайно, что именно в Варшавском университете получили возможность стать крупнейшими русскими славистами В. В. Макушев, Ф. Ф. Зигель, В. А. Францев, А. Л. Погодин и другие. Что касается К. Я. Грота, то он был славянофилом-романтиком и с этих позиций критиковал магистерскую диссертацию А. Н. Ясинского. К тому же ко времени написания рецензии К. Я. Грот уже не служил в Варшавском университете.

Критика сочинений Ясинского не ограничивалась высказываниями русских историков. Концепция юрьевского профессора активно обсуждалась и в чешской литературе того времени. Как русские, так и чешские критики вели полемику с научных позиций, без упоминания терминов «реакционность» или «прогрессивность». Таким образом, стремление Ю. Ф. Иванова на основании сомнительных аргументов поставить под вопрос адекватность политических взглядов А. Н. Ясинского современной ему позиции прогрессивных деятелей, непродуктивно. Конечно, ученый принадлежал к либеральному кругу профессуры, но не пропагандировал свои взгляды в публицистической форме, а всю жизнь посвятил научному исследованию предмета избранной им специальности.

Научное творчество А. Н. Ясинского многообразно и богато. Условно его труды можно разделить на несколько групп: работы по русской истории, сочинения по истории западноевропейского средневековья и основной его вклад в историческую науку — исследование социально-экономической истории Чехии периода средневековья. Ввиду обширности проблематики научных интересов А. Н. Ясинского, в настоящей статье главное внимание уделяется анализу его работ по истории Чехии.

В 1895 г. была опубликована магистерская диссертация А. Н. Ясинского «Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.)». В моногра-

фии освещался вопрос об упадке первоначальной славянской организации чешского государственного устройства в X–XIII вв. Это был период, когда племенное объединение славянских территорий превращалось в государство с единым земским управлением, основанным на обычном славянском праве, и когда в связи с развитием и разложением этого права подготавливался переход к сословному средневековому государству. А. Н. Ясинский характеризует процесс возникновения и развития общественных классов, особенно класса подданных, слоев низшей и высшей шляхты и их права, развитие управленческого аппарата чешского государства, возникновение центральных органов управления. Изложение материала основано на критическом анализе источников, которые автор характеризует во введении. А. Н. Ясинский демонстрирует свою исключительную осведомленность о легендах, анналах и хрониках. Основным источником для освещения проблемы стал для ученого актовый материал, т. е. грамоты, которых по сведениям автора было в то время издано по истории Чехии всего 3500¹⁰⁸. Весьма подробно и основательно русский историк оценил чешскую и немецкую историографию по этому вопросу за последние 60 лет. Ученый высказал несогласие с господствующей в чешской (не говоря о немецкой) литературе концепцией развития чешского государства, сущность которой заключалась в том, что развитие государственного и общественного строя в указанный период проходило под влиянием немецкого права. А. Н. Ясинский считал, что «развитие общественного и государственного строя в чешском государстве совершалось в течение земского периода вполне самобытно, переход от земского строя к сословно-привилегированному обуславливался не влиянием немецкого права, а нуждами и потребностями, самостоятельно возникшими и созревшими в недрах этого славянского государства»¹⁰⁹.

Книга А. Н. Ясинского была новым и новаторским явлением в историографии. Как писал чешский историк К. Крофта, «со времен издания первого тома сочинения Томека „История города Праги“¹¹⁰ и работы Иречека о славянском праве в Чехии¹¹¹ „Падение“ Ясинского являлось первым систематическим исследованием о древней социальной и государственной чешской истории. И действительно это было произведение высокой ценности, которое серьезно обогащало знания в этом вопросе. Вскоре после него появилось два крупных сочинения, посвященных примерно той же проблеме. Это работа Липперта „Socialgeschichte“ (1896)¹¹² и Вацек „Socialní dějiny české“ (1905)¹¹³. Но ни об одном из них нельзя сказать, что оно превосходило „Падение...“ Ясинского. Работа Ясинского по использованию источников и всей чешской и немецкой литературы, точным толкованием сведений источников и ясностью изложения далеко превосходит оба вышеуказанные сочинения». И далее чешский историк констатирует, что «некоторые страницы труда Ясинского, особенно его освещение вопроса о возникновении чешской шляхты и ее участии в земском управлении, о характе-

ре власти государя в период, о котором идет речь, представляют собой лучшее из того, что было до сих пор написано, т. е. не только до 1899 г., но и до сегодняшнего дня. Хотя со многими деталями и нельзя согласиться»¹¹⁴. Эта оценка К. Крофты относится к сравнительно позднему времени. Она содержится в работе чешского историка от 1935 г., посвященной памяти русского ученого. Но сразу после опубликования магистерской диссертации А. Н. Ясинский встретился с неоднозначным отношением к своему труду.

Как известно, разработка новых сюжетов и новые концепции нередко вызывают отрицательную реакцию современников, в том числе и членов ученого сообщества. Причины бывают разные: смелый новатор дерзко нарушает стереотипы, сложившиеся у определенной части историков, другие не соглашаются с новой концепцией по идейным соображениям. Не исключаются и субъективные и пристрастные подходы.

Первым рецензентом работы А. Н. Ясинского был его учитель, профессор Киевского университета Ф. Я. Фортинский. В отзыве на магистерскую диссертацию своего воспитанника он отмечал, что последний, «изучив новые появившиеся материалы, усомнился в общераспространенном мнении, будто бы чешское право и правовые институты в Чехии и Моравии развивались самостоятельно и на основах славянской истории только до XIII века, а затем, с проникновением чужого права, преимущественно немецкого, началось уничтожение славянских начал или ассимиляция их с началом немецкого феодального права. Не отрицая известной доли влияния немецкого права на общественный и государственный быт чешского народа, автор, однако, думает, что этому влиянию приписывается слишком много, и в своем исследовании он решил сделать попытку указать, какая необходимость, т. е. какие местные условия вызвали изменения общественного и государственного строя в чешском государстве в конце XII в.; другими словами, он решился в своем исследовании представить картину органического развития этого славянского государства в X–XIII вв.». Далее рецензент, отметив источниковую базу диссертации, которая практически представлена исчерпывающим образом, показывает, как эти источники освещают вопросы, поставленные А. Н. Ясинским в каждой главе диссертации. Изложив, таким образом, содержание работы, Ф. Я. Фортинский констатирует «обилие и разнообразие затронутых автором вопросов, относящихся к так называемой внутренней истории чешского государства в X–XIII вв.» и подчеркивает, что свои рассуждения А. Н. Ясинский подтверждает приводимыми под строкою в более или менее значительных извлечениях из текстов». Так же точно поступает А. Н. Ясинский по отношению к литературе, особенно если он полемизирует с исследователем. Оспариваемые им мнения он обыкновенно приводит в дословном извлечении и таким образом дает в руки читателя данные, чтобы судить об аргументированности и беспристрастности его критики воззрений предшественников. Такой метод

свидетельствует, по мнению рецензента, о том, что автор старательно и самостоятельно обрабатывал свой сюжет и выполнил задачу, проследив органический ход развития государственных учреждений в Чехии. Из недостатков работы Ф. Я. Фортинский отметил некоторые пробелы в исследовании и слишком смелые утверждения. Рецензент также замечает, что автор мало пользуется в своем исследовании летописями и житиями и основывает свои положения на грамотах. Впрочем, по нашему мнению, этот упрек не основателен. Хроники как исторический источник имеют второстепенное значение по сравнению с актовым материалом. Ввиду их литературного характера и субъективного освещения событий, жития и хроники имеют ограниченную достоверность. В целом диссертацию Ясинского проф. Ф. Я. Фортинский признал обладающей несомненными достоинствами ¹¹⁵.

Другой была оценка работы А. Н. Ясинского профессором Новороссийского университета Р. Ю. Виппером. Защитив диссертацию, А. Н. Ясинский попытался получить место приват-доцента в упомянутом университете, но резкий и во многом несправедливый отзыв на его магистерское сочинение лишил его этой возможности. Р. Ю. Виппер априорно объявил предшествующие труды Ясинского «несамостоятельными», по-видимому потому, что они были опубликованы автором еще до магистерской диссертации, т. е. слишком молодым человеком. Но вероятнее всего Р. Ю. Виппер эти труды не читал, а об их истинном значении свидетельствует тот факт, что они используются и до настоящего времени ¹¹⁶. Что же касается магистерской диссертации А. Н. Ясинского, то Р. Ю. Виппер отметил самостоятельный характер исследования, внимательное рассмотрение им источников и разумное стремление прежде всего найти внутренние самобытные основания тех перемен, которые испытала Чехия особенно в XIII веке. Но, по мнению рецензента, А. Н. Ясинский не раскрыл внутренние потребности чешского общества, не объяснил причины ликвидации прежнего племенного деления страны, не выяснил условия образования служилой аристократии и т. д. Таким образом, по мнению Виппера, вывод А. Н. Ясинского о том, что переход от старого, патриархального (земского) строя к сословно-привилегированному обуславливался не влиянием немецкого права, а нуждами и потребностями, самостоятельно возникшими и созревшими в недрах чешского государства, не доказан, так как «об этих нуждах мы почти не слышим в течение исследования» ¹¹⁷. Далее Р. Ю. Виппер указал на то, что исследование А. Н. Ясинского строилось на узком материале, он не показал обстановку, в которой шло развитие сословного строя, и не дал картины падения земского строя в Чехии. Далее рецензент утверждает, что автор разбираемого сочинения не знаком с экономической литературой по истории средних веков, не подготовлен в пользовании методами исследования социально-экономических явлений и уклоняется от дискуссии с учеными, придерживавшимися противоположных взглядов. Последнее заме-

чание Р. Ю. Виппера вызывает недоумение, так как А. Н. Ясинский, напротив, активно полемизирует с чешскими и немецкими историками и убедительно аргументирует свою точку зрения. В целом нам представляется, что отзыв Р. Ю. Виппера не вполне объективен. Рецензент, выпячивая слабые стороны работы, не смог по достоинству оценить значение первопроходческого произведения в изучении древней чешской истории.

Наиболее подробный разбор книги А. Н. Ясинского «Падение земского строя в чешском государстве (X–XIII вв.)» сделал профессор Варшавского университета К. Я. Грот. Сразу после ее появления в 1895 г. он заметил новизну подхода автора к теме. В курсе лекций о славянских древностях, читавшемся в 1896/97 г., К. Я. Грот писал: «До сих пор в исторической науке господствовал взгляд, что это падение старославянского земского строя было исключительно результатом заимствования немецкого права, немецких порядков, ввопившихся королем чешским»¹¹⁸. «Однако Ясинский считает, что падение земского строя было неизбежно и явилось результатом самобытного развития, настоятельных нужд изменившихся отношений между князем и шляхтой, т. е. Ясинский старается ослабить значение влияния немецкого права»¹¹⁹. В 1899 г. К. Я. Грот опубликовал обширную рецензию¹²⁰ на сочинение Ясинского. Этот труд, равный по объему половине разбираемой монографии, хотя и признает ее серьезные достоинства, в основе содержит критику авторской концепции, причем со славянофильских позиций. Дело в том, что научные взгляды К. Я. Грота и А. Н. Ясинского кардинально различались в теоретическом аспекте¹²¹. К. Я. Грот был приверженцем известной теории, господствовавшей до 70-х гг. XIX в. в русских сочинениях по истории славян, считавшей, что романо-германский и восточно-византийский миры враждебны между собой и развитие славянский истории идет своими особыми путями. Все изменения в славянском обществе, в том числе и в чешском, объясняются влиянием культуры и всего жизненного строя ближайших соседей и всего латино-германского запада. По мнению Грота, именно через вредоносное влияние германского мира прививали обществу чуждые славянской жизни и характеру социальные отношения, принципы и взгляды на социальные отношения. Таким образом, Грот был сторонником самобытности славянской жизни, но считал, что качественные изменения в ней возможны только через посторонние влияния. Поэтому проблемы, поставленные Ясинским в его труде, по мнению Грота, можно разрешить лишь в рамках изучения культурно-исторического развития западноевропейского (романо-германского) мира сравнительно с восточным (византийским) и исторических отношений и сближения славянства с тем и другим¹²². Ясинский придерживался совершенно других взглядов. Он считал, что возникновение тех или иных учреждений и исторических явлений народа нельзя объяснять влиянием внешнего и чуждого культурного течения. Все изменения имеют корни в экономиче-

ском и социальном быте каждого народа. Кроме того, все народы индоевропейского типа (по терминологии Ясинского арии) проходят однородный процесс на определенном этапе своей истории. Ученый считал появление феодализма фактором закономерным, естественным для развития чешского общества. «Основы сословно-привилегированного строя в чешском государстве слагались под влиянием нужд и потребностей, самостоятельно зародившихся в недрах этого государства»¹²³, — писал А. Н. Ясинский. Таким образом, в противоположность К. Я. Гроту А. Н. Ясинский придерживался позитивистских методологических принципов. Он писал: «Я не думал и не думаю отрицать, что начиная с половины XIII в. в значительной мере стало обнаруживаться воздействие немецкого права на общественный и государственный быт чешского народа, но полагаю, что воздействие было второстепенным фактором даже и для последующего развития: чехи заимствовали юридические формы для явлений, самостоятельно у них возникших»¹²⁴. Таким образом, А. Н. Ясинский не отрицал заимствования правовых форм, но не считал, что правовая форма, отражавшая собой какое-либо социальное явление, представляет собой отправную точку для его возникновения в обществе, как это утверждали славянофилы. Разные методологические установки «позднего славянофила» К. Я. Грота и позитивиста А. Н. Ясинского наблюдаются и по некоторым конкретным вопросам, например о таком явлении феодализма, как иммунитет¹²⁵.

Работа А. Н. Ясинского обратила на себя внимание и славистов позитивистского направления, например Н. В. Ястребова. В рецензии на исследование немецкого историка-позитивиста Ю. Липперта «Социальная история Чехии в предгуситский период» Ястребов, уделив место оценке труда Ясинского, солидаризировался с основными его выводами, имевшими существенное теоретико-методологическое значение. Он отмечал, что в отличие от чешских историков, считавших, что чисто славянские начала земского государственного строя были убиты влиянием западной церкви и немецкой государственности, русский историк А. Н. Ясинский дал более правильное определение сущности процесса, доказав, что «местные условия и нужды выдвинули изменения общественного и государственного строя Чехии, что несовершенный земский строй должен был под влиянием новых государственных потребностей разложиться и уступить свое место высшей форме государственности, государству сословно-привилегированному»¹²⁶. Как особую заслугу Ястребов отмечал «историко-сравнительный прием», примененный Ясинским в изучении проблемы иммунитета. В то же время Н. В. Ястребов считал, что А. Н. Ясинский еще недостаточно следует методологическим принципам позитивизма.

Позднее, в своих лекциях по истории западных славян, читанных в 1910/11 г., петербургский профессор славист и богемист Н. В. Ястребов высказался более резко. Он писал: «Своеобразную позицию занял со свои-

ми воззрениями русский профессор Ясинский, исследовавший в двух книгах... историю внутренних отношений догуситской Чехии. Он совершенно игнорирует немецкое влияние в старой чешской истории и все явления ее объясняет из чисто чешских славянских начал. В этом отношении он идет в своем нерасположении к немцам дальше своих чешских собратьев. Но это научно ложная и национально несправедливая точка зрения не остается без возмездия. Многое объяснено Ясинским в истории старой Чехии неправильно, касательно многого не сделана и попытка объяснения. Далее русский автор таким образом вынужден во многих случаях приписывать чисто чешским началам такие отрицательные явления чешской истории, которые должны быть нами вместе с учеными чешскими отнесены к влияниям немецким, бессознательным, и невольным защитником которых является, таким образом, Ясинский — не только уже в сообществе с Липпертом, но часто и против него с Бахманом. В результате скажу: необходим новый пересмотр целого комплекса соответствующих вопросов при полной духовной свободе от антагонизма двух национальных и исторических школ в Чехии»¹²⁷. Приведенный выше отзыв Ястребова, на наш взгляд, не аргументирован и кроме того содержит несколько искаженный взгляд на концепцию Ясинского о немецком влиянии на общественный строй древней Чехии. Выше было указано, что юрьевский профессор трактует этот вопрос не так прямолинейно, как ему это приписывает Н. В. Ястребов.

Несмотря на критику, свидетельствовавшую о неприятии идей А. Н. Ясинского некоторыми историками, ученый не отступил и дальше изучал проблему. Он продолжал собирать материал и контактировал с близкими ему по убеждению историками. Из мелких работ этого времени к чешским сюжетам относится изданная в 1898 г. статья «Чешское свидетельство XIV в. о русском металлическом производстве»¹²⁸, в которой говорится о сведениях, найденных в отрывке инвентаря Бржевновского монастыря от конца XIV в. по поводу ввоза железных русских замков в Чехию. Ясинский видит в этом факте свидетельство связей Чехии и Руси. В том же году ученый опубликовал статью «Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря»¹²⁹. В начале этой работы А. Н. Ясинский констатирует, что в последнее время издано много исторических материалов, позволяющих по-новому осветить историю древней судьбы Тевтонского ордена, основавшего немецкое государство на берегах Балтийского моря, польско-немецких отношений и отношения Пруссии к литовцам и славянам. Автор перечисляет сочинения, посвященные этим проблемам, и останавливается на книге чешского историка Я. Голла «Чехия и Пруссия в средние века»¹³⁰. Отметив, что работа была основана на изучении литературы и новоизданных источников, А. Н. Ясинский указывает на ее политическую тенденциозность, которая выразилась в том, что превращение немецкого ордена в светское государство Пруссию не принесло славянам счастья. В

новое время, говорит Голл, Орден в форме Прусского государства восторжествовал над Польшей, а союз Пруссии и России нанес решительный удар Польскому государству в той его форме, которую последнее приняло в XIV–XV вв. по унии с Литвой и Торнскому миру. «Пруссия восторжествовала над Польшей, а Москва над Литвою. Однако такое окончательное разрешение „прусского вопроса“ не было счастьем для славянского мира», — говорит проф. Я. Голл в заключение своей книги. Возможно, этот выпад чешского профессора против России побудил А. Н. Ясинского к мысли о том, что «справедливо будет указать также и на то, в какой мере чехи способствовали упрочению дела германизации на берегах Балтийского моря»¹³¹.

Изложив кратко историю появления Ордена немецких рыцарей в Прибалтике, А. Н. Ясинский говорит дальше, что в роли верных союзников Ордена в завоевании последним прибалтийских славян и германизации прибалтийского побережья выступают чехи и чешские государи, и все «значительные военные и дипломатические успехи Тевтонского ордена были достигнуты благодаря усердному содействию чехов»¹³². В Чехии и Моравии произносили проповеди крестового похода против пруссов-язычников. В чешском государстве благочестивые люди по духовным завещаниям отказывали Ордену земли и капиталы, кроме того, здесь же производились сборы пожертвований. Таким образом, замечает А. Н. Ясинский, ссылаясь на высказывание чешского историка Я. Голла, «чешское оружие и чешские деньги содействовали основанию нового немецкого государства на берегах Балтийского моря»¹³³. Далее русский ученый приводит факты, подкрепляющие высказывание Я. Голла. По сведениям А. Н. Ясинского, чешский король Пршемысл Отакар II принимал активное участие в крестовом походе против прусских язычников. Примеру короля последовали многие паны чешские и Оломоуцкий епископ Брунон. Вообще чешские государи давали рыцарям Ордена большие выгоды и преимущества и щедро наделяли их имениями. Магистры часто приезжали в Чехию и проживали здесь долгое время. По сведениям немецких историков, отряд Отакара II составлял треть 60-тысячного войска Ордена против пруссов в 1255 г. Как известно, покоренное население Пруссии и Ливонии отчаянно сопротивлялось завоевателям, и в 1260 г. рыцари Ордена потерпели от восставших страшное поражение, потрясшее в основе преобладание Ордена на берегах Балтийского моря. Но на помощь пришли чехи, правда вместе с другими представителями христианского мира. Далее А. Н. Ясинский говорит об активной политике в Прибалтике чешского короля Иоанна Люксембургского в качестве союзника Ордена. Что же касается его сына Карла IV, то он подтвердил права и привилегии, данные Ордену его предшественниками, но походов в помощь рыцарям против Литвы не предпринимал. В битве под Танненбергом в 1410 г. между Орденем и поляками чешские наемники сражались в рядах и того, и другого войска.

В заключение статьи А. Н. Ясинский отмечает: «По-видимому, чешские государи и народ XIII–XIV веков смотрели на свои услуги Ордену как на служение высокой христианской идее. Не их, конечно, вина, если идея распространения христианства обратилась в руках практичных немцев в политическое орудие, при помощи которого должна была восторжествовать немецкая культура»¹³⁴. На наш взгляд, такая оценка антиславянского союза чехов и Ордена по меньшей мере наивна. Немецкие феодалы ведь тоже шли в Прибалтику и вообще на восток под знаменем распространения христианства, и когда языческое население сопротивлялось новой культуре, то оно подлежало поголовному уничтожению. В своих действиях крестоносное войско не руководствовалось заповедями Христа о ненасилии и милосердии. Чехи в этом отношении нисколько не отличались от немецких феодалов: они в равной степени принимали участие в грабежах, разрушениях захваченных земель и уничтожении сопротивлявшихся язычников. Впрочем, французские, английские и др. рыцари, участвующие в крестовых походах, свои корыстные интересы прикрывали идеологией распространения христианства. Таков был менталитет господствующего класса Европы XIII–XV вв., больше мечом, чем крестом навязывавшего западную культуру на восточных территориях.

Попытка А. Н. Ясинского реабилитировать чешских рыцарей XIII–XV вв. не удалась. Чешские историки встретили статью русского ученого враждебно, подозревая автора в необъективности и недружелюбии к чехам. Однако невольным заступником юрьевского профессора стал Я. Голл. Как отмечает К. Крофта в упомянутом сочинении о Ясинском, Я. Голл заявил: «Что чехи поддержкой немецкого ордена способствовали германскому продвижению в Балтику, не требует доказательств, так как и до Ясинского об этом говорил Голл, а до него это знали и другие»¹³⁵.

Крупнейшей работой А. Н. Ясинского о чешской истории является монография «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века»¹³⁶. В этой работе в еще большей степени проявился талант автора как научного критического исследователя. А. Н. Ясинский непосредственно и самостоятельно по первоисточникам проанализировал материал, который до сих пор не был достаточно исследован чешскими учеными. Во введении к книге Ясинский предлагает подробный очерк исследований об урбариях, написанных французскими, немецкими и чешскими учеными. В первой главе характеризует происхождение и состав чешских поземельных описей, или урбариев, и впервые приходит к совершенно новым выводам по этим вопросам. Критикуя взгляды чешского историка Й. Шусты, считавшего, что чешские урбарии нисколько не отличаются от немецких, Ясинский отвергает влияние немецких урбариев на происхождение чешских поземельных описей. Во второй главе рассматривается «Самобытное развитие социального и аграрного строя чешского

села». Здесь Ясинский говорит о двух направлениях в историографии по вопросу о происхождении и истории землевладения. Русский ученый вместе с историком чешского права Я. Челаковским считает, что начальным пунктом аграрного и социального развития чешского народа были коллективные формы быта и землевладения, и отвергает теорию так называемого индивидуального или частного землевладения, согласно которой на первоначальной ступени развития в народной массе преобладали рабы и зависимые люди, а формы общего владения полями и угодьями возникли впоследствии под влиянием финансовых и экономических соображений самих землевладельцев. Таковую точку зрения отстаивал французский историк Фюстель де Куланж, австрийский ученый Инама-Штернегг и немецкие ученые В. Виттих и Р. Гильденбрандт. Той же теории придерживались чешские исследователи Й. Пейскер и Й. Шуста.

Исходя из положения о коллективных формах быта и землевладения у чешского народа, Ясинский последовательно раскрывает картину развития социального и аграрного строя чешского села.

В третьей главе проф. Ясинский рассматривал вопрос о развитии зависимых отношений. Главной причиной этого социального явления автор считает то, что свободные люди становились зависимыми, потому что селились на чужой земле. По мнению ученого, основная масса сельского зависимого люда вышла из недр свободного населения. А. Н. Ясинский рассматривает различные виды этой зависимости, повинности сельского населения, его правовое положение, формы аренды и т. д. Каждый раздел работы содержит новые факты и теоретические соображения.

В заключении автор книги приходит к выводам, что «изучение исторических источников предгуситского времени приводит к убеждению, что социальное развитие в Чехии шло теми же путями и совершалось в такой же обстановке, как и в других странах средневековой Европы. В значительной степени это объясняется тем обстоятельством, что социальные и правовые отношения слагались под влиянием одинаковых потребностей и запросов, выдвигаемых жизнью, и нормировались по указанию обычного права, главные основы которого у всех арийских народов были почти однородны. Сходство в общем не исключает различия в частности. Местные особенности и отличительные черты исторического процесса объясняются, конечно, прежде всего тем, что коллективные формы землевладения, этот исходный пункт развития, были у народов каждого племени не вполне тождественного характера. Кроме того, огромное влияние в данном направлении имеют отношения к соседним народам или внешние политические судьбы, могущие затормозить или ускорить нормальное развитие политического и социального строя, климатические или топографические условия страны, а также степень даровитости народа. Необходимо признать, что все эти данные благоприятно сложились для чешского народа в

эпоху средних веков, а потому его социальный и аграрный строй стоял в ту пору на том же уровне, как и в соседней Германии»¹³⁷.

Эта точка зрения А. Н. Ясинского резко расходилась с воззрениями на этот вопрос, установившимися в чешской историографии. «Очерки» А. Н. Ясинского, так же как и его первая монография, вызвали отклики в научной печати. В России на книгу наиболее подробную рецензию написал Т. Д. Флоринский¹³⁸. Он отметил новаторство автора, точность метода и ценность внесенного им материала, новизну выводов. Указав на то, что сочинение А. Н. Ясинского существенно обогащает русскую ученую литературу, «так бедную самостоятельными трудами по истории западного славянства»¹³⁹, рецензент сделал ряд замечаний. В некоторых случаях Т. Д. Флоринскому представляются недостаточно доказанными ряд положений, а также преждевременность некоторых выводов. В чешской литературе критика была решительной и оценка выводов А. Н. Ясинского негативной. Особенно это продемонстрировал Й. Пекарж в статье, опубликованной в 1901 г.¹⁴⁰ Й. Пекарж отверг большую часть выводов А. Н. Ясинского, объявив доказательства историка неубедительными, а заключения гипотетическими. Чешский ученый высказался против утверждения русского исследователя о самостоятельном развитии чешского урбария, утверждая, что он развивался под влиянием и по образцу, принесенному в Чехию немецкими духовными орденами. Пекарж также не принял утверждения Ясинского о том, что формы экономического развития и правовых отношений тождественны с Францией, Германией, Венгрией, Чехией, Польшей и Русью, и утверждал, что эти нормы перемещались от запада к востоку, с юга на север, а не развивались самостоятельно у каждого народа. В отличие от Ясинского, Пекарж согласен с немецкими историками в том, что с приходом в страну колонистов из Германии с немецким правом улучшилось материальное положение чешских крестьян. В этой статье Пекарж выступил против концепции Ясинского относительно самобытного развития чешских экономических и социальных отношений до конца XVII в. и высказал убеждение, что эти отношения развивались под влиянием немецкого права и вообще немецкой культуры. Признав некоторые позитивные моменты в работах Ясинского, как-то: добротный обзор источников, хорошее знание литературы предмета, неразработанность проблематики в историографии, некоторые выводы русского историка Пекарж назвал «фантазией». В пылу полемики чешский ученый преувеличил недостатки работы Ясинского, многое понял односторонне и подчас исказил точку зрения русского историка. Правда, у Пекаржа нашлись и оппоненты, но большинство чешских историков того времени были согласны с оценкой Пекаржа. Сам же факт разработки источников древней чешской истории Ясинским был для чешских историков весьма лестным, ибо никто из иностранцев к этой проблематике не обращался. Кроме того, работа имела ряд методических и фак-

тических достоинств, которые признавал даже Пекарж. И только К. Крофта в некрологе русского историка писал: «Несмотря на недостатки, „Очерки“ были серьезной и ценной попыткой научного решения тяжелых и важных страниц нашей древней истории, попыткой, которая до сих пор не была превзойдена ни одной новейшей работой, которая бы своим объемом и содержанием, а также методическим уровнем могла быть поставлена рядом»¹⁴¹.

В русской литературе «Очерки» Ясинского представляют собой явление незаурядное. Это был первый труд в русском славяноведении, посвященный социально-экономическим проблемам средневековой Чехии. Впервые в нем был использован источник (урбарии), ранее почти не привлекавшийся к изучению проблемы. Предшественники Ясинского основное внимание уделяли грамотам и нарративным памятникам. А. Н. Ясинский сравнительным методом проанализировал все виды источников по данному вопросу. Сравнительный метод широко применялся автором и при освещении вопроса об аналогичных институтах у других народов. Автор критически оценивает предшествующую литературу, немецкую, чешскую, русскую, относящуюся к избранной проблеме. Его вклад в изучение малоисследованного сюжета чешского средневековья представляет собой уникальное явление русского славяноведения XIX в.

После фундаментального труда А. Н. Ясинский продолжал изучение вопроса в более мелких статьях. В 1902 г. вышла его работа «Основные черты развития права в Чехии XIII–XV вв.»¹⁴². В ней он проводит мысль о том, что законодательство и судебная организация не есть плод деятельности ученых юристов, а вырастают из жизни каждого народа. А. Н. Ясинский затем разбирает подробно вопрос о возникновении, сущности и развитии земских досок и приходит к выводу, что право в Чехии развивалось самостоятельно до того времени, пока Габсбурги этот процесс не прервали и привели правовое мышление в Чехии в состояние слепого поклонения римскому праву. В статье «Введение немецкого права в селах Чехии в XIV в.»¹⁴³ автор рассматривает сущность эмфитевтического права и приходит к выводу, что введение эморфитевтического (немецкого) права привело к ухудшению положения сельского населения. И вновь против таких выводов выступил Й. Пекарж¹⁴⁴ и в решительной форме отверг их. А. Н. Ясинскому принадлежат также статьи «Присяга крестьян по чешскому средневековому праву»¹⁴⁵ и «Характеристика средневековой немецкой колонизации на юге Чехии»¹⁴⁶. Кроме этих статей Ясинский еще написал очерк о чешском феодализме и чешской истории в целом в энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона¹⁴⁷. Впоследствии в течение двадцати лет по истории Чехии ученый ничего не публиковал. Причины этого факта, вероятно, заключаются в переориентации его деятельности: он работал на поприще организации педагогического образования в России и писал статьи по этим

вопросам. После революции Ясинский вновь вернулся к проблемам чешского средневековья и издал ряд работ, о которых упоминалось выше. Таким образом, А. Н. Ясинский главным предметом своей научной деятельности избрал средневековую чешскую историю — правовую, экономическую и социальную. По мнению чешского историка К. Крофты, в этой области он сделал так много, как никто из русских, и не только русских, но и других чешских историков вообще. Несмотря на то, что некоторые его выводы нельзя принимать без критики, в них содержится много ценного и поучительного с фактической и методической стороны¹⁴⁸.

Исследование истории Чехии, разумеется, предполагало работу в чешских архивах и контакты с чешскими специалистами. В отличие от других русских богемистов, А. Н. Ясинскому не приходилось часто посещать чешские архивы и открыть какие-то документы. Чешская историческая наука к этому времени, благодаря деятельности двух поколений историков, уже располагала опубликованной версией материалов, необходимых для исследования социально-экономических и правовых проблем чешской средневековой истории, что, между прочим, с удовлетворением отмечал и сам Ясинский. В Праге же ученый работал только летом 1897 г., где изучал еще неопубликованные чешские средневековые урбарии и установил контакты с некоторыми историками, близкими ему по научным интересам. В письме к Т. Д. Флоринскому он сообщал: «...Я приехал в Прагу в ту пору, когда большинство местных ученых разъехались по дачам и весям земли чешской... Только третьего дня я познакомился с Пичем¹⁴⁹, который на один день приезжал в Прагу, отправляясь на какой-то съезд археологический в Германию... Познакомился также с профессором Челаковским, который любезно предлагал заниматься в его архиве¹⁵⁰, но так как в мои виды не входило рытье по архивам, то мне оставалось только его поблагодарить. Профессор Челаковский совершенно ушел в изучение городского права и даже слегка иронизировал по поводу моего желания заняться историей крестьян XII–XV вв., ссылаясь на недостаток материала. К слову сказать, он собирается издать один из урбариев XVI века, выдержки из которого он мне читал... Челаковский был так добр, что обошел со мной часть Старого Города и указал на его достопримечательности... К стыду моему, я должен сознаться, что до сих пор не успел осмотреть Прагу, утром просиживая в Музее, а после обеда работая дома... Я успел съездить только в Збрацлав, где осмотрел собор и видел черепа чешских королей». Далее А. Н. Ясинский пишет, что собирается поехать на юг Чехии, где живет профессор Калоусек¹⁵¹, «с ним мне необходимо познакомиться, потому что он уже три-пять лет работает над изучением истории крестьян, приготавливая к печати многотомное сочинение», — делится с Флоринским Ясинский¹⁵².

Знакомство с Й. Калоусеком было плодотворно для обоих ученых. Они обменивались необходимой литературой. Особенно А. Н. Ясинскому важ-

но было получать новые публикации источников и литературы. В переписке ученых находим много указаний на то, что требовалось Ясинскому и что интересовало Й. Калоусека. Так, в открытке от 2 ноября 1901 г. Ясинский благодарит своего чешского коллегу за присылку его книги «*Obrana knížete Václava Svatého*»¹⁵³, в письме 22/10 июня 1906 г. пишет, что ему «крайне необходимо иметь *Historický archiv*, č. 1, где напечатаны Ф. Тадрого *Soudní akta konsistoře pražské*, но как это достать — не знаю. Не могли бы Вы выслать мне это издание на самое короткое время?» «С большим бы удовольствием, — продолжает русский ученый, — я бы уплатил стоимость этого издания той или другой книжной фирме, если бы она выслала мне необходимый этот источник»¹⁵⁴. В свою очередь и чешский ученый благодарил Ясинского за присланные «интересные статьи»¹⁵⁵ (имеется в виду статья Ясинского «Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря»), а также его в высшей степени интересовала «статья А. Ясинского по истории крестьянского права в Чехии»¹⁵⁶. Русский ученый сообщает 9/22 июня 1906 г. Калоусеку: «Сегодня я Вам выслал заказную бандеролью те свои брошюры, которые не дослал раньше. Много я не мог выслать за неимением оттисков, которые разошлись. «История Чехии» и «Феодализм в Чехии и Моравии» были напечатаны в энциклопедическом словаре, и мне вовсе не дали оттисков»¹⁵⁷. Вообще чешские историки специалисты хорошо знали сочинения А. Н. Ясинского, о чем свидетельствует, например, сообщение Ясинского Калоусеку от 28/10 июня 1906 г.: «Завтра высылаю на Ваше имя несколько экземпляров последних работ и покорнейше прошу Вас не отказать принять от меня этот слабый дар моего уважения к Вам, а равно передать экземпляры профессорам Яромиру Челаковскому и К. Кадлецу»¹⁵⁸, предоставляя остальными воспользоваться по Вашему усмотрению»¹⁵⁹. Любопытное сообщение А. Н. Ясинского содержится в письме чешскому ученому-филологу и библиотекарю Чешского Национального музея в Праге А. Патере. 22 июня 1895 г. он пишет: «Высылая на Ваше имя посылкой 20 экземпляров своей книги «Падение земского строя в чешском государстве (X–XIII вв.)», покорнейше прошу принять от меня экземпляр в знак моего глубокого уважения к Вашей ученой деятельности, а 15 других с моими подписями не откажите при случае вручить тем лицам, трудами которых я пользовался»¹⁶⁰. В свою очередь чешские ученые весьма внимательно относились к трудам русского коллеги. О них постоянно появлялись рефераты в чешских научных органах — Чешском историческом журнале (ČSN) и журнале Чешского Национального музея (ČSM). Авторами рефератов были такие крупные ученые как Я. Голл, К. Кадлец и др. Как указывалось, подробный разбор сочинений Ясинского был опубликован Й. Пекаржем в журнале «*Česky časopis Historicky*». По инициативе Й. Калоусека А. Н. Ясинский был избран членом-корреспондентом Королевского Чешского общества наук в 1902 г., а в 1906 г. — чле-

ном Историко-философского и юридического отделения чешской Академии императора Франца-Иосифа¹⁶¹. В записке-рекомендации на избрание Ясинского в члены Чешской академии говорится: «Ясинский избрал для себя основным предметом исследования чешскую правовую историю, чему и отдает все свои силы. Большая часть его научных работ относится к аграрному праву и социальной истории сельского населения в древней Чехии перед гуситской войной. Исследование этого нелегкого вопроса находится до настоящего времени в самом начале, и не удивительно, что некоторые выводы Ясинского встретили возражения со стороны других исследователей. Но его работы основаны на первоначальных источниках и существенно способствуют выработке объективного суждения»¹⁶².

Заключая освещение творчества А. Н. Ясинского в области изучения истории Чехии периода средневековья, следует констатировать, что этот ученый как никто другой не только из числа русских славистов, но и специалистов чешской школы внес наибольший вклад в исследование социально-экономических проблем чешской истории догуситского периода. В русской историографии работы А. Н. Ясинского стоят особняком как по проблематике, так и по методу исследования. И тот, и другой аспекты являют собой свидетельство проникновения позитивизма в русское славяноведение и его существенные успехи в области исторической богемистики. А. Н. Ясинский в этом смысле представляет собой яркий пример, правда, к сожалению, единственный. Не оцененные по заслугам современниками, труды А. Н. Ясинского были забыты в неблагоприятное для исторической науки время в России в первой половине XX в. Ушло его имя и из памяти чешских историков, раньше так энергично противостоявших его новаторским теориям.

В архиве Чешской академии наук сохранился любопытный документ, представляющий собой письмо Чешской академии в посольство Чехословацкой республики в Москве от 14 февраля 1935 г. В письме содержится просьба сообщить дату смерти члена Чешской Академии А. Н. Ясинского. На этот запрос посольство ответило Чешской Академии, что «к большому сожалению, эту дату ему не удалось выяснить»¹⁶³.

Память о забытом историке возродилась после Второй мировой войны, когда к его трудам обратились представители марксистской историографии. Так, чешский ученый Фр. Граус в книге «История сельского населения в Чехии в предгуситский период»¹⁶⁴, изданной в 1953 г., пишет, что «сочинения Ясинского были неправомерно осуждены в нашей (т. е. чешской. — Л.Л.) исторической литературе, хотя они принадлежат к лучшим работам буржуазных историков о чешской истории вообще. Они приятно отличаются от других монографических трудов чешской истории тем, что исследуют экономические отношения в Чехии подробно. На многие вопросы, такие как значение старых названий для земледелия и землепользования, он вообще первым обратил внимание. В обеих своих работах (имеются в виду «Падение земско-

го строя...» и «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии...» — Л. Л.) Ясинский решительно подчеркнул самостоятельность чешского развития. Первоначальная древняя чешская организация была заложена на „общеславянском демократическом порядке“, который был разрушен в XIII столетии в результате проникновения немецкого права». Далее Граус говорит, что «в этом утверждении, как очевидно, концепция Ясинского совпадает с точкой зрения Палацкого. Но Ясинский в отличие от Палацкого не считал зависимость и крепостное состояние результатом немецкого влияния». «По его мнению, — продолжает Ф. Граус, — крепостное состояние возникло в Чехии органически, главным образом в результате переселения на чужие земли и добровольного соглашения на зависимость при приобретении пустошей. Свободные люди отказывались от свободы сами, так как им это было экономически выгодно», — передает мысль Ясинского Ф. Граус. «Кроме этого часть зависимых и крепостных возникла из рабов и колонов. По мнению Ясинского, в отличие от Палацкого, такая категория людей уже существовала до XIII века. Крепостничество возникало в течение столетий. В XII веке еще большинство населения было свободным, но во 2-й половине этого столетия крепостничество стало уже всеобщим явлением», — передает Граус выводы Ясинского. Заклучая характеристику трудов русского историка, Ф. Граус подчеркивает: «Работы Ясинского означали прогресс по сравнению с чешской официальной историографией, так как отвергали ненаучную теорию о политической, экономической и культурной зависимости Чехии от иностранных образцов. Но с другой стороны, Ясинский не смог представить общую картину развития Чехии в предгуситский период... так как не исследовал его закономерности»¹⁶⁵.

Вслед за Ф. Граусом проблемой социально-экономической истории Чехии догуситского периода занялся советский историк Б. Т. Рубцов. В конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. им были опубликованы две монографии: «Эволюция феодальной ренты в Чехии»¹⁶⁶ (1958) и «Исследования по аграрной истории Чехии»¹⁶⁷ (1963). В первой книге автор констатировал, что Ясинский своими трудами внес «крупный вклад в аграрную историю Чехии»¹⁶⁸, перечислил все сочинения А. Н. Ясинского, написанные на этот сюжет, и изложил теорию юрьевского профессора, снабдив ее своими комментариями. Последние содержат в основном упреки в адрес «буржуазного» русского историка за то, что тот «не смог выйти за пределы формально-юридических норм исследования»¹⁶⁹, «не сумел проникнуть в сущность законов исторического развития... и... подняться до понимания смены характера отдельных социально-экономических формаций»¹⁷⁰. По мнению Б. Т. Рубцова, «А. Н. Ясинский не понимал прогрессивности исторического развития средневековой Чехии и... классовой природы феодального государства»¹⁷¹. Далее Б. Т. Рубцов считает, что А. Н. Ясинский смешивает «базис и надстройку» и «не видит исторической неизбежности замены феодальным

строем предшествующих социально-экономических формаций»¹⁷². Из приведенных выдержек видно, что Б. Т. Рубцов упрекал А. Н. Ясинского в немарксистском подходе к освещению проблемы так, как понимал ее сам советский историк. Однако заключая свою оценку трудов А. Н. Ясинского, Б. Т. Рубцов констатировал, что они «остались лучшими в буржуазной науке»¹⁷³. Еще раз Б. Т. Рубцов обратился к критике мнений А. Н. Ясинского при обзоре в своей книге ее источниковой базы. Отметив, что юрьевский профессор гораздо более плодотворно, чем чешские историки, исследовал поземельные описи, сделал «серьезную попытку выяснить условия происхождения урбариев, которые он совершенно справедливо считал явлением, закономерно порожденным социально-экономической обстановкой внутри самой Чехии»¹⁷⁴, Ясинский, по мнению Рубцова, ввиду «методологической ограниченности» оказался не в состоянии разрешить вопрос о том, «чьи классовые интересы выражают урбарии»¹⁷⁵. В дальнейшем изложении проблемы Б. Т. Рубцов в своей книге широко использует тот же вид источника (т. е. урбарии), что и А. Н. Ясинский, заимствовав у своего «буржуазного» предшественника не только фактический материал, но и методику его анализа.

Монография «Исследования по аграрной истории Чехии» включает в свой состав значительную часть книги «Эволюция феодальной ренты». Б. Т. Рубцов почти дословно повторил ту часть, которая касается историографии и источников, и лишь усилил в оценке Ясинского комплиментарную часть, назвав его «выдающимся русским буржуазным историком»¹⁷⁶. Все упреки Б. Т. Рубцова в «методологической несостоятельности» юрьевского профессора остались в силе, равно как и фактический материал совокупно с некоторыми выводами оказали добрую услугу изучению аграрной истории Чехии средневекового периода с марксистских позиций.

Отметим разницу в оценке трудов А. Н. Ясинского в марксистской историографии. Если Ф. Граус, признавая большое научное значение исследований русского историка, в своем сочинении объективно отмечает их достоинства и указывает на промахи, описки или недостаточную аргументацию отдельных выводов, то главное внимание Б. Т. Рубцова обращено на несоответствие подходов А. Н. Ясинского марксистскому пониманию исторического процесса, с точки зрения советского историка единственно научного.

Материал о творчестве А. Н. Ясинского, предложенный в настоящей очерке, на наш взгляд, свидетельствует о том, что юрьевский профессор был ученым европейского масштаба, внесшим большой вклад в изучение истории Центральной и Восточной Европы, преимущественно Чехии в период средневековья. Ясинский первым в русской историографии обратился к исследованию социально-экономических проблем средневековой истории славянской страны, создал оригинальную концепцию развития этого процесса, открыл много новых сторон в методике изучения источников и их интерпретации. А. Н. Ясинскому принадлежит также первенство в при-

ведении в систему источниковой базы исследования и наиболее подробное описание и оценка чешских земельных описей (урбариев) в Чехии изучаемого периода. А. Н. Ясинский вполне объективно оценивает некоторые исторические явления и события, невзирая на романтическую традицию, сложившуюся в чешской историографии. В качестве примера можно привести его работу «Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря», в которой на основании источников доказывается активное участие чешских феодалов, в том числе и представителей церкви, в войнах против полабско-балтийских славян в качестве союзников немецких рыцарских орденов и уничтожении сопротивлявшихся славян. Этим русский историк наносил очередной удар по теории «славянской взаимности», якобы существовавшей в древности. В чешской историографии еще и в конце XIX в. существовали ее сторонники. Кроме того, А. Н. Ясинский своими исследованиями доставил определенную неприятность некоторым патриотично настроенным чешским историкам, «стыдливо умалчивавшим» о тесном союзе чешских и немецких феодалов в борьбе поляков с немецким Орденом.

Исследование социально-экономических проблем, сравнительный анализ источников разнообразного плана и происхождения, объективность выводов, убедительность аргументации выдвигаемых положений, безукоризненное знание современной и прошлой литературы по исследуемому вопросу, высокая эрудиция в источниковой базе не только по истории Чехии, но и других европейских стран показывают, что творчество А. Н. Ясинского представляло собой выдающееся явление в богемистике вообще, а не только в русской историографии.

Как известно, ценность труда историка определяется не только тем, как его воспринимают современники, но, главным образом, тем, какую пользу из него могут извлечь потомки и как деятельность ученого способствует развитию науки. О значении научного вклада А. Н. Ясинского свидетельствует тот факт, что враждебная по методологии советская историческая наука, ставившая во главу своей борьбы за марксистскую оценку исторического процесса полемику против позитивизма, ярким представителем которого в русском историческом славяноведении является А. Н. Ясинский, широко использовала его материал и выводы, оказавшие существенное влияние на формирование взглядов советских историков на развитие чешской истории догуситского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dubjeva L. Anton Nikitič Jasinskij als Professor für Allgemeine Geschichte an der Universität Jur'ev (Dorpat/Tartu) 1896–1811 // Estland und Russland. Aspekte der Berienhungen beider Länder. Hamburg, 2005. S. 109–125.*

- 2 Напр.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета, за сто лет его существования (1802–1902). Юрьев, 1903. Т. 2. С. 397–399.
- 3 *Грот К. Я.* А. Н. Ясинский. Падение земского строя в чешском государстве (X–XIII вв.) Киев, 1895 // Отчет о присуждении премий А. А. Котляревского в 1898 г. СПб., 1900. С. 106–200; *Флоринский Т. Д.* А. Н. Ясинский. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века. Т. I. Юрьев, 1901 // Отчет о присуждении Ломоносовских премий в 1901 г. СПб., 1903. С. 17–27.
- 4 См. напр.: *Pekař J. K českým dějinám agrárním v středověku // Český Časopis Historický.* 1901. VII. S. 326–363.
- 5 Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. III. С. 509–511; М., 1966. Т. IV. С. 607; *Заборов М. А.* Крестовые походы в работах русских историков начала XX века // Византийский временник. 1964. Т. XXV. С. 133 и сл.; *Вайнштейн О. Л.* История советской медиэвистики. Л., 1968. С. 79, 217; *Лантева Л. П.* Чешская феодальная история в освещении русской историографии XIX — начала XX века // Вопросы истории славян. Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 120–121.
- 6 *Казакова М. А.* Исторические взгляды А. Н. Ясинского // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 3. С. 140–153; *Иванов Ю. Ф.* Ясинский как историк Чехии // Вопросы истории славян. Воронеж, 1966. Вып. 2. С. 248–256; *Москаленко А. Е.* К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского (1864–1933) // Вопросы историографии и истории СССР. Воронеж, 1969. С. 252–267.
- 7 *Рубцов Б. Т.* Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV — начало XV веков). М., 1958. С. 10 и сл. Тот же материал помещен в книге: *Рубцов Б. Т.* Исследования по аграрной истории Чехии (XIV — начало XV веков). М., 1963. С. 8 и сл. *Graus Fr.* Dějny venkovského lidu od 10. stol. do první poloviny 13. stol. I. Praha, 1953. S. 29–30 и др.
- 8 Славяноведение в дореволюционной России. История южных и западных славян. М., 1988. С. 234–235 и др.
- 9 См. напр.: Большая Советская энциклопедия. 1957. Т. 49. С. 662; Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 383–384.
- 10 *Dubjeva L.* Anton Nikitič Jasinskij... S. 109–125.
- 11 *Иванов Ю. Ф.* О политических взглядах А. Н. Ясинского // Вопросы истории славян. Воронеж, 1999. Вып. 14. С. 153–170.
- 12 А. Н. Савин (1873–1923) — московский профессор-медиэвист, крупный авторитет в области аграрной истории Англии.
- 13 *Вайнштейн О. Л.* История советской медиэвистики. С. 79.
- 14 *Рубцов Б. Т.* Эволюция феодальной ренты... С. 10.
- 15 Там же. С. 12.
- 16 Там же. С. 13.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 14.
- 20 *Робинсон М. А.* Основные идейно-научные направления в отечественном славяноведении конца XIX — начала XX вв. // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 151–246.

- 21 *Москаленко А. Е.* К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского... С. 252–268.
- 22 Дата рождения — 17 октября 1864 г. — указана в аттестате зрелости А. Н. Ясинского об окончании Первой Киевской гимназии — РГИА. Ф. 737. Оп. 150. Д. 284. Л. 45; в послужном списке А. Н. Ясинского от 1895 г. — Киевский городской архив. Ф. 16. Оп. 329. Д. 94. Л. 5–9; в формулярном списке о службе ординарного профессора ИЮУ А. Н. Ясинского от 1911 г. — Исторический архив Эстонии (далее ИАЭ). Ф. 384. Д. 3454. Оп. 1; в формулярном списке А. Н. Ясинского, составленном в 1912 г. — Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 418. Оп. 90. Д. 601. Л. 13–21; в ИАЭ хранится копия паспорта Ясинского, где дата рождения указана 17 октября 1864 г. — ИАЭ. Ф. 402. Оп. 3. Д. 2059. Л. 35–37. В опубликованных биографиях А. Н. Ясинского дата рождения указана 22 сентября 1864 г.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета, за сто лет его существования (1802–1902). Юрьев, 1903. Т. 2. С. 397–399; Автобиография А. Н. Ясинского — Вопросы историографии и истории СССР. Воронеж, 1969. С. 264–265; *Krofta K. A. N. Jasinskij*. Praha, 1935. S. 3, а также в некоторых архивных материалах, например, в предложении чешских историков от 1906 г. избрать Ясинского действительным членом Чешской академии — АСАV. Ф. САV Navrhу. Те варианты биографии, где указана дата 22 сентября 1864 г., как правило, написаны самим А. Н. Ясинским. Из этих сведений они перешли в литературу и справочные издания, за исключением биобиблиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России» (с. 383–384). Более достоверной представляется дата, содержащаяся в формулярных списках, которые составляются на основании документов, а не устных показаний. Главным документом был, по-видимому, в данном случае документ об окончании Ясинским киевской гимназии, где указана дата 17 октября 1864, и, кроме того, в нем говорится о расположении местечка Межирич в Черкасском уезде, а не в Ковенском, как утверждается в биографиях. Поскольку число дней между 22 сентября и 17 октября 1864 не может быть объяснено разницей старого и нового стиля, можно предположить, что ошибку допустил сам Ясинский.
- 23 РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 284. Л. 43–44.
- 24 КГА. Ф. 16. Оп. 472. Д. 191.
- 25 *Ясинский А. Н.* Федор Яковлевич Фортинский как учитель и профессор // Чтения в Историческом обществе Нестора Легописца. Киев, 1903. Кн. XXII. Вып. 2.
- 26 *Ясинский А. Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал // Киевские университетские известия. 1889. № 5.
- 27 *Ясинский А. Н.* История Великой Хартии в XIII веке // Киевские университетские известия. Киев, 1888. № 7–8.
- 28 РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 284. Л. 41–42 — «Представление» Ф. Я. Фортинского датировано 18 января 1889 года.
- 29 *Ясинский А. Н.* Московский государственный архив в XVI веке. Киев, 1889. Отд. отд.
- 30 *Ясинский А. Н.* Донесение о Московии Марка Фоскарини // Киевские университетские известия. Киев, 1889. № 6.

- 31 Сведения об этом содержатся, например, в статье: *Иванов Ю. Ф.* О политических взглядах А. Н. Ясинского. С. 169. Сноска 17.
- 32 РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 284. Л. 186 — Отчет профессорского стипендиата Антона Никитича Ясинского о занятиях в течение полугодия от 17 сентября 1889 г. до 17 марта 1890 г.
- 33 Там же. Л. 185.
- 34 КГА. Ф. 16. Оп. 330. Д. 194. Л. 2 — донесение декана историко-филологического факультета Т. Д. Флоринского ректору университета св. Владимира от 22 мая 1892 г.
- 35 РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 744. Л. 177–177 об. — отзыв проф. Ф. Я. Фортинского об отчете А. Н. Ясинского. 8 ноября 1891 г.
- 36 *Регель В. Э.* О хронике Козьмы Пражского // ЖМНП. 1890. № 8–9; См. об этом: *Лантева Л. П. В. Э.* Регель как исследователь «Хроники Козьмы Пражского» и ее оценка в современной историографии // Исторические записки. Научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 93–105.
- 37 *Ясинский А. Н.* Падение земского строя в чешском государстве (X–XIII вв.) Киев, 1895 (второе изд. Юрьев, 1912).
- 38 КГА. Ф. 16. Оп. 334. Д. 69. Л. 16–22 — сообщения в разные инстанции о защите Ясинским диссертации и результатах ее. Л. 22 — копия диплома о присвоении Ясинскому А. Н. степени магистра всеобщей истории. Внизу рукой Ясинского написано, что подлинник диплома он получил 26 октября 1895 г.
- 39 ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 67. Л. 36 — заявление А. Н. Ясинского от 20 декабря 1897 г. о принятии книги на соискание премии.
- 40 Там же. Л. 37 — письмо А. Н. Ясинского председателю ОРЯС А. Ф. Бычкову от 16 октября 1898 г. с выражением благодарности в адрес членов ОРЯС за присуждение его труду половинной премии Котляревского.
- 41 ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 90. Д. 601. Л. 13–21 — формулярный список о службе А. Н. Ясинского, составленный в 1912 г.
- 42 РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1037. Л. 216–220 об. — отзыв Р. Ю. Виппера об ученых работах А. Н. Ясинского.
- 43 ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 90. Д. 601 — указанный формулярный список.
- 44 ИАЭ. Ф. 402. Оп. 3 Д. 393. Л. 218.
- 45 Последнее во времени сочинение о профессорстве А. Н. Ясинского в Юрьевском университете издано в 2005, см.: *Dubjeva L. Anton Nikitič Jasinskij...* S. 109–125.
- 46 ГАЭ. Ф. 402. Оп. 3. Д. 2059. Л. 31 — разрешение попечителя русского учебного округа выдать проф. А. Н. Ясинскому вознаграждение в размере 600 р. за прочитанные лекции по русской истории (общий курс) 4 часа в неделю и за специальный курс по русской истории — 2 часа в неделю. 20 мая 1904 г.
- 47 РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 113. Л. 51–73 — особый протокол по делу об избрании кандидата на вакантную кафедру русской истории в ИЮУ. 8 декабря 1904 г.
- 48 Там же. Л. 48–48 об. — заявление А. Н. Ясинского.
- 49 Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1897–1911.
- 50 *Ясинский А. Н.* Лекции по истории средних веков. Издание студентов на правах рукописи (типографское). Юрьев, 1907. 242 стр.

- 51 Ясинский А. Н. Лекции по истории средних веков. Юрьев, 1907. С. 2–3.
52 Там же. С. 4–11.
53 Там же. С. 11–12.
54 Там же. С. 35.
55 Там же. С. 56.
56 Там же. С. 57.
57 Там же. С. 152 и далее.
58 Там же. С. 188 и далее.
59 ИАЭ. Ф. 402. Оп. 3. Д. 174. Л. 28 — отзыв А. Н. Ясинского о работе студента М. В. Бречкевича. 23 мая 1901.
60 Там же. Оп. 1. Д. 16593. Л. 23 — отзыв А. Н. Ясинского о работе С. Макухина.
61 Там же. ИАЭ. Ф. 402, Оп. 1. Д. 19301. Л. 22.
62 Там же. Д. 31131. Л. 122.
63 Там же. Д. 22134. Л. 13 и 13 об.
64 Там же. Оп. 3. Д. 393. Л. 109–117.
65 См. об этом: Лантева Л. П. М. В. Бречкевич как представитель позитивизма в русском славяноведении первой четверти XIX века // Славяноведение. 1995. № 1. С. 3–11.
66 *Dubjeva L. Anton Nikitič Jasinskij...* S. 122.
67 ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 90. Д. 601. Л. 13–21 — формулярный список о службе А. Н. Ясинского от 1912 г.
68 Полное название: Ясинский А. Н. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века (Основы социального строя чешского народа в эпоху господства обычного права). Юрьев, Т. 1. 1901.
69 ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 90. Д. 601 — указанный формулярный список.
70 Там же.
71 ИАЭ. Ф. 402. Оп. 4. Д. 1194 — заседание учено-литературного общества при ИЮУ 26 мая 1902 г.
72 Труды XI археологического съезда в Киеве 1899 г. Протоколы. М., 1902. Т. II. С. 93, 94.
73 Там же. С. 134–134.
74 ИАЭ. Ф. 402. Оп. 3. Д. 2059. Л. 29.
75 Там же. Л. 33.
76 Подробно о съезде см.: Лантева Л. П. Съезд русских славистов 1903 г. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 261–279.
77 ОР. РГБ. Ф. 40. Карт. 20 — предварительный съезд русских филологов (10–15 апреля 1903 г.). Бюллетень № 6.
78 Там же. Бюллетень № 13. В Приложении к бюллетеню см.: Ясинский А. Н. Пробный проект исторического отдела общеславянской энциклопедии, составленный применительно к основаниям, принятым гг. членами исторической секции, в заседании 12 апреля 1903 г.
79 См.: ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 820. Л. 93–95.
80 Там же. Л. 95.
81 Там же.
82 Там же. Л. 82–84. Первый лист не сохранился. Цитата — Л. 84 об.

- 83 ИАЭ. Ф. 402. Оп. 3. Д. 2050. Л. 676 — уведомление попечителя Рижского учебного округа 7 ноября 1911 г. — ректору ИЮУ о назначении А. Н. Ясинского директором Педагогического института им. П. Г. Шелапутина в г. Москве.
- 84 Автобиография А. Н. Ясинского, написанная им 12 февраля 1924 г. Опубликована в приложении к соч.: *Москаленко А. Е.* К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского... С. 264–266. Оригинал, по указанию издателя, хранится в Историческом архиве Белоруссии в Минске. Ф. 205. Оп. 3. Д. 9713. Л. 4–5.
- 85 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 90. Д. 601. Л. 2 — уведомление попечителя Московского учебного округа ректору ИМУ 20 июля 1912 г., что попечитель разрешает принять в число приват-доцентов историко-филологического факультета по кафедре всеобщей истории доктора всеобщей истории А. Н. Ясинского.
- 86 Там же.
- 87 *Москаленко А. Е.* К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского... С. 261–262.
- 88 Там же. С. 262.
- 89 Там же. С. 263.
- 90 Институт русской литературы (ИРЛИ). Ф. 669. Оп. 1. Д. 487. То же в кн.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 54.
- 91 Об этом см.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты... С. 121–122 и вообще глава II — Ученые в условиях выживания.
- 92 ИРЛИ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 487. Л. 7 об.
- 93 М. Н. Покровский (1868–1932) — историк, советский государственный деятель в области науки. Академик с 1929 г.
- 94 ИРЛИ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 487. Л. 8–8 об.
- 95 Там же. Л. 8 об.
- 96 Сведения об этом в «Автобиографии», см.: *Москаленко А. Е.* К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского... С. 267. Перечень трудов составлен самим А. Н. Ясинским.
- 97 *Ясинский А. Н.* Очерки и исследования по хозяйственной истории средневековой Чехии. Происхождение и природа чешских поземельных единиц // Научные известия Смоленского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. Смоленск, Т. II. 1924.
- 98 *Ясинский А. Н.* Франциск Скарина в Чехии // Из культурной истории Чехии XVI века. Сборник, изданный Институтом белорусской культуры. Минск, 1926.
- 99 *Ясинский А. Н.* Поземельная опись Градищенского монастыря // Труды Белорусского государственного университета. Минск, 1926. Т. XII.
- 100 *Ясинский А. Н.* Эмфитевзис и перемер полей в средневековой Чехии // Ученые записки института истории РАН ИОН. М., 1929. Т. III.
- 101 ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1931. Д. 12. Л. 52–54.
- 102 *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты... С. 370.
- 103 О последних днях жизни А. Н. Ясинского см.: *Москаленко А. Е.* К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского... С. 263, сноска № 38.
- 104 *Krofta K. A. N. Jasinский*... 56 str.
- 105 *Иванов Ю. Ф.* О политических взглядах А. Н. Ясинского // Вопросы истории славян. Воронеж, 1999. Вып. 14. С. 153–170.

- 106 См.: Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976.
- 107 Иванов Ю. Ф. О политических взглядах А. Н. Ясинского. С. 161.
- 108 Ясинский А. Н. Падение земского строя... С. 33.
- 109 Там же. С. 176.
- 110 Tomek V. Dějepis města Prahy. I. Praha, 1855.
- 111 Jireček H. Slovanské právo v Čechách a na Moravě. I–III. Praha, 1863–1872.
- 112 Lippert J. Socialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. Prag, 1896–1898. Bd. I–II.
- 113 Vacek F. Socialní dějiny české doby starší. Первоначально вышло в журнале «Aletheia», I–IV (1897–1902) под названием «Vývoj society a práva slovanského v Čechach. Затем статьи вышли отдельной книгой — Praha, 1905.
- 114 Krofta K. A. N. Jasinskij... S. 10–12.
- 115 Киевский городской архив. Ф. 16. Оп. 329. Д. 94. Под этим отзывом имеется подпись: «С мнением Ф. Я. Фортинского согласен. Т. Флоринский».
- 116 Этот отзыв в выдержках обнародован в статье: Иванов Ю. Ф. О политических взглядах А. Н. Ясинского. С. 153–170; по указанию Ю. Ф. Иванова отзыв хранится в РГИА. Ф. 733. Оп.150. Д. 1037. Л. 217–219.
- 117 Изложение отзыва Р. Ю. Виппера приводится по статье: Иванов Ю. Ф. О политических взглядах А. Н. Ясинского. С. 158–161.
- 118 Грот К. Я. Славянские древности. Курс лекций, читанный в 1896/97 ак. году. Варшава, б/г. С. 214.
- 119 Там же. С. 215.
- 120 Грот К. Я. Рец. на кн.: А. Н. Ясинский. Падение земского строя... в чешском государстве (X–XIII вв.) СПб., 1899. 95 стр.
- 121 Подробно теоретические построения К. Я. Грота и А. Н. Ясинского рассмотрены в работе: Робинсон М. А. Основные идейно-научные направления... С. 151–246.
- 122 Грот К. Я. Рец. на кн.: А. Н. Ясинский. Падение земского строя... С. 6.
- 123 Ясинский А. Н. Падение земского строя... С. 1.
- 124 Там же.
- 125 См. об этом: Робинсон М. А. Основные идейно-научные направления... С. 220–224.
- 126 Ястребов Н. В. Рец. на кн.: Julius Lippert. Socialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. V. I. Prag, 1896 // ЖМНП. 1897. № 4. С. 510 и далее.
- 127 Ястребов Н. В. Лекции по истории западных славян (студенческие записи, просмотренные лектором). Изд. II-е (исправленное и дополненное). 1910/11 учебный год. Стр. 5 (второй пагинации).
- 128 Ясинский А. Н. Чешское свидетельство XIV в. о русском металлическом производстве // Сборник Учено-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1898. Т. I. С. 51–60.
- 129 Ясинский А. Н. Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря // Там же. С. 125–144. В настоящей статье использован отдельный оттиск работы А. Н. Ясинского со своей пагинацией.
- 130 Holl J. Čechy a Prusy ve středověku. Praha, 1897.
- 131 Ясинский А. Н. Содействие чехов успехам германизации... С. 7.
- 132 Там же. С. 10.
- 133 Там же.

- 134 Там же. С. 22.
- 135 *Krofta K. A. N. Jasinskij... S. 28.*
- 136 *Ясинский А. Н.* Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века (Основы социального строя чешского народа в эпоху господства обычного права). Юрьев, 1901. Т. 1.
- 137 Там же. С. 326–327.
- 138 *Флоринский Т. Д.* Рец. на кн.: А. Н. Ясинский. Очерки и исследования... // Сборник ОРЯС. СПб., 1903. Т. LXXV. № 8. С. 17–27. Отчет о присуждении Ломоносовских премий в 1901 году.
- 139 Там же. С. 27.
- 140 *Pekař J. K českým dějinám agrárním ve středověku. S. 326–363.*
- 141 *Krofta K. A. N. Jasinskij... S. 38–39.*
- 142 *Ясинский А. Н.* Основные черты развития права в Чехии XIII–XV вв. // Сборник Учено-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1902. Т. V. С. 23–61.
- 143 *Ясинский А. Н.* Введение немецкого права в селах Чехии в XIV в. // Сборник статей по истории права в честь профессора М. Ф. Владимирского-Буданова. Киев, 1903.
- 144 *Česky Časopis Historicky. 1904. S. 352.*
- 145 *Ясинский А. Н.* Присяга крестьян по чешскому средневековому праву (страница из истории крестьян в Чехии) // Сборник статей по славяноведению I под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1904. Отд. отд.
- 146 *Ясинский А. Н.* Характеристика средневековой немецкой колонизации на юге Чехии // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905.
- 147 *Ясинский А.* Феодализм в Чехии и Моравии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 70 (XXXVa). С. 545–547; *Ясинский А.* Чехия. История // Там же. СПб., 1903. Т. 76 (XXXVIIIa). С. 756–776.
- 148 *Krofta K. A. N. Jasinskij... S. 53–54.*
- 149 Йозеф Ладислав Пич (1847–1911) — археолог, профессор славянской и австрийской истории в Пражском университете. Как историк исследовал древний период славянской истории, в том числе и русского народа. Имел контакты с русскими учеными.
- 150 Яромир Челаковский (1846–1914) — историк права, профессор чешского университета в Праге, архивариус Архива города Праги, издатель ценных исторических источников о чешских городах в средневековье.
- 151 Йозеф Калоусек (1838–1915) — профессор чешской истории в Пражском университете. Автор работ по социальной истории и издатель хозяйственных инструкций и сельских уставов.
- 152 Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Украины. Ф. III. Т. Д. Флоринский. № 21672.
- 153 *Archiv Národního Musea v Praze. Fond J. Kalousek. Karton č. 7.*
- 154 *Ibid.*
- 155 *Ibid.* Письмо Й. Калоусека А. Ясинскому от 10/11 1898 г.
- 156 *Ibid.* Письмо Й. Калоусека Императорской академии наук в Санкт-Петербурге от 30 июня 1906.

- 157 Ibid. Письмо А. Ясинского Й. Калоусеку от 9/22 июня 1906 г.
- 158 Карел Кадлец (1865–1928) — крупнейший чешский историк славянского права.
- 159 Archiv Národního musea v Praze. Fond J. Kalousek. Karton č. 7. Письмо А. Ясинского Й. Калоусеку от 28/10 июня 1906 г.
- 160 Ibid. Pozůstalost A. Patery. Ruska korespondence. Письмо А. Ясинского А. Патере от 22 июня 1895 г.
- 161 Archiv České Akademie Věd. F. KČSN. Acta 1902 — протокол заседания Королевского Чешского общества наук от 8 января 1902 г. об избрании проф. Юрьевского университета А. Ясинского членом-корреспондентом КČSN; письмо Ясинского председателю Общества 31 января 1902 г. с извещением о получении диплома члена-корреспондента КČSN.
- 162 Ibid. F. ČAVU. Navrhů na volbu členů — предложение группы историков от 15 октября 1906 г. об избрании А. Н. Ясинского членом Чешской академии; Ibid.: Acta — письмо А. Н. Ясинского президенту чешской Академии наук от 15 сентября 1907 г. с благодарностью за избрание его членом чешской Академии наук; Ibid. F. ČAVU. Acta 1907 — протокол избрания А. Н. Ясинского членом академии 27 октября 1906 г. — «всеми 16-ю голосами».
- 163 Ibid. F. ČAVU. Acta 1695. Č. 907 — письмо секретариата Чехословацкой Академии наук в посольство Чехословацкой республики в Москве от 14 февраля 1935 г.; Там же: ответное письмо из Миссии Чехословацкой республики в Москве в адрес Чехословацкой Академии наук 26 июня 1935 г.
- 164 *Graus Fr.* Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské. I. Dějiny venkovského lidu od 10. stol. do první poloviny 13. stol. Praha, 1953.
- 165 Ibid. S. 29–30.
- 166 *Рубцов Б. Т.* Эволюция феодальной ренты...
- 167 *Рубцов Б. Т.* Исследования по аграрной истории Чехии...
- 168 *Рубцов Б. Т.* Эволюция феодальной ренты... С. 10.
- 169 Там же. С. 11.
- 170 Там же. С. 12.
- 171 Там же. С. 13.
- 172 Там же. С. 14.
- 173 Там же. С. 16.
- 174 Там же. С. 22.
- 175 Там же.
- 176 *Рубцов Б. Т.* Исследования по аграрной истории Чехии... С. 8.

И. Г. Воробьева, Н. В. Штыков
(Тверь, С.-Петербург)

**Славист К. Я. Грот
и исследователь Тверского края А. К. Жизневский
(по данным переписки)**

В июле 2008 г. исполнилось 155 лет со дня рождения выдающегося русского ученого Константина Яковлевича Грота (1853–1934). Являясь членом-корреспондентом Академии наук, Чешской академии наук и искусств, почетным членом Сербской королевской академии наук и Петербургского археологического института, действительным членом Петербургского отделения Славянского благотворительного общества и Русского географического общества, профессором Варшавского университета, он до конца своих дней активно занимался научной деятельностью и внес большой вклад в развитие отечественного славяноведения.

Рукописное наследие К. Я. Грота хорошо сохранилось, в его личном архиве имеются дневниковые записи, черновики, письма многих деятелей науки и культуры. Крестник императрицы, ученый-славист, историк литературы, действительный статский советник, кавалер, заведующий Архивом Императорского двора, он сам позаботился о подробном изложении научной и служебной автобиографии в своем «Curriculum Vitae», ибо — «что о тебе скажут другие, коли ты сам о себе сказать не можешь?» (*Козьма Прутков*)¹.

Аккуратность в хранении бумаг объяснима в том числе и семейной традицией. Его отец, академик Яков Карлович Грот (1812–1893), успешно занимался публикаторской деятельностью, издавал переписку императрицы Екатерины Великой, выпустил сочинения Г. Р. Державина с объяснительным комментарием, используя архив писателя, подготовил цикл статей, собранных в книге «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники»².

К. Я. Грот, как и его отец, занимался историей русской науки и культуры, в том числе славяноведением. Так, будучи избранным в Славянскую ученую комиссию при ОРЯС, он подготовил в 1927 г. исследование о жизни и деятельности русских славистов Николая Алексеевича (1825–1899) и Петра Алексеевича (1827–1886) Лавровских. Биографический очерк основывался не только на личных впечатлениях (его брат был женат на дочери Н. А. Лавровского), но и на документальном материале, который он тщательно разыскивал³. Братья Лавровские были родом из Тверской губернии⁴, отсюда же Гротам писал и еще один их знакомый — А. К. Жизневский.

Эта переписка показывает пути и формы общения представителей академической науки и провинциального краеведения, восприятие в русском

обществе идеи славянского единения, которой столь глубоко был предан славист К. Я. Грот.

Август Казимирович Жизневский (1819—1896) — один из основателей Тверского музея и первый председатель Тверской губернской ученой архивной комиссии (ТУАК). А. К. Жизневский — поляк, римско-католического вероисповедания, родился в Витебской губернии⁵. Окончив 2-е отделение философского факультета Московского университета, он с 1841 г. и до конца дней пребывал на государственной службе. В Тверскую губернию впервые был назначен в 1851 г., а с 1863 г. жил в Твери постоянно, находясь на службе в должности управляющего Казенной палатой и дослужившись до чина тайного советника.

Обратим внимание, что в центре научно-культурного сообщества Тверского региона во второй половине XIX в. оказался не тверитянин, не православный, не дворянин, не меценат и даже не этнический русский. Однако именно ему, Жизневскому, русскому государственному чиновнику и общественному деятелю, обладавшему замечательными организаторскими способностями, удалось превратить Тверской музей в один из лучших музеев российской провинции того времени, создать Тверскую губернскую ученую архивную комиссию, плодотворная работа которой получила общенациональное признание и поныне считается образцом научного краеведения.

Переписка А. К. Жизневского с разными учреждениями и лицами охватывает длительный период — с 1849 по 1896 г., насчитывая более сотни адресатов. Она в основном была систематизирована еще самим Жизневским, но в результате сложных послереволюционных событий документы оказались рассредоточены и отчасти утрачены. Часть сохранившихся материалов находится в Государственном архиве Тверской области (ГАТО. Ф. 103), часть — в Научном архиве Тверского государственного объединенного музея (НАТГОМ. Ф. 1, 6). В числе корреспондентов Жизневского — жители Твери, Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Казани, Новгорода и других городов. По роду профессиональной деятельности это были историки, музейные работники, археологи, этнографы, географы, архивисты, издатели журналов, учителя, духовенство, чиновники и военные.

Объемное дело составляет переписка А. К. Жизневского с семейством Гротов⁶. В этом деле, насчитывающем 147 листов, представлены письма и телеграммы, написанные с 1862 по 1896 г. Яковом Карловичем Гротом (1812—1893), его братом Константином Карловичем (1815—1897), женой Натальей Петровной (1824—1899), сыновьями Николаем (1852—1899) и Константином (1853—1934)⁷. Письма самого Жизневского находятся в личных фондах Гротов, в частности в ПФА РАН⁸.

Знакомство А. К. Жизневского с К. К. Гротом произошло в Самаре, где первый занимал в 1858—1862 гг. должность губернского прокурора, а вто-

рой был самарским губернатором в 1853—1860 гг. «Мы знакомы без малого 40 лет, сошлись в Самаре», — вспоминал Константин Карлович в письме от 25 марта 1892 г.

Их сотрудничество было очень деятельным и имело важные результаты для Твери. Так, К. К. Грот, будучи председателем Совета попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, привлек Жизневского в это общество. Занимался Жизневский сбором средств и в другие благотворительные организации, созданные К. К. Гротом⁹.

Членом Губернского присутствия по крестьянским делам в Самаре в то время был Ю. Ф. Самарин. После его кончины в марте 1876 г. Жизневский, потрясенный печальным событием (они были одногодки), тотчас же передал Я. К. Гроту копию очень интересного письма Самарина, написанного в феврале 1862 г.¹⁰, а позднее написал свои воспоминания о нем¹¹.

С академиком Я. К. Гротом Жизневский впервые встретился в Казани летом 1862 г., куда тот приезжал для собирания сведений, касающихся биографии Г. Р. Державина. «Я снабдил Я. К. тарантасом для поездки в с. Кармачи и Сокуры, где родился Державин», — вспоминал Жизневский¹². В том же году он отправил в Петербург посылки, за что Я. К. Грот благодарил его в письме: «...первая пополняет мою коллекцию портретов Державина, а последняя — библиографические указатели и сведения». Тогда же, при встрече, Жизневский предложил академику для прочтения рукопись. «Я. К. понравилась моя путевая записка: „20 дней моих вакаций“». Он отвез ее в редакцию Русского Вестника, но там признано невозможным напечатать ее, т. к. в ней заключались сцены только что упраздненного», — записал он в своих заметках.

В письмах Я. К. Грота 1870-х гг. к Жизневскому регулярно обсуждались вопросы этимологии и лексикографии русского языка, в Тверь отправлялись новые книги академика¹³. Так, в письме от 12 декабря 1870 г. Я. К. Грот писал: «Зная, как Вы интересуетесь филологией, полагаю, что Вам не безразличен будет изданный недавно Академией наук Белорусский словарь, который и позволю себе поднести Вам».

Жизневский, в свою очередь, высылал копии русских рукописей¹⁴ и надписей на камнях, сообщал диалектные слова, которые Я. К. Грот называл «словарный гостинец». Приложенные к письму слова академик предполагал передавать В. И. Далю, готовившему 2-е издание своего словаря. С ним Жизневский познакомился весной 1870 г. О «филологических занятиях» Жизневского Я. К. Грот сделал сообщение в заседании Академии наук (август–сентябрь 1869 г.)¹⁵. В одном из писем высказывалась надежда, что «Вы и при дальнейших своих занятиях не оставите продолжать лингвистические наблюдения и будете делиться ими с людьми профессии. Если бы было у нас побольше людей, подобных Вам по деятельной любознательности и любви к филологии, как быстры могли быть успехи науки!»

Заметим, что после смерти академика Жизневский писал в письме к его сыну в октябре 1893 г.: «Память о покойном Якове Карловиче будет при-суща мне, не потускнеет, чему может служить ручательством вошедшая у меня в привычку страсть подмечать слова, не вошедшие в Толковый словарь живого великорусского языка (В. И. Даля) и собирать для него. У меня и теперь находятся такие слова...»

Ценил интерес Жизневского к народному языку¹⁶, Я. К. Грот писал 27 июня 1870 г. из Рязанской губернии в Тверь: «Один из материалов, так радушно доставленных мне Вами для издания русской народной словесности, позволил я себе передать издателю песен, учителю Витебской гимназии Павлу Васильевичу Шейну, который достоин всякой поддержки, потому что он один из самых усердных и добровоспитанных собирателей. Два года тому назад он приезжал ко мне сюда в деревню, и я видел, как хорошо он вел свое дело. Часть его сборника уже напечатана в Московских чтениях. Нынешним летом он собирается в Москву и, вероятно, затем в Тверь, а в этом случае непременно явится к Вам». Далее в письме Я. К. Грот просит оказать ему содействие и «уделить что-нибудь из Ваших коллекций».

С началом деятельности ТУАК (с 1884 г.) Жизневский регулярно высылал академику ее издания, в частности свою публикацию о Ф. Н. Глинке¹⁷ и книгу стихов поэта с автографом. Пригодились академику и труды члена ТУАК В. И. Колосова. В письме от 2 октября 1888 г. он писал Жизневскому: «С большим интересом прочел в Русской старине статью о Пушкине в Тверской губернии. Воспользуюсь ею для своей „Хронологической канвы для биографии Пушкина“». Кстати, А. К. Жизневский собрал в 1871 г. значительную сумму денег на памятник А. С. Пушкину, за что Комитет выразил ему благодарность.

Жизневский по долгу службы бывал часто в столице, где навещал семью Гротов, познакомившись с Натальей Петровной Грот (урожденная Семенова). В нем Н. П. Грот нашла единомышленника и помощника в деле распространения серии книг для народных учителей. Она сама занималась переводами, отдельно изданы ее книги «Два маленьких носильщика», «Плоды благотворительности», «Бог в Природе» и «Свобода в жизни и государстве. Этюд по Чаннингу». Часть тиража отправлялась в Тверь, вырученные от продажи деньги Жизневский пересылал в Петербург. Н. П. Грот обсуждала с ним предположительное издание хрестоматии для народа: «Как человек, знакомый близко с практической жизнью, Вы бы могли очень содействовать разъяснению мысли о такой книжке».

В письмах Гроты сообщали о своих детях, об их успехах, проблемах, устройстве личной жизни, рождении внуков. Жизневский приглашал друзей посетить Тверь, познакомиться с Музеем. Семейству Гротов был подарен первый выпуск книги А. К. Жизневского «Описание Тверского музея. Археологический отдел». К. Я. Грот писал 17 сентября 1888 г.: «Опи-

сание Тверского музея» будет, очевидно, капитальным и роскошным изданием. Труд, — огромный и тщательный, — положенный на составление I тома, внушает глубокое к себе почтение и заслуживает искреннюю признательность всех специалистов и любителей». Тверской музей Я. К. Грот осмотрел с восхищением и академическим интересом летом 1884 г., бывали в Твери также Н. Я. и К. К. Гроты.

Переписка слависта Константина Яковлевича Грота с Жизневским начинается с 1880 г. Узнав о публикации первой, еще студенческой работы К. Я. Грота «Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах», Жизневский выказал интерес к ней и получил ее в подарок со словами в письме: «Я давно уже собирался засвидетельствовать мое глубочайшее к Вам уважение поднесением Вам моей книжки»¹⁸.

Из Твери тотчас же последовал ответ: «Отрадно было мне получить Ваше любезное, ласковое письмо и Вашу книгу, произведшую на меня самое приятное впечатление уже одним Вашим ее посвящением¹⁹. Последнее обстоятельство вызвало в моей душе утешительную картину Ваших семейных отношений, так благотворно влиявших на Ваше развитие. Позвольте выразиться яснее: ученые были и будут; но я верю, что из Вашей семьи должны были выйти люди высокочестных убеждений. Я приступил к чтению Вашей интересной книги, о которой могу сказать, что по ясности изложения она читается легко и с удовольствием».

В 1881 г. К. Я. Грот успешно защитил в Санкт-Петербургском университете магистерскую диссертацию, а ее публикацию отправил в Тверь Жизневскому. Тот писал в ответ 4 декабря 1881 г.: «Я встретил Ваш любезный подарок, книгу „Моравия и Мадьяры“²⁰, с невероятной радостью. Еще на рассвете Вашей жизни, имев счастье поближе узнать Ваших родителей, я не мог не предугадывать ожидающих Вас ясного, прекрасного утра и такого же дня. После этого понятна настоящая моя великая радость при виде осуществления моих ревностных ожиданий.

Несмотря на теперешний крайний мой недуг, я принялся с большим увлечением за чтение Вашей интересной книги. Каждое положение в ней мне показалось обставленным фактами и прямыми, неопровержимыми выводами. Нельзя, например, не согласиться с Вами, что нашествие Мадьяр спасло славян от неизбежной германизации. На стороне немцев было преобладание культуры и государственности. Подтверждение такому взгляду видим в значении владычества татар в России и Турок на Балканском полуострове. Ваше объяснение выселения Мадьяр из Восточной Европы вследствие давления на них с двух сторон напомнило мне теорию действия ледяных покровов на истечение твердых тел, придуманную для объяснения распространения валунов...

Виноват, в данную минуту я попал в роль сапожника, пекущего пироги. Почему, не дожидаясь окончания чтения Вашей занимательной книги,

спешу принести Вам мою глубокую благодарность за Ваше внимание, доставившее мне сердечную радость и наполнившее мою душу самыми горячими пожеланиями Вам всего лучшего». Как видно из процитированного письма, концепция К. Я. Грота вызывала полное доверие у Жизневского.

В ответ на столь высокую оценку книги К. Я. Грот писал 23 декабря 1881 г.: «Находясь под гнетом заботы о предстоящем диспуте и занятый подготовлением к нему, я не мог откликнуться на Ваше любезное письмо от 4 декабря. Теперь только, сбросив с себя тяжелую обузу, располагая вполне свободно своим временем и с легким сердцем я спешу сердечно поблагодарить Вас за Ваши теплые строки. Ваше столь доброе и сочувственное отношение к моим занятиям и слабым результатам меня глубоко тронуло. Особенно приятно мне было прочесть, что Вы, несмотря на многочисленные Ваши служебные занятия, успели уже познакомиться с моей книжицей. Я, конечно, не имел права рассчитывать на такое лестное для меня внимание».

Роль венгров как представителей финно-угорского мира занимала Жизневского: на территории Тверской губернии следы древнефинских поселений уже начали исследовать. В письме от 7 февраля 1884 г., получив от Грота новые издания, Жизневский писал: «Примите же мою сердечную благодарность за такую радость, а также за любезно присланные мне две ваши брошюры. Они расширили мои сведения относительно отреченной Литературы и Угров, оставивших, по мнению Европеуса, следы своего пребывания в Тверской губернии, на служение которой, как Вам известно, посвящаю все мои свободные минуты».

В июле 1886 г. он повторял в письме: «От души благодарю Вас за книгу. Она имеет для меня особый интерес и как Ваше мастерское критическое сочинение, и как задававшее немало интересующий меня вопрос, поднятый Европеусом²¹, о пребывании угров в Тверской губернии». В ответ 11 августа 1886 г. К. Я. Грот писал: «Вопрос о финских поселениях в северной и центральной России меня также очень интересует, но специально заняться им не позволяют мне мои главные занятия по славянству. Предстоящий, по газетным известиям, в будущем году археологический съезд в Ярославле, без сомнения, займется и этим вопросом. Полагаю, что этот съезд привлечет и Ваше внимание, так как не может не затронуть и Тверскую губернию. Не знаю, позволят ли мне обстоятельства побывать на этом съезде, — а очень бы хотелось. Это был бы удобный случай познакомиться и с интересной Тверью».

Как известно, докторская диссертация К. Я. Грота, защищенная в 1889 г., называлась «Из истории Угрии и славянства в XII в.»²². В ней автор впервые «путем подробного разбора и оценки внутренних событий и внешних отношений Угрии в XII в. к западному, главным образом германскому, миру, к Византии и славянству опровергает господствовавшее воззрение

на характер этого периода, так называемого „византийского влияния“ в истории Угрии и определяет его как эпоху сильнейшего отпора внешнему завоевательному натиску Византии и постепенной уступки влияниям западным: латинству, папству и германизму. Угрия приобретает в это время характер западно-славянской державы»²³. Этот труд К. Я. Грота в 1891 г. был удостоен Академией наук Уваровской премии.

В письмах К. Я. Грот делился с Жизневским своими научными планами. В декабре 1881 г. он сообщал в Тверь: «Теперь думаю готовиться к заграничной командировке, которую посулили уже давно и о которой уже последовало представление в министерство. А так, если дело устроится, весной с Божьей помощью укачу в Австрию, к братьям славянам. Тяжело и грустно будет расставаться со своими и с родным гнездом, но рано или поздно это неизбежно, а потому надо помириться с этим. К тому же мой брат (с семьей) теперь уже за границей, так что можно будет повидаться с ним, и первое время будешь себя чувствовать на чужбине не совсем одиноким».

До заграничной командировки К. Я. Грот побывал в Москве, о чем Жизневскому в марте 1882 г. писал его отец: «Мой Константин почтительно благодарит Вас за память: он еще здесь и уедет, вероятно, не ранее второй половины апреля. Недавно он ездил недели на две в Москву, чтобы там ознакомиться с некоторыми рукописями и побеседовать с кем-то из специалистов по своей части». Свои впечатления о встрече с московскими учеными А. А. Майковым, Н. А. Поповым, А. Е. Викторовым, А. С. Павловым, Вс. Ф. Миллером, Д. И. Иловайским К. Я. Грот записал в книжке, сохранившейся в его личном фонде²⁴.

Обратим внимание, что в числе новых знакомых К. Я. Грота оказался Н. А. Попов, профессор Московского университета и с 1885 г. управляющий Московским архивом Министерства юстиции. Как тверской уроженец Н. А. Попов регулярно консультировал Жизневского²⁵. Об этом сообщалось и в письме тверского историка К. Я. Гроту уже в Варшаву 26 марта 1889 г.: «В Москве мне показывали список с грамоты турецкого султана к польскому Королю... справлялся в Главном Архиве Министерства Иностранных Дел, но никто не мог мне объяснить, действительно ли могла быть подобная грамота, или же это — сочинение русское, своего рода апокриф. К этому мнению склоняется Нил Александрович Попов, что правдоподобно, так как Польша была в таком положении, что сама не могла справиться с Запорожцами. Но, прежде чем решиться принять мнение Н. А. Попова, я решил обратиться к Вам с покорною просьбою, не могут ли польские историки помочь в этом деле, извиняясь вперед, что во зло употребляю Ваше любезное внимание к моим просьбам». Полученный от Грота ответ (его нет в архиве) Жизневского удовлетворил, и 3 мая 1889 г. он писал: «Приношу Вам сердечную мою благодарность за новую боль-

шую услугу, оказанную Вами мне и Тверской Архивной Комиссии. Ваше заключение об апокрифическом характере грамоты, список с которой был у Вас, или, правильнее, об апокрифе самого списка, согласуется с мнением профессора Нила Александровича Попова. Но я не могу остановиться на этом мнении, не прибегнув к Вашему, всегда обязательному содействию».

В 1882 г. К. Я. Грот, как сказано в его автобиографии²⁶, получил учебную командировку в славянские земли и провел большую часть года в Праге, Вене и Будапеште, занимаясь изучением исторических памятников, а также вспомогательными науками. В том же году он посетил Новый Сад, Белград, Загреб, Триест и Любляну, где работал в местных архивах и библиотеках. Предположение провести второй год за границей у южных славян не удалось осуществить, так как весной 1883 г. Константин Яковлевич получил одновременно два приглашения занять славянскую кафедру: от Новороссийского университета (через посредство проф. А. А. Кочубинского) и от Варшавского (через проф. А. С. Будиловича), где тогда освободилась кафедра со смертью В. В. Макушева. По многим соображениям (особенно ввиду большей близости к Петербургу и к границе) Грот предпочел Варшаву и в том же 1883 г. был утвержден экстраординарным профессором.

Я. К. Грот писал Жизневскому о делах сыновей летом 1883 г., что старший сын Николай переселился в Одессу «для занятий кафедры при тамошнем университете», а второй сын «готовится в августе месяце занять в Варшаве кафедру после покойного Макушева».

В феврале 1884 г. Жизневский получил от К. Я. Грота письмо из Варшавы. В нем славист сообщал о педагогической деятельности и научных занятиях: «Начинаю привыкать и к новым своим на первых порах нелегким обязанностям. В нынешнем году занят преимущественно лекциями и лишь от времени отвлекаюсь в стороны для удовлетворения некоторых журналов, которым обещал статьи. Засесть за что-нибудь капитальное и большее еще не имею возможности. Варшава представляет удобный пункт для занятий славянством, особенно благодаря сравнительной легкости сношений со славянскими землями, по крайней мере, западными, да отчасти и южными. Кстати, по поводу славянства: зная, что Вы интересуетесь им, я позволю себе обратить Ваше внимание на новое небольшое (и оч[ень] дешевое) ежемесячное издание, в котором я сам принимаю некоторое участие. Это — „Известия Славян[ского] благотв[орительного] общества“ в Петербурге, которых цель — распространение сведений о славянстве, его соврем[енной] общественной и литературной жизни etc. Пока — и самые размеры издания, и задача — скромные, но надо надеяться, что оно разовьется постепенно и будет иметь успех. Кажется, уже теперь многие отнеслись к нему сочувственно, не в одних столицах, но и в провинции. А это последнее особенно важно и желательно».

Значимо для истории славяноведения письмо из Варшавы от 13 февраля 1887 г. Прочитируем его почти полностью: «Милостивый государь Август Казимирович, право, Вы так балуете меня Вашим ценным подарком и Вашим еще более ценным сердечным вниманием и добротой, что я чувствую себя смущенным в сознании, что не заслужил всего этого и что Вы меня слишком щедро оплачиваете за мои маловажные безделки...

Примите мою искреннейшую душевную благодарность за все, Вами присланное, представляющее для меня, конечно, большой интерес, хоть я, к сожалению, и не могу причислить себя к изыскателям и знатокам русских древностей и археологии. Эта область представлялась мне всегда особенно привлекательною, и я бываю всегда чрезвычайно доволен, когда мои специальные работы случайно дают мне возможность или повод затронуть тот или другой вопрос русской истории и вообще прошлого русской земли. А вместе с тем, увы! нельзя не признать, к крайнему прискорбию, что как будто какой-то злой рок преследует эту важную отрасль русской науки и работников в ней, т. е. ученых специалистов не только не прибавляется, но с удалением со сцены стариков — остается безотрадная пустота.

Университетские кафедры русской истории едва кое-как замещены, и даже столичные университеты имеют лишь по одному представителю. Молодых сил совсем почти нет; по такому капитальному предмету нет приват-доцентов. Эту скудость сил недавно испытали и мы, когда, лишившись нашего даровитого профессора и крупного ученого А. И. Никитского († в ноябре), которого надо было заменить достойным преемником. Просто не за кого взяться... и пришлось пригласить магистра духовной академии (еще не имеющего университетской степени) некоего Цветаева, брата московского профессора. Впрочем, и Университет наш теперь — пока не будет принят к нему новый устав, является обездоленным — сравнительно с другими русскими университетами — особенно относительно материального положения преподавателей, а поэтому и с этой стороны привлечение в него солидных ученых сил из других университетов оказывается весьма затруднительным.

С назначением нового министра финансов надежда наша на проведение проектированного Устава опять воскресла, но чем все дело кончится, еще трудно сказать... Если дело не выгорит, то нашему Университету предстоит решительно разгром: все кто только может — разбегаются отсюда, ибо всякий, естественно, стремится обставить себя лучше».

О жизни Варшавского университета рассказывалось и в письме от 2 января 1892 г.: «Университет наш понес тяжелую потерю в лице умершего внезапно 21 декабря И. И. Первольфа — выдающегося слависта и славянского деятеля, прекрасного профессора и доброго товарища. Это случилось без меня, и смерть эта меня очень поразила и огорчила. Это был мой ближайший товарищ и близкий человек. Так не прочно все земное и, пре-

жде всего, жизнь человеческая!» И. И. Первольф (1841–1891), чех, приглашенный ректором Варшавского университета П. А. Лавровским, с 1877 г. был на должности ординарного профессора кафедры славянской филологии. Издание его большого труда «Славяне, их взаимные отношения и связи», в котором предпринималась попытка доказать существование «славянской взаимности» с древнейших времен и до нового времени, было завершено в 1893 г. под редакцией К. Я. Грота. В варшавских университетских изданиях К. Я. Грот опубликовал список трудов И. И. Первольфа.

Заслуживают внимания письма А. К. Жизневского с сообщением о новых археологических находках. Так, в письме 8 февраля 1887 г. к К. Я. Гроту написано: «Я позволил себе послать Вам четыре экземпляра фотографий из моего альбома Тверской старины, касающейся несколько близкого Вам предмета русской палеографии. Памятник с надписью „Степан“ и с изображением трех четырехугольников, по всему вероятно, должен быть отнесен к норманнскому периоду, хотя подобные изображения встречаются и на мегалитических сооружениях. Значение этого памятника увеличилось по случаю открытия в прошлом году в Тверском уезде другого памятника, тоже с тремя четырехугольниками, ныне поступившего в музей. Впрочем, для уяснения как этого памятника, так и каменного Стерженского Креста прилагаю маленькую брошюру. К посылке я присоединил кальку с грамоты, отчетливо исполненную одною образованною монахиною, к сожалению, покойною». В ответном письме от 10 апреля 1888 г. из Варшавы К. Я. Грот, поблагодарив Жизневского за присланные отчеты и брошюры ТУАК, писал: «К тому же все мы, люди книги и науки, немножко библиоманы, и потому при получении всякой новой книжки, а тем более интересной и близкой к изучаемой области, сердце радостно и благородно бьется».

В апреле 1888 г. А. К. Жизневский изложил К. Я. Гроту как слависту новость ТУАК: «В последнем заседании нашей Архивной Комиссии был читан доклад о вновь открытой в Твери рукописи Юрия Крижанича под заглавием „Обіясненіе Выводно о писме Словенском“. Оно помечено в конце: 8 августа 1661 года. Доклад об этой рукописи я представил на усмотрение Якову Карловичу как уставщику и законодателю новейшего нашего правописания». К. Я. Грот вскоре ответил: «Порадовало меня очень как слависта и известие об открытии у Вас рукописи Крижанича. Вопрос о нем — один из любопытнейших в истории общеславянского сознания и взаимности». Академик Я. К. Грот принял активнейшее участие в публикации в «Журнале Министерства народного просвещения» доклада об этой уникальной находке, прочитанного тверским учителем В. И. Колосовым, чем содействовал введению рукописи в науку²⁷.

Не будучи профессиональным историком, А. К. Жизневский, целенаправленно и педантично занимаясь «разысканием и собиранием памятников местной старины», а также хранением, обработкой и популяризацией

материалов по истории Тверского края, постоянно нуждался в научных консультациях специалистов. Так, в письме 2 ноября 1888 г. к К. Я. Гроту читаем: «Многоуважаемый Константин Яковлевич, в нынешнем году я приобрел для Тверского музея фотографический снимок с портрета последнего великого князя Тверского, хранившегося в Несвижском замке князей Радзивиллов. По поводу этого портрета составлена мною заметка, читанная мною в Тверской Архивной Комиссии. Для большей полноты сведений, собранных мною о последнем тверском князе, желательно было бы извлечь из генеалогии и родословного древа князей Радзивиллов сведения — был ли кто из них и кто именно женат на дочери Тверского в. князя Михаила Борисовича и как звали эту княжну?»

Профессор Соловьев в Истории России упоминает только, что в Несвижском замке показывают портрет молодой женщины в русском платье, и что предание говорит, что это дочь изгнанного князя Тверского.

Независимо от сделанных мною по сему предмету сношений о разыскании помянутых сведений в Императорской публичной библиотеке и в Несвижском замке, позволяю себе обратиться к Вам с покорной просьбою, не представится ли возможность найти в Варшавских библиотеках такие сведения, при том условии, чтобы это не было сопряжено с какими-либо затруднениями».

К. Я. Грот приступил к ответу, о чем свидетельствует карандашная запись на обороте письма: «Мих. Бор. Тверской — в 1485 г. бежал в Литву», но работу не завершил. Вскоре Жизневский писал: «Константин Яковлевич, спешу извиниться, что Вас затруднил своею просьбою, которая уже разрешена прилагаемою справкою, доставленною мне Вл. Вас. Стасовым. К сожалению, получен мною отрицательный ответ, который посылаю Вам, чтобы избавить Вас от напрасных поисков». В письме прилагалась копия замечаний В. В. Стасова.

К. Я. Грот написал свои соображения, но, к сожалению, нам не известные. На них Жизневский ответил: «Искренно благодарю Вас за сообщенные, хоть и отрицательные сведения о дочери последнего Тверского великого князя. Ваши сведения вполне сходятся с такими же, помещенными в письме Вл. Вас. Стасова, сообщаемыми Вам в конце, при моем письме от 10 ноября. Тем не менее, по Вашему совету, я обратился в Виленскую Археографическую Комиссию с просьбою извлечь сведения, как в документах, касающихся самих Радзивиллов, о дочерях В. князя Тверского, так и в книгах о пожаловании польскими королями поместий, о переходе поместий, о пожаловании Тверскому князю и другим князьям».

В другом письме к К. Я. Гроту отмечена его помощь: «На днях отправлены мною некоторые труды Тверской Ученой Архивной Комиссии, в том числе моя брошюра о портрете Тверского великого Князя Михаила Борисовича, в составлении которой и Вы содействовали». В ответном письме от

28 марта 1889 г. из Варшавы написано: «Душевно благодарю Вас за новую присылку — последние издания Твер. ученой арх. к., из которых особенное внимание мое привлекла брошюра „Портрет Тверского великого князя Михаила Борисовича“. Мне также кажется, что заключение Стасова по этому вопросу слишком поспешно. Быть может, еще поиск в Несвижском замке и увенчается каким-то успехом. От души этого желаю». Поиски ничем не увенчались. Ныне портрет находится в Минске, в Национальной галерее Беларуси, но искусствоведы так и не пришли к согласию, кто же изображен на нем.

В мае 1893 г. скончался Я. К. Грот. Этот факт оказал решающее влияние на всю ученую карьеру Константина Яковлевича. Произошли изменения в его научной деятельности и в предмете ученых трудов и интересов. Он приступает к разработке и обнародованию ученого наследия и важнейших материалов из архива отца. Осенью 1894 г. для разбора и подготовки к изданию трудов, бумаг и переписки Я. К. Грота его сыну была дана годичная командировка в Петербург. Оттуда он продолжал писать в Тверь: «Глубокоуважаемый Август Каземирович, душевно благодарю Вас как за присылку Ваших изданий, так и за Ваши сердечные строки, которые меня глубоко тронули. В высшей степени отрадно сознавать, что есть люди, которые умели так ценить и любить моего покойного несравненного отца, которым так дорога память о нем... Действительно, такое отношение к его кончине и к постигшему нас великому горю, какое проявили Вы в строках к матушке и ко мне, в состоянии оказать утешающее и примиряющее действие на потрясенную душу. Неожиданность, с которой все свершилось, придало нашей семейной скорби еще больше остроты и безутешности.

Отдаленность наша (т. е. сыновей) от Петербурга оказалась роковой: нам не дано было застать в живых отца и сказать ему последнее прости. Это — невыразимо больно!

Признаюсь, частенько мысль о такой возможности меня мучила, но я старался утешить себя надеждами... Я мечтал до конца — вернуться в Петербург окончательно — еще во время, чтобы провести последние годы жизни отца — рядом с ним — ему помогать в трудах его... и вот этому не суждено было сбыться! Такова воля Божья!

Я уже не говорю о потере для русской науки, особенно жаль словарь. Что-то будет с ним? Последний (3-й) подготовленный выпуск (буква Д) будет довершен и выйдет к концу года. Но что дальше? Кажется, ничего еще не известно, ибо академии чрезвычайно трудно найти продолжателя... Мы с матушкой мечтаем приступить возможно скорее к собиранию и разработке материалов для биографии отца. Наденюсь, что добрые его знакомые и друзья, в том числе и Вы, — не откажут нам в сообщении имеющихся в их руках материалов, например, переписки и тому подобное. Позвольте рассчитывать на Ваше сочувственное содействие.

Мне летом привелось прочитать письма отца к сестре моей — и, начиная с 1862 г., и в письмах с Волги, если не ошибаюсь, из Казани, именно за тот год я встретил и Ваше имя в числе лиц, с которыми отцу довелось там сойтись и которые оказали ему внимание и содействие в его делах, Вы знали его более 30 лет!» В ответ Жизневский писал: «30 лет дорогого ко мне внимания и благотворного на меня влияния незабвенного Якова Карловича, кроме постоянной сердечной признательной о нем памяти, — образовалась для меня душевная потребность поддерживать общение с Вами».

Переписка с Тверью продолжалась, в апреле 1895 г. К. Я. Грот писал: «Глубокоуважаемый Август Каземирович, я глубоко тронут Вашим вниманием и дружеским расположением, которым я всего более обязан Вашему отношению к памяти моего незабвенного отца.

Я чувствую себя виноватым перед Вами, как и перед многими, запустив в нынешнем году свою корреспонденцию и сношения. Причина этого — большая работа, которая меня всецело поглотила и заняла все мое время. Как Вам известно, это разбор и подготовка к изданию сочинений и переписки отца. Теперь печатается переписка с Плетневым (40-х годов), и первый том выйдет осенью. Скоро выйдет книжка с некоторыми автобиографическими и биографическими материалами (также стихи и etc.) Корректуры меня одолели. В начале июня, может, перееду в деревню, куда раньше отправляются мои и Наталья Петровна, но и там буду продолжать печатание».

В ноябре 1895 г. первый том переписки Я. К. Грота с П. А. Плетневым был отправлен в Тверь, а в предновогоднем письме К. Я. Грота от 30 декабря 1895 г. читаем: «Благодарю за теплые строки по поводу получения первого тома переписки Якова Карловича с Плетневым, а также за присылку Ваших полезных изданий. Я занят печатанием II тома, выйдет до весны, а последний III не ранее осени, когда истекает и время моей командировки, и я вернусь на свой пост в Варшаву».

Последнее письмо к Гроту Жизневский написал 1 января 1896 г. Поздравив с новогодними праздниками, Жизневский сообщал: «В декабре любезно я был обрадован милым, дорогим письмом из Пензы, от Константина Карловича, а также любезным приветом Вашей сестры, гостившей у него. На святки приезжал ко мне М. Н. Сперанский, назначенный Экстраординарным профессором в Нежин. Он занимается рукописями Тверского Музея для приготовления к печати 2-го выпуска Описания рукописей этого музея.

Еще раз желаю Вам полного успеха в завершении порученного Вам симпатичного дела. Душевно Вам преданный А. Жизневский».

А. К. Жизневский скончался 19 марта 1896 г., К. Я. Грот умер в Ленинграде 29 сентября 1934 г.

Переписка К. Я. Грота с А. К. Жизневским показывает, как формировались и расширялись научные связи профессионалов с государственным чиновником, ставшим по воле случая руководителем ТУАК. Жизневскому пришлось приобретать необходимые знания, участвуя в работе археологических съездов (он был избран членом Московского археологического общества), получать письменные консультации от академиков и профессоров, сотрудников государственных архивов, музейных работников и коллекционеров. Его научные связи постоянно расширялись и поддерживались. Чем мог заинтересовать профессионалов этот дилетант-провинциал?

С семьей Гротов его связывали служебные обязанности, научные интересы и человеческая симпатия. Поздравления с семейными торжествами, праздниками, искреннее внимание к житейским радостям и проблемам, увлеченное обсуждение научных занятий — все это показывает взаимное расположение корреспондентов. Я. К. Грот обращался к А. К. Жизневскому со словами: «Примите, высокоуважаемый друг (ибо как иначе называть человека, столь искренно и постоянно к нам расположенного), нашу извечную благодарность за Ваши ласки, за Ваше всегдашнее внимание к нашим трудам».

Жизневский аккуратно выполнял все просьбы Гротов и рассчитывал на понимание, он не просто приобретал доброе отношение к себе, но и получал новых помощников в деле собирания и изучения Тверского края. Его любознательность, организаторские способности, стремление сохранить памятники истории не могли не вызвать сочувственного, одобрительного отношения семьи Гротов. Детище А. К. Жизневского — музей — стал важнейшей достопримечательностью города Твери, куда с гордостью приглашали столичных и иностранных гостей. Я. К. Грот высоко ценил старания Жизневского в сбережении древностей: «Это прекрасное дело, за которое Вам будет обязано потомство, и примеру Вашему должны бы следовать во всех местностях России, но жаль, что таких просвещенных деятелей, как Вы, у нас мало».

С помощью академической семьи Гротов у Жизневского расширился круг знакомств, ему удалось представить издания ТУАК перед профессурой российской столицы, Варшавы, Нежина, он получал книжные новинки и библиографические справки, узнавал последние политические новости и реакцию на них в обществе. Несомненно, даже в конце XIX в. письма в провинцию оставались первостепенным источником научной информации. Совершенно очевидно, что в процессе формирования и эволюции провинциального научно-культурного сообщества Тверской губернии участвовала, наряду с жившими в Твери и губернии деятелями, также и столичная ученая элита России.

От общения А. К. Жизневского с семьей Гротов остался реальный результат — коллекция книг, сохраненная тверскими библиотекарями и востребо-

ванная современными молодыми историками и филологами Тверского государственного университета, и письма, рассказывающие о напряженной и содержательной научной и культурной жизни в России во второй половине XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. публикацию этого документа правнуком К. Я. Грота: *Федоров Е.* Константин Яковлевич Грот и родоведение: К 150-летию юбилею // <http://www.ostrov.ca/grot>.
- 2 См.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г–К. С. 48–49.
- 3 О поиске архива Лавровских К. Я. Гротом см.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 287.
- 4 См.: *Макарова Е. А.* Слависты Лавровские — уроженцы села Выдропужск. Тверь, 2006.
- 5 Не имея метрических данных и опираясь только на сведения формулярного списка, годом рождения А. К. Жизневского принято считать 1819-й.
- 6 ГАТО. Ф. 103. Д. 579. 147 л. В статье цитируются письма из этого дела.
- 7 Письма в деле сшиты без учета хронологии, имеется несколько коротких писем неустановленного лица за 1870–1875 гг.
- 8 ПФА РАН. Ф. 281. Оп. 2. Д. 160. 50 л. В статье цитируются письма из этого дела.
- 9 В последнее время, судя по интернетовским ссылкам, появилось много публикаций о деятельности К. К. Грота.
- 10 В ответ 6 апреля 1876 г. Я. К. Грот писал: «Драгоценные строки о Самарине я прочел в кругу родных, между которыми был и брат мой» Затем спрашивал: «Два человека собирались писать биографию Самарина: здесь профессор А. Д. Градовский, а в Москве — И. С. Аксаков, которому из них Вы передаете копию с записки Ю. Ф. вместе с объяснением к ней?»
- 11 См. воспоминания А. К. Жизневского о Ю. Ф. Самарине, названные «Государственный деятель, достояние истории», и текст письма: Научный архив Тверского государственного объединенного музея (НАТГОМ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 и сл. Я. К. Грот в апреле 1876 г. переслал для распространения в Твери 10 экз. издания «В память Юрия Самарина. Речи, произнесенные в Петербурге и Москве по поводу его кончины». Экземпляр издания со штампом ТУАК имеется в Научной библиотеке Тверского государственного университета.
- 12 Дополнение к статье «По поводу 25-летнего управления д. с. с. А. К. Жизневского Тверскою Казенною Палатою» // НАТГОМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 78.
- 13 В Отделе редких книг Научной библиотеки ТвГУ имеются три книги Я. К. Грота с дарственными надписями А. К. Жизневскому. На издании «Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам» сделана памятная надпись: «Августу Казимировичу Жизневскому в знак старинного глубокого уважения от автора. 25 октября 1880 г.»
- 14 В мае 1879 г. фотографические снимки с рукописей, сделанные Жизневским, были переданы академику-слависту И. И. Срезневскому.

- 15 См.: Записки АН. СПб., 1870. Т. XVI. Кн. 2. С. 185–190.
- 16 Заметим, что Я. К. Грот, как автор многих учебников по русскому языку, настороженно относился к живой речи. Так, в письме от 16 декабря 1884 г. он писал: «Я слышу часто: из Твери: это неверно; подобное ударение правильно только в предложном падеже, как в нарицательных именах: в крови, в тени; но нельзя говорить: из крови, от тени вместо из крови, от тени. Припоминаете у Пушкина: шли от Пёрми до Тавриды». Сам он писал: «Мне с самого приезда из Твёри...»
- 17 *Жизневский А. К.* Ф. Н. Глинка. Тверь, 1890. Об этой брошюре К. Я. Грот писал: «С живейшим интересом прочел тотчас же Ваш очерк жизни и трудов Ф. Н. Глинки. Дай Бог Вам сил и здоровья для неутомимой Вашей деятельности, да и в долготе дней превзойти Глинку». Она ему пригодилась в дальнейшей работе. См.: Грот К. Я. Н. М. Карамзин и Ф. Н. Глинка (Материалы к биографиям русских писателей) // Известия ОРЯС. 1903. Т. VIII. Кн. 2.
- 18 Экземпляр монографии К. Я. Грота, хранящийся в ОРК Научной библиотеки ТвГУ, имеет надпись «Августу Казимировичу Жизневскому в знак искреннего и глубокого уважения от автора».
- 19 Книга имела посвящение: «Дорогим родителям посвящает свой первый труд глубокопризнательный автор», что не могло не порадовать Жизневского.
- 20 Экземпляр книги К. Я. Грота «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века» (СПб., 1881) имеет автограф автора: «Августу Казимировичу Жизневскому от искренно уважающего его автора».
- 21 Финский исследователь Д. Европеус опубликовал в русских изданиях несколько статей об этническом составе населения России до прихода славян, высказав несколько версий происхождения названий селений и рек. См., в частности, его статью: *Европеус Д. П.* О курганных раскопках около погоста Бежецы, в Бежецком уезде Тверской губернии // ЖМНП. 1872. № 12. С. 376–387.
- 22 См. оценку этого исследования: *Робинсон М. А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX — начала XX в. (В. И. Ламанский, П. А. Кулаковский, К. Я. Грот) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1986. С. 91–111; *Лантвева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 692 и др.
- 23 Так представлял свое исследование сам ученый. См.: <http://www.ostrov.ca/grot>.
- 24 См.: ПФА РАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 96.
- 25 Об этом см.: *Воробьева И. Г.* Письма А. К. Жизневского к Н. А. Попову // Музею — 125 лет (1866–1991): Материалы юбилейной конференции. Тверь, 1992. С. 20–24.
- 26 См.: ПФА РАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 139. Л. 14–19 об. Впервые опубликована на сайте <http://www.ostrov.ca/grot>.
- 27 Об истории публикации рукописи см.: Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. Тверь, 2008.

Е. А. Макарова
(Тверь)

«Третье поколение» российских славистов в Славянской комиссии Московского университета

В истории отечественного славяноведения отчетливо просматриваются несколько этапов. Основой для их выделения являются как перемены в общественно-политической ситуации в России и в Европе, влияющие на развитие славяноведения, сложившийся научный и общественный взгляд на славянство, так и внутренние закономерности развития самой науки — главные методологические подходы к истории и культуре славянских народов, преобладающая тематика исследований, основные научные школы и направления, дискуссионные проблемы, стоящие в центре внимания ученого сообщества, крупные научные центры и их вклад в развитие науки. Для каждого периода в развитии отечественного славяноведения был характерен и свой ряд ученых, своего рода «научное поколение».

Традиционно «первым поколением» отечественных ученых-славистов считаются первые славяноведы-профессионалы, возглавившие в 40-е гг. XIX в. кафедры истории и литературы славянских наречий в российских университетах — О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, П. И. Прейс, В. И. Григорович. Они подготовили круг своих научных и педагогических преемников, составивших «второе поколение» славистов, поднявших отечественное славяноведение на новые высоты. В. И. Ламанский, Т. Д. Флоринский, А. Л. Дювернуа, Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов и другие ввели в начале XX в. в научный мир своих учеников — Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинского, В. А. Погорелова, В. М. Истрина и других, которых можно назвать «третьим поколением» российских славяноведов.

Судьба этого круга ученых сложилась трагически, на годы их научной зрелости пришлись Первая мировая и Гражданская войны, когда российская наука резко замедлила свое развитие — переезжали вузы, закрывались научные общества, замирали исследования и публикации. Опустошили ряды отечественных славистов эмиграция, аресты, репрессии, реформы учебных и научных учреждений. Да и сама наука, стоявшая на внеклассовых принципах славянской общности, оказалась в 30-е гг. XX в. под жесточайшим цензурным давлением и почти замерла в своем развитии. В итоге молодые ученые, вступившие на научный путь в начале XX в., в значительной степени не смогли реализовать себя.

Судьба «третьего поколения» славистов оказалось утраченной и в истории отечественной науки. Работы, посвященные изучению состояния послереволюционной отечественной гуманитарной науки и ее развития в

первые советские десятилетия, были достаточно редки и носили преимущественно обзорный характер. Как правило, в этих трудах констатировались успехи в изучении отдельных тем, подчеркивались достижения советской науки, которые являлись продолжением общих «успехов советского строя» и укладывались в жесткие рамки марксистского подхода. Из поля зрения выпадали целые периоды, проблемы, история многих научных учреждений, конкретные судьбы ученых.

Особенно заметно такой подход проявился при характеристике развития отечественного славяноведения в 20–30-е гг. XX в. Это не удивительно, воссоздать реальную картину существования науки в этот период долгое время было невозможно по целому ряду причин. В советские годы из-за жесткого государственно-идеологического контроля нельзя было сказать правду об этом тяжелом этапе в истории науки, когда были уничтожены многие достижения дореволюционного времени, разрушены научные центры, уничтожены кадры специалистов. Кроме того, были закрыты или совсем утрачены многие документы, как личного, так и официального происхождения, и недостаточная источниковая база не позволяла исследователям обеспечить полноценное и объективное изучение судеб отдельных деятелей науки, научных и учебных центров, а в итоге — и общего состояния отечественного славяноведения.

В постсоветские годы в исследованиях наметилась еще одна тенденция, в рамках которой многие историографы поспешили оценить советский, и особенно послереволюционный период, как полный «провал», даже регресс, в истории развития отечественной гуманитарной науки.

Современная наука не может удовлетворяться подобными, во многом декларативными, подходами, поэтому крайне важно воссоздать объективную картину истории науки на всех ее этапах, опираясь на принципы объективности и историзма.

Положительным моментом является то, что в последнее время появился ряд работ, которые начали заполнять существующую лакуну. Заметным вкладом в изучение состояния отечественной науки в 20–30-е гг. XX в. стали исследования специалистов Института славяноведения РАН, которые стали выходить с конца 80-х гг. XX в.¹, однако и сейчас говорить об удовлетворительном уровне изученности развития истории славяноведения XX в. вряд ли возможно.

Одной из насущных задач является выявление и введение в научный оборот новых источников. Несомненный интерес представляют источники о научном пути «третьего поколения» отечественных славистов, поскольку эта тема и недостаточно изучена, и скудно обеспечена источниковой базой — личные фонды ученых плохо сохранились, рассеяны по многим хранилищам. С этой точки зрения представляют интерес материалы о деятельности Славянской комиссии Императорского Московского Археологического обще-

ства при Московском университете, членами которой являлись многие молодые слависты.

Заметной чертой отечественной науки конца XIX — начала XX в. были научные общества, число которых было весьма велико, лишь научно-исторических обществ специалисты насчитывают около сотни. Научное общение, обмен мнениями, живые дискуссии, встречи с коллегами являлись одним из залогов полноценной научной жизни. Активными участниками многих научных обществ были начинающие ученые, зачастую именно здесь, в стенах «ученых собраний» молодые исследователи приобретали свои первые опыты публичных выступлений, вступали в дискуссии, отстаивая положения будущих диссертаций, получали возможность неформального общения со «столпами науки». Подобным центром была Славянская комиссия, ее вклад в развитие отечественного славяноведения рассмотрен в ряде обобщающих и специальных работ².

Решение о создании Славянской комиссии было принято в марте 1892 г. по инициативе 12 членов Императорского Московского Археологического общества, среди которых были видные фигуры, профессора Московского университета В. Ф. Миллер, В. И. Герье, Д. Я. Самоквасов и другие. Председателем комиссии был единогласно избран крупный славист, специалист по истории славянских литератур, профессор Московского университета Матвей Иванович Соколов (1854–1906). По признанию коллег и исследователей, во многом благодаря его подвижническому труду на посту руководителя Славянской комиссии, которую он возглавлял до самой своей смерти, ее деятельность была столь успешной. Следующим председателем Славянской комиссии стал академик Е. Ф. Корш. Комиссия работала до 1915 г., свидетельств о ее работе в более позднее время обнаружить не удалось, скорее всего, она разделила участь многих научных сообществ, прекративших свою деятельность после начала Первой мировой войны.

Славянская комиссия Московского университета смогла объединить значительные научные силы. Главным образом, это были отечественные слависты, профессора Московского университета, преподаватели Московской Духовной академии, сотрудники Исторического музея, других научных центров. На заседания комиссии, где обсуждались доклады, посвященные по преимуществу истории славянских литератур, приглашались ученые, приезжавшие в Москву, политики, деятели науки из славянских стран. Комиссией также велась значительная работа по сбору рукописей, книг и других материалов по славяноведению. Увидели свет пять томов «Древностей»³ — трудов Славянской комиссии. Каждый том «Древностей» представляет собой фундаментальное издание большого формата, он включает научные труды членов комиссии, публикации источников, исследования, протоколы заседаний и приложения к протоколам в виде таблиц, текстов, фотографий, некрологов и т. п.

В «Правилах Славянской комиссии» отмечалось, что председатель имеет право приглашать на заседания не только членов Археологического общества, но и всех желающих⁴. Буквально с первого заседания здесь присутствуют начинающие ученые, магистранты, даже студенты Московского университета. В протоколах Славянской комиссии сохранились значительные сведения об активной работе ее молодых сотрудников. Следует отметить, что материалы Славянской комиссии ИМАО при Московском университете, в основном — протоколы ее заседаний, сохранились в ЦГИАМ. Также все протоколы ее заседаний (более ста) опубликованы в «Древностях», причем публикация осуществлена с большой тщательностью. На рукописях протоколов, хранящихся в архиве, содержится правка и дополнения председателя и секретаря, все эти замечания включены в публикацию. Сравнение рукописей протоколов с их изданием показывает, что публикация протоколов является даже более полным источником, чем их рукопись.

Каждое заседание комиссии начиналось с зачтения и утверждения протокола предыдущего собрания, что позволяло внести в него необходимые уточнения членов комиссии. Первый председатель комиссии М. И. Соколов уделял большое внимание фиксации деятельности комиссии в протоколах, его переписка с участниками заседаний свидетельствует о серьезной работе над составлением протоколов. Так, он обращается в записке к выступавшему на заседании А. С. Орлову: «Поспешите, пожалуйста, любезнейший Александр Сергеевич, лично или почтой доставить мне краткое изложение вашего реферата о Торжественниках для протокола: завтра заседание, а у меня изложения вашего реферата нет»⁵. О большом внимании к изданию протоколов свидетельствует и переписка М. И. Соколова с секретарем комиссии М. Н. Сперанским, в одном из писем Соколов указывает ему на необходимость проверки корректуры протоколов по их подлинникам⁶. Все это показывает высокий уровень полноты и достоверности протоколов Славянской комиссии.

Кроме того, следует отметить информативные возможности протоколов. Как правило, в протоколе отмечались дата и место заседания. Потом шел поименный перечень участников заседания — членов комиссии и приглашенных. Далее — перечень обсуждаемых вопросов с подробным изложением сути вопроса. Чаще всего это было обстоятельное выступление с научным докладом и его обсуждение в форме дискуссии, при этом в протоколе фиксировались вопросы, ответы, реплики, дополнения.

Протоколы свидетельствуют, что активными участниками работы комиссии являлись молодые ученые, которые только вступали в мир науки. К их числу относится Александр Васильевич Михайлов (1859–1927), выпускник историко-филологического факультета Московского университета 1884 г., оставленный для подготовки к преподавательской деятельности. В 1892 г. он вернулся из заграничной научной командировки и сразу же

стал одним из самых активных сотрудников комиссии — до своего отъезда в Варшавский университет в 1895 г. он не пропустил ни одного заседания. Его первый доклад — «К вопросу о беседах Константина Пресвитера Болгарского», заслушанный на заседании 23 января 1894 г.⁷, был опубликован в I томе «Древностей». Другим же своим выступлением — «О текстах Книги Бытия в Толковой Палее»⁸ — Михайлов включился в одну из самых горячих дискуссий, которая шла в это время в комиссии — по поводу происхождения, состава и литературной истории Толковой Палеи, в тексте которой пересказывались библейские книги со значительными дополнениями. В эти годы Михайлов лишь начинал свой путь в науке, впоследствии он стал одним из крупнейших отечественных специалистов по славянской библеистике. В Славянской комиссии определился круг его научных интересов, многие идеи, родившиеся здесь, были реализованы им в магистерской диссертации — «К вопросу о научном наследии Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях» (1904), а также в докторской диссертации — «Опыт изучения текстов Книги Бытия. Паремийная редакция» (1913). Оценивая роль Славянской комиссии, он с благодарностью вспоминал: «Она не только объединила и сблизила всех московских славистов, не только являлась центром, к которому тяготели и все иностранные слависты, посещавшие Москву с научными целями, но она привлекла к себе в большом числе и студентов, интересовавшихся славянской наукой. Здесь они впервые пробовали свои научные силы, здесь, в недрах памятной для меня Комиссии, под расписными тяжелыми сводами старинных боярских хором в Москве, на Берсеневской набережной постоянно происходило непринужденное общение на строго научной почве профессоров, магистров и магистрантов со студентами. Здесь поднимались и обсуждались, а частью были поставлены на новую почву и даже решены крупные вопросы славяно-русской литературы, например, о переводе Священного писания на древнеславянский язык, о происхождении и родине Толковой Палеи, о многих апокрифах и старинных повестях. Для студенческой молодежи эта Комиссия, можно сказать, была вторым историко-филологическим факультетом, завершавшим ее образование по славистике»⁹.

Многократно выступал на заседаниях комиссии с сообщениями по поводу Толковой Палеи и Василий Михайлович Истрин (1865–1937), будущий академик и один из крупнейших отечественных специалистов по истории славянских литератур. В годы своего членства в Славянской комиссии он был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию, позднее работал там же приват-доцентом. Сотрудничество Истрина с комиссией продолжалось вплоть до его отъезда на профессорство в Новороссийский университет в 1897 г., где он создал, по его собственным словам, «младшего брата Славянской комиссии — Византино-славянский отдел» при историко-филологическом обществе Новорос-

сийского университета¹⁰. Даже во время научной командировки в славянские земли, в которую он смог поехать по представлению профессора М. И. Соколова¹¹, Истрин не прерывал связи со Славянской комиссией. В своих письмах из-за границы к Соколову он подробно сообщал о своих впечатлениях и научных новостях, посылал «поклоны всей Славянской комиссии»¹², просил прислать ему в Прагу экземпляр «Древностей»¹³, предлагал для публикации в трудах комиссии свое исследование о Мефодии Патарском¹⁴. Именно Толковая Палея, которой Истрин столь активно занимался в Славянской комиссии, и памятники, ее составляющие (Истрин выступил с шестью докладами на эту тему)¹⁵, явились главной темой его обеих диссертаций: магистерской — «Александрия русских хронографов» (1894) и докторской — «Откровения Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византино-славяно-русских литературах» (1898). Доклады Истрина в Славянской комиссии вызвали живой интерес и полемику, в которую включались как признанные специалисты, так и научная молодежь.

Многими идеями обогатила научная атмосфера Славянской комиссии и другого видного специалиста по славянской библеистике, в будущем — члена-корреспондента Академии Наук Ивана Евсеевича Евсеева (1868–1921). Он стал регулярно посещать заседания Славянской комиссии вскоре после защиты своей магистерской диссертации «Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе» (1897) и являлся активным сотрудником и даже секретарем комиссии в 1900–1902 гг., вплоть до своего отъезда из Москвы. Свои исследования о славянских переводах Библии он неоднократно выносил на суд ученой аудитории — «Новые данные для литературной истории Толковой Палеи»¹⁶, «Следы утраченного первоначального полного перевода пророческих книг на славянские языки»¹⁷ и др. Доклад Евсеева «Толкование на книгу пророка Даниила в древнеславянской и старинной русской письменности»¹⁸ познакомил членов комиссии с основными выводами его будущей докторской диссертации — «Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе»¹⁹. Разработка такого сложного, многосоставного памятника как Толковая Палея одновременно несколькими исследователями и постоянное обсуждение итогов их трудов ведущими учеными в области славянских литератур дали свои результаты. Научные труды молодых исследователей подняли изучение Палеи на новый уровень и не утратили своей значимости до сих пор. В стенах комиссии успешно начали свой научный путь три ведущих специалиста по славянским Библиям, в будущем научное сотрудничество вновь объединит Истрина, Евсеева и Михайлова в Комиссии по научному изданию славянской Библии (1915–1922), создателем и фактическим руководителем которой был И. Е. Евсеев.

Бесспорное влияние оказала Славянская комиссия на научную судьбу отечественного слависта и этнографа Валерия Александровича Погорелова

(1872–1955), эмигрировавшего после октябрьской революции. После окончания Московского университета в 1895 г. он приступил к работе в библиотеке Московской Синодальной типографии, тогда же он начал и активную деятельность в Славянской комиссии, которую не прекращал до своего отъезда в Варшавский университет в 1903 г., с 1898 по 1901 г. Погорелов являлся секретарем комиссии. Свою самостоятельную исследовательскую практику Погорелов начал с описания коллекции рукописей библиотеки Синодальной типографии. Именно эта работа определила его интерес к славянским переводам рукописных псалтырей. 20 февраля 1898 г. он познакомил членов Славянской комиссии с докладом «Замечания о составе рукописных псалтырей Типографской библиотеки»²⁰, в котором еще только пытался определить свои подходы к теме. Его сообщение в значительной мере является ученической работой, не лишенной существенных недостатков, это видно из замечаний ученых, зафиксированных в протоколе, в частности, М. И. Соколов упрекает Погорелова, что тот не указал хронологии рукописей и недостаточно выяснил вопрос об исправлениях в них. Столь же строгому разбору был подвергнут и следующий доклад Погорелова, сделанный им год спустя — о лексикологических рукописях XVII в. из Типографской библиотеки²¹. И, наконец, через два года, 17 декабря 1899 г. молодой ученый выносит на суд строгой аудитории первый вариант исследования — «Славянский перевод псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского»²², которое превратится впоследствии в его магистерскую диссертацию — «Толкование Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе» (1910 г.). Внимательное отношение к трудам молодых коллег было типичным для Славянской комиссии. Магистранты проходили в ней путь от первых, еще далеких от совершенства научных опытов, иногда начатых еще на студенческой скамье, до серьезных исследований, магистерских и докторских диссертаций.

Иногда помощь коллег носила конкретный характер, когда магистрант получал не только идеи и замечания, но и новые тексты, выписки, материалы. Особенно выделялся в этом отношении председатель комиссии М. И. Соколов, который щедро делился с молодыми коллегами не только знаниями, но и материалами и даже результатами своих собственных исследований. Он отдавал свои выписки и тексты из коллекции рукописей Н. Н. Кононова, исследования которого об астрологической литературе на Руси неоднократно обсуждались в комиссии²³ и вылились в серьезный труд. Материалами Соколова пользовались Н. Н. Дурново, И. М. Тарабрин, В. Ф. Ржига, С. К. Шамбинаго.

Долгое время активным сотрудником Славянской комиссии являлся Николай Николаевич Дурново (1876–1937), выпускник Московского университета, впоследствии — крупный специалист в области славяно-русского языкознания, член-корреспондент АН СССР и академик АН БССР, траги-

чески погибший в сталинских лагерях в 1937 г. Дурново был одним из самых преданных учеников М. И. Соколова, именно он стал и его первым биографом, написав подробный очерк о его жизни²⁴, после смерти Соколова Дурново составил опись бумаг покойного учителя²⁵. Между тем в биографических справках о Дурново имя М. И. Соколова даже не упоминается в числе его учителей, в частности, в биобиблиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России» учителями Дурново названы Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов²⁶. Между тем сам Дурново высоко оценивал влияние Соколова на свою научную подготовку²⁷. Соколов сыграл немалую роль в его студенческой и научной жизни, в частности, дал положительный отзыв на конкурсное сочинение студента историко-филологического факультета Московского университета Дурново на тему «Повесть о Акире Премудром», за которое тот в 1898 г. получил золотую медаль от факультета²⁸. По ходатайству Соколова Дурново был оставлен при факультете для подготовки к профессорскому званию, сначала — без содержания, а потом, опять же по просьбе Соколова, в 1900 г. получил стипендию Т. Н. Грановского²⁹. По инициативе Соколова за успешную деятельность по подготовке магистерского сочинения в 1901 г. Дурново была присуждена факультетом премия А. П. Разцветова³⁰.

Не удивительно, что Дурново, еще будучи студентом, стал посещать в качестве гостя заседания Славянской комиссии. Первое упоминание о нем в протоколах относится к 32-му заседанию (протокол этого заседания не датирован, но судя по предыдущим и последующим записям, оно произошло в начале 1898 г.)³¹. С сентября 1900 г. Дурново стал членом Славянской комиссии и посетил более 50 ее заседаний, работая в ней вплоть до ее закрытия, выступив более десяти раз с докладами и рефератами, участвуя в дискуссиях, делая сообщения о новинках научной литературы, новостях научного мира, он опубликовал в «Древностях» несколько работ. Судя по всему, Дурново выполнял в комиссии роль референта (об этом есть упоминание в одном из протоколов³²). Вместе с председателем комиссии он формировал повестку заседаний, так, в одном из писем к М. И. Соколову он сообщает: «Драгутин Илич хотел прочесть в Славянской комиссии реферат об Восточном вопросе и панславизме с сербской точки зрения. Не знаю, будет ли реферат такого содержания удобен для комиссии?»³³ — комиссия сознательно дистанцировалась от политических вопросов, обращаясь лишь к научной тематике.

В существующих исследованиях по истории науки Н. Н. Дурново назван специалистом прежде всего по истории и диалектологии славянских языков, и, если исходить из его научного наследия, такое определение в целом справедливо. Однако, судя по материалам Славянской комиссии, на начальном этапе своей научной деятельности Дурново отдавал явное предпочтение истории славянских литератур. Первое свое выступление в ко-

миссии он посвятил «Повести об Акире Премудром»³⁴, исследование этого памятника стало темой и магистерской диссертации Дурново — «Материалы и исследования по старинной литературе. К истории повести об Акире»³⁵. В других его докладах также рассматривались памятники истории славянских литератур — «Слово о разсечении человеческого естества»³⁶, «Повесть о старце, просившем руки царской дочери»³⁷, «О славяно-русском Прологе»³⁸ и другие. Выступления Дурново носили обстоятельный характер, вызвали интерес у слушателей, сопровождались живой дискуссией и, как правило, имели «научный выход» в виде публикаций текстов или исследований. Покинув Москву и Славянскую комиссию, Дурново изменил и круг своих научных интересов, его докторская диссертация, защищенная мае 1918 г., носит название «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров»³⁹.

Посещал заседания Славянской комиссии и Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) — мало известный в отечественной историографии литературовед и этнограф. В 1893 г. он закончил историко-филологический факультет Московского университета. По ходатайству М. И. Соколова и В. Ф. Миллера Совет историко-филологического факультета оставил Ляцкого для приготовления к профессорскому званию⁴⁰. Еще будучи студентом, он начал принимать участие в работе Славянской комиссии. Впоследствии, перебравшись в Петербург, Ляцкий стал старшим этнографом и хранителем библиотеки Русского музея (1901–1907). С 1917 г. он находился в эмиграции в Финляндии, где издавал газету «Северная жизнь», с 1918 г. — жил в Швеции, где основал журнал «Около России» и издательство «Северные огни». В 1922 г. Ляцкий переехал в Прагу, где стал профессором русского языка и литературы Карлова университета. Ляцкий являлся почетным доктором Белградского университета, членом-корреспондентом Института славянских исследований в Лондоне, действительным членом Славянского института в Праге и других научных центров. Умер ученый в 1942 г. в Праге. Личный архив Е. А. Ляцкого хранится в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии⁴¹.

По протоколам Славянской комиссии Ляцкий участвовал в ее работе с 1893 г.⁴² Он принял активное участие в дискуссии по поводу системы записи этнографических материалов. Эту систему предложил еще один бывший выпускник Московского университета — Владимир Владимирович Богданов (1868–1949), оставленный по ходатайству М. И. Соколова при факультете для приготовления к профессорскому званию⁴³. Богданов выступил с большим докладом «О звуковой транскрипции русского языка», в котором изложил свои соображения, выработанные на практике во время этнографической экспедиции⁴⁴. По предложенной им системе записи завязалась столь оживленная дискуссия, что ее продолжили и на следующем заседании комиссии. Его оппонентом и выступил Ляцкий, резко раскри-

тиковавший систему Богданова, в итоге комиссия ее не одобрила. Богданов впоследствии отмечал в своих воспоминаниях, что после Славянской комиссии, где его система не встретила поддержки, попытка провести в жизнь его научную фонетическую транскрипцию оборвалась, и надолго⁴⁵.

Успешно работал в комиссии еще один ученик М. И. Соколова — Александр Сергеевич Орлов (1871–1947), в будущем — крупнейший специалист по древнерусской литературе, академик АН СССР. Он являлся секретарем Славянской комиссии с 1902 г., сменив И. Е. Евсеева. Свои посещения комиссии Орлов начал с 1893 г., еще будучи студентом Московского университета. Через год он выступил с первым докладом — «Сказочная повесть о взятии Азова»⁴⁶. К этому памятнику Орлов возвратится еще раз, уже в 1905 г.⁴⁷, изложив на заседании комиссии основные выводы своей магистерской диссертации, которую он с успехом защитит через год⁴⁸. Можно сказать, что ни одно выступление в стенах Славянской комиссии не прошло для Орлова «впустую». Тема, предложенная им в докладе «О сборниках, называемых Торжественниками»⁴⁹, завершилась выходом исследования «Сборники Златоуст и Торжественник»⁵⁰. Познакомив членов комиссии с докладом «Старинное поучение с апокрифическими элементами»⁵¹, Орлов публикует текст памятника и исследование о нем в IV томе «Древностей». Для молодого ученого комиссия явилась местом апробации и доработки его исследований, где обсуждение и помощь ведущих специалистов помогали поднять труд на иной качественный уровень.

Размеры статьи не позволяют сообщить о многих членах Славянской комиссии, которые начали свой творческий путь в ее стенах. Упомяну лишь имена А. И. Яцимирского, ставшего энциклопедистом в области славянской рукописной книжности, С. О. Долгова, Н. Н. Кононова, П. Н. Сакулина, И. М. Тарабрина, С. А. Белокурова, А. Д. Григорьева.

Таким образом, Славянская комиссия являлась не только единственным в России объединением отечественных славистов, где решались исследовательские проблемы, шло научное общение, публиковались труды и источники. Она сыграла значительную роль в подготовке целого круга будущих деятелей русской науки. Здесь начало свою научную жизнь так называемое «третье поколение» русских славистов, чей творческий расцвет пришелся на годы революции, гражданской войны, разгрома славистики в конце 20–30-х гг. XX в.

Материалы Славянской комиссии представляют несомненный интерес для воссоздания объективной картины развития отечественной науки. Они позволяют проследить начало и развитие научного пути целого ряда отечественных ученых, проследить динамику их исследовательских интересов, оценить исследовательский потенциал, воссоздать их полноценные научные биографии. И речь идет не только и не столько о частных случаях изменения исследовательской тематики или круга научного общения, в судь-

бах этих людей нашла свое отражение непростая историческая эпоха. Многие из них эмигрировали или погибли во время гонений на научную интеллигенцию. Личные архивы их зачастую не сохранились или крайне скудны, поэтому все сообщения о научной пути этих людей представляют несомненный интерес, поскольку они позволяют закрыть лакуны в малоизученном периоде истории отечественной науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в.: сборник статей и материалов. М., 1992; *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000; *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004 и др.
- 2 *Лантеева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997; *Она же.* Славянская комиссия Московского университета // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1979. № 6; *Макарова Е. А.* М. И. Соколов в протоколах заседаний Славянской комиссии // Источниковедение славянского средневековья. Калинин, 1988; *Она же.* Славянская комиссия при Московском Археологическом обществе как центр подготовки молодых славистов // Славистика в университетах России. Тверь, 1993.
- 3 Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского Археологического общества. М., 1895. Т. I; 1898. Т. II; 1902. Т. III; 1907. Т. IV; 1911. Т. V.
- 4 ЦГИАМ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- 5 ПФА РАН. Ф. 763. Оп. 3. Д. 134. Л. I.
- 6 ОР РГБ. Ф. 601. Карт. 1. Д. 33. Л. 31.
- 7 Протокол 11 // Древности... Т. I. С. 27.
- 8 Протокол 17 // Там же. Т. II. С. 6.
- 9 Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 г. Владимир, 1909. С. 37.
- 10 Протокол 62 // Древности... Т. IV. С. 4.
- 11 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 30.
- 12 ОПИ ГИМ. Ф. 38. Д. 52. Л. 31.
- 13 Там же. Л. 34.
- 14 Там же. Л. 55.
- 15 Протоколы 5, 8, 13 // Древности... Т. I; Протоколы 28, 32 // Там же. Т. II; Протокол 69 // Там же. Т. IV.
- 16 Протокол 43 // Древности... Т. III. С. 22.
- 17 Протокол 39 // Там же. С. 18.
- 18 Протокол 42 // Там же. С. 20.
- 19 *Евсеев И. Е.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.
- 20 Протокол 33 // Древности... Т. III. С. 3.
- 21 Протокол 37 // Там же. С. 18.
- 22 Протокол 41 // Там же. С. 23.
- 23 Протоколы 67, 72, 73, 75 // Там же. Т. IV.

- 24 *Дурново Н. Н.* М. И. Соколов // Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1906 г. М., 1907. Ч.С. 395–412.
- 25 ОР РГБ. Ф. 468. Карт. 1. Д. 34. Л. 1–6.
- 26 *Колесов В. В.* Дурново Н. Н. // Славяноведение в дореволюционной России. С. 150.
- 27 *Дурново Н. Н.* М. И. Соколов...
- 28 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 25. Л. 31.
- 29 Там же. Д. 27. Л. 15 об.
- 30 Там же. Д. 28. Л. 52.
- 31 Протокол 32 // Древности... Т. III. С. 4.
- 32 Протокол 93 // Там же. Т. V. С. 22.
- 33 ОПИ ГИМ. Ф. 38. Д. 51. Л. 113.
- 34 Протокол 37 // Древности... Т. III. С. 10.
- 35 *Дурново Н. Н.* Материалы и исследования по старинной литературе. К истории повести об Акире. М., 1915.
- 36 Протокол 40 // Древности... Т. III. С. 18–19.
- 37 Протокол 45 // Там же. С. 26–27.
- 38 Протокол 61 // Там же. Т. IV. С. 2.
- 39 *Дурново Н. Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. М., 1917–1918.
- 40 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 31.
- 41 *Дмитриева Р. П.* Ляцкий Е. А. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 190–192.
- 42 Протокол 4 // Древности... Т. I. С. 12.
- 43 ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 20. Л. 31.
- 44 Протокол 4 // Там же. С. 8.
- 45 *Богданов В. В.* Этнография в истории моей жизни. М., 1989. С. 168–169.
- 46 Протокол 15 // Древности... Т. I. С. 33.
- 47 Протокол 82 // Там же. Т. IV. С. 46.
- 48 *Орлов А. С.* Сказочная повесть об Азове. Исследование и тексты. Варшава, 1906.
- 49 Протокол 35 // Древности... Т. III. С. 7.
- 50 *Орлов А. С.* Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905.
- 51 Протокол 65 // Древности... Т. IV. С. 11.

М. А. Робинсон
(Москва)

М. С. Грушевский и русская академическая элита

М. С. Грушевский, будучи видным деятелем академической науки, пользовался авторитетом не только у национально ориентированных украинских ученых и общественных деятелей, но и в собственно русской академической среде. Со многими из русских ученых М. Грушевский состоял в длительной переписке, как, например, с академиком А. А. Шахматовым¹. Отношение к нему и его деятельности в значительной степени определяло и отношение к украинской гуманитарной науке. Как знаковая фигура Грушевский был субъектом переписки ученых-славистов между собой. Суждения о нем, содержащиеся в этих письмах, наиболее адекватно отражают отношение к ученому, его трудам, общественной и политической деятельности, наконец, к различным сторонам его личности и характера. Естественно, что суждения эти субъективны, а в зависимости и от изменявшейся обстановки, и от каких-либо поступков Грушевского подвержены радикальным изменениям, но они всегда искренни и именно тем для нас и интересны. До революции М. С. Грушевский был избран членом ряда русских исторических обществ и стал, в свою очередь, инициатором избрания виднейших русских ученых в члены Научного общества им. Шевченко (А. Н. Пыпина) и Украинского научного общества (А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртенэ). Русское научное сообщество видело и ценило в Грушевском прежде всего крупного ученого, относясь к его общественной и политической деятельности, в отличие от властей, с пониманием или толерантно — в традициях академической интеллигенции того времени.

Как известно, политическая активность историка привела его с началом Первой мировой войны к аресту 6 декабря в Киеве², а затем в ссылку. Многие ученые и прежде всего А. А. Шахматов всячески хлопотали о смягчении участи сосланного³.

Позиция ученого в деле Грушевского объяснялась его либеральными общественно-политическими воззрениями. Представление о единстве всех ветвей русского народа было общим научным и политическим убеждением, сформировавшимся в русской научной среде, его разделяли не только консервативные, но и либеральные ее представители⁴. Следует отметить, что взгляды Шахматова на рассматриваемую проблему сформировались очень рано и не претерпели со временем изменений. Так, в мае 1901 г. Шахматов в основном сформулировал принципы своего подхода к разрешению украинского вопроса в письме Д. Н. Овсяннику-Куликовскому —

профессору Харьковского университета и активному участнику Харьковского общества грамотности. Ученый приветствовал деятельность этого общества и писал: «Порадовался я не только потому, что разделяю точку зрения, требующую для малорусского языка гражданской (разумеется, не политической) равноправности с языком великорусским, но и потому, что правильное разрешение вопроса о введении малорусского языка в начальной школе облегчит в значительной степени труд учащихся в местностях малорусских; теперь, при обучении грамоте, приходится сразу переходить на чуждое детям наречие, и вследствие этого в школе затрачивается совершенно непроизводительно много труда и времени.

Признаюсь Вам, я не сочувствую тому искусственному развитию, которое отчасти стала принимать в последнее время малорусская литература (имею в виду хотя бы совершенно ненужные переводы русских писателей на украинское наречие). Но искусственность эта вполне законна и понятна там, где к языку применены меры стеснения. Уничтожение подобных вредных для естественного развития народного мер составляет искреннее желание тех, кто сознательно любит свое отечество: трудно сомневаться, что только тогда оба народа сольются в братскую семью и употребят свои духовные силы на общее дело, как это бывало в разные моменты нашей истории, в то, впрочем, время, когда нам не были еще привиты полицейско-административные взгляды на духовные проявления жизни народа. Уничтожение этих искусственных мер исцелит нас и от общественных недугов, к которым нельзя не отнести квасной патриотизм великорусса и украинофильство малорусса. Всякий почин в великом деле сближения обеих русских народностей должен быть приветствован как высоко патриотическое дело. По указанным Вами соображениям, я признаю введение малорусского языка в число предметов обучения в местностях малорусских шагом к такому сближению»⁵.

Более чем через десятилетие, 11 декабря 1912 г. А. А. Шахматова писал А. Ф. Кони: «Я тоже боюсь украинского вопроса и порожденного им „мазепинства“. Мне очень дорого единство России и процветание всего русского племени в его совокупности. Но, думаю, что те из нас, которые стараются об удовлетворении тех или иных элементарных требований малорусов менее грешат против родины, ее целостности и величия, чем те, которые разжигают племенную вражду и возбуждают между братьями ненависть»⁶.

К хлопотам был привлечен и президент Академии наук великий князь Константин Константинович, перед которым ходатайствовал за брата А. С. Грушевский. Президент Академии знал о Грушевском только из газетных статей «Нового времени», поэтому он вначале обратился за консультацией к С. Ф. Платонову. Заметим, что обращение это было не случайным. Великий князь уже многие годы советовался с Платоновым как с историком и в делах, связанных с политическими проблемами. Так, в 1905 г. в

период острого конфликта президента с половиной академиков из-за подписания ими «Записки 342-х», содержавшей требования свободы науки, политических свобод и призывы к либерально-демократическим реформам, Платонов информировал великого князя о настроениях в профессорско-академической среде. Он же наряду с ближайшим советником Константина Константиновича, П. Е. Кеппеном, вырабатывал тактику поведения президента для преодоления внутриакадемического противостояния⁷.

Платонов, отвечая 9 декабря 1914 г. на просьбу К. Романова, охарактеризовал братьев Грушевских как людей, отличающихся в политических выступлениях умом и выдержкой, умеющих «писать и говорить благородно и осторожно». Он призывал президента Академии наук откликнуться на обращенные к нему просьбы с осмотрительностью, ибо «что будет, если Грушевский окажется, прямо говоря, изменником?» При этом Платонов отмечал: «Михаил Грушевский обладает большим ученым талантом и для исторической науки, независимо от его „теорий“, сделал очень много». Платонов считал все-таки возможным обращение К. Романова к соответствующим властям «с указанием на то, что Грушевский — каковы бы ни были его политические деяния — имеет серьезные, всеми учеными признанные заслуги в деле исторического изучения древнейших эпох русской истории и первых времен жизни южнорусского казачества и потому достоин к себе внимания и возможного снисхождения»⁸.

Получив отзыв и рекомендации от Платонова, К. Романов в письме от 26 декабря 1914 г. с грифом «доверительно» советовался с Шахматовым о возможности его обращения как президента Академии наук в министерство внутренних дел и к верховному главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу. Предполагалось особо указать на научные заслуги Грушевского, «независимо от его политической деятельности»⁹.

В тот же день Шахматов ответил пространственным письмом. Для пользы дела он советовал великому князю до выяснения состава обвинений Грушевского не спешить с личным обращением «в его пользу». Ученый предлагал взять миссию с ходатайством на себя, приберегая обращение президента Академии для более подходящего времени. Для объяснения своей позиции Шахматов приводил как политические, так и научные доводы. Он полагал, «что арест Грушевского только усилит пожар в русском доме, а ведь его необходимо прекратить. Это соображение, — продолжал Шахматов, — помимо великих заслуг Грушевского перед исторической наукой (критический аппарат его восьмитомной Истории можно назвать классическим и единственным после Карамзина), заставляет меня с великим волнением желать освобождения Грушевского, его оправдания»¹⁰.

Те же мысли и оценки ученый повторил в развернутом виде 9 апреля 1915 г. в письме известному юристу, общественному деятелю, почетному академику А. Ф. Кони: «Вопрос о М. С. Грушевском сильно меня волнует».

И далее: «Ученый он выдающийся. Его История Украины в восьми томах представляется ценнейшим вкладом в русскую историческую науку. Критический аппарат, содержащийся в этом труде, может быть поставлен вровень с одною только Историею Г[осударства] Р[оссийского] Карамзина. Живой темперамент М. С. Грушевского был причиной того, что он горячо откликался на современные вопросы. Он любит свою родину и свой родной язык. Всячески содействуя культурному развитию Малороссии и Галиции, М. С. Грушевский никогда не был сепаратистом и всегда чуждался австрофильства. Значение и внимание его в малороссийских кругах весьма значительно. И те, кто не желал бы развития мазепинства и украинского сепаратизма, могут стремиться к тому, чтобы Россия оказалась для М. С. Грушевского родною матерью, а не мачехой»¹¹. При том, что Шахматов так ратовал за видного украинского ученого и общественного деятеля, он решительно отклонял все упреки в украинофильстве. Так, 1 мая, заступаясь в письме Константину Константиновичу за В. Ягича, подвергшегося нападкам «Нового времени», он выражал убежденность «в преданности Ягича России и в его горячих славянских чувствах». В подтверждение «пророссийских» настроений у подданного Австро-Венгрии Шахматов обращался к мнению Ягича по украинскому вопросу. Такой прием позволял и самому Шахматову обозначить свое отношение к проблеме. Ученый писал: «Он (Ягич. — М. Р.) неоднократно упрекал меня в украинофильстве, хотя я не сознаю в себе таких чувств, любя русских вообще, а в особенности родное великорусское племя и опасаясь также, как врагов России, тех деятелей, которые прилагают старания к тому, чтобы рассорить великорусов и с родными нам братьями, и с другими членами созданного нами государства». Что же касается деятельности врагов России, то Шахматов констатировал: «Германцы очень усердно работали над развитием украинского сепаратизма»¹².

С первых дней 1915 г. Шахматов и его коллеги проявили большую активность. Шахматов в начале января обратился к министру внутренних дел с ходатайством заменить намеченную высылку Грушевского в Томск на Москву или на Саратов и Казань. Те же просьбы Шахматов адресовал в конце января и министру просвещения. С аналогичным ходатайством обратились также и академики М. А. Дьяконов и А. С. Лаппо-Данилевский¹³. Эти хлопоты дали свои результаты, Грушевский был сослан не в Томскую губернию, а в Симбирск, куда, как писал он Шахматову, «я и прибыл под конвоем 21 февраля»¹⁴.

Наряду с радостью по поводу благополучного избавления Грушевского от Сибири Шахматов, имея в виду «Историю Украины-Руси», в письме от 11 марта 1915 г. обращался к ученому с вопросом: «Не время ли подумать о русском переводе Вашего великого украинского труда?»¹⁵. Сам Грушевский уже давно задумывался над этой проблемой. Он еще 19 ноября 1907 г.

откровенно писал из Львова академику А. С. Лаппо-Данилевскому: «Пришлось мне к крайнему прискорбию убедиться, что моя „История Украины-Руси“ благодаря своему украинскому языку остается и, вероятно, еще долго будет оставаться книгой за семью печатями вне очень небольшого круга людей, настолько владеющих литературной украинской речью, что для них она не представляет препятствия. А знакомиться ближе с этой речью благодаря предубеждению к ней и к украинству вообще, которое, к сожалению, приходится констатировать даже среди просвещенных и прогрессивных людей, — мало охоты и мало на это надежды в более близком будущем. Как Вы знаете, я предпринял было немецкое издание, но оно обходится мне так дорого, что вовсе не по карману. Ввиду этого все чаще приходит мне мысль об издании великорусского перевода. <...> И вот у меня мысль: нельзя ли сделать что-нибудь в этом смысле в Академии?»¹⁶. Судя по другому недатированному письму Грушевского Лаппо-Данилевскому, тот предпринял некоторые хлопоты¹⁷, но дело закончилось ничем.

Оказавшись в Симбирске, Грушевский сразу же начал ходатайствовать об отмене ссылки и возможности поселиться в Москве или Петербурге. Свое прошение он направил 5 апреля Константину Константиновичу¹⁸. Великий князь опять обратился за советом вначале к Платонову, а затем к Шахматову, который рекомендовал не спешить, а ограничиться хлопотами о смягчении проживания Грушевского в Симбирске. Уже на следующий день, 11 апреля, Константин Константинович соглашается с предложением Шахматова отнестись к Грушевскому снисходительно и конфиденциально обратиться к шефу корпуса жандармов В. Ф. Джунковскому. Шахматов составил и проект этого обращения¹⁹. В своем ответе президенту Академии ученый еще раз особо отмечал, что «русской науке он (Грушевский. — М. Р.) весьма дорог как деятель научный. Его заслуги чрезвычайны, его работоспособность до последнего времени была изумительна. Вот почему меня особенно радует Ваше решение»²⁰.

В дальнейшем заступничество ученых, поддержанное на столь высоком уровне, вновь принесло свои плоды, и осенью 1915 г. Грушевский был переведен в Казань²¹. В декабре 1915 г. «за Грушевского перед МВД ходатайствовали члены Государственного Совета от Академии наук и университетов: Д. Д. Grimm, В. И. Вернадский, М. М. Ковалевский, И. Х. Озеров, А. А. Васильев, С. Ф. Ольденбург»²², и в 1916 г. Грушевский был уже в Москве.

Н. И. Ульянов очень грешил против фактов, заявляя: «Когда он (Грушевский. — М. Р.), наконец, в 1914 году, попал на австрийской территории в руки русских военных властей и, как явный изменник, должен был быть сослан в Сибирь, — в Москве и в Петербурге начались усиленные хлопоты по облегчению его участи. Устроили так, что Сибирь заменена была Нижним Новгородом, а потом нашли и это слишком „жестоким“ — доби-

лись ссылки его в Москву»²³. Мы полагаем, что Ульянов воспользовался недостоверной информацией из опубликованной в 1925 г. в Берлине книги А. Царинного, отсылка к ней присутствует в библиографии его труда²⁴. Там мы читаем: «Что касается М. С. Грушевского, то после занятия Галиции русскими войсками в августе 1914 года он был водворен, по распоряжению властей, в Нижнем Новгороде, но вскоре друзья его из Академии наук хлопотали ему разрешение поселиться в Москве»²⁵. Мысль о том, что Грушевский был «явным изменником», почерпнута из того же сочинения. А. Царинный сообщает о некоем совещании, устроенном эрцгерцогом Фердинандом с присутствием императора Вильгельма, на котором обсуждались планы будущей войны. «В то время, — заявляет автор, — ходил упорный слух, будто на это совещание в качестве экспертов вызваны были М. С. Грушевский и В. Н. Перетц <...> и весьма возможно, что слух этот не был легендой»²⁶. Фантастические истории, по-видимому, характерны для сочинений подобного рода. В книге Ю. Д. Романовского, опубликованной впервые в Токио в 1920 г., сообщалось: «Русская армия, разбив наголову австрийцев, победоносно вступила во Львов. Грушевский хотел бежать в Вену, но был задержан русскими властями. Несмотря на явную государственную измену, русское правительство ограничилось высылкой его на восток»²⁷.

Февральская революция нарушила сложившиеся отношения в научном сообществе. Грушевский с головой ушел в политическую деятельность: 20 марта 1917 г. он был избран председателем Центральной рады²⁸ — организации, целями которой были провозглашены федерализация России и создание национально-территориальной автономии Украины. Грушевский неоднократно и на митингах, и в печати пропагандировал эти положения. Подобное развитие событий стало тяжелым испытанием для Шахматова, совершенно по-другому представлявшего будущее новой России. Переписка двух ученых, оборвавшаяся осенью 1916 г., неслучайно больше не возобновилась. «Резкое изменение» отношения Шахматова к «украинскому освободительному движению» с появлением у того «политического аспекта» уже отмечалось в литературе²⁹, однако, причины такой перемены раскрыты не были.

В деятельности Грушевского открыто проявились те тенденции, которые Шахматов отрицал у него в 1915 г. Совершенно очевидно, что выдвижение Грушевского на роль лидера украинского сепаратизма было полной неожиданностью для ученого. После Февральской революции, однако, для Шахматова «украинский вопрос» в его политической постановке стал первым в ряду внутренних факторов, угрожающих существованию единого централизованного государства. О своих переживаниях ученый писал 13 июня 1917 г. С. П. Розанову: «Так же, как Вы, я в деревне отстал от политики; читаю мало газет и иной раз ограничиваюсь местной, впрочем,

хорошей газетой, не развертывая ни „Речи“, ни „Русск[их] Вед[омостей]“, ни „Русской Воли“, которые выписываются разными членами нашей семьи. И всякий раз, как я погружаюсь в газету, я теряю душевное равновесие. Две в особенности вещи не дают мне покоя и не подлежат для моих умственных и нравственных сил ни учету, ни разрешению: вопрос о войне и вопрос украинский, кстати, задевающий серьезным образом и Ваши края. Пропала Россия! — вот мой малодушный вывод. И как ужасен вывод этот для нас, которые в перемене правительственной системы видели и искали спасения России»³⁰.

На фоне ясно выраженных Шахматовым воззрений на украинофильство, украинский сепаратизм и украинский вопрос абсолютно бездоказательно выглядит отнесение ученого к убежденным сторонникам политического украинофильства. С подобными утверждениями выступил Н. И. Ульянов, писавший: «К столь же „убежденным“ принадлежал академик А. А. Шахматов. Александр Шульгин восторженно о нем отзывается как о большом друге сепаратистов. Это он устроил самостийнической делегации, в 1917 году, встречу с лидерами групп и партий, близких к Временному Правительству»³¹. Истинное отношение Шахматова к названным проблемам еще нагляднее демонстрируют его письма середины лета.

Так, внутреннее смятение ученого ярко проявилось в письме от 15 июля 1917 г. Кони. «Мы все страдаем нравственно, — писал ученый. — Каждая газета приносит ряд ужасных известий о разложении, распадении, развращении России. Как и Вы, я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России. Мысль поневоле обращается к якобинцам: они находили в себе достаточную моральную силу для поддержания единства Франции и для борьбы с Жирондой, едва ли, впрочем, виновной в сепаратизме. Наши социалисты, а в числе них даже Керенский, пошли на удочку Грушевского и одобрили то, что им как государственным деятелям должно было претить»³². В тот же день Шахматов писал и Перетцу: «Страшную тревогу и смущение приносят только газеты. Украина с Грушевским, бегство с фронта, переход власти к социалистам, все это действует подавляющим образом»³³. В июле же Шахматов писал Истрину: «Выходу кадетов из министерства сочувствую в особенности после покрытого министрами предательства украинцев»³⁴.

Российская империя распалась, независимая Украина занималась строительством не только государственных структур, но и созданием таких необходимых для развития национального самосознания атрибутов, как, например, собственная Академия наук. Процесс ее строительства затянулся на долгое время, и при разных властях характерной чертой этого процесса стало противостояние различного понимания того, какие принципы должны быть положены в основание Академии наук³⁵. Не вдаваясь в

подробности, отметим лишь самые общие различия двух ведущих концепций. В. И. Вернадский, первый Президент Украинской Академии наук, в опубликованном в 1919 г. сборнике трудов Комиссии по выработке законопроекта об основании Украинской Академии наук заявлял, что своей целью видит: «1) объединение украинцев, работающих в украинском возрождении, но любящих русскую культуру, для них тоже родную и 2) сохранить связь всех ученых и научно-учебных учреждений с русской культурой и аналогичной русской организацией»³⁶. Грушевский же полагал, что только разрыв с традициями русской академической науки поможет украинским ученым создать свое независимое академическое сообщество³⁷, всячески подчеркивая прежде всего «национальный» характер Академии³⁸.

Много позже сразу после кончины Грушевского Вернадский вспомнил и свои споры с ним о принципах организации Украинской Академии. «Разговор у нас был длинный, но определенный, — записал ученый в своем дневнике 30 ноября 1934 г. — Он убеждал меня отказаться от моего решения создать Академию. Он кажется увидел, что она создается, и работа Комиссии идет хорошо. Он считал, что сейчас Украина не имеет настоящих ученых и неизбежно, раз вопрос будет идти о высоком научном уровне Академии (а это он считал условием *sine qua non**), то это будет русская Акад[емия] на Украине, занимающаяся украин[скими] предметами и научной работой в междунар[одном] масштабе. Он считал, что Укр[аинская] Акад[емия] должна быть создана позже, а сперва достаточно существ[ования] Науков[ого] Товарищества, надо дать ему средства развернуться. Я не согласился с этой точкой зрения, я считал, что дело роста украинской культуры есть не только дело украинцев, но и русских, <...> в рамках не враждебных русской культуре — укр[аинский] язык и укр[аинская] культура вырастут и быстро достигнут равенства. Беседа была искренняя и открытая. Он был видимо огорчен»³⁹.

Из этих двух концепций Шахматов, безусловно, поддерживал первую, о чем и писал 8 марта 1919 г. Вернадскому: «Вижу и понимаю, что Вами руководит русское, общерусское чувство и надежда культурной работой скрепить наше единство. Мне это единство было всегда дороже всего, так как за его разрушением я вижу гибель для великороссов и рабское состояние для малорусов». Касаюсь условий жизни в Петрограде, Шахматов предостерегал Вернадского: «Живется здесь нелегко материально, но морально, конечно, легче, чем у Вас, легче, чем где-нибудь в России»⁴⁰. Шахматов очень живо реагировал на информацию об антирусских настроениях, проявлявшихся в разных областях общественной жизни на Украине, пытаясь найти им объяснение. Ученый писал 21 июня 1919 г. Перетцу: «Мне было очень интересно и вместе с тем больно прочесть то, что Вы пишете об

* *sine qua non* — необходимое (лат.).

укр[аинской] Академии. Недавно узнал о разных подробностях киевских отношений от ездивших в Киев — нашего нового академика Ферсмана и Бема, но я не имел понятия о сообщенных Вами §§ академического Устава. Вы, конечно, правильно сделали, отказавшись от чести избрания». «Одно ясно, — заключал Шахматов, — ненависть к великорусам растет на Украине в связи с большевизмом»⁴¹.

Впервые Перетц сообщил Шахматову о предложении, ему поступившем, 24 марта 1919 г.: «...на днях я получил от Вл. Вернадского и К^о предложение выразить согласие на баллотир[ование] меня в Киевск[ую] Академию, но все же я не думаю совершенно туда переселяться, а при лучших условиях перевозки человеческих тел — хочу в случае избрания лишь ездить туда на 2–3 мес[яца] в год»⁴². В письме от 22 мая Перетц вновь и подробно остановился на том же вопросе: «Раз уже начал писать во всю — [нрзб.] Вам о Киев[ской] Академии наук. Вы знаете, что идея эта росла с 1913 г. Авторами были мы с Мих[аилом] Серг[еевичем] Гр[ушевским]. В прошлом мае я отослал свой проект Академии, обстроенный соотв[етствующими] лабораториями и семинариями для разработки науки во всех (гуманитарн[ых] и даже ест[ественных]) областях знания. Но... Гр[ушевский] отказался от чести быть в гетманской Акад[емии], вероятно, по мотивам, по которым и мне пришлось то же сделать»⁴³. Об отношении Грушевского к создаваемой под руководством Вернадского Академии Перетц знал, но относительно причины отказа ошибался.

О мотивах же своего отказа Перетц писал в большом раздражении. Его гнев вызвали некоторые параграфы устава УАН. «Месяц тому назад, — сообщал он Шахматову, — получаю предлож[ение] баллотироваться, а через нед[елю] — условия: 1) Печататься можно на укр[аинском] яз[ыке] и на любом европейском... кроме великорусского!⁴⁴ 2) Необходимо принести присягу на верность украинской державе⁴⁵ (мне-то, „чужоземцо“!) 3) Оказывается, что кафедры истории литературы — обе заняты, и меня будут выбирать... на украинский язык! Я пишу по-украински без больших ошибок, что и доказал, немедленно накатавши им весьма суровый ответ. Но быть представителем укр[аинского] языка в Укр[аинской] Академии — это с моей стороны было бы нахальством. <...> С таким узким шовинизмом я не ожидал встретиться»⁴⁶. «Да и в каком бы я был положении пред Петр[оградом], Рос[сийской] Акад[емией], — возмущался ученый, — отказавшись от права писать и печатать на своем родном языке». Досталось от Перетца и Вернадскому: «Удивляюсь Вернадскому (он президент). Такого оппортунизма я от него не ожидал». В завершение он констатировал: «Так кончилось мое отношение к Укр[аинской] Ак[адемии] Н[аук], которую я сочинял без гг. Багалеев и Яворницких и прочих укр[аинских] черносотенцев-националистов...»⁴⁷.

После определенных уступок, на которые пошли в Украинской академии, Перетц принял избрание в ее состав⁴⁸.

Шахматов никак не мог сочувственно относиться к идеям научно-культурного обособления двух славянских народов, точно так же, как ранее он осуждал государственно-политические концепции Грушевского. Очевидно, что восстанавливать свои отношения с ним Шахматов не стремился. В 1919 г. Грушевский был вынужден эмигрировать, а в 1920 г. Шахматов умер.

Грушевский после получения гарантий от советских властей решил вернуться из эмиграции в 1924 г. Это было уже совершенно другое время: Гражданская война закончилась, фактически было возрождено прежнее единое государство. Ученый прибыл в Киев 7 марта 1924 г. Еще 31 декабря 1923 г. он был избран действительным членом Всеукраинской Академии наук (ВУАН)⁴⁹. Уже летом 1924 г. фамилия Грушевского снова появляется в переписке его русских коллег и особенно крупным планом — в письмах ученого, бывшего во многом связующим звеном между ВУАН и АН СССР, академика обеих академий В. Н. Перетца.

Перетц долгие годы до своего избрания в Императорскую Академию наук был профессором университета Св. Владимира в Киеве, являлся членом редколлегии журнала «Украина», основанного Грушевским в 1913 г.⁵⁰, слыл в официальных кругах того времени «украинофилом» и действительно являлся таковым. Отнюдь не все коллеги с сочувствием относились к позиции Перетца по украинскому вопросу.

Так, его учитель, академик А. И. Соболевский, придерживавшийся в национальном вопросе традиционной «русской» точки зрения, с неодобрением отнесся к увлечениям молодого профессора⁵¹. Украинофильские взгляды и политические убеждения, по признанию самого Перетца, более «левые», чем кадетские, заставляли поволноваться и Шахматова. После избрания Перетца академиком Шахматов писал 18 марта 1914 г. В. М. Истрину: «Заботит меня вопрос о Перетце: ну, как его не утвредят!»⁵².

Уже при радикально изменившихся политических обстоятельствах Перетц сообщал 21 августа 1924 г. Истрину, занявшему после смерти Шахматова должность председательствующего в ОРЯС, о посещении Киева и тамошней Академии наук. «Встретили меня радушно, — писал ученый, — и сразу послали на работу: отзывы о курсах Украинской древней литературы Грушевского и Возняка, которые тут имеются. Есть надежда, что наш чл[ен]-корр[еспондент] — Вл[адимир] Мих[айлович] Гнатюк переселится в Россию, — его Укр[аинская] Ак[адемия] выбрала в д[ействительные] члены по укр[аинской] этнографии, на место покойного Сумцова». Перетц весьма лестно отзывался о той деятельности, которую развернул Грушевский после возвращения из-за границы. «Грушевский, — продолжал он, — взялся за дело серьезно и скоро уже выйдет 1-ый № его „Украины“. Журнал будет научным, вроде наших Известий, если у Вас есть что-нибудь по домонгольскому периоду — вроде Ваших замечаний на Шахматова — давайте, напечатают охотно, лишь бы статья не была более 2 листов (т. е. чтобы

ее можно было пустить в одном №, без переноса в другой). <...> Денег и у Украинской Академии нет или очень мало. Академики получают столько же, сколько и мы, грешные, кроме М. Грушевского, которому вследствие его полного разорения (от дома — камня на камне не осталось!) дали 150 рублей в месяц, но говорят — лишь „на первое время“»⁵³.

Грушевский действительно стремился привлечь и в журнал «Украина», и в другие издания ВУАН русских коллег, как из Москвы и Ленинграда, так и проживавших на Украине. Сперанский отправил одну из своих статей для публикации в «Науковий збірник за рік 1924», издававшийся исторической секцией ВУАН. Статья оказалась у Грушевского, который 18 ноября 1924 г. сообщал ученому о получении работы и начале ее перевода на украинский язык. Далее он писал: «Просим сотрудничества и напредки, — статьями, [нрзб.] и сообщениями для хроники, — я буду очень рад»⁵⁴. Сообщая 12 октября 1925 г. об отправке Сперанскому книг, Грушевский призывал ученого к сотрудничеству: «...мы Вам посылаем выходящее, с особенным вниманием относимся ко всем, кто обращается к нам, ссылаясь на Вас, и паки, и паки просим Вас и лично нас не забывать»⁵⁵. Бывший профессором в Нежине В. И. Резанов сообщал Сперанскому 16 апреля 1925 г.: «Редакция „Украины“ Михаила Грушевского пригласила меня сотрудничать. На днях отправил туда этюд»⁵⁶.

Почти сразу же по возвращении Грушевского внутри научного сообщества началось обсуждение вопроса о необходимости привлечения его в состав РАН и о том, какие конкретные шаги надо для этого предпринять. Естественно, что эта проблема интересовала академиков, тесно связанных судьбой с Украиной. В. П. Бузескул, живший в Харькове, делился своими размышлениями с Б. М. Ляпуновым, долгие годы бывшим профессором Новороссийского университета. Он писал ему 15 января 1925 г.: «М. С. Грушевского должны были бы представить русские историки — С. Ф. Платонов и М. М. Богословский. Другим брать это на себя неловко»⁵⁷. Бузескул справедливо полагал, что выдвигать Грушевского следовало бы не только наиболее авторитетным ученым, но и для соблюдения большей объективности учеными не украинскими. Именно в это время ученого весьма беспокоила набиравшая обороты политика «украинизации», о чем он неоднократно писал Ляпунову. Так, 26 июня Бузескул сообщал: «Украинизация за последние 2 месяца заметно усилилась в ведомстве „просвіты“. Поговаривают уже о том, что вскоре и лекции должны будто бы читаться на украинском языке. Не знаю, насколько это верно. Когда приходишь в „Наркоматы“, слышишь усиленное употребление украинского, вернее — галицкого наречия»⁵⁸. А 8 августа ученый достаточно скептически оценивал заверения, полученные им от руководства ВУАН: «Об украинизации мне пришлось писать непременно секретарю Украинской Академии Наук А. Е. Крымскому по поводу избрания меня в ее члены, и А. Е. Крымский ответил мне, что

у них украинизации не проводится; есть русский элемент, к которому они относятся с полным уважением. Не знаю, надолго ли это...»⁵⁹.

Академия наук СССР явилась прямой наследницей дореволюционной Российской Академии наук: имея наднациональный общегосударственный статус, она стала как бы главной Академией наук всей страны. Это официальное главенство, внутренние противоречия, иногда даже открытая борьба различных группировок внутри обеих академий, а также непростые взаимоотношения с коммунистическими властями объясняют далеко не безоблачные отношения между двумя академиями и ее членами. Перетца возмущало невнимание к ученым, представлявшим украинскую науку, он писал 2 августа 1925 г. М. Н. Сперанскому: «Лободу я с трудом провел в чл[ены]-корр[еспонденты], Грушевского нынче Платонов не мог провести в чл[ены]-корр[еспонденты], ибо „не встретил сочувствия“»⁶⁰.

Неудача, которую потерпел Платонов с выдвижением Грушевского кандидатом по линии Историко-филологического отделения Академии, не остановила его коллег по Отделению русского языка и словесности. Но и эта попытка также закончилась неудачей. Перетц, сообщая 18 ноября 1925 г. А. И. Соболевскому о результатах голосования, довольно язвительно отзывался о научных достоинствах одного из новых членов-корреспондентов, заметив: «Его конкурентом был М. Грушевский, кот[орый], конечно, оказался ничтожеством наряду»⁶¹ с избранным. Обида за несправедливо, по его мнению, отвергнутого коллегу звучит и в письме Перетца 13 января 1926 г. Сперанскому. Из того же письма становится известна и роль самого Перетца в выборной кампании. Ученый отмечал: «А насчет Груш[евского]—яведь Вам писал—мысКарскимпредлагалиеговчл[ены]-корр[еспонденты], что, по-моему, вполне заслуженно. Но большинство выдвинуло...» другую кандидатуру⁶². Таким образом, налицо активное стремление представителей разных групп старой академической элиты включить в свою среду недавно вернувшегося из эмиграции национально ориентированного украинского ученого и общественного деятеля. Но, как отмечалось, в частности, в письме Перетца, такая перспектива одобрялась далеко не всеми.

Оценка деятельности Грушевского со стороны его русских коллег по ВУАН была вначале вполне благожелательной. Бузескул, описывая свою поездку в Киев, сообщал Ляпунову 16 июня 1926 г.: «Президиум Академии Киевской и вообще академики встретили меня гостеприимно, радушно. Я прочитал два доклада, один в Комиссии Запада и Америкознавства, состоящей при Академии, а другой — в исторической секции, „головной“ которой состоит М. С. Грушевский. В Академии царит украинство, но я читал свои доклады, конечно, на русском яз[ыке]. Работа в Академии — по изучению Украины с разных сторон — ведется энергично, живо, с любовью к делу»⁶³.

По мере активизации научной и научно-организационной деятельности Грушевского на Украине некоторые его выступления и поступки, дей-

ствительные или приписывавшиеся ему, вызывали явно неодобрительную реакцию со стороны русских ученых. Зеленин следующим образом прокомментировал обсуждавшееся превращение Российской Академии наук в АН СССР в письме Соболевскому от 27 апреля 1926 г.: «Новый устав Академии, оказывается, еще будет рассматриваться всеми союзными республиками. Тут можно ожидать немало выпадов, особенно со стороны Киева и Харькова. Там поняли вообще „всесоюзность“ Академии так, что, по меньшей мере, половина академиков должна быть украинцами. Михайло Грушевский, говорят, уже выступает, доказывая, что секретаря и вице-президента Академии должны избрать Украина и Белоруссия (что-то в этом роде!)»⁶⁴. Последнее предположение скорее всего следует отнести к слухам. Грушевский, действительно выступавший против преобразования Российской Академии наук во Всесоюзную, считал, что последняя должна иметь вид ассоциации представителей от республиканских Академий. Он решительно выступал против вмешательства Всесоюзной академии в дела ВУАН («не має влізати на українську територію, минаючи українські органи») ⁶⁵. Вскоре, во многом благодаря Грушевскому, и внутри этой Академии обострилась борьба за лидерство.

За событиями внутри ВУАН внимательно следили органы госбезопасности. В протоколе рабочего заседания Отдела политического контроля ГПУ УССР от 11 ноября 1927 г. прямо зафиксировано: «В Украинской Академии наук имеется 2 враждующие группировки (по политическим и прочим основаниям): 1) Грушевского, 2) Ефремова и А. Крымского. На страницах своей академической продукции эти лица вечно стараются утопить один другого»⁶⁶.

В современных исследованиях обострившийся к концу 1927 г. конфликт Грушевского с руководством ВУАН, ее вице-президентом С. А. Ефремовым и непременным секретарем А. Е. Крымским характеризуется как открытая «война»⁶⁷. Как отмечал Вернадский в своем дневнике вскоре после кончины ученого: «К сожалению, то большое чувство личной значительности, которое проникало Грушевского, и его честолюбие придали его пребыванию на Украине очень тяжелую форму. Грушевский вел борьбу [не] на жизнь, а на смерть за влияние с Крымским, не стесняясь никакими средствами; оба забегали в Харьков и ослабляли моральную свою силу. Он среди украинцев имел врагов самых ожесточенных — имел их и среди русских»⁶⁸.

С набравшей обороты политикой украинизации желание сотрудничать с украинскими учеными, ставшими лидерами этого движения, у части русских коллег становилось все меньше. Известнейший лингвист, авторитет в области славянской филологии, академик А. И. Соболевский, приглашенный к участию в научных сборниках, посвященных юбилеям Грушевского и Д. И. Багалея, 6 февраля 1927 г. писал Е. Ф. Карскому: «(2) От сборника Багалея отмалчиваюсь; 3) От с[борника] Грушевского — тоже⁶⁹». Заметим,

однако, что Перетц, Сперанский и Г. А. Ильинский приняли участие в сборнике в честь Грушевского. Но разгоревшаяся внутри ВУАН борьба привела к изменению отношения к Грушевскому и со стороны Перетца.

Ученый обращался к обеим враждующим сторонам, пытаясь их примирить⁷⁰. Позиция Перетца, предостерегавшего своих украинских коллег о том, что междоусобица даст властям возможность перестроить Академию по своему усмотрению и тем самым погубить ее, признается исследователями наиболее дальновидной⁷¹. Достаточно очевидно, что Перетцу была ближе позиция руководства ВУАН. Частные письма Перетца Ефремову с информацией о количестве штатных сотрудников в ученых комиссиях АН СССР использовались (публично зачитывались) в спорах вокруг требований Грушевского увеличить число сотрудников исторических комиссий ВУАН⁷².

Письма Перетца уже начала 1928 г. свидетельствуют о том, что ученый предвидел реакцию Грушевского на его позицию в конфликте. Так, 9 января ученый, сообщая Сперанскому о том, что дочь М. С. Грушевского не подарила ему своей книги («Вы счастливее меня — Катруся мне „Думы“ не прислала»), писал: «Вероятно, старый Михайло лютует на меня за то, что я не одобряю его нового кляузничества: он приготовил и в Общ[ем] с[обрании] прочел, а предварит[ельно] послал в Харьков „суплику“, где жалуется на то, что Презид[иум] Академии не заботится о нем, т. е. о его Истор[ической] Ком[иссии], не дает сотрудников и т. п. На это последовала острая реплика — где все его жалобы разрушены и О[бщее] с[обрание] выразило пожелание, чтобы отд[ельные] члены не ездили партизански в Харьк[ов] с хлопотами об отд[ельных] учр[еждениях], ибо есть для сего О[бщее] с[обрание] и Президиум». Далее Перетц привел Сперанскому те данные, которые он предоставил и Ефремову: «Что же касается жалоб на недостаток сотр[удников] — то в пример поставили нашу А[кадемию] н[аук], где в Истор[ической] и Археогр[афической] Ком[иссиях] — всего 5 шт[ук] сотр[удников], а у Груш[евского] — уже 11! И это при том, что многие другие ком[иссии] УАН либо вообще не имеют шт[атных] сотр[удников], либо имеют по одному. Все это распалило М[ихаила] С[ерегеевича] до крайности. Я, получив от него эту „суплику“ — не зная о дальнейшем — написал ему письмо, которое — к моему удивлению, как потом я узнал, — привело те же аргументы, что и ответы Президиума! Но, конечно, то, что я писал ему по-дружески — там было сказано довольно остро»⁷³.

Партийное руководство Украины стремилось извлечь из внутриакадемического конфликта свои выгоды, и затягивание конфликта должно было служить этим целям. Непосредственными исполнителями в разжигании конфликта и информаторами о состоянии дел внутри ВУАН были органы ГПУ с их сетью секретных сотрудников. Так, в информации для начальника секретного отдела ГПУ УССР 3 января 1928 г. дважды подчеркивалось: «Наша борьба в Академии совершенно затихает» и «нам также сообщают,

что борьба в Академии совершенно затихла». Причины затишья объяснялись следующим образом: «Мы Вам сообщали, что М. Грушевский спрашивал у тов. Л. М. Левицкого, следует ли ему мириться с Крымским и Ефремовым, и Левицкий, по поручению Окружкома, рекомендовал Грушевскому не идти на примирение. Имеющиеся у нас агентурные данные и прилагаемые документы говорят о том, что Грушевский не послушался Левицкого, и примирение произошло»⁷⁴.

Далее в документе упоминались взаимные уступки сторон, и в связи с этим специальное внимание уделялось деятельности Перетца. «Очевидно, — подчеркивалось в документе, — что борющиеся группы сами уже прекрасно понимают, что дальнейшее обострение конфликта будет очень невыгодно для Академии. Мы уже Вам в свое время сообщали, что академик Перетц взял на себя роль примирителя. Этими днями мы перлюстрировали документ от Перетца Грушевскому, копию которого мы Вам при сем прилагаем. В нем Перетц предлагает Грушевскому принять предложение быть избранным членом Академии наук СССР. <...> Об этом же Перетц пишет и Ефремову в одном из документов, копию которого мы при сем прилагаем. Если сопоставить это со словами нашего агента на одном из свиданий, когда он сказал, что одним из возможных способов разрядить создавшуюся в Академии атмосферу — это избрать Грушевского в члены АН СССР с тем, чтобы он переехал в Ленинград, то можно сделать вывод, что предложение Перетца является не случайным, а заранее обдуманно группой Крымского–Ефремова». В органах госбезопасности прекрасно понимали значение деятельности Перетца, что не могло не вызывать там явного беспокойства. В конце сообщения констатировалось: «Во всяком случае сейчас мы стоим перед фактом примирения академических групп „именно перед лицом внешней опасности“, о которой в свое время писал Перетц. Совершенно ясно, что это примирение для нас невыгодно и поэтому мы сейчас считаем необходимым, чтобы центром были предприняты такие шаги, которые бы еще больше приблизили Грушевского к Соввласти и этим самым обострили бы конфликт в Академии»⁷⁵.

Органы госбезопасности перлюстрировали и сугубо личную, семейную переписку Перетца, в частности, их привлекло письмо ученого жене, В. П. Адриановой-Перетц от 23 января 1928 г., в котором упоминался Грушевский. Перетц писал: «...Здесь зато — новые неприятные впечатления. Грушевский достиг своего, и это издевательство над УАН, называемое не ревизией, а „обследованием“ — дело рук его. Да, вот это поистине самая существенная препона к переселению сюда: если он окажется „на престоле“, то хоть в воду кидайся... Каверзник большой»⁷⁶. Раздражение Перетца проверкой ВУАН, в чем он винил Грушевского, отразилось и в его письме Б. М. Ляпунову, написанному также 23 января: «Здесь (в Киеве. — М. Р.) вопрос о кандидатах несколько отодвинут вследствие „ревизии“

Академии, ведущейся совсем иным способом, чем у нас было. Тут нечто [вроде] допроса в участке, тон по отношению к членам президиума совершенно неприличный. Ревизует лицо далекое от понимания задач ученого учреждения. Естественно, это нервирует всех. Здесь вообще — Академия в большей зависимости от Харькова, чем мы — от Москвы: академики утверждают не Общ[им] Собр[анием], — а Совнаркомом, который, видимо, считает себя авторитетным в вопросах научной квалификации»⁷⁷.

Раздражение инициативами Перетца ощущается в самом тоне доклада начальнику секретного отдела ГПУ УССР, составленного 14 февраля 1928 г. «Академик Перетц — сторонник Крымского–Ефремова, — констатируется в документе. — Он из Ленинграда писал Грушевскому, склоняя его к примирению, прельщая перспективой быть избранным в Союзную Академию. Письма Перетца оказали известное влияние на Грушевского. В средних числах января Перетц приехал в Киев. Есть предположение, что он приехал в связи с происходящей в Академии ревизией. Грушевский, раскусивший, очевидно, игру Перетца, избегает встречи с ним. О деятельности Перетца в Киеве данных пока нет»⁷⁸. Последнее свидетельствует о том, что наружного наблюдения за ученым не было, ГПУ ориентировалось на информацию сексотов из среды ученых.

Дальнейший ход событий показал, что к удовольствию властей примирения сторон не состоялось. Перетц уже открыто винил в продолжении конфликта Грушевского. «„Тучею взыдоша“ в Академии кляузы Грушевского, — писал он Сперанскому 18 марта. — Даже больно думать, как такой крупный ученый может вести такую деструктивную работу»⁷⁹.

Следующее письмо Сперанскому свидетельствует уже о полном разочаровании Перетца в Грушевском. «Я 22-го еду в Киев, — сообщал ученый 11 апреля. — Выборы, по случаю реформы, назначенные чуть ли не в марте — откладываются на месяц. Ну, и накрутил М. Гр[ушевский]! Открылась его переписка с... Ряп[о] (ком[иссия] по просвещ[ению]) по делам Ак[адемии] н[аук]. Это столь же, видимо, благоуханное, как его письма и Ольд[енбургу], и в[еликому] кн[язю] К[онстантину] К[онстантиновичу]... Досадно на старости лет убедиться, что еще один предрас[судок] развеян, и вместо своего рода „героя“ — обнаруживается мелкий интриган»⁸⁰. Через три дня, 14 апреля о том же Перетц писал Соболевскому: «Я еду 22-го в Киев заниматься. Там тоже воюют — Груш[евский] написал кляузу на президиум. Сейчас перевыборы и реформы. И не надоест людям!!!»⁸¹.

Кстати, недовольство действиями отца никак не отразилось на оценке труда дочери. В тех же письмах Сперанскому от 18 марта и 11 апреля Перетц очень высоко, хотя и не без серьезных методологических замечаний, оценил издание К. М. Грушевской. В первом письме ученый отмечал: «Я занят сейчас писанием рецензии на „Думы“ Грушевской. Хвалю сию девицу; но не одобряю за уозость взгляда на единоспасающее „социологи-

ческое“ объяснение дум. Есть и пропуски, есть и излишнее доверие к чужим словам... <...> Но в общем — прекрасная книга, не жалею, что заплатил 6 руб[лей]»⁸². Через три недели Перетц сообщал о завершении своей работы: «Свалил два дела — кончил лекции в Институте истории искусств и дописал разбор „Дум“ Катруси Грушевской — и теперь могу поболтать. Разбор вышел „академического“ старого типа, чуть ли не на 3–4 листа⁸³, с „приложениями и дополнениями“. Хорошая книга!»⁸⁴.

Упоминание Перетцем писем Грушевского Константину Константиновичу возвращает нас к событиям, связанным с арестом украинского ученого в конце 1914 г. Эта тема неожиданно, а возможно, и намеренно, была превращена в актуальную в период предвыборной кампании в АН СССР 1928 г. Органы ГПУ внимательно отслеживали всю информацию, связанную с фигурой Грушевского. Как свидетельствуют документы, их чрезвычайно заинтересовало, что же в действительности содержалось в письмах Грушевского. Из видных представителей академической науки, бывших хотя бы отчасти в курсе событий 1914–1915 гг., остались в живых очень немногие, полностью в курсе дела был только С. Ф. Платонов. Перетц, находясь в 1914 г. в Киеве, живо переживал перипетии ареста Грушевского, а благодаря дружеским отношениям с Шахматовым мог знать достаточно много и о развитии событий в стенах Академии. Именно Перетц и стал невольным источником сведений для ГПУ о поведении Грушевского после ареста.

О полученной информации начальник Киевского окружного отдела ГПУ 17 ноября 1928 г. под грифом «совершенно секретно» спешил известить секретаря Окружного комитета КП(б)У, так как в это время решался вопрос о поддержке со стороны партийных властей Украины «своих» кандидатов на выборах в АН СССР. В документе указывалось, что в октябре «академик Перетц <...> привез из Ленинграда очень интересное сообщение о Михаиле Грушевском». С отсылкой к словам Перетца сообщалось, что при рассмотрении кандидатуры Грушевского в АН СССР «Ольденбург заявил, что кандидатура Грушевского стояла перед Российской Академией наук еще с 1906 г., но тогда шеф Академии, великий князь Константин Константинович, заявил, что правительство кандидатуры Грушевского не утвердит, как сепаратиста»⁸⁵. Далее шло изложение донесения сексота собственно о наиболее интересном для властей эпизоде: «Когда в 1914 г. Грушевский был арестован и выслан в Казань, Академия наук, в лице председателя II Отдела, академика Шахматова, обратилась к Константину Константиновичу хлопотать за Грушевского, указывая на научные заслуги последнего. Тогда Константин Константинович заявил Шахматову, что он напрасно беспокоится о Грушевском, так как у него самого есть от Грушевского письмо. С этими словами он вынул письмо Грушевского и прочел его. В этом письме Грушевский писал, что он всегда стоял за единую неделимую, что он человек правых убеждений, что он никогда не думал о

сепаратизме, что он был всегда и теперь является верным престолу и проч. Тогда академик Шахматов попросил у Константина Константиновича это письмо, заявив, что оно очень нужно Академии. Письмо это ему передано и сейчас оно находится, по словам Перетца, у Ольденбурга»⁸⁶.

Данное письмо предполагалось использовать как компрометирующее личность Грушевского, и инициатором выступил непреходящий секретарь Академии, бывший в свое время в рядах хлопотавших за арестованного Грушевского. «Когда в этом году на заседании Комиссии по рассмотрению кандидатур в Академию встал вопрос о кандидатуре Грушевского, — отмечается в сообщении, — то Ольденбург обо всем этом заявил, даже будто бы прочел само письмо и при этом сказал, что с научной стороны кандидатура Грушевского никаких возражений не вызывает, но что эта история должна быть засчитана Грушевскому, как черное пятно»⁸⁷. Судя по всему, полученная информация для ГПУ была достаточно неожиданной и могла вызвать подозрение в ее недостоверности. «По данным нашей агентуры, — отмечалось в документе, — можно сомневаться в том, что все обстоит действительно так, как рассказывал Перетц, но, по ее убеждениям, история с письмом правдоподобна. О том, что Грушевский написал письмо такого характера, киевским украинским кругам стало известно в 1917 г. и произвело на них неблагоприятное впечатление». Историю с письмом Грушевского сочли достойной внимания. Донесение завершалось удивительной для такого рода документа фразой, которая должна была окончательно убедить адресата в достоверности информации: «К тому же первоисточником этих сведений является покойный академик Шахматов, человек несомненной честности»⁸⁸. Можно только предположить, что данная формулировка непосредственно восходит к донесению сексота ГПУ сотрудника ВУАН.

Начальник КОО ГПУ не ограничился посылкой полученной информации в партийные органы Украины, 29 ноября он сигнализировал представителю ГПУ в Ленинградском военном округе, а копию записки отправил еще и начальнику секретного отдела ГПУ УССР. Донесение с минимальными разночтениями повторяет уже цитировавшийся документ от 17 ноября. Лишь в заключении подчеркивалось, что «факт обращения Грушевского с такого характера письмом следует, по данным нашей агентуры, считать несомненным». При этом делалась оговорка: «Все же следует иметь в виду, что как Перетц, так и наш источник, принадлежат к враждебной Грушевскому группе в Украинской Академии наук». Завершавший документ абзац еще раз подтверждал особый интерес органов безопасности Украины к фигуре Грушевского. «Ввиду особой важности этих сведений, — подчеркивалось в записке, — просим Вас, проявляя необходимую осторожность, принять меры к проверке, где и у кого это письмо Грушевского находится»⁸⁹.

Очевидно, что речь шла о письме Грушевского Президенту Академии от 5 апреля из Симбирска, в котором он, в частности, писал: «Практическим

политиком я никогда не был, и совершенно напрасно мои противники стараются свести мою деятельность к политическим мотивам. Временами выступал я в роли публициста, высказываясь по вопросам текущей жизни, но в этих выступлениях, как и вообще в моей деятельности, не было ничего ни законопреступного, ни враждебного России — лучшим доказательством послужит то, что ни статьи мои, печатавшиеся в России, ни сборники статей, печатавшиеся за границей, не были конфискованы, допускались в России, и я не подвергался за них какому-либо преследованию. Я никогда не выступал против России и не принимал участия в каких-либо выступлениях против нее». Рассуждал Грушевский и об украинском движении: «Руководителем украинского сепаратизма я не мог быть уже по той простой причине, что такой партии среди российских украинцев и не было никогда. Российское украинство, к которому я примыкал, самым определенным образом отмежевывалось от всякого ирредентизма, верило, что украинский вопрос будет разрешен на русской почве, и возлагало свои надежды на общее развитие в России конституционного строя, национального самоопределения и местного самоуправления. <...> украинская программа ближайшего будущего вполне осуществима в законных формах и совершенно не требует какого-либо переворота». Завершалось послание вполне стандартной для того времени фразой: «Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга»⁹⁰.

Как можно видеть, в изустных пересказах некоторые фрагменты послания были вольно интерпретированы, появились «правые убеждения», «всегда стоял за единую неделимую», «является верным престолу».

В конце концов, миротворческие устремления Перетца не только оказались тщетными, но и сам он стал объектом нападок. Так, в письме Сперанскому от 12 августа 1928 г., рассуждая о перспективах устройства на работу в Институт славяноведения в Праге своего ученика Л. Т. Белецкого, ученый обозначил и свое отношение к крайним формам украинского национализма. «Белецкий, — подчеркивал Перетц, — не принадлежит к числу „безумных“ украинцев и вообще человек дельный и на авантюры и шовинизм не способный. Думаю, что и на интриги, столь свойственные галичанам». Перетц не случайно вспомнил «галичан» — далее в письме он сообщал: «В „Діло“ во Львове — Груш[евский] под псевд[онимом] „Ліво-бічний“ и К. И. Студинский обрушились на Укр[аинскую] Ак[адемию] с руганью — за... бездействие, бесплодность и за недостаточный „патриотизм“: мало, видите ли, в УАН украинских ученых. И меня, походя, шарпнули. Ефремов дал крепкий ответ обоим — за ложь и за шовинизм»⁹¹.

Интересно отметить, что начало полемики в львовской газете было отмечено и проанализировано органами госбезопасности. В специальном «меморандуме» Киевского окружного отдела ГПУ от 23 мая один из пунктов, а именно «Об Украинской Академии наук», почти полностью был

посвящен этой истории. «Корреспонденция эта представляет огромный интерес тем освещением, которое оно дает положению в Академии и выборам Президиума. Не подлежит сомнению, — отмечается в документе, — что, хотя корреспонденция подписана Студинским, действительным автором или во всяком случае инспиратором ее является академик М. Грушевский»⁹². Основным моментом, выделенным в меморандуме, была позиция Студинского по национальному составу ВУАН, заключающаяся в обвинении руководства Академии («старого Президиума») в намеренном принижении ее национального характера: «...в Академии украинцы составляли меньшинство».

Специально отмечается также, что «в номерах „Діло“ за 18, 19 и 20 мая помещена длинная статья за подписью „Лівобічний“ под заглавием „За Українську Академію наук“»⁹³. Но относительно персонажа, скрывшегося под псевдонимом, никаких предположений сделано не было. К сожалению, в исследовании, касающемся этого эпизода⁹⁴, осталась не выяснена и даже не отмечена возможная роль, сыгранная в нем Грушевским, скрывшимся, по утверждению Перетца, за псевдонимом Лівобічний.

Абсолютно ясное и справедливое, с точки зрения Перетца, дело, защита Ефремовым Академии наук, в контексте сложных интриг, которые вели власти, чтобы ослабить и развалить изнутри украинское научное сообщество, закончилось травлей самого Ефремова. Коммунистическая пресса приписала академику «контрреволюционную деятельность» и «идеи петлюровщины»⁹⁵. Ефремов был вынужден давать объяснения в президиуме ВУАН по поводу своей статьи в Львовской газете «Діло» от 25 июля («Про двох лицарів — одного під забралом, другого так»), направленной против нападок на ВУАН главы Львовского Научного товарищества имени Шевченко академика Студинского. В итоге «Президиум ВУАН сурово осудил выступление Ефремова в заграничной прессе»⁹⁶.

Зимой Перетцу вновь представился случай выразить свое неудовольствие моральным обликом Грушевского. Он с возмущением писал Сперанскому 28 декабря 1928 г.: «В Отделении — Груш[евский] устроил скандалчик, а Абрамовичу написал „очень обидное письмо“, как тот сообщил мне, и отказался от его услуг с прекращением авансов! Т[аким] обр[азом], выходит, что Гр[ушевский] не позволяет своим сотр[удникам] даже гроши прирабатывать — в академических же Комиссиях! Вот здорово. И именует же себя „социалистом“»⁹⁷. Надо полагать, что Перетца особенно возмутило то, что Грушевский не захотел войти в очень тяжелое материальное и моральное положение Д. И. Абрамовича. Этот ученый, член-корреспондент Академии наук СССР еще весной 1928 г. находился в заключении. Как писал Перетц Сперанскому 11 апреля: «Бедный Дм[итрий] Ив[анович] сидит по-прежнему в Соловках. Я собрал подписи, и мы — группа акад[емиков] — ходатайствуем о его возвращении или хоть бы об облегчении его участи:

его сняли с музейн[ой] работы и отправили на черную работу»⁹⁸. По-видимому, ходатайство подействовало. Но местом жительства Абрамовича стал Нежин, где вместе с ним поселился и вернувшийся из ссылки в начале 1928 г. и вскоре овдовевший академик ВУАН К. В. Харлампович⁹⁹. Перетц, руководивший одной из гуманитарных комиссий ВУАН, стремился помочь Абрамовичу, привлекая к работе в ней.

Тем не менее, несмотря на неприятие общественных и научно-организационных установок, а также многих личных качеств Грушевского, Перетц никогда не сомневался в научных достижениях этого ученого. Для него не было никаких сомнений в том, что Грушевский — достойный кандидат в Академию наук СССР. В письме тому же Сперанскому от 15 ноября 1928 г., исполненному возмущения политикой властей, протаскивающих в академики партийно-государственных функционеров или ученых из числа объявивших себя приверженцами марксизма, Грушевский был назван в ряду «беспорных» кандидатур. Он отнесен к категории ученых, охарактеризованных Перетцем как «народ солидный», в отличие от В. М. Фриче и М. Н. Покровского, которые — «стыдно сказать что!». При этом Перетц не преминул в скобках весьма негативно отозваться о личных качествах Грушевского — «хоть и интриган — спец[иалист] по „деструкции“»¹⁰⁰.

Грушевский попал в список «Кандидаты в академики», подготовленный высокими партийными инстанциями. Список под грифом «совершенно секретно» делил кандидатов на три категории. Грушевский оказался в третьей — «Кандидаты приемлемые» (первая — «Члены ВКП(б)», вторая — «Кандидаты ближе к нам») ¹⁰¹. После избрания ученый вначале принял довольно активное участие в работе АН СССР. Он воспринимался научным сообществом как безусловный авторитет в украинистической проблематике и связанных с ней организационных вопросах. Так, Перетц в письме от 27 февраля 1930 г. П. Н. Сакулину, возглавлявшему Группу литературы и языка в Отделении гуманитарных наук АН СССР, сообщал: «Препровождаю Вам проект положения об Украинской Комиссии, который я обещал доставить к этой мартовской сессии, с добавлением краткой объяснительной записки. Чтобы у Вас не было сомнений в авторитетности настоящего моего предложения, сообщаю, что я беседовал о нем с ак[адемиком] Грушевским в прошлый его приезд и заручился его одобрением, что касается вопроса об истории, то он или со временем возобновит свое предложение об учреждении Укр[аинского] Историч[еского] Института, или же присоединится к проектируемому Славянскому [институту] в виде его исторической украинской комиссии»¹⁰².

Избрание нескольких заслуженных ученых в состав Академии не могло спасти ее от полного подчинения властям. Единственное, чем могли еще выразить свой протест академики-ученые, это не допускать избрания в свои ряды академиков-функционеров. В этой связи обратимся к письму

Г. А. Ильинского Б. М. Ляпунову от 15 февраля 1931 г. «М. Н. Сперанский почти при каждой встрече со мной утверждал, — писал Ильинский, — что кандидатура Державина обеспечена. А между тем, если бы не поленились приехать на выборы М. М. Покровский и М. С. Грушевский, то Державин, наверное, не прошел бы в Отделении, и кресло осталось бы свободным — не для меня, конечно, а для какого-нибудь другого вполне достойного кандидата, напр[имер], А. М. Селищева...»¹⁰³. Данное письмо примечательно по нескольким обстоятельствам. Из него следует, что Грушевский воспринимался Ильинским, безусловно, как соратник в противостоянии выдвигенцам властей, у него нет никаких сомнений в том, как голосовал бы Грушевский. Всего через месяц с небольшим власти предоставили фактическое подтверждение правоты Ильинского, арестовав Грушевского 23 марта 1931 г.

Почему именно мнение Ильинского для нас столь интересно? В двух его письмах 1928 г. Ляпунову он весьма определенно выразил свое мнение по украинскому вопросу. В первом из них, от 17 февраля, Ильинский конфиденциально сообщал Ляпунову: «На днях получил от В. Н. Перетца довольно странное письмо с запросом относительно моего credo в укр[аинском] вопросе. Я ему отвечал, что оно ни в коем случае не левее взглядов на этот счет А. А. Шахматова. Но это пока между нами»¹⁰⁴.

Вопрос, заданный Перетцем, не был проявлением праздного любопытства, а имел практическое значение. Очевидно, что ответ, полученный от Ильинского, вполне удовлетворил Перетца, после чего со стороны ВУАН последовало официальное обращение к Ильинскому. О характере сделанного предложения и ответе на него мы узнаем из письма Ильинского Ляпунову от 7 декабря 1928 г.: «По случаю исполняющегося в скором времени 10-летия У[краинской] А[кадемии] н[аук] в ней учреждается кафедра славянской филологии. В связи с этим я уже получил не так давно приглашение занять место д[ействительного] чл[ена] сего учреждения с обязательством переехать на постоянное жительство в Киев. Но я, разумеется, ответил отказом. Согласитесь, мое положение там было бы крайне фальшивое. Я — чистейший великорус, практически украинским языком не владею и главное — несмотря на тяжкие испытания последних лет, свято продолжаю верить в великое будущее общерусс[кого] литер[атурного] языка не только в вост[очно]-слав[янском] мире, но и во всем прочем. Мое пребывание в Киеве было бы поистине похмельем в чужом пиру!»¹⁰⁵. Таким образом, перед нами человек, который до такой степени не сочувствовал господствовавшему в ВУАН направлению, во многом сформированному Грушевским и его последователями, что даже отказался от избрания в нее, причем в то время, когда жизненные трудности, стеснение научной работы, начавшаяся кампания по полному подчинению властям союзной Академии были для Ильинского лейтмотивом его переписки с коллегами¹⁰⁶.

Прежние научные и идейные разногласия не шли ни в какое сравнение с общей угрозой, которую представляла для академического сообщества жесткая государственная политика в научной сфере.

Прошло два с небольшим года после несостоявшегося переезда Ильинского в Киев, как в Москву перебирается Грушевский. Но это уже были не те посещения Москвы и Ленинграда, куда, по словам Вернадского, он приезжал после избрания в 1929 г. в АН СССР: «Г[рушевский], чувствуя тяжесть положения, искал опоры. Еще не было краха нашей Акад[емии]»¹⁰⁷. Причина этого переезда, последовавшего после ареста 23 марта, и непродолжительного разбирательства, длившегося до 15 апреля 1931 г.¹⁰⁸, была отнюдь не добровольная.

Когда в конце 1920-х — начале 1930-х гг. на Украине начался процесс искоренения национально ориентированной интеллигенции, русские ученые с большим сочувствием отнеслись к гонимым украинским коллегам, в том числе и к Грушевскому. Время все усиливавшегося идеологического и административного преследования академической науки сближало всех так или иначе пострадавших от властей членов научного сообщества.

В Москве Грушевский находит сочувственный прием как товарищ по несчастью и, как следует из писем Ильинского Ляпунову, является источником сведений о бедствиях, постигших Украинскую Академию наук. «Здесь сейчас гостит М. С. Грушевский с дочерью, — писал Ильинский 17 апреля 1931 г. — Он рассказывает, что дела Издательства Киевск[ой] Академии находятся не в лучшем положении, чем дела Всесоюзной»¹⁰⁹. Через месяц, 21 мая, Ильинский вновь передает Ляпунову информацию, основанную на свидетельстве Грушевского: «Пребывающий здесь М. С. Грушевский рассказывает невеселые вещи о том, что происходит сейчас в Киевских академических сферах. Для иллюстрации достаточно привести факт, что „Историч[еский] Словарь“ Тимченка на одной дискуссии был прямо объявлен „вредительским актом“!!!»¹¹⁰. Прошло еще три недели, и в письме от 13 июня Ильинский опять ссылается на Грушевского: «Известия Тимченка о развале Укр[аинской] Академии вполне подтверждает М. С. Грушевский, который переселился на время в Москву, спасаясь от начавшейся в Киеве травли»¹¹¹. В данном письме обращает внимание то, что русские коллеги вполне обоснованно воспринимали жизнь Грушевского в Москве под надзором органов как форму спасения от набиравшей обороты на Украине официально благословляемой кампании по его травле. Трудно представить, что Грушевский смог бы существовать в эпицентре той «критики», которая была направлена на полное уничтожение как научных концепций, так и дискредитацию его как личности.

В Москве и Ленинграде научный авторитет Грушевского не подвергался сомнению не только среди коллег, которые сами терпели притеснения властей, но и среди ученых новой, марксистски ориентированной формации.

Осенью 1931 г. в Ленинграде был создан Институт славяноведения АН СССР во главе с недавно избранным академиком Н. С. Державиным. Разрабатывая «Положение» об Институте, Державин планировал, что пять его секторов возглавят пять академиков, и, в частности, сектор истории и экономики — Грушевский¹¹². Отметим, что Грушевский был единственным в этом списке академиком, жившим не в Ленинграде. Надо полагать, Державин, зная о вынужденном проживании Грушевского вне пределов Украины, считал вполне возможным переезд ученого в Ленинград.

Этим грандиозным прожектам не суждено было сбыться, и в момент своего создания Институт насчитывал всего семь человек¹¹³, из которых академиком был лишь сам Державин. Однако идея привлечения к работе Института в какой-либо форме академических авторитетов явно не оставляла директора. Сразу же после официального открытия Института был составлен «список лиц, приглашаемых на собрания Инслава». Возглавляла этот список группа из шести академиков (вскоре было добавлено еще пять), фамилия Грушевского значилась под номером шесть. Наряду с ним в первую шестерку вошли В. Н. Перетц, Б. М. Ляпунов, В. М. Истрин, Н. К. Никольский, М. Н. Сперанский, все они принадлежали к историко-филологической элите «старой» Академии. Включение Грушевского именно в этот список говорит уже само за себя. Принять сколько-нибудь активное участие в деятельности Института славяноведения в Ленинграде Грушевскому не удалось, однако в первом томе «Трудов» Института был помещен фрагмент из четвертого тома его «Истории украинской литературы»¹¹⁴. Появление «Трудов» не осталось незамеченным в славистической среде. Так, Ильинский очень невысоко и скорее даже негативно оценил это издание в письме Ляпунову от 31 августа 1932 г.: «Впечатление от него невеселое. Это — бочка, в которой не многие ложки меду тонут в массе дегтя <...> В общем помещенные в сборнике статьи представляют концерт довольно какофонический, и я радуюсь, что моя скромная скрипка там не участвует»¹¹⁵. Ученый, однако, среди немногих научных публикаций отметил работу Грушевского. Двумя днями ранее он же в письме М. Г. Попруженко в Софию сообщал: «На днях в Ленинграде вышел I т[ом] „Трудов [Института] славяноведения Академии наук СССР“». Сборник производит странное впечатление: рядом с вполне научными и вполне приличными статьями (Сперанского, Грушевского и некоторых других) там помещены и такие, которым бы скорее надлежало появиться в разных газетных листках, чем в органе научного учреждения»¹¹⁶. Кстати, публикация статьи «Самовидец Руины и его позднейшие отражения» была, по признанию самого Грушевского, единственной его работой по украинистике, опубликованной в 1931 г.¹¹⁷

Вся жизнь Грушевского 1931–1934 гг. была связана с Москвой, исследователи относят данный период к наименее изученным страницам его биографии¹¹⁸. Круг общения ученого, по-видимому, был невелик; узнать о

нем удается из материалов, связанных с так называемым «делом славистов» или «Русской национальной партии» (РНП), а также из донесений агентов, продолжавших следить за связями Грушевского еще со времен его ареста по делу «Украинского национального центра».

В качестве главных обвиняемых в новом сфальсифицированном деле фигурировали такие московские знакомые Грушевского, как Сперанский и Ильинский, а из ленинградских — Перетц. Самого Грушевского также предполагалось включить в «политический центр» РНП. Сперанский на допросах подтверждал близкое знакомство с Грушевским, признавая, что с ним «беседовал об Украине, но только о тяжелом положении науки на Украине, о тяжелом положении ВУАН, о том, что так хорошо начатая научная деятельность за последние годы значительно сократилась»¹¹⁹. Надо сказать, что Сперанский на рубеже 1920–1930-х гг. вообще играл среди московских коллег роль некоего организующего начала. Как свидетельствовал Н. Н. Дурново в своих показаниях, данных им 11–12 августа 1934 г. уже в Соловецком лагере, с 1906 г. понедельник у Сперанского был открытым днем, и «на собраниях у Сперанского бывали самые разнообразные посетители, преимущественно ученые. Последнее время чаще других бывали профессор Г. А. Ильинский с женой и академик М. С. Грушевский»¹²⁰.

Близость Грушевского к Сперанскому подтверждается и в донесении однофамильца ученого, Н. Грушевского, от 23 июля 1934 г. Этот секретный сотрудник НКВД был подослан в Киеве к сестре академика Г. С. Шамрай под видом «надежного украинца». «Относительно московских связей М. С. Грушевского, — доносил сексот, — удалось установить, что к нему ближе всех в Москве стоит академик Сперанский, специалист по древней литературе. Шамрай, рассказывая о том, что Грушевский работает в Москве полным ходом¹²¹, сетовала, однако, что ему часто недостает источников (вся библиотека в Киеве осталась у него дома) и что он пользуется в Москве преимущественно библиотекой Сперанского»¹²². Создается впечатление, что агент и его непосредственное начальство не были в курсе того, что 16 июня 1934 г. Сперанского уже приговорили к трехлетней ссылке¹²³. Возможно, неизвестно им было и о том, что сам Грушевский фигурировал в составленном еще в конце марта 1934 г. «Обвинительном заключении» по делу РНП, в списке ее «политического центра» под № 2: «академик М. С. Грушевский, б. председатель Центральной Рады на Украине, проживает в Москве»¹²⁴.

Подводя итоги, можно констатировать, что в среде русской академической элиты отношение к Грушевскому как к ученому-коллеге неизменно было достаточно доброжелательным, высоко оценивались его научные труды. До 1917 г. политические пристрастия ученого воспринимались толерантно, либерально настроенные люди науки расценивали его скорее как союзника в общей борьбе за реформирование государственной системы России. Крайне негативно воспринималась политическая деятельность

Грушевського тільки в непродолжительный период, когда ученый возглавлял Центральную раду. После возвращения Грушевського из эмиграции в СССР сохранившаяся часть научной элиты вновь видит в нем безусловно-го союзника в противостоянии натиску новых большевистских властей. Надо сказать, что и власти прекрасно осознавали эту близость, включая Грушевського вместе с его русскими коллегами в проект готовившегося «Дела славистов». Привлечен к этому делу Грушевський так и не был. Но и года, когда «дело славистов» завершилось осуждением его коллег, ученый не пережил. М. С. Грушевський скончался 25 ноября 1934 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Пасько І.* 3 петербурзьких адресатів М. С. Грушевського. Листи до О. О. Шахматова (за матеріалами архіву Російської академії наук у С. Петербурзі) // *Архіви України.* 1996. № 1–3. С. 98–109; *Макаров В. І.* Листування М. С. Грушевського й О. О. Шахматова // *Український історичний журнал.* 1996. № 5, 6. Последняя публикация справедливо подвергнута критике за небрежную передачу текстов, см.: Ссылка М. С. Грушевського / Подготовил П. Елецкий // *Минувшее. Исторический альманах.* СПб., 1998. № 23. С. 207.
- ² *Верстюк В. Ф., Пиріг З. Я.* М. С. Грушевський. Коротка хроніка життя та діяльності. Київ, 1996. С. 72.
- ³ Большинство материалов, связанных с арестом и ссылкой Грушевського, в том числе письма к Константину Константиновичу А. С. Грушевського и самого ученого опубликованы, см.: Ссылка М. С. Грушевського... С. 207–262; часть тех же документов опубликована, см.: «Я никогда не выступал против России». М. С. Грушевський и русские ученые (1914–1916 гг.) / Публ. А. А. Варлыго // *Исторический архив.* 1997. № 4. С. 185–199.
- ⁴ См.: *Робинсон М. А.* Восточные славяне в XVII–XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие. Материалы «круглого стола» // *Славяноведение.* 2002. № 2. С. 6–8, 12–13; *Он же.* Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период) // *Белоруссия и Украина. История и культура.* Ежегодник 2003. М., 2003. С.144–146, 182.
- ⁵ ИРЛИ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 250. Л. 4–5.
- ⁶ Там же. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 117 об.
- ⁷ Из дневника Константина Романова // *Красный архив.* 1930. № 6 (43). С. 108, 112, 113.
- ⁸ Цит. по: Ссылка М. С. Грушевського... С. 218–219.
- ⁹ Там же. С. 221.
- ¹⁰ Там же. С. 222.
- ¹¹ ИРЛИ Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л.175.
- ¹² ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 45, 45 об.
- ¹³ *Малик Я.* Кримінальні переслідування Михайла Грушевського (1914–1934 рр.) // Михайло Грушевський. Збірник наукових праць і матеріалів Міжнародної ювілейної конференції, присвячено 125-й річниці від дня народження Михайла Грушевського. Львів, 1994. С. 416.

- 14 Цит. по: Ссылка М. С. Грушевского... С. 234.
- 15 Цит. по: *Макаров В. І.* Листування М. С. Грушевського... С. 31.
- 16 ПФА РАН. Ф. 113. Оп.3. Д. 131. Л. 3–4.
- 17 Там же. Л. 22.
- 18 Ссылка М. С. Грушевского... С. 234–237.
- 19 ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 716. Л. 41.
- 20 Цит. по: Ссылка М. С. Грушевского... С. 243.
- 21 *Верстюк В. Ф., Пиріг З. Я.* М. С. Грушевський... С. 74.
- 22 Цит. по: Ссылка М. С. Грушевского... С. 230.
- 23 *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 272.
- 24 Там же. С. 279.
- 25 *Царинный А.* Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М. 1998. С. 189.
- 26 Там же. С. 188.
- 27 *Романовский Ю. Д.* Украинский сепаратизм и Германия // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М. 1998. С. 304.
- 28 *Верстюк В. Ф., Пиріг З. Я.* М. С. Грушевський... С. 76.
- 29 *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941): Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 33.
- 30 ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 4. Д. 62. Л. 93–93 об.
- 31 *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма... С. 275.
- 32 ИРЛИ Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 203–203 об.
- 33 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 30.
- 34 ПФА РАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 181. Л. 52–52 об.
- 35 См. подробнее: *Сохань П. С., Ульяновський В. І., Кіржаєв С. М.* М. С. Грушевський і Academia. Ідея, змагання, діяльність. Київ, 1993. С. 36–51.)
- 36 Цит. по: Там же. С. 38.
- 37 Там же. С. 26.
- 38 Там же. С. 45.
- 39 «Грушевский сделал огромное дело для возрождения украинского народа...» / Публ. В. П. Волкова // Исторический архив. 1997. № 4. С. 201–202.
- 40 АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1829. Л. 26.
- 41 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 36–36 об.
- 42 ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 326 об.
- 43 Там же. Л. 337.
- 44 Положение об обязательности всех публикаций УАН на украинском языке было сформулировано в §21 ее Устава, опубликованном 26 ноября 1918 г. По желанию автора допускалась также одновременная публикация работы на одном из пяти языков: французском, немецком, английском, итальянском и латыни (Історія Академії наук України 1918–1923. Документи і матеріали. Київ, 1993. С. 171).
- 45 Подобное требование содержалось в § 62 Устава УАН: Там же. С. 174.
- 46 Там же. Л. 337–337 об.
- 47 Там же. Л. 337 об.
- 48 См. подробнее: *Робинсон М. А.* Выборы В. Н. Перетца в Украинскую Академию наук в 1919 г. // Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture.

- Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff / A cura di M. Di Salvo, G. Moracci, G. Siedina. Firenze, 2008. P. 187–193.
- 49 *Верстюк В. Ф., Пиріг З. Я.* М. С. Грушевський... С. 108–109.
- 50 Там же. С. 67.
- 51 См. подробнее: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 241.
- 52 ПФА РАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 118. Л. 46 об.
- 53 Там же. Л. 64–64 об.
- 54 Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.
- 55 Там же. Л. 6.
- 56 Там же. Д. 257. Л. 223 об.
- 57 Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 31. Л. 22.
- 58 Там же. Л. 37–37 об.
- 59 Там же. Л. 41–42.
- 60 Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 68 об.
- 61 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 63 об.
- 62 ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 84 об.
- 63 Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 31. Л. 67–67 об.
- 64 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 161. Л. 79.
- 65 Цит. по: Сохань П. С., Ульяновский В. И., Кіржаєв С. М. М. С. Грушевський і *Academia*... С. 136–137.
- 66 Цит. по: *Пристайко В. І., Шаповал Ю. І.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. Київ, 1996. С. 197.
- 67 Сохань П. С., Ульяновский В. И., Кіржаєв С. М. М. С. Грушевський і *Academia*... С. 105.
- 68 Цит. по: «Грушевский сделал огромное дело...» С. 202.
- 69 ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 131. Л. 55.
- 70 Сохань П. С., Ульяновский В. И., Кіржаєв С. М. М. С. Грушевський і *Academia*... С. 107.
- 71 Там же. С. 105–107.
- 72 Там же. С. 105.
- 73 ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 184–184 об.
- 74 Цит. по: *Пристайко В. І., Шаповал Ю. І.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД... С. 200.
- 75 Там же. С. 201–202.
- 76 Там же. С. 204.
- 77 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 241. Л. 8–8.
- 78 *Пристайко В. І., Шаповал Ю. І.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД... С. 206–207.
- 79 ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 189 об.
- 80 Там же. Л. 192–192 об.
- 81 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 101 об.
- 82 ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 190 об.–188 (нарушение пагинации).
- 83 Рецензия в журнальной публикации составила 59 страниц, см.: *Петец В. М.* Українські думи у новому виданні К. М. Грушевської // Етнографічний вістник. 1928. Кн. 7. С. 73–132.
- 84 ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 192.

- 85 Цит. по: Пристайко В. І., Шаповал Ю. І. Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД... С. 223.
- 86 Там же. С. 223–224.
- 87 Там же. С. 224.
- 88 Там же.
- 89 Там же. С. 226.
- 90 Цит. по: Ссылка М. С. Грушевского... С. 235, 236, 237.
- 91 ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 211.
- 92 Цит. по: *Пристайко В. І., Шаповал Ю. І.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД... С. 212.
- 93 Там же. С. 213.
- 94 *Пиріг Р. Я.* Життя Михайла Грушевського: останні десятиліття (1924–1934). Київ, 1993; Пристайко В. І., Шаповал Ю. І. Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД...
- 95 *Пиріг Р. Я.* Життя Михайла Грушевського... С. 87.
- 96 Там же. С. 88.
- 97 ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 227.
- 98 Там же. Л. 193 об.–194.
- 99 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 392. Л. 61 об.
- 100 ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 222.
- 101 Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1952. М., 2000. С. 54
- 102 ИРЛИ. Ф. 272. Оп. 2. Д. 120. Л. 1–1 об.
- 103 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 301, 301 об.
- 104 Там же. Л. 165.
- 105 Там же. Л. 184 об.
- 106 *Робинсон М. А.* Судьбы отечественного славяноведения глазами ученого. (По письмам Г. А. Ильинского) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992. С. 82–83.
- 107 Цит. по: «Грушевский сделал огромное дело...» С. 202.
- 108 *Пиріг Р. Я.* Життя Михайла Грушевського... С. 11–23.
- 109 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 313.
- 110 Там же. Л. 314 об.
- 111 Там же. Л. 317 об.
- 112 *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. С. 65–66.
- 113 Там же. С. 66.
- 114 Там же. С. 79.
- 115 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 361.
- 116 Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968. С. 175.
- 117 Сохань П. С., Ульяновский В. І., Кіржаєв С. М. М. С. Грушевський і Academia... С. 134.
- 118 *Пиріг Р. Я.* Життя Михайла Грушевського... С. 124.
- 119 *Ашин Ф. Д., Аллатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 95.
- 120 *Робинсон М. А., Петровский Л. П.* Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «Дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 81.

- ¹²¹ Столь оптимистической оценке работоспособности Грушевского противоречит воспоминание Вернадского о встрече с ученым в 1932 г.: «Он начал слепнуть, силы были сломаны, архивной работой не мог заниматься — но все же работал — над ист[орией] [украинской] лит[ературы]» (Цит. по: «Грушевский сделал огромное дело...» С. 203).
- ¹²² Цит. по: *Пристайко В. І., Шаповал Ю. І.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД... С. 283.
- ¹²³ *Ашин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»... С. 96–98.
- ¹²⁴ Там же. С. 71.

Чехословацкое государство и православное движение в Подкарпатской Руси (1919–1922)

Территория современной Закарпатской области в период с 1919 по 1938 г. входила в состав Чехословакии и официально именовалась Подкарпатской Русью. Потому в литературе по отношению к межвоенному периоду термины «Закарпатская Украина» и «Подкарпатская Русь» употребляются как равнозначные. Присоединение этого региона к Чехословацкой республике (ЧСР) было санкционировано советом пяти держав в Париже 3 марта 1919 г.¹ и утверждено Сен-Жерменским мирным договором 10 сентября 1919 г. Конституция Чехословакии 1920 г. провозглашала Подкарпатскую Русь автономной территорией в составе ЧСР. Предполагалось, что здесь будет действовать местный сейм, уполномоченный решать вопросы, касающиеся языка, образования, религии и местного управления. Главой края являлся губернатор, назначаемый президентом и подотчетный сейму.

5 мая 1920 г. президент Чехословакии Т. Г. Масарик назначил первого губернатора Подкарпатской Руси. Им стал Григорий Жаткович. Однако вместе с тем была учреждена и не предполагавшаяся Конституцией должность вице-губернатора, который, по мысли пражских политиков, и должен был стать реальным носителем исполнительной власти в крае. Если губернаторы назначались из числа русинской интеллигенции, то вице-губернаторы были представителями чешского чиновничества. Они контролировали отделы местной администрации, которые также возглавлялись преимущественно чехами. Первым вице-губернатором края стал Петр Эренфельд.

Несмотря на назначение губернатора, конституционное положение о предоставлении краю автономии и о создании местного сейма не было выполнено Прагой. Это привело к конфликту между Г. Жатковичем и правительством ЧСР. В результате в марте 1921 г. Жаткович подал в отставку с поста губернатора и эмигрировал в США. После этого новый губернатор не назначался до ноября 1923 г. В этот период (март 1921 — ноябрь 1923) краем управлял вице-губернатор П. Эренфельд.

Сумев добиться присоединения Подкарпатской Руси к ЧСР, пражские политики столкнулись с целым комплексом территориальных, социально-экономических, национальных, культурно-языковых и конфессиональных проблем. Этот край имел свою специфику, он принципиально отличался от всей остальной территории республики.

Подкарпатская Русь была наиболее отсталым в экономическом отношении регионом Чехословацкой республики. В течение всего межвоенно-

го двадцатилетия одной из наиболее влиятельных политических сил здесь была коммунистическая партия. Национальное самосознание русинов находилось в стадии формирования. Среди местных национальных лидеров существовало три идейных течения: великорусское (русофильское, московфильское), украинофильское и русинское. Борьба между этими течениями велась на протяжении всего межвоенного периода. Если в Подкарпатской Руси пражские политики поддерживали, главным образом, украинофильские тенденции, то в соседнем Прешовском крае словацкие власти покровительствовали русинской национальной ориентации, что в результате привело к заметным различиям в самоидентификации среди единого славянского этноса Закарпатья и Восточной Словакии.

Именно на этом чрезвычайно сложном политическом, социальном, экономическом и культурно-национальном фоне протекало православное движение, начавшееся в Подкарпатской Руси в 1919 г. Под «православным движением» в литературе принято понимать массовый стихийный переход русинов из состава Греко-католической Церкви в православие.

Напомним, что до середины XVII в. господствующее положение в этом регионе занимала Православная Церковь. Однако в 1646 (по другим данным в 1649) г. венгерские власти инициировали заключение Ужгородской унии, в соответствии с которой православное население края было включено в состав Католической Церкви с сохранением в богослужении восточного обряда. Это обращение в унию носило формальный характер и официально не оглашалось простому народу, который продолжал считать себя православным. Даже в конце XIX в. прибывшие в Америку эмигранты из Закарпатья были сильно удивлены, когда русский православный епископ отказался допустить их до причастия, поскольку официально они не являлись членами Православной Церкви². Тем не менее на момент вхождения региона в состав Чехословакии господствующее положение здесь занимала Греко-католическая Церковь. По официальным данным в 1910 г. в Подкарпатской Руси проживало лишь 558 человек православного исповедания, а в Словакии — 1439 человек³.

Массовые переходы крестьян в православие, как правило, были сопряжены с захватами униатских храмов, изгнанием из приходских домов греко-католических священников, столкновениями с полицией. Архивы чехословацких государственных учреждений полны материалов, свидетельствующих о многочисленных фактах нарушения общественного порядка в закарпатских селах, связанных с межконфессиональным противостоянием. Это дает основания некоторым исследователям именовать православное движение в Закарпатье «религиозной войной»⁴.

На самом деле внутри этого движения религиозные мотивы тесно переплетались с экономическими и национальными. Во-первых, к началу XX в. в Закарпатье все еще сохранялись крепостнические (по сути, феодальные)

отношения между униатским духовенством и паствой. Прихожане в законодательном порядке обязывались отрабатывать барщину в пользу греко-католического духовенства (так называемые коблину и роковину).

Уже в начале марта 1920 г. министр внутренних дел ЧСР Ян Брейха заявил о скором уничтожении коблины и роковины. Действительно 14 апреля того же года был издан закон (№ 290) об упразднении этих форм принудительного труда. Закон устанавливал, что государство выплатит Греко-католической Церкви компенсацию. Однако окончательное решение вопроса возлагалось на сейм Подкарпатской Руси. Поскольку же этот сейм так и не был созван, вопрос остался нерешенным. Тем не менее прихожане перестали выполнять прежние трудовые повинности в отношении униатского духовенства. Священники нередко пытались вытребовать соблюдение коблины и роковины через суд. Когда же этого сделать не удавалось, духовенство просто поднимало плату за совершение треб⁵. Таким образом, переход в православие был для крестьян не только возвратом к вере отцов, но и уходом от экономической зависимости. Православные батюшки, по убеждению местных крестьян, «были дешевле и охотно удовлетворялись самыми скромными условиями»⁶.

Во-вторых, в эпоху венгерского владычества униатское духовенство было одним из проводников мадьяризаторской политики. Так, например, в годы Первой мировой войны венгерские власти в сотрудничестве с Прешовским и Мукачевским греко-католическими епископами предприняли попытку окончательной мадьяризации славянского населения Закарпатья. В 1915 г. по распоряжению Прешовского епископа Стефана Новака в местной семинарии был выработан проект латинской транслитерации славянской азбуки в соответствии с венгерским алфавитом. Своим указом Новак запретил употребление кириллицы в школах Прешовской епархии. Также предпринимались попытки перехода на григорианский богослужебный календарь. В 1916 г. сходные процессы начались и в Мукачевской епархии⁷. Поэтому между мадьяризованной иерархией и славянской паствой существовало еще и национальное противостояние.

К моменту образования ЧСР в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии продолжали действовать две греко-католических епархии. В состав Прешовской входило около 220 приходов, в состав Мукачевской — около 270. Оба униатских епископа были противниками присоединения края к Чехословакии. В ноябре 1918 г. после падения Австро-Венгрии Мукачевский епископ Антоний Папп издал обращение к духовенству епархии, в котором призывал противодействовать как чехословацкой, так и украинской и российской агитации и сохранять верность новому венгерскому правительству. Фактически А. Папп поддержал идею автономии края в составе Венгрии⁸. Прешовский же епископ Стефан Новак 23 января 1919 г. покинул свою епархию (занятую чехословацкой армией) и уехал в Будапешт,

где возглавил Лигу обороны целостности Венгрии. Лишь 3 марта 1922 г. Ватикан официально заявил об отставке (релунциации) С. Новака. 24 августа 1922 г. в качестве временного администратора епархии в Прешов был направлен епископ Дионисий Ньяради — этнический русин, проживавший в Хорватии и управлявший там Крыжевацкой епархией⁹. Постоянный же епископ в Прешов был назначен Ватиканом лишь в 1927 г. Им стал Павел Гойдич, с именем которого связаны окончательный отказ от прежней промадьярской позиции Греко-католической Церкви на Прешовщине и активная поддержка русинской национальной ориентации.

Хотя епископ Антоний Папп после присоединения края к Чехословакии и не покинул свою епархию, все же присягу на верность ЧСР он принес лишь в 1923 г. В 1924 г. он все же покинул Мукачево и навсегда уехал в Венгрию. Его преемником стал епископ Петр Гебей, который, так же как и Павел Гойдич, стал поддерживать местные славянские традиции¹⁰. Таким образом, лишь с середины 1920-х гг. греко-католическая иерархия окончательно отказалась от прежней промадьярской ориентации. При этом рядовое униатское духовенство края далеко не всегда поддерживало позицию епископов. Среди греко-католических священников были и русофилы, и украинофилы, и русинофилы.

Тем не менее деятельность епископов С. Новака и А. Паппа как в годы войны, так и после падения Австро-Венгрии способствовала усилению в крае антиуниатских настроений. Как местное население, так и чешские и словацкие чиновники воспринимали Греко-католическую Церковь как провенгерскую политическую силу. Православную же Церковь, напротив, считали носителем славянской идентичности, которая именно за это преследовалась в течение нескольких столетий. Православное движение в Подкарпатской Руси чешские чиновники поначалу считали аналогом антикатолического движения в Чешских землях и потому не препятствовали спонтанным массовым переходам местного населения в православие.

Однако, несмотря на внешнюю схожесть с чешскими антикатолическими акциями, православное движение в Закарпатье имело свою специфику. Если в Чехии антиримское движение было тесно связано с падением религиозности в целом (почти половина вышедших из состава Католической Церкви жителей Чехии, Моравии и Силезии во время переписи 1921 г. заявили, что не исповедуют никаких религиозных взглядов), то в Закарпатье процент атеистов был ничтожно мал (по той же переписи к категории «без исповедания» здесь отнесли себя лишь 1167 человек, то есть менее 0,2% населения). Глубокая религиозность русинов была для чехов совершенно непривычной. При этом верующими в Закарпатье оставались даже представители крайних левых партий. Как вспоминал Яромир Нечас, в 1920 г. работавший секретарем губернатора Подкарпатской Руси, «даже большевистские вожди» русинов регулярно посещали церковь, местные социал-де-

мократы с почтением приветствовали священников, а одно из антиклерикальных собраний в Ужгороде началось приветствием «Слава Иисусу Христу!»¹¹. Поэтому широкое распространение в крае коммунистических идей вовсе не означало падения религиозности. И не удивительно, что во время предвыборной кампании 1924 г. коммунисты вели активную агитацию среди православного населения. 7 апреля 1924 г. вице-губернатор Подкарпатской Руси сообщал в МВД ЧСР, что коммунисты поддерживают захваты храмов и распространяют мысль, что не только храмы, но и приходские дома, пастбища, луга и леса — все это принадлежит народу. В результате в некоторых селах с преобладающим православным населением на выборах, действительно, победили коммунисты¹².

Таким образом, православное движение имело тенденцию к сближению с нежелательными для Праги политическими силами. С одной стороны, сам факт перехода в православие означал идейную ориентацию на Россию, как на страну с преобладающим православным славянским населением. Поэтому в православном движении заметную (порой ведущую) роль играли представители русофильских политических сил (например, А. Ю. Геровский), настроенные резко против ЧСР. С другой стороны, специфика края была такова, что нельзя было исключать и распространения среди православных крестьян коммунистических настроений.

Еще одной проблемой, усугублявшей и без того непростую конфессиональную ситуацию, было сохранение в Словакии и Подкарпатской Руси старого венгерского законодательства, которое намеренно усложняло процедуру смены вероисповедания. Переход из Греко-католической Церкви в православие оформлялся в соответствии с законом, изданным в Венгрии еще в 1868 г. Этот закон предполагал, что решивший сменить свое вероисповедание гражданин должен подать соответствующее прошение нотариу¹³ в присутствии греко-католического священника и специально созванной комиссии. Во-первых, эта процедура не предполагала массовых переходов в другую конфессию. Она строилась на личном контакте между просителем, представителями местной администрации и униатским священником. Во-вторых, во время охватившей край «религиозной войны» местные жители вообще отказывались эту процедуру соблюдать. Они не подавали в органы власти заявлений о смене вероисповедания, утверждая, что от рождения были православными и официально унию никогда не принимали.

Регистрации православных общин в регионе проводились на основании венгерского закона 1895 г. (№ 43). Особенностью этого закона было положение о том, что до времени создания для новообразованной конфессии высших административных органов (епархии и консисторий) государство брало на себя прямой надзор над ее финансовой и хозяйственной деятельностью (§16, 20 закона)¹⁴.

Также по венгерским законам храм и церковное имущество могли перейти в собственность новой религиозной общины лишь в том случае, если к ней законным образом примыкали все до единого прихожане старого вероисповедания. Даже если в некоторых населенных пунктах и случались такие стопроцентные переходы в православие, юридически они никогда не оформлялись должным образом, поэтому закон был на стороне греко-католиков, и униатское духовенство нередко обращалось за помощью к правоохранительным органам. Неоднократно полиция силой пыталась возвратить захваченные храмы униатам, что приводило к вооруженным столкновениям¹⁵.

В начале 1926 г. Мукачевский униатский епископ Петр Гебей в своем письме в Министерство образования ЧСР перечислил 37 храмов, незаконно захваченных православными. При поддержке государства в течение 1926 г. 20 из них были возвращены греко-католикам. Остальные 17 были оставлены в пользовании православных, так как возвратить их униатам было практически невозможно. По словам вице-губернатора Подкарпатской Руси, в этих семнадцати общинах либо уже вообще не было ни одного греко-католика, либо их остались единицы¹⁶.

Поскольку в 1920–21 годах вопрос о будущей форме взаимоотношений государства и церкви в Чехословакии оставался нерешенным, правительство ЧСР считало преждевременным принятие каких-либо однозначных решений по конфессиональной ситуации в Подкарпатской Руси. В результате вплоть до 1925 г. в Словакии и Закарпатье сохраняли силу архаичные венгерские законы. Лишь 23 апреля 1925 г. президент Т. Г. Масарик подписал новый закон «О взаимоотношениях религиозных исповеданий» (№ 96), отменивший прежние австрийские и венгерские законодательные акты.

Уже в начале 1920 г. количество православного населения Подкарпатской Руси оценивалось в 50 000 человек. По переписи населения 1921 г. православных в крае оказалось 60 599 человек, что составляло 16% населения, а к 1924 г. их было уже 100 000 человек¹⁷. Эта положительная динамика сохранялась и в последующие годы. По данным переписи населения 1930 г., в Закарпатье проживало 111 987 человек православного исповедания¹⁸. При этом в первой половине 1920-х гг. в крае наблюдалась острая нехватка духовенства. К началу 1920 г. здесь проживало не более пяти православных священников¹⁹. К тому же в Подкарпатской Руси отсутствовала какая-либо церковная организация.

До распада Австро-Венгрии православное население Словакии и Подкарпатской Руси номинально находилось в подчинении Карловацкого митрополита (его резиденция располагалась в Сремских Карловцах, откуда и получила свое название митрополия), который практически не имел возможности как-то распространить свою деятельность на эту террито-

рию. Фактическую поддержку православные русины получали от Русской Православной Церкви. Теперь, когда край охватило православное движение, вопрос о высшей церковной власти, которой должны были подчиняться стихийно создаваемые общины, приобрел первостепенное значение.

После распада Австро-Венгрии Сремски Карловцы оказались на территории Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС). В мае 1919 г. все православные епархии, находившиеся на территории Королевства, были объединены в единую Поместную Церковь. 12 сентября 1920 г. в Сремских Карловцах состоялся Архиерейский Собор, который восстановил в Сербской Церкви патриаршую форму правления. В тот же день на Патриарший престол был избран Белградский митрополит Димитрий. В результате прежняя Карловацкая митрополия, распространявшая свою власть в том числе и на территорию Словакии и Закарпатья, стала частью Сербской Православной Церкви (СПЦ)²⁰. Таким образом, логика развития событий подсказывала, что представителям православного движения в Закарпатье следует налаживать связи с СПЦ.

Первые попытки связаться с СПЦ относятся еще к началу 1920 г. В марте 1920 г. чехословацкий посол в Белграде А. Калина сообщал в Прагу, что сербскую столицу посетило два делегата из Подкарпатской Руси. Они просили руководство СПЦ направить в Закарпатье православных священников. По информации посла, Белградский митрополит (впоследствии — патриарх) Димитрий отнесся к этой просьбе весьма осторожно. Сербская Церковь не рискнула разворачивать свою деятельность в Закарпатье без согласия правительства ЧСР²¹.

В конце августа — начале сентября 1920 г. Подкарпатскую Русь посетил представитель Сербской Церкви епископ Нишский Досифей (Васич). Он побывал в нескольких населенных пунктах, охваченных православным движением, и пообещал православным русинам помощь СПЦ в деле организации церковных общин²². Позже посол ЧСР в Белграде А. Калина сообщал в Пражский МИД, что Досифей подробно информировал Сербского патриарха Димитрия о положении дел в Подкарпатской Руси, основываясь на собственных впечатлениях²³.

После визита епископа Досифея в Закарпатье местное население стало рассматривать его как своего главного помощника в деле создания в крае организационных структур Православной Церкви. Однако вице-губернатор Подкарпатской Руси П. Эренфельд еще 2 августа 1920 г. писал в Президиум Совета Министров ЧСР, что он против приезда в край сербского епископа, полагая, что это лишь усилит здесь сепаратистские настроения и ослабит единство Чехословацкого государства. И впоследствии Эренфельд не был склонен поддерживать деятельность епископа Досифея²⁴.

1 декабря 1920 г. Архиерейский Собор СПЦ, заслушав отчет Досифея о его деятельности в Чехословакии, принял постановление (№ 132) о на-

правлении его в ЧСР в качестве своего официального делегата. В круг обязанностей епископа Досифея входило в том числе и временное руководство православными общинами в Подкарпатской Руси²⁵. В очередной раз он прибыл в Прагу 11 марта 1921 г.

Вполне очевидно, что епископ Досифей приоритетным направлением своей деятельности считал переговоры с отколовшейся от Рима Чехословацкой Церковью на предмет ее присоединения к православию. Закарпатью же он уделял значительно меньше внимания. При этом православное население края ждало от него реальной поддержки в деле создания органов церковного управления. Однако в течение нескольких месяцев после очередного приезда в республику епископ Досифей пребывал в Чехии и Моравии. Это породило слухи, что власти препятствуют его поездке в Закарпатье. Тем самым конфессиональное противостояние в крае было лишь усугублено. 8 августа 1921 г. епископ Досифей наконец-то приехал в Ужгород и отправился в поездку по местным православным общинам²⁶.

21 августа в поселке Иза под председательством епископа Досифея состоялось собрание представителей православных общин Подкарпатской Руси, на котором присутствовали 179 делегатов от шестидесяти общин. Здесь был создан временный Епархиальный совет, уполномоченный руководить православным движением в отсутствие епископа. Собрание заявило о подчинении православных приходов Закарпатья Сербской Православной Церкви. Также был утвержден проект устава Православной Церкви Подкарпатской Руси, составленный епископом Досифеем вместе с профессором К. Богатырцем²⁷. По некоторым сведениям, собрание избрало Досифея временным епископом Подкарпатской Руси. Возможно, именно поэтому в частной переписке он иногда указывал свой титул как «епископ Нишский и Карпаторусский»²⁸. Однако уже через несколько дней после собрания в Изе епископ Досифей покинул Закарпатье. 29 августа он участвовал в работе Собора Чехословацкой Церкви в Праге, вскоре после которого уехал в Королевство СХС для подготовки там епископской хиротонии Горазда Павлика. В Прагу он вернулся лишь в начале ноября 1921 г.

15 ноября 1921 г. епископ Досифей при личной встрече с главой правительства и министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем передал ему проект устава, принятый в Изе, и меморандум православных общин Подкарпатской Руси. Устно он также высказал просьбу разрешить въезд в Закарпатье русских и сербских священников для временного духовного руководства местными церковными общинами²⁹.

Однако к предложениям епископа Досифея правительство отнеслось весьма осторожно. Это было обусловлено целым рядом причин. Деятельность делегата Сербской Церкви на территории ЧСР вызвала недовольство как высшего руководства Католической Церкви, так и чешских католических политиков. 9 октября 1921 г. Государственный секретарь Ватикана

кардинал Пьетро Гаспарри вручил послу ЧСР при Папском престоле Камилу Крофте ноту протеста, в которой осуждалась деятельность епископа Досифея. При передаче ноты состоялась беседа между К. Крофтой, кардиналом П. Гаспарри и священником Франческо Боргонжини. Чиновники Ватикана выразили свое недоумение тем, что Досифей действует в Подкарпатской Руси как официальный представитель чехословацких властей. К. Крофта возразил, что епископ Досифей не имел никаких поручений от правительства ЧСР. Правительство лишь заявило, что не возражает против его поездки в Закарпатье. Однако Боргонжини заметил, что, по имеющимся у него сведениям, Досифей путешествовал по закарпатским селам на правительственном автомобиле. К. Крофта полагал, что подробности о визите Досифея в Подкарпатскую Русь были сообщены в Ватикан Пражским нунцием К. Мицарой, который в свою очередь получил их от закарпатского униатского духовенства³⁰. Таким образом, стало очевидно, что Ватикан пристально следит за конфессиональной ситуацией в Подкарпатской Руси и будет стараться защищать здесь свои интересы.

Кроме того в июне 1921 г. в МВД ЧСР была подана интерпелляция против деятельности епископа Досифея, подписанная депутатами парламента от Чехословацкой народной партии³¹. Интересно отметить, что практически одновременно с чешскими депутатами протест сходного содержания высказали и словенские католические депутаты в парламенте Королевства СХС. 16 июня 1921 г. белградская газета «Трибуна» сообщала, что словенские католики заявили в парламенте, что считают миссию Досифея вмешательством во внутренние дела другого государства³². Кроме того, еще в марте 1921 г. с подобным протестом в Югославское правительство обратился и хорватский греко-католический священник Я. Шимрак. Тогда же (в марте) папский нунций в Белграде монсеньор Черубини посетил посла ЧСР А. Калину с целью узнать о контактах между греко-католиками Подкарпатской Руси и Сербским Патриархатом. 5 марта 1921 г. А. Калина писал в МИД ЧСР, что действия католиков в Королевстве СХС и в Чехословакии связаны между собой и координируются непосредственно Ватиканом³³. Развитие событий летом и осенью 1921 г. подтверждает правомерность этого утверждения чехословацкого посла. Католическая Церковь насколько могла старалась препятствовать развитию миссии епископа Досифея. И правительственные органы ЧСР не могли оставить без внимания активность католиков, практически одновременно проявленную в Праге, Белграде и Ватикане.

Все эти факторы заставили правительство ЧСР сдержанно отнестись к инициативам епископа Досифея. В результате проект устава Карпаторусской епархии, поданный Досифеем Э. Бенешу, никогда официально в правительстве не обсуждался. Также осталась без ответа просьба о разрешении въехать в Закарпатье русским и сербским священникам.

Это привело к весьма неблагоприятным для государства последствиям. Фактически пражские власти упустили из рук инициативу (или, если быть точным, отказались взять ее на себя). Не получив законного правового оформления, православное движение в Подкарпатской Руси продолжило свое стихийное развитие. Стал действовать без учета мнения государства и епископ Досифей. Создаваемые им или при его поддержке органы церковного управления формировались без учета действовавшего в Подкарпатской Руси законодательства. Также, стремясь хотя бы отчасти решить проблему нехватки духовенства, епископ Досифей стал совершать священнические хиротонии. При этом рукополагаемые им кандидаты не всегда имели необходимое образование, что впоследствии становилось препятствием для государственного признания их полномочий. В течение 1921–1924 гг. епископ Досифей рукоположил в священник в Закарпатье 17 человек, из которых только четверо имели необходимое образование³⁴. Кроме того отсутствие официального ответа на меморандум, врученный Э. Бенешу, вновь усилило в крае античешские настроения.

В начале января 1922 г. епископ Досифей покинул ЧСР и отправился в Женеву для участия в международной конференции по вопросу помощи голодающим в России. В очередной раз он посетил Закарпатье в августе 1922 г. Он рукоположил в священник нескольких местных жителей, а также назначил главой Епархиального совета Карпаторусской епархии игумена Алексия (Кабалюка), которого он при этом возвел в сан архимандрита³⁵.

Таким образом, хотя епископ Досифей и принял под свое временное управление закарпатские приходы, однако посещал он этот регион лишь эпизодически, не имея возможности реально руководить церковной жизнью в крае. Также не увенчались успехом его попытки найти среди местных жителей подходящего кандидата во епископы, которому можно было бы поручить постоянное управление церковными общинами. Единственным православным священнослужителем, имевшим авторитет среди местного православного населения, был отец Алексей (Кабалюк). Однако он не имел богословского образования и потому в случае епископского рукоположения его полномочия не могли быть признаны Чехословацким государством.

Осенью 1922 г. после издания К. Фарским и Ф. Калоусом «Чехословацкого катехизиса» у епископа Досифея сложилась конфликтная ситуация с Пражским руководством Чехословацкой Церкви. В результате в конце ноября 1922 г. он уехал в Сербию и после этого не имел возможности посетить ЧСР до лета 1924 г. Таким образом, осенью 1922 г. завершился первый этап формирования структур Православной Церкви в Подкарпатской Руси.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что уже в первые годы существования Чехословакии стал очевидным основной круг проблем, с которыми столкнулось молодое государство в Подкарпатской Руси. Поначалу у пражских политиков не было ясного понимания того, как выстраи-

вать отношения с Православной Церковью в этом регионе. Инициатива в процессе первоначального формирования организационных структур этой конфессии принадлежала не государственным органам, а самим православным верующим. Власть не поспежала за достаточно стремительным развитием событий и не могла (а порой и не решалась) взять инициативу в свои руки.

Фактическое неучастие государства в этом процессе привело к тому, что структуры Православной Церкви в Подкарпатской Руси создавались либо вообще без учета действовавшего в республике законодательства, либо с серьезными его нарушениями. Переходы из униатства в православие далеко не всегда оформлялись юридически. Прямым нарушением закона были захваты униатских храмов и изгнания униатских священников. В священный сан рукополагались кандидаты, не имевшие необходимого образования и потому не могущие претендовать на государственное признание своих полномочий.

Ситуация усугублялась еще и тем, что в республике сохраняли силу старые австрийские и венгерские законы. Пражские политики прекрасно понимали их архаичность и неэффективность в новых исторических условиях, однако выработка новых законов требовала долгой и кропотливой работы. Поэтому власть фактически была вынуждена закрывать глаза на многочисленные нарушения действовавшего в республике законодательства.

Процесс первоначального становления административных органов Православной Церкви оказался вовлеченным и в достаточно сложный внешнеполитический контекст. Фактически уже с 1920 г. высшее духовное руководство православными общинами в ЧСР осуществлял делегат Сербской Церкви епископ Нишский Досифей (Васич). Как в Королевстве СХС, так и в самой Чехословакии миссию епископа Досифея считали важным фактором сближения между двумя государствами, являвшимися союзниками в рамках Малой Антанты. Поэтому МИД ЧСР всячески способствовал деятельности делегата СПЦ.

При этом Ватикан пытался воспрепятствовать деятельности Досифея в Чехословакии. Вполне очевидна согласованность действий католиков в ЧСР и Королевстве СХС. Это заставило главу внешнеполитического ведомства ЧСР отказаться от активной поддержки православного движения в Закарпатье, дабы не обострять и без того непростые взаимоотношения с Ватиканом. В результате власть упустила возможность преодолеть стихийный характер движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории. М., 2005. Т. 1. С. 98.

² *Ашкинази* З. Г. Православное движение в Подкарпатской Руси. Ужгород, 1926. С. 19–20.

- ³ [Gorazd (Pavlik), biskup.] Pamětní spis o právním postavení církve pravoslavné v Republice Československé. Praha, 1932. S. 5.
- ⁴ См., например: Marek P. Pravoslavní v Československu v letech 1918–1942. Příspěvek k dějinám Pravoslavné církve v Českých zemích a na Slovensku. Brno, 2004. S. 131. Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus' 1848–1948. London, 1978. S. 179.
- ⁵ Ванат І. Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. Книга перша (1918–1938). Пряшів, 1979. С. 177; Kudláček T. Likvidace kobliny a rokoviny na Slovensku a v Podkarpatské Rusi // Ročenka Československé republiky. Praha, 1930. T. 9. S. 224–225.
- ⁶ Ашкинази З. Г. Православное движение... С. 25.
- ⁷ Ванат І. Нариси новітньої історії українців... С. 39–40.
- ⁸ Там же. С. 61–62.
- ⁹ Там же. С. 180.
- ¹⁰ Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... S. 182.
- ¹¹ См.: Шевченко К. В. Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М., 2006. С. 117.
- ¹² Marek P. Pravoslavní v Československu... S. 148.
- ¹³ Нотары — руководители местных администраций.
- ¹⁴ [Gorazd (Pavlik), biskup.] Pamětní spis... S. 69.
- ¹⁵ Ашкинази З. Г. Православное движение... С. 31.
- ¹⁶ Marek P. Pravoslavní v Československu... S. 218.
- ¹⁷ Ашкинази З. Г. Православное движение... С. 28.
- ¹⁸ [Gorazd (Pavlik), biskup.] Pamětní spis... S. 5.
- ¹⁹ Grigorič V. Pravoslavná církev ve state Československem. Praha, 1928.
- ²⁰ Слїпченевїћ Воко, др. Историја Српске Православне Цркве. Београд, 2002. Књ. 2. С. 556–561.
- ²¹ Marek P. Pravoslavní v Československu... S. 140–141.
- ²² Ibid. S. 141.
- ²³ См. письмо А. Калины в МИД ЧСР от 5.03.1921. Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky (далее — AMZV). Sekce II. Karton 61. Č. 8037 — 1921 pres.
- ²⁴ Marek P. Pravoslavní v Československu... S. 142.
- ²⁵ См.: Игнатий (Шестаков), иерод., Бурега В. В. Досифей (Васич), исповедник, митрополит Загребский / Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XVI. С. 51–52.
- ²⁶ Marek P. Pravoslavní v Československu... S. 157.
- ²⁷ Grigorič V. Pravoslavná církev... S. 142.
- ²⁸ См., например, его письма митр. Евлогию (Георгиевскому) от 2.04.1923 и 4.04.1923. Архив епархиального управления православных русских церквей в Западной Европе, Париж. Папка «Прага 1921–1924».
- ²⁹ Grigorič V. Pravoslavná církev... S. 142.
- ³⁰ AMZV. Sekce II. Karton 62, složka «Československá pravoslavná církev. Různé. 1921–1924». Č. 194 dův. III 1921.
- ³¹ Interpelace 2296. Poslanecká sněmovna NSRČ. 1921. I volební období, 3 zasedání. См.: AMZV. Sekce II. Karton 62. Č. 19803 — II — 1921.
- ³² Marek P. Pravoslavní v Československu... S. 158.

---

³³ AMZV. Sekce II. Karton 61. Č. 8640 — 1921 pres.

³⁴ *Marek P. Pravoslavní v Československu...* S. 161.

³⁵ *Игнатий (Шестаков)*, иерод., *Бурга В. В. Досифей (Васич)...* С. 51–52.

М. Ю. Досталь
(Москва)

Изучение славяно-византийских отношений в отечественной историографии в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы

Дореволюционное византиноведение в России достигло мирового уровня и прославлено именами В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, П. В. Безобразова, Е. Е. Голубинского, Б. А. Панченко, Н. В. Бенешевича, Ю. А. Кулаковского, Н. П. Кондакова, А. А. Васильева и др. После октября 1917 г. византиноведческие исследования не получили поддержки у новых властей и стали постепенно сворачиваться. В 1930 г. был ликвидирован их последний оплот — Византинологическая комиссия АН СССР. Многие византинисты эмигрировали, оставшиеся в стране — пострадали от репрессий, скончались по преклонному возрасту и пр.

1939 г. стал в СССР годом возрождения не только отечественного славяноведения¹, но и византиноведения. Современные исследователи связывают этот феномен не только с научной необходимостью разработки древнейшего периода истории России, начатого в эти годы, но и, прежде всего, с формированием имперских амбиций сталинского руководства² и угрозой Второй мировой войны. Важное значение в этом направлении имело и «низвержение» «школы» М. Н. Покровского, «которая игнорировала византийскую историю, особенно в ее взаимоотношении со славянами»³.

Возрождение византиноведения выразилось, прежде всего, в его институционализации в Ленинграде (основание византийской группы в Ленинградском отделении Института истории АН СССР в 1939 г.⁴, создание в 1940 г. византийского отделения на филфаке ЛГУ). В 1943 г. в Москве сформировалась византийская научная группа под руководством члена-корреспондента АН СССР Е. А. Косминского, поставившая целью своей деятельности объединение работы византинистов во всесоюзном масштабе⁵. Ученые подготовили еще до войны к печати «Византийский сборник», вышедший только в 1945 г.⁶ С 1947 г. возобновился выход «Византийского временника».

Реабилитация византиноведческих исследований сразу же поставила перед советскими учеными «патриотическую» задачу показать роль славян во взаимоотношениях с Римской и Византийской империями, принижаемую в германской (и особенно фашистской) историографии. Но сначала надо было решить проблему, *к какому времени следует отнести начало*

миграции славян на Балканский полуостров. В историографии XIX в. господствовало мнение, опиравшееся на показания византийских писателей VI в., что начало переселения славян на этот полуостров относится именно к этому времени острейшего внешнеполитического кризиса Византийской империи.

Однако отечественные слависты и византилисты в конце того же века начали оспаривать сложившееся представление. Профессор Харьковского университета, известный болгарский историк М. Дринов в своем труде «Заселение Балканского полуострова славянами» (М., 1873) пришел к выводу, что проникновение славян в пределы Византийской империи относится к более раннему времени, к II–III вв., но только в VI в. начинается массовое продвижение славян на Балканский полуостров и продолжительные вооруженные столкновения с Византией. Известный русский византист Ф. И. Успенский позднее также не отрицал возможность проникновения отдельных славянских дружин на Балканы в IV–V вв. Но все-таки массовую миграцию славян на этот полуостров позднейшие исследователи — русский историк А. Л. Погодин, чешский славист Л. Нидерле и др. — традиционно относили к VI в.⁷

Против этого общепринятого в науке мнения в 1931 г. выступил академик Н. С. Державин. Отстаивая марристские представления об автохтонности славян в местах их нынешнего проживания, он полагал, что вся территория от берегов Эгейского и Адриатического морей «вплоть до Карпат и Среднего Днепра представляет собой известное единство в хозяйственном отношении». И вся эта территория, по его мнению, была уже плотно заселена славянами, но только в VI в. начались их военные столкновения с Византией⁸. Другие советские историки (А. В. Мишулин, Б. Т. Горянов, М. В. Левченко, Б. Д. Греков), также разделяя положения об автохтонности славян, на этот раз не поддержали мнение Н. С. Державина. Они, опираясь на данные источников, по-прежнему утверждали, что их массовая миграция на Балканский полуостров началась с VI в.⁹

Несмотря на критику в печати, Н. С. Державин остался верен своим взглядам и в 1940-е гг. В первом томе своей «Истории Болгарии» (1945) он продолжал утверждать, что «нынешнее население Балканского полуострова, в том числе, как и насельники всего Днепро-Дунайского бассейна... не пришлый откуда-то с севера, с востока или запада народ, а местное, исконное население на занимаемой им ныне территории»¹⁰. Рецензенты книги В. И. Пичета и М. В. Левченко выразили отрицательное отношение к гипотезе Державина¹¹.

Вторжение славян на Балканский полуостров в пределы Византийской империи являлось только одной стороной сложной проблемы славяно-византийских отношений. Другую — составлял вопрос, какую роль сыграли славяне в ее исторических судьбах.

Решение этого вопроса составило основное содержание работ советских ученых конца 30–40-х гг. XX в. в области византиноведения. И здесь они снова обратились к трудам предшественников. Повод для размышлений предоставили труды крупных российских византинистов В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, где отмечалось, что славяне, вторгшись на Балканский полуостров, принесли с собой общину, которая внесла глубокие изменения в положение сельского населения, и что благодаря массовой славянской миграции Византийская империя в значительной степени ослабилась¹². Рано ушедший из жизни молодой византинист К. Н. Успенский в своих «Очерках по истории Византии» (1917) впервые обратил внимание на феодализацию империи¹³. Советским историкам оставалось только с марксистских позиций решить проблему влияния славянской миграции на общественно-экономические отношения в Византийской империи. Среди многих высказываний классиков марксизма о роли варварских народов в процессе формирования феодализма в Европе, в противовес фашистским историкам, приписывающим чудодейственную силу древним германцам, особое внимание было обращено на мнение Ф. Энгельса о том, что «омолодили Европу не их (германцев. — М. Д.) специфические национальные особенности, а просто... их варварство, их родовой строй»¹⁴. Вспомнили и выражение И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б) о том, что «варвары объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»¹⁵.

Из всего этого главный вывод, поддержанный большинством дальнейших исследователей, с перспективой на развитие данной отрасли науки сделал византинист Б. Т. Горянов уже в 1939 г.: «Славяне своим родовым строем, своим варварством омолодили империю, позволили ей просуществовать тысячу лет... Славяне, предки великорусского народа, передали нашей родине высокую культуру Византийской империи. Вот почему советская историческая наука, самая передовая в мире, должна иметь в числе важнейших своих отраслей византиноведение»¹⁶.

В 1940 г. профессор ЛГУ М. В. Левченко опубликовал учебник «История Византии. Краткий очерк», в котором попытался синтетически изложить историю империи «с начала Византии до ее падения при Палеологах». При этом он много внимания уделил (с марксистских позиций) социально-экономическому развитию этого государства и теме славяно-византийских отношений. «Исторический журнал» опубликовал в канун войны рецензию А. К. Бергера на эту книгу, в которой выражено несогласие с утверждавшейся в советской науке тенденцией придавать чрезмерную роль в преобразовании Византийской империи славянской общине. «Нужно, однако, отметить, — писал он, — не отрицая роли славянской или иной варварской цивилизации, что источники всё же не свидетельствуют о столь радикальной аграрной революции и не указывают на варварскую цивилизацию как на причину исчезновения господствовавших в VI веке колонат-

ных отношений и появления на их месте свободного крестьянства в VII веке», которое, по мнению А. К. Бергера, образовалось «не столько благодаря варварской колонизации, сколько генетически было связано... с сельскими трудовыми массами» местного происхождения¹⁷.

Если в 1939 г. еще позволялось иметь иное мнение о ведущей роли славян в «омоложении» Византийской империи, шедшее в фарватере утверждающейся сталинской имперской политики, то постепенно критики отступали в тень. Принципиальное значение для формирования новой концепции имела публикация в 1941 г. статьи А. В. Мишулина «Древние славяне и крушение Восточноримской империи»¹⁸. Она являлась развитием положений почти аналогичной по названию статьи 1939 г., опубликованной в «Вестнике древней истории»¹⁹. Автор не скрывал, что актуальность тематики диктуется не только научными, но и политическими причинами. Он указал, что «если история Западноримской империи в результате вторжения германских и галльских варварских племен, а также кризиса самого рабовладельческого производства более или менее разработана в исторической литературе, то в истории падения Восточноримской империи многое еще не ясно»²⁰. Среди нерешенных проблем автор назвал вопросы о том, как происходил процесс распада античной цивилизации на Востоке, о складывании здесь феодальных отношений, о внутренних и внешних факторах распада этой империи и образования Византии²¹. Среди политических причин обращения к данной тематике А. В. Мишулин подчеркнул необходимость разоблачения измышлений фашистской историографии о «неполноценности» славянских народов, призванных якобы быть в услужении у подлинно «полноценной», германской «арийской расы», и опровержения «доказательств» того, что «во все времена истории человечества, начиная с древнейших времен, славяне покорялись другим народам»²².

Опираясь на свидетельства древних историков, А. В. Мишулин стремился доказать, что протославяне, скрывавшиеся отчасти под именами скифов, сарматов, роксоланов в I–IV вв., вместе с другими варварскими племенами способствовали падению рабовладельческой Западной Римской империи, сыграв тем самым прогрессивную роль в истории смены устаревшего общественно-экономического строя другим, более прогрессивным. Второй период борьбы с Римской империей на Востоке относится к VI–VII вв., когда судьба империи всецело решалась вторжениями славян, которые постепенно расселились по всему Балканскому полуострову. А. В. Мишулин солидаризировался с мнением большинства советских историков, полагавших, что славяне принесли на Балканы новый экономический строй, общинные отношения. «Историческая роль славян в их вторжении в Восточноримскую империю, — писал он, — заключается именно в том, что принесенная славянами община довершила разложение рабовладельческого строя, создала толчок для наметившегося еще в эпоху Юстиниана процесса феодализации

и образования Византии»²³. Автор отмечает и обратную сторону процесса — влияние Восточной Римской империи на темпы социального развития славян. В отличие от Б. Д. Грекова, Н. С. Державина, Б. А. Рыбакова и других ученых, писавших об изначально высоком культурном уровне славянских племен, А. В. Мишулин считал их древний «культурно-исторический облик» примитивным. Но эту «некультурность» славян он по марксистским канонам «компенсировал» не восприятием ими рабовладельческого строя, а построением своей государственности. По его мнению, непрерывные столкновения славян с Римской империей сыграли роль «толчка, усилившего темп социального развития древних славянских племен»: от первобытно-общинного строя они перешли к «военной демократии» как переходной форме к государству. Автор полагал не случайным тот факт, что первые славянские государственные объединения VII в. — княжество Само к северу от Дуная и держава Аспаруха к югу — возникли на территории или на границах с империей, в борьбе с нею. Особую роль в этом процессе он отводит Киевской Руси, полагая, что и «Киевская держава в IX–X вв. противостояла Византии и являлась мощным оплотом славянских народов, а вместе с тем и фактором развития государственности на Балканах»²⁴.

А. В. Мишулин приходит к выводу о том, что под ударами славянских племен из Приднепровья и Приднестровья Восточная Римская империя деформировалась. Образовавшиеся на ее границах славянские государства — Чехия, Болгария, Сербия, Киевская Русь — «дальнейшей борьбой с Византией довершили распад этой рабовладельческой монархии». Кроме того, «исторически прогрессивная роль» славянских вторжений заключалась, по мнению ученого, в привнесении в Византию общинных отношений, что создавало предпосылки для ее перехода к «феодальной системе хозяйства». Сами древние славяне также перешли к феодализму, «минув рабовладельческую ступень развития»²⁵.

В дополнение к своей статье А. В. Мишулин по просьбе редакции «Исторического журнала» поместил в 1942 г. публикацию «Древние славяне. Документы о вторжении древних славян в Восточноримскую империю в VI–VII веках нашей эры». Ученый привел восемь отрывков из трудов древних авторов (Иордана, Прокопия, Маврикия, Феофилакта Симокатты, Иоанна Эфесского), которые свидетельствовали, по его мнению, о том, что «весь VI и VII века нашей эры были заполнены постоянными вторжениями славян в пределы Восточноримской империи» и что «во всех войнах и стычках древние славяне неизменно проявляли свои характерные черты (не „кротко-миролюбивые“, как у П. Й. Шафарика, а напротив, „боевитые“, столь востребованные в период войны с германским фашизмом. — М. Д.): необыкновенную воинственность и стойкость в битвах, выносливость, отвагу, любовь к свободе»²⁶. Источники должны были наглядно показать, что вторжения славян вызывали в ряде мест империи назревшие уже восстания

рабов, которые вместе со славянами приняли деятельное участие в крушении рабовладельческого строя Восточно-Римской империи аналогично и не хуже, чем это сделали германские племена с Западно-Римской империей.

Итак, вывод А. В. Мишулина о том, что «культура Византии — это синтез античной цивилизации и славянской самобытной культуры»²⁷ и что славяне содействовали «омоложению» Византии и «этим на тысячу лет продлили ее существование»²⁸, прочно утвердился в советской историографии. Его, так или иначе, развивали в своих исследованиях Б. Г. Горянов, М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, Б. Д. Греков²⁹. Последний, имея приоритет в утверждении концепции, что Киевская Русь миновала стадию рабовладения, переносил это понимание на славянскую общину в Византии. Он, например, писал: «В византийской деревне восторжествовали порядки, характерные для славянского, германского, армянского, грузинского и других новых обществ той поры... Рабство не совсем исчезло, но заняло весьма скромное место, подобно тому, как и в других европейских государствах. Византийская империя, этот пережиток мировой Римской державы, стала очень похожа на варварские средневековые государства»³⁰.

Е. Э. Липшиц, много лет работая над юридическими источниками, в частности над «Земледельческим законом», пришла к выводу о влиянии славянской общины на процесс феодализации византийского общества. В историографии долго шел спор о датировке этого памятника и о том, отражал ли закон отношения, принесенные славянами, или он являлся результатом законодательной деятельности византийских императоров, тем самым подтверждая фискальную теорию происхождения общины. С последней теорией советский византолог никак не могла согласиться. Е. Э. Липшиц проанализировала в ряде работ³¹ содержание «Земледельческого закона» в связи с реалиями славянской колонизации и сопоставила его с варварскими правдами. Она пришла к заключению, что общины, представленные в «законе» и «правдах», принципиально идентичны, а посему «Земледельческий закон» является своеобразной кодификацией славянского обычного права. Принятие закона и славянская колонизация способствовали экономическому подъему империи, выходу в VII–VIII вв. из длительного кризиса, ее феодализации и продлению существования³².

Не изменил своей позиции только академик Н. С. Державин, который по-прежнему считал их автохтонами на Балканском полуострове. Не проявив желаемой в таком случае гибкости в своих умозаключениях, он так и не смог признать значения «славянского вторжения для исторических судеб Византийской империи» и утверждения там новых феодальных отношений. Эта позиция Державина, идущая вразрез с новой концепцией советских византинистов, как уже указывалось, была подвергнута критике со стороны В. И. Пичеты на заседании кафедры истории южных и западных славян в МГУ, а затем и в печати³³.

Как уже отмечалось, новые подходы советских историков к оценке определяющей роли славян в крушении рабовладельческой Западной Римской империи и феодализации Восточной трудно и невозможно было бы выработать без учета достижений дореволюционной российской и зарубежной историографии. Не случайно, что в канун и в годы Великой Отечественной войны подняли на щит известных русских византинистов мирового уровня В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, впервые поставивших вопрос о славянизации балканской территории Византии и роли славянской общины в ее «омоложении». «Вспомнили» даже о заслугах выдающегося историка византийского искусства Н. П. Кондакова, вынужденного эмигрировать из России и потому на долгое время вычеркнутого из анналов отечественной науки. Между тем он основал в Праге международный византийский семинарий, превратившийся после смерти ученого в Археологический институт его имени. В Академии наук СССР состоялось несколько сессий, посвященных памяти выдающихся русских византинистов. Первая такая сессия в Отделении общественных наук прошла в 1938 г. и была приурочена к 100-летию со дня рождения В. Г. Васильевского. С докладами на ней выступили академик С. А. Жебелев («В. Г. Васильевский об изучении византийских древностей») ³⁴ и академик Б. Д. Греков («История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского») ³⁵. Последний, в частности, отметил: «В. Г. Васильевский вошел в водоворот самых спорных, самых темных и трудных вопросов, поднятых русской наукой, и вышел из этого водоворота с честью. Он дал нашей науке так много нового и ценного, что мы вправе сказать (это не будет преувеличением), что наша наука в вопросах древности может быть разделена на два периода — до и после работ В. Г. Васильевского» ³⁶. Сессия памяти академика Ф. И. Успенского в Отделении истории и философии состоялась в апреле 1945 г. ³⁷. Открывая ее, академик В. П. Волгин, в частности, сказал, что с именем ученого «связан расцвет византиноведения в России», «его перу принадлежат крупнейшие работы по социально-экономической истории Византии, по общественно-политической идеологии, по истории взаимоотношений и связей славянских государств с Византией». С докладами выступили Е. А. Косминский, Б. Т. Горянов, Н. С. Лебедев, М. В. Левченко, Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц и др. На этой сессии было принято постановление о необходимости переиздания трудов Ф. И. Успенского, В. Г. Васильевского, возобновлении «Византийского временника» и даже о правомерности восстановления Русского археологического института в Константинополе (1895–1914). На проводимых в Отделении византиноведческих сессиях 1943, 1944 и 1946 гг. докладчики постоянно ссылались и перевозносили труды русских византинистов ³⁸. В «Историческом журнале» публиковались статьи М. А. Шангина «История славян в трудах русских византинистов», Н. С. Лебедева «Академик В. Г. Васильевский и его работа

по истории Византии» и Б. Т. Горянова «Ф. И. Успенский и русское византиноведение». Во всех этих статьях научные заслуги названных ученых оценивались чрезвычайно высоко, они назывались «корифеями русского византиноведения», каждый из которых «высказал до сего времени не превзойденное слово в той области византиноведения, в которой он работал»³⁹. Указывалось, что их труды заложили основы «русского научного византиноведения, получили признание в мировом византиноведении»⁴⁰, и что совсем удивительно для тогдашней марксистской историографии, признавалось, что работы мастеров «старой школы» интересны для современных историков не только в отношении фактологии, но и что «выводы и результаты исследований не устарели до настоящего времени». Более того, подчеркивалось, что «методы научной работы над источниками могут служить образцом для историков нашей эпохи»⁴¹. Такие далеко идущие дифирамбы в отношении дореволюционного византиноведения можно объяснить, пожалуй, только тем, что указанная выше концепция русских византинистов очень импонировала патриотизму историков-марксистов и имперским амбициям руководящей партийной элиты. Отметим, что «патриотическая» тенденция к признанию наследия отечественной науки распространялась и поощрялась на исходе войны во многих гуманитарных дисциплинах, в том числе и в славяноведении, хотя, конечно, приоритетность и авангардность марксистской науки всегда оставались неоспоримыми.

«Черные времена» наступили для некоторых советских византинистов на исходе кампании борьбы с космополитизмом в первые месяцы 1949 г. Об этом свидетельствует, в частности, объединенное заседание Сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков МГУ 23 марта, стенограмма которого недавно опубликована⁴². Стрелы критики были направлены против многих выдающихся медиевистов Е. А. Косминского, А. И. Неусыхина, С. Д. Сказкина, Р. Ю. Виппера, а также О. Л. Вайнштейна, Ф. А. Коган-Бернштейн и др., которых необоснованно обвинили в низкопоклонстве перед западной наукой. Так же как и на кафедре истории южных и западных славян⁴³, наиболее «смело» клеймили маститых ученых молодые неопиты. Среди славистов-византинистов более всего пострадал Б. Т. Горянов, отчасти М. В. Левченко и др. Так, Горянова обвинили не только в «низкопоклонстве» перед иностранной наукой (апологетика французского византиниста Ш. Диля), в стремлении утвердить тезис о «единой мировой науке» (космополитизм), но и, вместе с Левченко, как раз в уважительном отношении к трудам дореволюционных византинистов В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, что так поощрялось на исходе войны. В выступлении некоего Старостина это выразилось отчетливее всего. В частности, он указал: «В работах Б. Т. Горянова об Успенском превозносится реакционное славянофильство. Указывается, что работы таких людей, как Хомяков, Ламанский, словом, реакционных

славянофилов, подготовили в России почву для научного исследования. Объяснение Успенским падения первых славянских образований на Балканском полуострове тем, что у славян была сильная семейная община, которая не давала возможности объединиться в крупное государство, это объяснение Успенского считается глубоким и как-то исключительно научным. Вообще каждое слово крупного византиниста, далеко не безупречно в научном отношении, Успенского, рассматривается как какое-то последнее откровение науки. Советское славяноведение, по мнению Б. Т. Горянова, должно заниматься продолжением и развитием тех идей, которые в свое время были выдвинуты Успенским и Веселовским (вероятно, выступавший спутал Васильевского с филологом академиком А. Н. Веселовским, чье наследие также подвергалось поношению, — М. Д.), и теми идеями, которые развивал во Франции Ш. Диль и его школа»⁴⁴.

В стенограмме не указаны инициалы Старостина, что косвенным образом свидетельствует о его малой известности в научных кругах. Очевидно, он был тогда аспирантом или студентом и потому не вполне точно изложил суть концепции Успенского о роли славянской общины в омоложении империи, но дух критики Горянова и пафос отказа от дореволюционного наследия уловил точно. Старшие коллеги Старостина, обвиняя Горянова, Левченко и др. в следовании традициям дореволюционных византинистов, возможно, намеренно не тронули их славистический (по сути патриотический) аспект.

Так или иначе, но после окончания идеологических кампаний, серьезно отяготивших души ученых⁴⁵, концепция прогрессивной роли славянства в феодализации Византийской империи долгое время продолжала господствовать в советской историографии. В 1963 г. В. Д. Королук, подытоживая результаты проведенных исследований, подчеркивал, что они показали «огромную прогрессивную роль» раннего славянства «в гибели отжившей рабовладельческой формации в Юго-Восточной Европе и переходе к передовому тогда феодальному способу производства. Славянская община на Балканах сыграла такую роль в синтезе, давшем начало феодализму в Европе, как германская на территории Италии, Галлии и Испании. Известную, хотя и не столь значительную роль, как на юго-востоке, сыграли славянские передвижения и в крушении западного очага рабовладения — Западно-Римской империи»⁴⁶.

В настоящее время эта проблема получила новое освещение. Процессы феодализации в социально-экономической трансформации Византийской империи уже более не акцентируются, большее внимание придается влиянию высокой византийской культуры и античной цивилизации на славян, а не наоборот⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1917–1941) // Славянский альманах 2006. М., 2007. С. 114–140. *Она же.* Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941–1948) // Славяноведение. 2007. № 2. С. 17–31.
- 2 Подробнее см.: *Иванов С. А.* Византиноведение и власть (1928–1948) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 244–256.
- 3 *Горянов Б. Т.* Славянские поселения VI в. и их общественный строй // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 310.
- 4 *Лебедев Н. С.* Византиноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 216–217; Группа византиноведения Института истории Академии наук СССР // Исторический журнал. 1944. № 4. С. 110.
- 5 *Пичета В. И.* Академия наук и византиноведение в советское время // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 193.
- 6 См.: *Горянов Б. Т.* Новые работы по византиноведению // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1945. № 6. С. 452–456. [Рец. на кн.: Византийский сборник. М.; Л., 1945].
- 7 *Пичета В. И.* Славяно-византийские отношения в VI–VII вв. в освещении советских историков (1917–1947 гг.) // Вестник древней истории. 1947. № 3 (21). С. 94.
- 8 *Державин Н. С.* Славяне и Византия в VI в. // Язык и литература. 1931. Т. 6. С. 5–47.
- 9 *Пичета В. И.* Славяно-византийские отношения... С. 96. См. также: *Горянов Б. Т.* Славянские поселения... С. 308–318; *Греков Б. Д.* История древних славян и Руси в работах В. Г. Васильевского // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 338–351; *Левченко М. В.* Византия и славяне в VI–VII вв. // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 23–48; *Мишулин А. В.* Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290–307 и др.
- 10 *Державин Н. С.* История Болгарии. М.; Л., 1945. Т. 1. Гл. 1, 2.
- 11 *Пичета В. И.* Рец. на кн.: *Державин Н. С.* История Болгарии. Т. 1. М.; Л., 1945 // Советская книга. 1946. № 1. С. 81–86; *Левченко М. В.* Рец. на кн.: *Державин Н. С.* История Болгарии. М.; Л., 1945. Т. 1 // Вопросы истории. 1946. № 11–12. С. 147–152.
- 12 *Пичета В. И.* Славяно-византийские отношения... С. 96.
- 13 *Пичета В. И.* Академия наук и византиноведение... С. 190.
- 14 *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 132.
- 15 См.: *Горянов Б. Т.* Славянские поселения... С. 308.
- 16 *Горянов Б. Т.* Славяне и Византия в V–VI вв. н. э. // Исторический журнал. 1939. № 10. С. 111.
- 17 *Бергер А. К.* Об «Истории Византии» М. В. Левченко // Исторический журнал. 1943. № 3. С. 144.
- 18 *Мишулин А. В.* Древние славяне и крушение Восточноримской империи // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 55–61.
- 19 *Мишулин А. В.* Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290–296.

- 20 Мишулин А. В. Древние славяне и крушение Восточноримской империи... С. 55.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 56.
- 23 Там же. С. 61.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Мишулин А. В. Древние славяне. Документы о вторжениях древних славян в Восточноримскую империю в VI–VII вв. н. э. // Исторический журнал. 1942. №1–2. С. 152–154.
- 27 Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290–307.
- 28 Пичета В. И. Академия наук и византиноведение... С. 189–194; *Он же*. Славяно-византийские отношения... С. 96.
- 29 Подробнее см.: Иванов С. А. Византиноведение и власть... С. 244–256; Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). Л., 1975; Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969 и др. См. также: Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Преимущественно по данным Земледельческого закона // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 96–143.
- 30 Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. Ташкент, 1942; 2-е изд. М., 1944.; *Он же*. Киевская Русь. 4-е изд. М., 1944.
- 31 Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Преимущественно по данным Земледельческого закона // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 96–143; *Она же*. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма // Византийский временник. М., 1947. Т. 1. С. 144–164.
- 32 Подробнее см.: Курбатов Г. Л. История Византии... С. 150. Позиция Е. Э. Липшиц представлена в докладе на сессии памяти Ф. И. Успенского. См.: Памяти академика Ф. И. Успенского // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1945. № 4. С. 118–119.
- 33 Пичета В. И. Славяно-византийские отношения... С. 96–98.
- 34 Опубликован в журнале: Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 216–222.
- 35 Там же. С. 338–351.
- 36 Там же. С. 338.
- 37 Памяти академика Ф. И. Успенского // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1945. № 4. С. 299–300; Проблемы истории Византии. Сессия Отделения истории и философии АН СССР // Вопросы истории. 1947. № 1. С. 145–148.
- 38 Пичета В. И. Академия наук и византиноведение... С. 193; Проблемы истории Византии. Сессия Отделения истории и философии АН СССР [30–31 октября 1946 г.] // Вопросы истории. 1947. № 1. С. 145–148.
- 39 Шангин М. История славян в трудах русских византинистов // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 134.
- 40 Горянов Б. Ф. И. Успенский и русское византиноведение // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 44. См. также: Горянов Б. Т. Выдающийся исследователь истории славян Ф. И. Успенский // Славяне. 1945. № 7. С. 43–44;

- Лебедев Н. С.* Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского // Византийский временник. М., 1947. Т. 1. С. 109–114.
- 41 *Лебедев Н. С.* Академик В. Г. Васильевский и его работа по истории Византии // Исторический журнал. 1944. № 5–6. С. 74.
- 42 *Горяинов А. Н.* О публикуемой рукописи и ее судьбе. Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета 23 марта 1949 г. (публикация) // Одиссей. Человек в истории. 2007. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики. М., 2007. С. 250–340.
- 43 Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* С. А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 30–47 и др.
- 44 *Горяинов А. Н.* О публикуемой рукописи и ее судьбе. Стенограмма... С. 313.
- 45 Подробнее см.: *Гуревич А. Я.* Грехопадение московских медиевистов: дискуссия 1949 г. и ее последствия // Одиссей. Человек в истории. 2007. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики. М., 2007. С. 341–349 и др.
- 46 *Королюк В. Д., Толстой Н. И., Хренов И. А., Шептунов И. М., Шерлаимова С. А.* Советское славяноведение. Краткий обзор литературы 1945–1963 гг. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 20–21.
- 47 См.: История южных и западных славян. Т.1. Средние века и Новое время / Под ред. Г. Ф. Матвеева и З. С. Ненашевой. М., 1998. С. 14–16; *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне (сборник статей). СПб., 1999 и др.

Н. В. Серeda
(Тверь)

Пожар в городе: следствие и суд в поисках причин и виновников

В большинстве российских городов вплоть до середины XX в. преобладала деревянная застройка. Вокруг жилых домов располагались хозяйственные постройки: бани, сараи для хранения небольших запасов сена и редко употребляемой домашней утвари, помещения для содержания мелкого домашнего скота и птицы. В средневековье и раннее новое время вокруг домов располагались также производственные помещения, где выполнялись ремесленные работы и другие виды деятельности, которые давали средства к существованию этой семье. Такие вредные для здоровья или таившие в себе опасность пожара производственные помещения, как кузницы и солодовни, располагались в непосредственной близости от жилых и спальных помещений в XVII–XVIII вв. и даже в начале XIX в. Печь и самовар — обязательные атрибуты жилых помещений россиян — также создавали опасность возникновения пожаров.

В архивном фонде Тверского городского магистрата находится единица хранения, которая по сути своей является коллекцией судебных решений магистрата по различным категориям судебно-следственных дел за период с 1808 по 1865 г.¹ В полном соответствии с правилами коллежского делопроизводства, они повторяют содержание всех основных документов следствия. Благодаря этому можно установить ход следствия по фактам возгораний и законодательные основания для вынесения судебных решений. Документы позволяют судить об обстоятельствах возникновения и тушения пожаров, о развитии пожарной службы в городе, об отношении горожан к фактам возгораний и к лицам, действия которых могли стать причиной этого. Более того, на основании этих документов мы можем понять отношения жителей Твери и городских властей к законодательству и проследить его применение к виновникам пожаров. Некоторые дополнительные сведения по этим вопросам можно встретить в дневниках жителей города².

Тверь издавна славилась кузнецами — умельцами по производству замков, гвоздей, игл, сапожных скоб, рыболовных крючков и других мелких изделий³. Известны случаи расположения кузниц тверских жителей прямо на территории городских усадеб, практически в центре города, даже в 30–40-х гг. XIX в.

Решение суда по делу о «сгоревшей у тверского мещанина Тимофея Евдокимова Митюрева на огороде его состоящей кузницы» — одно из

наиболее интересных с точки зрения изучения деталей кузнечного производства и обстоятельств возгорания и тушения пожаров в помещениях производственного назначения. Его слушали в магистрате 23 мая 1845 г. Из показания Митюрева становится известно, что «22 числа февраля сего года был он в своей кузнице, состоящей у него на огороде, для ковки мелкого гвоздя. В коей вместе с ним производили такую работу сыновья его Андрей и Иван Тимофеевы и товарищи, тверские же мещане Иван Иванов Кожевников, Михайла Евстифеев Понамарев и брат его родной Алексей. И для этой работы обыкновенно в горне производился огонь в небольшой степени. А часу в девятом пополудни они, залив в горне огонь, разошлись по домам, но часу в двенадцатом или первом постучал в раму окна его тверской мещанин Иван Кожевников, говоря, что кузница его загорелась»⁴.

Буквально в самом центре Твери оставались в начале XIX в. и другие, не менее пожароопасные производственные предприятия — лилипуты. Особенно много было солодовенных «заводов». До пожара 1763 г. солодовники прораскивали зерно и сушили его в постоянно обогреваемых помещениях, расположенных в непосредственной близости от жилых домов, чаще всего на огороде или на участке, примыкающем к усадьбе.

После пожара власти потребовали отселения солодовников, воскобойников и кожевников в район реки Лазури. «В начале весны отвели нам места для построения домов и заводов самая дальняя. И необитаемой пустырь в близком расстоянии был, где убогий дом, для погребения неисправно умерших, к самой паточине Лазури. По составлении плана назначено оными командовавшими положение, чтобы заводы, как-то воскобойные, солодовые, кожевенные были бы в самом крайнем месте плана. По необходимости нашей и нужде начали строиться», — сообщает летописец города Михаил Тюльпин, семья которого кормилась производством и продажей солода⁵. Неудовольствие солодовников и кожевников очевидно, но они вынуждены были согласиться. Власть же полагали, что этим достигается хотя бы минимальная пожарная безопасность горожан.

Представителей пожароопасных профессий отселили на пустырь специально, для того чтобы предоставить им возможность выстроить производственные предприятия на некотором отдалении от домов. Однако большинство этим не воспользовалось. Тот же Михаил Тюльпин пишет: «...и построили деревянный дом обыкновенного тогда расположения и солодовню деревянную же на дворовом месте. А овин поставили насупротив, с перед овином»⁶. В солодовне прораскивали зерно, а в овине пророщенное зерно подсушивали. На улице солодовников пожары по-прежнему были не редкостью. Об одном из них сообщает Михаил Тюльпин в своей «Летописи» под 1782 г. Пожар начался в доме его двоюродного брата. «Июня 5 дня, в воскресенье, во окончании обедни загорелось у Якова Львова Тюльпина. Солодовой овин деревянный, от которого сгорело жилых семь домов, заводов семь, в

том числе праздное место, итого 15 дворов. В том числе и наши дома сгорели», — с горечью констатирует Михаил ⁷.

О высокой пожароопасности производства солода свидетельствуют и другие примеры. Часть из них становится известна из особых определенных магистратов, находящихся в составе анализируемого дела ⁸. 29 апреля 1811 г. произошел пожар в овине у тверского посадского человека Федора Бушмарина. В ходе расследования «открылось, что на тот овин для сушения положен был рощенной солод еще поутру, и, разложивши теплицу, посадской Бушмарин поехал в Желтиковской монастырь ко обедни, а за оным оставил смотреть работника своего крестьянина Фадея Герасимова». По возвращении Бушмарина работник и хозяева вместе пообедали, после чего работник вернулся в овин «и подходя, видел, что дым был боле обыкновенного, а взойдя на овин усмотрел, что между потолка и драни называемая решетка, на которой лежал солод, горит» ⁹.

Пожары происходили и в домах обычных горожан. Чаще всего они возникали в зимний период, когда печи топились в домах ежедневно, а иногда и по два раза на день. 8 января 1830 г. произошел пожар в доме тверского мещанина Михаила Спиридонова Лошкарева. В момент, когда в сенях дома произошло возгорание, все взрослые, кроме жены Михаила Авдотьи, были у заутрени. Она оставалась дома с малолетними детьми. В результате пожара «сгорел дом и все строение их, а также была разобрана избушка соседки мещанки Елены Былинкиной» ¹⁰.

Часто горели бани, а от них огонь распространялся и на другие постройки. Обстоятельства возникновения пожара в 1834 г. в бане Авдотьи Филипповны Таракановой были совершенно заурядными. «2 мая поутру, когда случился пожар, она Тараканова топила при доме своем баню, на огороде находившуюся. И, вымывшись, вышла из оной, не слышав никакого смраду и дыму. После того спустя несколько часов увидела, что снаружи бани, на крыши оной полыхает огонь. И при сильном ветре загорелись как ее, Таракановой, так и мещанки Дьячковой надворные строения и дома» ¹¹. Часто горели расположенные на усадьбах хозяйственные постройки: амбары, хлева, погребя.

Все случаи произошедших возгораний расследовались городской полицией и затем рассматривались в магистрате. Изучение текстов решений магистрата позволяет утверждать, что следствие и суд стремились получить подтверждение, что не было преднамеренного поджога со стороны кого-либо. До 40-х гг. XIX в. это устанавливалось очень просто: необходимо было устное заявление со стороны самих погорельцев и соседей о том, что никто из них не совершал поджога умышленно, не нарушал предписанных правил противопожарной безопасности и не видел подозрительных людей — потенциальных поджигателей.

При объяснении причин возгорания сами виновники происшествия, полиция и судьи придерживались одного из нескольких основных вариантов:

воля Божья, неосторожность хозяев, технические повреждения отопительных систем и искра пламени свечи или огня, разведенного для осуществления какой-либо хозяйственной или производственной деятельности. При этом хозяева дома или усадьбы, где произошло возгорание, всячески старались доказать свою осторожность в обращении с открытым огнем. Скорее всего, это было связано с наличием в законодательстве положений о необходимости осторожно обращаться с огнем свечи и о том, что нечаянный виновник пожара должен возместить потери владельцу сгоревшей собственности¹².

Тверской купец Никифор Иванович Седов, в своих показаниях по поводу пожара, случившегося в его доме, подчеркнул, что с утра 23 числа работница печей в комнатах не топила и «на чердаке же никто с огнем как днем так и в вечеру не ходил»¹³. На том, что никто «с огнем на двор ночью и в хлев ни за чем не ходили», делали акцент и члены семьи Григория Пешехонова¹⁴.

В ходе расследования причин пожара в доме Петра Аваева, который произошел зимой 1815 г., напротив, было установлено, что он случился «ни от чего другого, как только, когда Петра Аваева невестка, а сына его Дмитрия жена, Аксинья Михайлова, ходила на двор запирать ворота и смотреть скот с огнем, и оной каким-либо образом заронила».

Знакомство с текстами решений позволяет высказать предположение, что чаще всего основной причиной пожаров являлась неосмотрительность людей, а иногда и откровенная «халатность». В 1831 г. в лавке Коняевых, где продавались спиртные напитки, произошел пожар. В ходе расследования его причин Козьма Михеевич Коняев высказал предположение, что «в лавке отца его, состоящей в Рыбном ряду, случился пожар не от чего иного, как полагает, что пред тем, 6 марта, поверенный от сдешнего содержателя питейных сборов печатал разлитые в стеклянную посуду водки, и для того сургуч был растапливаем на жаровне пред лавкою на открытом месте. Но по окончании печатания жаровня та вероятно на низу огонь в себе скрывшая, а снаружи уже потухшая и покрывшаяся пеплом, была внесена в означенной лавке, водками и вином занимаемой. Но как на полу оной лавки многие половицы зыблились, с тем вместе мог раздуться в ней от того огонь»¹⁵.

Причиной пожаров часто оказывалась неисправность печей. Зимой 1827 г. после пожара в доме тверского купца Никифора Иванова Седова в своих показаниях хозяин подчеркнул, что единственной причиной пожара, по его мнению, могла стать «трещина внизу боровов от печей приведенных, что ему совершенно видеть было нельзя. Да и загорелось не внутри покоев, а на чердаке»¹⁶. Расследование причин пожара, случившегося в усадьбе вдовы Авдотьи Мартыновой, в составе которой была гончарная мастерская, позволило выдвинуть предположение, что пожар произошел «во время топки Галаховым (работник Мартыновой. — Н. С.) в том заведении печи, от пламени, когда дрова разгорелись, в трещину, сделавшуюся в трубе под крышу»¹⁷.

Следует отметить, что, начиная с 1840-х гг., процесс расследования стал более тщательным, полиция уже не ограничивалась расспросами самих погорельцев и их соседей. Она привлекала множество других людей, которые должны были высказать свои соображения относительно причин пожара и подтвердить благонадежность хозяев помещения, где произошло возгорание. Эта процедура называлась «обыском». Содержание показаний передано в решениях суда по делам о пожарах весьма кратко. «Соседи мещанина Митюрева, всего 13 человек под присягою показали, что от чего загорелось у мещанина Митюрева собственно ему принадлежащая кузница, им не известно, а полагают, что каким-либо образом вкралась искра огня в стену или крышу». Целью таких «обысков» было выявление возможных злоумышленников. Такие тщательные расследования причин пожара вошли в практику после случаев злоумышленных поджогов в Торжке¹⁸. Полиции было важно удостовериться, что жители «подозрений ни на кого не имеют»¹⁹.

Власти перестали довольствоваться объяснением возможных причин пожара и начали детально обследовать сохранившиеся остатки строения. Осмотр места пожарища осуществлялся приставом той городской части, где случился пожар, и ратманом магистрата в присутствии «понятых — сторонних людях». Результаты обследования позволяли более основательно говорить о причинах возгорания. Одновременно наблюдается факт смещения акцентов при объяснении причин пожаров хозяевами помещений, где случились возгорания. До 40-х гг. XIX в. они в своих показаниях делали упор на соблюдении ими элементарных правил противопожарной безопасности, которые подразумевали следить за исправностью печей и производственного оборудования, не топить печи летом, не ходит без надобности со свечой в темноте, чтобы «не заронить огонь». Однако по мере возрастания требований к исправности печей, тщательности расследования причин пожаров со стороны полиции, все чаще в качестве их причин стали указываться искра и ветер. Именно они, по мнению мещанина Митюрева, стали причиной пожара, случившегося в его кузнице. Он утверждал, что «в поджоге кузницы его подозрения он никакого не имеет и сам не виновен. А полагает, что пожар произошел от закрывшихся искр в крышу или стену, у которой горно, по случаю бывшего тогда сильного ветра». Митюрев подчеркивал: «само же горно находилось в исправности равно и меха»²⁰. В ходе следствия по поводу этого пожара полиция произвела детальное исследование остатков строения кузницы. «По свидетельству ж той кузницы оказалось, что она с крышею сгорела, а нижние части ее полагательно до 8 венцов, бревна хотя несколько обгоревши, но остались целы»²¹. Такое состояние строения, по мнению полиции, подтверждало, что причиной пожара была искра, «вкравшаяся в крышу или стену» из-за сильного ветра.

31 декабря 1842 г. случился пожар у Шарлоты Галиан — вдовы владельца знаменитой гостиницы, где останавливался А. С. Пушкин, известного знатокам литературы и истории как Гальяни. И хотя документы говорят о пожаре в доме, но речь идет явно о гостинице. На основании «разломания в комнате под № 1 голландской израсцовой печи» следствие пришло к выводу, что пожар «последовал в деревянной из бревен переборке, которой прогорело на один аршин и два вершка, но от чего оной произошел, не известно, а вероятно от имевшейся в той печи, которая после разломана, трещины»²².

Во всех известных нам случаях, зафиксированных в исследуемом деле, следствие приходило к выводу, что злого умысла ни у кого не было²³. Этого было достаточно, чтобы закрыть дело. Решение об этом в разное время формулировалось по-разному: в начале XIX в. — оборотом «предать суду Божию», позднее — словосочетанием «предать забвению», и, наконец, в середине века в обиход вошел оборот «оставить без последствий». Встречаются и другие варианты формулировки. Для закрытия дела по поводу пожара, случившегося в 1830 г. в кузнице мещанина Павла Сикарева, оказалось достаточным, что хозяин «в зажжении принадлежащей ему кузнецы, в которой он производит мастерство, не сознался». Причину пожара установить не удалось, и потому суд решил, что «никто ответа дать не должен»²⁴.

В случае пожара в бане Таракановых дело было закрыто на том основании, что «от чего ж именно загорелась баня, Таракановы отозвались не знанием, но чтоб учинено было ими или кем-либо другими умышленное зажигательство, того не открыто. И подозрения никакого и ни от кого даже и от соседки ея, Дьячковой, у коей сгорел также дом с имуществом, неизъявлено»²⁵. Решение по делу о пожаре в усадьбе Мартыновых констатирует, что хозяева и их работник Галахов «в умышленном же зажигательстве как сами не сознались, так равно и от соседки их, мещанки вдовы Аксиньи Блохиной, у коей сгорел так же дом с имуществом, не изъявлено, и по производимому градскою полициею изследованию виновных никого не открыто», на основании чего дело решили «предать забвению»²⁶.

Рассмотрев дело о пожаре в овине Бушмарина, полиция также пришла к выводу, что «подозрительных в деле не оказалось». Магистрат же, рассмотрев его, счел, что причина заключалась в оплошности хозяина и работника. Установив, что нет оснований думать о преднамеренном поджоге кузницы Митюревых и что убытков никто кроме ее владельца не понес, решили «Митюрева от суда и всякой ответственности освободив, предать несчастной случай сей, до открытия в том виновных, суду Божию»²⁷.

Кузьма Михеевич Коняев в ходе следствия указал на действия поверенного как на возможную причину пожара. По мнению судей, вина, напротив, в какой-то степени лежала на владельце лавки, но так как умышленного поджога не было, поэтому они решили вынести предупреждение М. Коняеву, чтобы «он в лавке своей огня ни под каким видом отнюдь не

имел», а в случае подобного печатания с водкою стеклянной посуды при разведении огня имел крайнюю осторожность». Как видим, в итоге, как и в других случаях, никто не понес серьезного наказания.

За утверждением Аваевых, что причиной пожара стало неосторожное обращение их невестки с огнем, просматривается недовольство невесткой и стремление выместить на ней свои проблемы. Однако в ходе следствия со стороны магистрата «никаких сомнительств не открылось, повальным обыском (Аксинья. — *Н. С.*) одобрена, судимою ни за что не оказалась». И суд, учтя это обстоятельство, и в данном случае ограничился вынесением предупреждения, чтобы Аксинья впредь была более осторожна²⁸.

В качестве оснований для вынесения подобных решений в судебных документах фигурируют достаточно стандартные подборки законодательных статей. В XVIII — начале XIX в. судьи обычно принимали решение на основании пунктов 9 и 10 из пятой главы второй части «воинских процессов». Указывая номера статей закона, послуживших основанием для вынесения приговора, писари их обычно не цитировали. Исследование текстов законодательства позволяет утверждать, что оборот «воинские процессы» имеет в виду нормы, содержащиеся в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб»²⁹. Статьи 9 и 10 предусматривали использование в качестве одного из четырех способов доказательства невиновности человека принесение им так называемой «очистительной присяги».

Сакральный смысл принесения такой присяги отражает 8 статья этого законодательного памятника. Она гласит следующее: «когда ответчик присягу учинить может и оную учинит, тогда судья довольное имеет основание приговор учинить и его от наказания освободить, понеже в сей присяге сия сила есть, что когда ответчик оную учинил, то уже от наказания и дальнего обвинения освобожден быть может». Однако следующая, 9 статья, предусматривает возможность отказа подозреваемого от принесения присяги. Удивительно, но даже и в этом случае он мог быть оправдан, «понеже к свидетельствованию явные и довольные требуются доказы, того ради судье надлежит в смертных делах пристойным наказанием его наказать опасаться, но тем паче чрезвычайно наказать, понеже лучше есть 10 виновных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить».

Как видим, статья 9 провозглашала гуманистический принцип ведения судопроизводства и вынесения наказаний. Основываясь на нем, дела можно было «предать воле Божьей и положиться в том весьма на Бога, пока впредь само объявится» (ст. 10). Важнейшая часть всех принимаемых решений выглядела примерно так же, как в деле о пожаре в солодовне Бушмарина. Дело «на основании воинских процессов 2 части, 5 главы, 10 пункта надлежит передать воле Божьей», обязав при этом «хозяина Бушмарина и работника крестьянина Фадея Герасимова подпискою, дабы впредь в подобных случаях имели крайнюю осторожность»³⁰.

В последующем решения стали принимать на основании статей 15-го тома Свода законов Российской империи. С 1835 г. судьи пользовались изданием 1832 г.³¹, а позднее — изданием 1842 г. Однако в каждом из этих изданий судьи выбирали для аргументации своих решений те статьи, которые позволяли оправдывать владельцев помещений, где возник пожар. После появления издания Свода законов 1842 г. судьи в своих решениях опирались на статьи 803, 1169 из 15 тома. В изложении судебных решений их содержание выглядело следующим образом: «кто произведет пожар совершенно нечаянно, тот не подлежит никакой ответственности (статья 803. — *Н. С.*); никто не должен быть присужден к наказанию без точных доказательств или явных улик в преступлении (статья 1169. — *Н. С.*)».

Можно с уверенностью говорить, что дела о пожарах практически во всех случаях «спускались на тормозах». Ни усложнение процесса расследования причин пожара, ни даже введение практики утверждения решений магистратского суда резолюцией губернатора³² не привели к ужесточению наказаний за неосторожность, ставшую причиной пожара, к применению на практике штрафных санкций³³. Скорее всего это происходило вследствие восприятия горожанами всего происходящего, в том числе пожаров, как явлений, обусловленных волей Божьей. Такое понимание вещей было свойственно и погорельцам и членам магистратов, которые разбирали дела о пожарах и выносили решения по ним, и соседям погорельцев. Все опасались, что в следующий раз по той же воле Божьей причиной большого пожара может стать возгорание на территории их усадьбы. В условиях пугающей регулярности случаев возникновения пожаров прощение соседа сегодня практически автоматически обеспечивало для горожан прощение для себя в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Тверской области (далее ГАТО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Данная единица хранения сформирована в ходе деятельности Тверской ученой архивной комиссии по разбору документов городских учреждений. Сами судебно-следственные дела подлежали уничтожению.
- ² Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX в. М., 2007. С. 215–368.
- ³ Бахрушин С. В. Научные труды. М., Т. 1. 1952. С. 39–45, 62–64 и др.; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 193–194; Виноградова Е. И., Виноградов А. Д. Тверь XVI–XVIII вв. Очерки истории и экономики. Тверь, 2002.
- ⁴ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 217–217 об.
- ⁵ Купеческие дневники... С. 271.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 276. Подтверждение этого известия находим и в дневнике Блиновых (Там же. С. 231)

- 8 Для обозначения этой категории документов в делопроизводстве также использовали термин «протокол». Подробнее см.: *Серeda Н. В.* Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М. 2005. С. 101–104.
- 9 ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 5–8 об.
- 10 Там же. Л. 103–103 об.
- 11 Там же. Л. 135.
- 12 Артикул воинский. Ст. 87 // Полное собрание законов Российской империи (Далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. V. № 3006. С. 401–402; Свод законов Российской империи. СПб., Т. 15. 1833. Ст. 688.
- 13 ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 79–81.
- 14 От пожара, начавшегося в их хлеву в 1837 г., сгорел не только флигель семьи Григория, но и флигель его брата Александра и дом Михаила Пешехонова, а дом Дорофея Пешехонова «для прекращения огня был разобран» (Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 161–161 об.).
- 15 Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 111–112.
- 16 Там же. Л. 79–81.
- 17 Там же. Л. 151–151 об.
- 18 Купеческие дневники... С. 391.
- 19 ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 217 об.–220.
- 20 Там же. Л. 217–217 об.
- 21 Там же. Л. 217 об.–220.
- 22 Детальное исследование остатков строений было связано также с введением практики страхования имущества от огня: на основании освидетельствования можно было более обоснованно делать выводы о причиненном им ущербе. Так, после исследования остатков строения усадьбы Барановых оказалось, что «от сгоревших строений несколько осталось обгоревших бревен, к употреблению не годных. Кирпич от разрушенных печей и разного железа к употреблению годны» (ГАТО. Ф. 175. Оп.1 Д. 2855. Л. 241).
- 23 ГАТО. Ф. 175. Оп.1 Д. 2855. Л. 241.
- 24 Там же. Л. 109.
- 25 Там же. Л. 135.
- 26 Там же. Л. 151–151 об.
- 27 Там же. Л. 219 об.
- 28 Там же. Л. 9–9 об.
- 29 «Краткое изображение процессов или судебных тяжeb» является одним из приложений к Уставу воинскому от 30 марта 1716 г. (ПСЗ-1. Т. 5. № 3006. С. 382–411).
- 30 ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 8.
- 31 Оно вводилось в действие с 1 января 1935 г.
- 32 Резолюция губернатора ставилась на верхнем поле первого листа судебного решения — особого определения магистрата.
- 33 Ст. 2116 из 15-го тома Свода законов 1842 г. издания предусматривала возможность наказания за халатность и неосторожность в виде ареста от 7 дней до 3 месяцев либо в форме штрафа в размере от 10 до 100 руб.

О. В. Белова

(Москва)

**«Рукописание Адама»
в книжной и устной традиции славян.
К вопросу о трансформации мотивов**

В статье рассматривается отражение апокрифического мотива «рукописания Адама» в восточнославянских фольклорных нарративах. В контексте народных легенд и связанных с ними поверий анализируется механизм адаптации книжных сюжетов в устной традиции, включение апокрифических мотивов и персонажей в сферу актуальных верований и традиционной обрядности.

Список апокрифических мотивов в народных легендах достаточно представлен — многие ветхо- и новозаветные апокрифы и апокрифические евангелия нашли отражение в устной традиции¹. При этом каждый из фрагментов книжного наследия приобретает в «поле фольклора» свою оригинальную судьбу, оставаясь в русле исключительно повествовательной традиции (в сфере текста) или переходя из области нарратологии в «прикладную» область народной ритуальстики. Мотив «рукописания Адама» встречается в христианских песнопениях и в церковной живописи²; при этом существует гипотеза, что источником данного мотива являются именно литургические тексты³.

В славянской традиции представление о «рукописании» как результате договора двух персонажей нашло отражение в следующих сюжетах, по-разному и в разном соотношении зафиксированных в книжных и устных текстах.

— Договор между Адамом и дьяволом (сатаной).

— Договор между Богом (Адамом, Богородицей) и сатаной о разделении всех людей во время (после) сотворения мира.

— Договор между Каином и дьяволом (сатаной).

Рассмотрим указанные сюжеты последовательно с целью выявить их взаимозависимость и способы реализации в текстах разных жанров.

Мотив «рукописания Адама» в славянской средневековой апокрифической книжности достаточно хорошо изучен. Отмечено, что сказание о «рукописании» в разных списках излагается неодинаково⁴; существуют следующие версии:

а) Адам дал рукописание дьяволу, чтобы тот позволил ему пахать землю (небеса и рай Божьи, а земля — дьявола);

б) Адам, испуганный темнотой в первую ночь после изгнания из рая, думал, что навсегда лишился света; дал рукописание, чтобы дьявол вернул ему свет;

в) Адам дал рукописание дьяволу, чтобы избавить от уродства своего сына Каина.

Каждая из этих версий была адаптирована устной традицией, причем трансформация мотивов в каждом случае была различной.

а) «Рукописание» дает Адам за право пахать (копать) землю

Книжная традиция. В «Толковой Палее» эпизод излагается так: сатана требует, чтобы за право пахать землю Адам дал ему «рукописание своею рукою и на вес(ь) род свой и пред на будущия роды»⁵.

В сказании «О Тивериадском море», отразившем дуалистические представления о миротворении⁶, также говорится, что Адам «написа» свое обещание и сатана унес рукописание в ад.

Эпизод с пахотой присутствует также в апокрифе «Слово о Адаме и о Еве», при этом мотив рукописания получает дополнительную нетривиальную мотивировку. Так, в южнославянском списке XVI в. говорится, что Адам безбоязненно дает рукописание: «Кто земли Гь, тоговь и азь и чада моя»⁷, потому что знает, что Господь придет на землю в человеческом образе и победит дьявола! Более ни в одном из памятников (как книжных, так и устных) мотив «всезнания» Адама не встречается, и, согласно большинству версий, Богу Отцу приходится посылать на землю Сына для искупления греха Адама!

Неординарный мотив связан с рукописанием в ряде версий апокрифа о «Тивериадском море». Речь не идет о праве пахать землю, сюжет развивается в другом направлении: Господь увидел чистосердечное раскаяние Адама и решил помиловать его. Сатана пришел к Адаму и в обмен на сообщение «радости» («скажу ти радость — хоцет тя Гдь помиловати») потребовал у Адама «рукописание на себя и в род свои»⁸.

Фольклорная традиция. В украинском фольклоре известен сюжет об Адаме-сеятеле: Адам днем копает землю, но не говорит при этом «Боже, помогай!»; черт ночью переворачивает ее вверх травой. Так продолжается до тех пор, пока Адам не просит помощи у Бога, после чего земля сразу делается черной и Адам начинает сеять (Подолия)⁹. В устной традиции этот сюжет дополняется мотивом рукописания и подробностями, что же на самом деле представляло собой это «рукописание»¹⁰.

Согласно полесской легенде, у Адама и Евы было 50 сыновей и 50 дочерей. Бог дал семена на прокорм. Адам сеет, черт уничтожает, требуя «за-

писать» ему «всех детей Адама». Адам дает рукописание (пишет на воловьей шкуре, кровью из мизинца) в том, что отдаст всех своих детей (т. е. потомков) черту; за это черт обещает не мешать Адаму пахать; черт прячет рукописание в камень и бросает на дно моря. Бог достает расписку и возвращает ее Адаму (место записи, возможно, Вольнь)¹¹.

Обратим внимание на упоминание воловьей шкуры. Этот мотив выводит нас на целый комплекс демонологических представлений, в частности — представлений об атрибутах нечистой силы. Любопытную параллель находим в легендах из Западной Белоруссии и Западной Галиции: в храме черти записывают на воловьей шкуре имена людей, которые молятся не от чистого сердца или спят во время богослужения¹². Ср. в македонских легендах: Адам оставляет на плите отпечаток окровавленной руки или пальца; дьявол прячет рукописание под котел в аду; плиту с отпечатком руки разбивает Христос, сошедший в ад (Прилеп)¹³.

По легенде из Купянского у. Харьковской губ., дьявол запрещает Адаму копать землю, мотивируя это тем, что именно он, дьявол, достал землю со дна морского и потому земля принадлежит ему¹⁴. Дьявол дает разрешение Адаму на возделывание земли взамен на «рукописание» — отрезав у Адама кончик мизинца, он бросает его на камень; палец вырастет в камень, а камень дьявол бросает в реку Иордан с заклятьем: «Доки не випірне цей камінь з води, доти померлі люди будуть мої. А випірне він лише тоді, коли на землі з'явиться така людина, яка тричі народиться і тричі хреститиметься!»¹⁵.

Здесь в текст фольклорной легенды органично вплетается «формула невозможного» (предполагается, что камень в принципе не может всплыть со дна реки, а если и всплывет, то при определенных условиях, которые также мыслятся как невозможные). Однако договор разрывается благодаря пришествию в мир Иисуса Христа, который трижды рожден — от Бога Отца извечно, от Девы Марии во плоти и из гроба воскреснув; и трижды крещен — законом Моисеевым, в реке Иордане и на кресте¹⁶. «Формула невозможного» встречается и в других версиях сюжета о «рукописании» (см. ниже).

Современная легенда, записанная у поляков на Виленщине, повествует о последствиях опрометчивого договора Адама с дьяволом: «Люцыпер» спрашивает у Адама и Евы, «работающих» в пекле, как они поживают; в ответ Адам спрашивает дьявола — ты мне лучше скажи, кто освободит меня из-под твоей власти? И «Люцыпер» говорит, что это сможет сделать только «Najświętsza Panna Maryja», которой сейчас уже 16 лет и которая родит сына, имя ему будет Иисус, и он спасет весь мир¹⁷. Как полагает М. Зовчак, этот сюжет является отголоском легенды о договоре Бога и дьявола, поделивших между собой живых и мертвых людей.

а-1) Договор между Богом и дьяволом

Этот сюжет в книжных памятниках не встречается, представляя собой, вероятно, «вторичную» версию классического «рукописания Адама», спроецированного в область дуалистической космогонии — библейский апокрифический сюжет внедряется в архаическую легенду о миротворении, в котором участвуют две равновеликие силы добра и зла. Целый ряд легенд из украинского и белорусского Полесья был опубликован нами ранее¹⁸; здесь мы расширим круг источников.

Согласно легенде из Екатеринославской губ., Бог и дьявол заключают соглашение о том, что живые люди достаются Богу, а мертвые — дьяволу; документ помещен в сундук и брошен в «Ордань-речку». Сундук с соглашением сгорает в воспламенившейся во время крещения Христа реке, и Христос (поскольку без документа договор не действителен) выпускает души из ада¹⁹.

В качестве носителя записи в южнославянских легендах фигурирует «плоча» (дощечка с записью), некий документ, который дьявол прячет за пазуху и не растает с ним²⁰; чтобы вернуть запись, Богу придется обратиться за помощью к ангелу, св. Петру, Иисусу Христу (ангел или святой крадут договор, а Христос даже ныряет за ним в «Егейское море»). Как отмечает В. С. Кузнецова, этот эпизод стоит в ряду других аналогичных, когда Богу возвращается похищенный у него сатаной ценный предмет: солнце, гром, молния, небесная сила, ризы и укик, золотая корона, колесница²¹.

Согласно македонской легенде, договор между Богом и дьяволом о разделе мира был записан на плите. Когда Бог решил разрушить договор, он «родил» Христа. Христос взял плиту, положил в воду, встал на нее и крестился, плита разбилась (Велес)²². В текстах этого типа также работает «формула невозможного», связанная с наивно-христианскими представлениями о рождении Сына Божьего. Так, св. Иоанн узнает, что Господу надо «переродиться», чтобы превозмочь власть дьявола над душами людей (Леринско)²³. По легенде из Бессарабии, Бог и дьявол заключили договор о разделе между собой живых и мертвых душ. Когда Бог решил расторгнуть договор, он послал своих слуг спросить у дьявола, как это сделать. Дьявол сказал, что договор может разрушить лишь Божий сын, если родится он от духа Божьего, а не так, как рождаются другие люди²⁴. При этом Бог не знал, как это сделать, и опять попросил подсказки у дьявола! Тот посоветовал Богу взять веточку базилика, подержать ночью за пазухой, а потом дать понюхать «целомудренной Марии, Йордановой сестре»²⁵. И когда родился Христос, он отменил сговор, мотивируя это тем, что договор был заключен с его отцом, а не с ним²⁶.

Другой вариант воплощения «формулы невозможного» представлен в родопской легенде: св. Петр выведывает у дьявола тайну, кто победит

дьявола и отнимет у него царство: когда еврейка родит сына, который в возрасте 30 лет станет царем царей²⁷.

а-2) «Рукописание» опрометчиво дает Адам, обманутый дьяволом

В этой группе сюжетов вновь фигурирует Адам, давший расписку дьяволу относительно людских душ. Полагаем, что эта группа текстов является «дочерней» по отношению к группе **а-1**, представляя собой трансформацию дуалистического сюжета, вернувшегося в текстовое пространство «народной Библии». В легендах со Смоленщины Адам отдает черту души мертвых людей, обрекая все души на пребывание во владениях сатаны²⁸: «Атдать малалетнига — он будит мне у пользу; атдать мне старага — сам стар буду, атдать мне мертвага — мертвый бесполезен: умир и умир»²⁹. Здесь речь идет об устном соглашении, о договоренности. Однако есть варианты и с упоминанием некоего «документа».

По легенде, записанной на Северном Кавказе, дьявол попросил у Адама «мертвые души», и тот опрометчиво обещает их дьяволу; Бог посылает на землю Иисуса Христа, чтобы смыть грех Адама; когда Христос после Воскресения сошел в ад и освободил души, «рукописание развалилось»³⁰. В «Белорусском сборнике» Е. Р. Романова зафиксирован такой вариант рассказа о рукописании: Адам согласен написать расписку, но не знает чем. Черт ему и говорит: «А давай нож, разрежам палец мезенец, и кровью распишишься! Ну, так и зделали, расписались»³¹. В легенде из Купянского у. Харьковской губ. говорится о том, что вместо подписи на «рукописании» (на камне) Адам оставил отпечаток своей руки³².

Существует редкий вариант легенды с участием еще одного сакрального персонажа: «Божья Матерь обманулась: листопад отдала черту (а это не листопад был, а души)»³³. Черт обманывает Богоматерь, предлагая ей «угожие» для нее зеленые деревья, а для себя просит «листопад». Божья Матерь расписывается: «Уступаю дьявылу листопад!»³⁴. За это Бог обрекает ее Сына на муки, чтобы спасти похищенные души.

б) «Рукописание» дает Адам за обретение света

Книжная традиция. Данная версия известна по апокрифу «Исповедание Евы». Представляет интерес версия, опубликованная Н. С. Тихонравовым и А. Н. Пыпиным по списку XV–XVI вв., в которой совмещаются две наиболее известные версии рукописания — с мотивом «пахоты» и мотивом «света».

«И нача Адама землю делати, и прид дьявол и ста пред ним глаголя: моя ес земля, а Божия суть небеса и рай; аще ли хочещи мои быти, то делай землю; ащели хочещи Божии быти, то иди в рай. — Адам рече: божия суть небеса и земля и конец ея вселенная. — Запиши ми рукописание, —

дьявол рече, — тогда и землю дам ти делати (и не даст ему от ити), тогда и мои будиш. — Адам рече: чья ес земля, того и аз и чада моя, — обрадовался дьявол и рече: то ми и запиши еж изрек. И взят плеча и записи рукописание свое, и сие рек: чья ес земля, того и аз и чада моя. Дьявол ж взял рукописание Адамле и держаше его. А инде писано в святом писаньи, Адам бяше в раю славя Бога со архангелы и ангелы в свет не мерчающем, изгониму ж еу бывшу из рая за преступления его, и не ведаша того Адам, еж ночь и день преж его Богом сотворена быс и седе прямо раю и плакашеса по райскому жити. И прид ночь и быс тма и вскрича Адам глаголя: горе мне, преступившему божию заповедь, изгнану из светлаго райского житья, пресветлаго и немерчающаго света. — О свете мой пресветлый, — плачаша и рыдая глаголаше, — уже не узрю сияния твоего и не мерчающаго свет ни красоты райския ни вижду: Господи, помилуй мя падшего. Приде же к нему диавол и глаго лаему: что ся стонеси и рыдаеши? Адам ж рече: свет ради пресветлаго сокрывшагося мене ради. — Диявол рече ему: аз ти дам свет, запишис ми рукописанием и род свой и чад. Адам же света ради даст ему рукописание, и написа тако: чии есть свет, того и аз и чада мои, — и приде день и свет восия по всей вселенней; дьявол же взял рукописание адамле и сокры и (в иордан под каменем, где Христос крестился) [текст в скобках в рукописи зачеркнут] Адам рече: никако егда избавит ны Господь от диавола сего»³⁵.

Фольклорная традиция. Сюжет известен в болгарских и македонских легендах³⁶. Дьявол ногтем расцарапывает Адаму палец правой руки и велит приложить его к камню. Рукописание спрятано в самом глубоком месте реки Иордан; его разбивает Христос, когда принимает крещение³⁷.

в) «Рукописание» дает Адам за избавление Каина от змеиных голов

Книжная традиция. Апокрифический мотив «рукописания Адама»³⁸ связан также с первым сыном Адама и Евы — Каином. Согласно апокрифу, «праотец наш Каин сквернав родился, глава на нем яко и на протчих чловецех, на персах и на челе дванадесеть глав змиинных»³⁹. Дьявол обещает избавить Каина от уродства в обмен на «рукописание»; Адам окунает руку в козью кровь и оставляет отпечаток на белом камне⁴⁰. По украинским версиям апокрифа, Каин «чудом был великим и страшным» — на голове у него было 7 змеиных голов⁴¹, которые прообразовывали семь смертных грехов, ибо Каин был плодом первородного греха⁴².

Фольклорная традиция. Этот же сюжет известен в украинских легендах: Каин «украшен» звериными (змеиными) головами, от которых его следует избавить (Галиция)⁴³.

В этой же версии особенно интересен мотив подмены ребенка (гуцулы). Чтобы завладеть родом людским, «біда» или «сотона» (черт, сатана)

подменила первенца Адама и Евы своим детенышем с семью головами, которые кусали Еву во время кормления грудью. Сатана пообещал сделать из семи голов одну в обмен на договор с Адамом о том, что сатане будут принадлежать все последующие поколения людей. Рукописание было положено под плиту в море, где и находилось «штири тысьч літ», до того, как в мир пришел Христос⁴⁴. Ср. апокрифический мотив сокрытия рукописания в Иордане, где плита и змеиные головы были сокрушены крещением Христа в водах Иордана⁴⁵. В приведенном примере «сатана» выступает как персонаж женского рода. Ср. карпатские поверья о *самане* — демоническом персонаже, подменивающим детей; аналогичные функции имеет карпатская *бисица*⁴⁶.

Подменить ребенка оказалось возможным, потому что «в тот чыис не свѣтили свѣтла в ночи при дитині»⁴⁷ — т. е. не поддерживали освещения в помещении, где находятся родильница с новорожденным. Чтобы не повторилась столь страшная ошибка, и ввели обычай никогда не гасить свет там, где находится некрещеный младенец, дабы он не стал добычей нечистой силы. «Від цего чыису, докив шыи дитина ни ршына, то вже люде в'одно свѣтъи свѣтло тай ни держки довго нершыного»⁴⁸.

Легенда о подмененном первенце органично сочетается с распространенными у всех восточных славян поверьями о «подменьшах» — демонических существах, подброшенных людям взамен похищенного нечистой силой ребенка⁴⁹. Таким образом, фольклорный текст не только включает апокрифический мотив в контекст актуальных верований, но и предлагает своеобразную «этиологию обряда» (в помещении, где находятся молодая мать и новорожденный, должен гореть свет), который якобы коренится в глубокой «библейской» древности.

Эта же версия «рукописания» связана с избавлением от уродства третьего сына Евы, которого она родила от связи с Сатаной («ўродила Йива с Сѣтаном йак ся докоснуў Йиви, по Кайінови і по Авельови третьего хлопца іс пѣятьма гóловами» — Угорская Русь)⁵⁰. Пятиглавый младенец кричал так сильно, что слышно было за семь миль. «Сатан» сказал Еве, что он сможет сделать ребенка нормальным, отняв у него четыре лишние головы, но за это Адам и Ева должны отдать ему то, «чего они не знают» (видимо, здесь в качестве вполне сказочного имплицитно присутствует мотив смерти, неведомой первым людям).

Адам и Ева согласились, не зная, что таким образом Адам «запродáў увесь свѣт аду пекильному». Адам передал Сатану «кóндрат», или «контрѣтуш», припечатав его своей кровью из мизинца, который Сатан отнес «на Голгофту гору і закопáў ў кáмiнь»⁵¹. «Контракт» был заклят своеобразной «формулой невозможного (см. также выше): «Тогди сесь кóндрат вислободит тот, шчо сѣя ўрóдит, да умрѣ і во третий день аж воскресне». Однако души из пекла освободил Иисус Христос, когда сначала отдал себя

на муки и смерть «за правослаўну віру сво́йу», а после Воскресения пришел на гору Голгофу и «высвободил» договор⁵².

Сходная легенда, в которой рождение Сына Божьего трактуется как «формула невозможного», была записана в Полесье:

«Из-за чо́г Ісус Христос пашол на муки. Ў́от жыли люди так, что мы не верим Богу. Бог душу не забирá, а берёт дракон. Ё́го мучит. [Люди, попавшие в ад,] ани просяца: «Госпади, вазьми ны атсюль, мы не знаем [что ты есть, чем же мы виноваты, что попали в пекло? Бог и захотел вызволить души этих людей из пекла и пошел к дракону, чтоб тот выпустил эти души]. Он гово́рит, я табе загадку загадаю [и, если ты ее выполнишь, тогда я выпущу души этих людей. Он думал, что бог не сможет выполнить задачу]. «Если у тебе сын наро́дицца без греха и пабу́дет на кресте, распяты и умёрший, тагды я табе [этих людей отдам]». Он думал, што Бог не выпалнит эту задачу. А так и вышло, и пришлось дракону аддавать. Эта он [Сын Божий] страдал за нас, грешных» (Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл., Полесский архив Института славяноведения РАН, 1983, зап. Е. В. Тростникова)⁵³.

Во время заключения договора между Богом и сатаной («драконом») об избавлении из ада душ грешников антагонист задает Богу трудную задачу (рождение и судьба Сына Божьего представлены как вариант «формулы невозможного»), после решения которой сатана вынужден исполнить условия договора.

в-1) «Рукописание» дает Адам за право узнать, как похоронить Авеля

Данный сюжет, в отличие от предыдущего, который представлен как в письменных текстах, так и в устном предании, является книжно-фольклорной контаминацией, зафиксированной только в устной традиции. Мы ставим его в параллель с сюжетом об Адаме и Каине, подчеркивая типологическое сходство: поставленный перед необходимостью решить трудную (неразрешимую) задачу, Адам вынужден принять помощь дьявола. Некоторые русские легенды воспроизводят книжно-апокрифический сюжет о погребении Авеля, восходящий к «Толковой Палее» (птицы показывают Адаму и Еве, как похоронить Авеля), «осложняя» его мотивом «рукописания».

В качестве примера приведем легенду, записанную на рубеже XIX–XX вв. в Сибири (Тюменский у.). Люди не умели рыть могилы и хоронить покойников в земле. И было явлено: две птички бьются, одна убивает другую, роет в земле ямку, закапывает мертвую, улетает.

«Взял Адам заступ и начал рыть в земле могилу для сына своего Авеля. Вдруг явился Сатана и сказал Адаму: „Зачем ты копаешь землю? земля моя!“ Адам ответил Сатане: „Нет, земля не твоя, а моя, мне Бог ее благословил и повелел мне охранять ее и возделывать“.

Заспорил Адам с Сатаной и долго спорили. Наконец, Сатана и говорит Адаму: „Ну, давай с тобой любовно сойдемся и миром поделимся — все

живые люди будут твои, а мертвые люди будут мои“. Адам думает: „Какой толк в мертвом теле? Пускай Сатана берет мертвых людей, а мне оставит живых: из-за мертвых людей не стоит ссориться и спорить с Сатаной“. И согласился Адам на предложение Сатаны и принял раздел. Сатана опять говорит: „Давай мне твое рукописание в том, что ты принял такой раздел“. И Адам дал Сатане такое рукописание.

С этого времени пошло так, что все люди — и праведные, и грешные — после их смерти попадали в ад во власть Сатаны. Лишь Иисус Христос после своей крестной смерти, сойдя во ад, там разорвал рукописание Адама и вывел праведные души из ада в рай»⁵⁴.

Аналогичные легенды, также основанные на тексте «Палеи», зафиксированы в македонском фольклоре (Демир-Хисарско)⁵⁵.

Эта версия сохранилась и в фольклоре старообрядцев. По легенде, записанной у астраханских липован, после убийства Каином Авеля — «а он тогда, Адам, мертвых людей еще не видал. Подойдет, глянет, возьмет руку, подымет, а она упадет. А он: „Ну что же такое ча? Руце есть — не имають, нози есть — не ходють! Что же буду делать с им?“ А он, черт, подходит и говорить: „Адаме, чито ты думаешь? Знаешь что, распишися: твои — живые, мои — мертвые“. А он согласился. А черт яму взял, камень поднес, в палец иголкой пихнул. Адам яму и расписался на камне <...> И когда аж Христос народился и пошел креститься в речку Иордан, дьявол испугался, опустил с камнем в воду. И когда запели „У Иордана крещайся, Господи!“, Он, Христос, опустил и прямо черту на голову стал, что той камень держал. И он там крутился, вертелся, да и стер тую надпись»⁵⁶.

в-1.1) «Рукописание» дает Каин за право узнать, как похоронить Авеля

Мотив «рукописания» включается также в историю о первом братоубийстве и соотносится в этом контексте с образом первого убийцы — Каина. Об этом — легенда, записанная уже в наше время среди липован Краснодарского края.

«[После изгнания из рая]. И вот оне, сколько оне были, кормили их, у их нашёлся Каин и Авель. Нашёлся у етого, у Адама. Ну и пошли оне, как дети, гулять. И как он там его ударил, и он убился, и убил его до смерти, брата свово. Ну, он не знал, шо он его убьёт. Да говорить: „Брат, пошли домой, чё ты лежишь, пошли домой“. А пришёл бес и говорить: „А он уже не пойдёт домой“. — „Как не пойдёт?“ — „А ты, — говорить, — его убил“. — „Как убил?“ — „Вот щас закапывать надо“. — „Куда закапывать?“ Усумнился, страшно ему стало, почал плакать. Почал просить: „Пойдём домой“. А он (бес): „Распишися на ётим камне, шо живые твои, а мёртвые мои“. Вот поетому и шли и праведные, и грешные все в ад. Он же написал, шо живые твои, а мёртвые мои. Вот и все и шли. И Он, Господь,

затоптал ету роспись, шоб он не был. И за ета Он послал свово Сына еди-народного за ету роспись» (Приморско-Ахтарский р-н)⁵⁷.

Приведенный материал показывает, что мотив «рукописания Адама» стал органичной частью устной повествовательной традиции славян. Как замечает М. М. Каспина, «последние записи этого сюжета зафиксированы в начале XX века и с тех пор больше не встречались фольклористам и этнографам»⁵⁸ (Каспина 2001). Однако фиксации текстов последних лет опровергают это утверждение, еще раз подтверждая положение о том, что «народная Библия» являет собой живую традицию фольклорного нарратива, опирающегося на богатейшее книжное наследие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. Отв. ред. В. Я. Петрухин. М., 2004 (далее — НБ). С. 18–20; *Белова О. В.* Славянские «библейские» легенды: от книжного источника к фольклорному нарративу // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. М., 2006. Т. 2. С. 276–278.
- ² *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1970. С. 224–225.
- ³ *Naumow A.* Apokryfy w systemie literatury ciekiewnoslowiańskiej. Wrocław, 1976.
- ⁴ *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 40–41; *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 224.
- ⁵ *Димитрова-Маринова Д.* Богомилская космогония в древнеславянской литературной традиции // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. М., 1998. С. 55, по списку «Палеи» полной редакции XVIII в.
- ⁶ *Барсов Е. В.* О Тивериадском море // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1866. Кн. 2. С. 5–8; то же — *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 292–293.
- ⁷ *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 215.
- ⁸ *Мочульский В.* Историко-литературный анализ стиха о Голубиной Книге. Варшава, 1887. С.237–241; *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 298.
- ⁹ Казки та оповідання з Поділля. В записях 1850–1860-х рр. Вип. I–II. Упоряд. Микола Левченко. Київ, 1928. С. 166.
- ¹⁰ О значениях слова «рукописание» (греч. *cheirograph*) в различных памятниках — записка, роспись, завет, договор см.: *Каспина М. М.* Сюжеты об Адаме и Еве в свете исторической поэтики. На материале древней и средневековой еврейской и славянской книжности. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. Электронная версия. Глава 3. Сюжеты об Адаме и Еве в славянских апокрифах и в фольклоре. Раздел 3.3.1. Плач, рукописание и покаяние Адама // <http://www.ruthenia.ru/folklore/caspina5.htm>. В одной украинской легенде (Вольнь) встретила любопытная деталь: документ, который Адам дает «Люциперу», называется «церигриф» (Звичаї в селі Забрідді <...> Житомирського повіту на Волині. Етнографічні матеріали, вібрані Кравченком Васильом. Житомир,

1920. С. 31). Слово «церигриф» (ср. пол. *cyrograf*) указывает на латинский или польский источник данного текста.
- 11 *Трусевиц И.* Космогонические предания жителей Полесья // Киевлянин. 1866. № 44. С. 169.
- 12 *Сержпутаўскі А. К.* Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета. Мінск, 2000. С. 56; *Kosiński W.* Materiały do etnografii Górali Bieskiepowych // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1883. T. 7. S. 84.
- 13 *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 349–353.
- 14 *Булашев Г. О.* Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Київ, 1992. С. 112.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 *Zowczak M.* Biblia ludowa. Interpretacje watków biblijnych w kulturze ludowej. Wrocław, 2000. S. 250.
- 18 См.: НБ: 97–98, 288–289.
- 19 *Новицький Я. П.* Духовный мир в представлении малорусского народа // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Екатеринослав, 1912. Вып. VIII. С. 165–166; Украинские сказки. В 2-х книгах. Кн. 2. Чародейная криница / Сост. И. Панкеев. М., 1993. С. 27–28.
- 20 *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 337–339; Сборник за народни умотворения, наука и книжнина (далее — СБНУ). София, 1895. Кн. 12. С. 164–165; *Вражиновски Т.* Еародна митологија на македонците. Кн. 2. Етнографски и фолклорни материјали. Скопје; Прилеп, 1998. С. 24–25.
- 21 *Кузнецова В. С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998. С. 70.
- 22 *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 347.
- 23 Там же. С. 343–344.
- 24 Там же. С. 330–331.
- 25 Там же. С. 331.
- 26 Там же. С. 332.
- 27 Там же. С. 341.
- 28 *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 240–241.
- 29 Там же. С. 241.
- 30 Пять легенд // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5. С. 111–112.
- 31 *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. С. 1–5.
- 32 *Булашев Г. О.* Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. С. 112–113.
- 33 *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. С. 240.
- 34 Там же.
- 35 *Тихоцравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 299–300; «Ложные» и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862 (Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3). С. 2.
- 36 СБНУ. 1892. Кн. 7. С. 167–169, Прилеп; Когда Господ ходеше по земята. 77 фолклорни легенди с толкования / Съст. А. Георгиева. София, 1993. С. 35; *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 351–354.

- 37 *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 353.
- 38 *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 15–17 («Рождение Каина и рукописание Адамля»); *Франко І.* Апокрифи і легенди з українських рукописів. Львів, 1899. Т. 2. С. 174–187.
- 39 *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 16 — текст происходит из старообрядческой среды; см. также: *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. С. 41–42.
- 40 *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. С. 224.
- 41 *Франко І.* Апокрифи і легенди з українських рукописів. Львів, 1899. Т. 2. С. 187.
- 42 Там же. С. 177.
- 43 *Гнатюк В.* Галицько-руські народні ле'єнди. Т. 1 // Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 12. С. 20.
- 44 *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Т. 2 // Етнографічний Збірник. Львів, 1902. Т. 13. С. 82; *Шухевич В.* Гуцульщина. Ч. 5 // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1908. Т. 8. С. 8, 13.
- 45 *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 16–17.
- 46 *Хобзей Н.* Наименования «адской» нечистой силы в украинских говорах карпатского ареала // Между двумя мирами: представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2002. С. 71.
- 47 *Шухевич В.* Гуцульщина. Ч. 5. С. 13.
- 48 Там же.
- 49 Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2002. С. 372–373; *Власова М.* Новая абевега русских суеверий. СПб., 1995. С. 260–261.
- 50 *Гнатюк В.* Етнографічні Матеріяли з Угорської Руси. Т. 1. Легенди і новелі // Етнографічний збірник. Львів, 1897. Т. 3. С. 35–36.
- 51 *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Т. 2 // Етнографічний Збірник. Львів, 1902. Т. 13. С. 36.
- 52 Там же.
- 53 НБ. С. 98.
- 54 *Городцов П. А.* Западно-сибирские легенды о творении мира и борьбе духов // Этнографическое обозрение. 1909. № 1. С. 62–63.
- 55 СбНУ. 1893. Кн. 9. С. 164–167.
- 56 *Паунова Е. В.* Легенды астраханских липован // Живая старина. 1998. № 2. С. 42.
- 57 Легенды липован Краснодарского края / Публикация А. И. Зудина // Живая старина. 2007. № 4. С. 48.
- 58 *Каспина М. М.* Сюжеты об Адаме и Еве в свете исторической поэтики. На материале древней и средневековой еврейской и славянской книжности. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. Электронная версия. Глава 3. Сюжеты об Адаме и Еве в славянских апокрифах и в фольклоре. Раздел 3.3.1. Плач, рукописание и покаяние Адама // <http://www.ruthenia.ru/folklore/caspina5.htm>.

А. Н. Горяинов
(Москва)

Об одном машинописном гимназическом журнале 1917 года

Летом 2008 года моя сестра И. Н. Горяинова обнаружила в папке со старыми семейными фотографиями 11 сколотых скрепкой листов писчей бумаги близкого к современному формату (31,5 × 22 см). Лицевая и оборотная стороны каждого листа обрамлены изящным орнаментом из цветов и листьев, причем лицевая и оборотная стороны первого листа и оборотная сторона последнего, не считая орнамента — чистые, никакого текста они не содержат.

Второй и последующие листы представляют собой один из последних в закладке экземпляров машинописного текста, с оборотной стороны второго листа начинается нумерация, лицевая сторона второго листа осталась нумерованной. Всего на 18 листах уместилось 19 страниц. Они напечатаны через копировальную бумагу синего цвета через один интервал, первая, нумерованная страница имеет значительные потертости, некоторые слова на ней не сохранились. Важно отметить, что сам текст напечатан по старой орфографии, то есть был создан до июня 1918 г.

Привожу текст на нумерованном листе целиком с пропуском угаданных мест:

«Потом, через несколько лет, пусть этот журнал напомнит нам светлое, хорошее время, проведенное в гимназии. Это общее дело объединит нас, вызовет обмен мыслей и поможет ближе узнать друг друга.

Теперь, когда мы сознательно смотрим вокруг, когда нас интересует множество... [важ]ных [без сом]нения, быть может, журнал придет нам на помощь.

Большое спасибо Ивану Федотовичу Рыбакову, согласившемуся руководить нашей работой, и преподавателям, не отказавшим быть нашими со-трудниками».

Из предисловия, таким образом, видно, что перед нами один из учебных журналов, о появлении которых в большом числе весной и летом 1917 г. свидетельствует в одной из своих брошюр известный методист М. А. Рыбникова (1885–1942). Рыбникова отмечала, что по журналам можно судить «в какой мере единообразно понимались всюду молодежью задачи их организации»¹. В этом смысле журнал нетипичен, о задачах самоорганизации учащихся в нем не упоминается. Однако материалы журнала свидетельствуют об интересе гимназисток не только к литературному творчеству, но и к событиям общественной жизни.

Пронумерованные с. 1–18 содержат стихотворения, эссе, публицистические произведения, биографические очерки и рецензии. Все произведения очень коротенькие, самым большим по объему является сочинение «Прадедушкино наследство. (Польская народная сказка)», занявшая свыше четырех страниц.

Ни одно из произведений, вошедших в «Журнал», не подписано, единственным лицом, упомянутым в нем с указанием на причастность к составлению, является И. Ф. Рыбаков. По сведениям адресных и справочных книг «Вся Москва» на 1916 и 1917 годы (М., 1916–1917), он был учителем Петропавловской женской гимназии при евангелической церкви святых Петра и Павла, располагавшейся в церковном доме в Космодамианском (ныне Старосадском) переулке². Именно в этой гимназии училась моя мать Магдалина Христиановна Горяинова (урожденная Зейц, 1900–1991), дочь учителя древних языков мужской гимназии при той же церкви Христиана Яковлевича Зейца, которая также находилась в Старосадском переулке. В сохранившихся у меня воспоминаниях мать пишет, что поступила в гимназию в 1908 г. и окончила ее весной 1918 г., следовательно, в начале 1917 г. она училась в седьмом классе (обучение в гимназиях в то время было восьмилетним, но до первого класса ученицы были обязаны пройти обучение в двух подготовительных). По всей вероятности, «Журнал» принадлежал именно М. Х. Горяиновой, весьма возможно также, что ею и И. Ф. Рыбаковым были написаны некоторые помещенные в нем материалы. В работе над «Журналом» могли принимать участие и гимназические подруги матери. В своих воспоминаниях она называет самых близких из них — дочь директора правления писчебумажной фабрики в Кувшинове Василия Васильевича Попова Александру Попову и Валентину Шмидт, которой помогала в учебе, особенно в изучении французского языка и истории. Магдалина Христиановна пишет далее, что Петропавловская гимназия давала учащимся хорошие знания, особенно там обращали внимание на изучение русского, немецкого и французского языков, на немецком языке преподавалась часть неязыковых предметов.

Из содержания машинописи видно, что гимназический «Журнал» был составлен в период с конца марта до начала июля 1917 г. «Отечество в опасности, в огне... Уж третий год война, измучились, устали все», — пишет безымянный автор «стихотворения в прозе» «Мир». А автор обращения-эссе «Юным гражданам» отмечает, что священник Титов бросал упреки в обскурантизме своим коллегам «в заседании 3-ей Государственной думы, лет 8 тому назад». В «Журнале» помещена юбилейная статья «К. С. Аксаков» о писателе и публицисте-славянофиле, начинающаяся словами: «В водовороте крупнейших политических событий наших дней пройдет для широких общественных кругов незамеченным один юбилей: 29 марта 1917 года исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося русского писателя Константина Сергеевича Аксакова...»

Революционные события Февраля 1917 г., так или иначе, отразились во многих материалах «Журнала». Его составителям близки идеалы свободы, которые они пытаются «воспевать душой» в своих произведениях.

Ты любишь родину, и я
Люблю ее святой любовью.
Ее из мрака бытия
Создал народ мечем и кровью.
Вчера оплакивал ее,
Сегодня радости слезами
Рыдал... Отечество твоё.
Свободен ты, ты не с рабами.

Это — одно из стихотворений без заглавия, помещенных в «Журнале», по всей вероятности, результат творческих усилий одной из гимназисток. Те же чувства выражены в прозаическом отрывке «Мне хочется начать словами...», где автор пишет о совершившемся «чуде», о «ворвавшейся свежей струе», о внезапно «открывшемся необъятно-широком горизонте». «...Разве не казалось вам в эти дни, когда вы ходили по улицам, залитым солнцем, с алеющими флагами, когда вы видели вокруг ликующие, умиленные лица, когда вы слышали радостные голоса, не казалось ли вам, что на минуту сон стал жизнью, что тот идеал любви и братства, который заповедывал нам Христос, на мгновение стал реальностью?» — задает риторический вопрос безымянный автор. И призывает начать работу во имя достижения христианских идеалов. «Теперь мы знаем, куда мы пойдем, и знаем, к чему мы должны стремиться», — самоуверенно завершает он свой восторженный опус. Если бы он знал, какой трагедией обернется воспеваемая им революция всего через несколько месяцев!

А упоминавшееся уже обращение-эссе «Юным гражданкам» написано, видимо, одним из преподавателей гимназии. В нем автор отмечает, что «те скромные успехи, которых достигла русская женщина в борьбе за равноправие с мужчинами... напоминали до последнего времени ткань Пенелопы, порою внезапно распускаемую... условиями русской жизни».

Теперь, отмечает автор, «настала и для русской женщины великая пора. Русская женщина будет полноправной гражданкой, получит доступ к активному участию в политической жизни страны, займет не менее почетное, чем мужчина, место в строительстве новой России». Далее в обращении содержится призыв не забывать в дальнейшей жизни и общественной работе русских женщин XIX в. «Полюбите их, оцените их страдания, их тоску по несбывшимся идеалам, их борьбу, их пламенную любовь к родине, их жажду знания и дела, настоящего большого дела» — настаивает автор. И продолжает: «Критикуйте их иногда наивные, но всегда искренние

планы и проекты „Новой жизни“, „новой Руси“. Но, критикуя эти проекты, будьте справедливы к их сочинительницам: помните, что они жили в иных условиях, чем вы».

Закljučая обращение, его автор пишет, что верит в способность своих учениц отдать должное русской женщине XIX в., понять и оценить такие черты характера выдающихся женщин прошлого столетия, как «трогательный по своей наивности мистицизм» А. Е. Лабзиной³, «героический энтузиазм» княгини М. Н. Волконской⁴, «грациозный романтизм» А. А. Воейковой⁵, «поэтическую банальность» графини Е. П. Ростопчиной⁶, «восторженный идеализм» Н. А. Тучковой-Огаревой⁷, «глубокомысленный позитивизм» С. В. Ковалевской⁸. Он призывает изучать сочинения, дневники и переписку россиянок, которые поучительны и способны обогатить юных силой и опытом.

Жанром, наиболее популярным у авторов «Журнала», являются стихотворные сочинения. Гимназистки воспевают природу, мечтают о будущем счастье, о мире. В их лирических размышлениях отчетливо слышится неудовлетворенность сегодняшней жизнью, некоторые стихотворения пронизаны пессимизмом. По всей вероятности, такие настроения навеяны не только трудностями окружающей обстановки, но и являются отражением направлений в литературе и искусстве, широко распространенных в России в конце XIX — начале XX в. Приведу в качестве образцов два таких стихотворения, созвучных веяниям «серебряного века»:

***

Так грустно бывает порой,
 Так просится сердце на волю,
 Так хочет живую струей
 Иную пробить себе долю.

Ведь мы молоды. Дайте нам жить.
 Дайте счастье изведать до дна.
 Дайте нам верить, любить,
 Пусть там старость проходит одна.

Пока еще силы в нас есть,
 И надежда еще впереди,
 Дайте верить нам в чудную весть,
 Что есть розы на торном пути.

***

Счастье не в глубоком взгляде, —
 Море глубже в пучине своей,
 А май в светлом своем наряде
 Лучезарней улыбки твоей.

Счастье не в поцелуе твоём, —
Знойное солнце сильнее горит,
И в вечном покое своём
Оно всех поцелуем дарит.
Будь проклят, кто взором красивым
Слабое сердце в смятении ввел,
И горе тому, кто в игривом
Локоне счастье поймал.

Особняком стоит помещенное в «Журнале» стихотворение «Поэт. (Памяти Пушкина)». Его автор требует от поэта быть одиноким, не связывать себя «цепями Гименея», чтобы безраздельно отдаваться своему делу, который «шире и полнее» «счастья семейного гнезда». Заканчивается стихотворение призывом:

Художник. Будь один. Души своей святыни
Ни с кем не раздели, не отдавай свой дух
Во власть и в руки суетной рабыни.
Один живи в безмолвии пустыни,
Чтобы в тебе огонь высокий не потух.
Будь одинок, поэт.

Художественная проза в «Журнале» представлена гораздо слабее, чем поэзия. Кроме двух «стихотворений в прозе» («Фантазия» и «Мир»), похожих больше на прозаические зарисовки, которые выражают чувства, обуревающие гимназисток, в нем помещены отрывок без заглавия с описанием ночной прогулки «на природе» и эскиз «Один вечер», где автор обращается к судьбе женщины, обманутой любимым человеком.

Завершает прозаический раздел «польская народная сказка» «Прадедушкино наследство». Это сочинение трудно, однако, соотнести с теми сказками, которые характерны для польского фольклора. Просмотр капитального указателя сюжетов польских сказок, составленного Ю. Кржижановским⁹, не позволил обнаружить сказки, идентичной по содержанию сочинению, помещенному в гимназическом журнале. Вместе с тем имена героев и весь колорит произведения свидетельствуют о его польском происхождении. Коротко сюжет сказки таков: пани Комнацкая, которую многие считают ведьмой, своими сплетнями и наговорами лишает покоя всех жителей села, сеет среди них ссоры и раздоры. Все усилия ксендза и других наиболее уважаемых лиц сельского сообщества утихомирить распоясавшуюся бабу остаются безрезультатными. Отчаявшиеся жители собирают сход, чтобы выяснить, на каких условиях пани Комнацкая согласилась бы оставить их в покое. На сходе вместе с другими крестьянами присутствует красавец Йонтек, за которого мечтают выйти замуж самые красивые де-

вушки села. Вздорная баба требует, чтобы Йонтек взял ее в жены, и он ради спокойствия сограждан приносит себя в жертву. Но юноша оказывается не только красивым, но и смышленным: чтобы утихомирить жену, он идет на хитрость — подсовывает супруге «адскую машину», заключенную в запертый железный ящик, и запрещает к ней прикасаться. Пани Комнацкая открывает ящик, заводит оказавшийся там будильник, и машина начинает бить бабу палками, пока та не улетает в ад. Заканчивается сказка тем, что Йонтек получает из ада уведомление о нахождении ведьмы в аду, где она трет для Сатаны нюхательный табак. Это позволяет Йонтеку жениться на самой красивой девушке, «а прадедушкин будильник, сослуживший ему такую службу», он «спрятал подальше». Кто опубликовал «Прадедушкино наследство» в «Журнале», мы не знаем, но весьма вероятно, что это была гимназистка польской национальности. Примечательно в этой связи, что, по свидетельствам упомянутого выше адрес-календаря «Вся Москва» на 1916 и 1917 гг., в Петропавловской женской гимназии в годы Первой мировой войны преподавали не только лютеранский и православный законоучители, но и ксендз Ромуальд Петронис; это свидетельствует о наличии в гимназии учащихся католического вероисповедания, вынужденных, видимо, выехать из западных губерний России в связи с военными действиями на их территории. Подтверждает наличие детей беженцев в Петропавловской гимназии и М. Х. Горяинова. Она вспоминает, что после начала Первой мировой войны «в школе появилось много новых учениц, из Прибалтики беженцы...», и вместе с тем отмечает значительное изменение состава учащихся гимназии в связи с высылкой из Москвы семей многих учениц-немок.

В 1912 г. в России вышел в русском переводе сборник статей американского эссеиста П. Мильфорда «К жизни...: Книга о красоте и радости». Он вызвал интерес в русском обществе, положительную рецензию на него, принадлежавшую перу известного журналиста М. О. Меньшикова, опубликовала газета «Новое время»¹⁰, в 1913 г. появилось второе издание¹¹. В 1917 г. книга Мильфорда не потеряла, видимо, актуальности: в «Журнале» о ней помещены сразу две заметки («Несколько слов о Мильфорде», с. 13 и «Еще несколько слов о Мильфорде», с. 14). Мильфорд рассуждает в сборнике о красоте жизни и прогрессе человечества, о воздействии на людей человеческой мысли, об отношениях в семье и о браке, о значении умственных занятий, самообразования, созерцания и отдыха, о внешнем виде человека. Автор книги верит в лучшее будущее, в перспективность гармонического развития личности. Он считает, что в жизни людей не должно быть места упадничеству и пессимизму, что будничное, земное существование должно осознаваться каждым человеком как радость и сила, и дает рецепты для воспитания людьми такого отношения к действительности.

Гимназистки обратили внимание исключительно на статью в книге Мильфорда, посвященную законам силы и красоты. Отталкиваясь от суж-

дений автора, они пишут о настроениях «пессимизма, упадка» в современном им обществе, отмечают, что «люди ищут поддержки, чувствуя свою слабость, усталость в борьбе с жизнью», что молодежь часто не знает, «что же делать дальше», «зачем, к чему жить», что среди юных царит «эпидемия разочарования» в бытии и совсем не юношеская усталость. Объясняются такие настроения, по мнению авторов, тем, что «мы совершенно не подготовляем себя для борьбы с жизнью, слишком мало стараемся развить свою личность, укрепить волю, мысли». Обе статьи проникнуты настроениями пессимизма, свойственными «серебряному веку», но, вместе с тем, авторы этих гимназических опусов, пытаются, опираясь на мысли и рецепты Мильфорда, искать выход из коллизий эпохи. И если одна из гимназисток ограничивается тем, что призывает «перевоспитать, подготовить себя к жизненной борьбе» путем самосовершенствования, то другая, прямо ей не возражая, вносит в свои рассуждения некий социальный момент. Последняя подчеркивает, что «жизнь — это не только красота и радость», что «в ней преобладает горе, горе тысяч обездоленных людей» и вследствие этого «мы счастливыми быть не можем». Вывод этой гимназистки состоит в том, что «философия Мильфорда должна указать путь, по которому можно достичь счастья», но «в наше время это невозможно» и «остается только пожелать», чтобы в будущем его последователи «нашли средства к исполнению» рецептов американского философа и, выйдя победителями из всех житейских бурь, «создали себе и другим идеальную жизнь, полную красоты и радости». Обе гимназистки отмечают, что философия Мильфорда отличается ясностью и жизненностью.

Другой отзыв в «Журнале» посвящен вышедшему из печати незадолго до его создания сборнику «Первые ласточки», в котором были опубликованы материалы двух номеров аналогичного гимназического журнала учениц какой-то иной московской гимназии с приложением статьи М. А. Рыбниковой «История одного провинциального гимназического кружка»¹², посвященной работе кружка гимназисток в Вязьме¹³. По всей вероятности, материалы сборника были не только внимательно прочитаны гимназистками-петропавловками, но и побудили их к размышлениям и даже к некоторым элементам творческой полемики. Это заметно, например, при сопоставлении приведенного выше стихотворения «Счастье не в глубоком взгляде...» со стихотворением «Счастье» из печатного сборника:

Счастье в солнце весеннем,
В ясных безоблачных днях;
Счастье в ненастье осеннем,
В грустных, тоскливых мечтах;
Счастье в безбрежном просторе
Вольных широких полей,
Счастье в задумчивом взоре

Твоих ненаглядных очей.
Счастье в борьбе и стремленье
К истине, правде, добру,
Счастье в страдании и заблуждении.
В том, что тебя я люблю ¹⁴.

В сборнике «Первые ласточки», как и в гимназическом журнале петропавловок, помещено несколько стихотворений, но там опубликовано значительно больше прозаических произведений. Впрочем, уровень «художественной» прозы в «Первых ласточках» низок. Это правильно подметили авторы рецензии в «Журнале», писавшие о целой тематической группе рассказов, посвященных деревенским детям, и упрекнувшие их сочинителей в однообразии и «малом правдоподобии». В рецензии кратко излагаются также некоторые, признаваемые наиболее удачными рассказы и очерки из «Первых ласточек». Переходя к статьям сборника, рецензентка отмечает созвучность мыслям гимназисток-петропавловок статьи «Настроение перед окончанием гимназии» ¹⁵, которую оценивает как «лучшую в журнале». Интересными она считает также другие статьи и материалы сборника, посвященные работе гимназических кружков.

Завершает гимназический журнал статья, посвященная юбилею К. С. Аксакова. Знаменателен, прежде всего, выбор персонажа для статьи. Он свидетельствует о желании автора (по-видимому, преподавателя гимназии) привить учащимся интерес к учению славянофилов, лозунг которого — «построение новой России на началах общественной самостоятельности и национального самоопределения» — автор справедливо считает «в значительной степени... лозунгом наших дней», то есть времени демократического этапа развития русской революции 1917 г. В статье отмечается, что «славянофильство уже завершило свою историческую миссию», но что до сих пор в отношении его «весьма широко распространен неправильный взгляд, трактующий о славянофильстве, как об учении ретроградном, отрицающем культурный прогресс нашей страны». Автор связывает учение славянофилов с концепцией Гегеля и Шеллинга, которая дала философское обоснование протесту против иноземного влияния, и считает славянофильство и западничество в России двумя сторонами одного западноевропейского учения о «провиденциальном значении определенной народности в определенную эпоху всемирной истории». В статье кратко изложены биографические сведения о К. С. Аксакове, причем автор наиболее подробно останавливается на таких чертах его характера и деятельности, как страстная ненависть ко всему иностранному, увлечение проповедью «самобытной прелести русской жизни и русской истории», непримиримая, «страстная до обидных крайностей» борьба с идейными противниками. Последний абзац статьи посвящен личной жизни К. С. Аксакова и аксаковскому семейству, причем автор подчеркивает «праведность» мыслителя.

В заключение отметим: журнал интересен тем, что дает представление о взглядах и настроениях гимназической молодежи в первые месяцы революционных событий 1917 г. Вместе с другими материалами о гимназической жизни в 1917 г., которые до сих пор мало разработаны и почти неизвестны российскому читателю, он позволяет лучше уяснить настроения, господствовавшие тогда в молодежной интеллигентской среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Рыбникова М. А.* Кружки учащихся. М., 1917. С. 5.
- 2 Об И. Ф. Рыбакове удалось разыскать лишь отрывочные сведения. В середине 1920-х гг. такой человек проживал в Ленинграде, специализировался по русской истории, был доцентом Факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ (см.: Наука и научные работники СССР. Л., 1926. Ч. 2). Позже, в 1956–1960-х гг., это имя встречается среди авторов статей и рецензий по истории капитализма в России, публиковавшихся в изданиях экономического факультета ЛГУ. В книге «Материалы по истории Санкт-Петербургского университета, 1917–1965: Обзор архивных фондов» (СПб., 1999) упоминается личный фонд И. Ф. Рыбакова (ф. 1084), хранящийся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Ознакомиться с этим фондом автору настоящей статьи не удалось.
- 3 Лабзина Анна Евдокимовна (1758–1828), жена вице-президента Академии художеств, главы масонской ложи А. Ф. Лабзина, автор интереснейших воспоминаний о религиозно-мистических исканиях масонов круга Голицына–Лабзина.
- 4 Волконская Мария Николаевна (1805–1863), жена декабриста С. Г. Волконского, одной из первых среди жен декабристов последовала за мужем в Сибирь.
- 5 Воейкова Александра Андреевна (1795–1829), племянница поэта В. А. Жуковского, хозяйка литературного салона в Петербурге (1822–1823), сотрудница журнала «Новости литературы» и «Литературного прибавления к „Русскому инвалиду“».
- 6 Ростопчина Евдокия Федоровна (1811–1859), писательница, хозяйка артистического салона, сотрудница журнала «Москвитянин».
- 7 Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна (1829–1914), мемуаристка, автор воспоминаний о жизни и деятельности Н. П. Огарева и А. И. Герцена.
- 8 Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891), математик, астроном, автор беллетристических произведений, первая женщина — член-корреспондент петербургской Академии наук.
- 9 *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wyd. 2, rozszerzone. Wrocław [i i.], 1962–1963.
- 10 *Меньшиков М. О.* Новая религия // Новое время. СПб., 12.II.1912.
- 11 В «Послесловии от редактирующего» во втором издании (с. 172) редактор М. Д. Беляев также отмечает успех первого издания книги Мильфорда.
- 12 Первые ласточки: Журнал гимназисток-восьмиклассниц. М., 1917.

- ¹³ См.: *Рыбникова М. А.* Опыт гимназических собраний в г. Вязьме // Психология и дети. М., 1917. С. 72–78.
- ¹⁴ Первые ласточки... С. 7. Подп.: С. В-нъ.
- ¹⁵ Там же. С. 32–35, подп.: Л. С-а.

Н. Н. Старикова
(Москва)

Словенская историческая проза второй половины XIX в. Особенности формирования и развития

В 10–30-е гг. XIX в. жанры исторического романа и повести во многих европейских литературах выдвигаются на центральное место. Более того, в историческом романе и повести этой эпохи впервые закладываются основы художественного историзма — он, начиная с 1830-х гг., становится одним из необходимых элементов любого повествования, рассказа не только об историческом прошлом, но и о современности. На Западе это было время наивысшего успеха исторических романов Вальтера Скотта, к которым, без сомнения, восходит родословная европейского исторического романа и которые вызвали волну подражаний. Традицию Скотта плодотворно развивали американец Ф. Купер, итальянец А. Мандзони, позднее, во Франции — молодой Бальзак. В 1826 г. выходит «Сен-Мар» А. де Виньи, ставший первым опытом реализации эстетической программы французских романтиков в жанре «поэтического», «идеального» исторического романа, который по-новому интерпретирует жанр. В России в 1820–1830 гг. исторический роман также оказывается в центре внимания и читателей, и участников литературного процесса, будь то писатели или критики. Чуткий к веяниям времени, Пушкин в 1827 г. берется за «Арапа Петра Великого», а в 1832–1836 гг. работает над «Капитанской дочкой». В 1834 г. Гоголь создает «Тараса Бульбу».

Историческая проза оказалась в авангарде отнюдь не случайно. Великая французская революция, созданная Наполеоном империя и последствия ее распада, национально-освободительные войны против наполеоновского господства, в том числе Отечественная война 1812 г., принесли с собой ускорение темпа развития общественной жизни. Исторические перемены следовали одна за другой, совершаясь с быстротой, неизвестной прежним, менее бурным эпохам. Люди, вовлеченные в ход потрясавших Европу событий как свидетели их и участники, на собственном опыте почувствовали вторжение истории в повседневность, пересечение и взаимодействие мира «большой» и мира «малой» жизни, которые дотоле представлялись разделенными непреходимой чертой.

Связь между особым характером эпохи и преобладающим направлением в развитии словесности прекрасно сознавали современники. «Мы живем в веке историческом... по превосходству, — подчеркивал писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. — История была всегда, свершалась всегда. Но она ходила сперва неслышно, будто кошка, подкра-

дывалась невзначай, как тать. Она буянила и прежде, разбивала царства, ничтожила народы, бросала героев в прах, выводила в князи из грязи; но народы после тяжкого похмелья забывали вчерашние кровавые попойки, и скоро история оборачивалась сказкою. Теперь иное. Теперь история не в одном деле, но и в памяти, в уме, на сердце у народов. Мы ее видим, слышим, осязаем ежеминутно; она проникает в нас всеми чувствами. Она... весь народ, она история, наша история, созданная нами, для нас живущая. Мы обвенчались с ней волей и неволею, и нет развода. История — половина наша, во всей тяжести этого слова»¹. Волна исторического чувства, пробужденного бурными событиями XIX в., захлестнула европейские народы и способствовала и рождению исторического романа, и его популярности.

Приблизительно в середине XIX в. начинают осваивать жанр исторической повести и словенские прозаики. Она сохранит за собой лидирующие позиции до конца столетия. На фоне отставания в это время прозы (первый словенский роман вышел в свет только в 1866 г.) повести о национальном прошлом в какой-то степени заполняют художественный вакуум. По мере усиления в литературе реалистических тенденций происходит постепенная трансформация исторической повести романтического типа в реалистическое повествование, отличающееся углубленным анализом социальных отношений и психологизмом. При этом длительное сосуществование романтических и реалистических форм, переплетение романтических и реалистических тенденций, характерное для словенской литературы, привело к тому, что отдельные черты романтизма будут наблюдаться в исторической повести вплоть до конца века. В законченной, оригинальной форме собственно исторический роман заявит о себе в период становления реализма, в 1870-е гг. практически одновременно с романами современной тематики Й. Стритара и Я. Керника.

Первое знакомство словенцев с оригинальной исторической прозой началось в середине 1820-х гг. с публикаций в немецкоязычных журналах города Целовца «историко-романтических» новелл И. фон Галленштайна, которые снискали популярность у «благородной» публики (немецкий язык был официальным языком Австрийской империи). Оно произошло в канун так называемой вальтерскоттовской лихорадки, когда произведениями «шотландского чародея» зачитывались Пушкин и Гоголь, Мицкевич и Байрон, в Словении Чоп и Прешерн. Именно В. Скотт, по мнению словенских литературоведов, «несет ответственность за появление на свет словенского исторического романа»². Вальтерскоттовская модель исторического романа, восходящая к приключенческой (Д. Дефо, Г. Филдинг, Т. Смоллет) и «готической» (А. Радклиф, Э. Т. А. Гофман, Ч. Р. Метьюрин) традициям и являющая собой «сочетание авантюризма и историзма»³, оказалась наиболее понятной словенскому читателю и востребованной словенскими прозаиками. Тип исторического видения, авторская позиция,

«сквозной» герой, «местный колорит» — все эти открытия В. Скотта будут впоследствии использованы словенскими прозаиками; наиболее точно вальтерскоттовской модели последует Й. Юрчич.

Первые попытки создания оригинальной прозы на словенском языке, в духе В. Скотта повествующей об «исторических характерах и обстоятельствах»⁴, относятся к середине 1830-х гг. Сохранились два отрывка, написанных поэтом С. Вразом (1810–1851) в 1835 г.⁵ Через год выходит в свет «повесть в стихах» Ф. Прешерна — лиро-эпическая романтическая поэма «Крещение у Савицы», сюжет которой прямо апеллирует к национальной истории. Это произведение с полным правом названо современной словенской критикой «первым шагом к словенскому историческому роману»⁶. Поэма состоит из «Введения», написанного терцинами, «Крещения», написанного стансами, и предваряется вступительным сонетом памяти лучшего друга и единомышленника поэта М. Чопа (1797–1835). В первой части показано последнее трагическое восстание карантанцев-язычников* во главе с князем Чертомиром, во второй — его участь после поражения.

Через десять лет после триумфа прешерновской поэмы словенская историческая проза обрела, наконец, первопродца. Им стал поэт, переводчик и литературный критик Ф. Малавашич (1818–1863), опубликовавший в 1846 г. ставшую настоящим бестселлером (за 60 лет переиздавалась шесть раз) повесть «Эразм из Ямы» с подзаголовком «Повесть XV века». История благородного витязя, жившего во второй половине XV в. Эразма Люгера, получившего прозвище Предьямский, упоминается в хрониках Шенлебена и Вальвазора**. Находясь на службе при дворе Фридриха III, Люгер смертельно ранил на дуэли немецкого аристократа графа Папен-хайма и был осужден на смерть. Он скрылся в своем неприступном замке, вырубленном в скале над пещерой Предьяма, откуда оказывал сопротивление брошенным на его поимку войскам во главе с триестским воеводой Равбаром, но был предан одним из своих слуг и убит, когда находился в самом уязвимом помещении замка — отхожем месте. Образ романтического героя-разбойника, находившегося в оппозиции к правящей династии Габсбургов и уничтоженного ею путем предательства, как никакой другой отвечал патриотическим настроениям накануне буржуазно-демократической революции 1848–1849 гг. в Австрии (Мартовской революции), когда расширение современной проблематики было затруднено из-за цензуры. После 1848 г. историческая тема благода-

* Карантанцы — жители альпийских земель, названных Карантаньей (Хорутанией), в VII–VIII вв. ставшей первым государственным объединением предков словенцев.

** Авторы историографических описаний словенских земель и племен И. Л. Шенлебен (1618–1681) — «Карниола древняя и новая» (1681) и Я. В. Вальвазор (1641–1693) — «Слава герцогства Крайна» (1689)

ря целому ряду авторов (В. Мандельцу, Я. Трдине, Ф. Кочевару, Е. Должану, П. Огринцу и др.) становится одной из ведущих в словенской прозе, исторический жанр — одним из самых популярных. Всего, согласно статистическим данным, представленным М. Хладником, в период 1848–1900 гг. в Словении увидели свет сорок три повести и восемь романов⁷, предметом изображения в которых стало национальное прошлое. Налицо лидерство повести. Прозаиков привлекала возможность на красочном, часто приключенческом материале, в небольшом по объему произведении нравоучительно рассказать о «делах давно минувших дней». Нарастающее осознание самобытности и единства нации, проявляющееся на историческом, языковом, этнокультурном уровнях, делало историческую тему особенно привлекательной, позволяло искать аналогии с современностью. Часто отбор эпизодов национальной истории, их оценка были крайне произвольными, истинная роль того или иного исторического события в судьбе нации отходила на второй план. Первые словенские исторические повести и романы пронизаны пафосом «национального самоутверждения»⁸. Авторам было важнее, иногда в ущерб объективности, показать положительный пример национального поведения, т. е. воспитательное значение текста, наряду с развлекательным, ставилось выше его художественной ценности.

Большинство авторов второй половины XIX в. проявили интерес к эпохе Средневековья, их внимание было сосредоточено на трех тематических узлах этого отрезка прошлого: деятельности графов Цельских по объединению словенских земель, турецких набегах и крестьянских восстаниях XV–XVI вв. Отдельные сюжеты и герои их произведений приобрели впоследствии архетипические черты, т. е. были воплощены как исторически сложившиеся общепринятые образы, прочно зафиксировавшиеся в народном и художественном сознании (например, Герман Цельский, Вероника Десеницкая). При этом в данный период прозаики невольно попадают под влияние европейской «готической» традиции, используя многие компоненты, присущие «готическим» текстам. К таковым можно отнести время действия (средние века), место действия (замок), мотивы, заимствованные из рыцарских романов (идеальный герой, сражающийся с врагами, разгадывание тайны, похищение, мщение, фабульную схему: разлука — поиск — обретение и др.), т. е. особый хронотоп, имеющий, по Бахтину, «существенное жанровое значение»⁹, а также этический конфликт¹⁰.

Трагическая история графов Цельских привлекла внимание первой словенской женщины-литератора Й. Турнограйской (1833–1854). Соперники Габсбургов в деле объединения под своей властью восточно-альпийских земель, эти европейские феодалы владели землями в Штирии, Крайне, Каринтии, Венгрии и Славонии. В первой половине XV в. они предприняли попытку объединить под своей властью славянские земли на юго-востоке.

После того как в 1456 г. последний граф Цельский был убит венграми, Габсбурги оказались единоличными хозяевами этих территорий. Действие повести с трагическим любовным сюжетом «Невинность и сила» (1851) происходит в 1424–1428 гг., когда граф Цельский Герман II, задумавший объединить словенские земли, стремится подчинить своим замыслам судьбы близких людей, лишая их права на личное волеизъявление. В том же XIX в. трагическая судьба графов Цельских, мифических «собираателей» словенских земель, будет интерпретироваться в романах Ф. Детелы (1850–1926) «Великий граф» (1885) и И. Янежича (1855–1922) «Госпожа из Приставы» (1894). В XX в. к ней обратится Б. Крефт в драме «Графы Цельские» (1932).

Наиболее востребованным в это время можно назвать также «турецкий» сюжет, повествующий о злоключениях уроженца словенских земель, попавшего к туркам и выступающего защитником христианства. Впервые турки вторглись в словенские земли в 1408 г., в период с 1469 по 1483 г. их походы происходили ежегодно, а иногда и по несколько раз в год и продолжались до конца XVI в. До 1508 г. османами было убито или уведено в плен около 200 тыс. человек¹¹. Турецкие набеги лежат в основе фабулы повестей Й. Юрчича «Юрий Козьяк, словенский янычар» (1866), Е. Должана «Матерь божья или братская любовь» (1868), Ю. Вранича «Махмуд» (1870), В. Слеменика «Предатель» (1873) и др. С точки зрения исторической аутентичности и художественного исполнения эти тексты весьма скромны, но читатели и критика были снисходительны к вольной интерпретации истории и стилистическим просчетам, если в произведении был сделан упор на позитивный опыт сопротивления чужеземному гнету.

Третий тематический «блок» связан с активизацией антифеодальных выступлений сельского населения в начале XVI в. Самым известным и массовым стало восстание в Крайне в 1515 г., начавшееся с убийства барона фон Турна, попытавшегося ввести новый налог. Оно охватило Верхнюю и Нижнюю Крайну, Штирию, Каринтию. Основным требованием восставших было восстановление «старой правды», т. е. отмена всех новых платежей и повинностей. В своем праведном гневе они даже отправили депутатов к императору Максимилиану I, который обещал облегчить положение крестьян. Противостояние приобрело масштабные размеры — крестьяне захватывали замки, жгли усадьбы, убивали хозяев, делили награбленное; в ответ для подавления бунта были направлены регулярные войска. В итоге повстанческие отряды были разбиты, сотни крестьян казнены, 500 жен и детей восставших схвачены и проданы в рабство, введен новый налог — ежегодный «бунтарский пфенниг» для восполнения ущерба, нанесенного господам.

Эти драматические события оказались в центре внимания Й. Юрчича (1844–1881) — автора повести «Сын крестьянского короля» (1869), А. Ко-

дера (1851–1918) — авторе романа «Крестьянский триумвират» (1884) и Ф. Яклича (1869–1937), написавшего повесть «Народная месть» (1892).

Вслед за авторами к середине века в привлекательность исторической прозы начинают верить и отдельные издатели. Так, в 1852 г., приглашая читателей познакомиться с новым литературно-просветительским журналом «Словенска бчела» («Slovenska bčela», 1850–1853 гг.), его редактор А. Янежич обещал в скором времени предложить их вниманию «повести, особенно исторические, переведенные с других славянских языков»¹². Произведения польских, чешских, хорватских авторов (Г. Жевусского, Й. Линды, Л. Вукотиновича), в основе которых были занимательный сюжет и национальная идея, тоже приучали словенских читателей к новому жанру. Впоследствии словенские исторические романы и повести, а также комментарии к ним будет широко публиковать литературно-критический журнал «Люблянский звон» («Ljublanski zvon», 1881–1941 гг.), на страницах которого появятся такие принципиальные для развития жанра произведения, как «Разбойники» Й. Юрчича и Я. Керсника (1881), «Словенский праведник и учитель» Й. Юрчича (1886), «Vita vitae meae» И. Тавчара (1883) и др.

К 1860-м гг. относится и первая публичная дискуссия о взаимоотношении истории и литературы и о важности в последней патриотического компонента, которая велась на страницах газеты «Новице» («Kmetijske in rokodeljske novice», 1843–1880 гг.). Тогда же общество св. Мохора* учреждает едва ли не первую в истории Словении литературную премию за «оригинальное прозаическое произведение, объемом в пять полос, предмет которого — отечественная история»¹³. Ее в 1864 г. за повесть «Юрий Козьяк...» получает Й. Юрчич, в творчестве которого историческая повесть и исторический роман заняли одно из ведущих мест. Именно Юрчич, крупнейший прозаик, автор первого словенского романа «Десятый брат» (1866), по праву считается истинным «отцом» и популяризатором национальной исторической прозы: его беллетристику с одинаковым интересом читали самые разные слои населения. Следуя за В. Скоттом, он попытался «приспособить» классическую форму исторического романа к своим мировоззренческим позициям, не лишив ее при этом художественной привлекательности. «О том, что историческая проза Юрчича с самого начала была связана с моделью исторической прозы Вальтера Скотта, свидетельствует не только тот факт, что Юрчич начиная с 1861 г. увлекался чтением его произведений, но, прежде всего, сюжетные, тематические, формальные связи с ними. Так, например, основные мотивы „турецкой“ повести „Юрий Козьяк...“ — похищение сына владельца замка, роль цыган в этом похищении, возвращение героя на родину уже зрелым человеком, „узнавание“ им

* Религиозно-просветительское общество, основанное в Целовце в 1851 г., издательство которого публиковало книги на словенском языке.

родных мест и приобщение к прежней жизни — заимствованы из романа „Гай Маннеринг“, — отмечает Я. Кос¹⁴. Сюжет повести обращен к событиям 1464–1475 гг., когда турки под предводительством Ахмед-паши сожгли Стичненский монастырь — крупнейший религиозно-просветительский центр Нижней Краины. Турецкая тема была продолжена в повести «Замок Ройинье» (1866). Затем Юрчич смело расширяет тематический диапазон, первым в прозе обратившись к такому важнейшему этапу национальной истории, как Реформация (повесть «Юрий Кобила», 1865), а потом и вообще выходит за рамки узконационального прошлого: в неоконченном романе «Славянский праведник и учитель» (1886) он проявил интерес к теме заселения Балкан славянами и их последующей христианизации. В дальнейшем эти два тематических направления окажутся для словенской исторической прозы весьма продуктивными.

Первый словенский исторический роман «Иван Эразм Таттенбах» Юрчича, опубликованный в журнальном варианте в 1873 г., повествует о словенском «эхе» антигабсбургского заговора второй половины XVII в., завершившегося трагически. Один из инспираторов заговора, штирийский феодал немецкого происхождения Таттенбах, проявляющий симпатию к местному населению, вместе с группой единомышленников готовит отделение Венгрии и южнославянских земель от Австрии. Ему помогает секретарь Балтазар Рибель, посвященный во все тайные подробности. Однако сластолюбие и жестокость Таттенбаха, разлучившего своего слугу с возлюбленной, а потом и ее смерть заставляют Балтазара мстить, и он доносит на своего господина. Юрчич с успехом показывает характер, являющийся порождением эпохи, — авантюриста, для которого важна не сама высокая цель, а процесс ее достижения. При этом озабоченность героя национальным вопросом — не более чем натяжка, как пишет М. Кмецл, «курьез, а отнюдь не пример высокого служения родине, которому в 1870-е гг. могли бы следовать борцы за идею»¹⁵. Неудачную попытку обезглавить господствовавшую династию прозаик попытался представить как стремление основать южнославянское государство, хотя исторические документы доказывают лишь комплот венгерских вельмож против австрийской власти.

Вслед за Юрчичем в последующие сорок лет традицию национальной исторической прозы с успехом развивали А. Царли, И. Тавчар, А. Кодер, Ф. Детела, М. Плелершник, Ф. Финжгар, М. Маловрх, Ф. К. Мешко, И. Лах, Р. Мурник, И. Шорли, Ф. Говекар, И. Прегель, Ф. Бевк. Опираясь на события отечественной истории, воссоздавая местный колорит и историко-культурную атмосферу, эти авторы через национально окрашенный, нередко легендарный материал стремились, каждый на своем уровне, отразить своеобразие национального характера на определенном отрезке исторического времени и, насколько это было возможно, соотнести историю и современность. В их творчестве на первый план выдвигается этико-религиозный

аспект, связанный в первую очередь с эпохой Реформации, а также, как утверждает Ф. Задравец, с периодом заселения славянами Балкан¹⁶. Теперь в центре внимания большинства авторов оказались именно эти два пласта национального прошлого.

Реформация оставила заметный след в истории словенской культуры. Умеренно-практический словенский протестантизм, движимый не национальной, а религиозной идеей, способствовал формированию общественного сознания народа на основе единого языка, общего для разных областей Словении. Это привело к созданию словенцами своей этнической и культурной общности. На основе достижений Реформации во второй половине XVIII в. деятели словенского Возрождения развернули борьбу за национальное самосознание народа, за создание национальной культуры.

Протестантизм в словенских землях получил распространение в первой половине XVI в. Через высшее и среднее духовенство и бюргерство он проникал в крестьянские слои, которые в этот период были основными носителями словенского языка. Протестанты во главе с Приможем Трубаром (1508–1586) перевели на родной язык главные богослужебные книги, заложили основу литературно-письменной традиции. При них у словенцев появились первый букварь и первая грамматика, введено преподавание родного языка в начальной школе. Преследования со стороны католической церкви, поддерживаемой Фердинандом II, привели к тому, что уже в начале XVII в. протестантизм на словенских землях был почти полностью уничтожен. (Основой послужил указ 1598 г. о возвращении всех граждан в католичество и об изгнании всех протестантских проповедников за пределы габсбургских земель.) Очаг Реформации сохранился лишь в Прекмурье, находившемся в подчинении венгерской короны. В дальнейшем Контрреформация проводилась насильственным путем — почти двухвековая монополия католической церкви на культуру и просвещение сказалась на положении национальной словесности. Политика денационализации образования (в 1596 г. иезуиты заменили словенский язык, введенный протестантами в начальных школах, на латынь), застой в книгопечатании (с 1615 по 1672 г. не опубликовано ни одной словенской книги), частичный запрет на использование родного языка при богослужении — все это в конечном итоге сказалось на развитии национальной культуры.

К эпохе Реформации — этому судьбоносному для нации этапу словенской истории, как выше уже было сказано, — обращается Юрчич, а затем в своих повестях «Лютеране» (1883) и «Лука Врбец» (1890) соответственно А. Кодер и Ф. Яклич, затронет ее в ряде своих произведений И. Тавчар (повесть «Vita vitae meae» 1883, новелла из цикла «На Зале» 1894, роман «Хроника усадьбы Высокое» 1919) и др. Наконец, свое вершинное воплощение идея религиозного противостояния и связанных с ним этических коллизий найдет в межвоенный период в исторических романах И. Прегеля

(1883–1960) «Plebanus Joannes» (1920) и «Проповедник Ерней» (1923). Все эти писатели будут затрагивать роль конфессионального фактора в жизни нации и в формировании ее самосознания.

Миграция славянских предков из-за Карпат в область нижнего течения Дуная, Паннонию и прилегающие районы, а затем их расселение на Балканском полуострове и шаги к обретению государственности (как собственно словенских племен, так и вообще древних славян) лежат в основе целого ряда исторических романов и повестей последней четверти XIX — начала XX в. Важную роль в процессе осмысления своей этнической и культурной принадлежности здесь сыграло именно общее прошлое, межславянские исторические и культурные связи. Осознание своей принадлежности к большой семье родственных славянских народов повышало самооценку словенской нации и, безусловно, оказывало ей определенную моральную поддержку.

Неоконченный роман Юрчича «Славянский праведник и учитель» был задуман автором как трилогия в ознаменование 1000-летия смерти одного из основоположников славянской письменности — Мефодия. Воодушевленный былым величием и могуществом древних славян, прозаик обращается к событиям IX в.: в центре его внимания победа моравского князя Святополка над франками и проповедническая деятельность Мефодия в Моравии и Нижней Паннонии. Эту эпоху он интерпретирует как время «величайших трудов и усилий, направленных на независимость славянского рода»¹⁷. Идея единого и могущественного («ни один европейский народ не велик так, как народ славянский»¹⁸) славянского народа, возглавляемого талантливыми государями, ищущими опору в собственной церкви, безусловно, льстила самолюбию словенцев, и начало романа было с воодушевлением встречено читателями «Люблянского звона». Паннонских и моравских славян автор, в соответствии с традицией того времени, называет «Sloveni» («словены») с производной формой «slovenski», которая полностью совпадает с прилагательным, образованным от слова «словенец». То есть для Юрчича «славянский» автоматически означает «словенский».

Неоконченная «Полабская» («Балтийская») повесть (1905) М. Плетершника (1872–1905), опубликованная автором под символическим псевдонимом Богдан Венед, развивает героический сюжет, восходящий к XI в., в центре которого борьба северных, или балтийских, славян за свободу и независимое государство и роль христианства в этом процессе. П. Бохинец (1864–1919) в своей «повести конца XI столетия» «Светобор» (1917) главной движущей интригой произведения делает описание интронизации каринтийских воевод. Главное действующее лицо повести — чешский князь Светобор, впоследствии аквилейский патриарх, несший слово Кирилла и Мефодия славянам-язычникам.

Центральным произведением этой тематической серии по праву считается книга Ф. Финжгара (1871–1962) «Под солнцем свободы» (1906–1907) о борьбе древних славян с завоевателями, названная литературоведом А. Слодняком «лучшим романом с национальной идеей до Первой мировой войны»¹⁹. Действие романа относится к VI в. н. э. — времени их расселения на Балканах. Главный герой произведения славянский юноша Исток добровольно покидает свое племя и отправляется в Византию учиться военному мастерству, где делает блестящую карьеру при дворе императора Юстиниана I. Находясь на гребне славы и успеха, он принимает решение вернуться к соплеменникам, и под его руководством они одерживают ряд крупных побед над войсками Византийской империи. Во многом следуя за Сенкевичем, Финжгар показывает столкновение пышного мира Византии с его роскошью, гедонизмом, пресыщенностью и значительно более скромного, но проникнутого патриотизмом и высокой нравственностью мира славянства. Реалии жизни и быта Византии автор воссоздает, опираясь главным образом на «Историю» Прокопия, однако в изображении славян присутствует и значительная доля вымысла. В романе они показаны как люди чести, сохраняющие между собой родственные, братские отношения, сплоченные высокой идеей единения и свободы. Прозаик подчеркивает историческую обреченность византийского общества, возведшего насилие и потребление в главные принципы своего отношения к слабым, стремится привести читателя к мысли о неизбежности торжества идеалов справедливости. Историческая правда, по мысли Финжгара, на стороне славян, защищающих свою землю. В такой постановке вопроса современники писателя видели прямую параллель с той реальностью, свидетелями которой они являлись. Столь же актуально звучала и другая идея романа — необходимость объединения славянских народов перед лицом общего врага, в борьбе с которым принести победу может лишь единство.

Тематический диапазон расширился и за счет инонациональных мотивов. Наиболее репрезентативны здесь романы об античной истории А. Царли и М. Плетершника. В них интерес и вкус к этнографическим деталям сочетается с постановкой этических и историософских проблем (добро и зло, тирания, христианская вера и т. д.).

В романе «Последние дни Аквилеи» (1876), хронологически втором историческом романе в словенской прозе, Царли (1846–1891) обращается к истории вторжения гуннов, возглавляемых Атиллой, в северную Италию и взятия ими в 453 г. христианского центра Аквилеи. В центре внимания автора (католического священника) религиозный конфликт христиан и язычников, в ходе которого «истинная» вера, несмотря на военное поражение христиан, одерживает победу. Это чуть ли не единственный в то время исторический роман, вышедший из-под пера католического писателя, так как католические, а затем клерикальные круги очень насто-роженно

относились к этому «аморальному», по их мнению, жанру. Плетершник (1840–1923), краткий роман которого «Первые дни второго триумvirата» о столкновении цезаря Марка Антония с республиканской оппозицией (43 г. до н. э.), был опубликован в 1880 г. в журнале Й. Стритара* «Звон» («Zvon», 1870, 1876–1880 гг.), ввел в прозу новый тип романного повествования, так называемый «учительский» роман²⁰, несущий в себе отдельные черты романа интеллектуального. Классический филолог по образованию, Плетершник использовал принцип беллетризации античного материала с тем, чтобы в популярной форме поделиться своими знаниями древнеримской истории, художественно пересказать ее. Такое произведение как нельзя лучше отвечало просветительской стратегии стритаровского журнала²¹. К 1880-м гг. относятся и первые исторические повести И. Тавчара.

Таким образом, во второй половине XIX в. в словенской литературе формируются жанры исторической повести и романа, определяются их основные тематические направления. Тематическое начало является эволюционной переменной и на стадии предыстории, и на этапе формирования и развития исторических жанров. При этом словенская историческая проза второй половины XIX в. опирается в первую очередь на вальтерскоттовскую традицию и национально окрашенный исторический материал, важнейшими ее функциями в этот период являются национально-патриотическая и дидактическая.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 65.
- 2 Hladnik M. Pot slovenske zgodovinske pripovedne proze v 20. stoletje // XIX SSJLK. Ljubljana, 1984. S. 65.
- 3 Тамарченко Н. Д. «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России // Известия Академии наук. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58 № 2. С. 44–53.
- 4 Лукач Г. Исторический роман // Литературный критик. М., 1937. № 12. С. 142.
- 5 Kocijan G. Zgodovinska snov v pripovedni prozi med Vrazom in Jurčičem // Jezik in slovstvo. 1979. Let. XXIV. № 8. S. 251–257.
- 6 Grdina I. Zgodovinski roman v slovenski književnosti // Obdobja21. Zgodovinski roman. Ljubljana, 2003. S. 164.
- 7 Hladnik M. Slovenska zgodovinska povest v 19. stoletju // XXX SSJLK. Ljubljana, 1994. S. 133.
- 8 Hladnik M. Slovenska diskusija o zgodovinski povesti in zgodovinskem romanu // Slavistična revija 1996. Let. 44. № 2. S. 204.
- 9 Бахтин М. М. Форма времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1978. С. 399.

* Й. Стритар (1836–1923) — писатель, литературный критик, в 1860–1870-е гг. неформальный лидер словенцев, учившихся в Венском университете, в доме которого устраивались литературные чтения.

-
- 10 *Малкина В. Я.* Поэтика исторического романа. Тверь, 2002. С. 37.
- 11 История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 272.
- 12 *Janežič A.* Povabilo na naročbo Slovenske bčele // *Novice*. 1852. Oglasnik № 50.
- 13 Цит. по: *Hladnik M.* Slovenska diskusija o zgodovinski povesti... S. 203.
- 14 *Kos J.* Primerjalna zgodovina slovenske literature. Ljubljana, 2001. S. 180.
- 15 *Kmecl M.* Babji mlin slovenske literarne zgodovine. Ljubljana, 1986. S. 87.
- 16 Цит. по: *Stenovec B.* Podoba duhovnika v daljši pripovedni prozi 20.st. Ljubljana, 1994. S. 7.
- 17 *Jurčič J.* Zbrano delo. 1882–1892. VIII. S. 53.
- 18 Ibid.
- 19 *Slodnjak A.* Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1963. IV. S. 244.
- 20 *Hladnik M.* Čas v slovenskem zgodovinskem romanu // XXXVI SSJLK. Ljubljana, 2000. S. 120.
- 21 *Старикова Н. Н.* Словенская литературно-критическая мысль в Вене: Й. Стригар и его журнал «Звон» (1970-е гг.) // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 446–459.

Ю. А. Созина
(Москва)

Поэтическое и духовное наследие А. С. Хомякова в словенской периодике второй половины XIX — первой половины XX в.

Личность Алексея Степановича Хомякова (1804–1860) масштабна, многогранна, удивительно органична. Этого человека отличала огромная эрудиция, великолепная память, неподдельный интерес к истории человеческой культуры и ко всему новому в современной ему духовной и общественной жизни. Один из крупнейших умов, основоположник светской религиозной мысли в России, — его идеи многим кажутся романтично-идеалистичными, утопичными, даже наивными. Вместе с тем восхищает его «крепость и твердость»: «Потерять всякую связь с Хомяковым значит стать беспочвенными, носимыми ветром», — писал Н. А. Бердяев¹.

Можно предположить, что первая встреча Хомякова и словенцев состоялась еще в молодости русского поэта на пути из Италии в Россию в 1826 г.² Вместе с тем мы можем сказать почти наверняка, что Хомяков был знаком с трудами российских исследователей своего времени, посвященными словенцам, Ю. И. Венелина, А. Х. Востокова и И. И. Срезневского и др. Путешествия, страсть к чтению и активная жизненная позиция Хомякова доказывают, что его интерес к славянам не был абстрактным, — радея за будущее своего собственного, русского народа, он воспринимал его внутри славянской семьи и пристально следил за судьбой «братьев».

Начало знакомства словенцев с творчеством Хомякова³ можно отнести к самому раннему времени, так как многие образованные люди того времени пристально следили за достижениями современной им русской литературы. Известия о нем могли доходить к ним как непосредственно через чтение отдельных русских журналов⁴ (стихотворения Хомякова появились в московских и петербургских журналах уже в 1820-е гг., начиная с публикации «Бессмертного вождя» в альманахе «Полярная звезда», 1824), так и опосредованно — через частые и плодотворные контакты с чешскими, словацкими, хорватскими литераторами и учеными других национальностей в границах Австрийской империи, а также и с российскими учеными, путешествовавшими в то время по их землям. Так, стихотворе-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Славянский мир в глазах России», № 08-04-00076а.

ние Хомякова «Орел» уже в 1843 г. в латинской транскрипции опубликовал поэт и ученый, известный деятель чешского национального возрождения Я. Коллар в книге «Путевой дневник, описывающий путешествие до Верхней Италии»⁵, запрещенной австрийскими властями, через год оно появилось в прозаическом переводе на польском языке, в России же было опубликовано только в 1859 г.⁶ Текст этого стихотворения, запрещенного на родине и ходившего в списках, чешскому ученому в 1841 г. в Загребе передал Срезневский, который рассказывал о ситуации в русской литературе, особенно поэзии, о том, что после смерти Пушкина выдвинулся молодой поэт Хомяков, и что и сам уже прежде читал стихотворения Хомякова, «особенно — его „Ключ“, и они мне очень понравились своей живой образностью, своим истинным народолюбием, своим чисто славянским духом»⁷.

Во время своего научного путешествия по славянским землям Срезневский особое внимание уделил словенским территориям и познакомился со многими видными деятелями культуры того времени — Ф. Прешерном, С. Вразом, М. Маяром, А. Мурко и др. Вместе со С. Вразом они отправились из Загреба в Краину и Горицу в 1941 г.⁸ Очевидно, это знакомство в определенной степени повлияло на тот факт, что первым словенцем, переведшим поэзию Хомякова, стал именно Враз.

Горячий последователь Л. Гая, ратовавшего за сближение южных славян, Враз переселился в 1838 г. в Загреб и начал писать на обновленном реформами хорватском языке, в котором хотел видеть язык единого в будущем славянского юга. Стихотворения Хомякова были также переведены им на хорватский язык, но были хорошо известны и в Словении, связи с которой выдающийся поэт никогда не терял. В 1849 г. под заголовком «Букет цветов русских» в журнале «Даница» («Денница») напечатаны по два стихотворения А. С. Хомякова («Vrijeme rjesama», «Ševa, oraо i pjesnik») и Н. М. Языкова («Elegija», «Pjesmica»). Таким образом, «К***» («Не горюй по летним розам...», 1932) и «Жаворонок, орел и поэт» (1933) можно считать первыми стихотворениями Хомякова в переводе, выполненном словенским поэтом, хотя и не на словенском языке.

Давней мечтой Враза, зародившейся еще в 1840–1841 гг., было создание антологии мировой поэзии. К 1849 г. она трансформировалась в решение создать антологию славянской поэзии «Цветник славянский», в сохранившемся плане которого в русский раздел вошли стихотворения Языкова, Пушкина и Хомякова. Известны его переводы с русского шести стихотворений Хомякова, девяти — Языкова, четырех — Лермонтова, шести — Пушкина, трех — Веневитинова и одного — Жуковского. К публикации 1849 г. Враз приписал несколько слов о том, как выбирал стихотворения для перевода: «где зыграло мое сердце, те я в тот же миг на скорую руку и перевел»⁹. Кроме названных выше стихотворений Хомякова, Враз перевел так-

же «Milkjejevu» («Милькееву, 1839), «Rusiji» («России») / «Гордись! — тебе льстецы сказали...», 1839), «David» («Давид», 1844) и «Kijev» («Киеву», 1839). Все эти стихотворения, кроме «К***», входили в сборник «КД стихотворений А. С. Хомякова», опубликованный в 1844 г. как приложение к журналу «Библиотека для воспитания»; можно предположить, что эта книга была известна в Хорватии, возможно, и в Словении.

Самое раннее упоминание имени Хомякова в собственно словенской периодической печати, нами обнаруженное, относится к 1859 г.: «Гласник словенский» («Вестник словенский»; в современной библиографии принято обратное написание «Словенский гласник») в № 11 от 1 июня 1859 г., сообщая новости из столицы, в частности пишет: «Библиотекарь чешского музея г-н Вацлав Ганка был выбран почетным членом Московского общества российской словесности¹⁰, председателем которого является известный писатель русский г-н А. Хомяков»¹¹. Именно этому литературно-образовательному изданию, выходившему в г. Целовце (немецкое название — Клагенфурт) с 1858 по 1868 г., принадлежит заслуга первой публикации стихотворений Хомякова на словенском языке. В этой связи упомянем, что И. С. Аксаков, славянофил, младший соратник Хомякова, во время путешествия по югославянским землям в 1860 г. встречался (о чем сохранилось упоминание в его дневнике¹²) с издателем «Гласника словенского» А. Янежичем, что также могло сыграть определенную роль.

В ноябрьском номере за 1863 г. журнал публикует стихотворение «К детям» («Detetom»), а в февральском за 1864 г. — «На сон грядущий» («Pred spanjem») ¹³ в переводе Я. Веснина. Этим псевдонимом в юности пользовался один из первых переводчиков русской поэзии на словенский язык, а со временем признанный одним из лучших переводчиков своего времени в Словении — И. Весел (1840–1900), в конце жизни подготовивший первую «Русскую антологию»¹⁴, вышедшую уже после его смерти.

«Летопис Матицы Словенской» («Альманах Матицы Словенской»¹⁵) за 1870 г. в переводах Весела публикует подборку «Северные цветы», куда наряду со стихотворениями Пушкина, Лермонтова, Вяземского, Павлова вошел «Орел» («Orel») Хомякова.

В 1873 г. в девяти номерах мариборская газета «Зора» («Заря»; издатель Я. М. Пайк; выходила с 1 января 1872 г. по 20 марта 1878 г.) публикует подготовленные Веселом переводы «красивейших стихов лучших русских поэтов» — Пушкина, Лермонтова и Хомякова («Prošnja» / «Просьба» и «Isola bella» / «Изола Белла» соответственно в № 23 и 24¹⁶).

Переводя стихотворения Хомякова, Весел ни разу не совпал в своем выборе с Вразом, что косвенно подтверждает предположение о том, что хорватские переводы последнего были не только известны в Словении, но и понятны, и не было смысла их «ословенивать». В качестве источников Весел поначалу также мог использовать сборник из 24 стихотворе-

ний Хомякова 1844 г., но публикации 1870-х гг. показывают, что ему был доступен и посмертный сборник 1861 г., включавший в себя уже 75 произведений (переизд. 1881 и 1888 гг.), или же предпринятое И. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариным и др. издание «Полного собрания сочинений» в 4-х томах (М.; Прага, 1861–1873). К сожалению, в фондах словенских государственных библиотек не сохранилось ни одного экземпляра этих книг Хомякова. Вместе с тем, то, что ими интересовались в Словении, доказывает не только творчество переводчиков, но такие частные факты, как рекламное объявление, найденное нами в люблянской газете «Словенец» («Политическая газета для словенского народа»). В 1877 г. в его № 141 от 18 декабря в рубрике «Разное» сообщается о публикации: «„Славянство“». Сборник с портретами А. С. Хомякова и М. Г. Черняева. 1877. Цена 30 коп. Приобрести можно в редакции „Гражданина“ в Петербурге. В этом сборнике помещены заметки о известном писателе и любителе славянства — о Хомякове и стихотворения, касающиеся славянства или первоначального вопроса»¹⁷. В Словении сборник «Славянство» сохранился только в библиотеке Люблянской семинарии, доступ куда ограничен. В Национальной и университетской библиотеке (главной государственной библиотеке) хранится лишь очерк А. В. Васильева (1851–1929) «Хомяков и славянское дело» (СПб., 1877, брошюра 16 стр.), вероятно прилагавшийся к сборнику¹⁸.

Всего через три месяца — в другой люблянской газете «Словенский народ» — появляется большая статья (в двух номерах) о судьбе и творчестве Хомякова, составленная по материалам из русских источников, автор или переводчик не назван. В статье «Алексей Степанович Хомяков» во главу угла как раз положена идея сближения / взаимности славян, «которая долгое время тлела лишь в сердцах немногих», но «крепла тем больше, чем дольше ее принижали различные разъединительные влияния и чем суровее преследовали воодушевленных ею борцов»; «требовалось твердо верить в славную победу великой идеи, чтобы продолжать трудиться на ее развитие с такой преданностью и такой любовью, как это показала партия так называемых славянолюбов». С этой точки зрения последовательно показана жизнь Хомякова, начиная с самых ранних лет жизни вплоть до «просветленной» его кончины.

Обратило на себя внимание примечательное объявление в № 12 от 15 июня за 1879 г. люблянского журнала «Učiteljski tovariš» («Товарищ учителя»). Здесь в разделе «Сообщения и новости» приводятся известия от «Хорватского учителя» — непосредственно на хорватском же языке — из Венгрии о предложении тамошнего министра образования ввести во всех народных школах обязательное изучение венгерского языка и о негативной реакции на это, смешанной с чувством безысходности, словацких «Народных новостей». В связи с этим автор короткого сообщения ссыла-

ется на Хомякова, его слова о духовной силе братских славянских племен, заключающейся в прямодушии и вере, которые побеждают ложь и насилие. Эта публикация также свидетельствует о глубоком уважении и знании наследия русского мыслителя¹⁹.

По всей видимости, наследие Хомякова имело особое влияние в Словении того времени, что можно заключить, в частности, из воспоминаний Э. Лампе в его «Письме другу-студенту», опубликованном под псевдонимом в вестнике словенской католической учащейся молодежи «Зора» (также «Заря», но изд. в Вене и Любляне в 1895–1921 гг.):

«Ты еще помнишь, как мы с каким-то тайным страхом думали о России? Золотыми мечтами нам казалась мысль, что они — громадный народ, брат среди братьев, других славянских меньших народов. И слышали мы из сердца России голос:

Не гордись перед Белградом,
Прага, чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом
Златоглавая Москва!
Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной —
Братьям — братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой!*

Мы стали воодушевленными всеславянами. Никаких политических утопий не было в нашем воодушевлении. Наше славянство было поэтической идеей, было идеалом, вокруг которого вращались все наши мысли и желания — все, все было у нас, думающих об этом славянстве. Для нас было, будто бы весь мир заклят против этого идеала. Тогда мы в юношеском огне звали всю Европу в бой, в бой честный, святой. Наше сердце горело за Австрию, но это чувство любви к дому не задушило любви к роду; нам снились золотые сны о душевной взаимности любящих друг друга братьев, о великом королевстве всеславянской цивилизации, которое станет бестелесным, идеальным, крепким столпом единственно истинной человеческой цивилизации вопреки влияниям всеуничтожающего западного упадка»²⁰.

В то время существовали довольно прочные связи между словенскими русофилами и российскими прославянскими общественными организациями²¹. Заметим только, что периоды всплеска и угасания интереса к Хомякову

* Хомяков в сборнике «Славянство». СПб, 1877. С. 131. (Цитата дана на русском языке, но латиницей. Мы сохранили пунктуацию словенского автора, отличающуюся от оригинала, что может свидетельствовать о цитировании стихов на память. — Ю. С.).

в Словении непосредственно зависели от активности этих связей и интенсивности общеславянских настроений в целом. Известно, например, что благодаря Петербургскому славянскому благотворительному обществу в 1888 г. Ф. Подгорник, издатель знаменитой газеты «Слованский свет» («Славянский свет»; изд. в течение одиннадцати лет: три года в Любляне, затем почти пять лет в Триесте, а позже была переведена в Вену), получил большую партию русских книг, в том числе и сочинения Хомякова²². Вероятно, этим объясняется тот факт, что «Слованский свет» публикует соответственно четыре стихотворения Хомякова в оригинальном виде (кириллицей) — «Заря», «Две песни», «Видение» (больше известное как безымянное «Беззвездная полночь дышала прохладой...») и «Орел»²³.

В 70–90-е гг. XIX в. имя Хомякова периодически появляется на страницах словенской печати; кроме выше названных, это столичные «Люблянский звон» («Люблянский колокол»), «Дом ин свет» («Родина и мир») и целовецкий / клагенфуртский «Крес» («Костер накануне Купалы»). Чаще всего это лишь несколько слов в связи с жизнью и деятельностью знаменитых австрийских и российских литераторов и общественных деятелей — С. Врза, Н. А. Некрасова, Л. Гая, И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, М. Мурко, И. Весела, А. С. Пушкина, Ф. Палацко; более подробно — в редких публикациях о славянофилах вообще²⁴.

Столетний юбилей Хомякова словенцы отметили появлением двух статей в центральных столичных журналах. В «Люблянском звоне» было проанонсировано, а затем вышло «Письмо из Москвы. К столетию Хомякова» литературоведа, эссеиста, переводчика И. Приятеля (1875–1937)²⁵, датированное 11 апреля 1904 г. Статья была написана по просьбе редактора журнала, писателя и поэта Ф. Збашника (1855–1935). В то время Приятель действительно находился в Москве как стипендиат Венского университета, это была его вторая поездка в Россию. В одном из своих писем Приятель признавался: «Из истории русской мысли меня интересует славянофильство, первая целостно-последовательная философская доктрина в России, которая пережила разные этапы, как и общество вместе с ней. Позитивизм 60-х и социализм 90-х значительно менее оригинальны»²⁶. В статье же, посвященной столетию со дня рождения Хомякова, личность которого как «одного из первых и главных» славянофилов не могла не привлечь внимания молодого словенского ученого, он пишет: «Начало славянофильства означает в России ту эпоху, когда русский народ впервые осознал себя как единый народный организм в духовной деятельности, бывшей наполовину философией, наполовину поэзией, приблизился к Европе и посмотрел ей глаза в глаза».

Статья начинается с рассказа о посещении автором могилы Хомякова, куда он отправился, чтобы уточнить дату рождения, которой не нашел нигде больше, даже в новой толстой истории русской литературы, где «этому интересному мыслителю» посвящено всего лишь две строчки. Посетителя

Данилова монастыря заинтересовали надписи на надгробии: «Из всех видно, что будто бы хотели с их помощью благочестивые люди извинить умершего мужа перед Богом и людьми. А было бы более к месту, чтобы извинялись они сами, так как не узнали прихода своего человека. Миру не до извинений: он человека взвешивает, постигает умом, принимает от умершего все способное к жизни, а все прочее — и большее и лучшее — забывает». Личность Хомякова исследователь описывает с большой симпатией и глубоким уважением. Хотя Приятель и не разделяет многих взглядов русского мыслителя, но подчеркивает, что «результат этого напряженного умственного труда был необычайным». Он показывает своим соотечественникам определенные противоречия в идеях Хомякова, не может простить ему и авантюры с объявлением собственного труда «Церковь одна» за древний текст, но восхищается его стойкостью духа и глубиной чувства к родине: «Себя он даровал народу...».

В конце статьи автор отмечает: «Славянофильство уже давно больше не существует, но все еще жив его призыв к пробуждению духа и мысли. <...> продолжается от славянофилов начавшееся изучение народа, не во имя национального бахвальства, но с целью быстрее и самого оптимального распространения всеобщей культуры». Таким образом, для Приятеля самым важным в славянофилах, в том числе и Хомякове, было их рвание за просвещение и равноценность разных национальных культур, в чем он усматривал залог той прогрессивной силы, что смогла зажечь сердца многих славян²⁷.

«Дом ин свет» публикует статью писателя, драматурга, публициста И. Лаха (1881–1938) «Тютчев и Хомяков. К столетию двух русско-славянских поэтов»²⁸. Если Приятель в своем сочинении сосредоточивается главным образом на общественном и духовном значении наследия Хомякова, то Лох наряду с этим подробно останавливается на его поэтическом творчестве. Он пишет: «Хомяков — первый по-настоящему славянский поэт, а кроме того еще и поэт-философ, глубокий мыслитель»; «Он первый с глубокой братской любовью посмотрел на угнетенных западных братьев и хотел им помочь. А в России в это время должно было молчать, и потому лежит его мысль глубоко в стихах, и что-то тяжелое ложится человеку на сердце, когда он их прочтет».

Лох создает весьма идеализированный образ русского поэта, основанный на уже ранее известных фактах его биографии, но у его статьи есть две весьма ценные особенности. Во-первых, автор упоминает о своей встрече около знаменитого словенского озера Блед с неким русским профессором, «который никуда не ходил без маленькой книжки, название которой было „Стихотворения Хомякова“. Маленькая книжица, но дух в ней велик, и каждое стихотворение в ней — жемчуг. Рассказал мне этот профессор, что Хомяков самый любимый поэт серьезных людей, и сам он его читал и чи-

тал, и почти половину стихов знал наизусть», — такой небольшой штрих весьма корректирует наше представление о восприятии поэзии Хомякова в России того времени, существенно отличаясь от общей версии. А во-вторых, статья Лаха изобилует стихотворными цитатами. Здесь приведены частично (больше половины строф или почти целиком) шесть стихотворений Хомякова, два из которых — «Просьба» и «Орел» — в упоминавшихся выше переводах Ивана Весела²⁹, и не встречавшиеся нам прежде переводы стихотворений «Не гордись перед Белградом...», «Ода (На Польский мятеж)», «Исповедь» и «Беззвездная полночь дышала прохладой...» (полностью)³⁰.

Примечательно, что Лах, как и ранее упоминавшийся Лампе, цитирует вторую строфу стихотворения «Не гордись перед Белградом...» по-русски (прочие даны в словенском переводе), снова немного меняя пунктуацию (несколько по-другому, чем Лампе). Этот факт также подтверждает предположение о знании на память и/или частой декламации стихов Хомякова среди словенской интеллигенции.

Окончание статьи столь же эмоционально, сколь поэзия, которой она посвящена, — это призыв:

«„Двадцатый век, славянский век“, — говорили. Хорошо! Так будем же славяне, как нас представлял великий пророк, эмансипатор славянской мысли, Хомяков! В любви друг к другу будем стремиться к одной цели: За свободу и правду любви ко всем! В связи со столетием вспоминает славянство Хомякова как своего первого борца. Хотят издать его славянские стихи на всех славянских языках. Пусть это поможет, чтобы распространилась его братская идея между всеми славянскими народами и показала им путь спасения в единой „мысли благородной“, в „вере одной“, чтобы мы стали: „Все велики, все свободны!“».

В XX в. заметно убывание интереса к личности и творчеству самого Хомякова, его стихи перестают публиковать и переводить. Только один новый перевод, выполненный А. Венковичем (1867–1934), был опубликован в 1912 г. в журнале «Дом ин свет». Это стихотворение Хомякова «Труженик», название которого Венкович вольно переводит как «Spokornik», что по-словенски означает «кающийся».

В словенской периодике нового столетия³¹ продолжают упоминать имя Хомякова в связи с другими деятелями литературы и культуры — хорвата Л. Гая, болгарина И. Вазова, немца Г. В. Ф. Гегеля, француза А. Л. Бергсона, россиянина А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, П. В. Киреевского, А. Н. Пыпина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского и др. Гораздо больше появляется работ общего характера, представляющих развитие европейской философской мысли³² и русской литературы³³, историю и перспективы славянства³⁴. Однако следует особо отметить, что наследие Хомякова уже воспринимается опосредованно, все сильнее чувствуется дистанция — как временная, так и идейная, наряду с традиционно положительными

оценками появляются высказывания, отрицающие его значимость. Последние, собственно, принадлежат одному человеку — едкому критику Л. Ленарду (1876–1962), теологу по образованию, бывшему «истым» католиком и клеймившему российский агрессивно-продажный бюрократизм, зачастую переносившему это негативное отношение на Россию в целом. Для Ленарда было характерно предвзятое отношение к русской культуре и истории. Все это нашло отражение и в статьях, где упоминается Хомяков: «От абсолютизма к конституции в России», «Немного славянских вопросов»³⁵ и др.

Идея славянской взаимности весьма интересовала Ленарда. В своей статье, посвященной деятельности польского ученого М. Здзиховского, он представляет ее новый вариант, развившийся на польской почве, и резко противопоставляет его русскому славянофильству:

«Некоторые называют это польским славянофильством, другие — краковским течением, третьи — австро-славизмом или даже клерикальным панславизмом. <...> Нельзя это называть польским славянофильством в том смысле, в каком могло именоваться славянофильство Аксакова и Каткова русским славянофильством. Его цели не сосредотачиваются на польском народе, но охватывают равномерно и параллельно все славянские народы, а его идейное содержание распространяется даже за границы славянского мира. <...> Совсем иное — русское славянофильство Каткова, Хомякова и Аксакова, чьи цели были сосредоточены на России и который лишь искал связей между другими славянскими племенами и русским центром, а все славянские племена подчинял русской народности, современную культуру же вообще отвергал, хотел сотворить некую особую славянскую культуру на развалинах здания, которое строили Иван Грозный, его предшественники и потомки, и это славянство окружить китайской стеной от Запада Нового времени»³⁶.

Приведенные слова показывают неприятие Ленардом наследия русских славянофилов, чьи идеи пережили серьезные трансформации в ходе истории, хотя и следует признать, что подобный тон высказываний в определенной мере мог быть обусловлен некоторыми фактами российской политики того времени.

Насмешливо-уничжительный тон по отношению к русским славянофилам превалирует и в статье о Л. Гае, так как они якобы «приняли его с воодушевлением, повсюду водили его, приглашали на обеды и действительно были уверены, что Гай с их денежной помощью в течение краткого времени объединит южных славян в православии и кириллице»³⁷.

Октябрьская революция и Гражданская война отодвинули в России на задний план славянский вопрос. Отечественная славистика была сведена на нет, — кто-то был репрессирован, кто-то покинул родину. Среди последних оказался историк-славист, академик В. А. Францев (1867–1942),

эмигрировавший в Чехию, где он стал преподавать в Карловом университете в Праге.

По приглашению Русской Матицы, созданной эмигрантами в 1924 г. в Словении, в 1933 г. Францев приехал в Люблян, где 12 апреля в помещении Французского института читал лекцию о поэзии Хомякова, о чем подробно сообщила газета «Ютро» («Утро») в рубрике «Культурный обзор»³⁸. Докладчик специально остановился на влиянии поэзии Хомякова среди славян. В то время как многие в России не ценили его таланта, другие народы видели в нем, «поэте-гражданине» «далекой матушки России», благовестника славянского объединения. По свидетельству корреспондента, выступление произвело большое впечатление. Огромной заслугой Францева стало переиздание стихотворений Хомякова в 1934 г., которые он сопроводил вступительной статьей, краткими научными комментариями и фототипическими копиями рукописей стихов, хранящихся в Праге.

Без А. С. Хомякова не было бы славянофилов, да и российская общественная и научная мысль, скорее всего, развивалась бы иначе. В 1860 г. И. А. Аксаков отмечал: «Мы рады, что успели, кажется, рассеять ложные понятия, какие существовали у нас и у славян о русском панславизме, и убедили наших братьев, что сочувствие наше чуждо посягательства на их самостоятельное развитие»³⁹, — «ложные понятия» приходится рассеивать и теперь. Деятельность славянофилов способствовала личным творческим и научным контактам, интересу к славянам в России и взаимному интересу зарубежных славян к России, развитию российского славяноведения, просто реальной помощи. Возросшие на общечеловеческих, гуманистических ценностях, многие из их идей продолжают свою непростую эволюцию и могут послужить опорой и в наше время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. *Бердяев Н. А.* Алексей Степанович Хомяков. М., 1912.

² Существует вероятность, что Хомяков мог проезжать через заселенные словенцами земли, известные в то время под именами провинций – Краина, Каринтия и т.д. Примечательно, что сведения о его возвращении из Италии в 1926 г. в источниках разнятся. По одним данным, он встречался с *южными* славянами (см.: *Егоров Б. Ф.* Хомяков Алексей Степанович // *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь* / Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1979. С. 355); по другим сведениям, «на возвратном пути, в конце 1826 г., Х. побывал в Швейцарии, Северной Италии и землях *северных* славян, которые его встретили как «любимого родственника» ([*И. Щ.*] Хомяков // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.* СПб., 1890–1907. — Электронная версия: Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2003 — www.KM.ru). Даже известный исследователь и издатель наследия Хомякова В. А. Кошелев пишет о землях *западных* славян, хотя тут же упоминает об известной записке самого Хомякова к С. П. Шевыреву: «Да не спрашивайте у итальянцев о славянах: мы для них

варвары... Но проезжая через славянские земли в южной Австрии, говорите как можно более с жителями: вас будет веселить их радость» (*Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 71). (Курсив наш. — Ю. С.) Если обратиться к карте Австрийской империи, будет ясно, что в тогдашней южной Австрии, на выезде из Италии, путешественник мог попасть напрямую только к словенцам, крайним в этом регионе представителям южной ветви славянства, за которыми еще южнее находятся хорваты (но, следуя в Россию, вряд ли стоило делать крюк). Западные славяне находятся на севере, хотя не исключено, что впоследствии, пересекая империю, можно было попасть и туда. И если сравнения этих сведений и недостаточно, чтобы говорить с уверенностью о личном знакомстве русского мыслителя и поэта именно со словенским народом, то, во всяком случае, они могут послужить предостережением изучающим его наследие, показывая необходимость особой тщательности при обработке фактов.

- 3 16 мая 2008 г. в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого состоялась конференция «Хомяковские чтения — 2008 г.: новые исследования в области религиозной и нравственной философии А. С. Хомякова», где нами был зачитан доклад «К вопросу о национальной гордости: А. С. Хомяков и словенцы (исторические параллели)» (материалы готовятся к публикации).

Настоящая статья основана на материалах, собранных нами в библиотеках и архивах Словении (сент.-окт. 2008 г.). В этой связи следует особо поблагодарить за помощь А. Корон, Д. Долинара и М. Ювана из Института словенской литературы и теории литературы Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств.

- 4 В одной из своих работ словенский исследователь И. Приятель упоминает письмо поэта Ф. Ериши (1829–1855) от 30 марта 1850 г., адресованное К. Рудежу, в котором тот признается, что очень любит русский язык: «читаем фрагменты из Карамзина, Жуковского, Пушкина, Хомякова...» и др. (*Prijatelj I. Vorba za individualnost slov. knjiž. jezika v letih 1848–1857 // Časopis za jezik, književnost in zgodovino. Ljubljana, 1926. Št. 1. S. 29*).
- 5 *Kollar J. Cestopis obsahujici cestu do Horni Italie. Peat, 1843. S. 32.*
- 6 Подробнее об этом см.: *Кошелев А. В.* Комментарии // *Хомяков А. С.* Стихотворения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. В. Кошелева. М., 2005. С. 542–604.
- 7 Там же. С. 559–560. «Ключ» был опубликован в журнале «Московский наблюдатель» в 1835 г. (Ч. 3. С. 340.)
- 8 См. подробнее: *Чуркина И. В.* Русские и словенцы (Научные связи конца XVIII в. — 1914 г.). М., 1986.
- 9 *Vraz St. Pjesnička djela. Knj. III. Cvijetnik slovinski; Kita cvijeća zamorskog; Proza / Prired. S. Ježić. Zagreb, 1955. S. 12.*
- 10 Имеется в виду Общество любителей российской словесности.
- 11 *Glasnik iz domačih in tujih krajev // Slovenski glasnik. Lepoznansko-podučen list / Vredil in izdal A. Janežič. Celovec, 1859. Št. 11. S. 181.*
- 12 *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978.
- 13 *Slovenski glasnik. 1863. Št. 11. S. 316; 1864. Št. 2. S. 46–47.*
- 14 *Ruska antologija v slovenskih prevodih / Zbral I. Vesel, ur. A. Aškerc. Gorica, 1901.* В «Русскую антологию» вошло лишь четыре стихотворения Хомякова (в пе-

- реводе И. Весела): «На сон грядущий», «Изола Белла», «Орел» и «Просьба» (S. 227–233).
- 15 Словенская Матица – старейшая словенская культурно-научная организация, учреждена в 1864 г.; названный альманах выходил с 1869 по 1912 гг.
- 16 Zora. Časopis za zabavo in poduk. Maribor, 1873. Št. 23. S. 353–354; Št. 24. S. 269.
- 17 Slavjanstvo // Slovenec. Ljubljana, 1877. Št. 141. S. 3. Объявление приведено целиком, как видно — о Черняеве нет ни слова.
- 18 Примечательно, что ни сборник «Славянство», ни брошюра Васильева, одно-го из деятельных членов Петербургского славянского благотворительного общества, не упоминаются ни в одном из виденных нами библиографических списков трудов, посвященных Хомякову, в том числе и в итоговой книге В. А. Кошелева («Алексей Степанович Хомяков...»).
- 19 Učiteljski tovariš. Ljubljana, 1879. Št. 12. S. 190.
- 20 *Eugenij*. Pisma prijatelju visokošolcu // Zora. Glasilo slovenskega katoliškega dijaštva. Dunaj, 1896. Št. 1. S. 4–5.
- 21 См. подробнее: *Чуркина И.В.* Словенское национально-освободительное движение...; *Она же.* Русские и словенцы...
- 22 *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение... С. 350.
- 23 Slovanski svet. Trst, 1891. Št. 2. S. 28; Št. 6. S. 97; Št. 9. S. 148; Št. 10. S. 161.
- 24 В 1890 г. в «Слованском свете» Ф. Целестин резюмирует петербургскую публикацию того же года «Поборник вселенской правды. Возражение В. С. Соловьеву на его отзывы о славянофилах 40-х и 50-х годов Д. Самарина», где Хомякову уделено основное внимание, обильно цитируются его труды: *Dr. C.* O slavjanofilih // Slovanski svet. Ljubljana, 1890. Št. 19. S. 306–307.
- 25 *Prijatelj I.* Pismo iz Moskve. K stoletnici Homjakova // Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1904: Št. 6. S. 331–334; Št. 7. S. 407–411; *Aleksej Stepanovič Homjakov* // Ljubljanski zvon. 1904. Št. 5. S. 319.
- 26 Письмо от 23 мая / 5 июня 1903 г. из Петербурга к Р. Нахтигалу (1877–1958), выдающемуся словенскому лингвисту: *Prijatelj, Ivan, objavlja Nahtigal, Rajko.* Pisma Ivana Prijatelja s študijskega potovanja 1903/4 // Ljubljanski zvon. 1937. Št. 11/12. S. 312.
- 27 К личности Хомякова Приятель возвращается в своей монографии «Предшественники и идейные основатели русского реализма», где ученый специально рассматривает роль славянофильства в развитии русской общественной мысли: *Prijatelj I.* Predhodniki in idejni utemeljitelji ruskega realizma. Ljubljana, 1921. S. 264–265.
- 28 *Lah I.* Tjutčev in Homjakov // Dom in svet. Ljubljana, 1904. Št. 5. S. 273–279; Št. 6. S. 360–366.
- 29 Заметим, однако, что автор статьи перевод «Орла» ошибочно приписывает Й. Косескому (наст. имя — Я. Весел; 1798–1884).
- 30 Авторство этих переводов не обозначено.
- 31 В этой связи к уже упоминавшимся изданиям присоединились «Час» («Время»), «Омладина» («Молодежь»), «Содобность» («Современность»), «Нови свет» («Новый мир»).
- 32 *Terseglav F.* Misticizem in krščanstvo // Čas. 1910. Št. 4–5. S. 162; [*jok*] Zapadna kultura in njeni kritiki // Slovenec. 1933. Št. 185. S. 4.
- 33 *Preobraženski N. F.* Razvoj umevanja in periodizacije ruske zgodovine // Ljubljanski zvon. 1915: Št. 5. S. 230–236; Št. 6. S. 257–267; Št. 7. S. 326–330; Št. 8. S. 362–

- 373; *Grivec F.* Iz ruske verske književnosti // *Slovenec*. 1925. Št. 259. S. 3; Za duha in srce (Vzhodna pobožnost) // *Slovenec*. 1928. Št. 92. S. 6.
- 34 *Vošnjak B.* Slovanski shod v Pragi // *Ljubljanski zvon*. 1908. Št. 10. S. 601–606; Št. 11. S. 666–672; *Poljanec A.* Vloga slovanstva v preteklosti in sedajosti // *Sodobnost* [1933–1941]. 1938. Št. 7–8. S. 318–329; Št. 9–10. S. 431–441.
- 35 *Lenard L.* Od absolutizma do konstitucije v Rusiji // *Čas*. Ljubljana, 1907. Št. 2. S. 74–80. Рецензия на одноименную фельетонного характера книгу А. Шартовского (Краков, 1906); *Lenard L.* Nekaj slovanskih vprašanj // *Čas*. 1909. Št. 1–2. S. 83–84.
- 36 *Lenard L.* Profesor dr. Maryan Zdziechowski // *Dom in svet*. 1913. Št. 3. S. 106.
- 37 *Lenard L.* Dr. Ljudevit Gaj. K njegovi stoletnici // *Dom in svet*. 1909. Št. 12. S. 568.
- 38 *Borko B.* O slovanofilskem pesniku Homjakovu // *Jutro*. Ljubljana, 14.IV.1933. Št. 88. S. 3.
- 39 *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 110.

Л. Ю. Аристова
(Москва)

Сербские книги в Славянской учебной библиотеке О. М. Бодянского

Как известно, в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова хранится замечательная коллекция славянских книг эпохи национального возрождения. Она была подготовлена Осипом Максимовичем Бодянским (1808–1877) — одним из первых ученых-славистов Московского университета.

Университетский устав 1835 г. предусматривал учреждение в Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском университетах на философском факультете кафедр «истории и литературы славянских наречий». Для этого в путешествие по славянским землям были направлены молодые слависты, среди которых, учитывая достаточно серьезную подготовленность в области славянской филологии, был направлен Бодянский.

В своем годовом отчете министерству народного просвещения он писал, что за это время «кроме ближайшего знакомства с историей и литературой чешской, польской, словацкой и сербской, успел усвоить себе и языки этих соплеменных нам народов. Я не ворочусь к Вам без того, чтобы не говорить на всех нынешних славянских языках. Это необходимо для живого и плодоносного знания славянщины»¹. Кроме того Бодянский приобретал славянские книги. «Во время своего здесь пребывания я составил бы отборную библиотеку по Славянской кафедре: без книг кафедры стоять не может», — писал он в своем письме М. П. Погодину².

Возвратившись из своего путешествия по славянским землям, он отобрал из привезенных им книг чуть более 2000 книг, которые были переданы университету.

Так создалась учебная библиотека О. М. Бодянского.

Подготовленный нами и выпущенный в 2000 г. издательством МГУ каталог «Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского»³ знакомит исследователя с уникальной подборкой книг. Каталог снабжен двумя указателями: тематическим и именным, позволяющими ориентироваться в этом собрании. Кроме того, каталог состоит из 4-х разделов: в первом — польские книги, во втором — чешские и словацкие, в третьем — сербские и в четвертом — болгарские, серболужицкие, словенские, хорватские, работы будителей Галичины, разная литература на немецком и других языках.

В Славянской учебной библиотеке специалист найдет книги по истории и истории культуры Польши, Чехии, Сербии и других славянских стран.

Мы уже ознакомили читателя с польской коллекцией книг⁴.

Ныне предлагается краткая характеристика сербской коллекции. Он содержит около 500 книг.

Путешествие О. М. Бодянского приходится на 1837–1842 гг.

В истории сербского народа начало XIX в. ознаменовано подъемом национально-освободительного движения, кульминацией которого стали вооруженные восстания 1804–1813 и 1815 гг. против Османской империи, а важнейшим результатом — образование княжества Сербии (1833, с центром в Белграде). Однако политическая и территориальная разьединенность сербского народа сохранялась, так как сербы, жившие к северу от Дуная (в 1848 г. эта область была названа Воеводиной с центром в Нови Сад), оставались под юрисдикцией Габсбургской монархии.

В сербской коллекции студент, на которого рассчитывал О. М. Бодянский, создавая свою библиотеку, находил книги замечательных деятелей сербского возрождения.

Сербская коллекция является одним из интереснейших разделов Славянской учебной библиотеки О. М. Бодянского — блестящего ученого и педагога, возглавившего кафедру истории и литературы славянских наречий в Московском университете. Эта коллекция сформировалась в результате тесных научных и культурных контактов Бодянского с деятелями сербского национального возрождения — учеными, литераторами, политиками. Так, еще во время путешествия по славянским землям Бодянский плодотворно общался с деятелями Сербской Матицы.

Сербская Матица (Матица Српска) представляла собой культурно-просветительское общество деятелей сербского национального возрождения, которое не могло не заинтересовать Бодянского. Это общество было основано 16 февраля 1826 г. в Пеште сербским литератором и юристом И. Хаджичем и шестью сербскими коммерсантами. Главной целью общества было развитие сербской культуры. Сербская Матица издавала оригинальные и переводные литературные произведения, оказывала материальную поддержку писателям, студентам, распространяла книги среди широких читательских масс, организовывала библиотеки и читальни. Одной из частных задач являлось издание журнала «Летопис». Этот журнал начал издаваться в Пеште в 1824 г. и требовал непосредственной помощи сербской культурной общественности. Цели и задачи Общества были необыкновенно близки Бодянскому, который видел в развитии сербского национального самосознания залог «славянского единства».

В Будиме и Пеште русский ученый работал в библиотеках и изучал сербский язык. Осип Максимович намеревался посетить княжество Сербия, Болгарию, Трансильванию, Буковину, Закарпатье, Словакию и Словению, но эти планы осуществить не удалось. В Праге славист заболел тяжелой формой ревматизма ног и вынужден был прервать путешествие.

В октябре 1839 г. Бодянский вернулся в Вену, а затем побывал в сербских Карловцах.

Бодянский посетил также Нови Сад и Фрушку Гору, известную своими двенадцатью монастырями и ценнейшим собранием славянских рукописей и старопечатных книг. В Сербии Бодянский сблизился с деятелями национального возрождения этих земель — С. Вразом, братьями Мажураничами, писателем Вукотиновичем и другими. Братья Антон и Иван Мажураничи были проповедниками идеи славянского мессианизма по отношению к народам Европы, активными деятелями движения иллиризма. Последователи иллиризма — хорватские ученые, писатели, общественные деятели — боролись с германизацией и мадьяризацией хорватов, утверждали принадлежность сербов и хорватов к великому и могущественному славянскому племени. Проповедником славянского мессианизма, идеи об особом призвании славянских народов справедливо считался хорватский поэт П. Прерадович.

Именно писатели-иллиры — В. Бабукич, С. Враз, Я. Драшкович, уже упоминавшиеся выше братья Мажураничи, Л. Вукотинович и лидер иллиризма Л. Гай — создали хорватский литературный язык и хорватскую литературу. На хорватский язык были переведены произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Д. В. Веневитинова. На страницах хорватских литературных журналов регулярно помещались статьи о русской литературе, музыке и театре.

Итогом путешествия по сербским территориям стало формирование Сербской коллекции Славянской учебной библиотеки. Значительная часть книг имеет владельческие записи Бодянского. Кроме подписи, на книгах мы находим дату и место приобретения книг, а также пометку, от кого книга получена.

Диапазон сербских изданий достаточно широк. В Славянской учебной библиотеке присутствуют труды сербских авторов XVIII в., в том числе ряд книг Досифея Обрадовича и четырехтомная «История разных славянских народов» Й. Раича.

Й. Раич и Д. Обрадович были ярчайшими представителями сербского национального возрождения конца XVIII — начала XIX в.

Й. Раич (1726–1801) родился в Сремских Карловцах, учился в иезуитской коллегии в Коморане, затем поступил в Евангелическую школу в Шопрони. В 1753 г. Раич отправился в Россию, где четыре года проучился в Киевской духовной академии. В 1772 г. Раич постригся в монастыре Ковиль, где вскоре был возведен в сан архимандрита.

Четырехтомную «Историю разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, из тьмы забвения взятую и во свет исторический произведенную» Раич завершил в 1768 г., но опубликовал лишь в 1794–1795, благодаря помощи митрополита С. Стратимировича — еще одного

известнейшего деятеля сербского национального возрождения. Издателем «Истории...» стал искренний патриот Сербии С. Новакович.

Труд Раича долгие годы оставался для сербов важнейшим историческим источником. «История...» была снабжена портретами королей, картами, генеалогическими и хронологическими таблицами, текстами исторических документов. Труд Раича был написан на славяносербском языке и перепечатан гражданским шрифтом. «Историю...» переиздали в 1823 г. во второй период сербского национального возрождения. В сербской коллекции учебной библиотеки Бодянского представлена «История...» Раича 1794 г. издания (№ 1399)⁵ с владельческой надписью Бодянского о том, что книга получена им от Каулиция в Новом Саде.

За год до выхода в свет «Истории...» Раич выпустил небольшой труд под названием «Краткая Сербии, России, Босны и Рамы кралевств история» (№ 1401). Эта книга, изданная в типографии Новаковича, также представлена в Сербской коллекции. «Краткая история Сербии, России, Босны и Рамы» была посвящена С. Стратимировичу — «рода сербского ревнителю и предстателю». Книга написана на славяносербском языке и напечатана кириллическим шрифтом. Есть в Славянской учебной библиотеке Бодянского и символическая поэма Раича «Бой змея с орлами» (№ 1398), где орлы символизируют Россию и Австрию, а змей — Турцию.

В этом контексте необходимо уточнить, что в Сербии периода национального возрождения сохранялся и чтился церковнославянский язык, наследие св. Кирилла и Мефодия, язык Православной церкви. В то же время в этот период в Сербии распространился введенный Петром I гражданский шрифт и развивался разговорный сербский язык, который постепенно становился языком художественной литературы.

Досифей (Димитрий) Обрадович (1739–1811) — еще один деятель сербского национального возрождения — необычайно интересовал Бодянского. Обрадович постригся в монахи под именем Досифея. В 18 лет, во время Семилетней войны между Россией и Пруссией, Обрадович решил совершить паломничество в Киев, но из-за войны не смог осуществить свои намерения. Тогда Обрадович отправился в Хорватию, затем в Далмацию, Грецию и Албанию. В Вене Обрадович провел 7 лет, в Лейпциге, в 1783 г., слушал лекции в университете, затем посетил Россию, Англию, Лифляндию и Польшу.

Известие о Первом сербском восстании застало Обрадовича в Венеции, после чего он немедленно вернулся в Сербию. В Белграде Обрадович основал Великую школу, а затем стал первым сербским министром просвещения и членом Правительственного совета.

В Сербской коллекции Славянской учебной библиотеки Бодянского представлены такие литературные и публицистические произведения Обрадовича, как «Советы здравого разума» (№ 1788), «Собрание разных нра-

воучительных вещей в пользу и увеселение» (№ 1793) и др. Обрадович считается одним из основателей сербской национальной литературы, писателем, сумевшим выразить и сформулировать особенности сербского этнического менталитета. Именно в этом своем качестве сербского будителя Обрадович был особенно близок Бодянскому.

Огромное место в сербской коллекции занимает художественная литература: пьесы и повести Й. Вуича (№ 1194–1202), стихи Л. Мушицкого (№ 1320–1327), пьесы комедиографа Й. С. Поповича (№ 1376–1384) и т. д.

Лукиан Мушицкий — один из основателей Матицы Сербской (1777–1837) — был известен как автор патриотических стихотворений и од. В 25 лет Мушицкий принял постриг, а в конце жизни — сан епископа Карловацкого. Мушицкий всячески поддерживал языковые реформы Вука Караджича и был сторонником употребления «сербского поправленного» или народного языка как литературного. Однако в собственном поэтическом творчестве Мушицкий использовал элементы церковнославянского и славяно-сербского языков. Бодянский был поклонником поэтического творчества Л. Мушицкого, с большим интересом относился к его усилиям по нормативизации сербского народного языка.

Широко представлены в Сербской коллекции и труды крупнейшего деятеля сербского национального возрождения — историка, этнографа и лингвиста Вука Стефановича Караджича. Караджич принимал участие в Первом сербском восстании. После разгрома восстания он бежал в Австрийскую Сербию, где стал писарем у воеводы Я. Ненадовича. После победы Карагеоргия Караджич занял должность писаря в Правительствующем совете.

После тяжелой болезни Караджич навсегда остался хромым и говорил И. И. Срезневскому: «Со штулой (костылем. — Л. А.), я уже не мог думать ни о коне, ни о войне... штула заставила меня искать покоя, покойного чтения книг, покойного записывания того, что слышало ухо и видели глаза»⁶. Е. Копитар, известный словенский филолог и ученик Добровского, убедил Караджича издать собранные им сербские народные песни. Просьба возымела успех, и в 1814–1815 гг. Караджичем был издан небольшой сборник сербских народных песен, позже неоднократно расширявшийся и совершенствовавшийся.

Бодянский, автор магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен», видевший в народных песнях подлинное выражение духа этноса, нации, не мог не заинтересоваться сербскими песнями, собранными Караджичем. Издания народных сербских песен 1814, 1815 и 1833 гг. присутствуют в Славянской учебной библиотеке.

Еще более заинтересовала Бодянского изданная Караджичем сербская грамматика, где впервые была намечена реформа сербского правописания. Необыкновенно значимой для начального периода русского славяноведения оказалась и другая работа Караджича — сербско-немецко-латинский

словарь (№ 1261), вышедший в 1818 г. с рецензией Копитара. Как известно, из трех наречий сербского языка Караджич признал нормативным штокавское, сформулировал основы сербского правописания, базирующиеся, как известно, на принципе «пиши, как говоришь». Постепенно «вуковица» стала нормативом сербского правописания.

Караджич был членом Московского общества любителей российской словесности, постоянно поддерживал контакты с русскими учеными и часто играл роль посредника при пересылке славянских книг в Россию. Поэтому вполне естественно, что труды Караджича занимают одно из центральных мест в Сербской коллекции Славянской учебной библиотеки Бодянского.

В Сербской коллекции присутствует «Добавление к Санкт-Петербургским сравнительным словарям» (№ 1256) Караджича — труд, в котором дана краткая характеристика болгарского языка. В «Добавлении...» было прокомментировано около 300 слов на русском, «иллирском» и сербском языках в соответствии со сравнительным словарем всех языков и наречий, изданным в Петербурге по указанию Екатерины II. К этим языкам Караджич добавил «сербский поправленный», или народный, и болгарский.

На «сербский поправленный» (народный) Караджич перевел Новый завет. Этот перевод, вызвавший самые бурные споры, также присутствует в Сербской коллекции (№ 1255). Есть в ней и грамматика народного сербского языка, составленная Караджичем (№ 1260), стремившимся сделать «поправленный сербский» языком художественной литературы. К сожалению, в Сербской коллекции отсутствуют исторические труды Караджича — его работы по истории сербских монастырей и жизнеописания деятелей Первого сербского восстания, таких как В. Петрович и др. Труды Караджича, представленные в Сербской коллекции, убеждают нас в том, что Бодянского Караджич интересовал прежде всего как лингвист и этнограф, а не как историк и политический деятель.

О. М. Бодянский мог бы согласиться со словами Д. Н. Бантыш-Каменского, писавшего о сербах: «Народ сей мужествен, храбр... Сербы очень любят русских. Я не могу довольно нахвалиться ласками сего народа; они не иначе называют меня, как „братико“; гордились дружбой россиян, с которыми несколько раз сражались против турков»⁷. Именно поэтому Сербская коллекция занимает одно из центральных мест в Славянской учебной библиотеке Бодянского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861). М., 1880. Вып. I: Письма Бодянского. С. 8.

² Там же. С. 31.

- ³ *Аристова Л. Ю.* Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского. Каталог // Из собрания Научной библиотеки МГУ. М., 2000.
- ⁴ *Аристова Л. Ю.* Польская коллекция Славянской учебной библиотеки О. М. Бодянского в собрании Отдела редких книг и рукописей // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М., 2008. С. 237–243.
- ⁵ Здесь и далее указан порядковый номер, под которым книга находится в каталоге: *Аристова Л. Ю.* Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского... С. 201–270.
- ⁶ Цит. по: *Пашаева Н. М.* Проблемное изучение славянского национального возрождения. Книга как исторический источник. М., 1989. Часть II. Страны Юго-Восточной Европы. Учебно-методическое пособие. С. 11.
- ⁷ Цит. по: Там же. С. 22.

А. А. Плотникова
(Москва)

Идти по следу в базе данных «Полесский архив»

База данных «Полесский архив», создаваемая в Институте славяноведения на основе обширнейшего Полесского архива, хранящегося в Отделе этнолингвистики и фольклора Института, по праву имеет успех у ученых, занимающихся этнолингвистикой, этнографией, фольклором и языком традиционной народной культуры. Информация, составляющая на сегодняшний день свыше 80 тысяч единиц хранения (диалектных текстов с их описанием), касается самых различных сфер полесской народной культуры. Это связано, прежде всего, с тем, что сам Полесский архив собирался в 70–80-е гг. прошлого века под руководством академика Н. И. Толстого по этнолингвистической программе «Полесского этнолингвистического атласа» (ПЭЛА). Программа ориентирована на этнолингвистические сведения о культурно-языковой традиции Полесья и включает разделы: «Семейная обрядность» (I. Свадьба. II. Родины. III. Похороны), «Календарная обрядность» (IV. Святки. V. Весна. VI. Купала), «Обряды хозяйственного цикла» (VII. Сев и жатва. VIII. Скот. IX. Строительство. X. Ткачество. XI. Хлеб. XII. Утварь и одежда. XIII. Демонология), «Представления о природе» (XIV. Астрономия. Метеорология. Время. XV. Дождь. Гром. Град. XVI. Растения. XVII. Звери. XVIII. Птицы. XIX. Насекомые. XX. Медицина. XXI. Фольклор)¹.

Информация, собранная учениками и коллегами выдающегося ученого (сам Н. И. Толстой также активно принимал участие в полевых исследованиях)², изначально хранилась в виде рукописных карточек — ответов на отдельные вопросы программы. Например, пункт 116 программы «Утварь и одежда»: «В каких случаях нужно снимать обувь...?» В селе Золотуха (Клн. Г.)³ А. О. Толстихиной записан такой ответ: *Басяком прахóдя няльзья, патаму шта, ёсли ваи след вóзьмя, бóдыее балётъ, а патóm памирать*. Здесь речь идет об одном из способов наведения порчи: знающий человек (ведьма, колдун) могут собрать землю, где ступала нога человека (след), и затем навести порчу. Объяснение того, что делали с этим «следом» для наведения порчи, находим в других селах при ответах на другие вопросы программы, например, в программе «Демонология» (закладывали в печную трубу или овин, чтобы высушить; бросали в могилу при погребении покойного и т. д.). Или, например, в пункте 4 темы XXI («Фольклор») «Запишите

Авторская работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ по проекту «Этнолингвистическая база знаний „Полесский архив“» (№ 07-04-12113в).

тексты, которые произносили а) перед сном, б) перед дальней дорогой...». Здесь на вопрос 4б в селе Грабовка (Гом. Г.) читаем запись в карточке: *Як иде у далёкую путь, гавóрат: «Шчоб вас Гасподь благаславіў, да паслаў ишчасліваю путь».* Дáле пра́вай нагóй перасту́не парóг и назад не нада глядэ́ць [т. е. не глядяваясь, уходить]. *Пасля́ ё́тага хату заметать нияк не нада. Зачём жа след заметать? Неззя́ ё́тага* (запись Л. Н. Виноградовой). Как видим, и в теме «Фольклор» находим информацию о народных мифологических представлениях, связанных со следами человека.

Разумеется, до создания электронной базы данных «Полесский архив» ученому для поиска этой и другой информации, в том числе лингвистической (например, *следы замести* ‘скрыться’; *след (о)брать* ‘навести порчу’), следовало бы просмотреть около 150 тысяч карточек, содержащихся в архиве. Создаваемая силами ученых Института славяноведения с 1994 г. база данных «Полесский архив» эту задачу упростила во много раз. Важно отметить, что при внесении сложных в диалектном отношении русских, белорусских, украинских текстов, записанных от информантов собирателем, наборщиками выделяются в отдельном поле и ключевые слова, и культурная терминология, и фразеологические единицы. Поиск, таким образом, возможен и по ключевым словам, и по диалектным терминам традиционной народной духовной культуры.

Данные электронной версии «Полесского архива» показывают, насколько этнодиалектные тексты архива отражают основные восточнославянские (а в ряде случаев — и общеславянские) архаические смыслы ключевых понятий традиционной народной культуры. Так, с народной мифологемой «след» у славян связаны такие контексты, как:

(1) проявление знаков пребывания почитаемого божества или святых, прежде всего, на камнях;

(2) этиологические легенды о происхождении растений и других объектов природы как следы жертв, мучеников и др.

(3) проявление знаков пребывания мифологических персонажей (например, следы коней св. Юрия);

(4) проявление знаков пребывания нечистой силы (в том числе отсутствие следов как значимый признак дьявольщины) и связанные с этим способы распознавания нечистой силы (в Полесье — ведьмы);

(5) использование следов при наведении порчи и в других магических действиях (например, в любовной магии);

(6) семантика удаления (ухода, отъезда) из пространства родного дома (в свадебных песнях, запретах при проходах в армию, ритуальных действиях на свадьбе и т. п.) или из мира живых (погребальные причитания);

(7) семантика сближения с новым домом (или с жилым пространством) скота (например, в ритуальных действиях при покупке новых животных, весеннем выгоне в поле, лес);

(8) символика значимого отсутствия следа по принципу «вода смывает все следы» (загадки о реке, о лодке).

Информацию по всем этим обозначенным аспектам мифологемы «след» находим в базе данных «Полесский архив» по ключевому слову **След**.

(1) Всем славянам известен имеющий корни в глубокой древности мотив следа на камнях, оставленного божеством. У южных славян, например, такие сюжеты связаны с Богом или святым Саввой, путешествующими по свету и отдохавшими на камнях и скалах, принявших после этого форму стула, трапезного стола и т. д., что отражают и местные топонимы (серб. *Савина столица* и т. п.). В базе данных «Полесский архив» также встречаются тексты со сходными мотивами. Записанная в селе Тхорин (Овр. Ж.) легенда повествует о том, как человек сеял жито, к нему подошел сам Иисус Христос (разумеется, не опознанный простым смертным) и спросил, вырастет ли жито. Человек ответил: «А Бог его зна́». И у него уродился хороший хлеб, хотя земля была пустая. Другой же крестьянин ответил: «А я и без Бо́га знаю». И у него был плохой урожай, **жито выросло только в следах, оставшихся от Христа** (зап. Е. С. Лебедевой). Отмечены и полесские тексты, в которых следы остаются именно на камне: в связи с иконой Богоматери-троеручницы, называемой «Мать Божа Купина, трухрушница», повествуется о тушении пожара путем обходного ритуала с этой иконой в руках, при описании самой иконы информант добавляет и иную информацию: *Мáтьрь Бóжса стала на кáмень и след её* (зап. М. Г. Боровской, с. Присно, Втк. Г.). О подобных камнях сообщается и в селах Русского Севера, например, около Тихманьги (Архангельская область, Каргопольский р-н): *У нас за полём вот, был кáмень, на нём были следы́, он был со стол-то. На нём следá кóнская — копы́то, коро́вья следá — два рожка́, челове́чья следá, лупки́ таке, и звери́ная следá. Этот кáмень не простой, на этот кáмень, навёрно, какой-нибу́дь проро́к обраца́л внима́ние* (зап. Ю. В. Варламовой).

(2) В полесском селе Радчицк (Стл. Б.) этиологическая легенда о происхождении кукушки включает сюжет об изгнании из дома матерью своего ребенка: *Следы́ крови́ ребенка́ превращались в красные ягоды́ клюквы́: Жилá жонóчина и мéла дывч́ину. Вона не схотила́ годоваты́ и вы́гнала на морóз и́. Те дитя́ пошло́ по болóту, поодмóрзывало но́ги. Дзе и́и следы́, там поросли́ журав́ины [клюква]. Буг пэрэтворы́ и́ (жоночину) у куку́шку, таму́ вона́ подкида́е сво́их дитей́* (зап. Ж. Мощанской).

(3) Поверья о следах как знаках пребывания мифологических персонажей в базе данных «Полесский архив» связаны с представлениями о явлении коней святого Юрия в день празднования этого святого. Кони оставляют следы своих копыт на расстеленном во дворе полотне днем или ночью накануне праздника: *Як пэрэд Юрьём лежы́ть полотно́, ну разложы́ла,*

разхлала ўвэчэра и на [нём] на дру́гы дэнь врóде, кáжа, копы́ты е. Но я йго́ не ба́чыла. Юрый йдэ (зап. Н. П. Антропова, с. Бельск, Кбр. Б.). С этим явлением связаны соответствующие запреты: *На Юрья не моно стлати полотна́, бо Юрий конем переёде, будуть копита́ коня́чы* (зап. Е. Э. Будовской, с. Бельск, Кбр. Б.).

(4) Проявление знаков пребывания мифологических персонажей распространяется не только на святых и их атрибуты, но и на демонические образы. По следам или, наоборот, по их отсутствию или по неправильной форме таких следов (звериные, птичьи вместо человеческих) распознают наличие нечистой силы в пространстве человека. Так, в быличках о встрече с русалкой повествуется, как та внезапно исчезает, и после нее не остается следов: *Я сама́ ба́чила. Ходила на посадку ў лис. Ей Бо́гу, жывую́ [русалку] ба́чила. На обидэ пошли́, на ичавэ́ль, конэ́ц канавы, [там] рóбили. Яка стои́т така то́нка, висо́ка, ў чо́рном ўсе́му. [Показывает, как стояла русалка: прямо, сложив руки на груди]. У кра́сным, ў косы́нце чэ́рво́ной завя́зана. Худа. Сё на рóзыгры. [Идет пастух]. Сё товар пасэ́: «Бачэ, шо стои́т!» Так ак ў во́ду упала́. [Посмотрели на песок, где она стояла]. Нэма́ нэ сли́да, нима ничо́го* (зап. Е. В. Какориной, с. Чудель, Срн. Р.). При регулярных столкновениях людей с необычными явлениями рекомендовалось посыпать песок в помещении, чтобы утром увидеть следы незваного гостя. Такие способы применялись и в случае ночных посещений вдов умершими мужьями: *Ба́чила ту́лово як му́жа, лицо́м му́жови. Йий сказа́лы: ты посы́п ў до́му пэ́скóм. От ты уви́диши, кто до тэ́бэ́ ходы́ть. Она так и зде́лала — сы́рым пэ́скóм посы́пала. И на том пэ́ску́ бу́лы ку́рачы лапы слэ́д ку́рачы бу́л* (зап. Г. И. Берестнева, с. Нобель, Зрч. Р.). Разумеется, след куриной лапы свидетельствовал о посещении дома нечистой силой, принимавшей облик любимого умершего мужа. В другом случае следы, оставляемые в доме незванным гостем, не требовали дополнительных ритуальных действий, говорили сами за себя: *Нэ́чисти́ый. И вин коли́сь, каза́ли, летáл, да на хату́ раси́плеца огне́м. И тогды́ ўхо́дит ў хату́. Коли́сь нэ́ билó поли́ў, земля́ бу́ла. Як идэ́, такы́ копы́ты порóбляца по хати́. [Когда это бывает?] Цэ́ бу́дэши с тим чело́вэ́ком, уду́ма́зваца ду́жэ за им, а его́ убьё́ть, и он бу́дэ ходи́ть, на хату́ летáть. Бу́дэ говори́ть с тобо́ю и ўсэ́. Лэ́ти́ть, лэ́ти́ть, ка́жуть, змей* (зап. А. А. Плотниковой, с. Вышевичи, Рдм. Ж.).

В случае встречи с ведьмой нередко подчеркивается, что она обретает разные облики, но след оставляет человеческий. Так, в с. Ковчин (Клк. Ч.) якобы наблюдали, что ведьма катилась колодкой с петушиными ногами, однако следы были видны, как от ноги человека (зап. Е. Г. Маливановой). Многочисленны записи в базе данных «Полесский архив» с рассказами о выслеживании ведьмы, узнавании, была ли она в хлеву у коровы, поскольку ведьма считалась неуловимой (могла превратиться в «сатану с черво-

ными лапами», «звэром» и т. д.), невидимой. Для того чтобы узнать о приходе ведьмы, около хлева посыпали пепел или песок: *Пóпелом посыпле, ля фóрточкы, як буде видьма итí, шоб видно булó* (зап. И. А. Морозова, с. Макишин, Грд. Ч.); *Такíе жанкí есьць, зéмлю грабля́ми бяру́ць, грябу́ць на той бок хлева́, што с двара́ — то на Ива́ноў вéчэр, на Ива́на Купа́йло, коб пасматрэ́ць, ци хто буў, хто прыхо́дзиў* (зап. Е. С. Лебедевой, с. Жаховичи, Мзр. Г.).

(5) Наиболее объемный корпус полесских текстов, связанных с мифологемой «след», составляют записи о способах наведения порчи с помощью «снятия следа» человека или домашнего животного (коровы), откуда происходит соответствующее выражение — *след (о)брать* ‘навести порчу’. Подобные магические манипуляции со следами человека или животного, по наблюдениям К. Мошиньского, были известны славянам, прибалтам, немцам⁴. В Полесье «снятие» следа заключалось в сборе песка из-под босой ноги человека или копыта домашнего животного, иногда старались выбрать землю (песок) из-под правой ноги: *Если хóче зло зроби́ть, набира́ют из-под пра́вэ ногí след да выно́сят на ту доро́гу [перекресток], прии́днуге:*

Як тому́ песку́ назáд не верта́ться,

так тобэ́ не жыть и не размножа́ться

твоёй семье́ (зап. А. В. Лесина, с. Червона Волока, Лгн. Ж.).

Встречаются сведения об изготовлении «куклы»: колосья, растущие по краям следа человека или животного, завязывали в узел: *Як на людíну, людскíй слíд, а так прóста бóсый слíд, як на канéй ко́ньскíй слíд, ну, так же да заврже куклу; ну жы́то то ста́йт, усту́пить в жыте, а тады́ то са́мо жыта да кру́гом заврже куклу с двух старóн. Ну, ка́же: «Там след е», то уже выво́дили шепту́ни, шо мо́гут* (зап. Е. Л. Чекановой, с. Макишин, Грд. Ч.). Из этого текста видно, что от этой порчи можно было избавиться с помощью магических действий знахарки, однако в большинстве случаев ведьмы и колдуны «обраный» след (песок, землю) отправляли в могилу (или гроб) покойного во время погребения, приводя к смерти здорового человека: *Ты ста́нешь, и ана твой след замéтила и ана берэ́ песо́к и слава нагавáривает. И кагда́ мертвеца́ ў магі́лу кладу́ть, ему́ падсы́пае́т песо́чкам ў я́мку* (зап. Е. В. Какориной, с. Золотуха, Клн. Г.); *Взэ́мэ следу, як хорóнят покóйника, той слíд кíдають ў я́му — тоді́ та́я людíна умрэ́ ужэ́* (зап. О. А. Терновской, с. Вышевичи, Рдм. Ж.). Записаны и поверья о том, что след сушили в печной трубе или овине, заставляя таким образом человека мучиться и болеть: *Прирóбить, то ж след беру́ть. Будеш итí да бóсенька, беру́т след — лёчат. То песо́к ў ўвьы́шку ў трубу́ заса́жывають: со́хне тот песо́к, и со́хнет тот чела́век* (зап. Е. В. Какориной, с. Золотуха, Клн. Г.); *На кагó зля́я, тагó и зде́лае ана [ведьма] калéку. Сляды́ бра́ли: идёшь бóсый, а она ж твой след*

возьме и вешали в авины, дымом жаждували (кагда жито сушили). И яна сидит там, а ей дым не вредит. Человек мучився, мучився и помирае (зап. Н. В. Борзаковской, с. Чёлхов, Клм. Бр.). Отмечены и случаи с замурованным следом человека в печи или в углу дома, например, строители, желая навредить хозяевам, чтобы тем плохо жилось в новом доме, *подкладывают нашепченное у трапку яйцо. Берут у того человека след [на кого хотят навести порчу], пойдут к шептухе, наговорять и кладут под угол в узел* (зап. И. Таран, с. Ручаевка, Лоев. Г.). Чтобы навредить беременной женщине и будущему ребенку, завистливые соседки по следам беременной посыпают зерно: *рыбёнок прыщчэваты будэ* (зап. К. Е. Рутковской, с. Ласицк, Пнс. Б.).

В связи с опасностью, происходящей от злокозненных действий ведьм и колдунов, существовали меры предотвращения нежелательных событий; так, один из заговоров включает слова: *Я сяду ци на скамеечке на дворé, ци на яким полене... «Боронь Бóжэ, хто ўлэзе ў хату, да мой след оберé»* [надо закрыть дверь после заговаривания] (зап. В. И. Харитоновой, с. Стодоличи, Ллч. Г.). На свадьбе за молодыми шли след в след, чтобы уберечь их от порчи (зап. Ф. К. Бадалановой, с. Грабовка, Гом. Г.).

Защитить от соответствующих действий ведьмы старались и домашний скот: при первом выгоне скота весной смотрели, чтобы корова не вынесла на копытах навоз, его собирали и бросали обратно во двор, потому что *неможно, шоб она свой след оставляла, потому што можэ други перавасци корову ци молоко пропадзе* (зап. Н. П. Антропова, с. Велута, Лнн. Б.). Жители сел замечали: *Як пра́йдют карóвы, вéдьма побáчит и зéмлю из слéда бэрэ, карóву зедáе и вóна малакá не даé, а тодý шука́ют шепту́ху, а ба́ба та Бóга прóсыт, шоб малачкó булó, ба́ба паи́щчэ, и вонó памóжэт. Другóю ўлицею гóнитъ náда* (зап. Е. Л. Чекановой, с. Олбин Кзл. Ч.). Особенной активностью ведьмы обладали накануне и в день Ивана Купалы: *За тры дни да Яна вéдьмы што-небудь ўнезамéтку делаюць. З-пад капýт карóвы бярэ пэсók, и патóm нет малакá* (зап. Е. В. Лазовской, с. Туховичи, Лхв. Б.).

Не менее опасно снятие следа в любовной магии с целью приворожить понравившегося парня: [Присушка] *Такíе вéдьмы, што след бра́ли. «Беру́ след на семь лет, чтоб от ветру хиліўся да сóнцу бо́яўся». Возьме́ лáтку, ножá и берé след три рáза. И тодý э́тот след кладé ў вьўишке, и он там сóхнет, и члóвек сóхнет* (зап. В. И. Харитоновой, с. Верхние Жары, Брг. Г.). Неслучайно в девичьей песне поется о том, как девушка защитит, прикроет след любимого:

*Ой, пайдú в садóчок,
Да зарву́ [сорву] листóчок,
Тай панакрываю́
Мíламу следóчок,*

*Шчоб расá не ўпáла,
Птáшки не брадiли,
Шчоб магó милóго*

Дрúги не любiли (зап. А. А. Архипова, с. Ковчин, Грд. Ч.).

Следует добавить, что в редких случаях отмечены позитивные магические действия со следами; например, с целью забеременеть, избавиться от бесплодия женщины ступают по следам свиноматки: *По свинячих стежэчках пробежы, врэде свиня хúдко поросыт пороситы, шоб и она так* (зап. В. И. Харитоновой, с. Замошье, Ллч. Г.)⁵.

(6) Значительный объём базы данных «Полесский архив» составляют тексты с семантикой следа как проекции человека, удаляющегося в иной мир или иное пространство. Уничтожение следов близких, знакомых сулит в народных поверьях разлуку, невозможность возвращения в дом. Фиксируются запреты подметать дом после ухода человека (сёла Замошье, Грабовка, Олбин), например: *Хтось набуў ў хáте и сли́дом мэту́ть, ка́жуть: «Вымэ́ли, сли́д замэ́ла»* (зап. Т. В. Козак, с. Олбин, Кзл. Ч.). Соответствующие народные поверья обнаруживаются и на Русском Севере: *Вот, например, ты поехал в Москву, хоть ты, хоть там я, ну в общем, в дороге. Значит того дня только когда уедешь, так потом подметать не можно. Можно выпахать совсем человека. И не вернётся больше. Как выпахаешь ево́нны следы́* (зап. А. А. Смирнова, с. Цыпино Каргопольского р-на Архангельской обл.). Эти представления нередко обыгрываются в мотивах свадебных песен (отъезд невесты из родного дома), а также в причитаниях, например по погибшему на войне мужу:

...Да хотя б ми твоего следóчка побáчили,

А то ми тво́йго следóчка не побачы́м,

Да как я тво́йго следóчка зная́шла,

Да я б его́ припо́л взяла́,

Да я б его́ до серца́ ту́лила... (зап. В. И. Харитоновой, с. Выступовичи,

Овр. Ж.).

(7) Обратный процесс — сближение, контакт с домом, двором обнаруживается в полесских и севернорусских диалектных текстах, связанных с темой покупки и выпаса домашнего скота. Когда покупают корову и затем ведут ее домой, некоторые *затáптуют сле́да* (с. Выступовичи, Овр. Ж.). Вероятно, это делается с целью, чтобы животное забыло дорогу к прежним хозяевам, а также, возможно, и для предупреждения порчи. В селах Русского Севера идея приобщения новокупленной коровы к своему двору выражается совершенно определенно, при этом хозяйка обращается еще и к домовому и домовихе: [Купленную] *коро́ву когда́ привели, надо обя́зательно у ба́тюшки, у матушки-хозяйки просить разрешения ввести её во двор. Когда́ корова подошла́ ко двору́-то, из-под за́дного копы́та я взяла ком земли́, бро́сила через весь двор, есть слова там, говоришь: «В гостях гос-*

тіла, домой пришлá». Потом она подошла, с северной стороны начинаешь на четыре стороны кланяться, говорить, что «Матушка-хозяйюшка, ба-тюшка-хозяйюшко, вот тебе скотинушка. Мы её будем рядить да кор-мить, а ты её люби да храни». Три раза повторяешь. А если не полюбит, она может заболеть и пропасть (зап. Ю. В. Варламовой, с. Манылово Каргопольского р-на Архангельской обл.). При первом весеннем выгоне коровы делали следующее: Когда она ушла, так ейны слéды захватываешь и бросаешь во двор, чтобы домой ходила (зап. М. М. Каспиной, с. Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл.).

(8) Символика отсутствия следов в полесских записях прежде всего реализуется в загадках, связанных с водой, рекой и средствами сплава по воде: «Иду, йду, за мной ни дорóги, ни слíду (Вода)» (зап. Е. В. Нарайкиной, с. Ласицк, Пин. Б.) или «Ййду, ййду, на дороге нэ слы́ду (то же)» (зап. А. А. Астаховой, с. Чудель, Срн. Р.); «Еду, еду — слéду нéту, режу, ре́жу — крóви нéту (Лодка)» (зап. Е. В. Нарайкиной, с. Ласицк, Пин. Б.) или «Ййдэ виз без коліс и слíду нэмáе (то же)» (зап. С. Сахаровой, с. Забужье, Лбм. В.). О самих следах отмечена загадка, связанная с их безымянностью: «Пбўна хáта незна́чкаў (Следы)» (зап. Е. П. Трещинской, с. Спорово, Брз. Б.).

Столь разнообразная полесская информация о семантике и символике следа в народной мифологии была собрана на основе следующих тем и вопросов «Полесского этнолингвистического атласа», отраженных в базе данных «Полесский архив». По теме «Демонология» оказались важными вопросы не только о наведении порчи, о действиях ведьмы и колдуна, облике черта, русалки, но и дополнительные сведения (включенные в БД с пометой «доп.»). По теме «Весна» — вопросы «Как назывался день св. Георгия...? Что делали в этот день...?»; по теме «Купала» — «Как в купальскую ночь защищались сами, защищали скот и посева от ведьмы?»; по теме «Скот» — «Что делали и в каких случаях с коровой, чтобы уберечь ее от порчи?», «Каким образом и когда ведьмы отнимали у коров молоко?», «Отчего корова начинает доиться кровью?», но многие — с пометой «доп.». По темам семейной обрядности информация о следе оказалась вообще слабо предсказуемой: «Свадьба» — все единицы хранения с пометой «доп.»; «Похороны» — «Что клали в гроб покойному?», но большинство единиц хранения с информацией о следах имеют помету «доп.»; «Родины» — вопрос о запретах при беременности, а также «Что делали для облегчения родов?», и в данном случае информацию о хождении по чужим следам прогнозировать весьма затруднительно. Темы по обрядам хозяйственного цикла показывают приблизительно такую же картину: «Строительство» — вопросы «Могли ли строители „заложить“, навести порчу на человека и каким образом?»; «Ткачество» — вопрос о том, что делали в день посева, чтобы был хороший урожай, и вопрос о полотне, закрученном вихрем⁶;

«Утварь и одежда» — «Когда нельзя было мести хату?», а также вопросы «Какие обрядовые и магические действия связаны с бороной?», «Какие обрядовые и магические действия совершались с предметами одежды?», т. е. необходимая информация попадает сюда случайно, как элемент диалектного текста. По теме «Дождь. Гром. Град» в ответе на вопрос «Как и чем раньше тушили пожар?» информация о следах Богородицы оказывается случайным компонентом этнодиалектного текста; в теме «Птицы» легенда о происхождении кукушки также случайно включает информацию о происхождении клюквы из следов крови выгнанной из дома девочки; по теме «Медицина» все единицы хранения с пометой «доп.». Тема «Фольклор» охватывает загадки, фольклорные тексты перед дальней дорогой, а также и ряд единиц хранения с пометой «доп.», например, присушки в любовной магии. Таким образом, диалектный текст этнокультурного содержания включает много разных компонентов, которые семантически пересекаются с другими текстами — ответами на иные вопросы программы. Искомая информация часто оказывается как бы случайной при ответе на заданный вопрос программы.

Эти наблюдения лишний раз свидетельствуют о том, что до создания базы данных «Полесский архив» *исследователь* должен был пересмотреть все рукописные карточки в поисках нужной информации, при этом само расположение рукописных карточек по темам и вопросам, как они хранятся в картонных коробках, мало что дало бы *идущему по следу*...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 21–49.
- ² Хронику первой части полесских этнолингвистических экспедиций (1974–1981) см.: *Гура А. В.* Хроника полесских экспедиций // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 280–285. Вторую часть хроники (1982–1990) см.: *Антропов Н. П., Плотникова А. А.* Хроника полесских экспедиций // Славянский и балканский фольклор. М., 1995. С. 383–391.
- ³ Сокращения районов (три буквы) и областей (одна буква) см. в конце статьи.
- ⁴ *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. T. 2. Kultura duchowa. Cz. 1. Warszawa, 1967. S. 294.
- ⁵ Обратный, отрицательный, эффект возникает, по поверьям, при попадании беременной женщины на следы зубьев бороны на дороге — ребенок в этом случае родится калекой (с. Ветлы, Лбш. В.).
- ⁶ В данном случае собирателем информация о запрете расстилать полотно на святого Юрия была размещена в этой программе по аналогии с воздействием на артефакты природных сил, которым приписываются демонические свойства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ОБЛАСТЕЙ И РАЙОНОВ

- Б. — Брестская область
Брз. — Березовский район
Кбр. — Кобринский район
Лнн. — Лунинецкий район
Лхв. — Ляховичский район
Стл. — Столинский район
Пнс. — Пинский район
- Бр. — Брянская область
Клм. — Климовский район
- В. — Волынская область
Лбм. — Любомльский район
Лбш. — Любешовский район
- Г. — Гомельская область
Брг. — Брагинский район
Гом. — Гомельский район
Втк. — Ветковский район
- Клн. — Калинковичский район
Ллч. — Лельчицкий район
Лоев. — Лоевский район
Мзр. — Мозырский район
- Ж. — Житомирская область
Лгн. — Лугинский район
Овр. — Овручский район
Рдм. — Радомышльский район
- Р. — Ровенская область
Зрч. — Заречненский район
Срн. — Сарненский район
- Ч. — Черниговская область
Грд. — Городнянский район
Кзл. — Козелецкий район
Клк. — Куликовский район

Е. С. Узенева
(Москва)

Свадебный обряд русских старообрядцев Болгарии

Статья является продолжением цикла работ автора, посвященных традиционной культуре и языку болгарских староверов¹. В настоящем исследовании мы остановимся подробнее на свадебной обрядности. К свадьбе старообрядцев, проживающих в Болгарии, обращались разные исследователи, однако особого внимания удостоивался, как правило, свадебный фольклор. Сам свадебный обряд оставался фоновым описанием, контекстом, служащим основой для богатого песенного репертуара, сопровождавшего свадебный обряд².

Свадебные обряды сохранились, главным образом, в памяти носителей традиции. Бабушки с удовольствием вспоминали, как их выдавали за муж, какие обряды при этом исполнялись.

Согласно воспоминаниям информантов, раньше молодежь вступала в брак очень рано: девушки в 15–17 лет, юноши — в 20, редко в 25 лет. Девушек, достигших двадцатилетнего возраста, считали старыми девами и не брали замуж единоверцы, поэтому им приходилось выходить замуж за живущих в Болгарии украинцев или болгар, хотя тогда брак с ними был запрещен. Знакомились на вечерних собраниях, прогулках (*на уульбе*), на общесельских праздниках и гуляньях (*на карауде*). Однако брачную пару выбирали родители, как правило отец. Если родителям не нравился избранник дочери, они запрещали ей выходить замуж, не благословляли на брак. Родительского проклятья боялись. Нам рассказали лишь один случай из Казашко, когда девушка ушла к любимому без согласия родителей, которые не простили ее до конца жизни: *«Моя двоюродная сестра е понравила своего мужа, нали, избранника, а ее родители не нравили его, не хотели его. И она ушла. К нему ушла, так и осталась. И потом мать переживала, переживала, получила удар, и умѣла просто так на дворе. Отец тоже до смерти не хотел ее смотреть. Но так они его не хотели, но она... люблю большая была»* (Казашко). Невест у старообрядцев не умыкали, *булгары крали невест* (Татарица).

Свагаты ходил отец жениха или близкие родственники. Выбирали людей красноречивых и веселых. Шли в дом невесты поздно вечером, тайно, чтобы избежать стыда и огласки в случае отказа. В Казашко существовал

Работа выполнена в рамках проекта «Язык и культура старообрядцев Юго-Восточной Европы» Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

корильный обряд под названием *бить кабак*: парни разбивали тыкву у дома несостоявшегося жениха или при встрече с ним на дороге, что считалось очень обидным и унижительным.

Сначала в дом засылали сваху (золовку или тетку парня) с целью выяснить настроение семьи невесты: склонны ли они породниться с семьей жениха. Если ответ был положительным, договаривались о свадьбе, после чего приходили уже настоящие сваты мужчины вместе со свекром и свекровью. Родители могли потребовать от сына предъявить платок будущей невесты — знак ее согласия на брак. Но чаще после переговоров, которые проходили в форме иносказательного диалога, приглашали невесту, которая подносила свату или жениху, если он присутствовал, шаличку, а взамен получала деньги. Семьи договаривались о дне помолвки (*заной* — Казашко, *затив*, *запивание* — Татарица) и о выкупе, который должен принести жених. Об успешном сватовстве оповещали односельчан песней, исполнявшейся сватами на улице.

Просватанная девушка уже не имела права выходить одна на улицу, только в сопровождении будущего мужа. Период сватовства мог продлиться 10, 15 дней или месяц.

Когда посватали девушку (*засватанная деўка* — Татарица), близкие родственники жениха приходили к ней в дом *запивать молодую*.

Как правило, обряд совершали в последнюю неделю перед свадьбой, в четверг. Родственники жениха приходили в дом невесты с выкупом (вином, водкой, одеждой для молодой, где обязательно должен быть платок), угощались, выбирали свата и сваху для свадьбы, главных руководителей свадебного действия. В с. Татарица часто приглашали на роль свата или посаженного отца Ионку-ведьмака или Ляксейку, которые соблюдали старые обычаи и обладали особыми магическими знаниями. В народе говорили, что в противном случае они могли бы навредить молодым.

Запивание заканчивалось совместной молитвой (*моление*) перед иконой: жених, невеста и все присутствующие клали по три поклона. Это считалось официальным скреплением договора о браке, и обе стороны не имели права его расторгнуть. Молодым наливали вина, невеста кланялась жениху в ноги и впервые называла его по имени.

В канун свадьбы (в воскресенье перед венчанием, совершавшимся в понедельник в Татарице, и в воскресенье перед выводом невесты к жениху — в Казашко) совершался *девишник*. В Татарице подружки невесты пекли специальный обрядовый хлеб *калач*, по форме напоминавший кулич, в который втыкали веточки, украшенные сверху яблоками, или посередине ставили яблоко, букет васильков, а края покрывали фольгой. Девушек угощали жареными семечками и вином. На празднике присутствовали только незамужние девушки, пели, веселились, посещали дом жениха, оставались на ночь в доме невесты. В этот день рано к невесте приходил

жених с дружкой выкуплять молодую. Дружка торговался с подругами невесты, давая деньги, которые затем оставались у нее. А девушки пели: *«Подружка-татарка, продала подружку за винную чарку»* или *«А братец татарин, а братец татарин, сестру протатарил, сестру протатарил»* (Татарица). Пришедших угощали вином, после чего договаривались о покупках для свадьбы. Жили раньше бедно, даров для свадьбы особо не готовили.

В Казашко на девешнике проходило ритуальное заплетание косы невесты по-девичьи. Вечером подруги невесты, посетив дом жениха, приходили к ней вновь «прощаться»: кланялись в ноги, целовались и просили прощения, после чего их угощали. Сюда приходили и парни, которых невеста одаривала паточками, взамен которых ей девали деньги и просили прощения. В конце парни угощали всех присутствовавших в доме невесты вином, полученным в качестве выкупа от жениха.

В тот же день в доме юноши был мальчишник, прощание с холостой жизнью (*околешина*): *«Когда девушка выходит замуж, девешник делали. Это целый день девичий, песни поют девки, а у хлопца околешину берут. Околешина — это хлопец прощается с хлопчатей жизнью»* (Казашко). Друзья жениха приходили к нему в дом требовать выкуп за «отнятую» у них девушку, торговались за казан вина. Пили и веселились допоздна. В Казашко в обряде участвовали и ряженые. В Татарице к жениху приходили и девушки с невестой, пели величальные песни. Подруги невесты относили в дом жениха калач, потом гуляли по селу с песнями: *«Ай, к дурному (бабскому) полку прибыло!»*

В Казашко бракосочетание проходило сразу после девешника. Тогда проходил и ритуальный выкуп невесты: перед приходом жениха дом молодой наглухо закрывали, вели с гостями иносказательный диалог, требовали доказать, что пришедшие — «свои», показав «знак» — шаличку, подаренную жениху невестой при сватовстве. Затем молодых угощали, вели в дом жениха, где совершалось их благословение дьяком перед иконой, заменявшее венчание у беспоповцев, после чего отправляли на брачное ложе: *«У нас раньше не венчали, у нас благословляли. Дьяк с иконой, благословления, с поклонами вели молодую до жениха. И так по старому обычаю. У нас священника не было, никто не венчался, благословение только».*

Смена головного убора в Казашко проходила после брачной ночи: *«Очипок когда уже после ночи. Переспит, на другой день на молодую надевают очипок, тада уже свадьба начинается. Надевают ей кичку, надевают очипок и покрывают. Косу делают на две косы, до того девушка у одной косы ходит. А иначе, замужня жэницина — две косы».*

На следующий день сваты шли к родителям невесты с хорошей или плохой вестью: честной или нечестной оказалась невеста. Если молодая была девственной, то несли подкрашенную вишней водку в бутылке с

красными лентами, а противном случае — водка была белой и без лент: «Если девушка *забережёная*, не ходила нигде ни с кем, честная, пьют красную водку. А если девушка нечестная, тогда пили белую водку и все знают, что девушка была нечестная. На следующий день». Как правило, такую молодую оставляли в семье жениха, который мог взять ответственность на себя.

На второй день следовало угощение, для трапезы не пекли обрядового хлеба, только обычные пирожки и сдобники, не готовили особых кушаний.

В Татариице свадьбу в прошлом гуляли три дня. В понедельник было венчание и брачный чертог. Венчать молодых должны были крестные родители: крестная невесты и крестный жениха. Невесту наряжали в шелковое платье, на голову надевали «*вянок с цвяточками, мишуру длинную, фату белую тюлевую*», волосы заплетали в две косы. В церкви после венчания ей меняли головной убор на женский: надевали кичку, косяк и шапочку — *уже баба замужня*.

Сводили молодых днем в чужом доме, например у деверя. Через несколько часов за ними приходили сваты, которые мыли их в отдельных комнатах и выводили к гостям. Сват со стороны жениха и сваха со стороны невесты следили за тем, что происходило в чертоге, чтобы молодая оказалась *честной*. Тогда готовили сладкую водку, красили ее вишней (ср. болгарский обычай готовить горячую сладкую красную водку — *сладка ракия, блага ракия* — в случае девственности невесты). Замужние женщины украшали головы гроздьями калины, танцевали и пели песню «Калинушка расцвела». Невеста одаривала всех присутствующих в доме красными лентами и букетиками цветов (болгарский обычай), а родственников — платками. Затем свадебная процессия направлялась в дом к матери новобрачной, которая угощала молодых жареной курицей, а гостям преподносила куски курицы и вино. Угощение продолжалось в доме молодого.

На второй день в Татариице — главные гулянья, на которые молодые сами ходили приглашать родных с чайником вина. Играла гармонь, тогда только говорили, что *починается свадьба*. Молодожены обходили село, в каждом доме им обещали дары, которые затем приносили или приводили (если это корова или осел) к молодым. В дом жениха приглашались сваты и устраивались сцены с ряжеными. Обязательно приглашали веселого человека: «*Свадбари шоб были, веселили свадьбу*».

Свадебный обряд у старообрядцев Болгарии сохранил ряд архаичных элементов, например, свидетельства купли-продажи невесты в прошлом: обряд *околишня*, где жених давал выкуп неженатым парням за отнятую у них девушку, обряд *выкуплянье молодой* во время девишника, где дружка торгуется с подругами невесты за молодую, наличие выкупа («кладки») за невесту, которую приносит жених на *запой*, мотив в свадебной песне «*Подружка-татарка, продала подружку за винную чарку*».

Наряду со множеством сходжений, свадьба в Татарице и Казашко выявляет и некоторые отличия, которые касаются как структуры обряда, наличия/отсутствия отдельных элементов, так и времени исполнения отдельных актов:

- В Казашко девишник проводился в воскресенье в день свадьбы, а не накануне, как в Татарице и как это обычно происходило в других областях России.
- В Казашко молодую отводят «с поклонами» в дом жениха, где она и остается. На следующий день играют свадьбу.
- В Казашко нет венчального обряда, так как это старообрядцы-беспоповцы. В последние годы, когда приезжали священники из Румынии и России, многие «довершали» обряды крещения и венчания в церкви с попом.
- В Татарице каравайный обряд сохранен во всей полноте, в Казашко он отсутствует (забыт).
- Ряжение на свадьбе в с. Казашко происходило во время *околеишной*, а в Татарице — на второй день свадьбы, во время обхода молодоженами села, когда переодевались и шутили мужчины и женщины, сопровождавшие свадебную процессию.
- В Казашко бесчинства происходили в случае отказа сватам. Тогда парни разбивали тыкву у дома несостоявшегося жениха или при встрече с ним на дороге. Обряд назывался *бить кабак*. Подобный ритуал и термин зафиксированы в полевых записях А. А. Плотниковой в старообрядческих селах Гиндэрешть и Журиловка в Румынии³.
- В Татарице лучше сохранился свадебный фольклор. В частности, во время девишника совершался ритуал «*вылетания галушки*», когда подружки водили по селу празднично одетую невесту, выкрикивая хором «Вылетает галушка!», и пели песни. Этот обряд отмечен и в селе Гиндэрешть в Румынии.

Заимствования в свадебном обряде русских старообрядцев немногочисленны.

В 60–70-е гг. XX в. в с. Казашко при смешанных браках с болгарами свадебный обряд еще сохранял свой русский характер. Позднее под влиянием болгарских обычаев и из-за тесных контактов с некрасовцами и старообрядцами из России и Румынии отдельные обрядовые акты сливались в одно целое, например, сватовство с *запоем*, *девишник* соединился с *околеишной* и днем венца в общий ритуал, совершаемый в день свадьбы⁴.

При смешанных браках болгарская сторона настаивала на пышном сватовстве с большим застольем и подарками, согласно болгарскому обычаю. Зять-болгарин, уважая «закон» старообрядцев, также давал выкуп

местным парням в виде вина, когда местные парни приходили *брать око-лешную*.

Займствованным элементом в свадьбе можно считать наличие мишуры (серебряных нитей) в головном уборе невесты и украшение обрядового хлеба фольгой, сладкую водку, приготавливаемую в случае девственности невесты, одаривание невестой гостей букетиками цветов (Татарица), — все это влияние болгарской традиции.

Исследователи свадебного фольклора старообрядцев Болгарии единодушны в своем мнении о его принадлежности к южнорусскому типу, поскольку в нем преобладают песни, а не плачи, как в севернорусском варианте⁵, а точнее донскому типу, характеризующемуся близостью к украинской свадьбе⁶.

Наши материалы подтверждают данное предположение. Структура свадьбы во многом близка калужской (например, термины *околишина* ‘обычай угощения водкой при проезде свадебного поезда через деревню’ — СРНГ 23:140; *околишинные деньги* ‘выкуп за невесту, который платит жених жителям деревни, если он не местный и увозит невесту в другую деревню’ — там же, Моск.) и донской традиции (термин *запив*)⁷, которая, в свою очередь, отличается от русской проникшими в нее украинскими элементами⁸. Наиболее яркие переключки наблюдаются в ритуалах после брачной ночи, свидетельствующих о честности молодой. На Дону по станции «носят калину» — флаг, украшенный гроздьями красных ягод калины, которая украшает и свадебный каравай (ср. обряд в Татарице)⁹. Красные ленты и калина присутствуют в качестве символов девственности невесты и в Полесье, где лентами украшали участников свадьбы, обвязывали каравай и бутылки с подкрашенной водкой, а ветки калины ставили на стол, вешали под крышей и пели песню «Калина»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Узенева Е. С. Из семейной обрядности староверов Болгарии // Славянский альманах 2007. М., 2008. С. 418–424; *Она же*. Обряды семейного цикла староверов Болгарии // Русские старообрядцы. Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. М., 2008. С. 171–183; *Она же*. Движение в пространстве как способ сохранения идентичности казаков-некрасовцев Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы консолидации. М., 2008. С. 227–233.
- ² *Романска Цв.* Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. Т. 53. № 2. София, 1959. *Иванова-Критска Е.* Наблюдения върху сватбения фолклор на руските села Казашко, Варненски окръг и Татарица, Силистренски окръг // Български фолклор. Год. 3. Кн. 2. София, 1977, 44–51; *Критска-Иванова Е. Ф.* Типология и еволюция руского свадебного обряда и фольклора в Болгарии

(села Татарница и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 198–221.

- 3 Пользуясь случаем, выражаю А. А. Плотниковой искреннюю признательность за предоставленные уникальные материалы.
- 4 Подробнее см. статью *Критска-Иванова Е. Ф.* Цит. соч. С. 203.
- 5 *Романска Цв.* Цит. соч. С. 557.
- 6 *Критска-Иванова Е. Ф.* Цит. соч. С. 216.
- 7 *Проценко Б. Н.* Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве // Традиционная культура. № 4. 2004. С. 26–34; СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 23. М., 1987.
- 8 Там же. С. 29.
- 9 Там же. С. 33.
- 10 *Толстая С. М.* Символика девственности в полесском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 195–196.

Т. Л. Воронин
(Москва)

О некоторых особенностях исповедального лиризма в писаниях русских и сербских подвижников благочестия двадцатого столетия

Литературы славянских народов, принявших Православие и входящих в так называемый «*paх Slavia Ortodoxa*», имеют глубокие отличия от прочих мировых литератур. Эти отличия коренятся в том, что словесность «*Slavia Ortodoxa*» возникает как сугубо сакральная христианская словесность, как слово, возвещающее недоступную обычному разумению тайну, слово, открывающее человеку вечные начала бытия. Славянская письменность, созданная святыми братьями, долгое время не знала иных текстов, кроме священных, иного отношения к письменному книжному слову, кроме как к слову спасения и откровения новой жизни в Боге. По-своему эта сакрализация слова отразилась в последние века в судьбах и творчестве светских писателей. Лучшие представители нашей новой словесности испытывали глубокую неудовлетворенность чисто художественными задачами, они ощущали необходимость выражать через словесное творчество нечто высшее, нечто, указывающее читателю истинный путь. Общеизвестно, что во многих наших писателях художественное дарование порой спорило, порой сотрудничало с духом пророческого учительства. И Пушкину, и Гоголю, и Толстому, и Достоевскому в определенные минуты жизни открывалось, что дар слова только тогда по-настоящему оказывается реализованным, когда он служит выражением глубинного опыта встречи с Высшей реальностью, когда словесное творчество становится живым отзвуком Предвечного Слова.

Словесность «*Slavia Ortodoxa*» с самого своего возникновения и с появления первых оригинальных произведений тяготеет к тому, чтобы стать явлением и показанием красоты новой жизни в Боге. Живой опыт встречи с Богом становится главной темой этой словесности. В образах святых славянские книжники находили то сияние святости, которое свидетельствует о том, что Бог доступен человеческому опыту и продолжает Свое таинственное присутствие в судьбах мира. Мало интересуясь богословскими концепциями, славянский книжник хотел сделать свое слово теофанией, богоявлением, он был занят поиском «подобных словес», призванных выразить неотмирные реальности, обретшие свое место в мире благодаря жизни на земле святых. Не литературные стили и задачи, не школьные или академические штудии, не подражание античным образцам

породили словесность «Slavia Orthodoxa», но реальность богочеловеческой жизни, явленной в жизни славянских святых. Здесь жизнь предшествует литературе. Сначала рождается и совершает свой жизненный подвиг святой, потом возникает словесность, как образ, как икона его жизни.

Славянское слово в течение веков развивалось в глубоком единстве, и дело тут не только в стилистических влияниях, но и в единстве духовного опыта разных православных славянских народов. И поэтому, когда сербско-болгарский писатель Григорий Цамблак, будучи настоятелем монастыря Высокие Дечаны, благоговейно описывает житие святого Стефана Дечанского, стремясь через высокий поэтический лиризм словесного искусства выразить небесную красоту личности святого, мы явственно ощущаем созвучие его писаний с писаниями русского книжника Епифания Премудрого. И это созвучие рождается из общего чувства духовной радости от соприкосновения со святыней христианской жизни того или иного святого. Славянская литература с первых веков своего возникновения пронизана высоким личным лиризмом книжника. Писатель сопереживает радость теофании, совершающейся в жизни святого, и его труд над жизнеописанием святого становится собственным духовным актом познания Бога. И с помощью возвышенного лиризма, поэтического напряжения языковых форм книжник передает эту мистическую реальность, сопутствующую словесному творчеству. Таким образом рождается духовная поэтичность, лиризм славянской словесности.

Но проходили века, новое время ставило новые задачи, словесность славянских стран попыталась пойти западными путями. Здесь были свои успехи и неудачи, были и глубокие падения и взлеты, в которых светская литература встречалась в священном трепете с изначальной задачей словесности как служения воплотившемуся Слову. Но кроме того новое время явило и новую духовную литературу, коренящуюся в средневековых традициях, но обогащенную новым личным опытом современной эпохи. В особенности славянская словесность XX в. богата примерами такой литературы. В книжности «Slavia Orthodoxa» снова появляются писатели, слово которых становится живым свидетельством Вечной жизни. И при этом их писания обогащены самосознанием, углубившимся во многом благодаря знакомству с западноевропейской культурой. Эти духовные писатели понимают необходимость свидетельствовать о своей живой личной встрече с Богом перед человечеством, которое все больше теряет веру в Бога и все больше замыкается в тесном пространстве земного существования. Они дерзают на то, на что не дерзали славянские книжники прошлого, которые ограничивались преклонением перед образами святых, скрывая свою святость, свое познание высшей жизни. Современные же духовные писатели с дерзновением раскрывают перед нами глубину своего духовного человека, в недрах которого они увидели и узнали Творца вселенной. Их

писания пронизаны исповедальным лиризмом, утонченностью языковых форм, ритмической и звуковой гармонией. И так же как в средние века книжное слово и южных, и восточных славян звучало как единое, общее слово, так и теперь, спустя многие века мы с радостью слышим удивительное духовное и лирическое единство в писаниях представителей разных народов единого православно-славянского мира.

Мы рассмотрим творчество двух русских и двух сербских подвижников благочестия XX в.: преподобного Силуана Афонского, архимандрита Софрония Сахарова, святителя Николая Велимировича и преподобного Иустина Поповича. Это знаменитые записи преп. Силуана, собранные, отредактированные и опубликованные архимандритом Софронием, книга самого отца Софрония «Видеть Бога как Он есть», книга святителя Николая «Молитвы на озере» и такие сочинения преп. Иустина Поповича, как «Серна в потерянном раю. Исповедь», «Молитвенный дневник» и «Подвижнические и богословские главы». Все эти писания обладают удивительным единством, являясь исповедальным свидетельством каждого из авторов о своем духовном опыте, о своей встрече с непостижимым миром Вечности. Каждая из этих книг по сути своей есть духовный дневник или духовная автобиография, где писатель, почти не касаясь внешних фактов своей жизни, излагает важнейшие события внутреннего бытия своего духа. И мы видим, что писания всех четырех авторов в той или иной степени оказываются пронизаны общей лирической интонацией, они облекаются в схожую поэтическую форму с определенной ритмизацией и звуковой организацией текста. Этот возвышенно-исповедальный лиризм коренится не в принадлежности писателей к какой-либо литературной школе, а в общем способе переживания тайны бытия. Это переживание и рождает единство стиля. Стиль, свойственный такого рода писаниям, в литературоведческих работах последнего времени получил название «перформативного высказывания». Об этом пишут в своих трудах исследователи духовной литературы В. А. Котельников и Е. В. Гладкова¹. Перформативное высказывание понимается здесь как такое речевое действие, когда «речь теряет свою знаковую природу и сливается с означаемым». То есть слово духовного писателя не просто стремится объяснить и рационально раскрыть существо той реальности, с которой он встречается во внутреннем мире своей души, но писатель-подвижник хочет явить эту реальность, дать возможность читателю сопережить, повторить бывший некогда духовный акт, его слово хочет быть теофанией, новым духовным событием, а не схематическим изложением прежнего опыта. И тот лиризм, та поэтическая форма, в которую облекается исповедальное слово подвижника, оно как раз и призвано не просто буквальным смыслом слов, но их поэтическим звучанием, их интонационной выстроенностью, внутренней мелодией сделать доступными хотя бы отзвуки вечного Слова, явленного писателю.

В первую очередь их лиризм вызван радостью встречи с прекрасным и благим ликом Богочеловека. «О, я посадил бы вас на высокую гору, чтобы с высоты ее вы могли увидеть кроткое и милостивое лицо Господа, и возрадовались бы сердца ваши»², — пишет преп. Силуан. Важнейшее основание его духовного опыта — это переживание любви и милости Бога. Признавая принципиальную неизреченность этого переживания, Силуан все же пытается передать эту Божественную ласку через тихую мелодию своих писаний: «Господь так много нас любит, что объяснить этого невозможно, и только Духом Святым познается эта любовь, и душа неизъяснимо чувствует сию любовь. Господь по естеству благ и милостив, кроток и любезен, и описать эту доброту Его нельзя, но душа без слов чувствует эту любовь и всегда желает пребывать в таком тихом состоянии»³. Отец Силуан вновь и вновь возвращается к описанию внутренних свойств непостижимого Бога: «Дух Святой очень похож на мать милую, родную. Мать любит дитя свое и жалеет его, так и Дух Святой жалеет нас, прощает, исцеляет, и вразумляет, и радуется, и познается Дух Святой во смиренной молитве»⁴. Переживание нежности и кротости Бога заставляет старца Силуана искать соответствующей лирической формы записи, которая могла бы передать эту милующую любовь. Через перечислительные ряды, через постановку определений после определяемого слова, через другие простейшие приемы святой подвижник, конечно подсознательно, добивается нужного результата.

Ученик старца Силуана отец Софроний также в основу своей духовной автобиографии «Видеть Бога как Он есть» кладет свидетельство о своей подлинной живой встрече с Божественной реальностью, явившейся ему в виде Света. И ему тоже Бог открывается как мир и любовь, и поэтому слово отца Софрония тоже растворено любовью и миром. «Тихий, исполненный мира и любви Свет пребыл со мною три дня»⁵, — свидетельствует подвижник о своей первой встрече со Светом в Великую Субботу 1926 г. «Неизъяснимый, невидимый — он влечет к себе и сердце, и ум так, что забываешь о земле, будучи восхищен в иной мир... Сей Свет есть Бог. Всемогущий и вместе с тем неизъяснимо кроткий. О, как осторожно обращается Он с человеком: Он, сердце, сокрушенное отчаянием, исцелит; душу, надломленную грехом, вдохновит надеждой на победу»⁶. И мы улавливаем здесь внутреннюю ритмизацию и рифму, которые придают словам писателя ту лирическую мягкость, которая созвучна тому, о чем он говорит.

Словно эхо вторит отцу Софронию преп. Иустин в своих «Подвижнических главах»: «Слово — Свет истинный, насажденный во всей твари и преумноженный в святых. Зачатки Его — во всяком человеке и во всякой твари: Он разлит по всей твари, это Он — надкосмический и надсолнечный свет, всегда сиявший и ныне сияющий независимо от физических све-

тил. На самом деле вся тварь стоит светом. Свечу — следовательно существую»⁷. И преп. Иустин в своих писаниях ярко передает подвижническую устремленность к Богу-Свету: «Бесконечности мои устремляют меня к Тебе, о, Бесконечный!» Бескрайности мои возносят меня к Тебе, о, Бескрайний! Безграничности мои воскрыляют меня к Тебе, о, Всебезграничный!»⁸. Все три восклицания являются полностью синонимичными, но эти синонимические повторения дают возможность ощутить тайну и глубину устремленности души к непознаваемому Богу, который все-таки открывается человеку и заставляет Его говорить о Себе неизреченном. Образ Богочеловека есть самая большая драгоценность для преп. Иустина, и главная цель его исповедально-лирических писаний — выразить духовную красоту Иисуса. «В давние времена, — пишет отец Иустин в произведении „Серна в потерянном раю“, — по земле прошел Он, Всеблагий и Всемиловитый, и землю превратил в рай. Где ступали Его ноги, тут наступил рай. На все существа и на всю тварь из Него изливалась бесконечная доброта, и любовь, и нежность, и милость, и благодать, и премудрость»⁹.

Той же нежностью и милостью является Бог и писаниях святителя Николая Велимировича. «Господь собирает слезы скорбящих в ладони Свои, Господь посещает узников, Господь сидит у постели больных», — пишет он в книге «Молитвы на озере»¹⁰. Как и его ученик Иустин, владыка Николай ищет лирического выражения своей по-детски непосредственной устремленности к Богу. «На рассвете, когда просыпаюсь, к Тебе летят первые мысли мои, — пишет он, — первое движение души — дотянутся до улыбки Твоей; первый мой шепот — имя Твое; первое изумление — Ты рядом. Как младенец, увидевший страшный сон, спешит укрыться в объятия матери и радуется, что сон не разлучил его с ней, так я, пробудившись, спешу в объятия Твои, радуясь, что странствия во сне не разлучили меня с Тобой». Для него, как и для других подвижников, Иисус — высшее сокровище жизни. «Как прекрасен истинный Сын Божий!» — восклицает святитель. «Вся истина, вся красота, вся мудрость, которых жаждет человечество от начала времен — в Тебе, Всечеловече»¹¹, — обращается он к Самому Сыну Божию.

Другим источником возвышенного лиризма в духовной прозе указанных авторов являются переживания трагизма и ужаса человеческой жизни, боль и скорбь за все человечество, которое уходит от Бога, страдает и слепнет. Это переживание превращается в подлинный плач о мире, и этот плач облекается в возвышенно-лирические формы, передающие поэтическими средствами глубину сострадания подвижников. Издавна человек стремился выразить свою скорбь в поэтических формах, поэтизация скорби утешала скорбящего, давала ему возможность уловить гармонию мироздания, в котором и скорбь занимает свое место. «До слез мне жалко людей, которые не знают Бога, не знают Его милостей, — пишет преп. Силуан. — Жалко

тех людей, которые не знают Бога или идут против Бога; сердце болит за них, слезы льются из очей»; «Душа моя скорбит до великих слез: жалко мне людей, которые не знают святого умиления»; «Жалко мне людей, которые мучаются во аде, и каждую ночь я плачу за них, и томится душа моя так, что бывает жалко даже бесов»¹².

Тот же опыт скорби о мире пронизывает писания отца Софрония. «Великая печаль о страданиях людей как болезненная спазма стиснет сердце наше», — пишет он¹³. Он хорошо знает «томительную жажду спасения людей», и эта жажда придает его словам задушевную сердечность, напряженную лиричность. «Когда постигнут нас всякого рода удары и ужасы, — говорит отец Софроний, — тогда мы должны переносить наш ум к созерцанию мук всех страждущих на Земле; включить их чрез наши собственные болезни в молитву сердца нашего. Таким образом расширится оно и обнимет всех братий и сестер, сокрушенных бедствиями, подобно тому, как матери в порыве опечаленной любви обнимают своих больных детей. Пусть молитва наша станет криком всей Земли к Богу и Отцу»¹⁴.

С особой силой сопереживание бедствиям мира звучит в писаниях отца Иустина. И это чувство находит выражение во взволнованном, экспрессивном стиле этого автора. «Бесконечное углубление любви молитвой: трагизм жизни произнес непредвиденные слова, — пишет он в „Молитвенном дневнике“, — вселенная, охваченная злом, становится все ужаснее; отзвук этого — непрестанная молитва. Таинство твари и жизни так изумляет, что невозможен никакой путевождь по сетям, запутанным до невозможности, — только молитва, только она»¹⁵. Чувством скорби пронизана художественная исповедь отца Иустина «Серна в потерянном раю». Здесь образ серны — это образ души праведника, взывающего Бога и гонимого миром. Она полна скорбью, и от ее имени отец Иустин говорит об этой скорби языком, полным яркого выразительного лиризма, выраженного в риторических обращениях, восклицаниях. «По моему существу разлита какая-то магнетическая сила скорби, — говорит серна. — И все скорбное в мире она неодолимо привлекает и слагает в моем сердце. Поэтому я — самое скорбное из всех творений. У меня есть слезы на боль каждого... Не смейтесь обо мне, о, смеющиеся! Я изумлена сознанием того, что в этом горестном мире есть существа, которые смеются. О, проклятый и самый проклятый дар: смеяться в мире, в котором кипит скорбь, клопочет боль, опустошает смерть!»¹⁶.

Болью за тех, кто оторван от вечной жизни, исполнены и молитвенно-лирические тексты книги святителя Николая «Молитвы на озере». Многократно он переходит от разговора с Богом к полному печали воззванию к людям, отвернувшимся от Творца вселенной, и свидетельствует о своем сочувствии им. «Щемит мое сердце от скорби, Господи, — взывает владыка Николай, — глаза мои полны слез, ибо многие не вкушают Тебя,

но ищут пищи на нивах голода»¹⁷. «Пустынными улицами спешу, Слава моя, и вхожу в храм Твой, чтобы петь Тебе величание, — пишет он в другом месте. — И один в храме стою, Тобою и Ангелами Твоими наполненном. И на колени падаю и молюсь в слезах: пробуди к Себе, Господи Небодержец, все души спящие братьев моих и народа моего!»¹⁸. Молитвенная обращенность высказывания, его ритмическая выстроенность создают лирический стиль святителя Николая.

В качестве третьей составляющей духовного опыта, который лежит в основе возвышенного исповедального лиризма исследуемых писаний, мы можем указать стремление подвижников к единению с Богом и со всем творением. Их души с мощной силой преодолевают вошедшее в мир разделение и ощущают неразрывную связь со вселенной и ее Творцом. Это переживание наполняет их чувством радости о мире, о творении, любовью ко всей твари, желанием беседовать с ней. Их лирическое высказывание не концентрируется на собственном, личном, индивидуальном, но постоянно открывается внешнему, с которым они чувствуют живую органическую связь. Они находятся в непрестанной беседе с Богом и творением, в непрестанной обращенности к ним, что тоже служит формированию особого возвышенно-лирического стиля их писаний.

«Чтобы прийти в любовь Божию, надо соблюдать все, что заповедал в Евангелии Господь, — пишет старец Силуан. — Нужно иметь милующее сердце, и не только человека любить, но и всякую тварь жалеть; все, что создано Богом. Листок на дереве зеленый; и ты его сорвал без нужды. Хотя это и не грех, но почему-то жалко и листок; жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить»¹⁹. Его писания — это постоянный диалог любви. Он обращается к всем народам земли и к тем, кто читает его строки, к святому Иоанну Кронштадтскому и первому человеку Адаму. Он молитвенно взывает к Божьей Матери и к Богу. Часто его разговор с высшим миром бывает не столько молитвой, сколько молитвенной беседой, глубоким внутренним разговором. Силуан нередко беседует и со своей душой, но во всех случаях тихая беседа старца пронизана дыханием мира и благости и является исповедально-лирическим обращением к тому, что принято святым в его сердце и переживается как часть его собственной личности.

Об этом же опыте единства с миром свидетельствует отец Софроний: «Нам бывает дано любить единосущных нам людей в молитве за весь мир: жить все человечество как единого Человека. Через сей опыт мы получаем новое познание, бытийное: Персона по естеству своему, по структуре и характеру не живет одна-одиноко, но непременно в любви к другой, другим, себе подобным»²⁰. Эта взаимосвязанность придает особый характер духовным писаниям. Автор ощущает свою связь с творением до боли и хочет быть услышанным, хочет своим словом войти внутрь иных сотворенных существ и тем самым упрочить связь с ними. Из этого рождается и

стремление говорить поэтическим, художественным языком, передающим особенности личного переживания высшего мира.

Переживание общности всему творению наполняет писания преподобного Иустина. «Человек носит в себе духовную сущность твари, — пишет он в „Молитвенном дневнике“. — Молитвенное слияние в единую сущность человека и твари, ожидающее „сынов Божиих“. Человек весь соткан из всех тварей... Каждая тварь представлена в человеке: оправдывается человеком, проживает с человеком его жизнь — ее жизнь является подобием жизни человека. О, как застыдил бы человек, если бы ощутил, что каждое его движение и помысел струится через всю тварь, отпечатывается, оставляет образ»²¹. В другом месте своего дневника отец Иустин еще более углубляет свою мысль, признавая соединение со всем творением — одной из главнейших целей бытия Церкви: «Всякую тварь человек прежде своего падения ощущал как живую, органическую часть своего существа. Мир звезд был целостной, единосущной частью его сознания и самопознания. После грехопадения каждый человек и тварь — осколки раздробленной грехом души — всеобщей души и всеобщего тела. Через Христа-Церковь совершается постепенное зарастание ран существа, срастание, слияние в единую сущность существенно разъединенных грехом частей. Печаль за всех и вся — любовь, объединяющая всех и приводящая ко Христу»²². Осознание слиянности со всей тварью заставляет отца Иустина молитвенно-лирически тосковать по потерянной целостности и звать к всякому творению, молиться о всякой твари, слыша ее ответные молитвенные вздохи. Так, он пишет в дневнике: «Постоянное ощущение того, что мною обладает кто-то святой и молитвенный. Он владеет оком и душой моей; вся моя душа обессилела, через рыдающие очи вырываясь к образу Сладчайшего и Богоматери. Рыдания и слезные молитвы за всех и за вся. „Господи, спаси все растения, и траву, и животных: их молитвами помилуй мя“»²³.

Общением с миром, со вселенной и природой полны и «Молитвы на озере» святителя Николая Велимировича. Многократно он обращается к тварям, потому что все они так или иначе могут вступать в общение с Богом, имеют к Нему то или иное отношение. Мы видим в книге лирические воззвания к пустыне, хлебу, железу, дереву, смоковнице, ветру, воде и т. д. Все эти вещества одушевлены прикосновением к Богочеловеку. Святитель вступает в беседу со всем миром, потому что весь мир наполнен Божественной жизнью и свидетельствует о Боге. «Каждой травинки касался посох мой пастырский, — пишет владыка Николай, — и, припадая грудью к земле, вслушивался в дыхание ее и лежал на спине, глядя на грозное пламя небесное. И касался челом росистой листвы в горных лесах, и обнимал жалостливо ели высокие, грозой сломленные. И читал имя Твое, написанное пламенем по всей земле, и чувствовал, как горит подо мной каждая

пядь и глаголет: я есмь алтарь Всевышнего. И величие Твое наполняло меня восхищением; и луга, и дубравы, и все воды и суша наполнялись восхищением моим»²⁴. И это восхищение придает стилю владыки особенную лирическую окраску, заставляет его искать художественно-поэтические формы выражения глубоких духовных содержаний. И вся его книга — это немолчный взволнованный разговор с Богом, со святыми, с ангелами, с праведными и грешными людьми, с живой и неживой природой. Весь космос, вся вселенная вступает с автором в молитвенно-лирическое общение, и неслучайно книга называется «Молитвы на озере», потому что тихая гладь озера, перед которой предстоит созерцающий подвижник, хранит в себе многообразие собственного мира и с готовностью отражает в себе весь прочий мир. И со всем этим миром беседует святитель Николай.

Возвышенный исповедальный лиризм, который мы видим у всех четырех писателей-подвижников, носит молитвенный характер. Это не просто речь о чем-то, но это слово, пронизанное чувством присутствия Бога, слово, открывающее заново близость Бога и самому писателю, и читателю. «Он молитвой думает, молитвой философствует»²⁵, — пишет о владыке Николае преподобный Иустин. Но то же самое можно сказать и о нем самом, а также и о старце Силуане и об отце Софронии.

Для молитвы с первых веков человечества люди искали особые слова, особый язык, который должен был отстоять от обыденного и профанного. Этот особый язык в глубоком единстве друг с другом воссоздают сербские и русские подвижники миновавшего столетия в своих духовно-исповедальных писаниях, открывая нам священные тайны своего внутреннего опыта и являя неразрушимое единство православно-славянского мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. *Котельников В. А.* О стиле митрополита Филарета // Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1994. Вып. 6. С. 91; *Гладкова Е. В.* Духовная проза 1830–1870-х годов // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Вып. 5. С. 136.
- ² Старец Силуан. М., 1999. С. 460.
- ³ Там же. С. 476.
- ⁴ Там же. С. 402.
- ⁵ Архимандрит Софроний Сахаров. Видеть Бога как Он есть. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. С. 210.
- ⁶ Там же. С. 197.
- ⁷ Собрание творений преподобного Иустина Поповича. М., 2004. Т. 1. С. 117.
- ⁸ Там же. С. 141.
- ⁹ Там же. С. 186.
- ¹⁰ Святитель Николай Сербский. Молитвы на озере. М., 2002. С. 219.

-
- 11 Там же. С. 208, 175, 268.
  - 12 Старец Силуан... С. 497, 505, 596.
  - 13 Арх. Софроний... С. 302.
  - 14 Там же. С. 289.
  - 15 Собрание творений преп. Иустина... С. 98.
  - 16 Там же. С. 91.
  - 17 Святитель Николай Сербский... С. 225.
  - 18 Там же. С. 211.
  - 19 Старец Силуан... С. 494.
  - 20 Арх. Софроний... С. 302.
  - 21 Собрание творений преп. Иустина... С. 100.
  - 22 Там же. С. 104.
  - 23 Там же. С. 99.
  - 24 Святитель Николай Сербский... С. 227.
  - 25 Там же. С.6.

Т. И. Вендина
(Москва)

К проблеме интерпретации лингвистической карты

Современное состояние славянской лингвистической географии может быть охарактеризовано как чрезвычайно перспективное, ибо она переживает сейчас период своеобразного «ренессанса»: во всех славянских странах идет интенсивная работа по созданию диалектологических атласов самого разного типа (территориальных, национальных, межнациональных, проблемных, уровневых, интерпретационных и проч.).

Это позволяет не только усовершенствовать приемы и методы лингвогеографического анализа, но и расширить саму парадигму исследования. Такой теоретический прорыв в лингвистической географии, наметившийся в конце XX в., во многом способствовал ее переходу от экстенсивного изучения диалектов к интенсивному погружению в сущность лингвоарельных явлений.

Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов на картах атласов все чаще становится предметом теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений в пространстве и во времени. Поэтому современный этап развития лингвистической географии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «объясняющей лингвогеографии» (Гриценко 1993: 7), имеющей своей целью глубинную интерпретацию лингвистической карты и сопряженный с ней анализ эксплицированных языковых явлений.

Однако в отечественной диалектологии (как, впрочем, и в зарубежной) еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в лингвогеографическом аспекте, а тем более методика чтения разных типов карт. Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот. И в этом смысле слова С. Б. Бернштейна о неостребованности диалектологических атласов, высказанные им более двадцати лет назад, остаются актуальными и сегодня (Бернштейн 1986: 3–4). Причина, по мнению С. Б. Бернштейна, кроется в том, что пока еще не разработана новая методика чтения лингвистических карт, в связи с

чем исследователи, и особенно историки языка, не могут в полной мере использовать все факты, которые им дают диалектологические атласы.

Положение усугубляется еще и тем, что общие методологические проблемы лингвистической географии и, в частности, проблемы изучения и интерпретации **типов лексических ареалов** долгое время были на периферии исследовательских интересов, поскольку для ареальной лингвистики было характерно внимание преимущественно к фактам фонетики, а не лексики. Пронизывая всю толщу языка, эти различия проявляются на всех языковых уровнях и потому являются наиболее очевидными, заметными даже неискушенному исследователю.

Между тем лингвогеографам хорошо известно, что при изучении диалектной карты наибольшие трудности вызывают именно «лексические диалектизмы», судьбы которых в каждой частной диалектной системе нередко оказываются индивидуальными. В отличие от фонетических и морфологических диалектных различий, существующих в виде довольно компактных пучков изоглосс, лексические диалектизмы при первом знакомстве с картой действительно нередко предстают в виде хаотического переплетения изоглосс, не поддающихся прочтению.

Поэтому задача исследователя научиться «читать» язык карты, заставить ее «заговорить», так как каждая лексико-словообразовательная карта несет информацию самого разного характера, скрытую под слоем эмпирических фактов.

В этом отношении чрезвычайно ценный материал содержится на картах Общеславянского лингвистического атласа.

Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavia придает картам Атласа статус особо значимого источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений.

Попробуем проиллюстрировать эту мысль на материале одной из карт шестого лексико-словообразовательного тома Общеславянского лингвистического атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», в частности карты № 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'.

Выбор этой карты является не случайным, так как она принадлежит к одной из наиболее сложных карт этого тома.

Первое знакомство с картой обнаруживает, что она чрезвычайно лексически нагружена. Легенда к карте содержит свыше пятидесяти позиций, свидетельствующих о том, что в каждом славянском языке представлено несколько лексем, передающих это понятие (в среднем от 2 — в лужицких диалектах до 14 — в русских).

Такое обилие материала первоначально производит впечатление некоего лексического хаоса.

Однако такое впечатление обманчиво, так как в этом кажущемся «хаосе» отчетливо прослеживается и некая упорядоченность.

Увидеть эту упорядоченность позволяет **прием рекартографирования** материала карты, который дает возможность выделить и укрупнить информацию, представленную на карте. В этом случае карта из иллюстрации превращается в самостоятельный объект анализа, и факты, отраженные на ней, становятся особенно значительными благодаря избранному масштабу исследования.

Прием рекартографирования позволяет более четко представить сведения о характерных лексических особенностях тех или иных диалектов, рассмотрев их в общеславянском контексте. Общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из этих особенностей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Этот прием (как, впрочем, и сам термин) был использован в свое время М. А. Бородиной в ее монографии «Проблемы лингвистической географии» с целью доказать существование диалектных границ (и шире — диалекта как территориальной единицы) на материале «Лингвистического атласа Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона. Обращение к этой идее было во многом вызвано тем, что результаты лингвистического картографирования лексики в атласе Ж. Жильерона и Э. Эдмона были настолько неожиданными, что заставили создателей атласа высказать сомнения в существовании диалектов. Достаточно вспомнить, как много нападок выдержал этот лексический атлас и сами его авторы, ошеломляющим открытием которых явилось то, что диалектные границы растворились в отдельных линиях, так что вообще стали сомневаться в понятии диалекта (Бородина 1966: 34).

С этой целью М. А. Бородина поставила перед собой задачу проверить выводы Ж. Жильерона и Э. Эдмона на конкретном материале «Лингвистического атласа Франции». Используя прием рекартографирования, она вычертила изоглоссы распространения того или иного слова, поскольку материал в атласе был представлен в форме надписей у каждого населенного пункта, что, естественно, делало карту трудночитаемой. Сама М. А. Бородина, оценивая проделанную работу, так пишет об этом: «Должна сознаться, что увидеть контуры диалектов в картах „Лингвистического атласа Франции“ оказалось во много раз проще, чем показать и доказать увиденное, а тем более интерпретировать полученные изоглоссы. На это ушли многие годы кропотливого труда, связанного с рекартографированием карт ЛАФ, их дополнением и проверкой, а иногда и реконструкцией» (Бородина 1966: 23).

Наша задача упрощается, во-первых, уже тем, что само существование диалектов и их границ в славянской лингвистической географии не вызывает сомнений (и материалы Общеславянского лингвистического атласа это

убедительно продемонстрировали), а во-вторых, тем, что на картах ОЛА принят значковый способ подачи материала, и это существенно облегчает чтение карты и делает более наглядными как контуры диалектов, так и границы распространения того или иного языкового явления. Поэтому при рекартографировании мы сохранили этот способ подачи материала как более легкий для восприятия.

Методологический прием рекартографирования позволяет, как представляется, доказать, что лексические диалектизмы — это не «хаос изоглосс», пересекающих диалектную территорию в разных направлениях, без какой-либо закономерности, а организованная определенным образом совокупность, обнаруживающая совершенно четкие тенденции к группировке в более или менее компактные пучки изоглосс, которые надо лишь научиться «читать».

О чем же говорит карта 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'?

Она говорит о том, что, несмотря на то, что понятие хлеба (и уже — его части) принадлежит к достаточно древним, связанным с первичными понятиями традиционной культуры, однако оно не имеет какой-либо одной лексемы, которая равномерно покрывала бы всю (или хотя бы большую часть) территорию Славии, как это бывает, например, с другими лексемами (ср., например, распространение лексемы *тѣк-а* на карте 'мука, из которой пекут хлеб', карта-схема 1). Все славянские языки имеют свои, отличительно характеризующие их лексемы, обозначающие горбушку (ср.: **слн.** *kraj-ъĉ-itj-ъ*; **хрв.** *съ-kraj-ъс-ъ, kanton-ъ*; **серб.** *kraj-ik-a*; **мак.** *peĉ-iĉ-ъk-a*; **болг.** *kraj-itj-ъn-ak-ъ, kraj-iĉ-e*; **чеш.** *na-ĉin-ъk-ъ*; **слц.** *kraj-ik-ъ, vѣrх-ъn-ak-ъ*; **луж.** *krom-iĉ-ъk-a*; **плс.** *съ-kraj-ъk-a, berg-ъ, ob-ber-ъk-a*; **блр.** *skib-ъk-a*; **укр.** *lъb-ъk-ъ*; **рус.** *gъrb-ux-a, gъrb-uĉ-a, gъrb-uĉ-ъk-ъ, gъrb-ъk-ъ, gъrb-ъĉ-ъk-ъ, kraj-uĉ-ъk-ъ, krom-ъĉ-ъk-a* и др.).

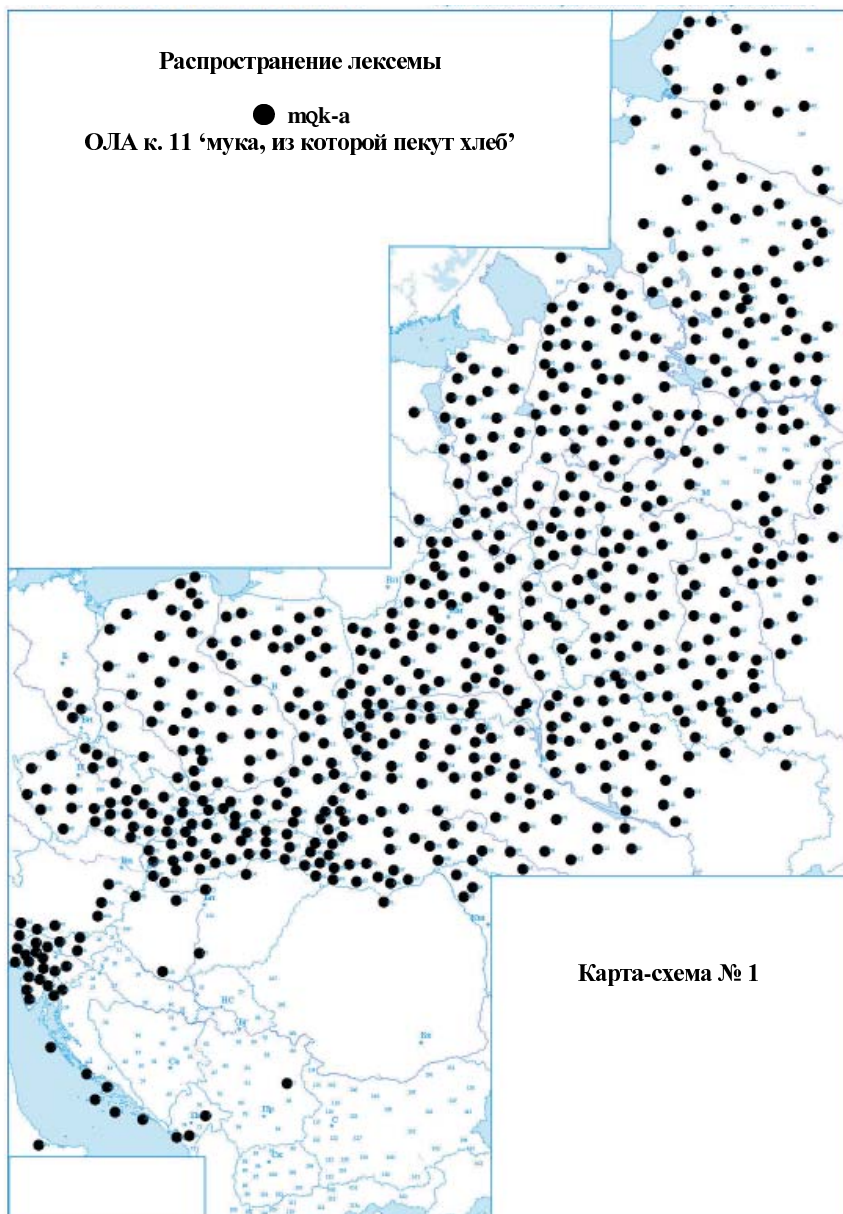
И в этом смысле карта вносит коррективы в существующее в славистике мнение о близости славянских языков на лексическом уровне, так как в синхронном плане материалы этой карты (как, впрочем, и самого Атласа) демонстрируют сравнительно небольшой процент сохранности общеславянских лексем, при том что несомненное сходство между славянскими языками проявляется в генетической общности морфемного фонда (и прежде всего корней). Вместе с тем на карте отчетливо видно, что такую «объединяющую» функцию выполняет корень *kraj-*, представленный во всех славянских диалектах, за исключением лужицких (см. карту-схему 2).

И в этих **экспликативных** возможностях карты проявляется одно из ее наиболее ярких свойств.

Однако экспликативные возможности карты этим не исчерпываются, поскольку она в отличие от праславянских этимологических словарей позволяет реально увидеть пространственные отношения славянских диалектов и эксплицировать их ареальные связи. Выявляя пространственную

Распространение лексемы

● mɔk-a
ОЛА к. 11 'мука, из которой пекут хлеб'

локализацию межъязыковых схождений, карта дает возможность оценить их с ареальной точки зрения, так как эти схождения могут иметь разный характер — **точечный** (ср., например, ситуацию с лексемой *рѡб-ѡѣ-ѡ*, зафиксированной в отдельных пунктах сербских (п. 85) и македонских говоров (п. 90), или лексемами (*jan*)-ѡk-ѡ, (*jan*)-ѡk-о, характерными для отдельных чешских (п. 206) и словацких (п. 214) диалектов) или **системный**, когда они охватывают значительные ареалы, отражая сложные отношения между двумя и/или более диалектами (см., например, на той же карте украинско-белорусский ареал лексемы *об-крѡj-ѡс-ѡ*; или локализацию лексемы *гѡrb-ѡѣ-ѡk-а* преимущественно в русских, частично в украинских и белорусских диалектах; или ареал лексемы *крѡj-ѡj-ѡn-ѡk-ѡ* в македонских и болгарских диалектах).

Поэтому ценность материалов карты определяется еще и тем, что она дает возможность визуально оценить «значимость» (*valeur*) каждой изоглоссы в общеславянском масштабе, так как география и характер ареала многое проясняет в природе возникновения этих схождений. Понятно, что классификационный вес точечного ареала или системного, а также изоглосс, связывающих пограничные диалекты разных языков и диалекты, не имеющие точек соприкосновения, будет разным.

При этом карта дает возможность не только выявить ареальные связи славянских диалектов, но и рассмотреть их во временном плане. Возможность пространственной визуализации межъязыковых схождений делает реальной и временную стратификацию картографируемых лексем подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка, ибо в соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» (Степанов 1975: 304).

И в этой взаимосвязи пространства и времени проявляется еще одно свойство карты — ее **экспансионизм**, порожденный самой лингвистической географией, позволившей выйти за пределы собственно языка и обратиться к географии и истории изучаемой территории.

Так, в частности, если попытаться дать интерпретацию указанных ареалов, то следует признать, что ареал лексемы *гѡrb-ѡѣ-ѡk-а* (см. карту-схему 3) сформировался достаточно поздно, по-видимому, уже в рамках самостоятельного существования русского языка. Об этом свидетельствует, с одной стороны, характер очертания ее ареала (края его довольно ровные, практиче-

ски совпадающие с государственной границей, что в соответствии с теорией ареалов является свидетельством инновации), а с другой — данные исторических словарей («Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского), в которых эта лексема не фиксируется. Что касается ее спорадического распространения в украинских и белорусских диалектах, то его следует признать фактом междиалектных контактов. О позднем появлении лексемы *gъrb-uš-ьk-a* на этой территории свидетельствует и островной характер ее ареала, и, что, пожалуй, существеннее — отсутствие проявления последовательности в распространении, так как в большинстве пунктов, где она зафиксирована, наблюдается явление конкуренции с другой лексемой (ср. п. 454 *сѣl-uš-ьk-a*, *gъrb-uš-ьk-a*; пп. 328, 519 *ob-kraj-ьc-ь*, *gъrb-uš-ьk-a*; пп. 349, 368, 388 *ob-kraj-ьč-ik-ь*, *gъrb-uš-ьk-a*; п. 363 *ob-suš-ьk-ь*, *gъrb-uš-ьk-a* и т. д.).

Междиалектным влиянием следует, по-видимому, объяснить и появление лексемы *ob-kraj-ьc-ь* в словацких диалектах в пункте 233, который является украинским по своей языковой системе, а также в польских диалектах в пунктах 266–267, которые являются переселенческими с восточнославянских территорий.

Прием рекартографирования, таким образом, позволяет выявить роль конвергентных процессов в формировании статистической близости языков, особенно пограничных диалектов (при отсутствии подобных схождения в других языках), и тем самым сделать выводы о языковых «предпочтениях» тех или иных диалектов более строгими и убедительными. Так, например, болгарско-македонские корреспонденции, прослеживающиеся на этой карте в виде лексемы *kraj-itj-ьn-ik-ь* (см. карту-схему 2), должны быть интерпретированы, по-видимому, как результат конвергенции, так как сепаратные схождения возникли в результате контактов пограничных диалектов, они имеют свой центр — болгарские говоры (поскольку именно здесь ареал этой лексемы отличается высокой плотностью), из которых иррадиация шла в западном направлении.

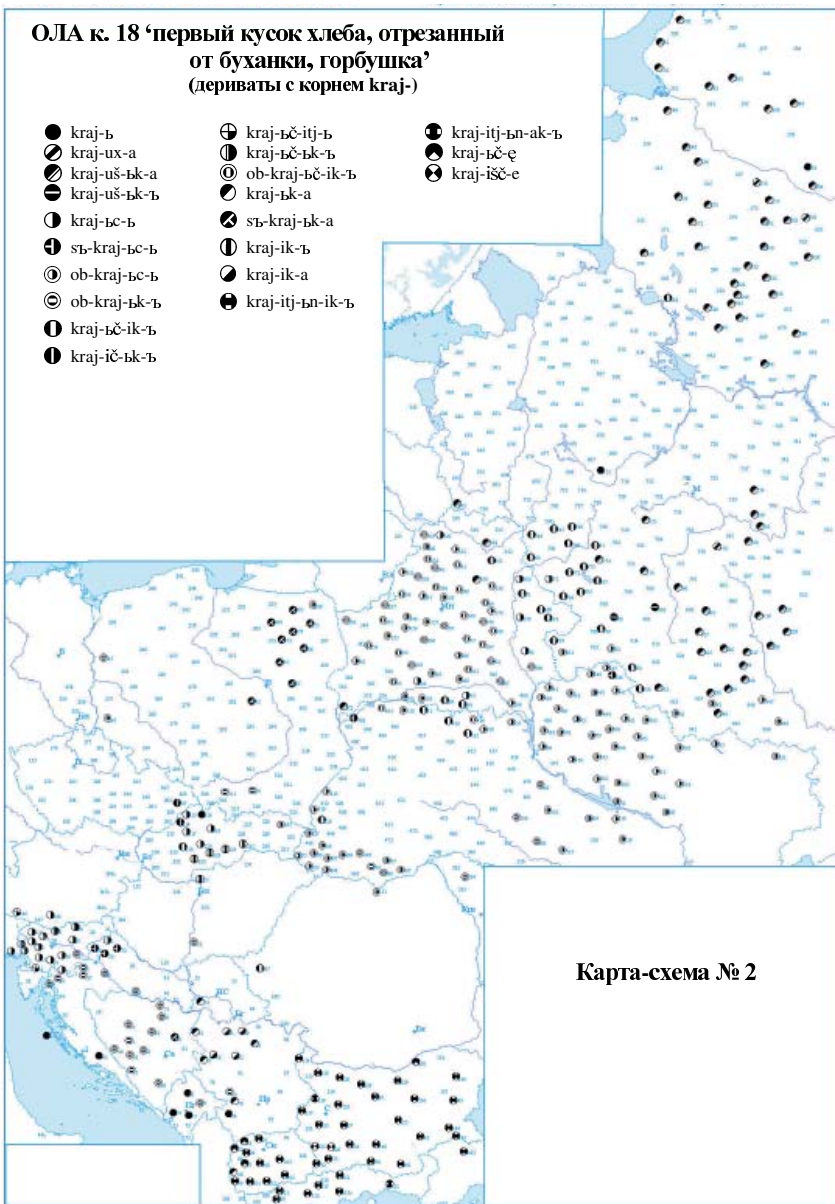
Таким образом, карта позволяет не только установить пространственно-временную локализацию изучаемого языкового явления и представить его в виде хроно-топо-изоглоссы, но и объяснить это явление. И в этом проявляется еще одно свойство карты, ее **экспланаторность**.

Самым ярким проявлением экспланаторности карты является отражение на ней причинно-следственных отношений в развитии того или иного языкового явления.

Фактор пространства, а также неравномерность развития диалектных систем, сохраняющих архаические элементы языка, предоставляет исследователям уникальную возможность восстановить причинно-следственные отношения в эволюции того или иного языкового феномена в виде

**ОЛА к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный
от буханки, горбушка’
(дериваты с корнем крај-)**

● крај-ъ	⊕ крај-ъѣ-итј-ъ	⊕ крај-итј-ън-ак-ъ
⊘ крај-ух-а	⊙ крај-ъѣ-ѣк-ъ	⊕ крај-ъѣ-е
⊘ крај-уѣ-ѣк-а	⊙ об-крај-ъѣ-ик-ъ	⊕ крај-иѣѣ-е
⊘ крај-уѣ-ѣк-ъ	⊙ крај-ѣк-а	
⊙ крај-ѣс-ъ	⊕ съ-крај-ѣк-а	
⊕ съ-крај-ѣс-ъ	⊙ крај-ик-ъ	
⊙ об-крај-ѣс-ъ	⊕ крај-ик-а	
⊙ об-крај-ѣк-ъ	⊕ крај-итј-ън-ик-ъ	
⊙ крај-ъѣ-ик-ъ		
⊙ крај-иѣ-ѣк-ъ		

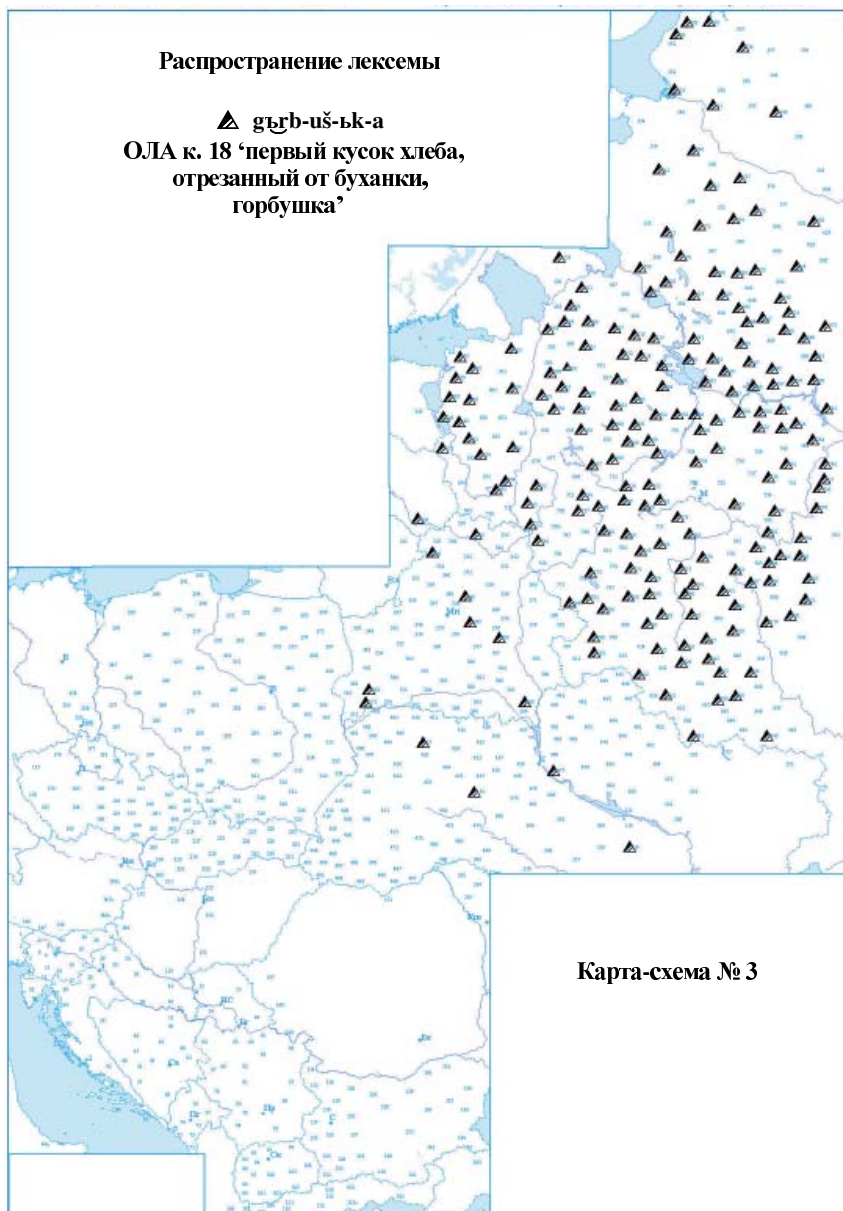

Карта-схема № 2

Распространение лексемы

▲ gʻɣb-uʃ-ʏk-a
ОЛА к. 18 'первый кусок хлеба,
отрезанный от буханки,
горбушка'

Карта-схема № 3

последовательных стадий его исторической трансформации и проследить общее направление развития. Это, в свою очередь, позволяет выявить центр иррадиации и направление инновационных потоков.

Так, в частности, на описываемой нами карте просматривается довольно четкий ареал лексемы *ob-kraj-ьс-ь*: это украинские и белорусские говоры, а также прилегающие к ним говоры южнорусского наречия.

Для понимания и интерпретации этого ареала необходимо ответить на вопрос, в каком направлении шло распространение этой лексемы, какой язык был «донором», а какой «реципиентом»?

И ответ на этот вопрос подсказывает сама карта. Довольно плотный ареал лексемы *ob-kraj-ьс-ь* в говорах Левобережной Украины, а также резаные контуры границ ее ареала являются свидетельством того, что иррадиация шла в направлении Левобережная Украина — Белоруссия.

Эта информация (хотя и в имплицитном виде) содержится и в ареале лексемы *ob-kraj-ьк-ь*, которая генетически соотносится с лексемой *ob-kraj-ьс-ь*. Эта лексема на восточнославянской территории зафиксирована только в украинских говорах, причем на той же территории, а иногда и в тех же пунктах (см. пп. 500, 508), что и лексема *ob-kraj-ьс-ь*, т. е. ареал этой лексемы дает нам точные ориентиры для определения направления иррадиации. Наконец, об этом говорит и распространение лексемы *ob-kraj-ьѣ-ик-ь*, которая характерна в основном для белорусских говоров, причем генетически она тоже соотносится с лексемой *ob-kraj-ьк-ь* как ее производное, являясь ее ареальным продолжением. Таким образом, обе производных лексемы *ob-kraj-ьс-ь* и *ob-kraj-ьѣ-ик-ь* генетически соотносятся с лексемой *ob-kraj-ьк-ь*, распространенной в говорах Украины, что делает наше предположение о направлении иррадиационных потоков лексемы *ob-kraj-ьс-ь* вполне аргументированным.

Так разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов выстраивается на картах Атласа в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений в пространстве и времени. Картографирование имеет уже не просто иллюстративную функцию, а становится важной теоретической составляющей сравнительно-исторического языкознания и лингвогеографии, поскольку любая карта помогает восстановить историю формирования моделей производных слов — членов одной лексико-семантической группы.

Экспланаторность карты оказывается тесно связана и с таким ее свойством, как **антропоцентризм**, поскольку, стремясь найти объяснение представленным на карте явлениям, мы волей или неволей обращаемся к человеку как носителю языка.

Антропоцентризм карты ярче всего проявляется в тех мотивационных признаках, которые положены в основу представленных на ней названий, в данном случае ‘первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки’.

Анализ этих мотивационных признаков свидетельствует о том, что точкой отсчета в этих названиях является человек. Об этом говорит тот факт, что во многих мотивационных признаках, лежащих в основе названий горбушки, ярко высвечивается антропоморфное восприятие хлеба (ср. в русских диалектах *gъrb-ъk-ъ*, *gъrb-ъč-ъk-ъ*, *gъrb-uš-a*, *gъrb-uš-ъk-a*; в украинских *лѣb-ъk-ъ*; в чешских и польских *peť-ъk-a*; в македонских *peť-ič-ъk-a*; в чешских и словацких — *jan-ъk-ъ*, *jan-ъk-o*, *paňiček* и т. д.).

Это же антропоморфное восприятие хлеба наблюдается и в названиях, представленных на других картах Атласа, в частности на карте № 13 'поставит, замесит тесто' и № 14 'подходит, растет' (о тесте). Материалы обеих карт раскрывают древние воззрения славян на хлеб как на живое существо. Наличие лексем с корнями **tvor-/ *tvar-* на карте 13 'поставит, замесит тесто' говорит о том, что процесс выпекания хлеба (так же как и создания человека) был связан с идеей сотворения, ибо эти лексемы формально и семантически (хотя, возможно, и вторично) связаны с глаголом **tvoriti*, т. е. имеют в своей основе древний образ «(со)творения» хлеба. Восприятие хлеба как живого существа отражено и в лексемах с корнем **ži-v-* на карте 14 'подходит, растет' (о тесте). Причем, как свидетельствуют материалы карты, это существо не просто «живет», но обладает способностью «двигаться» (о чем говорят корни **xod(j)-/ *xad(j)-*), распространенные в словенских, хорватских, польских, чешских и восточнославянских диалектах; или корни **dvig-/ *dviž-* в хорватских диалектах), «расти» (корень **orst-* в словацких, польских, южно- и восточнославянских диалектах), «развиваться» (корни **kyp-* в чешских и словенских диалектах, **kys-* в чешских, словацких, македонских, болгарских диалектах) и даже «работать» (корень **orb-* в кашубских диалектах).

Таким образом, карта имеет еще одно предпочтение перед любым диалектным или этимологическим словарем: она позволяет сразу увидеть пространственную стратификацию всей лексико-семантической группы картографируемого слова на территории Славии. А наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность оценить своеобразие национального языкового сознания в сложном процессе чувственно-мыслительного восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности.

Антропоцентричность карты оказывается тесно связана с таким ее свойством, как **функционализм**.

Функционализм проявляется прежде всего в возможности оценить каждый ареал с точки зрения его функциональной нагруженности, ибо чем больше зафиксировано форм в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале (ср. в связи с этим ситуацию в русских диалектах, где с одним только корнем *kraj-* зафиксировано семь лексем — *kraj-ъ*, *kraj-ux-a*, *kraj-uš-ъk-a*, *kraj-uš-ъk-ъ*,

kraj-ьс-ь, ob-kraj-ьс-ь, kraj-ьщ-ik-ь). Возможность исследования ареалов различных словообразовательных моделей, представленных на карте, позволяет выявить и описать прогрессирующие (расширяющиеся) и регрессирующие (сужающиеся) ареалы. Так, в частности, применительно к нашей карте ареал лексемы *kraj-ьщ-ik-ь*, локализуемой в говорах Полесья, а также в западной группе южнорусских говоров (в основном смоленских и брянских), может быть охарактеризован как регрессирующий, поскольку он испытывает давление со стороны других лексем с корнем *kraj-*: в белорусских и украинских диалектах со стороны лексем *ob-kraj-ьс-ь* и *ob-kraj-ьщ-ik-ь*, в русских — лексемы *kraj-uš-ьk-a*.

Кроме того, функционализм проявляется и в отражении на карте распределения в той или иной частной диалектной системе синонимичных лексем, которые чаще всего находятся в отношениях свободного варьирования.

Как видно из проведенного исследования, лингвистическая карта — это не «хаос изоглосс», пересекающих диалектную территорию в разных направлениях, а определенным образом организованная их совокупность, обнаруживающая тенденции к группировке в компактные ареалы, которые надо лишь научиться «читать».

Таким образом, лингвистическая карта несет в себе уникальную информацию, которая еще только начинает изучаться. В этом отношении прием рекартографирования дает исследователю возможность точнее и надежнее описать лексический материал в пространственном и временном аспекте. Именно поэтому Общеславянский лингвистический атлас является бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и диалектов. Дальнейшая публикация Атласа будет иметь своим итогом в будущем полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн 1986 — *Бернштейн С. Б.* Размышления о славянской диалектологии // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория possessивности. М., 1986.
- Бородин 1966 — *Бородин М. А.* Проблемы лингвистической географии. М., 1966.
- Гриценко 1993 — *Гриценко П. Е.* На подступах к объясняющей лингвогеографии // Арэалогія. Праблемы і дасягненні. Київ, 1993.
- Степанов 1975 — *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.

Г. П. Пилипенко
(Москва)

Языковая компетенция билингвов и культурологический аспект двуязычия

Общеизвестно, что языковая компетенция билингва является всесторонней характеристикой владения каждым из языков. Анализ лингвистических концепций, посвященных данной проблеме, выявил, что область языковой компетенции билингвов включает в себя широкий спектр взаимосвязанных тем: от вопроса степени владения языками, многогранности языка, ситуативно-культурной системы и лингвистической составляющей знания языков до рассмотрения феноменов смешанной и второязычной речи¹. Естественно, что при таком подходе проблемы соотношения языка и культуры не могли остаться в стороне. Органическая связь языковой компетенции и соотношения языка и культуры при двуязычии проявляется в признании роли культурных реалий и ситуаций при определении полноты языковой компетенции, а также в оценочном подходе к билингвизму, как воплощению определенных культурных форм.

Степень владения языком оказывается важным критерием в общей теории двуязычия. Одни ученые считают, что возможно достичь свободного и равного владения языками при билингвизме². Индикатором совершенного знания при этом должно служить отсутствие интерференции, которую необходимо искоренять, постоянно улучшая свои языковые навыки. А. Мартине, напротив, отвергает принцип совершенного владения³. Даже на одном языке нельзя говорить в совершенстве, поскольку «язык представляет собой совокупность миллионов микромиров»⁴. Трактовка феномена двуязычия, по которому билингвом может считаться человек, в одинаковой степени владеющий двумя языками, вероятно, является идеалом, к которому необходимо стремиться.

Стоит отметить и те определения, в которых нет упоминания о том, на каком уровне должно быть знание языков, однако в этих определениях четко обозначен приоритет: достижение взаимопонимания. Так, Л. В. Щерба писал: «Под двуязычием подразумевается способность тех или других групп населения объясняться на двух языках»⁵. На наш взгляд, здесь возникает определенное противоречие. Можно достичь взаимопонимания, даже не владея другим языком, как в случае с близкородственными языками. Носители чешского и словацкого языков могут общаться без изменения

каждым из них своей речи. Возникающее явление будет удовлетворять одному критерию — установлению взаимопонимания, тем не менее, подобную практику вряд ли можно назвать билингвизмом. В лингвистической литературе такие случаи получили обозначение как дуалингвизм⁶.

Умение распознать ту или иную ситуацию, приспосабливаться к новым обстоятельствам, а следовательно, при учете меняющихся условий производить правильный отбор языковых средств можно считать успешным проявлением коммуникативной компетенции. Лингвисты понимают коммуникативную компетенцию как совокупность лингвистических и экстралингвистических признаков⁷. Д. Хаймс в частности полагает, что помимо владения словарем и грамматикой важную роль играет коммуникативная компетенция, т. е. знание о том, в каких условиях употребляются определенные слова и конструкции. Ведь очевидно, функционирование языка в обществе всегда многослойно, что обусловлено широким диапазоном внеязыковых ситуаций. В словенском языке, например, наблюдается четкое разграничение между литературным и общеразговорным языком, при этом в люблянском койне варьирование элементов из разных подсистем языка (социальные и территориальные диалекты, литературный язык) зависит от ситуации общения⁸. Получается, что каждой ситуации соответствует определенное языковое поведение. В отдельных работах данное языковое поведение и умение получило название «ситуативной грамматики»⁹. В качестве иллюстрации понимания коммуникативной компетенции двуязычного индивида можно привести следующую цитату: «Владение языком подразумевает не просто знание второго языка, а способность мобилизовать это знание при выполнении определенных коммуникативных задач в определенных контекстах и ситуациях»¹⁰. Например, знание таких польских формул-обращений как *Wasza Świątobliwość*, *Wasza Eksceleńcja* (обращение к священнику), *Wasza Wysokość* (обращение к монарху) не гарантирует их правильного употребления в речи билингва, для которого польский язык второй.

Понятно, что одного знания языковой системы недостаточно. Владение языком предполагает знакомство не только с возможными ситуациями общения, но и с культурными реалиями народа, исконных носителей, поскольку в языке выражены особенности материальной и психической деятельности разных языковых коллективов. Зачастую сами высказывания и языковые ситуации являются производными из культурных особенностей народа. Так, известно, что у сербов *кафа се пече* («кофе варят»), а у *затвору се лежи* («в тюрьме сидят»). Различие в системе понятий, культуре, нормах общения, обязательно должно быть включено в программу обучения иностранному языку¹¹. Нам представляется, что знание культурных реалий и владение ситуативной грамматикой, в процессе освоения нового языка находятся на одном полюсе в противовес расположенной на другом полюсе языковой системе. Но все же ситуативная грамматика и культур-

ные реалии наполнены языковыми средствами выражения, и поэтому вряд ли возможно их отдельное существование. Некоторым исследователям процесс взаимопроникновения культур мыслится как единое целое¹². В случае контактирования разных культур, а следовательно, языков, их носителей, возникает «ситуационная интерференция» (по другой терминологии культурная¹³ либо лингвострановедческая интерференция¹⁴). Из-за пропуска полнозначного глагола фразу на сербском языке *A biste li sa mnom?* («Вы хотели бы со мной...») трудно понять вне контекста. Может подразумеваться почти любое действие: *ишли у кафану*, *попили сок*, *гледали филм* («пойти в кафе», «выпить сок», «посмотреть фильм») и т. д. Поэтому человек, владеющий сербским языком как вторым, может оказаться в сложной ситуации, поскольку возникает непонимание. Таким образом, билингв должен соотносить собственное речевое поведение с особенностями другой культуры.

Однако не менее важным является владение грамматической правильностью речи, без чего не может быть полной языковой компетенции. Любое знание ситуаций и контекстов употребления определенных языковых конструкций может быть сведено на нет неудовлетворительным знанием грамматики. Если в речи индивида допускается много неточностей, затрудняющих общение, то ситуативная грамматика и лингвострановедческие особенности отступают на второй план, поскольку первичное свойство акта коммуникации — понимание производимой информации — невозможно ввиду незнания языковой системы. Понимание неисконной речи на славянских языках может нарушаться из-за неудовлетворительного владения системой склонения имен (кроме болгарского и македонского языков) и видо-временными формами глаголов. Поэтому отдельные лингвисты выдвигают на первое место грамматическую правильность как главное звено в определении коммуникативной компетенции билингва¹⁵.

Чтобы продолжить рассуждения о соотношении лингвистического и ситуационно-культурного аспектов, необходимо вернуться к проблеме степени владения языками при билингвизме. Невьясненным остается вопрос о пределах данного знания. Так, утверждается, что степень знания неродного языка определяется диапазоном и интенсивностью взаимодействия индивида с другой языковой средой, а не наоборот¹⁶. Знание сербского языка воеводинскими венграми напрямую зависит от характера контактов с сербским населением. В местах компактного проживания венгров использование сербского языка происходит в меньшей степени, чем в крупных населенных пунктах. Однако даже в ситуации «островного проживания» меньшинства на сохранение родного языка либо на совершенствование второго языка влияет позиция самого билингва. Среда, языковая ситуация, безусловно, оказывают воздействие на изменение языкового поведения двуязычных индивидов; тем не менее решающая роль в этом вопросе принадлежит именно индивиду. Так,

когда изменился статус сербско-хорватского языка в Словении, словенцы не перестали пользоваться этим языком. Уровень владения сербско-хорватским языком, как и прежде, зависит от индивидуального подхода билингвов.

Так возможно ли полное владение двумя языками? Ответ здесь очевиден: владение двумя языками в равной степени превышает психические возможности обычного человека¹⁷. И здесь необходимо учитывать многослойность языка. В этой связи следует согласиться с мнением тех ученых, которые рассматривают язык как множество кодовых репертуаров, что соответствует состоянию внутреннего членения одного языка¹⁸. Об уточнении самого понятия «язык» в теории билингвизма в связи с многочисленными формами проявления языка писал Ю. Д. Дешериев¹⁹.

Действительно, трудно представить себе человека, который на любом языке владеет в совершенно одинаковой степени терминологией из технической и гуманитарной научных сфер, различными формами просторечия, диалектами и жаргоном. Об иллюзорности единообразия языка писал в свое время Р. Якобсон: «Любой общий код многоформен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции сообщения, адресата и отношений между собеседниками»²⁰. В результате каждый индивид, исходя из потребностей общения и рода деятельности, формирует свой идиолект, отличный от идиолекта другого индивида. Вероятно, понятие «владение языком» должно включать в себя ядро, которое **понятно** всем членам данного языкового коллектива и которое не предполагает осведомленность в узкоспециальных областях знания или в социально окрашенных подсистемах. Отдельные лингвисты в центр ставят «общеупотребительную устную и письменную формы литературных языков»²¹. Так, если индивид говорит на украинском языке, однако в то же время он не понимает карпатские говоры и не владеет медицинской терминологией, то он все равно попадет в категорию людей, владеющих украинским языком. Так как основные знания усвоены, всегда существует возможность расширить свой кругозор за счет других подсистем языка. Поскольку в многонациональном обществе социально-коммуникативную систему могут образовывать разные языки, то коммуникативные функции у языков часто не совпадают, их функции разделены²². Для ситуаций смешанного билингвизма (с пересекающимися функциями) можно предположить удвоение подсистем в каждой области. В действительности большее распространение имеет асимметричный билингвизм²³, когда владение языками осуществляется не в одинаковой степени, т. е. не для каждой подсистемы одного языка имеется точное соответствие в содержании аналогичной по функции подсистемы в другом языке, и не каждая подсистема одного языка будет иметь параллель в наборе подсистем другого языка. Полностью можно согласиться с мнением тех исследователей, кто рассматривает степень владения языком в плоскости подсистем (они используют выражение «аспект»):

«Более вероятно найти тех (билингвов), компетентность которых в *некоторых аспектах* больше в языке А, а в других аспектах — в языке В»²⁴. Прекмурские венгры используют словенский язык на работе, частично в административных учреждениях. Общение в этих ситуациях на венгерском языке для них затруднительно, поскольку отсутствует опыт использования венгерских аналогов словенских терминов. Напротив, в условиях домашнего общения активно употребляется родной венгерский язык (если не рассматривать ситуацию смешанных браков)²⁵.

Статус второязычной речи и смешанной речи представляет собой функциональную сторону проблемы языковой компетенции, т. е. функционирование этих языков в практике двуязычных индивидов. Чем считать многочисленные случаи существования и реализации еще одной языковой системы в репертуаре индивида? Всеми признается, что сосуществование в сознании человека более одной языковой системы является основным в плане отнесения того или иного индивида к билингам. Способ и условия функционирования языков при этом могут приобретать второстепенную роль. Речь на втором языке (Я2) при определенных параметрах оказывается дополнительной формой существования данного языка, и нужно подчеркнуть — самостоятельной, при наличии также одноязычных носителей на Я1 и Я2 (Ситуация А). Иную конфигурацию приобретает модель, когда речь на Я1 обязательно сопровождается владением Я2, т. е. одноязычных на Я1 не существует (Ситуация В). Иллюстрацией выше приведенных моделей могут служить ситуации русско-польского билингвизма, когда существуют носители только русского и только польского языков, и русинско-сербского билингвизма, когда носители русинского языка являются только двуязычными.

Проблема второязычной речи тесно смыкается с определением степени владения языком. Думается, что по сравнению с монолингвом речь билинга на Я2 или Я1 будет менее разнообразной именно из-за непропорциональности усвоения и использования одного из языков. Естественно, что удельный вес одного и второго языков будет различным в ситуации А или В. В работах Л. Селинкера для определения компетенции билингвов на неродном языке были предложены понятия «интерязык» и «аппроксимативные системы языка»²⁶. Эта система, или по другой терминологии «промежуточный язык», может формироваться как в естественной, так и в учебной среде²⁷. Так, в процессе изучения македонцем сербского языка вначале формируется приблизительная сербская реализация мыслей македонца, затем сербский язык совершенствуется и стремится уподобиться сербскому языку монолингва. Что касается ситуаций недостаточного владения вторым языком (чаще всего в условиях естественного общения), может использоваться обозначение «пиджин». Немецкий язык югославских, итальянских и испанских рабочих в ФРГ определяется как Pidgin-Deutsch²⁸. Однако нам представляется подобное наименование не вполне удачным

из-за того, что с термином «пиджин» ассоциируются другие языковые ситуации. Попытки же отдельных ученых распространить термин «пиджин» на такие идиомы как *трасянка* или *суржик*²⁹ решительно отвергаются лингвистами, предлагается понятие «интерязык»³⁰.

Особый интерес в этой связи приобретает вопрос смешанных текстов, порождаемых билингвами. Р. Т. Белл отмечает значение данного явления, ведь «теория компетенции билингвов базируется на понятии смешения двух или более языков»³¹. В речи на одном из языков, не обязательно на втором языке, между носителями может осуществляться общение с привлечением большого количества иносистемного языкового материала. Определенные затруднения вызывает классификация полученных высказываний, поскольку не всегда бывает понятно, какому языку принадлежит тот или иной смешанный текст. Приведем пример из речи петербургских немцев, который находим в работах Л. В. Щербы на эту тему: *bring die банка mit варенье von der полка im чулан*³². Сам лингвист называл это высказывание анекдотическим. Автор определяет данную фразу как немецкую, поскольку считает, что речь принадлежит тому языку, на котором выражены грамматические связи. Действительно, фраза построена с использованием грамматических элементов немецкого языка, однако все существительные — из русского языка. Но даже если здесь функционирует немецкая грамматика, она все равно подчиняется особенностям русского языка. Согласование происходит по роду русских существительных, а не по немецким аналогам, ср.: *die Kammer* (ж. р.) — чулан (м. р.)³³. Подобные высказывания могут создаваться только в определенной языковой среде, где распространено владение двумя языками. Массу подобных примеров находим в лингвистической литературе. Так, в речи прекарпатских венгров зафиксировано следующее высказывание: *Az obcsinska izobrazsevalna szkupnoszton kértém egy potrdilot*³⁴ («В районном управлении образования я запросил справку»). Интересен пример хорватско-исторорумунского билингва: *ne samo io, nego više ljudi* («не только я, но и другие»)³⁵. У воеводинских болгар заметно влияние сербских лексических и грамматических элементов: край *августа почетком септембра ѝ бло берба* («в конце августа — начале сентября собирали урожай»), *куи сь се дугодил стварно* («то, что действительно произошло»), *нек нут не блу струя* («случается, что не бывает электричества»)³⁶. Отмечается, что помимо лексических сербизмов используются сербские грамматические формы, например перфект, либо появляются отдельные падежные формы. В диалектах Закарпатья также встречаются подобные примеры: *Твуй легінь казаў, шо мулатуйте без нього*³⁷ («Твой парень сказал, чтобы вы веселились без него»). Последняя фраза интересна еще тем, что здесь мы сталкиваемся с переносом (трансфером) калькированного значения венгерского оборота *hogy* + повелительное наклонение, соответствующего русским придаточным предложениям

цели с союзом *чтобы*. Несмотря на присутствие иносистемных элементов, с точки зрения грамматики и синтаксиса приведенные выше примеры будут считаться венгерскими, хорватскими, болгарскими и закарпатскими. Причина создания таких текстов некоторыми учеными видится в недостаточном владении языками, заметное влияние может оказывать уровень образования билингва³⁸. Наверное, здесь действует психологическая установка: такие высказывания допускаются в кругу билингвов, которые все равно поймут, о чем идет речь; нет смысла контролировать себя. Кроме того, это облегчает общение. В этой ситуации все члены данного языкового коллектива принимают такое языковое поведение. Между тем общение с монолингвами на том или ином языке будет происходить по другим правилам и с большей степенью контроля. Так, венгр из Воеводины с сербом из Белграда будет общаться на несмешанном сербском языке, с венгром из Будапешта — на несмешанном венгерском языке; для общения же с венграми из Сербии будет использована смешанная речь (по всей видимости, ее использование зависит от ситуации официального/неофициального общения).

Г. Пауль полагал, что каким бы интенсивным ни было смешение языков, билингв отдает себе отчет в том, на каком языке он говорит в данный момент³⁹. Е. М. Верещагин объясняет принадлежность речи определенному языку самой социальной природой языка⁴⁰, поскольку речь обязательно фиксируется как принадлежащая тому или иному языку. П. Ауэр, напротив, утверждает, что во многих случаях невозможно определить принадлежность высказывания⁴¹. Однако в разных работах критерии отнесения фразы к тому или иному языку либо отсутствуют, либо определяются для каждого конкретного случая.

Соотношение смешанной и второязычной речи билингвов проявляется в том, что оба явления связаны между собой через речь на неродном языке: второязычная речь — уже по своему названию, смешанная речь — по своим особенностям функционировать как на основе первого, так и на основе второго языка. Речь на втором языке в свою очередь может быть также смешанной, особенно при недостаточном владении языком и в ситуациях, допускающих общение на таком уровне. Например, речь словенца на сербском языке может быть пересыпана словенскими элементами, подобная ситуация возможна при общении словенца на сербском языке в обществе неисконных носителей, носителей сербского языка как второго. Естественно, это вовсе не означает, что смешанной не может быть речь на первом языке, что особенно проявляется в условиях неасимметричного двуязычия. Например, родной язык порабских словенцев переполнен заимствованиями из венгерского языка.

Языковая компетенция носителей зависит также от языковых ситуаций. Известно, что язык, функционирующий в ситуации билингвизма, в условиях других государственно-территориальных образований спосо-

бен приобретать те особенности, которые будут отличать его от ситуации функционирования в монолингвальном обществе и в метрополии. С данной проблемой связан статус национально-территориальных вариантов языков. Испанский, французский, английский языки, имеющий общую шкотавскую диалектную основу язык сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев представлены в разных странах в формах национальных вариантов.

Значение этого вопроса велико и для русского языка. Существование территориальных и региональных разновидностей русского языка связано с множеством проблем. Статус русского языка в бывших республиках СССР изменился относительно недавно, временная дистанция еще небольшая для каких-либо выводов. Возникает также вопрос, стоит ли рассматривать русский язык русских и представителей других национальностей в определенном регионе отдельно или во взаимосвязи. Кроме того, необходимо исследовать русский язык в самой России, в национальных республиках и автономиях. Некоторыми учеными высказывается мнение, что необходимо изучение русского языка в разных регионах, а также что следует признать вариативность региональных разновидностей русского языка на всех уровнях⁴². Прежде отмечалось, что существует только один вариант русского языка, у представителей других национальностей фиксировалось лишь наличие национальных вариантов русской речи⁴³, однако признавалось, что у каждой нерусской народности «имеется особое лингвистическое лицо». Нормы русского языка в этом случае признаются едиными и обязательными для всех. Локальные особенности языков, будь то русский, польский, сербский, проистекают из реалий конкретной среды, которые накладывают свой отпечаток на функционирование языков. Думается, что в польском языке возможно появление такого рода вариантов на основе разновидностей в Белоруссии, на Украине и в Литве (на основе *polszczyzny kresowej*).

Важно также понимать, что развитие подобных вариантов языка характерно не только для языков с высоким международным престижем и обширной территорией распространения. Это в равной мере относится ко всем языкам и языковым ситуациям, в том числе к ситуациям в славянском мире: болгарский язык на Украине, словацкий язык в Сербии, славянские языки в странах Северной и Южной Америки и т. д. потенциально способны «подрasti» до статуса вариантов, делая акцент на локальных особенностях.

За каждым языком стоит культура народа, материальные и духовные ценности народа создаются через язык и преломляются в языке. В связи с этим возникает вопрос: влечет ли за собой усвоение нового языка усвоение новой культуры? Всегда ли так происходит и какие существуют модели отношения между языком и культурой, между языками и культурами при

двуязычии? Так, А. Дибольд связывает любой языковой контакт с культурным контактом⁴⁴. А. Рот прямо говорит, что при изучении другого языка человек включается в другую культуру⁴⁵. Мнение канадских ученых М. Сигуана и У. Ф. Макки также схоже с вышесказанным: с усвоением нового языка человек получает возможность интегрироваться в другую культуру, поскольку язык — форма выражения культуры⁴⁶.

На сегодняшний день в науке наибольшее распространение получила следующая модель соотношения двуязычия и культуры: один язык может обслуживать множество разных этносов, каждый из которых обладает неповторимой культурой; в свою очередь множество языков может быть представлено в одном этносе и, соответственно, культура одного народа создается одновременно на этих языках⁴⁷. На наш взгляд, данную модель можно проиллюстрировать следующими примерами. В период существования официального единого сербско-хорватского языка он обслуживал потребности разных народов, обладающих самобытной культурой: сербов, хорватов, боснийцев, черногорцев, а также многочисленных национальных меньшинств. Столь различные культурные традиции, как православная, католическая и мусульманская, были объединены одним языком. Обратную ситуацию наблюдаем на Украине, когда украинская культура создавалась на нескольких языках, в том числе на украинском и русском (можно вспомнить творчество Т. Г. Шевченко). При этом только русский язык вследствие своего распространения за пределами России в данной ситуации не всегда выполняет этнорепрезентативные функции. Словацкая культура также формировалась на двух языках — словацком и чешском (например, творчество Я. Коллара). По всей видимости, билингв не обязательно овладевает второй культурой, тем не менее при языковых контактах индивид сталкивается и с культурным контактом, что накладывает отпечаток на его языковое поведение⁴⁸. В случаях однозначного соответствия одного языка одной культуре определяющим звеном в паре язык–культура будет являться культура, а не язык, поскольку при изменении культуры чаще всего меняется язык⁴⁹. С нашей точки зрения, первенство культуры выводится здесь из логической последовательности: язык — форма выражения культуры. Однако можно привести и обратные примеры: так, кочевники-венгры восприняли славянскую земледельческую культуру, вместе с этим — многие элементы быта славян, однако смены языка не произошло, наоборот, славяне Паннонии были ассимилированы и восприняли венгерский язык.

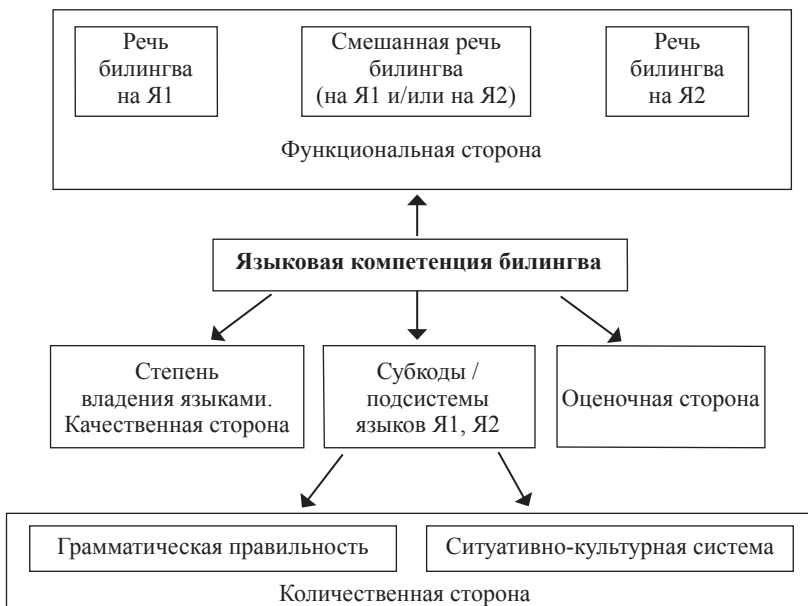
Взаимоотношение двуязычия и культуры с позиций положительного или отрицательного воздействия билингвизма также заслуживает рассмотрения. Высказывается мнение о связи двуязычия с некультурностью, бедностью и неспособностью интегрироваться в цивилизованный мир⁵⁰. С нашей точки зрения, данная позиция выглядит несостоятельной: инди-

вид, владеющий несколькими языками, **потенциально** более открыт к восприятию других традиций и культур и обладает большими возможностями в коммуникации по сравнению с монолингвами. Словенцы в Италии могут использовать возможность культурного контакта для приобщения одновременно к двум культурам — словенской и итальянской. Бескультурье билингва не вытекает из того факта, что он владеет несколькими языками, и вряд ли поведение билингва будет чем-то отличаться от поведения монолингва. Низкий социальный статус некоторых групп билингвов часто связывают с недостаточным владением как первым, так и вторым языком. Так, считается, что на Украине результатом двуязычия, недостаточного овладения русским и украинским языками, является суржик, в котором «русские и украинские языковые элементы сплелись стихийно в единое целое чаще всего при украинской фонетической основе»⁵¹.

Следовательно, основная опасность для двуязычного индивида заключается в неудовлетворительном владении двумя языками, что дает некоторым исследователям повод говорить об отсутствии общей культуры у билингвов и, в частности, об отсутствии культуры речи. С другой стороны, сама ситуация двуязычия располагает к появлению смешанных форм речи. Тем не менее говорится, что наличие смешанной речи ведет к снижению социального статуса самого билингва. В связи с этим распространяется убеждение, что двуязычие вредно⁵². Нормальным и естественным состоянием человека в таком случае провозглашается монолингвальное⁵³. Л. В. Щерба возражал против подобного подхода, по его мнению, действительно происходит некоторое торможение по отношению к иностранному языку со стороны родного языка, однако оно не является страшным, поскольку это естественная трудность при постижении другого языка либо же в случае неравномерного использования двух языков⁵⁴. Аргументом в пользу положительного характера билингвизма могли бы служить также многочисленные исследования, эксперименты, доказывающие превосходство в умственном развитии именно билингвальных индивидов. Другие же исследования билингвов демонстрируют противоположный результат: снижение мыслительной способности человека⁵⁵. Происходит это из-за постоянной подверженности интерференции, что провоцирует билингва на бесконтрольное употребление в одном из языков либо в обоих языках иносистемных элементов. И этот процесс вызывает разные оценки. В одном случае (применительно к русской речи русских в Литве) оценка этому процессу дается положительная, говорится про обогащение русского языка за счет литуанизмов⁵⁶, в другом случае — данный процесс вызывает скептическую реакцию⁵⁷. На наш взгляд, стоит согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что невозможно дать ответ о вреде или о пользе двуязычия. Все зависит от социально-экономических условий среды и индивидуальных способностей человека. Двуязычие может давать положи-

тельный, отрицательный или нейтральный эффект; все зависит от условий, при которых человек стал двуязычным⁵⁸.

Таким образом, составные элементы проблемы языковой компетенции билингвов можно представить в схеме (см. ниже): степень владения языком оказывается качественным параметром языковой компетенции, так как определяет уровень знания. Коммуникативная компетенция является количественной стороной языковой компетенции, поскольку характеризует владение некоторым количеством подсистем языка, представляющих единство грамматического и социокультурного компонентов, это количество подсистем и определяет коммуникативную компетенцию билингва. Смешанная и второязычная речь (а также речь на Я1) является функциональной стороной языковой компетенции, так как представляет процесс функционирования родного и второго языков билингва в его речевой практике. И, наконец, оценочная сторона языковой компетенции, в которой задействована культурная составляющая. Очевидно, что оценка билингвизма как феномена зависит от оценки языковой компетенции двуязычного индивида. А по степени развитой речи можно судить об общем культурном уровне, о преимуществах или недостатках билингвизма в целом. Одновременно вопросы взаимосвязи культуры и языка при билингвизме строятся по модели: один язык — много культур, много культур — один язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Термин «второязычная речь» заимствован из работы: *Багиров Х. З.* Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). Майкоп, 2004. http://agulib.adygnet.ru/el_res/bagirokov/3/untitled-7.htm. Автор использует данный термин для характеристики речи адыгейцев, говорящих по-русски. В качестве синонимичного обозначения в лингвистической литературе употребляется термин «речь на втором языке».
- 2 *Рейцак А. И.* О некоторых возможностях интерференции на лексико-семантическом уровне // Методологические проблемы билингвизма. М., 1971. С. 74.
- 3 *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 523.
- 4 *Мартине А.* Предисловие // *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев, 1979. С. 18.
- 5 *Щерба Л. В.* К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 313.
- 6 *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика. М., 2001. С. 58.
- 7 *Крысин Л. П.* Владение языком: лингвистический и социокультурный аспект // Язык–культура–этнос. М., 1994. С. 66–78.
- 8 *Макарова И. Д.* Особенности языковой интеграции в люблянском городском койне // Глобализация–этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006. Кн. II. С. 19–210.
- 9 *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика. С. 68.
- 10 *Залевская А. А., Медведева И. Л.* Психоллингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь, 2002. С. 9.
- 11 *Щерба Л. В.* К вопросу о двуязычии. С. 316.
- 12 *Els O.* Situationale Interferenzen und Kommunikationskonflikte // Europäische Mehrsprachigkeit. Festschrift zum 70. Geburtstag von Mario Wandruszka. Tübingen, 1981. S. 107.
- 13 *Darbelnet J.* Le bilinguisme // Le français en contact avec l'anglais en Amérique du Nord. Québec, 1976. P. 43–44.
- 14 *Дешериева Ю. Ю.* Проблемы интерференции и языкового дефицита (на материале русской речи носителей английского языка). Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1976. С. 14.
- 15 *Иванов В. В., Иванова В. А.* Грамматическая интерференция и проблемы культуры русской речи // Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М., 1990. С. 12.
- 16 *Никольский Л. Б.* Синхронная социоллингвистика (Теория и проблемы). М., 1976. С. 92.
- 17 *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. М., 2000. С. 170.
- 18 *Белл Р. Т.* Социоллингвистика. Цели. Методы и проблемы. М., 1980. С. 152
- 19 *Дешериев Ю. Д.* Введение // Развитие национально-русского двуязычия / Отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М., 1976. С. 11.
- 20 Цит. по: *Крысин Л. П.* Речевое общение в лингвистической и социально-неоднородной среде // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000. С. 5.

- 21 *Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф.* Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 34–35.
- 22 *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. С. 25.
- 23 *Протасова Е. Ю.* Как языки формируются, когда их два // Русский язык вне России. Сборник материалов по итогам Берлинского педагогического форума (июнь). М., 2005. С. 65.
- 24 *Сигуан М., Макки У. Ф.* Образование и двуязычие. М., 1990. С. 20.
- 25 *Bernjak E.* Slovenščina in madžarščina v stiku. Maribor, 2004. S. 11–56.
- 26 *Kaczmarek P. St.* Wstęp do bilingwalnego uczenia nauki języka obcego. Warszawa, 1988. S. 21
- 27 *Залевская А. А., Медведева И. Л.* Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. С. 61.
- 28 *Pandžić M.* Interferenzen im Deutschen und im Serbokroatischen der Kinder Jugoslawischer Arbeitnehmer in der Bundesrepublik Deutschland. Fehleranalyse und didaktische Übungen. München, 1992. S. 14, 15.
- 29 Суржик — разговорная форма языка на Украине; в качестве грамматической основы чаще всего выступает украинский язык при большом количестве русизмов (*Мельник Ю. В.* Языковая ситуация на фоне глобализации в Украине и в среде постсоветских эмигрантов // Глобализация-этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006. Кн. I. С. 351–354; *Останчук О. А.* Языковое варьирование как фактор внутренней динамики в современном украинском языке: уровни и способы манифестации // Глобализация-этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006. Кн. II. С. 214–215). Трасянка — разговорная форма языка в Белоруссии; в качестве грамматической основы чаще всего выступает белорусский язык при большом количестве русизмов. Вряд ли можно рассматривать суржик и трасянку как интерязыки, т. е. как «недоученные». Приобщение к суржику происходит изначально, это первый языковой код индивида. Затем, в зависимости от ситуации общения, уровня образования, знания языков и т. д., эти идиомы могут не использоваться либо же использоваться в определенной степени. Усвоение нормы двух (или одного) из языков (белорусский/русский, украинский/русский) происходит впоследствии, когда основные навыки подобной «смешанной» речи уже сформировались. Процесс обучения происходит уже *post factum*.
- 30 *Hentsch G., Tesch S.* О лингвистическом статусе трасянки // Микроязыки. Языки. Интерязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / Под. ред. А. Кюннапа, В. Лефельда, С. Н. Кузнецова. Тарту, 2006. С. 262.
- 31 *Белл Р. Т.* Социолингвистика... С. 209.
- 32 *Щерба Л. В.* О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 72.
- 33 По всей видимости, здесь мы сталкиваемся с примером, когда эти элементы принадлежат одновременно двум языковым системам, см.: *Васильева С. Г.* Разноязычие («смешанная речь»): диалектика явления и сущности. Казань, 1999.
- 34 *Bernjak E.* Slovenščina in madžarščina v stiku. S. 52.

- 35 *Sârbu R.* Истрорумынский диалект сегодня // Микроязыки. Языки. Интер-языки... С. 481.
- 36 *Бечева Н.* Сръбски влияния в говора на павликянците във Войводина // В търсене на смисъла и инварианта. Сборник в чест на проф. Дина С. Станишева. София, 2008. С. 72–74.
- 37 *Rot A. M.* A magyar nyelv fejlődése. A magyar keleti szláv nyelvi kapcsolatok. Київ; Ужгород, 1968. С. 264.
- 38 *Земская Е. А.* Особенности русской речи эмигрантов 4-й волны // Русский язык вне России... С. 35.
- 39 *Пауль Г.* Смешение языков // Принципы истории языка. М., 1960. С. 461.
- 40 *Верецагин Е. М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М., 1969. С. 15.
- 41 *Hentsch G., Tesch S.* О лингвистическом статусе трасянки... С. 268.
- 42 *Крысин Л. П.* О некоторых особенностях двуязычия при близком родстве языков // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. С. 157.
- 43 *Михайлов М. М.* Двуязычие в современном мире. Чебоксары, 1988. С. 47.
- 44 *Багировов Х. З.* Билингвизм... http://agulib.adygnet.ru/el_res/bagirokov/3/untitled-1.htm
- 45 *Rot A. M.* A magyar nyelv fejlődése... 171. о.
- 46 *Сигуан М., Макки У. Ф.* Образование и двуязычие. М., 1990. С. 27
- 47 *Нецименко Г. П.* Язык и культура в истории этноса // Язык–культура–этнос. М., 1994. С. 78–98.
- 48 *Els O.* Situationale Interferenzen und Kommunikationskonflikte. S. 105.
- 49 *Верецагин Е. М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия. С. 131.
- 50 *Аллатов В. М.* Зарубежная социоллингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств // Речевое общение в условиях в условиях языковой неоднородности. С. 195.
- 51 *Франко З. Т.* Влияние русского языка на украинский язык // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969. С. 129.
- 52 *Rot A. M.* A magyar nyelv fejlődése... 167–169. о.
- 53 *Литвинов В. П.* Переход к двуязычию в процессе освоения иностранного языка и значение курса сравнительной типологии // Психологические проблемы билингвизма. Калинин, 1976. С. 11.
- 54 *Щерба Л. В.* К вопросу о двуязычии. С. 316.
- 55 *Сигуан М., Макки У. Ф.* Образование и двуязычие. С. 109.
- 56 *Жаркова А.* Родная речь русских в Литве (Проблема нормированности) // Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Тарту, 2000. С. 47–53.
- 57 *Авина Н.* Язык русской диаспоры в современной Литве // Отечественные записки. М., 2005. <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1048>
- 58 *Аллатов В. М.* Зарубежная социоллингвистика о проблемах двуязычия... С. 195.

И. М. Ганжина
(Тверь)

Средневековые антропонимы в контексте народной культуры: прозвища, отражающие отношение человека к труду

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к русским фамилиям и лежащим в их основах прозвищам, расценивая их и как памятники культуры и истории русского народа, и как свидетельства определенной эпохи, и как памятники языка, способные вбирать в себя и консервировать явления, актуальные для какого-либо исторического момента.

Прозвища, в том числе и вычленяемые из состава фамилий¹, отражают общий мировоззренческий охват жизни. Возникшие в повседневном быту и отразившие народные представления и понятия, они выражают общее понимание высоких нравственных принципов, на которых должен зиждиться уклад жизни, отношения людей, семейные порядки. В силу этого прозвища являются образным выражением нравственного и этического кодекса.

Во все времена люди обращали внимание на чужие недостатки, вредные привычки, отрицательные черты характера или же, наоборот, отмечали достоинства человека. Трудолюбие, аккуратность, честность и другие качества в прошлом очень ценились и считались нравственными достоинствами; с другой стороны, отрицательные черты: болтливость, лень, хвастовство и т. п. — естественно, обсуждались и осуждались. Таким образом, прозвища как бы выворачивали наизнанку все лицемерные пороки человеческого существования.

Морально-этический климат древнерусского и средневекового общества оказал огромное влияние на формирование прозвищ, легших в дальнейшем в основу фамилий. Так, например, всегда в центре всеобщего внимания находились люди, уклоняющиеся от общественно полезной деятельности, ленивые и нерадивые. Огромное число прозвищ выбранной нами лексической группы свидетельствует о том, что отношение человека к труду было очень важным показателем, и именно трудолюбие являлось мерилom достоинства человека. Едкими прозвищами общество награждало тунеядцев и ленивцев, а затем эти именованья закреплялись и за их потомками.

Тверские памятники письменности² фиксируют целый ряд прозвищ со значением «ленивый человек, бездельник»: *Байда* < *байдать* — «без-

дельничать, тратить время попусту, бить баклуши» курск., орл. (СРНГ: 2, 54); ***Болта** (Болтин)³ — ср. однокоренное *болтень* — «бездельник» костр. (СРНГ: 3, 81); ***Валу́й** (Валуев) — ср. в говорах: *вал* — «лентяй, лежебока» костр., волог., новг.; *валу́й* — «неповоротливый, увалень» кур., орл., сиб. (СРНГ: 4, 19); ***Вихля́й** (Вихляев), **Вяхля́й**: *вихля́й* — «ленивый, неуклюжий» новг., волог., тамб.; «лентяй» смол. (СРНГ: 4, 304–305); **Дюк**, ***Дюка** (Дюкин) — ср. диалектное *дюк* — «ленивый, неповоротливый, угрюмый человек» влад., олон. (СРНГ: 8, 303); ***Елец** (Ельцов): в вятских говорах *елец* — «ленивый, толстый человек» (СРНГ: 8, 341); ***Ерик** (Ериков) — ср. однокоренное *ера* — «ерник, плут, бездельник» (Вес., 109); ***Завали́ша** (Завалишин) — ср. слова того же корня в говорах: *завалень*, *завали́ша*, *завалу́га*, *завалу́жка* — об. «увалень, лентяй» (Даль: 1, 558); ***Лежень** (Лежнев): *лежень* во многих говорах — «лентяй, ленивец, лежебок» (Даль: 2, 245; СРНГ: 16, 332); ***Ленко** (Ленков) — ср. однокоренные *лень*, *ленивый*, *лентяй*; ***Лоша** (Лошин): в вологодских говорах родственное *лох* — «лентяй» (СРНГ: 17, 160); ***Мамыш** (Мамышев) — ср.: *мамон* — «лентяй, располневший и разжиревший от безделья человек» волог., *мамоня* — «лентяй, разиня» пск., твер. (СРНГ: 17, 351–352); ***Окоем** (Окоемов): в говорах *окаем* — «сев. вост. негодный, лентяй, туняйд» (Даль: 2, 661); ***Ступи́ша** (Ступишин) — ср. *сту́па* — «лентяй, увалень, тяжелый на подъем человек» (Даль: 4, 349); ***Туры́ль** (Турyleв): в смоленских говорах *тур* — «нескладный, ленивый человек» (КССГ); ***Шата**, ***Шати́ло**, ***Шатун** (Шатин, Шатилов, Шатунов): в архангельских говорах *шат*, *шати́ла* — «тот, кто шатается без дела» (Даль: 4, 623); ***Шемети́ха** (Шеметихин) — ср. однокоренной глагол *шеметать* — «заниматься бездельем, суетиться попусту» (Даль: 4, 128).

На отрицательное отношение человека к труду указывали и прозвища со значением «плохо, небрежно делать что-либо»: ***Варакса** (Вараксин) — ср. во многих говорах: *варакать* — «делать что-либо небрежно, неумело» (СРНГ: 4, 42), *варакаться* — «плохо, дурно работать», *варакса* — «не мастер на дела, чья работа никуда не годна» (Даль: 1, 164); **Варган** < *варганить* — ряз., кур., вор. «делать что кой-как» (Даль: 1, 164); ***Ватола** (Ваголин): диалектное *ватоля* — «плохая пряжа, непряжа; вообще плохой мастер» (Даль: 1, 168) — ср. современные фамилии *Неприн*, *Непрыхин*; ***Гаврень** (Гавренев): *гаврать* — «делать что-либо плохо» орл., ворон., курск. (СРНГ: 6, 84); ***Каверзень** (Каверзнев) — от глагола *каверзать*, *каверзить* — в псковских и смоленских говорах «делать что-либо небрежно, кое-как, без старания» (СРНГ: 12, 292), «вахлять, делать кое-как, копать-ся, ковырять работая» (Даль: 2, 70); **Корена** — В. И. Даль отмечает в вологодских и симбирских говорах глагол *корепать* — «делать неуклюже, неумеючи, грубо» (Даль: 2, 171), *корена* в ряде говоров — «неуклюжий человек, делающий все неловко» (СРНГ: 14, 324); ***Коряба** (Корябин): ди-

алектное *корябить* — «дурно писать» (Даль: 2, 160); *Курап (Курапов) — ср. *курать* — пенз., вят., волог. «кропать, делать кое-как, особ. о шитье и письме» (Даль: 2, 221); *Ломак (Ломаков): в говорах *ломака* — «работник, делающий что-то плохо, грубо» зап., бран. (СРНГ: 17, 116).

Творцы прозвищ категорично относились к людям, уклоняющимся от работы, любящим погулять. Значение «*волокита, гуляка*», вероятно, было свойственно прозвищам *Баланда (Баландин): одно из значений диалектного глагола *баландать* — «тратить попусту время, заниматься болтовней» ворон., яросл. (СРНГ: 2, 73), *баланда* в говорах — «праздный шатун, шлёнда» (Даль: 1, 42); *Бодяга (Бодягин): в говорах *бодяться* — «ходить без дела, болтаться» (СРНГ: 2, 42), *бодяга* — «бродяга, шатун, тунеяд» (Даль: 1, 106); *Болобон: одно из значений слова *болобонить*, легшего в основу прозвища, — «шататься, слоняться, бездельничать» (СРНГ: 2, 67); *Калитник (Калитников): в псковских и тверских говорах *калитник* — «парень, который поджидает зазнобы своей у калиток, волокита» (Даль: 2, 78); *Каталым (Каталымов): возможно, прозвище связано с отмеченными в говорах словами *каталыжничать* — «вести ветреный образ жизни, повесничать» яросл., *каталыжный* — «ветреный человек» яросл., «разгульный, буйный» костр. (СРНГ: 13, 122); **Летюха, *Летяга* (Летюхин, Летягин) — ср. в говорах *летала, летуха, летуша, летач* — «шатун, гуляка, кто мало дома сидит» (Даль: 2, 249), *летущий* — «тот, кто не любит сидеть дома, не занимается делами» арх. (СРНГ: 17, 26); *Лытка: в говорах встречается много однокорневых образований: *лытай, лытало, лыталка, лыталь, лытальщик, лытарь* и др., все они восходят к глаголу *лытать* — «отлынивать от дел, занятий, бездельничать» (СРНГ: 17, 225), «шляться, шататься, скитаться, бегать без дела, проводить время праздно и вне дома» (Даль: 2, 277); *Мельгун (Мельгунов): одно из значений сохранившегося в рязанских говорах слова *мельгун* — «шалун, волокита» (Даль: 2, 317); **Шелыга / Шольга* — ср. диалектное *шалыган* — «нвг., ниж., вор. шатун, бродяга, бездельник, повеса» (Даль: 4, 619).

Известно, что не могут хорошо работать вялые, медлительные люди, и нами зафиксирован целый ряд прозвищ со значением «*неповоротливый, медлительный, нерасторопный*»: *Беклемиш (Беклемишев) — ср. в вятских говорах *беклемеша* — «неуклюжий, неповоротливый человек» (СРНГ: 2, 207); *Валуи (Валуев): в курских, орловских и сибирских говорах *валуи* — «неповоротливый человек, увалень» (СРНГ: 4, 31), в тульских *валуи* — «нерасторопный, неловкий человек» (СРНГ: 5, 76); *Вахро (Вахров) — ср. в нижегородских говорах *вахруля*, в курских *вахрош* — «нерасторопный, неловкий, неповоротливый человек» (СРНГ: 4, 76); *Вихляй (Вихляев): из нарицательного *вихляй* — «ленивый, неуклюжий, неповоротливый человек» новг., волог., тамб., «лодырь, лентяй» смол., «разгильдяй» влад. (СРНГ: 4, 305); *Волнотен: одно из значений нарица-

тельного *волнотеп* в говорах — «ротозей, неповоротливый человек» орл. (СРНГ: 5, 44); **Волокита**: очевидна связь с *волоkitный* — «мешкотный, медленный», ср. в говорах *волоча* — «человек, шатающийся без дела» (Даль: 1, 237); ***Вяхирь** (Вяхирев): в ряде говоров *вяхирь* — «вялый, неуклюжий человек» сарат., пенз., влад. (СРНГ: 6, 81); ***Гузей** (Гузеев): в тверских и пермских говорах *гузать* — «делать что мешкотно, вяло, нерасторопно», ср. с диалектным *гузун*, одно из значений которого — «мешок, нерасторопный работник» (Даль: 1, 406); ***Гундор** (Гундоров): в московских и новгородских говорах *гундора* — «толстый, неповоротливый» (СРНГ: 7, 232); ***Завьял** (Завьялов) < *завьяла* — «об. влд. ниж. человек мешкотный и вялый» (Даль: 1, 564); **Копотя**: возможна связь с *копоткий*, *копотный* — «охотник копать, мешкотный» (Даль: 2, 157), в тверских и псковских говорах *копотун* — «копотливый человек, копун» (СРНГ: 14, 294); ***Модило** (Модилов): в псковских и тверских говорах отмечены однокоренные *модяк*, *модя* — «соня, рохля, ротозей, вялый» (Даль: 2, 238), во многих говорах *модеть* — «корпеть, делать что-либо медленно, вяло» (СРНГ: 18, 197); ***Соня** (Сонин): в диалектах *соня* — «вялый, ленивый спун, кто долее других спит» (Даль: 4, 270); ***Шаня** (Шанин) — ср. в говорах однокоренные *шанить* — «медленно делать» перм., *шанява* в новгородских говорах — «разиня, раззява, ротозей, зеворотый» (Даль: 4, 621).

Однако и излишние **торопливость**, **суетливость** также не входили в ранг достоинств человека, о чем свидетельствуют следующие прозвища: ***Иверень** (Иверенев): в псковских и тверских говорах *иверень* — «о том, кто быстро работает, кто всегда спешит в деле» (СРНГ: 12, 58), «торопыга, кто всегда спешит» (Даль: 2, 6); ***Кропот**, ***Кропота** (Кропотов, Кропотин): одно из значений родственных слов *кропотун*, *кропотуша* — «суетливый, беспокойный» (Даль: 2, 198); ***Крутко** (Крутков) — ср. однокоренные: *крут* — «человек, быстрый в движениях, поспешный в решениях и делах» пск., твер. (СРНГ: 15, 323), *крутный* твр., пск. — «скорый, спешный, торопливый» (Даль: 2, 203); ***Ловчик**, ***Ловяга** (Ловчиков, Ловягин) — в разных говорах отмечены однокоренные слова: *ловчага* об., *ловчак* тул., ниж., *ловчак* пск., твр. — «проворный, бойкий, расторопный», последнее обычно в отрицательном значении — «мошенник» (Даль: 2, 252); ***Матус** (Матусов): *матусить* твр., ряз., тамб. — «суетиться, кидаться без толку взад и вперед» (Даль: 2, 306); ***Рагоза** (Рагозин): в тверских говорах *рагозить* — «возиться и суетиться попусту, ничего не делая путного» (Даль: 4, 7); ***Спеишень** (Спешнев): в древнерусском языке *спех* — «поспешность, торопливость, быстрота» (КДРС), ср. в говорах однокоренное *спеишный* — «торопкий, торопливый, кто всегда спешит, торопится и погоняет» юж., зап. (Даль: 4, 302); ***Суета** (Суетин) < *суета* — «кто без толку суетится, скорый, спешливый, торопыга» (Даль: 4, 357); ***Сутерма** (Сутермин) — ср. *суториться* — «собираться торопясь, суетиться» (Даль: 4, 365); ***Турьль** (Турьлев) — возможно, прозви-

ше связано по значению с диалектным глаголом *турить* — «спешить, торопиться» тамб., костр., волог., вят. (Даль: 4, 443–444); *Шеметиха (Шеметихин) — ср. родственные слова в говорах: *шеметать* — «хлопотать, суетиться по пустякам», *шеметень*, *шеметун* — «хлопотун, суета», *шемета* — «неспокойный человек» (КСРНГ; Даль: 4, 628).

В сущности, лень и небрежное отношение к выполняемой работе влияли на появление у человека дополнительных внешних или внутренних характеристик. Наши примеры показывают, что многие прозвища восходят к словам, имеющим сразу несколько тесно связанных и вытекающих одно из другого значений. Например, прозвище *Оболт* соотносится с диалектными *оболтус*, *оболтень*, *оболдуй*, *оболдоха* — «повеса, невежа, шатун, лентяй, неотесанный, грубый и глупый» (Даль: 2, 566); прозвище *Ляпа (Ляпин) образовано из нарицательного *ляпа* — так в свердловских и пермских говорах называется «нерасторопный, медлительный человек», «сплетник, болтун», а также «неряшливый, глуповатый» (СРНГ: 17, 281); *Ляпун (Ляпунов): *ляпун* в говорах — «кто делает что-либо небрежно, наспех или плохо», «пустомеля, болтун», «обманщик» (там же); *Болт*, *Болта (Болтин) связаны с диалектными *болтень* — «бездельник», «враль, болтун, пустомеля», «тот, кто гуляет, а не работает, слоняется без дела», *болтун* — «лентяй, гуляка, бездельник» (СРНГ: 3, 81–82); *Окоём (Окоёмов): нарицательное *окоём* имеет в говорах значения «негодный, лентяй, тунеяд, обманщик; плут, мошенник; неслух» (Даль: 2, 661) и т. д. На материале нарицательной диалектной лексики, обозначающей отношение человека к труду, М. А. Еремина убедительно показывает, как в традиционном языковом сознании в осмыслении лени просматриваются причинно-следственные отношения, при этом исследователь выявляет множество логических пар: толстяк > ленивый человек; вялый, хилый > ленивец; лентяй > обманщик; лентяй > пьяница; лентяй > гуляка; лентяй > неряха и т. д.⁴ По большому счету, как показывает наш материал, толстый или хилый человек, обжора, пьяница, болтун, глупый, разиня, неряха так или иначе связывались в народном сознании с нежеланием трудиться, и такие дополнительные коннотации нередко можно наблюдать в лексемах, легших в основу прозвищ и фамилий и зафиксированных в говорах. И это не случайно, поскольку «труд, несмотря на все его тяготы, воспринимался в средневековой русской культуре как нравственный императив человеческой жизни, регламентирующий все стороны бытия»⁵.

При этом многие из отмеченных нами прозвищ (а следовательно, и нарицательных существительных, от которых они были образованы) являются региональными, территориально ограниченными: большинство из них не отмечено, например, И. А. Кюршуновой, которая анализировала сохранившиеся в составе антропонимов апеллятивы, указывающие на отрицательное отношение к труду, опираясь на памятники письменно-

сти Карелии⁶. Подключение материалов по другим территориям, а также данные современных русских фамилий значительно расширят исследуемую лексико-семантическую группу, что весьма важно для исторической лексикологии и диалектологии.

К сожалению, настораживают происходящие в сознании людей концептуальные изменения, которые можно заметить при сравнении средневековых и современных прозвищ и которые свидетельствуют об изменении морально-этического климата в обществе. Тот факт, что в собранных нами современных сельских прозвищах не зафиксировано онимов, отражающих отрицательное отношение к туенядцам (более того, отмечено прозвище, осуждающее трудолюбие: *Окаянный* — «так как работал до изнурения»), свидетельствует о смене прежней системы ценностей, где трудолюбие перестало быть критерием нравственности, достоинства человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Материал взят из памятников тверской деловой письменности XVI–XVII вв.: Новгородские писцовые книги. Т. 6. Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910; Писцовые книги Московского государства XVI века / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1877. Ч. 1; *Шумаков С.* Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией. Вып. 1. Акты 1506–1647 гг. Тверь, 1896–1897; *Сторожев В. Н.* Тверское дворянство XVII в. Вып. 2. Тверь, 1893.
- ² При этом нельзя забывать, что многие слова в разных говорах могут иметь разные значения, а отдельные прозвищные онимы могут совпадать с качественными христианскими именами, и мы при анализе рассматриваем лишь один из возможных вариантов объяснения.
- ³ Звездочкой обозначены прозвища, вычлененные из состава фамильных прозвищ (записанных в скобках).
- ⁴ *Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. С. 12.
- ⁵ *Вендина Т. И.* Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007. С. 102.
- ⁶ *Гюриунова И. А.* Как называли лодырей в XV–XVII веках? // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 23–27.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СОКРАЩЕНИЙ

Вес. — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I–IV.

КДРС — Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. Словарный сектор Института русского языка РАН.

КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный сектор Института языкознания РАН.

КССГ — Картотека Словаря смоленских говоров. Смоленский гос. пединститут.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–38. М.; Л. (СПб.), 1965–2004.

Эмигрантский дневник Д. В. Скрынченко

Дмитрий Васильевич Скрынченко (4.10.1874, с. Песковатка Бобровского уезда Воронежской губернии — 30.3.1947, Нови-Сад, Сербия) родился в семье псаломщика, получил образование в Воронежской духовной семинарии и в Казанской духовной академии, стал известным консервативным публицистом. Много лет успешно редактировал «Минские епархиальные ведомости» и «Минское слово». С 1913 по 1919 год он проживал в Киеве, сотрудничал в таких изданиях как «Киевлянин» и «Киев», в конце 1919 г. эмигрировал. В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев он жил в Нови-Саде, преподавал в сербской гимназии и писал для русских и сербских газет. В изгнании он написал воспоминания и вел дневник.

Все постепенно стирается из памяти, а между тем переживаемая эпоха чрезвычайно интересна и через некоторое время разные мелочи жизни, наблюдения, впечатления и т. п. будут очень важны для истории. Писать дневник особенно следовало бы нам, эмигрантам, у которых, в силу пережитых страданий, особенно обострено чутье. Из коротких заметок, листков, разбросанных по разным тетрадочкам, я хотел бы составить нечто последовательное. Но удастся ли мне это сделать, не знаю: я чрезвычайно занят. К тому же много заметок исчезло, особенно тех, которые я писал в Одессе в 1919–1920 гг.

Новый Сад. 19.VIII.1931.

Я покинул Киев и мою семью 22 ноября по нов. ст. Я уехал поездом, который дан был для эвакуации и в том числе для эвакуации сотрудников «Киевлянина». В этой газете мне много раз говорили, что пора подумать об отъезде из Киева с семьей, но как-то не хотелось об этом думать. Мы все еще надеялись... Но вот пришло крушение «белых», и покатились волны беженцев. Я взял с собой одеяло, вязаную курточку, думку и направился в редакцию газеты. Шел снежок. Моя маленькая дочка Марусечка¹ на салазках повезла мои «вещи» со мной в редакцию. Мы попрощались... Дальше сотрудники газеты, во главе с Павлой Витальевной Могилевской², поехали

на вокзал, где получили в поезде два вагона. Уместились, стоим, поезд не идет все, и так до утра... Сколько раз я порывался пойти домой, но пугали, что поезд может отойти каждую минуту.

Итак, я отчалил от Киева, без семьи. Жена³ была нездорова и особенно сын Толечка⁴. Да жена вообще не хотела ехать без своей мамы, а последняя категорически отказалась покинуть Киев; она была того убеждения, что большевики надолго, если не навсегда, воцарятся в России, а умирать вне нее она ни за что не хотела. Она умерла после от голоду...⁵

Едем. Дорогой откуда-то сами таскаем дрова для поезда. В вагоне стоят двое наших часовых с ружьями, на случай набега банд, махновцев и т. д. На пути видим разрезанные чемоданы, поломанные вещи — результат подобных набегов. Со мной в вагоне ехали: В. И. Терebinский⁶, профессор, с женой З. И. Ткач-Бурлак (невенчанной) и сыном Сережей; сотрудники Ивановы, после вернувшиеся в Киев, Л. В. Могилевская, ее родственник, после поехавший назад, но умерший от сыпняка, и др., которых уже не помню.

На 19-й день приехали, наконец, в Одессу. Меня приютил бывший мой товарищ школьный — священник Д. В. Авсенеv. Я спал в нетопленной комнате: дров не было... В Одессе часто виделся с директором Киев. I гимназии Н. В. Стороженко⁷, с которым сидел я в Лукьяновской тюрьме в декабре 1918 г. — январе 1919 г.⁸ Немного сотрудничал я в «Великой России» В. В. Шульгина. Сын Лины Витальевны Ф. А. Могилевский вел тогда выборную кампанию в городскую думу, составив так называемый «христианский блок», который и победил. Таково было настроение против еврейства... (Дальше я переписываю из сохранившейся заметки).

1920 г. 1 января. Тоска невыразимая. Дело дошло до слез, как было в тюрьме киевской в прошлом году...

2 января. Был у митрополита Платона⁹; настроен он плохо. Разруха, безвластие и беспорядки в Добровольческой Армии его угнетают; думает ехать в Сербию и взять меня с собою. Киевлян здесь бесконечное количество. Назову известных мне: Марья Ст. Черненко (из нашего паевого дома в Киеве) с сыном Сашей, моим учеником Киев. гимн., проф. Гр. В. Демченко¹⁰, проф. Терebinский, проф. М. Н. Ясинский¹¹, проф. Е. В. Спекторский¹², проф. Суслов, Кушакевич, Поснов¹³, Ардашев, Богаевский (умер в Софии)¹⁴, В. В. Зеньковский (бывший министр исповеданий Украинской республики)¹⁵, проф. Бубнов¹⁶, преподаватели — Остряб, Тимошок, Еленевский, дирек. А. Брюхатов (теперь в Белграде)¹⁷, Лабутин, Москаленко, проф. Афанасьев (умер в Белграде)¹⁸, окружн. инспектор А. В. Липеровский, К. Щербина, Кругликов-Гречаный, А. В. Стороженко, В. Бутович, Г. И. Вишнеvский (теперь судья в Новом Саду, усиленно доказывавший сербам, что он сербского происхождения), А. А. Никольский¹⁹, В. Шульгин, В. Иозефи, А. И. Савенко (сотрудн. «Киевлянина»), вернувшийся в Киев, скрывавшийся под чужим именем и умерший от сыпняка,

один сын его замучен в «чрезвычайке», а другой погиб на белом фронте), Кирста, инжен., Триумфов, С. Г. Грушевский (не-украинец), А. В. Кокорев, прот. А. Корсаковский, инспектор Дух. Акад. архимандрит Тихон²⁰, епископ киев. Михайлов. монастыря Никодим²¹, М. Л. Гижицкий²² (который устроил комедию избрания в гетманы Павла Скоропадского, теперь живет в Смедереве в Югославии и занимался недавно виноградарством), мой ученик по киев. II гимн. Файбишенко — еврей и др.

Ближе познакомился с митрополитом Платоном. Хороший оратор, но лукавец и духовный паяц. В Одессе по ночам налеты грабителей, стрельба... З. И. Ткач-Бурлак собирается уезжать с мужем в Сербию, советовала мне тоже; согласился; Л. В. Могилевская, эта прекрасная и добрая женщина, дала мне 5000 руб. «керенками», и я с Теребинскими, на каком-то старом корабле «времен Очакова» два дня ехали до Варны. Я поместился на палубе и получил ревматизм, ибо было довольно холодно. Помню, какая-то русская труппа тоже ехала туда, причем на палубе она откальвывала гопака... над бездной... да и чему радовались?..

В Варне нас приняли болгары хорошо, особенно архиеп. Симеон; поместили нас в гимназии, где после нас имели пребывание писатели Е. Чириков²³ и Федоров²⁴, причем первый плакал и каялся за русскую интеллигенцию, ненациональную, непатриотическую.

Из Варны я с Теребинскими проехали в Софию; я чуть не отморозил ноги в холодном вагоне. В Софии был в Народном Собрании, куда пропуск мне дал председатель г. Атанасов. Был у своего товарища по Академии Бурова²⁵, женатого на русской. Они меня упрашивали остаться на службе здесь, но я не мог простить болгарам союз их против России и устремился в Сербию.

В Софии обращают на себя внимание памятники, посвященные русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; прекрасна статуя имп. Александра II на коне, стоящая против Народного Собрания; очень красив, величествен храм во имя св. Александра Невского, построенный в воспоминание этой войны. Город очень красив, расположен под горой Витошей; мы жили в юнкерском училище; кроме Теребинских тут жил и проф. Ренненкамф²⁶; я ему почему-то понравился, и он тяготил меня своим постоянным вниманием. В Софии обращает на себя внимание довольно хороший музей памятников старины; много тут остатков от времен римского владычества, напр.: Траяна, Марка Аврелия Философа, Септимия Севера. Город тогда назывался Ульпия Сердика; интересно разрешение римских императоров ветеранам на женитьбу от 93 г. по Рождеству Христову; местная старина также богата: мельница из Шумлы доисторического времени: сохранились черные зерна жита, колонна времен болгар. короля Крума Омортага (819–823 гг.)²⁷, рукописное евангелие XIV ст. из Пловдива (Филиппополя), минея XIII ст. из Габрова и др.

Сколько я пробыл в Болгарии, не помню; из Одессы я выехал, кажется, 20 января, в Белград прибыл 12 февраля 1920 г. Проехали величественные горы Балканы, останавливались в Цариброде, Пироте, Нише, где осмотрел старый собор. Ниш и Белград произвели плохое впечатление своим восточным характером и грязью.

Дальше пишу по записной книжечке, где многое, записанное карандашом, уже стерлось.

Белград, 12 февраля 1920 г. н. с. Был у министра просвещения Павла Маринковича²⁸. По вопросу о месте для меня предложил придти в понед. к началу средней наставы Живаковичу. Министр в разговоре со мной сказал: Хорватия стремится к тесному единению с Сербией, больше, чем Сербия, особенно молодежь, Фиуме нам не дают, но получить ее — наш дальнейший этап... О румынах министр выразился насмешливо, счеты с ними еще будут; с болгарями возможен не только мир, но и дружба, нужно, чтобы не разжигались национ. страсти.

Был у воен. нашего агента, генер. Артамонова²⁹. Был у епископа Нишского Досифея³⁰, окончившего рус. Дух. Академию. Он мне рассказывал о болгарских зверствах над сербами; в одной только Нишской епархии вырезано 78 священников; Досифей был в плену в Болгарии 3 года и пользуется теперь в Сербии большой популярностью. С графом, ныне покойным, В. А. Бобринским³¹ они ездили по Сербии, говорили речи, молились о России.

14 февраля 1920 г. В 6 час. 40 мин. выехал в Сремские Карловцы; на пути познакомился с 2-мя русскими шоферами, один был шофером у Павла Скоропадского; советовали всюду быть осторожным и не особенно доверчивым. Был у епископа Георгия Летича³² и просил его дать местожительство в к. л. монастыре. Епископ очень любезен, красив, выхолен, культурен. Летич — епископ Темишварский и теперь управляет Карловацкой митрополией; правосл. сербское население живет здесь около 200 лет, нац. самосознание у сербов — большое, католичества они не боятся, наоборот; в Гргетегском монастыре на Фрушской горе живет проф. Киев. дух. Академии Федор Титов³³,

По словам Летича, в Карловацкой митрополии до полутора миллиона православных. Здание, где помещается епископ, шикарно, настоящий дворец; в былые времена Австрия отпустила православным сербам 30000 десятин земли. Епископ ставит моей обязанностью жизни в монастыре досмотр за рабочими на виноградниках. Мне назначен монастырь «Великая Ремета», в полутора часах ходьбы от Карловцев.

Познакомился с бывшим ректором богословия архиман. Викентием Вуичем³⁴: умен, образован, дипломатичен, хитер. С библиотекарем патриархии прот. Дмитрием Руварцем³⁵ он показывал мне патр. библиотеку и оригинальное соч. выдававшего себя за потомка сербских королей Дюрдя Бранковича³⁶, умершего в австрийской тюрьме в крепости Эгере; в рукописной книге нарисован и портрет Бранковича, — борода у него доходит

до пальцев на ногах. Дворец в Карловцах построил патриарх Бранкович, умерший в 1907 г.; в патриаршей столовой-гроздевой находится прекрасная картина Пайи Йовановича³⁷ «Сеоба Срба», т. е. переселение сербов в пределы австрийские в 1690 году при патриархе Арсении Черноевиче³⁸, Дворец строил Влада Николич³⁹, который теперь живет в Карловцах. Закончена постройка в 1891 г.

Во дворце дан приют русскому генералу М. А. Хрущеву⁴⁰ с женой и дочкой (теперь она уже замужем).

15 февр. 1920 г. Был у члена Академии наук Любомира Стояновича (ныне, когда это пишу, 19 авг. 1931 г., уже умершего)⁴¹. Он мне многое говорил о Сербии; конституция здесь введена в 1869 г.; это сделала либеральная партия, во главе которой был Иован Ристич⁴². Партия управляла после русско-турецкой войны до 1880 г. при князе Милане Обреновиче⁴³, который стал королем в 1882 г.; будучи во внутренней политике консервативной, она на выборах 1880 г. провалилась; победила оппозиция, расколовшаяся на а) напредняков и б) радикалов под влиянием Светозара Марковича⁴⁴, ученика Чернышевского; во главе напредняков был Милутин Гарашанин⁴⁵, а радикалов — Никола Пашич⁴⁶. Напредняки, вначале очень прогрессивные, сделались консерваторами; радикалы правили страной после отречения короля Милана, сделались оппортунистами, без всяких принципов, и тогда из них выделились независимые радикалы, к которым пристал Любомир Стоянович и которые шли вместе с социалистами до войны 1912 г. Напредняки, либералы и независимые (самостални) радикалы объединились в демократическую заедницу.

Л. Стоянович любит Россию, верит в ее воскресение, что будет она единой, но на федеративных началах; С-ч республиканец, желает автономного устройства для Хорватии, Черногории, Срема и т. п.

Был у директора Карловацкой гимназии Радивоя Врховца⁴⁷, очень симпатичного и культурного человека, ныне председателя Сербской Матицы в Новом Саде.

Из доклада серба о Северном фронте против большевиков: англичане презирали русских, занимали командные места в армии, вели команду на англ. языке, несмотря на протесты русских. Протестующих разжаловали в рядовые; объявления делались на англ. языке. Словом, англичане просто оккупировали рус. север. Из финляндцев образовали отряд под управлением большевика Токоя, и это для борьбы с большевиками. Среди карелов вели пропаганду, чтобы они высказывались за независимость Карелии под протекторатом Англии, карелы же зависели от англичан, получая от них хлеб; переводчиком у англичан был Марко Босняк, который все передавал русским; карелы говорили: мы 700 лет были с русскими, такими же и останемся, и не пошли на фронт; русские крестьяне поняли англичан, видя, что они лишь эксплуатируют Россию и делят ее, признав Латвию, Эстонию

и др. Американцы приехали не для борьбы против большевиков, а ради железных дорог... Русские и сербы должны были подчиняться англичанам. Около Медвежьей горы, где заседали большевики, английский командир запретил французам стрелять, ибо «это ему мешает спать». Большевики бросили массу прокламаций на всех языках, и большевизм был среди английских, и особенно француз. и итальянских солдат. Английские офицеры и солдаты занимались лишь торговлей; бутылку виски продавали по 200–300 рублей вместо 13. Когда русский солдат захотел курить, англ. офицер сказал ему: вот папироска, пожалуйста 3 с полов. рубля; английские солдаты крали из вагонов, американские крали организованно; англ. солдаты грабили китайцев-пленных... Англичане отпечатали в Лондоне несколько миллионов царских рублей, прибавив на них сверху «Северная Россия»; продукты из магазинов английских продавались лишь за эти деньги и за золото, которое они забирали себе. Водка, виски, амер. джин... Французы также стали конкурировать в такой продаже, но англичане им запретили. Финский батальон Токоя взбунтовался и хотел разрушить жел. мост; англичане повели с ним переговоры, пока... сербы не разоружили этот батальон. В Архангельске взбунтовались пленные большевики. Англичане стали уничтожать военные материалы, а затем ушли совсем, отдав приказ сербам немедленно покинуть фронт, под угрозой, что они останутся без защиты и спасения на англ. судах. Так изменнически окончилась эпопея «помощи союзников» русским. Союзники не хотели победы над большевиками. Среди американцев 50% немцев...

На вопрос гр. В. А. Бобринского об отношении на фронте сербов и русских Марко Босняк сказал, что было самое полное единение: «Сербь не десятки, а сотни лет останутся в долгу у России. Великую и свободную Россию создаст только сам русский народ».

Получил рубашку, кальсоны, чулки и три носовых платка от какого-то рус. комитета через Д. И. Шиллинга; я совсем обносился.

16 февр. 1920 г. Живу пока на Космайской ул. в Белграде, где размещены эмигранты; вчера заведывающий этой квартирой для русских беженцев в д. № 24 Д. И. Шиллинг сказал мне, что мне можно будет прожить здесь еще лишь два дня, ибо приезжает новая волна в 250 семейств. Придется таки уезжать в монастырь по указанию епис. Летича. Займусь там сербским языком и наукой.

Архиереи церковей на территориях, вошедших в состав Югославии, составили 13–26 мая 1919 г. акт объединения церковей. Председателем Архиер. Синода — черногорский митрополит Бан Митрофан⁴⁸; входят: от Серб. церкви еписк. Мефодий, от Карловцев — викарный епископ Илларион Зеремский⁴⁹, от Боснии и Герцеговины — еп. Зворнишко-Тузланской епархии и он же экзарх Далмации Илларион Радонич⁵⁰, администратор Карловацкой патриархии еп. Георгий Летич.

Был в Министерстве просвещения и у еп. Досифея.

17 февр. 1920 г. Был у проф. Белгр. универ. Станоя Станоевича⁵¹. Гордый, надутый серб из бывшей Австрии. Он не верит в сепаратизм хорватов.

Был в Минист. просвещения; есть место преподавателя в 3-й Белград. гимназии, но я, не зная сербского языка, не считал возможным занять эту должность; поучусь месяца два и тогда буду просить места, если к тому времени нельзя будет вернуться в Россию. 18 фев. утром выезжаю в монастырь Великая Ремета. Купил чемодан за 125 динар.

18 февр. 1920 г. Проснулся без 20 мин. 4 час. у., вышел с вещами на вокзал, прибыл в Карловцы, вещи носильщик перенес в патриаршую резиденцию к эконому иеромонаху Мефодию Субботину (теперь он калека: в монастыре Привина Глава, где он стал игуменом, на него напал один мужик за увольнение брата из монастыря и изрезал ножом все его лицо так, что пища теперь у него вываливается изо рта); он обещал дать лошадей, ибо извозчик запросил 200 крон (50 динар).

Какая тоска на душе, как я хочу быть со своей милой семьей. Что с Шуруной, что с детьми? Господи, дай сил перенести разлуку! Воображаю, как тяжело будет в уединенном монастыре Великой Ремете... Дорогой один серб хвалил большевиков; со смехом он сказал: они не нравятся только господам.

Познакомился с товарищем прокурора Петрогр. окружного суда И. П. Федоровым⁵²; он жил в Греции и констатировал их хорошее отношение к русским; хотел он в Карловцах наладить интерес к России, но ничего не вышло: интерес к России стал падать по мере развития успеха у большевиков. Ужинал в Патриаршем дворце, был тут епископ Илларион Зеремский, который после ужина курил, что было так необычно мне видеть; познакомился с председателем дух. консистории д-ром Максимилианом Хайдыным⁵³, ныне епископом в Шибенике в Далмации; очень милый и образованный человек.

19 февр. 1920 г. Отправляюсь на патриарш. лошадях в Великую Ремету в 11 час. Прибыл и пообедал в час дня; неприветливо меня встретил наместник Мелетий⁵⁴. Итак, один, на далекой чужбине, в уединенном монастыре, безлюдном (три монаха), вдали от милой семьи... Разговора не понимаю: именно «без языка», как писал Короленко. Тоска и тоска...

20 февр. 1920 г. По приезде мне дали закусить ветчины с кислой теплой капустой, и затем я пошел с провожатыми в Гргетегский монастырь отнести письмо от В. Н. Штрандтмана⁵⁵ и еп. Досифея к прот. Ф. И. Титову, проф. Киев. дух. Академии. Монастырь лежит во впадине Фрушской горы, в полчаса ходьбы от Великой Реметы, среди гор, покрытых лесом, фруктовыми деревьями и виноградниками; летом и весной здесь, несомненно, очень красиво; красиво даже и теперь. Титов живет в Гргетеге уже месяц, изучает сербский язык; он очень пополнел, даже разжирел, но душевно

неспокоен и часто плачет; в монастыре живут еще двое русских — кучер и дворник, из пленных солдат. Настоятель монастыря архимандрит Данило Пантелич⁵⁶, очень милый и добрый человек; тут живет и его сестра, учительница на селе (архимандрит этот, после епископ в Шибенике, умер там); архимандрит и Титов проводили меня на половину пути назад.

Великая Ремета — один из самых старых монастырей на Фрушской горе; по преданию, его освятил сербский первосвятитель св. Савва. Построен в виде четверугольника, причем окна келий выходят наружу, а около внутренней стены идет коридор; среди этого квадрата двор с церковью; всюду сводчатые потолки. В монастыре всего лишь 3 иеромонаха — Мелетий Бабич, управитель, о. Корнелиус (70 с лишком лет) и о. Кирилл, наместник; негласно заправляет всем кухарка «Тета», заменяющая, несомненно, жену для Мелетия. Для Кирилла в роли жены является «паракуварица» (подкухарка), а о. Корнелиус по субботам уходит куда-то на село; он мне сказал, что женат, т. е. имеет незаконную жену, румынку, с которой живет более 20 лет... Жизнь здесь распределена так: в 8 ч. у. утренний кофе или кипяченое молоко, в 12 час. обед и в 7 ужин; сегодня был такой обед: суп скоромный с масляными сухариками, вкусное месиво из фасоли и слоеные пирожки с творогом; к обеду и ужину всегда подается вино.

Сегодня очень много гулял среди этой живописной местности с сербом и прислушивался к его языку; при посредстве немецких и латинских слов мне удавалось все понять. Сербский язык очень труден, хотя в нем и много коренных церковнославянских слов; в нем много застывших языковых окаменелостей, почему он кажется столь примитивным. Завтра утром пойду в Гретегский монастырь, куда меня приглашал архимандрит Данило. Мне отвели лучшую комнату; в ней мягкая кровать с двумя пуховыми подушками и таким же одеялом с пододеяльником, сверх одеяла положена ткань с сербским ручным шитьем, около стоит мраморный столик со свечой, посреди комнаты круглый стол, покрытый шерстяной скатертью, и два мягких кресла; у стены мягкая софа, над ней икона Божьей матери; около двери мраморный умывальник с двумя кувшинами, а над ним зеркало; на умывальнике: мыло, гребешок, большой глубокий таз с водой и графин; в другом углу чугунная печка, так называемая фуруна, а около нее глубокий металлический ящик для дров. Топят отлично, почти непрерывно, так что приходится открывать окно.

Был в 3 час. в церкви на вечерне, читал за псаломщика, храм святого Димитрия Солунского; при входе в храм 3 фрески и каменная плита с церковнославянской надписью; прочитать ее не смог, ибо она основательно замазана мадьярами, но отчетливо видны годы 1733 и 1735; внутри храма на потолке фреска: благословляющий Христос. В алтаре на углах сводов две фрески Божьей Матери с младенцем, одна — очень старая; церковные книги большей частью из Москвы, два напрестольных евангелия: одно

времени Алексея Михайловича 1657 г., и другое Петра I — 1716 г.; апостол Львовской печати 1654 г.

21 февр. 1920 г. Встал в 5 час. утра. Полное уединение. Тишина кругом; газет не вижу. К 12 час. пришел в Гретег, где обедал; на обед: лапша с курицей, жареная курица и слоеные сырники, вино. Вкусно. В 4 час. было подано кипяченое молоко; в 7 час. ужин: жареная курица и вермишель в масле. Так кормятся здесь в монастыре, а там, в России? Мне точно стыдно было так питаться...

Долго беседовал у архимандрита Даниила. России сербы не могут помочь живой силой, которой у них много погибло с 1912 г. Название Гретег, по-видимому, получилось от того, что сюда утек, убежал сын последнего сербского деспота Бранковича Григорий: Гргур-тек, а Ремета от мадьярского слова, означающего пустыню.

С проф. Титовым, протоиереем, разговаривали в отведенной мне комнате до полуночи. Он очень ругал митрополита Антония⁵⁷, который будто бы крайне бестактно, по-большевицки, вел себя в Константинополе. М. Антоний будто бы ругал царя Николая II, хотел идти с визитом к украинскому послу Лотоцкому, но был удержан епископом Никодимом. Титов не раз злобно говорил об А.: «Негодяй, подлый». Титов был на Афоне, говорил об «имябожниках», нарисовал жуткую картину поведения на Афоне епископа Никона и петроградского преподавателя С.В. Троицкого⁵⁸, ныне приват-доцента Одесского университета (а теперь профес. университета в Суботице). По поводу того, что м. Антоний вошел чуть ли не в дружбу с киевскими украинцами и хотел читать в их храме шестопсалмие на украин. языке, причем известный украин. иезуит Павло Мазюкевич стал даже хвалить м. Антония (раньше он писал в газете об А. так: он даже борова может поставить во священники), Титов страшно возмущался и заявил, что украин. церков. собор не допускал в своем решении украинской фонетики в богослужении. Титов сказал, что консулом в Салониках православный болгарский еврей Серафимов, в Константинополе тоже православный еврей. С Титовым поехал из Одессы, направляясь в Иерусалим, епископ Павел, но вел себя настолько неприлично с девицами, что англичане поспешили удалить его из Иерусалима. Партийность среди серб. духовенства страшная: «нельзя шагу сделать, чтобы не наступить кому-либо на больное место». Поэтому Титов хотел бы поступить простым сельским священником.

22 февр. Ночевал в Гретег. монастыре, буду и обедать, а к вечеру вернусь в Ремету. Был на литургии, служил о. Титов, я читал апостола. Обед: суп из курицы, жареная колбаса с капустой, оладьи в сахаре, жареная курица, слоенки с творогом, вино белое и красное, пред обедом дали коньяку. А там... голодает моя семья?

После вечерней Т. и архимандрит проводили меня в гору.

23 февр. 1920 г. Начался Великий пост. Пища скудная: капуста и картошка. Был в церкви и читал паремии.

24 февр. 1920 г. Усиленно изучаю сербский язык, можно сказать — весь день; очень устал; был в церкви и читал. Возвратившийся из Нового Сада серб Раде Закланович сообщил, что и в Сербии крестьяне ведут себя беспокойно и недоброжелательно к монастырям. Вообще большевизм имеет огромное влияние.

25 февр. 1920 г. Проснулся в 3 час у., встал в 5 ч., затопил печку и буду заниматься сербским языком, к которому у меня пробуждается все больший интерес. Надпись над иконами 1-го яруса иконостаса: «Во славу Святой Троицы, в честь же св. вмч. (великомученика) Димитрия мироточца, обновися иконостас сей при владении всепресветлейшего Императора Аустрійскаго и великаго воеводы Сербскаго Государя Франца Иосифа Перваго, и при святейшем Патриархе Сербском, Архиепископе митрополите Карловацком Господине Иосифе Рачиче настоянием Иринейя, Игумена монастыря в Реметы и Братства иждивением Г. Максима Никол. Мишковицев. Доктора лекаст. у кралевск. свечил: унгарск:члена рождена в Ср(емских) Карлов. За спомен своих л. Господ. 1850».

Надпись на образе Спасителя: «Приидете благословеннии отца...»; на образе св. Иоанна Крестителя: «Аз видех и свидетельствовах о нем». Напечатано пред книгой «Србляк»: «Во славу св. единосущныя, животворящяя и нераздельныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа: Книга сия Правила Молебная св. Сербских Просветителей в себе содержащая: По благословию Преосвещеннейшаго и Превосходительнейшаго Гдна Павла, Православнаго Архиепископа Карловацкаго, и всего в державе их цесар. кралев. величества обретающагося славено-сербскаго и валахийскаго народа Митрополита, и обоих цесарокралевских величеств тайнаго советника. Трудом и всяким прилежным тщанием собранная, и по возможности во всем исправленная, не меньше же и настоянием и иждивением Преосвещеннаго Гдна Синесиа епископа Арадскаго, Иенопол-великоварадскаго и халмадскаго, и цесарекралевскаго величества дворнаго советника. В честь стопомннутых стителей (святителей), в пользу же и богомольстве святых обителей и церквей сербских, во воспоминание же и подражание православнаго сербскаго рода: напечатана во епископии Рымнической: в лето от сотворения мира 7250 от Ржтва же по плоти Бга Слова ,аѳѳа. При Архиереи тояжде святейшия епископии Кир Григорий».

Меня посетили в Ремете архимандрит Данило Пантелич и Ф. И. Титов. Архимандрит говорил: жену Франца Фердинанда эрцгерцога, графиню Хотек не любили чопорные придворные. Франц Иосиф дал ей титул эрцгерцогини, но на приемах ей отводили последнее место, ниже даже двух малолетних княжон; она перестала являться на приемы. Не желая иметь ее императрицей, придворная партия затеяла войну; поводом к войне яви-

лось после провокаторское убийство Четы в Сараеве. Провокаторство несомненно: обессиленная многолетней войной Сербия не могла бороться; царубийства она не могла совершить; акт о следствии не был показан на требование русского императора. Англичане не позволили сербам разоружить болгар потому, что после успехов России над Австрией спешили захватить Дарданеллы, чтобы не дать их России...

Вечером Раде Закланович читал мне сербские стихотворения. Язык, достойный героического народа. Сила, выразительность.

26 февр. 1920 г. Стоит прекрасная весенняя погода, гулял около монастыря и учил сербский язык, а с сербом З-чем говорил о сербской истории и литературе. З-ч непременно хочет приехать в Россию. Я обещал устроить его в своей квартире...

27 февр. Вчера о. Мелетий дал мне кусок мыла, немного сахару и свечу. Сегодня встал в 6 ч. у.; разбудила церковная «звечка»: вместо звона бьют в «клепало», по старому церковному обычаю, а к тому же австрийские власти отобрали у церкви колокола. Австрия когда-то дала монастырям много земли — 34 млн. ютаров (ютар — меньше нашей десятины), теперь Югославия отбирает эту землю, и монастыри находятся в страхе и волнении.

28 февр. Ночью буря. Выпал снег, это после прекрасной погоды. Сижу одинокий, вдали от милых деток, жены, знакомых, и только усиленно занимаюсь серб. языком. Зачем? И ради знания, и, может быть, куска хлеба...

29 февр. На дворе холодно. Сегодня буду причащаться. Странно: народ здесь не исповедуют, а просто читают разрешительную молитву; да и народа-то нет в церкви, 6–7 детей; сербы не выговаривают «х» и поют: «и Св. Ду-у», вместо «песнь» поют «песан».

1 марта 1920 г. Вчера был в Гргетеге и у Титова. Засиделся там, возвращался при месяце (с трудом шел по вязкой глинистой дороге в гору, сердце отказывалось работать). В 6 с полов. ч. у. выехал с З-чем в Новый Сад; подморозило. В 8 ч. был в Карловцах, в 10 час. в Новом Саде. Местность красивая, представляю, как здесь всюду хорошо летом. Новый Сад, как и Карловцы, на Дунае, который широко, спокойно, но довольно быстро течет. Был у начальника отделения Министерства просвещения д-ра Милана Петровича⁵⁹; принял меня сердечно и сразу же предложил место преподавателя русского языка в женской гимназии Нового Сада, хотя он (язык) и не входит в программу, и дал мне отпуск на два месяца для дальнейшего изучения сер. языка. Новый Сад хороший провинциальный городок. Тоскливо. Зачем моя семья не со мной? В Карловцах был у прот. Руварца, взял две книги Нила Попова⁶⁰ об отношениях Сербии к России с 1806 г. Был у генерала Хрущова; жена его сказала мне, что в Белграде живут теперь 6 русских епископов с митрополитом Платоном, которые будут разме-

шены по монастырям здесь. Как бы русские архиереи не оказались слишком притязательными... О, как хочется быть среди своей семьи...

2 марта. Тоскливо, тяжело. Прислуга монастырская относится заметно недоброжелательно. Монахи скупы, жмутся дать лишний кусок хлеба, не говоря уже о чашке молока, а между тем у них такое во всем богатство... Если бы я не занимался все время сербским языком, то пропал бы от тоски, несмотря на красоту местности.

4 марта. Написал письмо (сказать не умел) о. Мелетию о, том, чтобы мне давали хотя за деньги два стакана молока, но едва ли будет успех: за деньги неудобно, а даром — для этого Мелетий слишком скуп. Не знаю, куда деваться от тоски. Я, кажется, уже стар, чтобы усвоить хорошо серб. язык. Перевожу и записываю перевод «Истории Сербского Народа» проф. Станоя Станоевича; если и не удастся напечатать, то хоть дети мои прочитают. Профессор написал мне на своей визитной карточке: «дозволяю г. Скрынченку да преводи «Историју Српског Народа».

5 марта 1920 г. Был в Гретеге, пошел развеять тоску, тем более, что чудный день. Когда утром в Ремете я пошел пить кофе, мне сказали, что нет кофе и сахару, а между тем монаст. служка Георгий пил кофе..., управителю монастыря неприятно, что тут появился лишний рот, да еще русский. В Гретеге совсем иное отношение.

6 марта. Читаю для упражнения роман Л. Н. Толстого «Воскресение» на серб. языке; чувствую, что перевод плох; трудность этого языка в том, что в нем много слов одинаковых с русскими, но с другим значением, напр., «конац» значит нитка, «пролив» значит понос. Питание все ухудшается.

7 марта. Вчера после обеда пошел в монастырь Гретег. Дивный день. Весна. Бабочки летают. Вспомнил моего милого Толечку, как он в прошлом году ловил на Владимирской горке в Киеве бабочек для коллекции; скрываясь от большевиков и украинцев⁶¹, я лишь мельком тогда мог видеть детей... Сейчас сижу в парке Гретега, около пчельника, и прислушиваюсь к звукам весны, пчел, птиц. Тихо, тихо кругом. Все застыло пред дивной красотой природы. Ах, как было бы хорошо, если бы со мной тут была моя семья; теперь она, наверное, голодает; отец, спасая свою жизнь, бросил их...; получается что-то невыносимое, и я часто осуждаю себя, зачем я уехал из Киева...

Вчера Титов долго сидел вечером в моей комнате; для м. Антония, инспектора дух. Академии архим. Тихона у него нет других слов, как «подлец», «негодяй», «бесчестный» и т. п. Русские епископы, прибывшие в Белград, ожидают здесь; Титов говорил, что архиепис. Георгий Ярошевский⁶² с архимандритом Александром уже уехали в Крушедольский монастырь в пяти километрах. Пообедал в монастыре так, как и дома редко когда; вышел в Гретегский сад-парк; там гуляли хорошо одетые девочки, одна меньше ростом моей Ниночки. Боже, как грустно стало... Сохрани их там, и их добрую, хорошую мать и бабушку. Титов, по своему характеру, тяжелый человек;

всех критикует и очень резко; он хотел бы вызвать сюда свою семью и долго не возвращаться в Россию; он желал бы широкой автономии территориально политической и церковной Украине, но все же мыслит Россию единой; впрочем, если Украина дожила до культурной независимости, то пусть отделяется, но этого не будет, ибо слишком много и кровных, и политико-экономических связей между Великороссией и Украиной. Титов проводил меня в гору. Изумительно тепло: 34 градуса по Цельсию. Цветет миндальный орех. Вот где рай Божий..., но нет рая в моей душе без детей, без семьи...

Публикация *В. Б. Колмакова* (Воронеж)

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

- ¹ Мария Дмитриевна Соболева (9.01.1907, Минск — 1988, Буэнос-Айрес). В эмиграции с 1943 г., с 1948 жила в Буэнос-Айресе.
- ² Могилевская П. (Паулина, Лина) В. (около 1865–1945) — сестра В. В. Шульгина, чиновница «Государственной статистики» в Белграде.
- ³ Александра (Шуруна) Ивановна (20.04.1884–20.06.1979, Буэнос-Айрес). Эмигрировала с семьями дочерей Марии, Ирины и Нины (семья сына Анатолия осталась на родине).
- ⁴ Скрынченко Анатолий Дмитриевич (4.03.1909–7.07.1991, Киев).
- ⁵ Доброславская Александра Павловна умерла 13.03.1924.
- ⁶ Терebinский Владимир Ипполитович (1879–1950) — врач-хирург, профессор Киевского университета (1917). Военный врач в Белграде (1920–1927).
- ⁷ Стороженко Николай Владимирович (?–1944) — директор Киевской I гимназии.
- ⁸ В Лукьяновскую тюрьму Д. В. Скрынченко брошен был петлюровцами за активное осуждение деятельности Церковной Рады на Всеукраинском Церковном Соборе 1918 г.
- ⁹ Платон (Рождественский Порфирий, 1866–1934) — с 1907 г. архиепископ Алеутский и североамериканский, с 1917 г. митрополит, с 1923 г. управляющий РПЦ в Америке, Канаде и Аляске.
- ¹⁰ Демченко Григорий Васильевич (1869–1958) — профессор Киевского университета, с 1920 г. профессор юридического факультета в Суботице, одно время — декан. Член Русского научного института в Белграде.
- ¹¹ Ясинский Михаил Никитич (1862–1945) — историк, профессор кафедры русского права Киевского университета, проректор (1912–1917). Ординарный профессор Люблинского университета (Словения).
- ¹² Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) — юрист, социолог, профессор энциклопедии права Варшавского университета (1903–1913), профессор Киевского университета (с 1913), ректор (1918). С 1920 г. жил в Королевстве СХС. Профессор Белградского (1920–1930) и Люблинского (1930–1945) университетов. Основатель и профессор Русской духовной академии в Нью-Йорке, первый председатель Российской академической группы в США.
- ¹³ Поснов Михаил Эммануилович (1873–1931) — историк церкви, профессор Киевской духовной академии (с 1908). В 1920 г. эмигрировал в Болгарию.

- Профессор Софийской духовной семинарии (1920–1924) и богословского факультета Софийского университета (1924–1931).
- 14 Богаевский Петр Михайлович (1866–1929) — юрист, этнограф, профессор государственного права Томского университета. Один из основателей «Свободного университета» в Софии.
- 15 Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — историк философии, психологии и русской культуры, богослов и священник. Профессор психологии и философии Киевского университета (1915–1919), министр вероисповеданий в правительстве П. Скоропадского. В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС. С 1923 г. директор русского Педагогического института в Праге. С 1926 г. жил в Париже. Декан Православного богословского института Св. Сергия (с 1944), многолетний председатель Русского христианского студенческого движения (1923–1962).
- 16 Бубнов Николай Михайлович (1858–1943) — историк, декан исторического факультета Киевского университета, профессор университета в Любляне.
- 17 Брюхатов Андрей Дмитриевич (около 1869–1933) — преподаватель истории и латинского языка Русско-сербской гимназии в Белграде. (Директором этой гимназии не был.)
- 18 Афанасьев Георгий Емельянович (1850–1925) — историк, профессор Новороссийского и Киевского университетов. Профессор общей истории. Белградского университета.
- 19 Никольский Александр Александрович (1868–1942) — сотрудник ряда русских газет в Белграде.
- 20 Тихон (Лященко Тимофей Иванович, 1875–1945) — архиепископ. Профессор (с 1912), инспектор (с 1914) Киевской духовной академии, архимандрит (1914). В 1919 г. эмигрировал в Болгарию, настоятель Воскресенской церкви в Берлине (1921–1938), епископ Берлинский, архиепископ (1936). На покое проживал в сербском монастыре Раковица под Белградом, в 1944 г. эмигрировал в Германию.
- 21 Никодим (Нагаев Николай, 1883–1976) — епископ, в эмиграции первоначально проживал в Белграде.
- 22 Гижицкий Михаил Львович (?–1941).
- 23 Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) — русский писатель, с 1917 г. в эмиграции.
- 24 Федоров Александр Митрофанович (1868–1949) — русский писатель, поэт, переводчик, драматург.
- 25 Буров Христо — болгарин, выпускник Казанской духовной академии.
- 26 Ренненкампф Владимир Николаевич (около 1862–1925) — историк, юрист. Профессор государственного права Новороссийского университета. Директор Международного института в Одессе. В 1919 г. эмигрировал в Болгарию. Профессор социологии Софийского университета.
- 27 Крум (803–814), Омортаг (814–831) — правители древней Болгарии.
- 28 Маринкович П. (1866–1925) — юрист, сербский политический деятель. Основатель и главный редактор белградской газеты «Правда», министр просвещения (1919–1920).
- 29 Артамонов Виктор Алексеевич (1873–1942) — генерал-майор, военный агент Русской миссии в Белграде (1909–1920, с перерывами).

- 30 Досифей (Васич, 1877–1933) — епископ Нишский (1913–1932), митрополит Загребский (с 1932). Видный покровитель русских беженцев в Королевстве СХС.
- 31 Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927) — граф, крупный помещик, член II, III и IV Государственных Дум от Тульской губернии. Эмигрировал в Королевство СХС. Представитель вел. кн. Кирилла Владимировича, с 1924 г. жил во Франции.
- 32 Георгий (Летич, 1872–1935) — доктор теологических наук (1897), с 1903 г. епископ Темишварский, управляющий Карловацкой митрополией (1918–1920), профессор Карловацкой семинарии.
- 33 Титов Федор Иванович (1864–1935) — протоиерей, доктор богословия, историк церкви. В 1905–1918 гг. профессор Киевской духовной академии. Профессор богословия и догматики Богословского факультета Белградского университета (1921–1935).
- 34 Викентий (Вуич Василий, 1874–1939) — архимандрит, преподаватель и ректор Карловацкой духовной семинарии, доктор богословия. Епископ Моравички (1936), профессор Богословского факультета Белградского университета, епископ Банатский (1936–1939).
- 35 Руvaraц Д. (1872–1931) — священник, историк, библиотекарь Патриаршей библиотеки (с 1899), управляющий Сербской монастырской типографией в Сремских Карловцах, редактор периодических изданий Сербской православной церкви.
- 36 Георгий (Бранкович, 1830–1907) — митрополит Сремско-карловацкий, с 1890 г. Патриарх Сербский. Восстанавливал монастыри на Фрушка-Горе, открывал школы, основал Сербскую монастырскую типографию, содействовал строительству церковных зданий в Сремских Карловцах.
- 37 Йованович Павле-Пая (1859–1957) — известный сербский живописец.
- 38 Арсений (Чарноевич, около 1633–1706) — Патриарх Сербский (1674–1690), первоиерарх православных сербов в Австрии (1690–1706).
- 39 Николитч Владимир-Влада (1857–1922) — видный сербский архитектор. По его проектам выполнены многие общественные здания в Сремских Карловцах, Нови-Саде и др.
- 40 Хрущев Михаил Алексеевич (1881–1972) — генерал-майор Генерального штаба Русской армии. В эмиграции постоянно проживал в Сремских Карловцах.
- 41 Стоянович Любомир-Люба (1860–1930) — видный сербский политик, филолог. Премьер-министр Королевства Сербии (1905), министр просвещения, внутренних дел. Член Сербской Королевской академии наук.
- 42 Ристич Йован (1830–1899) — сербский государственный деятель, глава либеральной партии, историк. Делегат Сербии на Берлинском конгрессе (1878).
- 43 Милан (Обренович, 1854–1901) — князь (1868–1882) и король Сербии (1882–1889). Похоронен в монастыре Крушедол на Фрушка-Горе.
- 44 Маркович С. (1846–1875) — сербский политик, социалист. Учился в Петербурге, Цюрихе, в 1870 г. возвратился в Сербию.
- 45 Гарашанин М. (1843–1898) — видный сербский политик, промышленник. Премьер-министр (1884–1887). Член Сербской Королевской академии наук.

- 46 Пашич Н. (1845–1926) — видный сербский политик, премьер-министр.
- 47 Врховач Р. (1863–1946) — общественный деятель, литератор, историк литературы. Преподаватель (с 1886) и директор Карловацкой гимназии (1903–1929, с перерывами). Председатель Матицы Сербской (1920–35).
- 48 Митрофан (Бан Марко, 1841–1920) — митрополит Черногорский (с 1887), церковный писатель, реформатор Сербской церкви в Черногории. Принял хиротонию в Петербурге (1885). Первый председатель Архиерейского Собора Сербской православной церкви (после восстановления патриаршества в 1919 г.).
- 49 Илларион (Зеремский Владимир, 1865–1931) — магистр богословия Московской духовной академии (1890). Профессор Карловацкой духовной семинарии (с 1891). Архимандрит (с 1904), настоятель монастырей Хопово, Раковица. Викарный епископ Сремских Карловцев (1912).
- 50 Илларион (Радонич Жарко, 1871–1932) — епископ Зворничко-тузланский (1909–1922), экзарх Далмации, епископ Банатский (1922–29).
- 51 Станоевич С. (1874–1937) — историк, редактор «Народной энциклопедии СХС». Профессор Белградского университета (с 1900). Сотрудник Русского археологического института в Константинополе. Действительный член Сербской Королевской академии наук.
- 52 Федоров Иван Павлович — юрист, публицист, товарищ прокурора Петроградского окружного суда. Эмигрировал в Королевство СХС. Первый председатель русской колонии в Сремских Карловцах. Сотрудник сербских газет (под фамилией Федорович).
- 53 Максимилиан (Хайдин Милан, 1879–1936) — епископ Далматинский (с 1928), Горнекарловацкий (с 1931).
- 54 Милетий (Бабич, 1874–?) — иеромонах. Управляющий и игумен монастыря Велика-Ремета (с 1919).
- 55 Штрандтман Василий Николаевич (1877–1963) — русский дипломат, первый секретарь русской миссии в Белграде (1911–1915), посланник в Королевстве СХС (1919–1924), в 1924–1941 гг. делегат при Государственной комиссии, ведающей интересами русских беженцев в Королевстве СХС–Югославии.
- 56 Данило (Пантелич Душан; 1865–1927) — архимандрит, настоятель монастыря Гретег. С 1920 г. епископ Далматинский и Шибенский.
- 57 Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863–1936,) — митрополит Киевский и Галицкий. Архиепископ Житомирский и Волинский (с 1902), Харьковский и Ахтырский (с 1914). Доктор богословия (1911). Первоиерарх Русской православной зарубежной церкви.
- 58 Троицкий Сергей Викторович (1878–1972) — историк канонического права. Приват-доцент Новороссийского университета (1919–1920). С 1920 г. жил в Королевстве СХС. Профессор церковного права юридического факультета в Суботице (1922–1929), ординарный профессор (1929–1945), профессор богословского факультета Белградского университета (1937–1943). В 1945 г. перешел в юрисдикцию Московского патриархата. Профессор Московской духовной академии по кафедре церковного права (1947–1948), сотрудник Сербской академии наук и искусств (1948–1958).
- 59 Петрович М. (1879–1967) — доктор философских наук. Начальник отделения Министерства просвещения в Нови-Саде (1918–21). Преподаватель латыни в сербской гимназии в Нови-Саде (1920–1925).

-
- ⁶⁰ Попов Н. А. (1833–1891) — историк-славист, автор двухтомного труда «Россия и Сербия» (1869).
- ⁶¹ Под украинцами Д. В. Скрынченко подразумевал украинских националистов.
- ⁶² Георгий (Ярошевский, ?–1923) — митрополит Варшавский, епископ Калужский, Минский (с 1917). Эмигрировал в Королевство СХС. С 1921 г. экзарх Православной церкви в Польше. Убит архимандритом Смарагдом (Латышенко).

Примечания и комментарии *А. Б. Арсеньева* (Нови-Сад),
В. Б. Колмакова (Воронеж), *В. А. Скрынченко* (Киев)

Т. В. Волокитина
(Москва)

«Вопрос о предоставлении Румынии нового кредита требует серьезного изучения...»

(Советско-румынские переговоры в Москве. Январь-февраль 1954 г.)

Впервые информация о намерении румынской стороны обсудить с советским руководством важные экономические вопросы была получена в Москве осенью 1953 г. 3 октября советский посол в Бухаресте Л. Г. Мельников после беседы с Г. Георгиу-Дежем записал в дневнике: «...Деж, несколько смущаясь и оговариваясь, что это пока еще только его мнение и что он долго думал над этим вопросом, сказал, что он пришел к выводу о необходимости обратиться к советскому правительству за помощью. Я думаю, сказал Деж, просить советское правительство предоставить нам года на три кредит в размере 350–400 млн. рублей. Если советское правительство... смогло бы удовлетворить эту просьбу, это было бы величайшей помощью для Румынии и румынского народа, хотя нам и стыдно просить, так как нам советское правительство оказало и оказывает и так величайшую бескорыстную помощь». Мельников не остался пассивным слушателем, заинтересовавшись планами использования «такой большой суммы кредита». Деж пояснил, что Румыния крайне нуждается в сельскохозяйственных машинах, хлопке и товарах широкого потребления¹.

Помета о рассылке, имеющаяся на документе, свидетельствует о том, что запись беседы сразу же была направлена В. М. Молотову и в IV Европейский отдел МИД СССР. Однако громоздкая машина делопроизводства работала неспешно: в отдел документ поступил только 16 октября 1953 г. и еще позднее, 20 октября, он был передан в аппарат ЦК КПСС.

Тем временем, видимо, с целью дополнительного зондажа настроений советского руководства румынская сторона решила использовать предстоявшее заседание двусторонней советско-румынской комиссии по экономическому сотрудничеству, на котором предполагалось обсудить деятельность смешанных предприятий, так называемых совромов. Посольство СССР в Бухаресте информировало, что румынские представители желают обсудить в Москве также вопросы внешней торговли и ряд других, которые не относятся к компетенции указанной комиссии.

10 октября министр внешней торговли И. Г. Кабанов сообщил об этом председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову, а 15 октября Президиум ЦК КПСС утвердил текст указаний послу Мельникову для разговора с Дежем. До сведения румынского руководителя надлежало довести

мнение советской стороны, согласно которому вопросы внешней торговли «следовало бы обсудить отдельно»².

Материалами о беседе посла Мельникова с Дежем мы не располагаем, однако, по некоторым данным, в Москве именно в это время началась интенсивная подготовка к будущей встрече с румынскими представителями.

Судя по документам, советскую сторону весьма беспокоило расходование золотого запаса Румынии для покрытия ее внешнеторгового дефицита. Еще в июле 1953 г. в справке «К положению в Румынии»³ ее авторы А. И. Лаврентьев и Ю. В. Андропов с тревогой констатировали, что согласно экспортному плану на 1953 г. предусматривалась продажа золота на сумму 160 млн. рублей, в результате чего «золотые запасы страны в ближайшие годы будут почти полностью израсходованы»⁴. 21 октября министр финансов СССР А. Г. Зверев направил Г. М. Маленкову «в порядке информации» записку «О золотом запасе Румынии», в которой не только зафиксировал сокращение золотого запаса в 1950–1953 гг. более чем в 3,5 раза и существенное уменьшение золотодобычи (почти в 3 раза по сравнению с предвоенными 1937–1939 гг.), но и назвал основную причину этого — пассивное сальдо торгового баланса с Западом. Наряду с малоконкретной рекомендацией Минфина, которую предполагалось дать румынской стороне, — «...изыскать возможности для выравнивания торгового баланса страны с капиталистическими странами», в записке содержалось и принципиальное положение о необходимости «сохранить в необходимых размерах золотой запас»⁵. С запиской Зверева ознакомились все члены Президиума ЦК КПСС, а А. И. Микояну при этом было поручено подготовить свои соображения для предстоящего обсуждения.

Официальное обращение румынской стороны за помощью поступило в Москву только 27 ноября 1953 г. Подписанное Г. Дежем письмо Совета министров РНР на имя Г. М. Маленкова привез прибывший в Советский Союз на отдых и лечение секретарь ЦК РРП И. Кишиневский. (Письмо было написано хорошим русским языком, подпись Дежа сделана на румынском).

Румынский руководитель констатировал «отдельные трудности» при проведении «нового курса» экономической политики, принятого на пленуме ЦК РРП в августе 1953 г.⁶ и направленного прежде всего на повышение жизненного уровня трудящихся. Основные причины этих трудностей Деж усматривал в нехватке внутренних сырьевых ресурсов (кожи, каучука, хлопка, шерсти), а также в увеличении их импорта при одновременном сокращении экспорта продовольствия (хлеба, мяса). В результате баланс внешних платежей Румынии, как и торговый баланс в целом, оказались нарушенными, возник дефицит, оценивавшийся примерно в 450 млн. рублей. Румынское правительство пошло на сокращение импорта для тяжелой промышленности и отдельных крупных строек, но существенным образом

сократить эту цифру не удалось. Не помог и отмеченный в это время рост экспорта румынской нефти. Положение осложнялось в связи со значительной задолженностью Румынии Польше, Чехословакии и ГДР. В письме сохранилась просьба предоставить кредит в размере около 400 млн. рублей, часть которого предполагалось использовать в СССР, а остальную — в Чехословакии, Польше и Восточной Германии. Для обсуждения этого вопроса Деж просил принять в Москве в первой декаде декабря 1953 г. правительственную делегацию в следующем составе: Г. Георгиу-Деж, С. Киву, Д. Петреску, М. Константинеску, А. Бэрладяну⁷.

28 ноября письмо Г. Дежа получили все члены Президиума ЦК КПСС, а 30 ноября был утвержден проект телеграммы послу Мельникову. Ему предлагалось посетить Дежа и передать, что «вопрос о предоставлении Румынии нового кредита требует серьезного изучения и соответствующих материалов». «Для нас неясно и несколько неожиданно, что румынские друзья поставили вопрос о такой большой сумме кредита. Такой вопрос мы не можем рассматривать второпях, не будучи информированы о том, как это могло случиться в Румынии», — говорилось в телеграмме. Мельникову также предстояло выяснить, «что делается со стороны РНР, чтобы своими силами обеспечить выполнение взятых обязательств перед чехами, немцами и поляками»⁸. Речь шла о расчете за сделанные ранее Бухарестом военные заказы.

В ответ на просьбу советской стороны румынское руководство направило в Москву подборку экономических материалов, проясняющих ситуацию и раскрывающих характер задолженностей, динамику капиталовложений, структуру экспорта и импорта и пр. В одном из документов, в частности, сообщалось, что румынской стороне удалось договориться с немцами и чехами об отмене некоторых военных заказов и перенесении платежей на 1954 г. Сумма задолженности перед Чехословакией составляла 155 млн. рублей и перед ГДР — 15 млн. Одновременно в Бухаресте скорректировали планы военных заказов в сторону их уменьшения: ранее по плану 1953 г. на военные нужды отводилось более 30% общего объема капиталовложений, а теперь эта сумма составила около 20%.

Следует учесть, что положение с военными заказами значительно осложнилось после того, как в январе 1951 г. в Москве было проведено совещание руководителей коммунистических и рабочих партий и министров обороны европейских социалистических стран, на котором обсуждался вопрос об укреплении обороноспособности государств советского блока. В своем выступлении Сталин подчеркнул, что к концу 1953 г. НАТО полностью завершит подготовку к возможной войне. Задача стран социалистического лагеря — иметь к этому времени боеспособные армии. Такое ускорение, на которое, несомненно, оказал влияние и «корейский синдром» (вооруженное столкновение в Корее, где «холодная война» пе-

перосла в «горячую» фазу), требовало фактически запредельного напряжения всех экономических возможностей. Так, выступая на совещании, министр национальной обороны Польши маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский заметил, что по имеющемуся плану поляки рассчитывали достичь необходимого уровня боеспособности лишь к концу 1956 г. Новые сроки, определенные Сталиным, означали, что интенсивность подготовки и, в первую очередь, военные расходы предстояло фактически удвоить⁹. Понятно, что подобное ускорение коснулось и Румынии, серьезно осложнив и без того не простую экономическую ситуацию в стране.

Документы свидетельствуют, что советская сторона в целом адекватно определяла причины напряженности на экономическом фронте. Главной она считала форсирование темпов индустриализации в условиях отсутствия в Румынии собственной сырьевой базы, что обусловило развитие целых отраслей промышленности, в том числе металлургической, металлообрабатывающей и пр., на базе импортного сырья и оборудования. В общей структуре импорта поставки в отрасли тяжелой промышленности составили 50–60%. Выразившаяся в планах возведения «великих строек социализма» гигантомания (канал Дунай–Черное море, проект канала Бухарест–Дунай, столичный метрополитен) привела к тому, что экономически строительство многих крупных объектов, в первую очередь канала Дунай–Черное море, не было экономически грамотно обосновано.

Советская сторона признавала за собой определенную долю вины за возникшие в румынской экономике трудности. Так, в готовившихся к переговорам материалах критике подверглось Министерство внешней торговли СССР, которое при заключении торговых договоров не анализировало с должной тщательностью реальные возможности румынского партнера в освоении завозимого из Советского Союза оборудования. В результате серьезного анализа экономической ситуации в Румынии советские эксперты пришли к заключению, что без дополнительных кредитов не обойтись. Вопрос заключался в определении их размера. Одновременно эксперты настаивали на пересмотре румынской стороной планирования внешней торговли, резком сокращении импорта, ограничив его ввозом самого необходимого: в первую очередь, сырья для металлургии, угольной, легкой и пищевой промышленности.

3 января 1954 г. Президиум ЦК КПСС поручил А. И. Микояну, В. З. Сабурову, А. Г. Звереву и С. А. Борисову в недельный срок подготовить предложения по письму правительства РНР о кредите. Поручение было выполнено: 16 января обстоятельная записка поступила Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву. Авторы пришли к выводу, что «имеющие место серьезные недостатки в развитии народного хозяйства Румынии не могут быть устранены предоставлением ей кредита, а требуют... принятия мер румынским

правительством к коренному улучшению дела руководства экономикой страны». В записке содержались также конкретные рекомендации румынской стороне¹⁰.

25 января 1954 г. А. И. Микоян в записке на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева сформулировал следующие предложения: 1) предоставить румынской стороне кредит в размере 115 млн. рублей, в том числе часть его (50 млн.) сырьем (хлопок, прокат, каучук) сверх намечаемых поставок; 2) погашение кредита в соответствии с пожеланием румынской стороны проводить в 1956–1958 гг. товарными поставками; 3) рекомендовать румынской стороне договориться с немцами и чехами о рассрочке платежей, так как «состояние нашего платежного баланса с ГДР и Чехословакией не позволяет взять на себя оплату румынской задолженности этим странам за поставленное в 1953 году военное имущество»; 4) «для закупок у капиталистов продовольствия и сырья рекомендовать использовать часть золотого запаса (20–25 тонн из имеющихся 50)»¹¹.

Тем временем румынская правительственная делегация прибыла в Москву. Во время визита в Президиуме ЦК КПСС состоялись две встречи, 26 января и 1 февраля 1954 г., записи которых, сделанные соответственно послом СССР в Бухаресте Л. Г. Мельниковым и заведующим IV Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимяниным, публикуются ниже.

Примечательно, что во время первой встречи о главной цели визита — предоставлении кредита — не говорилось. Обсуждение этого вопроса проходило в рабочем порядке. Советскую сторону на переговорах представляли А. И. Микоян и В. З. Сабуров. Участвовала в работе и группа советских специалистов. Итоги работы были изложены в записке от 30 января 1954 г. на имя Маленкова и Хрущева¹². Микоян сообщал: «Румыны просили 350 млн. рублей кредита, в том числе 110 млн. для погашения задолженности Чехословакии и 40 млн. — ГДР. Мы рекомендовали, а они согласились самим договориться с немцами и чехами. Тогда потребность в кредите снизится до 200 млн. Мы заявили, что предложим своему правительству дать кредит в 157 млн. рублей, а 43 млн. румыны должны будут взять из своего золотого запаса, тем более что нашему правительству придется примерно на такую же сумму израсходовать свои золотые ресурсы для помощи Румынии. ...Тов. Деж, обсудив этот вопрос со своей делегацией, заявил, что они просили бы добавить к этой сумме еще 100 млн. рублей кредита. Мы заявили, что, по нашим расчетам, такая цифра ниоткуда не вытекает и что мнение румынских товарищей по этому вопросу нами будет доложено Советскому правительству. Это означает, что румыны увеличивают свою первоначальную заявку на кредит еще на 57 млн. рублей, то есть вместо первоначально запрошенного кредита 350 млн. рублей называют теперь 407 млн. рублей, не желая при этом использовать часть своих золотых запасов».

Очевидно, что, помимо размера кредита, важное значение приобретал вопрос о судьбе золотого запаса страны. Мнения в советском руководстве разделились, что отчетливо проявилось во время встречи 1 февраля. Хотя Микоян продолжал настаивать на использовании «в крайнем случае» части золотого запаса Румынии, было решено доработать вопрос о кредите таким образом, чтобы избежать расходования румынского золота. Размер кредитов был определен в 200 млн. рублей. Советская сторона обещала также помощь советниками по вопросам планирования и финансов, специалистами и техникой.

Результаты переговоров были закреплены постановлениями Президиума ЦК КПСС от 6, 20 и 27 февраля 1954 г.

Документы, освещающие московскую встречу, не только фиксируют взгляд советского руководства на экономические проблемы Румынии, но и отражают те недостатки, которые существовали в сфере двусторонних отношений в рамках формировавшегося советского блока. Так, заместитель председателя Совета министров СССР Л. П. Берия в июне 1953 г. в связи с охватившими Чехословакию волнениями в ходе проведения денежной реформы констатировал слабую информированность Москвы о реальном политическом и экономическом положении в странах советской сферы влияния. «Советы, даваемые нашим друзьям, — писал Берия Маленкову, — являются эпизодическими, бессистемными, в ряде случаев не увязанными с хозяйственно-политическими задачами стран народной демократии и Советского Союза, Более того, надо прямо сказать, что наши советы не всегда были удачными. Достаточно напомнить пример со строительством в Румынии канала Дунай–Черное море, стоимостью в 10 миллиардов лей»¹³. Недостаточную компетентность отдельных советских руководителей в экономических вопросах и, как следствие, неконкретность прозвучавших рекомендаций отразили и московские переговоры 1954 г.

В ходе московских встреч по инициативе румынской стороны рассматривались также и некоторые политические вопросы. На приеме 26 января советская сторона, отвечая румынам, еще раз четко сформулировала свою позицию относительно Трансильвании как «составной части румынского государства», а 1 февраля выразила согласие подготовить свои предложения по «делу» Л. Пэтрэшкану, дав соответствующее поручение М. А. Сулову и В. А. Зорину.

Публикуемые записи бесед сохраняются в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде Г. М. Маленкова. Тексты переданы с сохранением стилистических особенностей, заголовки документов воспроизведены по формулярам документов-оригиналов. Сокращенные части слов восстановлены в квадратных скобках.

Док. № 1

*Сов. секретно. Экз. № 1***Прием руководителей Румынской Народной Республики
в Президиуме ЦК КПСС 26 января 1954 года**

Товарищ Г. М. Маленков сообщил, что с теми материалами, которые присланы в ЦК КПСС румынскими друзьями, все присутствующие подробно ознакомились, и поблагодарил румынских товарищей за предоставленную информацию. Теперь, когда мы собрались здесь, сказал товарищ Г. М. Маленков, было бы желательно выслушать те дополнительные вопросы, которые Вы хотели бы изложить. После этого с нашей стороны мы хотели бы выделить товарища А. И. Микояна, товарища М. З. Сабурова для того, чтобы они вместе с теми товарищами, которым Вы поручите, собрались и детально обсудили все те вопросы, которые Вы подготовили для рассмотрения.

В ходе беседы были затронуты вопросы, касающиеся общего объема капиталовложений в народное хозяйство Румынии.

Георгиу-Деж сообщил, что после июльской беседы и в соответствии с теми советами и пожеланиями, которые были высказаны тогда ¹⁴, ЦК партии и правительство РНР пересмотрели объем капиталовложений и уменьшили его на 4 млрд лей. На все народное хозяйство было выделено 19,5 млрд лей. Из этой суммы 15,5 млрд лей выделено на решение экономических задач и остальная сумма — на нужды обороны и МВД.

На вопрос, не думают ли товарищи вернуться к строительству канала Дунай–Черное море, последовал ответ, что они считают абсолютно правильным закрытие этого строительства ¹⁵. Если бы не были приняты меры к прекращению строительства канала, сказал Георгиу-Деж, то сегодня страна имела бы еще большие трудности. При этом последовало уточнение по существу заданного вопроса о канале, в котором было подчеркнуто, что этот вопрос возник сегодня потому, что сами румынские товарищи при обсуждении его высказывали сомнение в целесообразности прекращения этого строительства. Георгиу-Деж подчеркнул, что хорошо и вовремя было им подсказано о необходимости закрытия строительства канала, что они правильно поняли этот совет и сделали все необходимые практические выводы, этот совет, как и многие другие высказанные тогда пожелания, оказали Румынии огромную помощь.

Товарищ Маленков высказал пожелание, чтобы румынские товарищи рассказали о политическом и экономическом положении страны, а также о положении в Румынской рабочей партии.

Георгиу-Деж высказал свое удовлетворение этим пожеланием и начал свое сообщение с того, что всем товарищам, присутствующим здесь, хоро-

шо известно о том напряженном положении, которое создалось в экономике Румынии, особенно в продовольственном снабжении населения.

Я хотел бы только подчеркнуть, сказал Георгиу-Деж, что основная наша ошибка заключается в неправильном отношении к крестьянству¹⁶. После того, как нам здесь были даны советы по этому вопросу, мы приняли ряд мер по исправлению допущенных ошибок, и сегодня можно сказать, что положение в стране несколько улучшилось.

Подтверждением этому служит то, сказал Георгиу-Деж, что широкие массы крестьянства правильно реагировали на выборы в народные советы. Необходимо отметить, что сельское население активно участвовало в этих выборах. По нашему мнению, крестьянство более активно участвовало в выборах, чем многие рабочие и служащие.

Все это еще не говорит о том, что мы все сделали для решения главной задачи — укрепления союза рабочего класса и трудового крестьянства. Мы далеки от такого вывода, но мы видим, что, выполняя Ваши советы и принимая практические меры в этом направлении, мы идем по правильному пути дальнейшего укрепления союза рабочего класса с трудовым крестьянством как основы нашего государства.

Настроение рабочих и служащих нельзя признать еще вполне удовлетворительным. Это объясняется наличием тех серьезных недостатков, которые имеются у нас, главным образом, в продовольственном и другом снабжении городского населения страны. Но мы, сказал Георгиу-Деж, при этих условиях не имеем случаев, чтобы эти недостатки привели к нездоровым последствиям.

На основании анализа всех фактов мы сегодня можем утвердительно сказать, что широкие массы румынского народа питают полное доверие к народно-демократическому строю Румынии.

Последние выборы в народные советы, за время которых мы получили от широких масс населения очень много критических замечаний о наших недостатках и конструктивных предложений, направленных на всестороннее улучшение деятельности всех государственных органов РНР, убедительно подтверждают наши выводы.

Что касается партии, сказал Георгиу-Деж, то я должен сообщить здесь, что наша партия в настоящее время насчитывает в своих рядах свыше 500 тыс. человек. Количественный состав партии подвергается изменениям в сторону уменьшения. Это объясняется теми мерами, которые мы проводим по очищению рядов партии от пробравшихся в нее недостойных, а во многих случаях и явно фашистских элементов. Мы систематически очищаем нашу партию от этих лиц. Мы проводили, как Вам известно, чистку рядов партии, проводим сейчас обмен партийных документов и ряд других мероприятий, обеспечивающих укрепление рядов партии. Сейчас мы видим, что все эти меры положительно сказываются на улучшении внутрипар-

тийной работы и всей деятельности партии. Развивается критика и самокритика в партийных организациях. Намного серьезнее теперь партийные организации относятся к выполнению директив партии, укрепляются связи партии с массами, улучшается воспитательная работа. Партийные организации и партийные органы глубже и критически подходят к решению политических и производственных вопросов.

Вместе с тем следует сказать, что хотя уровень идеологической работы партии несколько поднялся (мы организовали партийные школы, долгосрочные и краткосрочные курсы для подготовки партийных кадров, провели и другие мероприятия), однако мы считаем в целом, что уровень идеологической работы партии еще далеко недостаточен, и это отрицательно сказывается на выполнении ряда экономических и политических мероприятий партии и правительства. Все эти ошибки и недостатки мы стараемся исправить.

Что касается деятельности профсоюзов, то здесь следует отметить один из существеннейших недостатков, это тот, что до настоящего времени в наших профсоюзах не изжит анархо-синдикализм. Есть немало фактов, которые показывают, что многие профсоюзные организации стоят в стороне от решения важнейших вопросов производственной жизни, насущных нужд трудящихся и много тратят времени на бесплодные дискуссии, заседания и т. п.

В профсоюзных организациях очень сильно развит бюрократизм, который в той или иной мере заразил и нашу партию. Но общий вывод, который мы можем сделать из жизни и деятельности профсоюзных организаций, это тот, что они при помощи партии начинают перестраивать свою работу, и это дело мы доведем до конца.

В заключение Георгиу-Деж сказал, что трудностей у них еще много, особенно экономического порядка, а также чувствуется большой недостаток в кадрах специалистов, особенно недостает этих кадров для идеологической и культурной работы, а также специалистов сельского хозяйства, главным образом, механизаторов и специалистов по техническим культурам.

Кроме этого, следует отметить, что создавшиеся хозяйственные затруднения в стране вызвали оживление в лагере классово-враждебных элементов. Эти элементы всячески сопротивляются проводимым партией и правительством мероприятиям.

В ходе беседы были затронуты вопросы о конкретных мерах, предпринимаемых румынскими товарищами для ликвидации узких мест и тех серьезных недостатков, которые создались в продовольственном снабжении населения, а также о перспективах отмены карточной системы снабжения населения.

Румынские товарищи сообщили, что вопрос обеспечения трудящихся хлебом решается более или менее успешно, и он полностью будет решен.

Более трудным вопросом является обеспечение страны мясом и жирами, а легкой промышленности сырьем — шерстью, хлопком и кожами.

Мы могли бы, сказал Георгиу-Деж, уже в 1954 году отменить карточки на хлеб и другие продукты и товары, но мы не можем отменить в этом году карточки на мясо и жиры.

Что касается обеспечения населения овощами и картофелем, то эта задача будет решена в текущем году. Для этого есть у нас все возможности, но следует сказать, что мы до сих пор плохо их использовали. Этот недостаток мы видим, и он будет устранен.

Товарищ Н. С. Хрущев уточнил, что решение задачи обеспечения мясом и жирами может только тогда успешно решаться, когда в Румынии будет решена зерновая проблема. Если страна не будет иметь достаточного количества зерна, подчеркнул товарищ Н. С. Хрущев, то тогда не будет ни мяса, ни жиров. Для успешного решения зерновой проблемы нужно всемерно поднимать урожайность сельскохозяйственных культур, имея в виду климатические и почвенные условия Румынии. Нужно поднять уровень агротехники сельского хозяйства, обеспечивая глубокую вспашку, своевременный посев и хороший уход за посевами.

Георгиу-Деж сказал, что эти замечания и советы абсолютно правильны. Но он хотел бы сообщить, что в Румынии за последние годы увеличились площади посева различных технических и лекарственных культур, и что это вызвало некоторое сокращение площади посевов кукурузы. Однако они наметили меры увеличения в текущем году посевов кукурузы, а если нужно будет, то они сумеют и дополнительно расширить посевы этой культуры. Вместе с этим правительство РНР принимает все меры к увеличению урожайности всех сельскохозяйственных культур с каждого гектара посева. Это тем более необходимо, так как возможности расширения площадей за счет неиспользованных земель крайне ограничены.

Мы намечаем дополнительные специальные меры, сказал Георгиу-Деж, по оказанию помощи индивидуальным крестьянским хозяйствам, которые пока еще производят основную массу сельскохозяйственных продуктов. Имеем в виду организовать массовое производство простых сельскохозяйственных машин и на конной тяге, и даже ручные. Кроме того, будем изготовлять и более сложные машины и орудия с тем, чтобы к каждому трактору были свои прицепные машины. У нас очень большой недостаток этих машин. Достаточно сказать, что более 50% всех тракторов МТС и госхозов не используются на других работах, кроме пахоты.

Неотложным вопросом для Румынии является всемерное укрепление МТС и госхозов, в первую очередь кадрами. Госхозы также испытывают недостаток сельскохозяйственных машин. Мы намечаем специальные меры для решения этих вопросов. Думаем также оказать большую помощь единоличным, бедняцким и середняцким хозяйствам в приобретении ими

сельскохозяйственных машин. Рассчитываем выделить для этих целей необходимый кредит, а также предоставить возможность приобрести эти машины по льготным ценам и в рассрочку.

За этим последовали советы и пожелания румынским товарищам.

В первую очередь следовало бы румынским товарищам обратить внимание на всемерное внедрение и распространение передовых методов и приемов, широко известных и применяемых в сельском хозяйстве Советского Союза — это квадратно-гнездового и квадратного способов посева пропашных культур, особенно кукурузы, картофеля и овощей.

Многие колхозы Советского Союза, которые освоили и широко применяют эти передовые методы, особенно квадратно-гнездовой метод посева кукурузы, картофеля, овощей и кормовых культур, ежегодно получают исключительно высокие урожаи. Здесь уже приводились примеры, показывающие, каких высоких урожаев добились многие колхозы Московской области и Украины, которые давно применяют квадратно-гнездовой способ посева сельскохозяйственных культур. При этом подчеркивалось, что применение ручных кукурузосажалок дает большой прирост урожайности кукурузы на Украине, и многие колхозы хорошо освоили этот способ посадки и выращивали большие урожаи этой культуры. За последнее время на Украине перестали заниматься этим вопросом, забросили этот способ посадки кукурузы и стали получать низкие урожаи ее. Но передовые колхозы, зная преимущества этого способа, всемерно применяли его, несмотря на сопротивление. Все это убедительно показывает, насколько велики все те выгоды, которые заложены в квадратно-гнездовом способе посева пропашных культур. Здесь же было подчеркнуто, что эти факты приводятся для того, чтобы румынские товарищи поняли, что всякого рода нововведения будут вызывать и сопротивление, и чтобы они, имея это в виду, смогли бы преодолеть любое сопротивление и на деле широко распространить достижения передовых колхозов в своем сельском хозяйстве, особенно расширение и внедрение квадратно-гнездового способа посева, в первую очередь кукурузы.

В беседе было подчеркнуто, что в Румынии большие площади заняты под пропашные культуры, особенно под кукурузу, а поэтому было бы необходимо уже сейчас наметить специальные мероприятия по широкому внедрению квадратно-гнездового способа посева, который, безусловно, обеспечит высокую урожайность пропашных культур и особенно кукурузы. При этом внимание румынских товарищей было обращено на то, чтобы они при намечении (так в тексте. — Т. В.) мероприятий учитывали бы наличие большого количества у них единоличных крестьянских хозяйств.

Вместе с тем следует широко использовать все формы и методы разъяснительной работы и наглядной агитации для того, чтобы крестьяне, колхозники, работники госхозов и специалисты сельского хозяйства в со-

вершенстве овладели квадратно-гнездовым способом посева пропашных культур, особенно кукурузы, и широко его применяли.

Далее в беседе были затронуты вопросы состояния государственных хозяйств (госхозов). Румынские товарищи сообщили, что эти хозяйства пока еще работают плохо и не служат примером для крестьян образцовым ведением сельского хозяйства.

По этому вопросу были высказаны румынским товарищам советы и пожелания, чтобы они всесторонне продумали и наметили бы такие меры по подъему совхозов (так в тексте. — *T. B.*), которые помогли бы этим хозяйствам стать действительно образцовыми и передовыми. Если нужно будет оказать помощь со стороны Советского Союза в подъеме совхозного хозяйства, то такая посильная помощь может быть оказана особенно в перенесении богатого опыта и достижений в совхозном строительстве, имеющихся в Советском Союзе.

Следовало бы румынским товарищам вообще подумать над тем, как лучше и в более широком масштабе использовать последние достижения сельского хозяйства Советского Союза, минуя все те промежуточные стадии и те недостатки, которые встречались на пути при осуществлении этих достижений.

Вместе с тем нужно было бы румынским товарищам по-настоящему взяться за совхозы и сделать их рассадниками сельскохозяйственной культуры в Румынии.

Товарищ Н. С. Хрущев подчеркнул, что следовало бы всесторонне подумать о мерах помощи сельскому хозяйству стран народной демократии, может, следует создать специальный орган, который бы более постоянно со знанием дела занимался этими вопросами. Нужно подумать о создании такого органа в связи с реорганизацией Совета Экономической Взаимопомощи, но создать надо обязательно.

В связи с тем, что румынские товарищи сообщили, что они намечают значительно увеличить капиталовложения в сельское хозяйство, легкую и пищевую промышленность, высказано было мнение о желательности более конкретно рассмотреть этот вопрос, имея в виду более эффективное использование вкладываемых средств.

Были высказаны пожелания и советы румынским товарищам о широком использовании в агротехнической пропаганде кино, радио, газет и других средств. Румынские товарищи считают, [что] все это является могучим средством в подъеме сельского хозяйства, и они полностью принимают эти советы и пожелания. Вместе с этим они сообщили, что те кинокартины, которые им передал товарищ А. И. Микоян, они с интересом просмотрели, и им эти картины очень понравились, за что они сердечно благодарят и просят, если это возможно, приобрести подобные кинокартины и необходимую литературу, в которых освещаются передовые методы социалисти-

ческого сельского хозяйства в СССР. Эта просьба румынских товарищей встретила поддержку.

Просьба Георгиу-Дежа в том, что они нуждаются в специалистах по сельскому хозяйству, особенно по развитию хлопководства, а также в сельскохозяйственных машинах, также встретила поддержку.

Товарищ Н. С. Хрущев высказал пожелание, чтобы румынские товарищи подумали над вопросом правильного использования различных сельскохозяйственных машин, над тем, чтобы у крестьян вызвать заинтересованность в применении и использовании этих машин в своем хозяйстве. Для этого нужно найти правильный путь, необходимые организационные формы. Следовало бы подумать о создании прокатных пунктов для правильного использования государственных машин с тем, чтобы у крестьян развить аппетит и чтобы они, применяя сельскохозяйственные машины и передовой опыт, добились бы выращивания высоких урожаев всех сельскохозяйственных культур, тогда и государство получит много зерна и других сельхозпродуктов, а это приведет к снижению цен на эти продукты и будет способствовать улучшению материального положения народа.

Товарищ Г. М. Маленков высказал пожелание о том, чтобы румынские товарищи, исходя из тех советов и пожеланий, которые были высказаны здесь, продумали бы и выработали необходимые мероприятия и предложения по крутому подъему сельского хозяйства страны и предварительно, если это не затруднит товарищей, направили бы эти предложения нам, а мы на основе нашего опыта и практики могли бы высказать румынским товарищам свои советы. Это нужно ускорить с тем, чтобы не потерять время, не упустить наступающей весны этого года. Это предложение товарища Г. М. Маленкова было единодушно одобрено всеми присутствующими товарищами.

В беседе был также затронут вопрос о существующем между Румынией и Венгрией договоре о культурном сотрудничестве, в котором предусматривается рассылка венгерских газет, журналов и другой литературы для румынских граждан венгерской национальности, проживающих в Трансильвании.

При этом было отмечено, что распространяемые венгерские газеты и журналы излагают и отражают политику Венгерской партии трудящихся и Венгерского правительства, и все те, кто их читают, больше понимают Венгрию, чем Румынию. Не исключено, что это может быть использовано враждебными националистическими элементами в провокационных, антинародных целях. По этому вопросу в ЦК КПСС было высказано определенное мнение тов[арищу] Ракоши, он с этим согласился. Здесь было сказано то же, что в свое время было сказано венгерским товарищам.

Было высказано пожелание, чтобы румынские товарищи по-добрососедски переговорили с тов. Ракоши по этим вопросам и сообща внесли необходимые поправки в договор о культурном сотрудничестве между Румынией и

Венгрией. При этом было подчеркнуто, что все это следовало бы сделать так, чтобы не было никакого ущемления интересов национальных меньшинств. В Румынии надо организовать дополнительное издание газет, книг, учебников на венгерском языке и, если потребуется, открыть дополнительно школы и провести другие мероприятия с тем, чтобы полностью удовлетворить запросы и потребности румынских граждан венгерской и других национальностей.

Здесь же было подчеркнуто, что вопрос о Трансильвании давно решен. Она является составной частью румынского государства. В этой связи следовало бы подумать над тем, целесообразно ли дальше сохранять в г. Клуже венгерское консульство.

Следует иметь в виду, что все вопросы по Трансильвании решены правильно, на основе обоюдной договоренности установлены государственные границы, и никто не может помышлять о пересмотре существующих границ.

Было еще раз подчеркнуто, что все то, что было здесь сказано румынским товарищам, было сказано в свое время и венгерским товарищам, которые были с этим вполне согласны. Румынским товарищам можно, при необходимости, напомнить об этом тов. Ракоши по-хорошему.

Румынские товарищи с исключительным одобрением приняли эти советы и пообещали сделать все, чтобы в духе добрососедской дружбы решить все эти вопросы с венгерскими друзьями.

Записал Посол СССР в Румынии Л. Мельников

(РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 14. Л. 187–198. Подлинник. Машинопись).

Док. № 2

1.II.1954

Прием румынских тт. членами Президиума ЦК КПСС

Тов. Маленков предоставляет т. Микояну слово для сообщения о результатах переговоров с румынскими тт. по экономическим вопросам.

т. Микоян сообщил, что изучение положения в Румынии показало необходим[ость] оказания некоторой помощи румынским тт. в улучшении внешней торговли. Из 350 млн. рублей кредита, которые они просят, 150 млн. относятся к задолженности РНР перед ЧСР по военным поставкам; эту сумму надо выделить особо. Остается 200 млн. руб., необходимых для выравнивания внешнеторг[ового] баланса. Предлагается дать 150 млн. руб. кредита, остальную сумму румынск[ие] тт. мобилизуют сами; в крайнем случае выйдут из положения за счет собственного золотого запаса.

т. Деж — в порядке реплики — попросил дополн[ительно] 100 млн. руб., если это возможно.

т. Микоян заметил, что впредь румынск[ие] тт. должны обеспечивать активный внешнеторг[овый] баланс, т.к. располагают для этого возможностями.

Были у них вопросы, связанные с деят[ельностью] совромов; это — относит[ельно] распространения принципа паритетности в деле кап[итальных] вложений в совромы. Этот вопрос решен.

В связи с изменением курса лея по отношению к рублю возник вопрос о порядке оплаты поставок кварцита. Обсудили и решили перевести все расчеты по кварциту в румынские оптов[ые] цены, увеличив долю прибылей рум[ынской] стороны с 8% до 10%. т. Микоян заметил также, что наши советники в РНР плохо помогали румынск[им] тт., глубоко в дело не вникали.

т. Деж заявил, что Румынии надо помочь советниками по планированию и финансам.

т. Ворошилов заметил, что надо учитывать советы наших специалистов, обеспечить взаимопонимание.

т. Микоян — Были сделаны замечания по вопросам эконом[ической] политики ЦК и правительства Румынии, румынские тт. согласились с замечаниями. Мы не затрагивали военных вопросов, но следует заметить, что военные расходы обременительны для румын, следовало бы их сократить.

тов. Маленков осведомился, насколько действительно тяжелы военные расходы.

т. Деж заявил, что военные расходы велики и растут, назвал неск[олько] цифр. В 1953 г. они составили 6,5 млрд. лей.

т. Хрущев заметил, что это много, надо разобраться и уменьш[ить] военные расходы.

т. Микоян внес поправку в расчеты Дежа, сказав, что военные расходы (вместе с кап[итальными] вложениями) составили в 1953 г. 9,8 млрд. лей — 28% бюджета РНР.

тов. Маленков — Мы в ЦК КПСС посоветовались и условились по нек[оторым] вопросам Румынии.

О кредите. Решили дать 200 млн. руб. кредита, имея в виду, что с ЧСР и ГДР румынские тт. договорятся об отсрочке [платежей]. Наши тт. должны вместе с румынск[ими] тт. доработать вопрос о кредите таким образом, чтобы избежать расхода золотых запасов.

О военной программе. Поручается тт. Булганину и Сабурову вместе с румынскими тт. внимательно разобраться с военными расходами Румынии, имея в виду их пересмотр в сторону некоторого уменьшения. В связи с этим сократится и объем спец[иальных] капиталовложений Румынии. Желательно, чтобы румынские тт. приехали к себе, подобрали необходим[ый] материал и прислали представителей для совместного рассмотрения этого вопроса.

Относительно помощи в составлении н[ародно]-х[озяйственного] плана. тт. Микояну и Сабурову поручается подобрать группу работников, которые помогут румынским тт. в составлении н/х плана¹⁷.

Относительно сельского хозяйства. Поставлен вопрос о том, чтобы послать в Румынию группу тт., которые помогут румынск[им] тт. разработать меры по подъему сельского хозяйства¹⁸.

Относительно советников. Надо подобрать квалифицированных советников, о которых просил т. Деж.

О рекомендациях румынским тт. Рекомендации надо доработать. Встал, напр[имер], вопрос, почему румынские тт. вовсе не предусмотрели в своих планах добычу рыбы.

т. Деж — У нас нет кадров.

т. Ворошилов — И желания...

т. Деж — Рыба есть.

т. Маленков — Дополнить рекомендации указаниями о рыболовстве. В рекомендациях еще раз надо сказать, — чтобы внимательно отнеслись, — о необходимости известного сокращ[ения] капиталовложений в целях быстреего повышения уровня жизни трудящихся.

т. Хрущев — В планах румынск[их] тт. все благополучие построено на том, чтобы повысить планы заготовок на известное колич[ество] %%. У меня нет большого доверия к этим цифрам. Надо быстрее подтягивать с[ельское] хозяйство, иначе цены пойдут вверх, и румынск[ие] тт. начнут печатать деньги. В 1953 г. урожай в Румынии был хорошим, а планы заготовок не выполнены, продуктов недостает. Еще не известно, какой будет урожай в 1954 г. Поэтому румынск[ие] тт. должны тщательно проверить свои планы, иметь реальные планы, а не добрые пожелания.

т. Маленков — В рекомендациях надо еще раз записать о необходимости обоснованного планирования и дисциплины, иначе планы можно дискредитировать.

т. Деж выражает согласие с этим.

т. Хрущев замечает, что у румынск[их] друзей нет резервов; надо точнее планировать экономику.

т. Маленков говорит, что т. Деж может уезжать, но неск[ольким] тт. следовало бы остаться, чтобы вместе с ними доработать поставленные вопросы, закончить с подготовкой рекомендаций¹⁹.

т. Деж обратился с просьбой — дать поручение, чтобы поставить в Румынию образцы техники по возделыв[анию] хлопка, кукурузы и картофеля, тех машин, что видели в кино. Они (рум[ынские] тт.) хотят поставить по-советски свои госхозы.

т. Хрущев заметил, что машины можно дать на 1–2 хозяйства, можно прислать агрономов, которые помогли бы румынским тт.

т. Маленков замечает, что если румынские тт. хотят наладить неск[олько] образцовых гос[ударственных] хозяйств, то можно помочь им присылкой специалистов и машин.

т. Деж замечает, что есть возможность для создания образцовых хозяйств (больш[ие] госхозы на хороших землях), но не хватает квалиф[ицированных] кадров, нет машин.

т. Маленков кратко обобщ[ает] данные поручения, повторив, что они должны быть выполнены в 3-х дневн[ый] срок.

т. Деж благодарит и напоминает о деле Патрашкану, которого они намерены судить за организацию контррев[олюционного] заговора закрытым процессом, с кратк[им] опублик[ованием] в печати. Румынск[ие] тт. привезли с собой материалы и хотели бы получить совет.

т. Маленков предложил оставить материалы по делу Патрашкану для изучения, поручив подготовку предложений тт. Суслову и Зорину²⁰.

Записал: М. Зимянин

(РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 14. Л. 181–186. Подлинник.
Рукописный экз. зелеными чернилами)

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. М., 2002. Т. 2. 1949–1953. С. 825.
- 2 Архив Президента Российской Федерации (Далее: АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 179. Л. 70–71.
- 3 Советский фактор... С. 779–786.
- 4 Там же. С. 781.
- 5 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 179. Л. 77–78.
- 6 Речь шла о пленуме ЦК РРП 19–20 августа 1953 г., на котором экономическая политика была существенно скорректирована: изменена структура капиталовложений в пользу группы «Б», снижены темпы развития.
- 7 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 179. Л. 83–84.
- 8 Там же. Л. 80.
- 9 Raport asupra Consfătuirii reprezentanților țărilor de democrație populară și ai Uniunii Sovietice — la Moscova în zilele de ianuarie 1951 // Document.1998. № 2–3. P. 72; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2000. Т. 1. Становление «реального социализма». 1945–1965. С. 270.
- 10 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 179. Л. 144–148.
- 11 Там же. Л. 149.
- 12 Там же. Л. 161–162.
- 13 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. С. 918.
- 14 Речь идет о пребывании румынской делегации во главе с Г. Георгиу-Дежем в Москве в июле 1953 г. В записи беседы с послом Л. Г. Мельниковым 1 августа

- 1953 г. подчеркивалось, что Деж высказал «восхищение и полное удовлетворение сердечным и теплым приемом и откровенным разговором о недостатках в руководстве хозяйством Румынской Народной Республики», что, по его словам, после беседы он «вырос на целую голову». «Внешне нам казалось, — говорил румынский руководитель, — что мы вроде все делаем правильно, однако чувствовали, что нас сжимает какое-то кольцо, какие-то мы имеем серьезные недостатки и пороки в своей работе, но никак не могли додуматься, где корень этих ошибок. Только после того, как мы выслушали откровенные высказывания руководителей партии и правительства Советского Союза, мы поняли все свои недостатки и серьезные ошибки. ... Нам посоветовали самим разработать необходимые мероприятия по каждому обсуждаемому вопросу и исправить допущенные нами ошибки в руководстве страной» (Восточная Европа в документах... С. 939).
- 15 Вопрос о строительстве канала Дунай–Черное море был поставлен на приеме румынской правительственной делегации в Москве 3 февраля 1948 г. В связи с замечанием П. Грозы о том, что Сулинский канал Дуная мелеет и Румыния может оказаться отрезанной от Черного моря, И. В. Сталин напомнил, что в Румынии «был когда-то план строительства нового канала, соединяющего Дунай с Черным морем». Он заявил, что если Румыния вернется к этому плану, то советская сторона сможет оказать помощь («В Румынии теплее, чем это нужно для страны»). Прием Сталиным румынской правительственной делегации // Источник. 2002. № 2. С. 97). Румынская сторона приняла эти слова как прямое указание к действию. В связи с возникшими экономическими трудностями в июле 1953 г. по совету Москвы строительство канала было прекращено специальным постановлением Совета министров РНР № 24042 (*Păiușan C., Ion N. D., Retegan M. Regimul communist din România o cronologie politică. 1945–1989. București, 2002. P. 85*). Рекомендации советской стороны о прекращении строительства канала предшествовала экспертиза, проведенная специалистами Министерства электростанций СССР (Советский фактор в Восточной Европе... С. 780).
- 16 «Неправильное отношение к крестьянству» выразилось, в частности, в серьезных ошибках, допущенных при организации колхозов в 1952 г.: непосильных налогах, повышенных нормах обязательных поставок сельхозпродуктов, принудительном изъятии имущества, арестах и иных репрессиях по отношению к середняку, что, по признанию румынской стороны, фактически означало раскулачивание. Осенью 1952 г. во многих районах страны по хлебопоставкам у крестьян было отобрано почти все зерно. 18 октября 1952 г. в беседе с послом А. И. Лаврентьевым Деж сообщил, что принято решение вернуть крестьянам часть зерна для проведения осеннего сева и пропитания семей, причем объем возвращаемого зерна предположительно мог составить 2–3% заготовленного фонда ржи и пшеницы (Советский фактор в Восточной Европе... С. 701).
- 17 20 февраля 1954 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о командировании в Румынию специалистов для подготовки народно-хозяйственного плана и бюджета на 1954 г.
- 18 По постановлению ЦК КПСС от 20 февраля 1954 г. группа специалистов была сформирована (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 180. Л. 29).

- ¹⁹ Рекомендации правительству РНР по экономическим вопросам были утверждены Постановлением Президиума ЦК КПСС 6 февраля 1954 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 180. Л. 10–16).
- ²⁰ К 22 февраля 1954 г. М. А. Суслов и В. А. Зорин подготовили проект указаний советскому послу в Бухаресте в связи с «делом» Л. Пэтрэшкану, в котором выразили согласие с намерением румынской стороны провести закрытый судебный процесс и опубликовать в печати краткое коммюнике с изложением сути процесса и вынесенного приговора (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 232. Л. 85). 31 марта 1954 г. Президиум ЦК КПСС утвердил проект в этой формулировке. Вопрос о мере наказания был оставлен на усмотрение румынского руководства. В тот же день, 31 марта 1954 г., Г. Георгиу-Деж информировал посла Л. Г. Мельникова о том, что закрытый процесс начнется 6 апреля и что к трем из одиннадцати подсудимых, включая Пэтрэшкану, решено применить высшую меру наказания (Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 10. Л. 43–44).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Андропов Ю. В.* (1914–1984) — в 1953 г. заведующий IV Европейским отделом МИД СССР; с 1953 г. советник посольства, в 1954–1957 гг. посол СССР в Венгрии.
- Берия Л. П.* (1899–1953) — в 1946–1953 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС; в 1941–1953 гг. заместитель Председателя Совнаркома (Совмина) СССР; в 1938–1945, 1953 гг. нарком (министр) внутренних дел СССР.
- Борисов С. А.* (1905–1964) — в 1951–1953 и после нескольких месяцев перерыва в 1953–1964 гг. первый заместитель министра внешней торговли СССР.
- Булганин Н. А.* (1895–1975) — в 1948–1958 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС; в 1955–1958 гг. председатель Совмина СССР.
- Бэрладяну А.* (1911–1997) — в 1948–1954 гг. министр внешней торговли РНР.
- Ворошилов К. Е.* (1881–1969) — в 1926–1960 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС; в 1953–1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.
- Георгиу-Деж Г.* (1901–1965) — в 1945–1954 гг. генеральный секретарь, с 1955 г. первый секретарь ЦК РРП; в 1952–1955 гг. председатель Совмина РНР.
- Зверев А. Г.* (1900–1969) — в 1938–1960 гг. нарком (министр) (в 1948 г. заместитель министра) финансов СССР; в 1952–1961 гг. член ЦК КПСС.
- Зимянин М. В.* (род. 1914) — в 1953–1956 гг. заведующий IV Европейским отделом МИД СССР.
- Зорин В. А.* (1902–1986) — в 1947–1955 гг. заместитель министра иностранных дел СССР; в 1952–1953 гг. постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН.
- Кабанов И. Г.* (1898–1972) — в 1953–1958 гг. министр внешней торговли СССР; член ЦК КПСС.
- Киву С.* (1908–1975) — в 1945–1975 гг. член ЦК РРП; в 1950 г. член Оргбюро ЦК РРП.

- Кишиневский И.* (1905–1963) — в 1948–1960 гг. член Политбюро ЦК РРП; член Оргбюро ЦК (1950 г.); в 1952–1955 гг. секретарь ЦК по вопросам пропаганды и культуры.
- Константинеску М.* (1917–1975) — в 1945–1960 гг. член Политбюро ЦК РРП; в 1952–1960 гг. секретарь ЦК; в 1949–1955 гг. председатель Государственного комитета планирования; в 1954 г. заместитель председателя Совмина РНР.
- Лаврентьев А. И.* (1904–1984) — в 1946–1949 гг. посол СССР в Югославии; в 1949–1951 гг. заместитель министра иностранных дел СССР; в 1951–1952 гг. посол СССР в Чехословакии; в 1952–1953 гг. посол СССР в Румынии.
- Маленков Г. М.* (1902–1988) — в 1946–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС; в 1953–1955 гг. председатель Совмина СССР.
- Мельников Л. Г.* (1906–1981) — в 1949 г. первый секретарь ЦК КП(б) Украины; в 1952–1953 гг. член Президиума ЦК КПСС; в 1953–1955 гг. посол СССР в Румынии.
- Микоян А. И.* (1895–1978) — в 1936–1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС; в 1946–1949 гг. министр внешней торговли; в 1953–1955 гг. министр торговли СССР.
- Молотов В. М.* (1890–1986) — в 1926–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС; в 1942–1957 гг. первый заместитель председателя Совнаркома (Совмина) СССР; в 1939–1949 и 1953–1956 гг. нарком (министр) иностранных дел СССР.
- Петреску Д.* (1906–1969) — в 1948–1950 гг. кандидат в члены ЦК РРП; в 1950–1955 гг. член ЦК; в 1950 г. член Оргбюро ЦК РРП; генерал-майор.
- Пэтрэшкану Л.* (1900–1954) — в 1946–1948 гг. член Политбюро ЦК РРП; в 1945–1948 гг. министр юстиции Румынии.
- Рокоссовский К. К.* (1896–1968) — маршал Советского Союза (1944 г.); маршал Польши (1949 г.); в 1949–1956 гг. министр национальной обороны Польши, заместитель председателя Совмина ПНР; в 1950–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП.
- Сабуров М. З.* (1900–1977) — в 1949–1955 гг. председатель Госплана СССР; в 1952–1957 гг. член Президиума ЦК КПСС.
- Сталин И. В.* (1879–1953) — с 1922 г. генеральный секретарь ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС; с 1941 г. — председатель Совнаркома (Совмина) СССР.
- Суслов М. А.* (1902–1982) — в 1952–1953 гг. член Президиума ЦК КПСС; в 1950–1954 гг. член Президиума Верховного Совета СССР; с 1964 г. председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР.
- Хрущев Н. С.* (1894–1971) — в 1939–1964 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС; в 1953–1964 гг. — первый секретарь ЦК КПСС.

Л. С. Лыкошина
(Москва)

«Польский Октябрь» как системный кризис

В 2006 г. в Варшаве состоялась организованная Польским институтом международных проблем международная научная конференция, приуроченная к 50-й годовщине событий октября 1956 г. в Польше. Конференция не случайно проходила под патронатом Министерства иностранных дел Польской Республики: ведь 1956 год правомерно рассматривать как важную веху в обретении страной подлинного суверенитета, как феномен, повлиявший на развитие международных отношений второй половины XX в. Между тем именно международный контекст проблемы не получил в науке должного освещения в силу целого ряда причин, среди которых едва ли не определяющей является недоступность, вплоть до последнего времени, многих архивных документов. Восполнить этот пробел в известной мере призван сборник*, подготовленный на основе материалов конференции.

В ее работе приняли участие историки и политологи Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Китая, России, США и Чехии. Свои взгляды на проблему представили также известные польские специалисты. По мнению Влодзимежа Бородзея (Варшавский университет), до 1955 г. Польша не проводила внешней политики в полном смысле слова. Весьма существенно изменил ситуацию 1956 год: формируется «новая география» польской внешней политики, что выразилось в активизации отношений как с Западом, так и со странами Азии и Африки, в приобретении относительно большей свободы от диктата Москвы. Как первую серьезную попытку обретения Польшей свободы и суверенитета рассматривает 1956 год и Анджей Фришке (Институт политических исследований ПАН). Рассматривая проявления системного кризиса в стране, польский историк акцентирует внимание на отсутствии ряда ключевых источников, проливающих свет на события. В частности, речь идет о документальных материалах российских архивов, которые, как представляется, могли бы способствовать более глубокому пониманию проблемы контактов советского и польского руководства, оценки событий 1956 года как они виделись из Москвы, вероятности советской вооруженной интервенции и т. д. Сложности в доступе к архивным материалам отмечает и Роберт Купецкий (МИД Польши), исследовавший проблему отношения НАТО к событиям 1956 года. К архиву Альянса ученые получили доступ относительно недавно — лишь после

---

* Polski październik 1956 w polityce światowej. Warszawa, 2006. 352 s.

1999 г. Детально рассмотрев блок документов, касающихся 1956 г., польский ученый подчеркнул высокий уровень аналитичности документов и особый акцент их содержания, состоящий в отношении к Польше как к «фактору, создающему шансы на нарушение монолитности коммунистического блока» (с. 302).

Большой интерес представляет статья российского историка А. М. Орехова (Институт славяноведения РАН), в которой рассматриваются некоторые недостаточно проясненные вопросы советско-польских отношений, в частности оценка кризиса советским партийным и государственным руководством. Автор широко использует материалы российских, мало или совсем неизвестных исследователям. Он пришел к выводу на первый взгляд парадоксальному: советская политическая элита недостаточно ориентировалась в специфике исторического сознания и особенностях менталитета поляков, что неизбежно отразилось на оценке событий 1956 г. и польско-советских отношений в целом.

Ряд материалов сборника отражает отношение отдельных стран к событиям 1956 г. в Польше. Среди них особый интерес вызывает работа китайских историков Шен Чихуа и Ли Танхуэй (Пекинский университет), построенная на недавно открытых для исследователей фондах Архива Министерства иностранных дел КНР. Они прослеживают динамику отношения китайского руководства к польским событиям, приводят интересные факты о поддержке Китаем Польши, о роли этой поддержки в формировании позиции польской стороны. Авторы отмечают серьезные расхождения между Польшей и Китаем в оценке венгерских событий 1956 г. По их мнению, в трактовке Мао «события в Венгрии носили контрреволюционный характер, а Надь предал коммунистическую партию», в то же время «события в Польше были проблемой в рамках самой революции, где ревизионизм противостоял догматизму. Поэтому, в частности, Мао Цзэдун при своем антисоветском настрое поддержал Польшу, но одновременно одобрил советскую интервенцию против Венгрии» (с. 108).

Венгерским сюжетам, отношению к событиям польского Октября посвящена статья венгерского историка Яноша Тишлера (Институт истории венгерской революции 1956 г.). Он отмечает, что В. Гомулка в принципе поддерживал правительство Я. Кадара, хотя с определенной дистанцией относился к обстоятельствам его прихода к власти. Польша, официально помогая Венгрии несмотря на собственные экономические трудности, на неофициальном уровне давала понять венгерскому руководству, что отнюдь не поддерживает и не одобряет политику репрессий. Автор анализирует определяющую роль московского совещания коммунистических и рабочих партий (октябрь 1957 г.) в формировании отношений между Польшей и Венгрией. По мнению Я. Тишлера, итоговый документ совещания свидетельствовал о том, что в социалистическом лагере «вновь возоблада-

ли сторонники твердого курса» (с. 126). Этот «твердый курс» и политический прагматизм польского руководства проявился и в реакции на казнь Имре Надя, что автор оценивает как негативное отношение В. Гомулки и к самому польскому Октябрю, героем которого некогда был польский лидер (с. 144).

Материал об отношении Чехословакии к польскому Октябрю 1956 г. рассмотрен в статье чешских историков Игора Лукеса (Бостонский университет) и Карела Себера (Информационный архив Чешского телевидения). Авторы статьи, апеллируя к сюжету о Шерлоке Холмсе, образно сравнивают позицию Чехословакии с поведением собаки, не залаившей в ночь совершения преступления. Молчание чешского общества рассматривается в разных плоскостях: через суждения сотрудников американского посольства в Праге и через отношение к событиям в Польше руководства коммунистической партии Чехословакии и чехословацких дипломатов в Варшаве. Авторы увязывают политический аспект событий с экономическими проблемами Праги, ее зависимостью от поставок польского угля, анализируют предопределенность позиции чехословацкого руководства, готовность принять все польские условия несмотря на их явную экономическую невыгодность для чехословацкой стороны.

В статье болгарского историка и политолога Йордана Баева (Центр исследований по истории «холодной войны» Софийского университета) подчеркиваются специфические особенности болгарского общества, предопределившие отношение к польским событиям 1956 г.: фактическое отсутствие антикоммунистической оппозиции и, что отмечали даже западные наблюдатели, искренняя любовь к России. Тем не менее польский Октябрь повлиял на внутреннюю политику болгарского руководства, с одной стороны ужесточившего преследования если не реально, то потенциально инакомыслящих, а с другой – предпринявшего меры для улучшения социально-экономического положения населения Болгарии. События 1956 г. привели к ухудшению польско-болгарских отношений, сворачиванию экономических и культурных связей. Отношения между двумя странами наладились в начале 1960-х гг. И. Баев замечает, что, в отличие от других стран Восточной Европы, в Болгарии, пребывавшей под единоличным руководством Т. Живкова, не сложились условия для реального проявления оппозиционных настроений, и страна фактически оставалась в фарватере советской политики почти до конца существования коммунистического режима.

В статье Бернда Шефера (Немецкий исторический институт в Вашингтоне) события польского Октября '56 расцениваются как показатель процесса десталинизации, ставшего составной частью польского общественного бытия. По отношению же к немецким государствам «ограниченная внутренняя политическая автономия в рамках восточной союзнической

системы, отвоеванная Польшей в октябре 1956 г., представляла временную угрозу для Германской Демократической Республики и вместе с тем шанс в долговременной перспективе для Федеративной Республики Германии» (с. 191). Именно так, как реальную опасность, восприняли октябрьские события коммунисты в ГДР. Последствия их для страны автор рассматривает в трех аспектах: как реальную реакцию политического руководства, как реакцию общественного сознания и как реакцию посольства ГДР в Варшаве. Последние материалы особенно важны, так как оценки немецких дипломатов в Варшаве существенно расходились с оценками руководителей ГДР. В статье Б. Шефера содержится интересный анализ позиции канцлера ФРГ К. Аденауэра, оценивавшего польские события исходя из потенциальной перспективы объединения Германии.

Американский историк Дуглас Селвидж (Университет аэронавтики Эмбри-Риддл) в своей работе отмечает, что в период кризиса 1956 г. в Польше в Вашингтоне у власти находились политики, откровенно призывавшие к борьбе с коммунизмом — Д. Эйзенхауэр и Д. Ф. Даллес. Однако надежды и ожидания некоторых общественных кругов на вооруженное вмешательство американской администрации во имя защиты свободы восточноевропейских стран оказались тщетными. Автор на основании изучения широкого круга источников доказывает неосновательность и отсутствие соответствующих намерений американских лидеров. Публично выступая против коммунизма, последние всеми силами стремились избежать действий, способных спровоцировать вооруженный конфликт с СССР. Недавно ставшие доступными документы свидетельствуют о неудавшихся попытках некоторых военных высшего эшелона подтолкнуть администрацию к силовому вмешательству в европейские проблемы.

Сдержанной реакции Великобритании на польские события посвятила свою статью английский политолог Анне Дайджтон (университет в Оксфорде). По мнению исследовательницы, у этой сдержанности были свои причины. Одна из них заключалась в признании нежелательности и нереальности вооруженного вмешательства в европейские дела. Вторая связана с участием Великобритании в вооруженном конфликте в районе Суэцкого канала как раз во время польских событий. Отсутствие активных действий не означало отсутствия интереса со стороны британских политических кругов. Автор, анализируя проявления этого интереса, придерживается мнения, что «Польша была потеряна для Запада до тех пор, пока Германия была разделена, а улучшение отношений с Советским Союзом оставалось для Соединенного королевства более важной целью, чем инициирование революций в Восточной Европе» (с. 261).

Отношение Франции к польскому Октябрю невозможно понять, не учитывая предшествующего периода развития отношений между двумя странами. Такого мнения придерживается польский историк Марья Паштор

(Варшавский университет). В своей статье она пишет, что польско-французские отношения в конце 1940-х и начале 1950-х гг. были чрезвычайно напряженными, некоторое улучшение наметилось лишь в 1953 г., но и в дальнейшем двусторонние отношения оставались достаточно сложными. 1956 год привел к росту заинтересованности французской стороны в развитии торгово-экономических связей с Польшей, активизировались и научно-культурные контакты. Как полагает автор, именно такой ход событий в тот момент вполне устраивал СССР, в орбите которого развивались внешнеполитические контакты Польши. Возможно, важнейшими явились культурные и научные контакты Польши и Франции. В этой связи М. Паштор полагает, что «польские деятели культуры и науки имели в то время возможности для ознакомления с достижениями Запада в интересующих их областях, прежде всего *via* Париж» (с. 276).

Изданный в Варшаве сборник может рассматриваться как комплексное исследование событий 1956 г., своеобразная энциклопедия заявленной темы, проливающая свет на многие ранее малоизвестные аспекты проблемы, вводящая в научный оборот новые источники и новые подходы. В полной мере можно согласиться с утверждением научного редактора сборника Яна Ровиньского (Варшавский университет): данная книга способствует преодолению серьезного пробела в исторической науке. Значимость усилий авторского коллектива тем более бесспорна, что события 1956 г. представляют далеко не чисто академический интерес, ибо они положили начало процессам, которые изменили облик современного мира.

Н. В. Шведова
(Москва)

Конференция «Славянский мир в глазах России»

22–23 января 2008 г. в Институте славяноведения состоялась конференция «Славянский мир в глазах России». Организованная Центром истории славянских литератур, она вызвала большой интерес не только со стороны специалистов нашего Института — литературоведов, историков, культурологов, но и других научных учреждений Москвы: сотрудников Института искусствознания и преподавателей гуманитарных факультетов МГУ.

Открыл заседание заведующий Отделом истории славянских литератур д-р филол. наук, проф. *В. А. Хорев*. Он подчеркнул, что конференция вписывается в русло имагологических исследований, весьма популярных в современной гуманитарной науке и успешно осуществляемых в Институте славяноведения в последние годы. Только в 2007 г. в Отделе истории славянских литератур вышли коллективные труды «Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре», «XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских», «Россия в глазах славянского мира», проведена международная конференция «Русская культура в польском сознании». Конференция «Славянский мир в глазах России» продолжает разработку проблематики взаимного видения народов, сосредоточившись на историческом опыте восприятия славянского мира русской культурой. Подобного рода исследования способствуют более глубокому взаимопониманию между народами, а тем самым преодолению устоявшихся схем, взаимных претензий, негативных стереотипов.

Руководитель Центра истории славянских литератур д-р филол. наук *Л. Н. Будагова* ввела январскую конференцию в контекст компаративистических исследований, проводимых специалистами Центра. Преобладающее внимание к проблеме рецепции славянами русской культуры не должно, по ее мнению, ослаблять исследований обратного интереса россиян к славянским народам: в ситуации проявления русофобских настроений в мире важно заново напомнить о той роли, которую сыграла Россия в развитии, изучении и популяризации славянских культур, не идеализируя, не преувеличивая, но и не преуменьшая эту роль. Тематическая пестрота докладов конференции (систематизированных по национально-хронологическому

принципу) отражает, как было подчеркнуто Л. Н. Будаговой, богатство и сложность поднятой проблемы и очерчивает — далеко не полностью — тот широчайший круг аспектов и возможностей, которые она дает исследователям.

В. А. Хорев в докладе «О мифологии восприятия Польши в России» говорил, что в России «Европа» зачастую отождествлялась с западной, «латинской» Европой, ближайшей представительницей которой является Польша. Уже в XVI в. наряду с противопоставлением православной Руси «вероотступнической» католической Польше в русском сознании стал складываться и иной образ Польши — свободной и просвещенной страны. В XVIII и XIX вв. Польша оставалась для образованных русских людей своеобразным раздражителем: для одних она была аванпостом западноевропейской цивилизации, для других — олицетворением «латинской ереси». И те и другие представления о Польше имели мифологический характер. Но определяющим фактором европеизма являются итоги духовного развития нации, ее литературы и культуры, ориентация на общие для европейцев культурные и нравственные ценности. В XIX в. русское искусство завоевало передовые позиции в Европе и мире. После 1917 г. Россию от Европы на семьдесят лет отделил «железный занавес», и для многих русских интеллигентов Польша была представительницей цивилизованного мира. Пик популярности в России польской поэзии, кино, театра, живописи приходится на 1960–1970-е гг. «Польский миф» и сопряженный с ним «миф Европы» до конца XX в. оставались в России одними из центральных историко-культурных мифов. Он свидетельствует о том, что на пути приобщения России к европейской цивилизации Польша сыграла немалую роль.

Канд. иск. *А. А. Стригалева* (Ин-т искусствознания) рассматривал «польские фрагменты» книги П. А. Толстого о его путешествии в Италию в 1697–1699 гг. Автор — крупный исторический деятель, зоркий, умный и образованный наблюдатель — оставил оригинальные описания ряда польских городов: их планировки, архитектуры, культовых и гражданских сооружений, интерьеров, искусства садов, достопримечательностей, а также образа жизни, быта, религиозных служб разных конфессий и других ритуалов и пр. Одновременно он считал, что знакомство с Польшей подготавливает его к предстоящему практическому вхождению в западноевропейский мир. Труд П. А. Толстого сохраняет значение важного исторического источника и может рассматриваться как ранний пример возникновения научного жанра в русской литературе.

В докладе канд. филол. наук *В. В. Мочаловой* анализировались три взгляда выдающихся представителей русской науки и культуры на так называемый польский вопрос. С. Соловьев в своем историческом труде о падении Польши (1863) подходил к этой проблеме с точки зрения борьбы

различных сил, католичества и православия. Его сын, В. Соловьев, в работах «Славянский вопрос» (1884), «Русская идея» (1888) и в речи к столетию А. Мицкевича (1898) рассматривал отношения России и Польши с позиции «вселенской церкви», как философ и теолог. Н. Бердяев в 1916 г. видел проблему как мистик и метафизик. Восприятие русскими мыслителями «польского вопроса» было равнозначно взгляду на Европу и католичество, но опосредовалось «славянской» оптикой. Сочетание родства с чуждостью придавало суждениям ученых особый драматизм.

Канд. ист. наук *М. Ю. Досталь* выступила с докладом «Метаморфозы в интерпретации творчества А. Мицкевича в советском литературоведении (1939–1949)». Она подчеркнула, что изменения в интерпретации творчества поэта наглядно характеризуют суть особого этапа, выделяемого ею в истории отечественного славяноведения, внутри которого существовали свои подпериоды. До Великой Отечественной войны особое внимание уделялось революционной, антимонархической и социальной направленности сочинений классика польской литературы согласно принципам марксистского литературоведения. В годы войны акцентировались национальные особенности творчества поэта, его общеславянская и антинемецкая направленность, связь с русской литературой. В короткий период до августовского партийного постановления 1946 г. продолжало культивироваться уважение к достижениям дореволюционного литературоведения, русоцентричность литературного процесса. Постепенно на первый план выдвигались и канонизировались суждения революционных демократов и приоритет реализма. С началом идеологических кампаний конца 1940-х гг. опять стали превалировать классовость, «большевистская партийность» в оценке литературы, отказ от объективизма, формализма и пр.

Доклад д-ра филол. наук *С. А. Шерлаимовой* был посвящен отношению Льва Толстого к Петру Хельчицкому — самобытному чешскому религиозному мыслителю XV в., страстному проповеднику непротивления злу насилием. Взгляды Хельчицкого выражены в его произведении «Сеть веры», написанном после 1440 г. Эта книга вобрала в себя как идущую от Яна Гуса критику церкви и тогдашнего общественного устройства, так и горький опыт опустошительной войны. Наряду с полемикой по религиозным вопросам она содержит сатирическое обличение власти римского папы, императора, дворянства, купечества, университетских магистров и прочих «мошенических сбродов», обязанных своим благополучием непосильному труду простого народа. Л. Толстой, ознакомившийся с «Сетью веры» в 1890-е гг., поместил в «Круге чтения» свою статью о Хельчицком и две выдержки из его книги. Он увидел в Хельчицком не только своего предшественника в исповедании ненасилия, но и высоко оценил его как художника. Для автора «Сети веры» был характерен этический подход к описываемым явлениям, что также не могло не импонировать Толстому.

Л. Н. Будагова в своем докладе «Чешская поэзия в России. XIX–XX вв.» сосредоточилась на эволюции представлений русской стороны о ценностях чешской культуры. В целом они отличались объективностью и рано открыли доступ в русскую литературу поэзии Я. Коллара, Ф. Л. Челаковского, К. Гавличека-Боровского и других признанных мастеров слова. В то же время имели место и расхождения с современностью. К ним относятся, например, популярность в России XIX в. нравоучительных стихов ныне забытого поэта-священника Б. Яблонского и равнодушие к творчеству К. Г. Махи, интерес к которому пробудился в России с большим опозданием. Если в XIX в. переводы с чешского выполняли информативно-просветительскую функцию, то в XX в., как показала Л. Н. Будагова, они обрели полифункциональность, способствуя самовыражению русских поэтов-переводчиков (К. Бальмонта и др.) и расширению стилиевой палитры современной русской поэзии (яркий пример — творчество Д. Самойлова).

Д-р филол. наук, проф. С. В. Никольский анализировал процесс освоения в нашей стране духовных ценностей литератур западных и южных славян главным образом на материале литератур Чехии и Словакии. Одним из основных достижений послевоенного периода стало создание обширного переводного фонда этих, как и других славянских, литератур, сделавшего их доступными для огромной читательской аудитории. В постсоветский период была проведена значительная работа по устранению лагун и пробелов, связанных с цензурными и идеологическими условиями советской эпохи. Параллельно происходило интенсивное наращивание и расширение знаний о зарубежных славянских литературах, их эстетических ценностях, писателях, что стало возможным благодаря возрождению захиревшей и практически исчезнувшей в 1920–1930-е гг. в результате политических преследований российской славистики. После войны она восстанавливалась почти заново. Одной из задач стало создание обобщающих трудов, дающих целостное представление о национальных литературах зарубежных славян и об истории их развития (академические и университетские истории чешской и словацкой литератур, восьмитомная «История всемирной литературы» (1983–1994), трехтомная «История литератур западных и южных славян» (1997–2001), двухтомная «История литератур стран Восточной Европы после Второй мировой войны» (1995–2001); материал зарубежных славянских литератур достойно включен в недавно вышедшие труды энциклопедического характера, посвященные экспрессионизму и сюрреализму в мировой литературе). Специфическим объектом изучения являются контакты с чешской и словацкой культурой и литературой российской эмиграции 1920–1930-х гг., в частности в антологии «Прага. Русский взгляд» (2003), подготовленной ВГБИЛ.

Студентка 4-го курса филфака МГУ Е. А. Демиденко, слушательница спецкурса Л. Н. Будаговой «Модерн и авангард в поэзии западных и южных

славян» (февраль–май 2007), выступила с докладом «Й. С. Махар в восприятии современного русского читателя», показав глубокую связь чешского поэта с русской литературой и тонко проанализировав перевод его стихотворения «Гурзуф», посвященного Пушкину и вызывающего ассоциации с поэзией Лермонтова, которым Махар увлекался, и А. Ахматовой, которую тот не знал.

Аспирантка Л. Н. Будаговой *А. А. Тюрина* сделала доклад «Личность и творчество Я. Мукаржовского в российском литературоведении». На виднейшего представителя чешского литературоведческого структурализма повлияли работы членов Московского лингвистического кружка и формальная теория ОПОЯЗа. После смены режима в Чехословакии в 1948 г. структурализм объявили «буржуазной наукой», поэтому работы Мукаржовского в СССР были известны только узкому кругу исследователей. В 90-е гг. XX в. и в Чехии, и в России были изданы два сборника работ Я. Мукаржовского на русском языке с предисловием Ю. Лотмана, довольно полно отражающие взгляды ученого. Крупных исследований его научного наследия на русском пока нет.

Канд. филол. наук *И. А. Герчикова* в докладе «Чешская драматургия на русской сцене» проследила судьбу пьес П. Когоута, В. Гавела, И. Губача, П. Ландовского, Я. Дрды в театрах послевоенной России. В период социализма существовали политико-идеологические препятствия для распространения чешской литературы, хотя пьесы Когоута широко ставились еще до 1968 г. Уже в 1990 г. на русском вышли пьесы В. Гавела, на них обратили внимание режиссеры. Однако, как показала И. А. Герчикова, политизированные пьесы Гавела и Когоута в 1990–2000 гг. не имели успеха у зрителей и критиков России. В то же время более классические и «бесхитростные» пьесы Губача оказались наиболее востребованными в российских театрах («Незрелая малина», «Корсиканка»).

В докладе д-ра филол. наук *А. Г. Машиковой* (МГУ) «Российские слависты XIX в. о всеславянской идее Я. Коллара и Л. Штура» речь шла об особенностях трактовки словацкими поэтами и учеными идеи славянской взаимности и об отношении к их позиции русских славистов А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича, А. С. Будиловича, В. И. Ламанского, Т. Д. Флоринского и др. При этом были вскрыты отличия в понимании этой идеи Колларом и Штуром. Особое внимание докладчик обратил на ныне практически забытые работы Будиловича о Колларе.

Канд. филол. наук *Л. Ф. Широкова* в докладе «Словацкие пьесы на русской сцене» представила три аспекта темы: переводы словацкой драматургии на русский язык, творческие судьбы драматургов П. Карваша и О. Заградника, особенности постановки их пьес в Москве. Произведения словацкой драматургии переводились и публиковались в нашей стране, особенно интенсивно — в 50–80-е гг. XX в. (в их числе — пьесы И. Стодолы,

П. Карваша, И. Буковчана, Я. Соловича, О. Заградника). Некоторые из них ставились на сценах театров Москвы, Ленинграда и других городов страны.

Д-р ист. наук *А. Л. Шемякин* в докладе «Относительность самооценок: сербский крестьянин глазами русских» остановился на двух стереотипах: о бедности и упадке сербского села XIX — начала XX в. и о том, что независимую Сербию (особенно в период 1903–1914 гг.) называют «современным европейским государством». Зафиксированные свидетельства русских путешественников (П. А. Ровинского, Н. Р. Овсяного, П. А. Кулаковского, Л. Д. Троцкого и др.) позволили серьезно скорректировать подобные оценки. Оказалось, что, в сравнении с русским крестьянином, его сербский собрат «богат и патриархален» (А. В. Амфитеатров), а в стране нет «бедных, нищих и безземельных» (Н. В. Чарыков). Не была Сербия и «современным европейским государством», хотя бы в силу прочного традиционного сознания, сложившегося в патриархальном сербском социуме, консервации которого способствовали почти не менявшиеся архаичные формы и условия его существования. За квазиевропейским институциональным фасадом (парламентская монархия) скрывались глубоко патриархальные навыки и подходы.

В центре доклада канд. филол. наук *Р. Ф. Дорониной* «Сербистика в российском литературоведении после 1945 г.» — двусторонний проект Института славяноведения РАН и Матицы Сербской (Нови Сад, Сербия) «Русско-сербские литературные и культурные связи». Книги издавались поочередно — в Москве (на русском) и в Нови Саде (на сербском). Публикации (четыре книги за 1975–1993 гг.; пятая — в печати) основаны на богатом материале и охватывают широкий круг проблем. Рассматриваются общие процессы литературного развития, явления, синтезировавшие специфику развития сербско-русских литературных контактов, восприятие и творческое освоение русского литературного опыта, роль личных контактов и т. д. Отдав должное высокому уровню литературоведческой русистики в Сербии, докладчик сконцентрировал внимание на работах российских исследователей и, в частности, на непростых условиях, в которых развивалась югославистика в нашем литературоведении вследствие сложных советско-югославских отношений послевоенного времени и других факторов.

Д-р ист. наук, проф. *Л. П. Лантева* (МГУ) рассказала о путешествии по славянским странам Адриатического побережья, совершенном в 1897 г. проф. Юрьевского университета Е. В. Петуховым (1859–1948) и описанном им в газете «Рижский вестник». Сведения Петухова содержат много нового материала о жизни южных славян за 20 лет, прошедших после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Канд. филол. наук *Н. В. Шведова* в докладе «Славянские страницы журнала „Меценат и Мир“» обобщила материал публикаций этого литератур-

но-художественного и культурологического издания за 2000–2007 гг. Журнал уделяет большое внимание культуре, истории и искусству славянских стран, прежде всего Словакии, Чехии и Польши, которым посвящены обширные разделы. В нем печатаются такие известные слависты из институтов РАН и МГУ, как С. В. Никольский, В. А. Хорев, Э. Г. Задорожнюк, А. Г. Машкова, А. Б. Базилевский и др. В журнале представлена панорама словацкой художественной литературы всего XX в., обычно в переводах, сделанных славистами специально для данного издания. Деятельность его высоко оценивают, в частности, в Словакии. Воплощая принципы объединения людей, журнал уникален как пропагандист славянских культур в России.

Канд. филол. наук *Л. К. Гаврюшина* проанализировала труд русского книжника Ф. Дм. Батюшкова «Спор души с телом в памятниках средневековой литературы» с точки зрения заключенного в нем сербского, чешского (в контексте мировой литературной традиции) и русского материала (консерватизм, опора на отцов церкви).

Темой доклада канд. филол. наук *М. Г. Смольяниновой* стала деятельность зачинателя отечественной болгаристики Ю. И. Венелина (1802–1839). Он совершил первое ученое путешествие в Болгарию в 1830–1831 гг. на средства Российской Академии. Его труды «Древняя и нынешняя Болгария в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (1829–1841), «О характере народных песен у славян задунайских» (1835), «О зародыше новой болгарской литературы» (1838) и другие сыграли большую роль в пробуждении национального самосознания болгар в эпоху национального возрождения, в развитии болгарской исторической науки, филологии, фольклористики, этнографии, способствовали укреплению русско-болгарских культурных связей.

В докладе д-ра филол. наук, проф. *И. И. Калиганова* «Болгария и болгары глазами русских в XIX веке» подчеркивалось, что представления русских об этом южнославянском народе претерпели существенную эволюцию: от идеалистически-романтических (Ю. И. Венелин, И. С. Тургенев и др.), обязанных в первую очередь заочному характеру знакомства с болгарями, до живых непосредственных впечатлений, полученных в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Анализируя репортажи военных корреспондентов В. В. Крестовского и В. И. Немировича-Данченко, докладчик акцентировал внимание не столько на героизме болгарских ополченцев и радушии болгар при встрече с русскими освободителями (о чем раньше уже много писалось), сколько на том отрицательном, что могли уловить глаза русских в характере и поведении болгар в тот период.

Доклад канд. иск. *В. Н. Федотовой* (Ин-т искусствознания) опирался на воспоминания и письма русских художников о событиях русско-турецкой войны в Болгарии. Многие из этих живописцев (Верещагин, Маковский, Мясоедов и др.) посвятили им свои произведения, что стало не только за-

метным явлением искусства, но и ценным документальным свидетельством общих страниц русской и болгарской истории. В. Н. Федотова привлекла детские впечатления А. Бенуа, по которым можно было судить о настроениях в русском обществе того времени, остановилась на событиях театральной жизни России, в частности на постановках балетов на болгарскую тематику, подчеркнула трагизм полотен Верещагина, раскрывавших нелицеприятную правду войны и вызвавших недовольство властей.

Канд. филол. наук *Ю. В. Богданов* также обратился к перипетиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которые нашли отражение и в творчестве, и в художественной публицистике выдающихся русских писателей. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» с воодушевлением приветствовал благородные и бескорыстные цели этой войны, отвечающие естественному чувству справедливости и поэтому дружно поддержанные русским народом. М. Е. Салтыков-Щедрин, отдавая должное подвигу простого русского солдата, не разделял упований Достоевского на общий оздоровительный для России эффект войны. В цикле очерков «Отголоски» он саркастически отразил неприглядную изнанку войны: меркантильно-казенный характер ликования в обществе и повсеместных поборов-пожертвований на нужды войны, разгул спекуляций и мошенничества на поставках в армию и т. п. При всем различии позиций оба писателя сходятся, однако, в высокой оценке самоотверженности, «подвига» (Щедрин) русских людей в войне 1877–1878 гг., в результате чего самодержавная Россия парадоксально преобразилась в страну-освободительницу.

Доклад д-ра филол. наук *Г. Д. Гачева* был посвящен образу болгарина в восприятии И. С. Тургенева («западника») и К. Леонтьева («славянофила»). В романе «Накануне» (1858) Тургенев на фоне «безвременья» 40–50-х гг. XIX в. рисует образ «человека, который скажет заветное слово „Вперед!“». К. Леонтьев в труде «Византизм и Славянство» (1875) описывает, как, будучи в Константинополе, наблюдал «практических» болгар — торговцев буржуазной, западнической ориентации. Движение болгар за национальную церковь он рассматривает, исходя из интересов единства православия, и оценивает негативно. В книге содержатся яркие характеристики народной психологии болгар в сравнении с русскими, греками, чехами.

Канд. филол. наук *Н. Н. Пономарева* в докладе «Болгарская драматургия 60–80-х годов XX в. в Советском Союзе» отметила, что культурные связи второй половины века между Болгарией и Советским Союзом были очень тесными и плодотворными. Пьесы болгарских авторов привлекали внимание лучших театров страны. Этому способствовали три Фестиваля болгарского драматического искусства, заключительные этапы которых прошли в 1969, 1978 и 1988 гг. в Москве. Наибольшим успехом пользовались комедии. Болгарская комедиография привлекала советских режиссеров использованием разнообразных средств комического — от шаржа,

фарса, буффонады до сатиры, гиперболы, абсурда, гротеска, пародии, фантастических преувеличений и т. д.

Совместный доклад канд. филол. наук *Ю. А. Созиной* и канд. филол. наук *Т. И. Чепелевской* «Словенская культура в России. 1990–2008 гг.» на основе богатого фактического материала представил слушателям результаты анализа работ, посвященных культуре Словении и появившихся в России в указанный период. Отметив значительное увеличение числа отечественных и зарубежных научных работ по словенской проблематике, публикуемых в России на русском языке, авторы доклада проследили определенные тенденции в развитии российской словенистики — в частности переход к двусторонним и многосторонним проектам. Активно развиваются литературоведение, историческая наука, культурология при некотором спаде в области лингвистики.

Подводя итоги конференции, которая является подготовительным этапом для создания коллективного труда «Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественных произведениях, документальной и научной литературе», *Л. Н. Будагова* обозначила основные проблемы, вокруг которых группировалось большинство докладов: острота русско-польских отношений, малоизвестные реалии русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освоения ценностей культуры западных и южных славян в царской, советской и постсоветской России.

Конференция вызвала и оправдала большой интерес к теме обсуждений не только специалистов, но и посетивших ее работников библиотеки им. Некрасова, слушателей Народных университетов и других заинтересованных лиц.

Содержание

От редколлегии.....	5
---------------------	---

Пленарное заседание

<i>Н. Н. Запольская</i> (Москва). Графико-орфографические представления Крижанича	6
<i>Г. П. Мельников</i> (Москва). История славянских культур: актуальные проблемы	26

История

<i>В. Матула</i> (Братислава) Славянский характер словацкой политики в революции 1848–1849 гг.	32
Протоиерей <i>Николай Ким</i> (Будапешт). История русской духовной миссии в Венгрии. Судьба храма в Иреме и преемственность священства	45
<i>Л. М. Аржакова</i> (С.-Петербург). Н. Я. Данилевский и его современники о месте поляков в славянском мире	69
<i>С. Елдыров</i> (София). Крунослав Геруц (1859–1929) — «посредник» между тремя славянскими культурами	81
<i>Л. П. Лаптева</i> (Москва). Жизненный путь и творческая деятельность историка-слависта А. Н. Ясинского	97
<i>И. Г. Воробьева, Н. В. Штыков</i> (Тверь, С.-Петербург). Славист К. Я. Грот и исследователь Тверского края А. К. Жизневский (по данным переписки)	149
<i>Е. А. Макарова</i> (Тверь). «Третье поколение» российских славистов в Славянской комиссии Московского университета	165
<i>М. А. Робинсон</i> (Москва). М. С. Грушевский и русская академическая элита	177
<i>В. В. Бурега</i> (Киев). Чехословацкое государство и православное движение в Подкарпатской Руси (1919–1922)	207
<i>М. Ю. Досталь</i> (Москва). Изучение славяно-византийских отношений в отечественной историографии в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы	220
<i>Н. В. Середя</i> (Тверь) Пожар в городе: следствие и суд в поисках причин и виновников	232

История культуры

<i>О. В. Белова</i> (Москва). «Рукописание Адама» в книжной и устной традиции славян. К вопросу о трансформации мотивов..	241
<i>А. Н. Горяинов</i> (Москва). Об одном машинописном гимназическом журнале 1917 года	253

<i>Н. Н. Старикова</i> (Москва). Словенская историческая проза второй половины XIX в. Особенности формирования и развития	263
<i>Ю. А. Созина</i> (Москва). Поэтическое и духовное наследие А. С. Хомякова в словенской периодике второй половины XIX — первой половины XX в.	275
<i>Л. Ю. Аристова</i> (Москва). Сербские книги в Славянской учебной библиотеке О. М. Бодянского.....	288
<i>А. А. Плотникова</i> (Москва). <i>Идти по следу</i> в базе данных «Полесский архив»	295
<i>Е. С. Узенева</i> (Москва). Свадебный обряд русских старообрядцев Болгарии	305
<i>Т. Л. Воронин</i> (Москва). О некоторых особенностях исповедального лиризма в писаниях русских и сербских подвижников благочестия двадцатого столетия	312

Языкознание

<i>Т. И. Вендина</i> (Москва). К проблеме интерпретации лингвистической карты	322
<i>Г. П. Пилипенко</i> (Москва). Языковая компетенция билингвов и культурологический аспект двуязычия	334
<i>И. М. Ганжина</i> (Тверь). Средневековые антропонимы в контексте народной культуры: прозвища, отражающие отношение человека к труду	348

Публикации

Эмигрантский дневник Д. В. Скрынченко (Вступительное слово <i>В. Б. Колмакова</i> (Воронеж), комментарии <i>А. Б. Арсеньева</i> (Нови-Сад), <i>В. Б. Колмакова</i> , <i>В. А. Скрынченко</i> (Киев)).....	355
<i>Т. В. Волокитина</i> (Москва). «Вопрос о предоставлении Румынии нового кредита требует серьезного изучения...» (Советско-румынские переговоры в Москве. Январь-февраль 1954 г.).....	372

Рецензии

<i>Л. С. Лыкошина</i> (Москва). «Польский Октябрь» как системный кризис... 392	392
--	-----

Хроника

<i>Н. В. Шведова</i> (Москва). Конференция «Славянский мир в глазах России»	397
---	-----

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ АЛЬМАНАХ

2008

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Л. Е. Коритысская*

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
25,5 п. л. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6